ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1956

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с августа 1849 по июнь 1851 года. Основное внимание Маркса и Энгельса в этот период было направлено на теоретическое обобщение опыта революционных боев 1848—1849 гг. во Франции и Германии, на дальнейшую разработку тактики пролетариата, на борьбу за создание самостоятельной, независимой от мелкобуржуазных демократов, партии рабочего класса.

По приезде, в конце августа 1849 г., в Лондон, где вскоре собралось большинство членов прежнего Центрального комитета Союза коммунистов, Маркс вместе с ними приступил к реорганизации Союза и его Центрального комитета. В состав Центрального комитета вошел и Энгельс, приехавший в ноябре 1849 г. в Лондон. Маркс и Энгельс развертывают большую деятельность по укреплению пролетарской партии: они стремятся оживить работу Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, руководящим ядром которого были местные общины Союза коммунистов; входят в состав созданного этим обществом Социал-демократического комитета помощи немецким эмигрантам (см. документы этого комитета в приложениях к данному тому), добиваясь таким путем сплочения революционной эмиграции вокруг Союза коммунистов. Маркс в Энгельс устанавливают тесный контакт с революционными деятелями пролетарского движения других стран, с французскими эмигрантами-бланкистами, а также с английскими левыми чартистами, и осенью 1850 г. вместе с ними создают «Всемирное общество коммунистов-революционеров».

Важнейшим средством в деле укрепления пролетарской партии Маркс и Энгельс считали создание печатного органа, который был бы продолжением славной «Neue Rheinische Zeitung». Таким органом явился журнал «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», начавший выходить под редакцией К. Маркса с января 1850 г. в Гамбурге.

В «Извещении» о выходе журнала, которым открывается настоящий том, Маркс и Энгельс определили задачи нового органа — «уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обусловливают существование и борьбу этих партий».

Произведения Маркса и Энгельса, напечатанные в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», составляют один из важнейших этапов в развитии марксистской теории и тактики.

В опубликованной в этом журнале работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс дал никем не превзойденный анализ причин, характера и конкретного хода революционных событий во Франции. Если, как указывал Энгельс в 1895 г. в введении к этой работе Маркса, в «Манифесте Коммунистической партии» материалистическое понимание истории было применено в общих чертах ко всей новой истории; если в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс пользовались этой теорией для объяснения текущих политических событий, то здесь впервые Маркс поставил себе задачу «на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, стало быть, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 91). Важнейшие положения исторического материализма: взаимоотношение базиса и надстройки, роль борьбы классов, партий и идей в развитии общества, роль государства и его различных форм, великое значение революционных преобразований в истории человечества — все это получило свою конкретизацию и дальнейшее развитие в этом произведении Маркса.

На основе практического опыта революционной борьбы масс Маркс развил в «Классовой борьбе во Франции» свою теорию революции и диктатуры пролетариата. Он показал, что революции являются «локомотивами истории», ускоряющими ход ее развития, раскрывающими могучие творческие силы народных масс, и что решающей силой революций XIX века является пролетариат. Доказывая необходимость завоевания рабочим классом политической власти, Маркс впервые употребляет

здесь классический термин «диктатура пролетариата» и раскрывает политические, экономические и идеологические задачи этой диктатуры. Говоря о коренном отличии революционного социализма, коммунизма от обанкротившихся в ходе революции мелкобуржуазных утопических теорий, Маркс так характеризует его основные особенности: «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще,* к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях вытекающих из этих общественных отношений» (см. настоящий том, стр. 91). Это классическое определение Маркса вошло в сокровищницу человеческой мысли как одно из краеугольных положений научного коммунизма.

В «Классовой борьбе во Франции», как указывал Энгельс, впервые дана строго научная формула, в которой кратко выражена историческая задача пролетариата в деле экономического преобразования общества: «присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения» (см. настоящий том, стр. 40). Этой формулой научный коммунизм резко противопоставил себя всем разновидностям домарксовского социализма, а также утопическому коммунизму с его туманным требованием «общности имуществ».

Большое место в этом произведении Маркса отведено анализу положения и роли крестьянства, его взаимоотношений с пролетариатом. Маркс показал, что эксплуатация, которой подвергается французское крестьянство, отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по *форме,* что эксплуататор у них один и тот же — капитал. Своего подлинного защитника и союзника крестьянство находит в лице пролетариата, так как «только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» (см. настоящий том, стр. 86), Так на опыте классовой борьбы во Франции Маркс приходит к важнейшему теоретическому и политическому выводу о необходимости союза пролетариата с крестьянством.

Работа Маркса «Классовая борьба во Франции» вошла в историю как классическое произведение научного коммунизма. Однако, как это отмечал Энгельс в 1895 г. в своем введении

к этой работе, в ней сказалась преувеличенная оценка зрелости капитализма и революционных возможностей французского пролетариата, откуда вытекало неверное представление о непосредственной близости социалистической революции. «История показала, — писал Энгельс, — что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 97). Капиталистическое производство обладало тогда еще большой способностью к расширению и в целом развивалось еще по восходящей линии. Эта переоценка объективных и субъективных предпосылок пролетарской революции характерна и для написанного Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов» и для некоторых других произведений Маркса и Энгельса этого периода. Говоря о такого рода ошибках Маркса и Энгельса в определении близости революции, В. И. Ленин писал: «Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее,* чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» будней» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 337—338).

Если в «Классовой борьбе во Франции» дано теоретическое обобщение опыта французской революции, то опыт германской революции 1848—1849 гг. обобщен в мартовском «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» и в таких произведениях Ф. Энгельса как «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии».

«Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», написанное Марксом и Энгельсом в марте 1850 г., является одним из важнейших документов научного коммунизма. В. И. Ленин считал это произведение «чрезвычайно интересным и поучительным» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 433). В «Обращении» Маркс и Энгельс показали, что в ходе революции теоретические положения, развитые в «Манифесте Коммунистической партии», получили полное подтверждение. Вместе с тем в «Обращении» освещаются и новые вопросы, выдвинутые революционной борьбой пролетариата, опытом революции 1848—1849 гг., делается значительный шаг вперед

в разработке программы и тактики революционного пролетариата.

Ожидая в скором времени нового подъема революции, который должен сначала привести к власти мелкобуржуазных демократов, Маркс и Энгельс разъясняют в «Обращении» тактику пролетарской партии в отношении мелкобуржуазной демократии. Они доказывают неспособность мелкобуржуазных демократов довести революцию до конца и настоятельную необходимость освободить германский пролетариат из-под их влияния. Продолжая намеченную с весны 1849 г. линию на организационное обособление пролетариата от мелкобуржуазной демократии, Маркс и Энгельс с особой силой подчеркивают в «Обращении» необходимость для рабочей партии выступить в предстоящей революции наиболее самостоятельно и наиболее организованно. Первоочередной задачей Союза коммунистов, указывали Маркс и Энгельс, является создание в Германии тайной и легальной организации рабочей партии, превращение каждой тайной общины Союза в центр и ядро открытых рабочих союзов, в которых позиции и интересы рабочих обсуждались бы независимо от буржуазных влияний. Чуждые всякому сектантству, Маркс и Энгельс разъясняют, что пролетарская партия должна вместе с мелкобуржуазными демократами бороться против реакции, вступать с ними во временные союзы, но в то же время сохранять и укреплять свою самостоятельную организацию, проводить независимую от мелкобуржуазной демократии революционную политику.

Основная руководящая идея, сформулированная основоположниками марксизма в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», это — идея непрерывной революции. Учение о непрерывной революции, исходные положения которого содержатся уже в ряде статей Маркса и Энгельса в «Neue Rheinische Zeitung» за 1848—1849 гг., было развито и в их произведениях, включенных в настоящий том, в частности в «Классовой борьбе во Франции». Наиболее развернутую формулировку это учение получило в «Обращении Центрального комитета *к* Союзу коммунистов». В то время, как мелкобуржуазные демократы, — пишут Маркс и Энгельс в этом Документе, — стремятся поскорее закончить революцию, ограничив ее размах завоеванием небольших буржуазных реформ, пролетарская партия стремится к тому, чтобы «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее Имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствую-

щих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» (см. настоящий том, стр. 261). Чтобы обеспечить победу непрерывной революции, рабочие должны рядом с новыми официальными правительствами создавать свои «собственные революционные рабочие правительства» в виде органов самоуправления или рабочих клубов и комитетов; они должны поставить буржуазно-демократические правительства под контроль рабочих масс. Необходимое условие дальнейшего развития революции Маркс и Энгельс видели в вооружении рабочих, в организации самостоятельной пролетарской гвардии.

В новых исторических условиях, в эпоху империализма и пролетарских революций, Ленин развил учение Маркса о непрерывной революции в теорию перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую и на основе опыта борьбы рабочего класса России и других стран разработал новую теорию социалистической революции. Коммунистическая партия Советского Союза отстояла ленинскую теорию социалистической революции, идейно разгромив троцкистов, которые искажали учение Маркса о непрерывной революции в целях борьбы против ленинской теории о возможности победы социализма первоначально в одной стране.

В тесной органической связи с мартовским «Обращением» находится включенное в настоящий том июньское «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», также проникнутое идеей необходимости скорейшего создания «сильной тайной организации революционной партии по всей Германии»; в этом документе дана детальная характеристика положения Союза и определено .его отношение к отдельным группам немецких мелкобуржуазных демократов.

Работа Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» является не только историческим исследованием, но одновременно и рассказом очевидца, живым свидетельством активного участника описываемых событий. Глубокий анализ причин движения и позиций классов и партий сочетается здесь с ярким описанием отдельных эпизодов кампании и меткими характеристиками различных ее деятелей. Энгельс бичует здесь лидеров немецкой мелкобуржуазной демократии за подмену революционных действий высокопарной

фразой, за постоянную нерешительность, за то, что в решающий момент борьбы они проявляли колебания и тем самым предавали революционное движение. В этом произведении обобщен опыт борьбы народных масс на последнем этапе германской революции 1848—1849 гг. и содержится ряд важных положений о тактике революционной партии в вооруженном восстании и гражданской войне.

Исторический труд Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» также связан с задачей обобщения опыта германской революции 1848—1849 годов. «Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг., —писал впоследствии Ф. Энгельс, — слишком бросалась в глаза, чтобы я мог тогда совершенно отказаться от нее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 593). Анализируя революционные события в Германии XVI века, Энгельс сделал ряд важных выводов из истории Крестьянской войны, и из опыта германской революции 1848—1849 годов. Он показал, что главная причина неудачи этих двух крупнейших движений германского народа заключается в предательской позиции немецкого бюргерства в XVI веке и немецкой буржуазии в XIX веке. Как подчеркивал В. И. Ленин, Энгельс отметил также и другую общую особенность, свойственную этим движениям, а именно «разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 181). Это послужило одной из причин слабости революционных классов и их поражения в обеих исторических битвах германского народа. Вместе с тем Энгельс подчеркивает и существенное различие этих двух движений, связанное с различием исторических эпох.

Обращение Энгельса к одному из наиболее ярких эпизодов революционной борьбы в Германии было вызвано также желанием, в обстановке усталости и разочарования, воцарившихся в Германии, оживить в памяти народа его революционно-освободительные традиции. Энгельс мастерски обрисовывает в своей работе мощные фигуры боевых руководителей революционного крестьянства и плебейства XVI века и показывает, какая могучая революционная энергия таится в крестьянских массах. Вместе с тем Энгельс вскрывает характерные особенности крестьянства, не позволяющие ему самостоятельно довести свою борьбу до победного конца. Все содержание работы Энгельса служит доказательством необходимости использования революционных возможностей крестьянства, огромного значения его союза с пролетариатом.

«Крестьянская война в Германии» является ярким образцом материалистического анализа целого периода истории Германии, анализа, в котором органически сочетаются теоретическая глубина обобщений с политической остротой выводов. Не претендуя на самостоятельное исследование источников (весь фактический материал взят из книги немецкого историка В. Циммермана), Энгельс первый в исторической литературе раскрыл социально-экономические причины Реформации и Крестьянской войны, классовую сущность происходившей в то время политической и религиозной борьбы, в которой немецкие буржуазные историки-идеалисты усматривали «одни только яростные богословские перебранки» (см. настоящий том, стр. 359).

Значительное место в настоящем томе занимает группа рецензий и критических статей, в которых Маркс и Энгельс выступают против идейных противников революционного пролетариата, обнажают классовую сущность их позиций, подвергают резкой критике их обветшалый идеологический арсенал, их методы борьбы против революционного движения.

В рецензии на брошюру Гизо «Почему удалась английская революция?» показано, что даже некогда прогрессивные буржуазные историки, оказавшись перед лицом острых классовых боев и революций, в страхе перед ними утрачивают всякую способность к пониманию истории и тем самым как ученые обнаруживают свое банкротство. Так, Гизо, стремясь оправдать свою политическую деятельность, отказывается от классового анализа исторических событий и подменяет научное исследование идеалистической, политической и религиозной, фразеологией. В рецензии на брошюру Гизо дана классическая характеристика английской буржуазной революции XVII века и ее социальных предпосылок, показано ее общеевропейское значение и отличие ее от французской буржуазной революции конца XVIII века.

Судьбу Гизо разделил и другой видный идеолог господствующих классов, представитель феодального социализма — Томас Карлейль. Если раньше Карлейль своей борьбой против английской прозаически-торгашеской буржуазии, своей защитой французской буржуазной революции 1789 года и чартизма сыграл известную положительную роль, то в период революции 1848 года и после нее он выступил как ярый враг революции и демократии. В рецензии на «Современные памфлеты» Т. Карлейля подвергается резкой критике его субъективно-идеалистическая теория, в особенности пропагандируемый им «культ героев». Здесь показано, как под флагом культа личности, почитания героев, Карлейль оправдывает и даже

усугубляет все гнусности буржуазии. Высокопарные фразы служат ему в конечном счете для того, чтобы оправдать угнетение и порабощение народных масс, которым он отказывает в какой бы то ни было исторической роли. В противовес субъективно-идеалистическим воззрениям Карлейля основоположники марксизма отстаивают в этой рецензии материалистическое понимание истории и подчеркивают великую творческую роль народных масс в историческом развитии.

Субъективно-идеалистический культ личности был довольно широко распространен и среди мелкобуржуазных демократов, среди их историков и публицистов; он пользовался известным влиянием и в первых пролетарско-социалистических организациях среди приверженцев Кабе, Вейтлинга и других социалистов-утопистов. Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против культа личности, который препятствовал классовой организации рабочих и развертыванию их самодеятельности. В рецензии на клеветнические памфлеты двух французских полицейских провокаторов — А. Шеню и Л. Делаода — основоположники марксизма пишут: «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения» (см. настоящий том, стр. 280). В этой рецензии подвергается также резкой критике заговорщичество и сектантство и вскрывается отрицательная роль этих явлений в рабочем движении. Заговорщики, подчеркивается здесь, стремятся не к организации революционного пролетариата, а к тому, чтобы искусственно ускорять революционное развитие, «делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора» (см. настоящий том, стр. 287—288). Это — алхимики революции, которые относятся нигилистически к революционной теории и пренебрегают задачей формирования классового сознания пролетариата.

Сектантские, заговорщические элементы, против которых были направлены эти глубокие теоретические положения, были еще сильны и внутри Союза коммунистов и в скором времени привели к его расколу; эта критика заговорщичества и сек-

тантства имела, следовательно, весьма актуальное значение и для Союза.

В ряде рецензий и критических- заметок, помещенных в настоящем томе, Маркс и Энгельс подвергают критике лидеров и идеологов немецких мелкобуржуазных демократов (Л. Симона, Г. Кинкеля и др.). На конкретных примерах Маркс и Энгельс показывают дряблость немецкой мелкобуржуазной демократии и раскрывают значение критики как средства укрепления революционной партии. В статье «Готфрид Кинкель» основоположники марксизма отстаивают мысль, что в момент решительной схватки между революцией и контрреволюцией народы «должны стать на сторону революции, кто бы ее ни представлял, — французы или китайцы». Это краеугольное положение революционной тактики Маркса и Энгельса, рассматривавших взаимоотношения между нациями под углом зрения интересов революции, привлекло особое внимание В. И. Ленина.

В рецензии на книгу Даумера вскрывается контрреволюционный характер жалкой компиляции, состоявшей из затасканных, пошлых афоризмов немецких филистеров, которую Даумер пытался выдать за «религию нового века». В этом наборе цитат из различных авторов, насквозь проникнутом пренебрежением к народным низам и страхом перед революцией, Маркс и Энгельс видели наглядное доказательство идейного банкротства напуганного революцией немецкого мещанства, а также немецкой идеалистической философии. Взгляды Даумера в известной мере предвосхитили позднейшее богостроительство, которое В. И. Ленин охарактеризовал как любовное самосозерцание тупого мещанства, как идеологию отчаявшихся и уставших мещан.

Вошедшая в состав настоящего тома рецензия на книгу Эмиля Жирардена «Социализм и налог» продолжает ту критику буржуазного социализма, которая дана Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». В рецензии высказаны глубокие мысли о сущности буржуазной налоговой системы, а также о происходящем в капиталистическом сельском хозяйстве круговом движении от концентрации к дроблению и от дробления к концентрации земельной собственности. Вместе с тем в рецензии дана острая критика буржуазно-анархистских идей, имевших тогда некоторое распространение' во Франции и в Германии. К этой статье примыкает незаконченная рукопись Энгельса «О лозунге отмены государства и о немецких «друзьях анархии»», предназначавшаяся для опубликования в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». Содержащаяся в этой рукописи критика анархистских

идей об «отмене государства» и анализ происхождения этих идей в Германии представляют большой теоретический интерес.

Статья Ф. Энгельса «Вопрос о десятичасовом рабочем дне», напечатанная в издававшемся Дж. Гарни журнале «Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature» и работа К. Маркса «Конституция французской республики», напечатанная в органе Э. Джонса «Notes to the People» являются свидетельством тесного сотрудничества Маркса и Энгельса с левыми чартистами. Маркс и Энгельс привлекли к сотрудничеству в этих органах и своих ближайших сторонников, чьи работы также составлялись при непосредственном участии Маркса и Энгельса. Целью этого сотрудничества являлась пропаганда идей «Манифеста Коммунистической партии» на страницах английской пролетарской печати, внедрение идей научного коммунизма в рабочее движение Англии.

В статье «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» Энгельс доказывает, что законодательное ограничение рабочего дня не следует рассматривать как конечную цель рабочего движения, что путем союза с реакционными противниками буржуазии никакое прочное улучшение положения рабочих не может быть достигнуто и что рабочий класс *«сам должен добыть его, прежде всего посредством завоевания политической власти»* (см. настоящий том, стр. 243). В этой работе Энгельса сказывается некоторая недооценка значения борьбы английского пролетариата за билль о десятичасовом рабочем дне и положительного влияния сокращенного рабочего дня на физическое и духовное развитие английских пролетариев. Более всесторонняя оценка этого закона и его значения для рабочего класса дана позднее Марксом в «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» и в первом томе «Капитала».

Статья Маркса «Французская конституция» публикуется на русском языке впервые; в ней дана глубокая критика буржуазной демократии. На примере французской конституции Маркс показывает, что широко афишируемые в буржуазных конституциях демократические права сопровождаются такими оговорками и ограничениями, которые сводят их на нет. Маркс отмечает и другую особенность буржуазного конституционализма — разрыв между зафиксированными в конституциях «свободами» и господствующей практикой.

Большой теоретический интерес представляют входящие в настоящий том международные обзоры, написанные Марксом и Энгельсом совместно. В них дан научный анализ важней-

ших текущих событий в экономической и политической жизни ряда стран и содержатся прогнозы, получившие подтверждение в ходе дальнейшего исторического развития. В частности, в первом международном обзоре, написанном в январе — феврале 1850 г., предсказывается новая война России против Турции и неизбежность превращения этой войны в европейскую. Здесь впервые показано значение открытия калифорнийских золотых приисков для экономического развития США, для всей мировой торговли и для победы крупного промышленного производства на европейском континенте. Подтвердился также прогноз Маркса и Энгельса, что по мере бурного роста экономического могущества США старые европейские капиталистические страны, как Англия и Франция, все больше будут впадать в зависимость от США. «Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны смогут не впасть в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция...» (см. настоящий том, стр. 233). Этого взгляда Энгельс придерживался до конца своей жизни, как это видно из его статьи «Выборы президента в Америке», написанной в 1892 году. В первом международном обзоре нашла свое выражение глубокая вера Маркса и Энгельса в грядущую победу революции в Китае.

В международных обзорах Маркс и Энгельс обосновали на опыте революции 1848 г. положение, выдвинутое в «Манифесте Коммунистической партии», что экономические кризисы являются одним из самых могучих рычагов революционного кризиса и что, с другой стороны, «возврат процветания надламывает революции и создает почву для победы реакции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, издание первое, т. XXVII, стр. 184). Если в первых двух международных обзорах еще проглядывает ожидание скорого экономического кризиса и связанного с ним нового революционного подъема, то в последнем обзоре (май — октябрь 1850) Маркс и Энгельс прямо заявляют, что капиталистические страны вступили в период промышленного процветания и что, следовательно, о новом подъеме революционного движения пока не может быть и речи. *«Новая революция возможна только вслед за новым кризисом»* (см. настоящий том, стр. 467).

Исходя из этого вывода, основоположники марксизма определили новую тактику Союза коммунистов и повели решительную борьбу против сектантских, заговорщических элементов, которые подменяли объективный анализ исторической обста-

новки идеалистически-волюнтаристскими воззрениями и толкали Союз на путь преждевременных выступлений и путчей. Борьба Маркса и Энгельса против авантюристской фракции Виллиха и Шаппера, которая в поисках союзников шла на беспринципные блоки с мелкобуржуазными лидерами, закончилась в сентябре 1850 г. расколом Союза коммунистов и исключением из него этой фракции.

Раскол Союза коммунистов повлек за собой выход Маркса, Энгельса и их сторонников из лондонского Просветительного общества немецких рабочих, ставшего в своем большинстве на сторону фракции Виллиха и Шаппера, и разрыв с французскими эмигрантами-бланкистами, в Лондоне (Адан, Видиль, Бартелеми), солидаризировавшимися с раскольниками. Борьбу основоположников марксизма против фракции Виллиха и Шаппера отражают включенные в настоящий том заявление Маркса и Энгельса о выходе из лондонского Просветительного общества, их письмо к Адану, Бартелеми и Видилю, а также помещенное в приложениях «Постановление Центрального комитета Союза коммунистов» от 15 сентября 1850 г. о перенесении местопребывания Центрального комитета в Кёльн и ряд других документов.

Вошедшая в состав настоящего тома рукопись Ф. Энгельса «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» была написана не для печати и являлась, по словам Энгельса, «некоторого рода упражнением для себя самого». В этой рукописи дан материалистический анализ развития военного дела европейских государств с конца XVIII века и характеристика их военно-экономического потенциала в середине XIX века. Энгельс высказал в этой рукописи ряд глубоких мыслей о путях развития военного искусства в армиях победившей пролетарской революции. Он указал, что эти армии будут обладать неслыханной мощью, так как в основе неуклонного роста их массовости, маневренности и ударной силы будет лежать гигантский рост производительных сил нового общества, расцвет техники и культуры.

Включенная в состав данного тома группа открытых писем и заявлений Маркса и Энгельса в редакции ряда газет отражает практическую деятельность Маркса и Энгельса в 1849—1851 годах по сплочению революционной эмиграции. Часть документов посвящена разоблачению системы шпионажа и преследований революционной эмиграции со стороны реакционно-абсолютистских и буржуазных правительств европейских государств.

* * *

В настоящий том включено 10 работ Маркса и Энгельса, не вошедших в состав первого издания Сочинений; некоторые из них лишь были приведены в предисловии к тому VIII (1930 г.) первого издания. Рецензия на книги А. Шеню и Л. Делаода печатается в полном виде, в отличие от сокращенной публикации ее в первом издании Сочинений.

В приложениях к тому помещены документы, в составлении которых принимали участие Маркс и Энгельс. Большинство этих материалов публикуется на русском языке впервые.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

АВГУСТ 1849—ИЮНЬ 1851

Neue
Rheinische Zeitung.

Politisch-ökonomische Revue,

redigirt von

Karl Marx.

1850.

Hamburg und New-York.

bei Schuberth & Co.

Обложка «Neue Rheinische Zeitung.
Politisch-okonomische Revue»

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗВЕЩЕНИЕ О ВЫХОДЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG. POLITISCH-OKONOMISCHE REVUE» [1]

В январе 1850 г. начинает выходить

«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG.

Politisch-okonomische Revue»

под редакцией *Карла Маркса.*

Журнал носит название той газеты, *продолжением* которой его и следует рассматривать. Одна из его задач будет состоять в том, чтобы в ряде ретроспективных обзоров обрисовать период, прошедший со времени насильственного прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung».

То, что представляет наибольший интерес газеты — ее повседневное вмешательство в движение и возможность быть непосредственным рупором этого движения, отражение текущей истории во всей ее полноте, непрерывное живое взаимодействие между народом и ежедневной печатью народа — все это неизбежно утрачивается, когда имеешь дело с журналом. Зато у журнала то преимущество, что он позволяет рассматривать события в более широком плане и останавливаться только на наиболее важном. Журнал дает возможность подробно и научно исследовать *экономические* отношения, которые составляют основу всего политического движения.

Такое время кажущегося затишья, как теперешнее, должно быть использовано именно для того, чтобы уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обусловливают существование и борьбу этих партий.

Журнал будет выходить раз в месяц отдельными выпусками объемом не менее *пяти* листов. Подписная цена составит

24 зильбергроша за квартал, уплачиваемые при получении первого номера. Цена отдельного номера — 10 зильбергрошей. Распространение взяла на себя книготорговая фирма Шуберт и К° в Гамбурге.

Просьба к друзьям «Neue Rheinische Zeitung» организовать подписку в той местности, где они находятся, и возможно быстрее переслать подписные листы нижеподписавшемуся. Рукописи для журнала и книжные новинки для рецензирования принимаются только франкированные.

Лондон, 15 декабря 1849 г.

К. Шрамм

Ответственный издатель «N.Rh.Ztg.»

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в «Westdeutsche Zeitung» № 6, 8 января 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕМЕЦКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И «TIMES»

РЕДАКТОРУ «NORTHERN STAR» [2]

Милостивый государь!

«Times»[3] поместил в прошлую пятницу письмо за подписью *«Анти-социалист»,* в котором разоблачаются перед английской публикой и английским министром внутренних дел некоторые из «дьявольских доктрин», излагаемых в «Deutsche Londoner Zeitung» некиим г-ном Карлом Гейнценом[4]. Последний квалифицируется как *«яркий светоч немецкой социал-демократической партии».* Эти «дьявольские доктрины» сводятся в основном к призыву, полному благожелательности, — убить во время ближайшей революции на континенте «два миллиона реакционеров».

Мы полностью предоставляем Вам самим дать оценку поведению редакторов «Times», превращающих столбцы своей газеты в канал прямой полицейской информации и доносов политического характера. Однако, мы весьма удивлены тем, что в *«руководящей европейской газете»* г-на Гейнцена квалифицируют как «яркий светоч немецкой социал-демократической партии». «Руководящей европейской газете» безусловно следовало бы знать, что г-н Гейнцен не только не является ярким светочем этой партии, но, наоборот, начиная с 1842 г., усердно, хотя и безуспешно борется против всего, что имеет отношение к социализму и коммунизму. Поэтому «немецкая социал-демократическая партия» никогда не брала и вряд ли когда-нибудь возьмет на себя ответственность за что-либо сказанное или написанное г-ном Карлом Гейнценом.

Что же касается опасности, представляемой вышеуказанными «дьявольскими доктринами», то газете «Times» следовало

бы знать, что г-н Гейнцен не только не пытался осуществить эти доктрины на практике в течение последних восемнадцати месяцев революционных потрясений в Германии, но даже почти не ступал ногой на немецкую землю в течение этого времени и не играл какой-либо роли ни в одной из происходивших там революций.

Мысль о том, что человек, никогда не причинивший никакого вреда даже самому захудалому немецкому государю, способен нанести ущерб гигантской Британской империи, является на наш взгляд, милостивый государь, оскорблением английской нации. Мы бы поэтому предложили, чтобы «Times» в завершение всего выразил Карлу Гейнцеиу благодарность за courage malheureux*, с которой тот борется против социализма и коммунизма.

Остаюсь, г-н редактор, с совершенным почтением

Немецкий социал-демократ

Лондон, 28 ноября 1849 г.

Написано Ф. Энгельсом Напечатано в газете «The Northern Star» № 632, 1 декабря 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

• — безуспешную доблесть. *Ред.*

К. МАРКС

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ С 1848 ПО 1850 г. [5]

Написано К. Марксом в январе — 1 ноября 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonmische Revue» №№ 1, 2, 3 и 5-6, 1850 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту журнала, сверенному с текстом издания 1895 г.

Перевод с немецкого

За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел летописи революции с 1848 по 1849 г. носит заглавие: *поражение революции!*

Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа,* а только целый ряд *поражений.*

Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию.

Доказать это и составляет задачу предлагаемых статей.

I

ИЮНЬСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ 1848 г.

После июльской революции либеральный банкир Лаффит, провожая своего compere*, герцога Орлеанского, в его триумфальном шествии к ратуше, обронил фразу: *«Отныне господствовать будут банкиры».* Лаффит выдал тайну революции.

При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а лишь *одна* ее *фракция:* банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников — так называемая *финансовая аристократия.* Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками.

Собственно *промышленная буржуазия* составляла часть официальной оппозиции, т. е. была представлена в палатах лишь в виде меньшинства. Ее оппозиция становилась тем решительнее, чем более чистую форму принимало в своем развитии самодержавие финансовой аристократии и чем более сама она воображала, что после подавленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 гг.[6] ее господство над рабочим классом упрочено. Руанский фабрикант *Гранден,* наиболее ярый фанатик буржуазной реакции как в Учредительном, так и в Законодательном национальных собраниях, был в палате депутатов самым горячим противником Гизо. *Леон Фоше,* впоследствии прославив-

---

* Игра слов: «compere» — «кум», а также «соучастник в интриге». *Ред.*

шийся своими бессильными потугами подняться до роли Гизо французской контрреволюции, вел в конце царствования Луи-Филиппа чернильную войну в защиту промышленности против спекуляции и ее прислужника — правительства. *Бастиа* агитировал против господствующей системы от имени Бордо и всех французских виноделов.

Мелкая буржуазия, все ее слои, а также *крестьянство* были совершенно устранены от участия в политической власти. Наконец, в рядах официальной оппозиции или совсем вне pays legal* стояли *идеологические* представители и защитники упомянутых классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д. — короче, их так называемые *«таланты».*

Финансовая нужда с самого начала поставила Июльскую монархию в зависимость от верхушки буржуазии, а ее зависимость от верхушки буржуазии, в свою очередь, стала неисчерпаемым источником все растущей финансовой нужды. Нельзя подчинить государственное управление интересам национального производства, пока не восстановлено равновесие в бюджете, равновесие между государственными расходами и доходами. А как восстановить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т. е. не нарушая интересов столпов господствующего режима, и не изменяя налоговой системы, т. е. не возлагая значительной части налогового бремени на верхушку буржуазии?

Больше того, *задолженность государства* была в *прямых интересах* той фракции буржуазии, которая господствовала и законодательствовала через палаты. *Государственный дефицит* как раз и был предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. Через каждые четыре или пять лет ~ новый заем А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый удобный случай обирать государство, искусственно поддерживаемое на грани банкротства, — оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того каждый новый заем давал лишний случай грабить публику помещавшую свои капиталы в государственные процентные бумаги, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и парламентское большинство Вообще, неустойчивое положение государственного кредита и обладание государственными тайнами давало банкирам и их сообщникам в палатах и на троне возможность вызывать внезапные, чрезвычайные колебания в курсе государственных

* — круга лиц, пользовавшихся избирательным правом. *Ред.*

бумаг, которые каждый раз неизбежно влекли за собой разорение множества менее крупных капиталистов и баснословна быстрое обогащение крупных биржевиков. Тем, что государственный дефицит был в прямых интересах господствующей фракции буржуазии, объясняется, почему *чрезвычайные* государственные расходы в последние годы царствования Луи-Филиппа более чем вдвое превысили чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне; они поглощали ежегодно около 400 миллионов франков, тогда как весь вывоз Франции в среднем редко достигал 750 миллионов франков в год. Огромные суммы, проходившие, таким образом, через руки государства, создавали, кроме того, возможность мошеннических подрядов, подкупов, хищений и плутней всякого рода. Обкрадывание государства, происходившее при займах оптом, при казенных подрядах повторялось в розницу. То, что имело место в отношениях между палатой и правительством, многократно воспроизводилось в отношениях между отдельными ведомствами и отдельными предпринимателями.

Подобно тому как господствующий класс использовал государственные расходы вообще и государственные займы, он использовал и *строительство железных дорог.* Палаты возлагали главное бремя издержек на государство, а спекулировавшей финансовой аристократии они обеспечивали золотые плоды. Всем памятны скандалы в палате депутатов, когда случайно обнаружилось, что все депутаты большинства, включая и часть министров, были заинтересованы как акционеры в строительстве тех самых железных дорог, которые они потом в качестве законодателей заставляли производить на государственный счет.

Напротив, малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров. Так, например, *почтовая реформа.* Ротшильд запротестовал. Разве смело государство сокращать те источники дохода, из которых должны были уплачиваться проценты по его все растущему долгу?

Июльская монархия была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240000 избирателей и их прихвостнями. Луи-Филипп был директором этой компании — Робером Макером[7] на троне. Эта система представляла собой постоянную угрозу, постоянный ущерб для торговли, промышленности, земледелия, судоходства, для интересов промышленной буржуазии, которая в июльские дни написала на своем знамени gouvernement a bon marche — дешевое правительство.

Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всей организованной общественной властью, самим фактом своего господства и посредством печати подчиняла себе общественное мнение, то во всех .сферах, начиная от королевского двора и кончая cafe borgne*, дарили та же проституция, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикарманивания уже имеющегося чужого богатства. Именно в верхах буржуазного общества нездоровые и порочные вожделения проявились в той необузданной — на каждом шагу приходящей в столкновение даже с буржуазными законами — форме, в которой порожденное спекуляцией богатство ищет себе удовлетворения сообразно своей природе, так что наслаждение становится распутством, а деньги, грязь и кровь сливаются в один поток. Финансовая аристократия как по способу своего .обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как *возрождение люмпен-пролетариата на верхах буржуазного общества.*

Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: *«Коррупция!»* Народ кричал: «*A bas les grands voleurs! A bas les assassins!»***, когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно приводят люмпен-пролетариат в притоны разврата, в богадельни и в дома для умалишенных, на скамью подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу своим интересам, мелкая буржуазия была полна нравственного негодования, воображение народа было возмущено. Париж был наводнен памфлетами: «La dynastie Rothschild»***, «Les juifs rois de l'epoque»**** и т. д., которые с большим или меньшим остроумием разоблачали и клеймили господство финансовой аристократии.

Rien pour la gloire!***** Слава не приносит никакой прибыли! La paix partout et toujours!****** Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг! — вот что написала на своем знамени Франция биржевых дельцов. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду оскорблений, нанесенных национальному чувству французов. Особенно сильно было оно возмущено присоединением Кракова к Австрии, которое завершило

* — притонами низшего разряда. *Ред.*
** — «Долой крупных воров! Долой убийц!» *Ред.*
*** — «Династия Ротшильдов». *Ред.*
**** — «Ростовщики — короли нашего времени». *Ред.*
***** — Ни гроша для славы! *Ред.*
****** — Мир во что бы то ни стало! *Ред.*

разграбление Польши, и тем, что Гизо активно стал на сторону Священного союза в швейцарской войне Зондербунда[8]. Победа швейцарских либералов в этой малой войне подняла чувство собственного достоинства буржуазной оппозиции во Франции, а кровавое народное восстание в Палермо подействовало на парализованную народную массу, как электрический ток, и пробудило ее великие революционные воспоминания и страсти*.

Наконец, взрыв всеобщего недовольства был ускорен, а ропот вырос в восстание благодаря *двум экономическим событиям мирного значения.*

Картофельная болезнь и неурожаи 1846 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе. В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всем континенте, кровавые столкновения. Рядом о бесстыдными оргиями финансовой аристократии — борьба народа за необходимейшие средства к жизни! В Бюзансе казнят участников голодных бунтов[9], а в Париже королевская семья вырывает из рук суда пресыщенных мошенников!

Вторым крупным экономическим событием, ускорившим взрыв революции, был *всеобщий торговый и промышленный кризис* в Англии. Он был возвещен уже осенью 1845 г. массовым банкротством спекулянтов железнодорожными акциями, в 1846 г. его задержал ряд случайных обстоятельств, как, например, предстоявшая отмена хлебных пошлин, осенью 1847 г. он, наконец, разразился в виде банкротств крупных лондонских торговцев колониальными товарами, за которыми немедленно последовали крахи земельных банков и закрытие фабрик в промышленных округах Англии. Еще не успели на континенте сказаться до конца все последствия этого кризиса, как вспыхнула февральская революция.

Экономическая эпидемия, поразившая торговлю и промышленность, сделала еще невыносимее самодержавие финансовой аристократии. Оппозиционная буржуазия подняла во всей Франции *кампанию банкетов* в пользу *избирательной реформы,* которая должна была дать ей большинство в палатах и свергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис повлек за собой, в частности, еще одно следствие: массу фабрикантов и оптовых торговцев, которые при сложившихся условиях не могли больше вести свои дела на заграничном рынке,

* Аннексия Кракова Австрией, с согласия России и Пруссии, 11 ноября 1846 года. — Швейцарская война Зондербунда с 4 по 28 ноября 1847 года.—Восстание в Палермо 12 января 1848 года; в конце января девятидневная бомбардировка города неаполитанцами. *(Примечание Энгельса к изданию 1895 г.)*

он заставил броситься на внутренний рынок. Они основали крупные фирмы, конкуренция которых массами разоряла бакалейщиков и лавочников. Этим объясняются многочисленные банкротства в этой части парижской буржуазии и революционное поведение ее в февральские, дни. Известно, что Гизо и палаты ответили на предложения реформ недвусмысленным вызовом, что Луи-Филипп решился назначить министерство Барро, когда было уже слишком поздно, что дело дошло до стычки между народом а армией, что армия была обезоружена пассивным поведением национальной гвардии, а Июльская монархия должна была уступить место временному правительству.

По своему составу *временное правительство,* возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собой плоды победы. Оно не могло быть не чем иным, как *компромиссом между различными классами,* которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. *Значительное большинство* его состояло из представителей буржуазии. Ледрю-Роллен и Флокон были представителями республиканской мелкой буржуазии, республиканская буржуазия была представлена людьми из «National»[10], династическая оппозиция — Кремьё, Дюпон де л'Эром и другими. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера. Наконец, Ламартин во временном правительстве не был собственно выразителем какого-либо реального интереса, какого-либо определенного класса; он был олицетворением самой февральской революции, всеобщего восстания с его иллюзиями, с его поэзией, с его воображаемым содержанием и с его фразами. Впрочем, по своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежал к *буржуазии.*

Если Париж благодаря политической централизации господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции. Ламартии оспаривал у бойцов баррикад право провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации, надо выждать ее голосования, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только *одну* узурпацию — узурпацию борьбы.

В полдень 25 февраля республика еще не была провозглашена, зато все министерские портфели были уже распределены как между буржуазными элементами временного правительства, так и между генералами, банкирами и адвокатами, группировавшимися вокруг «National». Но рабочие решили не допускать на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 года. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия. Чтобы заявить об этом, *Распайль* отправился в ратушу. От имени парижского пролетариата он приказал временному правительству провозгласить республику; если это повеление народа не будет выполнено в течение двух часов, то он вернется во главе 200000 человек. Тела павших борцов еще не успели остыть, баррикады еще не были убраны, рабочие еще не были разоружены, и единственной силой, которую можно было им противопоставить, была национальная гвардия. При этих обстоятельствах сразу исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Еще до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исторические исполинские слова:

Republique francaise! Liberte, Egalite, Fraternite![*]

С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание о тех ограниченных целях и мотивах, которые толкнули буржуазию на. февральскую революцию. Вместо немногих отдельных фракции буржуазии все классы французского общества вдруг были привлечены к участию в политической власти, принуждены были оставить ложи, партер и галерею и выйти на революционную сцену в качестве действующих лиц. Вместе с конституционной монархией исчезла и кажущаяся независимость государства, противопоставляющего себя буржуазному обществу, а с ней исчезли и все второстепенные столкновения, вызываемые этой фикцией!

Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия, но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию. Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение.

Напротив, февральская республика прежде всего должна была *сделать более полным господство буржуазии:* благодаря ей рядом с финансовой аристократией *все имущие классы* получили

[*] — Французская республика! Свобода, Равенство, Братство! *Ред.*

доступ к политической власти. Республика извлекла большинство крупных землевладельцев, легитимистов, из того состояния политического ничтожества, на которое их осудила Июльская монархия. Недаром «Gazette de France»[11] агитировала заодно с газетами оппозиции, недаром Ларошжаклен на заседании палаты депутатов 24 февраля объявил себя сторонником революции. Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского народа, — в руки *крестьян.* Разбив корону, за которой прятался капитал, февральская республика привела, наконец, к открытому господству буржуазии.

Подобно тому как в июльские дни рабочие завоевали *буржуазную монархию,* так в февральские дни они завоевали *буржуазную республику.* Подобно тому как Июльская монархия принуждена была объявить себя *монархией, обставленной республиканскими учреждениями,* так февральская республика принуждена была объявить себя *республикой, обставленной социальными учреждениями.* Парижский пролетариат *вырвал* и эту уступку.

Марш, рабочий, продиктовал декрет, в котором только что образованное временное правительство обязывалось обеспечить рабочим их существование трудом, дать работу всем гражданам и так далее. Когда же через несколько дней оно забыло свои обещания и, казалось, совсем упустило из виду пролетариат, толпа в 20000 рабочих двинулась к ратуше с криками: *Организация труда! Образование особого министерства труда!* Против воли, после долгих прений временное правительство назначило специальную постоянную комиссию с поручением *изыскать* средства к улучшению положения рабочих классов. Эта комиссия была образована из делегатов парижских ремесленных корпораций под председательством Луи Блана и Альбера. Ей для заседаний был отведен Люксембургский дворец. Так представители рабочего класса были изгнаны из здания, где заседало временное правительство, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления. *Рядом* с министерствами финансов, торговли, общественных работ, *рядом* с банком и биржей воздвигалась *социалистическая синагога,* первосвященники которой, Луи Блан и Альбер, имели своей задачей открыть обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякой мирской государственной власти они не располагали никаким бюджетом, никакой исполнительной властью. Они

должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя. В то время как в Люксембургском дворце занимались изысканием философского камня, в ратуше чеканили имевшую хождение монету.

И, однако, нужно сказать, что требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, действительно не могли реализоваться иначе, как в туманной форме Люксембургской комиссии.

Рабочие сделали февральскую революцию совместно с буржуазией; теперь они старались отстоять свои интересы *рядом* о буржуазией, ведь посадили же они в самом временном правительстве рядом с буржуазным большинством одного рабочего. *Организация труда!* Но наемный труд — это и есть уже существующая буржуазная организация труда. Без него нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества. *Особое министерство труда!* Но разве министерства финансов, торговли, общественных работ не являются *буржуазными* министерствами труда? *Рядом* с ними *пролетарское* министерство труда могло быть только министерством бессилия, министерством благих пожеланий, Люксембургской комиссией. Веря в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, рабочие надеялись также осуществить свою пролетарскую революцию в национальных границах Франции, бок о бок с прочими буржуазными нациями. Но производственные отношения Франции обусловливаются ее внешней торговлей, ее положением на мировом рынке и законами этого рынка. Разве Франция могла бы их сломать, не вызвав европейской революционной войны, которая в свою очередь оказала бы сильное воздействие на Англию, этого деспота мирового рынка?

Если восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, то он находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, а последствия его собственных действий толкают его дальше. Он не предается умозрительным изысканиям относительно своих собственных задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою собственную революцию.

Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при ее господстве приобретает он широкое национальное существование, способное поднять его революцию до общенациональной, лишь при се господстве он создает современные средства производства,

служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, на которой единственно возможна пролетарская революция. Французская промышленность — самая развитая, а французская буржуазия — самая революционная на всем континенте. Но разве февральская революция не была направлена непосредственно против финансовой аристократии? Факт этот показывал, что промышленная буржуазия не господствовала во Франции. Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все отношения собственности; а этой степени могущества промышленность может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала мировой рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития. Французская же промышленность даже внутренний рынок удерживает за собой в значительной мере только благодаря более или менее модифицированной системе запретительных пошлин. Поэтому, если французский пролетариат в момент революции обладает в Париже фактической силой и влиянием, толкающими его дальше, чем это соответствует его средствам, то в остальной Франции, будучи сосредоточен лишь в отдельных, разбросанных промышленных центрах, он почти исчезает в подавляющей массе крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее кульминационной фазе, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции не повсеместным фактом. После февральских дней она тем менее могла служить общенациональным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплуатации — борьба крестьянина против ростовщичества и ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства — была еще скрыта под оболочкой общего восстания против финансовой аристократии. Неудивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *наряду* с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил *красное* знамя перед *трехцветным*[12]. Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам. Только ценой

страшного июньского поражения рабочие могли купить эту победу.

За Люксембургской комиссией, этим созданием парижских рабочих, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны раскрыла тайну революции XIX века: *освобождение пролетариата.* «Moniteur»[13] краснел, когда ему приходилось официально пропагандировать «дикие бредни», до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до слуха буржуазии в виде каких-то отдаленных легенд, отчасти страшных, отчасти смешных. Изумленная Европа внезапно очнулась от своей буржуазной полудремоты. Итак, в представлении пролетариев, которые смешивали финансовую аристократию с буржуазией вообще; в воображении республиканских простаков, которые отрицали само существование классов или в лучшем случае считали их следствием конституционной монархии; в лицемерных фразах тех слоев буржуазии, которые до тех пор были отстранены от власти, — *господство буржуазии* было устранено вместе с введением республики. Все роялисты превратились тогда в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих. Фразой, соответствовавшей этому воображаемому уничтожению классовых отношений, было fraternite — всеобщее братание и братство. Это идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это мечтательное стремление возвыситься над классовой борьбой, одним словом, fraternifce — вот что было истинным лозунгом февральской революции. Лишь простое *недоразумение* раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правительство «un gouvernement qui suspende ce *malentendu terrible qui existe entre les differentes classes»*[*]. Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

Со своей стороны, временное правительство, раз уж оно было вынуждено провозгласить республику, всеми силами старалось сделать ее приемлемой для буржуазии и для провинций. Оно отреклось от кровавого террора первой французской республики, отменив смертную казнь за политические преступления; в печати можно было свободно отстаивать все взгляды; армия, суд, администрация, за немногими исключениями, остались в руках старых сановников; ни один из крупных преступников Июльской монархии не был привлечен к ответу. Буржуазные республиканцы «National» забавлялись тем, что меняли монар-

[*] — «правительством, которое должно уладить *страшное недоразумение, существующее между различными классами». Ред.*

хические имена и костюмы на старореспубликанские. Для них республика была лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества. Свое призвание молодая республика усматривала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью и непротивлением отстаивать свое существование и обезоруживать врагов. Привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам вовне было громко заявлено, что республика, дескать, настроена миролюбиво: живи и жить давай другим — таков-де ее лозунг. Как раз в это время, немедленно вслед за февральской революцией, восстали немцы, поляки, австрийцы, венгры, итальянцы — каждый народ сообразно с особыми условиями своего положения. Россия и Англия — последняя сама захваченная движением, первая запуганная им — были застигнуты врасплох. Таким образом, республика не встретила на своем пути ни одного *общенационального* врага. Не оказалось, следовательно, тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед временное правительство или выбросить его за борт. Парижский пролетариат, который видел в республике свое собственное детище, приветствовал, разумеется, всякий шаг временного правительства, помогавший последнему укрепить свое положение, в буржуазном обществе. Он охотно оказывал Коссидьеру полицейские услуги по охране собственности в Париже и предоставлял Луи Блану улаживать споры между рабочими и хозяевами по поводу заработной платы. Он считал point d'honneur* для себя сохранить незапятнанной в глазах Европы буржуазную честь республики.

Республика не встретила никакого сопротивления ни извне, ни внутри. Это ее обезоружило. Ее задачей было теперь уже не революционное переустройство мира, а лишь свое собственное приспособление к условиям буржуазного общества. С каким фанатизмом временное правительство принялось за выполнение этой задачи, лучше всего показывают его *финансовые мероприятия.*

Государственный и *частный кредит* был, конечно, расшатан. *Государственный кредит* покоится на уверенности в том, что государство дает себя эксплуатировать ростовщикам-финансистам. Но старое государство исчезло, а революция была направлена прежде всего против финансовой аристократии. Судороги последнего европейского торгового кризиса еще не прекратились. Одно банкротство еще следовало за другим.

* — вопросом чести. *Ред.*

Итак, *частный кредит* был парализован, товарооборот затруднен, производство подорвано еще до взрыва февральской революции. Революционный кризис усилил кризис торговый. Если частный кредит покоится на уверенности, что весь комплекс отношений буржуазного производства, весь буржуазный строй остается нетронутым и неприкосновенным, то как же должна была подействовать на него революция, которая угрожала самой основе буржуазного производства, экономическому рабству пролетариата, — революция, которая бирже противопоставила люксембургского сфинкса? Освобождение пролетариата равносильно уничтожению буржуазного кредита, потому что оно означает уничтожение буржуазного производства и буржуазного строя. Государственный и частный кредит, это —экономический термометр, показывающий интенсивность революции. *В той самой мере, в какой падает кредит, повышается шкал революции и растет ее творческая сила.*

Временное правительство хотело сбросить с республики ее антибуржуазную личину. Для этого нужно было прежде всего обеспечить *меновую стоимость* новой государственной формы, ее *курс* на бирже. Вместе с биржевой котировкой республики необходимо должен был снова подняться частный кредит.

Чтобы устранить даже *подозрение,* будто республика не хочет или не может выполнить обязательства, полученные ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платежеспособности республики, временное правительство прибегло к столь же недостойному, сколь и ребяческому бахвальству. Еще *до* законного срока оно уплатило государственным кредиторам проценты по 5-, $4^{1}/_{2}$- и 4-процентным бумагам. К капиталистам сразу вернулись весь их буржуазный апломб и самоуверенность, когда они увидели, с какой боязливой поспешностью стараются купить их доверие.

Конечно, денежные затруднения временного правительства но уменьшились от этой театральной выходки, лишившей его запаса наличных денег. Нельзя было дольше скрывать денежную нужду, и *мелкой, буржуазии, прислуге, рабочим* привилось из собственного кармана расплачиваться за приятный сюрприз, сделанный государственным кредиторам.

Было объявлено, что по *сберегательным книжкам* будет выдаваться наличными не свыше 100 франков. Вложенные в сберегательные кассы суммы были конфискованы и декретом правительства превращены в государственный долг, не подлежащий уплате. Это озлобило против республики *мелких буржуа,*

и без того находившихся в стесненном положении. Получив вместо сберегательных книжек государственные долговые обязательства, они были вынуждены продавать их на бирже и таким образом отдать себя в руки тех самых биржевых воротил-ростовщиков, против которых была направлена февральская революция.

Банк был храмом финансовой аристократии, царившей при Июльской монархии. Как биржа держит в своих руках государственный кредит, так банк управляет *торговым кредитом.*

Февральская революция непосредственно угрожала не только господству банка, но и самому его существованию, поэтому он с самого начала старался дискредитировать республику, сделав некредитоспособность всеобщей. Он внезапно закрыл кредит банкирам, фабрикантам и купцам. Не вызвав немедленной контрреволюции, этот маневр неизбежно нанес обратный удар по самому банку. Капиталисты взяли назад свои деньги, хранившиеся в подвалах банка. Владельцы банкнот бросились к кассе банка, чтобы обменять их на золото и серебро.

Временное правительство могло бы совершенно законно, без насильственного вмешательства, принудить банк к *банкротству;* ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе. *Банкротство банка* было бы потопом, который в один миг очистил бы французскую почву от финансовой аристократии, этого золотого пьедестала Июльской монархии, самого могучего и опасного врата республики. И в случае банкротства банка сама буржуазия должна была бы отнестись к созданию правительством национального банка и к подчинению национального кредита контролю нации как к последней отчаянной попытке к спасению.

Но вместо этого временное правительство установило *принудительный курс* для банкнот. Мало того. Оно превратило все провинциальные банки в филиальные отделения Французского банка и, таким образом, позволило ему раскинуть свою сеть по всей Франции. Позднее оно сделало у банка заем и в качестве гарантии отдало ему в залог *государственные леса.* Таким образом, февральская революция непосредственно укрепила и расширила ту самую банкократию, которую она должна была свергнуть.

Между тем, временное правительство все больше сгибалось под тяжестью растущего дефицита. Тщетно клянчило оно, вымаливая патриотические жертвы. Только рабочие бросили ему милостыню. Пришлось прибегнуть к героическому средству — к введению *нового налога.* Но кого обложить? Биржевых волков,

банковских королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Но таким путем нельзя было расположить буржуазию к республике. Это значило бы, с одной стороны, подрывать государственный и торговый кредит, в то время как, с другой — ему приносились такие унизительные жертвы. Но кто-нибудь должен же был раскошелиться. Кто же был принесен в жертву буржуазному кредиту? Jacques Ie bonhomme[14], *крестьянин.*

Временное правительство ввело дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк по всем четырем прямым налогам. Правительственная печать лгала парижскому пролетариату, будто этот налог падает главным образом на крупное землевладение, на владельцев пожалованного Реставрацией миллиарда[15]. В действительности же он пал прежде всего на *крестьянство,* т. е. на огромное большинство французского народа. *Крестьянам пришлось нести издержки февральской революции,* — и они составили главную армию контрреволюции. Налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики. С этого момента в глазах французского крестьянина *республику* олицетворял *налог в 45 сантимов,* а парижский пролетариат представлялся ему расточителем, который благоденствовал за его счет.

В то время как революция 1789 г. начала с того, что освободила крестьян от бремени феодальных повинностей, революция 1848 г., чтобы не повредить капиталу и обеспечить ход его государственной машины, первым делом преподнесла сельскому населению новый налог.

Только одним путем временное правительство могло устранить все эти затруднения и выбить государство из его старой колеи, а именно *объявлением государственного банкротства.* Все помнят, как Ледрю-Роллен впоследствии расписывал перед Национальным собранием, с каким добродетельным негодованием отверг он подобное предложение биржевого ростовщика Фульда, теперешнего французского министра финансов. Между тем Фульд предлагал ему яблоко от древа познания.

Признав векселя, выданные на государство старым буржуазным обществом, временное правительство подпало под его власть. Оно попало в положение запутавшегося должника буржуазного общества, вместо того чтобы явиться к нему в роли грозного кредитора, взыскивающего старые революционные долги. Оно должно было укреплять расшатавшиеся буржуазные отношения, чтобы справиться с обязательствами, выполнимыми только и рамках этих отношений. Кредит стал необходимым условием

его существования, а уступки пролетариату и данные ему обещания — *оковами,* которые во что бы то ни стало *должны* были быть разбиты. Освобождение рабочих — даже только *фраза* об этом — стало невыносимой опасностью для новой республики, так как это требование было постоянным протестом против восстановления кредита, который покоится на прочном и непоколебимом признании существующих экономических классовых отношений. Поэтому надо было *покончить с рабочими.*

Февральская революция выбросила армию вон из Парижа. Национальная гвардия, т. е. различные слои буржуазии, составляла единственную военную силу, но она не чувствовала себя достаточно крепкой для того, чтобы справиться с пролетариатом. К тому же она была вынуждена, хотя и после упорнейшего сопротивления, после сотни всяческих помех, мало-помалу, частично, открыть доступ в свои ряды вооруженным пролетариям. Таким образом, оставался только один исход: *противопоставить одну часть пролетариев другой.*

С этой целью временное правительство образовало 24 батальона *мобильной гвардии* из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большей частью к *люмпен-пролетариату,* который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой, из которого рекрутируются воры и преступники всякого рода, состоит из элементов, живущих отбросами с общественного стола, людей без определенных занятий, бродяг — gens sans feu et sans aveu; они различаются в зависимости от культурного уровня нации, к которой принадлежат, но везде и всегда они сохраняют характерные черты лаццарони[16]. Крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны были на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Временное правительство платило им 1 франк 50 сантимов в день, т. е. купило их. Оно одело их в особый мундир, т. е. внешним видом обособило их от блузников. В командиры им частью дали офицеров регулярного войска, частью они сами выбрали молодых буржуазных сынков, которые пленили их громкими словами о смерти за отечество и о преданности республике.

Таким образом, против парижского пролетариата стояла набранная из его же среды армия в 24000 юношески-крепких, отчаянных людей. Пролетариат приветствовал мобильную гвардию на улицах Парижа громкими криками *«ура».* Он видел

в ней своих передовых борцов на баррикадах. Он считал ее *пролетарской* гвардией в отличие от буржуазной национальной гвардии. Его ошибка была простительна.

Рядом с мобильной гвардией правительство решило собрать вокруг себя также промышленную рабочую армию. Министр Мари зачислил сто тысяч рабочих, которые в результате кризиса и революции оказались выброшенными на улицу, в так называемые национальные мастерские. Под этим громким именем скрывалось не что иное, как использование рабочих на скучных, однообразных, непроизводительных *земляных работах* с заработной платой в 23 су. *Английские работные дома*[17] *под открытым небом* — вот чем были эти национальные мастерские. Временное правительство думало, что нашло в них *вторую пролетарскую армию против самих же рабочих.* На этот раз буржуазия ошиблась в национальных мастерских точно так же, как рабочие ошиблись в мобильной гвардии. Она создала *армию мятежа.*

Но *одна* цель была достигнута.

Национальные мастерские — так назывались народные мастерские, которые проповедовал Луи Блан в Люксембургском дворце. Мастерские Мари созданы были по плану, прямо *противоположному* люксембургскому плану, но благодаря одинаковому ярлыку они давали повод к интриге ошибок, достойной испанской комедии с плутовскими проделками слуг. Временное правительство само тайно распустило слух, что эти национальные мастерские — изобретение Луи Блана, и это казалось тем более правдоподобным, что Луи Блан, апостол национальных мастерских, был членом временного правительства. Для парижской буржуазии, полунаивно и полунамеренно смешивавшей обе вещи, для искусственно обрабатываемого общественного мнения Франции и Европы эти работные дома были первым шагом к осуществлению социализма, который выставлялся заодно с ними у позорного столба.

Если не по своему содержанию, то по своему названию *национальные мастерские* были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики. И на них обрушилась вся ненависть буржуазии; в них она увидела тот пункт, на который могла направить свой удар, как только она достаточно окрепла, чтобы открыто порвать с февральскими иллюзиями. *Мелкие буржуа* тоже обратили все свое недовольство, всю свою досаду против национальных мастерских, которые стали общей мишенью. Со скрежетом зубовным они высчитывали, сколько денег поглощали дармоеды-рабочие, тогда как их собственное

положение с каждым днем становилось все более невыносимым. Государственная пенсия за видимость работы, вот что такое социализм! — ворчали они про себя. В национальных мастерских, в люксембургских декламациях, в уличных демонстрациях парижских рабочих они видели причину своего бедственного положения. И никто не проявлял такого фанатизма в борьбе против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, стоявший на краю банкротства без всякой надежды на спасение.

Таким образом, в предстоявшей схватке между буржуазией и пролетариатом все преимущества, все решающие позиции, все средние слои общества были в руках буржуазии. А в это самое время волны февральской революции высоко вздымались над континентом, каждая очередная почта приносила все новые революционные вести, то из Италии, то из Германии, то с крайнего юго-востока Европы и поддерживала всеобщее упоение народа, непрерывно принося ему новые доказательства победы, плоды которой уже ускользали из его рук.

17 марта и *16 апреля* были первыми стычками в великой классовой борьбе, которая скрывалась под покровом буржуазной республики.

17 марта обнаружилось двусмысленное положение пролетариата, не допускавшее никаких решительных действий. Первоначальной целью его демонстрации было вернуть временное правительство на путь революции, заставить его в случае надобности исключить из своей среды буржуазных членов и отложить день выборов в Национальное собрание и в национальную гвардию[18]. Но 16 марта буржуазия, представленная в национальной гвардии, устроила демонстрацию против временного правительства. С криками: «a bas Ledru-Rollin!»[*] она двинулась к ратуше. Это заставило народ кричать 17 марта: «Да здравствует Ледрю-Роллен! Да здравствует временное правительство!» Чтобы дать *отпор* буржуазии, ему пришлось вступиться за буржуазную республику, которая казалась ему в опасности. Он укрепил положение временного правительства, вместо того чтобы подчинить его себе. 17 марта разрешилось мелодраматической сценой. Правда, в этот день парижский пролетариат еще раз показал свою исполинскую мощь, но это лишь укрепило буржуазию — внутри временного правительства и вне его — в решении сломить пролетариат.

16 апреля было *недоразумением,* созданным временным правительством заодно с буржуазией. На Марсовом поле и на

[*] — «долой Ледрю-Роллена!». *Ред.*

ипподроме собрались в большом числе рабочие, чтобы обсудить предстоящие выборы в генеральный штаб национальной гвардии. Вдруг с быстротой молнии по всему Парижу из конца в конец распространяется слух, будто на Марсовом поле под предводительством Луи Блана, Бланки, Кабе и Распайля собрались вооруженные рабочие с намерением двинуться оттуда на ратушу, свергнуть временное правительство и провозгласить коммунистическое правительство. Бьют всеобщий сбор, — впоследствии Ледрю-Роллен, Марраст и Ламартин оспаривали друг у друга честь этой инициативы, — и через час 100000 человек стоят под ружьем, все подступы к ратуше заняты национальной гвардией, по всему Парижу гремит крик: «Долой коммунистов! Долой Луи Блана, Бланки, Распайля и Кабе!». К временному правительству являются с выражением преданности бесчисленные депутации, готовые спасать отечество и общество. Когда же, наконец, рабочие появляются перед ратушей, чтобы вручить временному правительству сумму, полученную от патриотического денежного сбора, устроенного на Марсовом поле, они, к своему удивлению, узнают, что буржуазный Париж только что одержал в фиктивной борьбе, обставленной величайшими предосторожностями, победу над их тенью. Ужасное покушение 16 апреля послужило предлогом для *возвращения армии в Париж,* — что, собственно, и было целью всей этой грубой комедии, — и для реакционных федералистских демонстраций в провинции.

4 мая собралось вышедшее из *прямых и всеобщих выборов Национальное собрание**. Всеобщее избирательное право не обладало той магической силой, которую приписывали ему республиканцы старого покроя. Во всей Франции или по крайней мере в большинстве французов они видели citoyens** с одинаковыми интересами, одинаковыми взглядами и т. д. Это был у них своего рода *культ народа.* По выборы вместо их *воображаемого* народа показали *действительный* народ, т. е. представителей различных классов, на которые он распадается. Мы уже знаем, почему крестьяне и мелкая буржуазия шли на выборах за воинственно настроенной буржуазией и жаждавшими реставрации крупными землевладельцами. Однако если всеобщее избирательное право не было той волшебной палочкой, какой его считали республиканские простаки, то оно обладало другим, несравненно более высоким достоинством: оно развязы-

* Здесь и дальше до стр. 57 под Национальным собранием понимается Учредительное национальное собрание, действовавшее с 4 мая 1848 по май 1849 года (Конституанта). *Ред.*

** — граждан. *Ред.*

вало классовую борьбу, оно заставляло различные средние слои буржуазного общества быстро изживать свои иллюзии и разочарования; оно сразу поднимало на вершину государства все фракции эксплуататорского класса, срывая с них таким образом их лживую маску, тогда как монархия с ее цензом компрометировала только определенные фракции буржуазии, позволяя другим прятаться за кулисами и окружая их ореолом общей оппозиции.

В Учредительном национальном собрании, открывшемся 4 мая, преобладали *буржуазные республиканцы,* республиканцы «National». Даже легитимисты и орлеанисты сначала осмеливались выступать лишь под маской буржуазного республиканизма. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата.

С 4 мая, а не с 25 февраля надо считать начало республики, т. е. республики, признанной французским народом; это не та республика, которую парижский пролетариат навязал временному правительству, не республика с социальными учреждениями, не та мечта, которая носилась перед бойцами баррикад. Провозглашенная Национальным собранием единственно законная республика была не революционным оружием против буржуазного строя, а, напротив, его политической реконструкцией, заново политически укреплявшей буржуазное общество,— одним словом, *буржуазной республикой.* Это утверждение раздалось с трибуны Национального собрания и нашло себе отклик во всей республиканской и антиреспубликанской буржуазной .прессе.

И мы видели, что февральская республика действительно не была и не могла быть ничем иным, как *буржуазной* республикой, но что под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить ее *республикой с социальными учреждениями;* что парижский пролетариат не был -еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих *представлениях,* в *воображении,* и что он повсюду действовал в ее пользу, когда дело доходило до действий; что данные ему обещания сделались невыносимой опасностью для новой республики и что все существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе против требований пролетариата.

В лице Национального собрания вся Франция явилась судьей парижского пролетариата. Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило *буржуазную республику,* и только буржуазную республику. Оно поспешило исключить из выбранной

им Исполнительной комиссии представителей пролетариата — Луи Блана и Альбера; оно отклонило предложение учредить особое министерство труда и встретило бурными одобрениями слова министра Трела: «Теперь речь идет только о том, чтобы *вернуть труд к его прежним условиям».*

Но всего этого было еще недостаточно. Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли высокомерные требования победителя. Надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение, когда сражаются не *в союзе* с буржуазией, а *против* нее. В свое время для создания февральской республики с ее уступками социализму понадобилась битва пролетариата, объединившегося с буржуазией против монархии; теперь нужна была вторая битва, чтобы освободить республику от сделанных ею уступок социализму, чтобы официально утвердить господство *буржуазной республики.* С оружием в руках буржуазия должна была отвергнуть требования пролетариата. Настоящей колыбелью буржуазной республики была не *февральская победа,* а *июньское поражение.*

Пролетариат ускорил развязку, когда, ворвавшись 15 мая в Национальное собрание, сделал безуспешную попытку вернуть себе свое прежнее революционное влияние; — он достиг лишь того, что его энергичные вожди попали в руки тюремщиков буржуазии[19]. *Il faut en finir!* Надо положить этому конец! В этом возгласе выразилось твердое решение Национального собрания принудить пролетариат к решительной битве. Исполнительная комиссия издала ряд декретов вызывающего характера, как, например, запрещение народных сборищ и т. д. С трибуны Учредительного национального собрания раздавались открытые вызовы, издевательства и брань по адресу рабочих. Но главным пунктом для нападения были, как мы видели, *национальные мастерские.* На них Учредительное собрание повелительно указало Исполнительной комиссии, которая только и ждала, чтобы Национальное собрание в форме приказа подтвердило ее собственный план.

Исполнительная комиссия начала с того, что затруднила доступ в национальные мастерские, заменила поденную плату сдельной и выслала всех рабочих, не уроженцев Парижа, в Солонь якобы для выполнения земляных работ. Эти земляные работы, — как объявили своим товарищам вернувшиеся оттуда разочарованные рабочие, — были только риторической фразой, которая должна была скрасить их изгнание. Наконец, 21 июня

в «Moniteur» появился декрет, приказывавший силой удалить из национальных мастерских всех холостых рабочих или же зачислить их в армию.

У рабочих не было выбора: они должны были или умереть с голоду или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием — первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано.

Известно, с каким беспримерным мужеством и искусством рабочие, не имея вождей, не имея общего плана действий, не имея средств, большей частью нуждаясь в оружии, целых пять дней держали в напряжении армию, мобилей, парижскую национальную гвардию и прибывших из провинции национальных гвардейцев. Известно, что буржуазия отомстила за пережитый ею смертельный страх неслыханными жестокостями и перебила свыше 3000 пленных.

Официальные представители французской демократии находились под таким сильным влиянием республиканской идеологии, что лишь через несколько недель после июньской битвы стали догадываться о ее значении. Они были словно ослеплены пороховым дымом, в котором рассеялась их фантастическая республика.

Читатель позволит нам передать словами «Neue Rheinische Zeitung» непосредственное впечатление, произведенное на нас июньским поражением:

«Последний официальный остаток февральской революции— Исполнительная комиссия — рассеялся, как призрак, перед лицом суровых событий; фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка. Вот оно — fraternite, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой, это fraternite, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на фронтонах Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, его прозаическим выражением является *гражданская война,* гражданская война в своем самом страшном обличии — война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, оглашался стонами. Братство продолжалось только до тех пор, пока интересы буржуазии смыкались с интересами пролетариата.

Педанты старой революционной традиции 1793 года; социалистические доктринеры, которые выпрашивали у буржуазии

милостыню для народа и которым дозволено было читать длинные проповеди и компрометировать себя, пока нужно было убаюкивать пролетарского льва; республиканцы, которым требовался весь старый буржуазный порядок, но только без коронованного главы; династическая оппозиция, которой случай преподнес вместо смены министерства крушение династии; легитимисты, стремившиеся не сбросить ливрею, а только изменить ее покрой, — таковы были союзники, с которыми народ совершил свой февраль...

Февральская революция была *красивой* революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, резко выступившие в тот момент против королевской власти, еще дремали мирно, рядышком, находясь в *неразвитом виде,* ибо социальная борьба, составлявшая их подоплеку, достигла пока лишь призрачного существования, существования фразы, слова. *Июньская революция,* напротив, — революция *отвратительная,* отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила голову самого чудовища, сбив с него защищавшую и скрывавшую его корону. — *Порядок!* — таков был боевой клич Гизо. *Порядок/* — кричал гизотист Себастиани, когда Варшава была взята русскими. *Порядок!* — кричит Кавеньяк, это грубое эхо французского Национального собрания и республиканской буржуазии. *Порядок!*— гремела его картечь, разрывая тело пролетариата. Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок,* так как все они сохраняли классовое господство, рабство рабочих, сохраняли *буржуазный* порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок. Горе Июню!» («Neue Rheinische Zeitung», 29 июня 1848 г.)[20]

Горе Июню! — откликается европейское эхо. Буржуазия *принудила* парижский пролетариат к июньскому восстанию. Уже одно это обстоятельство осудило его на неудачу. Не непосредственная, осознанная потребность толкнула пролетариат на эту попытку насильственного низвержения буржуазии; да он еще и не был в силах справиться с этой задачей. «Moniteur» должен был официально заявить ему, что прошло время, когда республика находила нужным считаться с его иллюзиями, и только поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения *в рамках* буржуазной республики остается *утопией* и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, к удовлетворению которых пролетариат

хотел принудить февральскую республику, требований чрезмерных по форме, но мелочных и даже все еще буржуазных по существу, выступил смелый революционный боевой лозунг: *Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*

Превратив свою могилу в колыбель *буржуазной республики,* пролетариат тем самым заставил последнюю выступить в своем чистом виде, как государство, признанная задача которого — увековечить господство капитала и рабство труда. Имея всегда перед глазами покрытого рубцами, непримиримого, непобедимого врага, — непобедимого потому, что его существование является жизненной потребностью самой буржуазии, — господство буржуазии, освобожденное от всех оков, должно было немедленно превратиться в *терроризм буржуазии.* После того как пролетариат на время был устранен со сцены и официально была признана диктатура буржуазии, средние слои буржуазного общества — мелкая буржуазия и крестьянство — должны были все теснее и теснее примыкать к пролетариату, по мере того как ухудшалось их положение и обострялся антагонизм между ними и буржуазией. Как раньше они видели причину своих бедствий в усилении пролетариата, так теперь они должны были ее видеть в его поражении.

Если июньское восстание повсюду на континенте усилило у буржуазии сознание ее положения и побудило ее вступить в открытый союз с феодальной монархией против народа, то кто же был первой жертвой этого союза? Сама же континентальная буржуазия. Июньское поражение помешало ей укрепить свое господство и удержать народ полу удовлетворенным, полуразочарованным на самой низшей ступени буржуазной революции.

Наконец, июньское поражение открыло деспотическим державам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни стало сохранять мир с соседями, чтобы быть в состоянии вести гражданскую войну у себя дома. Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы пролетарской революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!

Наконец, победы Священного союза привели к таким изменениям в Европе, которые дают основание предполагать, что всякое новое пролетарское восстание во Франции неминуемо повлечет за собой *мировую войну.* Новая французская

революция принуждена будет сейчас же выйти за национальные рамки и *завоевать себе европейскую арену,* на которой только и может быть осуществлена социальная революция XIX века.

Итак, только июньское поражение создало все те условия, при которых Франция может взять на себя *инициативу* европейской революции. Только окунувшись в *кровь* июньских инсургентов, трехцветное знамя превратилось в знамя европейской революции — в *красное знамя!*

И мы восклицаем: *Революция умерла, да здравствует революция!*

II
13 ИЮНЯ 1849 г.

25 февраля 1848 г. дало Франции *республику,* 25 июня навязало ей *революцию.* А после июня революция означала: *ниспровержение буржуазного общества,* тогда как до февраля она означала: *ниспровержение государственной формы.*

Июньской борьбой руководила *республиканская* фракция буржуазии, победа естественно отдала власть в ее руки. Осадное положение повергло к ее стопам связанный по рукам и ногам, не способный к сопротивлению Париж, а в провинциях царил дух осадного положения, грозная и грубая заносчивость торжествующей победу буржуазии и разнузданный собственнический фанатизм крестьян. Итак, *снизу* не угрожала никакая опасность!

Вместе с революционной мощью рабочих было сокрушено и политическое влияние *демократических,* т.е. *мелкобуржуазных, республиканцев,* которые в Исполнительной комиссии были представлены Ледрю-Ролленом, в Учредительном национальном собрании — партией Горы, в прессе — газетой «Reforme»[21]. 16 апреля они были в заговоре с буржуазными республиканцами против пролетариата, вместе с ними сражались против него в июньские дни. Таким образом, они сами подорвали ту основу, на которой покоилась сила их партии, так как мелкая буржуазия может только до тех пор удерживать революционные позиции против буржуазии, пока за ее спиной стоит пролетариат. Они получили отставку. Буржуазные республиканцы открыто порвали тот фиктивный союз, который они против воли и с задней мыслью заключили с ними в период временного правительства и Исполнительной комиссии. Презри-

тельно отвергнутые как союзники, демократические республиканцы опустились до роли телохранителей трехцветных республиканцев, причем они не могли добиться от них ни единой уступки, но должны были защищать их господство каждый раз, когда ему, а вместе с тем и республике, грозила, казалось, опасность со стороны антиреспубликанских фракций буржуазии. Наконец, эти фракции, орлеанисты и легитимисты, с самого начала находились в меньшинстве в Учредительном национальном собрании. До июньских дней они даже не осмеливались выступать иначе, как под маской буржуазного республиканизма; июньская победа на мгновение объединила всю буржуазную Францию вокруг Кавеньяка, в лице которого она приветствовала своего спасителя, а когда вскоре после июньских дней антиреспубликанская партия снова выступила самостоятельно, военная диктатура и осадное положение в Париже позволили ей лишь очень робко и осторожно выпускать свои щупальцы.

С 1830 г. фракция *буржуазных республиканцев* в лице своих писателей, ораторов и «талантов», в лице своих честолюбцев, депутатов, генералов, банкиров и адвокатов группировалась вокруг парижской газеты «National». В провинции «National» имел свои филиальные газеты. Клика «National» была *династией трехцветной республики.* Она тотчас же завладела всеми государственными постами — министерствами, полицейской префектурой, дирекцией почт, местами префектов, ставшими вакантными высшими офицерскими постами в армии. Ее генерал *Кавеньяк* стоял во главе исполнительной власти, а ее главный редактор Марраст сделался бессменным председателем Учредительного национального собрания. Вместе с тем на своих приемах он, как церемониймейстер, выполнял долг гостеприимства от лица «добропорядочной» республики.

Даже революционные французские писатели, из своего рода благоговения перед республиканской традицией, укрепили ложное мнение, будто в Учредительном национальном собрании господствовали роялисты. Напротив, с июньских дней Учредительное собрание оставалось *исключительно представителем буржуазного республиканизма,* и оно тем решительнее выставляло свой республиканизм, чем ниже падало влияние трехцветных республиканцев вне Собрания. Когда дело шло о том, чтобы отстаивать *форму* буржуазной республики, оно располагало голосами демократических республиканцев; когда же речь шла об отстаивании *содержания* ее, то даже по стилю речи это Собрание не отличалось от роялистских фракций буржуазии, потому что именно интересы буржуазии, материальные условия

ее классового господства и классовой эксплуатации, составляют содержание буржуазной республики.

Итак, не роялизм, а буржуазный республиканизм воплотился в жизни и деятельности этого Учредительного собрания, которое в конце концов не умерло и не было убито, а просто сгнило.

Во все время господства Учредительного собрания, пока оно разыгрывало на авансцене лицедейство для почтеннейшей публики, в глубине сцены происходило непрерывное жертвоприношение — бесконечные приговоры военно-полевых судов, выносимые пленным июньским инсургентам, или ссылка их без суда. Учредительное собрание имело такт признаться, что в июньских инсургентах оно не судит преступников, а уничтожает врагов.

Первым актом Учредительного национального собрания было учреждение *следственной комиссии* по делу о событиях июньских дней и 15 мая и об участии, которое принимали в них вожди социалистической и демократической партий. Следствие было направлено прямо против Луи Блана, Ледрю-Роллена и Коссидьера. Буржуазные республиканцы горели нетерпением освободиться от этих соперников. Для приведения в исполнение своей мести они не могли найти более подходящего субъекта, чем г-н *Одилон Барро,* бывший вождь династической оппозиции. Этому воплощению либерализма, этому nullitе grave*, этому тяжеловесному пустомеле хотелось не только отомстить за династию, но, кроме того, привлечь революционеров к ответу за ускользнувший от него пост премьер-министра. Надежная гарантия его беспощадности! Этот-то Барро и был назначен председателем следственной комиссии, и он создал настоящее судебное дело против февральской революции, которое сводилось к следующему: 17 марта — *манифестация,* 16 апреля — *заговор,* 15 мая — *покушение,* 23 июня — *гражданская война!* Отчего он не довел своих ученых криминалистических изысканий до 24 февраля? «Journal des Dеbats» дал ответ на это[22]: 24 февраля это своего рода *основание Рима.* Происхождение государств теряется в области мифов, которые надо принимать на веру, которые нельзя обсуждать. Луи Блан и Коссидьер были преданы суду. Национальное собрание завершило дело своего собственного очищения, начатое им 15 мая.

Намеченный временным правительством и опять выдвинутый Гудшо план обложения капитала — в форме налога на ипотеки — был отвергнут Учредительным собранием; закон, ограничивающий рабочий день десятью часами, был отменен; снова

* — напыщенному ничтожеству. *Ред.*

введено было тюремное заключение за долги; неграмотные, составляющие значительную часть населения Франции, были отстранены от участия в суде присяжных. Отчего бы заодно не лишить их также избирательного права? Снова был введен залог для газет, право союзов было ограничено.

Но торопясь вернуть старым буржуазным отношениям их старые гарантии и уничтожить все следы, оставленные революционными волнами, буржуазные республиканцы натолкнулись на сопротивление, которое грозило им неожиданной опасностью.

В июньские дни никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия — содержатели кафе и ресторанов, marchands de vin*, мелкие коммерсанты, лавочники, владельцы мелких мастерских и прочие. Лавочка всполошилась и двинулась против баррикады, чтобы восстановить движение, ведущее с улицы в лавочку. Но за баррикадой находились покупатели и должники лавочника, перед ней — его кредиторы. И когда баррикады были разрушены, рабочие разбиты, когда лавочники, опьяненные победой, бросились назад к своим лавкам, вход туда оказался забаррикадированным спасителем собственности, официальным агентом кредита, который встретил их грозными повестками. Вексель просрочен! Просрочена плата за квартиру! Просрочена долговая расписка! Пропала лавочка! Пропали лавочники!

Спасение собственности! Но дом, в котором они жили, не был их собственностью; лавки, в которых они торговали, не были их собственностью; товары, которые они сбывали, не были их собственностью. Ни их лавка, ни тарелка, из которой они ели, ни кровать, на которой они спали, уже не принадлежали им. Именно против них самих надлежало *спасать эту собственность* — для домовладельца, который сдал им в наем дом, для банкира, который учел их векселя, для капиталиста, который ссудил их наличными, для фабриканта, который доверил лавочникам свои товары для продажи, для оптового торговца, который отпустил владельцам мелких мастерских сырье в кредит. *Восстановление кредита!* Но снова окрепший кредит проявил себя как живое и мстительное божество прежде всего тем, что выгнал несостоятельного должника из его жилища, выгнал его вместе с женой и детьми, отдал его иллюзорное имущество капиталу, а его самого бросил в долговую тюрьму, которая снова грозно воздвиглась над трупами июньских инсургентов.

* — владельцы винных погребков. *Ред.*

Мелкие буржуа в ужасе поняли, что, разбив рабочих, они без сопротивления отдали себя в руки своих кредиторов. Их банкротство, которое хронически тянулось с февраля и которому, казалось, не придавали значения, теперь, после июня, было официально объявлено.

Номинальную собственность мелкого буржуа оставляли в покое, пока надо было гнать его на борьбу *во имя собственности.* Теперь, когда были сведены крупные счеты с пролетариатом, можно было свести и мелкие счеты с лавочником. В Париже просроченных векселей было на сумму свыше 21 миллиона франков, в провинциях — свыше 11 миллионов. Владельцы более 7000 торговых заведений в Париже не платили за наем помещений с февраля.

Если Национальное собрание назначило расследование о *политическом преступлении* начиная с февраля, то мелкая буржуазия, со своей стороны, потребовала расследования о *гражданских долгах* до 24 февраля. Мелкие буржуа собрались в большом числе в зале биржи и с угрозами заявили свои требования: каждый коммерсант, доказавший, что он стал банкротом только вследствие вызванного революцией застоя в делах и что к 24 февраля его дела находились в хорошем положении, должен получить через посредство коммерческого суда отсрочку своего долга, а кредитор обязан ликвидировать свой иск за уплату умеренных процентов. Этот вопрос обсуждался в Национальном собрании в форме законопроекта о *«concordats a l'amiable»*[*]. Собрание колебалось; вдруг оно узнало, что в это самое время у ворот Сен-Дени тысячи жен и детей инсургентов готовят петицию об амнистии.

Перед лицом воскресшего июньского призрака мелкая буржуазия затрепетала, а Собрание снова стало неумолимым. Concordats a l'amiable — полюбовные соглашения — между кредитором и должником были отвергнуты в существеннейших пунктах.

Таким образом, после того как республиканские представители буржуазии в Национальном собрании давно уже оттолкнули от себя демократических представителей мелкой буржуазии, этот парламентский разрыв получил буржуазный, реально-экономический смысл: мелкие буржуа-должники отданы были на произвол буржуа-кредиторов. Большая часть этих должников совершенно разорилась, остальным дозволено было продолжать свои дела при условиях, которые означали их полное закабаление капиталом. 22 августа 1848 г. Национальное собрание отвергло concordats a l'amiable, a 19 сентября 1848 г.,

[*] — «полюбовных соглашениях». *Ред.*

в самый разгар осадного положения, принц Луи Бонапарт и венсенский узник, коммунист Распайль, были выбраны представителями Парижа. Буржуазия же выбрала еврея-банкира и орлеаниста Фульда. Итак, со всех сторон сразу была объявлена открытая война Учредительному национальному собранию, буржуазному республиканизму и Кавеньяку.

Само собой понятно, что массовые банкротства парижских мелких буржуа должны были затронуть гораздо более широкий круг лиц, чем непосредственно потерпевшие, и снова потрясти буржуазный товарооборот, между тем как издержки, вызванные июньским восстанием, еще более увеличили государственный дефицит, а государственные доходы все падали вследствие застоя в производстве, сокращения потребления и ввоза. Кавеньяк и Национальное собрание могли искать выход только в новом займе, который еще туже стягивал над ними ярмо финансовой аристократии.

Если мелким буржуа достались от июньской победы только банкротство и продажа с молотка, то *мобильная гвардия,* эти янычары Кавеньяка, нашли себе вознаграждение в нежных объятиях лореток и в приветствиях, которыми осыпали «юных спасителей общества» в салонах Марраста, этого рыцаря трехцветного знамени, игравшего одновременно роль амфитриона и трубадура «добропорядочной» республики. Но это предпочтение со стороны общества к мобилям и их несоразмерно высокое жалованье озлобляло *армию;* в то же время исчезли все национальные иллюзии, которыми буржуазный республиканизм, при помощи своей газеты «National», сумел привязать к себе при Луи-Филиппе часть армии и крестьянства. Посредническая роль, которую сыграли Кавеньяк и Национальное собрание в *Северной Италии,* совместно с Англией предав ее Австрии, — один этот день пребывания у власти уничтожил результаты 18 лет оппозиции «National». Ни одно правительство не было менее национально, чем правительство «National», ни одно не зависело в такой степени от Англии, а между тем при Луи-Филиппе «National» жил перефразированием изо дня в день катоновского Carthaginem esse delendam[*], ни одно правительство не пресмыкалось так низко перед Священным союзом, тогда как от какого-нибудь Гизо «National» требовал разрыва венских трактатов. Ирония истории сделала Бастида, экс-редактора иностранного отдела в «National», министром иностранных дел Франции для того, чтобы он каждую из своих статей опровергал каждой из своих депеш.

[*] — Карфаген должен быть разрушен. *Ред.*

Один момент армия и крестьянство верили, что военная диктатура поставит для Франции в порядок дня внешнюю войну и «славу». Но Кавеньяк олицетворял собой не диктатуру сабли над буржуазным обществом, а диктатуру буржуазии при помощи сабли. Солдат нужен был теперь только в роли жандарма. Под строгой маской древнереспубликанской скромности Кавеньяк скрывал пошлое подчинение унизительным условиям своей буржуазной должности. L'argent n'a pas de maitre! Деньги не имеют хозяина! Кавеньяк, как впрочем и Учредительное собрание, идеализировали этот старый девиз третьего сословия, переводя его на язык политики словами: буржуазия не имеет короля, истинная форма ее господства есть республика.

В выработке этой *формы,* в составлении республиканской *конституции* и должна была заключаться «великая органическая работа» Учредительного национального собрания. Переименование христианского календаря в республиканский, святого Варфоломея — в святого Робеспьера, не более изменило бы погоду, чем эта конституция изменила или должна была изменить буржуазное общество. Где дело шло дальше *перемены костюма,* она просто заносила в протокол *уже существующие* факты. Так, она торжественно зарегистрировала факт установления республики, факт всеобщего избирательного права, факт единого суверенного Национального собрания вместо двух ограниченных в правах конституционных палат. Так, она зарегистрировала и узаконила факт диктатуры Кавеньяка, заменив постоянную, неответственную, наследственную королевскую власть преходящей, ответственной и выборной королевской властью — четырехлетним президентством. Далее, она не преминула возвести в основной закон ту чрезвычайную власть, которой после страхов 15 мая и 25 июня Национальное собрание предусмотрительно наделило своего председателя в интересах своей собственной безопасности. Остальное в конституции было делом терминологии. С механизма старой монархии были сорваны роялистские ярлычки и на их место приклеены республиканские. Марраст, бывший главный редактор «National», а теперь главный редактор конституции, не без таланта справился с этой академической задачей.

Учредительное собрание напоминало того чилийского чиновника, который собрался межевать землю для более точного разграничения земельной собственности в то самое мгновение, когда подземный гул возвестил уже вулканическое извержение, которому суждено было вырвать из-под его ног эту землю. В то время как в теории оно вырабатывало точные формы для республиканского выражения господства буржуазии, в

действительности оно держалось только отрицанием всяких формул, насилием sans phrase*, помощью *осадного положения.* За два дня перед тем, как начать выработку конституции, оно продлило срок осадного положения. В прежнее время конституции составлялись и принимались тогда, когда в процессе общественного переворота достигалось равновесие, когда новые классовые отношения становились устойчивыми и борющиеся фракции господствующего класса прибегали к компромиссу, который позволял им продолжать между собой борьбу и вместе с тем отстранить от нее обессилевшую народную массу. Эта же конституция не санкционировала никакой социальной революции; она санкционировала временную победу старого общества над революцией.

В первом проекте конституции, составленном до июньских дней, еще упоминалось *«droit au travail»,* право на труд, эта первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата. Теперь она превратилась в droit a l'assistance**, в право на общественную благотворительность, — а какое же современное государство не кормит так или иначе своих нищих? Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание, но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения. За *«правом на труд»* стояло июньское восстание. Учредительное собрание, которое фактически поставило революционный пролетариат hors la loi, вне закона, должно было принципиально выкинуть езо формулу из конституции, из этого закона законов, и предать анафеме «право на труд». Но на этом оно не остановилось. Как Платон из своей республики изгнал поэтов, так оно на вечные времена изгнало из своей республики *прогрессивный подоходный налог.* А между тем этот налог не только является вполне буржуазной мерой, осуществимой в большем или меньшем масштабе в рамках существующих производственных отношений, — он был единственным средством привязать средние слои буржуазного общества к «добропорядочной» республике, уменьшить государственный долг и дать отпор антиреспубликанскому большинству буржуазии.

В вопросе о concordats a l'amiable трехцветные республиканцы фактически принесли мелкую буржуазию в жертву

* — ничем не прикрытым. *Ред.*
** — право на вспомоществование. *Ред.*

крупной. Этот единичный факт они возвели в принцип, проведя в законодательной форме запрещение прогрессивного подоходного налога. Они поставили буржуазную реформу на одну доску с пролетарской революцией. Какой же класс оставался после этого опорой их республики? Крупная буржуазия. Но большинство ее было антиреспубликанским. Если она использовала республиканцев «National», чтобы снова упрочить старые экономические условия жизни, то, о другой стороны, она собиралась воспользоваться упрочением старых общественных отношений, чтобы восстановить соответствующие им политические формы. Уже в начале октября Кавеньяк увидел себя вынужденным назначить министрами республики Дюфора и Вивьена, бывших министров Луи-Филиппа, несмотря на весь шум и крик, поднятый безмозглыми пуританами его собственной партии.

Отвергнув всякий компромисс с мелкой буржуазией и не сумев привязать к новой государственной форме никаких новых общественных элементов, трехцветная конституция зато поспешила возвратить традиционную неприкосновенность той корпорации, которая была самым яростным и самым фанатичным защитником старого строя. Она возвела в основной закон *несменяемость судей,* на которую посягнуло было временное правительство. *Один* король, которого она низвергла, тысячекратно воскрес в этих несменяемых инквизиторах законности.

Французская печать всесторонне раскрыла противоречия конституции г-на Марраста, как, например, одновременное существование двух суверенов — Национального собрания и президента, и тому подобное.

Но главное противоречие этой конституции заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, — буржуазию — она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного общества. От одних она требует, чтобы от политического освобождения они не шли вперед к социальному, от других — чтобы от социальной реставрации они не шли назад к политической.

Буржуазным республиканцам было мало дела до этих противоречий. Поскольку буржуазные республиканцы перестали быть *необходимыми,* — а они были необходимы лишь как авангард старого общества в его борьбе против революционного

пролетариата, — через несколько недель после своей победы, они перестали быть *партией,* и опустились до положения *клики.* Конституция была для них крупной *интригой.* Она должна была прежде всего конституировать господство их клики. Президентом должен был оставаться Кавеньяк. Законодательное собрание должно было быть продолжением Конституанты. Политическую власть народных масс они надеялись свести к фикции; они рассчитывали даже, что смогут легко играть этой фикцией и постоянно держать в страхе большинство буржуазии, поставив перед ней дилемму июньских дней: *царство «National»* или *царство анархии.*

Начатая 4 сентября выработка конституции была закончена 23 октября. 2 сентября Конституанта решила заседать до тех пор, пока не будут изданы органические, дополняющие конституцию законы. Тем не менее она решилась призвать к жизни свое собственное детище, президента, уже с 10 декабря, задолго до конца своего собственного жизненного поприща. Так была она уверена в том, что будет приветствовать в лице гомункула конституции достойного сына своей матери. Из предосторожности было решено, что, если ни один из кандидатов не получит двух миллионов голосов, право выборов переходит от нации к Конституанте.

Тщетная предосторожность! Первый день применения конституции был последним днем господства Конституанты. В глубине избирательной урны лежал ее смертный приговор. Она искала «сына своей матери», а нашла «племянника своего дяди». Саул-Кавеньяк добился *одного* миллиона голосов, Давид-Наполеон — *шести* миллионов. Шестикратно был разбит Саул-Кавеньяк[23].

10 декабря 1848 г. было днем *крестьянского восстания,* Лишь с этого дня начался февраль для французских крестьян. Символ, выразивший их вступление в революционное движение, неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, несуразно-возвышенный, расчетливое суеверие, патетический фарс, гениально-нелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизованного ума, —этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своем существовании фигурой *сборщика налогов,* он заявил ей о своем существовании фигурой *императора.* Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронтоне республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным госу-

дарствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: «Plus d'impots, a bas les riches, a bas la republique, vive 1'Empereur!» — «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!». За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была *республикой богачей.*

10 декабря было coup d'etat* крестьян, свергнувших существующее правительство. С этого дня, когда крестьяне отняли у Франции одно правительство и дали ей другое, их взоры были постоянно направлены на Париж. Они выступили на один миг действующими лицами революционной драмы, и после этого уже нельзя было навязывать им пассивную и бездеятельную роль хора.

Остальные классы помогли довершить избирательную победу крестьянства. Для *пролетариата* избрание Наполеона означало смещение Кавеньяка, падение Конституанты, отставку буржуазного республиканизма, кассацию июньской победы. Для *мелкой буржуазии* избрание Наполеона означало господство должников над кредиторами. Для большинства *крупной буржуазии* избрание Наполеона означало открытый разрыв с той фракцией, которую это большинство временно вынуждено было использовать против революции и которая стала ему в тягость, как только захотела закрепить в конституции то, что носило временный характер. Наполеон вместо Кавеньяка — это означало для большинства крупной буржуазии монархию вместо республики, начало роялистской реставрации, робкий кивок в сторону герцога Орлеанского, спрятанную между фиалками лилию[24]. Наконец, *армия,* выбирая Наполеона, голосовала против мобильной гвардии, против идиллии мира, за войну.

Таким образом, как выразилась «Neue Rheinische Zeitung», самый недалекий человек Франции получил самое многостороннее** значение[25]. Именно потому, что он был ничем, он мог означать все, — только не самого себя. Однако, хотя имя Наполеона имело самый различный смысл в устах различных классов, все они написали вместе с этим именем на своем избирательном бюллетене: «Долой партию «National», долой Кавеньяка, долой Конституанту, долой буржуазную республику!» Министр Дюфор открыто заявил это в Учредительном собрании: «10 декабря есть второе 24 февраля».

* — государственным переворотом. *Ред.*
** Игра слов: «einfaltig» — «недалекий», «vielfaltig»— «многосторонний». *Ред.*

Мелкая буржуазия и пролетариат голосовали en bloc* *за* Наполеона для того, чтобы голосовать *против* Кавеньяка и, сосредоточив все голоса на одном кандидате, не дать Конституанте возможности окончательного решения. Однако наиболее передовая часть обоих этих классов выставила собственных кандидатов. Наполеон был *нарицательным именем* всех партий, соединившихся против буржуазной республики, *Ледрю-Роллен* и *Распайль* были *именами собственными:* первый — демократической мелкой буржуазии, второй — революционного пролетариата. Голосование за Распайля — так объявили во всеуслышание пролетарии и их социалистические вожди — носило характер лишь демонстрации; оно было массовым протестом против всякого президентства вообще, т. е. против самой конституции; вместе с тем это было голосованием против Ледрю-Роллена; это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата как самостоятельной политической партии от демократической партии. Напротив, эта последняя партия — демократическая мелкая буржуазия и ее представительница в парламенте, Гора, — отнеслась к кандидатуре Ледрю-Роллена со всей той торжественной серьезностью, с которой она имеет обыкновение дурачить самое себя. Это, впрочем, была ее последняя попытка выступить в качестве самостоятельной партии в противовес пролетариату. Не только партия республиканской буржуазии, но и демократическая мелкая буржуазия с ее Горой были разбиты 10 декабря.

Рядом с *Горой* Франция имела теперь *Наполеона* — доказательство того, что оба были лишь безжизненными карикатурами великих исторических явлений, имена которых они носили. Луи-Наполеон со своим императорским орлом и треуголкой был такой же жалкой пародией на старого Наполеона, как Гора со своими демагогическими позами и заимствованными у 1793 года фразами — пародией на старую Гору. Таким образом, был положен конец одновременно и традиционному суеверию по отношению к 1793 году и традиционному суеверию по отношению к Наполеону. Революция стала самой собой лишь тогда, когда завоевала свое *собственное, оригинальное* имя, а это сделалось возможным лишь тогда, когда на первый план ее властно выступил новый революционный класс — промышленный пролетариат. Можно сказать, что 10 декабря уже потому ошеломило партию Горы и сбило ее с толку, что грубая крестьянская шутка со смехом оборвала классическую аналогию со старой революцией.

* — в массе. *Ред.*

20 декабря Кавеньяк сложил с себя свои обязанности, и Учредительное собрание провозгласило Луи-Наполеона президентом республики. 19 декабря, в последний день своего единодержавия, оно отвергло предложение об амнистии для июньских инсургентов. Отречься от декрета 27 июня, которым оно без суда приговорило к ссылке 15000 инсургентов, — не значило ли это отречься от самой июньской бойни?

Одилон Барро, последний министр Луи-Филиппа, стал первым министром Луи-Наполеона. Как Луи-Наполеон считал начало своей власти не с 10 декабря, а с сенатского постановления 1804 г., так он нашел премьер-министра, который тоже считал начало своего министерства не с 20 декабря, а с королевского декрета 24 февраля. В качестве законного наследника Луи-Филиппа, Луи-Наполеон облегчил смену правления, сохранив старое министерство, которое к тому же не имело еще времени износиться, так как оно не успело еще появиться на свет.

Этот выбор подсказали ему вожди роялистских фракций буржуазии. Глава старой династической оппозиции, бессознательно послуживший переходной ступенью к республиканцам «National», был тем более подходящим для того, чтобы вполне сознательно послужить переходной ступенью от буржуазной республики к монархии.

Одилон Барро был вождем единственной старой оппозиционной партии, которая, безуспешно добиваясь все время министерского портфеля, не успела еще окончательно себя скомпрометировать. Революция быстро одну за другой выбрасывала на вершину государства все старые оппозиционные партии как бы для того, чтобы они вынуждены были не только на деле, но также и на словах отказаться, отречься от своих старых фраз и чтобы они в конце концов были выброшены народом все вместе, в виде сплошного отвратительного месива, на мусорную свалку истории. И Барро, это воплощение буржуазного либерализма, восемнадцать лет подряд скрывавший свою внутреннюю подлость и пустоту под внешним важничаньем, не миновал ни одной ступени ренегатства. Если временами его самого пугал слишком уж резкий контраст между терниями настоящего и лаврами прошлого, ему стоило только посмотреть в зеркало — и к нему снова возвращались его министерское самообладание и человеческое самопоклонение. В зеркале сияла перед ним физиономия Гизо — Гизо, которому он всегда завидовал, который постоянно третировал его, как школьника, самого Гизо, но с олимпийским челом Одилона. Одного только он не замечал на себе — ушей Мидаса[26].

Барро от 24 февраля раскрылся лишь в Барро от 20 декабря; к нему, орлеанисту и вольтерьянцу, присоединился в качестве министра вероисповеданий легитимист и иезуит Фаллу.

Несколько дней спустя министерство внутренних дел было отдано мальтузианцу Леону Фоше. Право, религия, политическая экономия! В министерстве Барро все это было, и, кроме того, оно соединило легитимистов с орлеанистами. Недоставало только бонапартиста. Бонапарт еще скрывал свои претензии на роль Наполеона, потому что *Сулук* еще не разыгрывал из себя Туссена-Лувертюра[27].

Партия «National» тотчас же была устранена со всех высших постов, куда она успела забраться. Полицейская префектура, дирекция почт, генеральная прокуратура, мэрия Парижа — все досталось старым креатурам монархии. Легитимист Шангарнье объединил в своих руках командование национальной гвардией департамента Сены, мобильной гвардией и линейными войсками первой армейской дивизии; орлеанист Бюжо был назначен командующим альпийской армией. Эта смена должностных лиц продолжалась без перерыва во время министерства Барро. Первым актом его министерства была реставрация старой роялистской администрации. В один миг преобразилась вся официальная сцена — кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, движущие силы драмы, сущность коллизии, вся обстановка. Только допотопное Учредительное собрание оставалось еще на своем месте. Но с того момента, когда Собрание водворило на посту Бонапарта, Бонапарт — Барро, а Барро — Шангарнье, Франция перешла из периода учреждения республики в период учрежденной республики. И к чему было Учредительное собрание в уже учрежденной республике? Когда сотворена была земля, ее творцу не осталось ничего другого, как бежать на небо. Учредительное собрание твердо решило не следовать его примеру, оно было последним убежищем партии буржуазных республиканцев. Если у него были отняты все рычаги исполнительной власти, то не оставалось ли у него в руках всемогущество учредительной власти? Первой его мыслью было во что бы то ни стало удержать за собой свой суверенный пост и с его помощью вернуть себе потерянные позиции. Стоит только свергнуть министерство Барро и заменить его министерством «National», и тогда роялистские чиновники немедленно должны будут покинуть административные здания, а трехцветный персонал с триумфом вернется обратно. Национальное собрание решило свергнуть министерство, и министерство само дало ему

случай для нападения, удобнее которого Собрание не могло бы и придумать.

Вспомним, что для крестьян Луи Бонапарт означал: долой налоги! Шесть дней сидел он на президентском кресле, а на седьмой, 27 декабря, его министерство предложило *сохранить налог на соль,* отмененный декретом временного правительства. Налог на соль делит с налогом на вино привилегию быть козлом отпущения старой финансовой системы Франции, в особенности в глазах сельского населения. Крестьянскому избраннику министерство Барро не могло подсказать более едкой эпиграммы на его избирателей, чем слова: *восстановление налога на соль.* С налогом на соль Бонапарт потерял свою революционную соль, — Наполеон крестьянского восстания растаял, как туманный призрак, осталась только загадочная фигура в роялистской интриге буржуазии. И не без умысла министерство Барро сделало этот бестактный акт грубого разрушения иллюзий первым правительственным актом президента.

Со своей стороны, Конституанта с радостью ухватилась за возможность одновременно свергнуть министерство и выступить против крестьянского избранника в роли защитницы крестьянских интересов. Она отвергла предложение министра финансов, уменьшила соляной налог до одной трети его прежних размеров, увеличив таким образом на 60 миллионов государственный дефицит в 560 миллионов, и после этого *вотума недоверия* спокойно ожидала отставки министерства. Вот как мало понимала она. окружавший ее новый мир и свое собственное изменившееся положение. За министерством стоял президент, а за президентом — шесть миллионов избирателей, каждый из которых положил в избирательную урну вотум недоверия Конституанте. Конституанта вернула нации ее вотум недоверия. Смехотворный обмен! Конституанта забыла, что ее вотумы потеряли принудительный курс. Отвергнув налог на соль, она лишь укрепила решение Бонапарта и его министров *«покончить»* с нею. Начался долгий поединок, который заполняет собой всю вторую половину ее существования. *29 января,* 21 марта, 8 мая были journ<u>e</u>es, решающими днями этого кризиса, предвестниками *13 июня.*

Французы — например Луи Блан — видели в 29 января проявление конституционного противоречия между суверенным, не подлежащим роспуску Национальным собранием, порожденным всеобщим избирательным правом, и президентом, который на бумаге ответственен перед Собранием, а на самом деле, точно так же как Собрание, санкционирован всеобщей подачей голосов, — даже более того: соединяет в себе одном все те голоса, которые распределены и стократно раздроблены

между отдельными членами Национального собрания; к тому же в руках президента находится вся исполнительная власть, над которой Национальное собрание витает лишь в качестве моральной силы. Это толкование событий 29 января смешивает словесную форму борьбы в парламенте, в печати, в клубах с ее действительным содержанием. Луи Бонапарт и Учредительное национальное собрание вовсе не были противостоящими друг другу односторонними органами одной и той же конституционной власти. Бонапарт не был исполнительной властью, противостоящей власти законодательной. Бонапарт — это была сама уже учрежденная буржуазная республика, противостоявшая орудиям ее учреждения, противостоявшая честолюбивым интригам и идеологическим требованиям революционной фракции буржуазии, которая основала республику, а теперь, к удивлению своему, нашла, что основанная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия, и которая теперь захотела насильно продлить учредительный период с его условиями, его иллюзиями, его языком и его персонажами и помешать созревшей уже буржуазной республике выступить в ее вполне законченном и характерном виде. Как Учредительное национальное собрание было представителем свалившегося обратно в его среду Кавеньяка, так Бонапарт выступал представителем еще не отделившегося от него Законодательного национального собрания, т. е. Национального собрания уже учрежденной буржуазной республики.

Избрание Бонапарта могло получить истолкование только после того, как на место *одного* имени были подставлены его многообразные значения, после того, как это избрание повторилось на выборах нового Национального собрания. Мандат старого был кассирован 10 декабря. Таким образом, 29 января пришли в столкновение не президент и Национальное собрание *одной и той же* республики, а, с одной стороны, Национальное собрание устанавливающейся республики, с другой — президент уже установленной республики, две власти, воплощавшие два совершенно различных периода в жизненном процессе республики. В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии, которая одна могла провозгласить республику, путем уличной борьбы и террора вырвать ее из рук революционного пролетариата и наметить в конституции идеальные черты этой республики; в другом — вся роялистская масса буржуазии, которая одна могла господствовать в этой уже учрежденной буржуазной республике, могла сорвать с конституции ее идеологический наряд и с помощью своего законодательства и своей администрации осуществить

в действительности необходимые условия для порабощения пролетариата.

Гроза, разразившаяся 29 января, подготовлялась в продолжение всего месяца. Конституанта хотела своим вотумом недоверия принудить министерство Барро уйти в отставку. Но в ответ на это министерство Барро, со своей стороны, предложило Конституанте выразить себе самой окончательное недоверие, приговорить себя к самоубийству, декретировать свой *собственный роспуск.* По наущению министерства, Рато, один из самых незначительных депутатов, внес 6 января это предложение в Конституанту, ту самую Конституанту, которая уже в августе постановила не распускать себя, пока не издаст целого ряда органических, дополняющих конституцию законов. Сторонник министерства, Фульд, заявил ей без обиняков, что ее роспуск необходим *«для восстановления расшатанного кредита».* В самом деле, разве она не подрывала кредит, затягивая временное положение и вновь ставя под вопрос в лице Барро — Бонапарта, а в лице Бонапарта — уже учрежденную республику? Олимпиец Барро превратился в неистового Орландо от мысли, что у него вновь вырвут наконец-то добытый им пост премьер-министра, не дав ему насладиться им и двух недель, — тот самый пост, которого республиканцы однажды уже заставили его дожидаться целый «деценниум», т. е. десять месяцев. И вот Барро в обращении с этим жалким Собранием превзошел в тирании самого тирана. Самое мягкое выражение его было: «С ним невозможна никакая будущность». И действительно, оно представляло теперь лишь прошлое. «Оно неспособно обставить республику учреждениями, которые необходимы для ее упрочения» — иронически добавил он. И в самом деле! Вместе с исключительным антагонизмом Собрания по отношению к пролетариату сломилась и его буржуазная энергия, а с его антагонизмом по отношению к роялистам снова ожил его республиканский пафос. Таким образом, оно было вдвойне неспособно укрепить соответствующими учреждениями буржуазную республику, которую оно больше не понимало.

При помощи предложения Рато министерство вызвало во всей стране целую *бурю петиций;* ежедневно из всех уголков Франции сыпались Конституанте на голову тюки billets-doux*, в которых ее более или менее категорически просили *распустить* себя и составить свое завещание. Конституанта, со своей стороны, вызвала контрпетиции, в которых от нее требовали оставаться в живых. Избирательная борьба между Наполеоном и

* — любовных посланий. *Ред.*

Кавеньяком возобновилась в виде борьбы путем петиций за и против роспуска Собрания. Петиции должны были послужить дополнительными комментариями к 10 декабря. Эта агитация продолжалась в течение всего января.

В своем конфликте с президентом Конституанта не могла сослаться на то, что она является детищем всеобщего избирательного права, так как противники апеллировали против нее именно к всеобщему избирательному праву. Она не могла опереться ни на какую правомерную власть, так как дело шло о борьбе против законной власти. Она не могла свергнуть министерство вотумами недоверия, как она попыталась это сделать еще 6 и 26 января, потому что министерство и не нуждалось в ее доверии. Ей оставался лишь *один* исход — *восстание.* Боевую силу восстания составляли *республиканская часть национальной гвардии, мобильная гвардия* и центры революционного пролетариата — *клубы.* Мобили, герои июньских дней, составляли в декабре организованную боевую силу республиканской фракции буржуазии, подобно тому как до июньского восстания *национальные мастерские* были организованной боевой силой революционного пролетариата. Подобно тому как Исполнительная комиссия Конституанты, решившись покончить со ставшими невыносимыми для нее требованиями пролетариата, грубо обрушилась на национальные мастерские, так министерство Бонапарта, решившись покончить со ставшими невыносимыми требованиями республиканской фракции буржуазии, обрушилось на мобильную гвардию. Оно постановило *распустить мобильную гвардию.* Одна половина ее была уволена и выброшена на мостовую, другая — получила новую организацию, монархическую, взамен демократической, а жалованье ее было понижено до уровня обыкновенного жалованья линейных войск. Мобильная гвардия очутилась в положении июньских инсургентов, и в газетах ежедневно стали появляться *публичные покаяния* мобилей, в которых они признавали вину, допущенную ими в июне, и умоляли пролетариат о прощении.

А *клубы? С* того момента, как Учредительное собрание, выразив недоверие Барро, проявило в его лице недоверие президенту, в лице президента — учрежденной буржуазной республике, а в ее лице — буржуазной республике вообще, вокруг Собрания по необходимости сплотились все учредительные элементы февральской республики, все партии, которые желали свергнуть существующую республику и насильственно вернуть ее в прежнее состояние, превратить ее в республику, выражающую их собственные классовые интересы и принципы.

То, что произошло, как будто и не происходило; то, что выкристаллизовалось из революционного движения, снова растворилось; борьба опять завязалась за неопределенную республику февральских дней, контуры которой каждая партия определяла по-своему. На мгновение партии опять заняли свои старые февральские позиции, не разделяя, однако, февральских иллюзий. Трехцветные республиканцы «National» снова стали опираться на демократических республиканцев «Réforme», снова выдвинули их в качестве застрельщиков на авансцену парламентской борьбы. Демократические республиканцы снова стали опираться на социалистических республиканцев (27 января публичный манифест возвестил об их примирении и объединении) и подготовляли в клубах почву для своей инсуррекционной борьбы. Министерская печать справедливо увидела в трехцветных республиканцах «National» воскресших июньских инсургентов. Чтобы удержаться во главе буржуазной республики, они поставили под вопрос самое буржуазную республику. 26 января министр Фоше внес закон о праве союзов, первый параграф которого гласил: *«Клубы воспрещаются».* Он предложил немедленно же начать обсуждение этого законопроекта, как не терпящего отлагательства. Конституанта отвергла вопрос о неотложности, а 27 января Ледрю-Роллен внес подписанное 230 депутатами предложение о предании министерства суду за нарушение конституции. Предание министерства суду в такие моменты, когда это означало либо бестактное обнаружение бессилия судьи, т. е. большинства палаты, либо бессильный протест обвинителя против самого этого большинства, — вот тот великий революционный козырь, который эта Гора-последыш с тех пор стала пускать в ход во всякий решительный момент кризиса. Бедная Гора, раздавленная тяжестью своего собственного имени!

Бланки, Барбес, Распайль и другие пытались 15 мая разогнать Учредительное собрание, ворвавшись во главе парижского пролетариата в зал его заседаний. Барро готовил тому же Собранию моральное повторение 15 мая, намереваясь продиктовать его самороспущение и запереть зал его заседаний. Это самое Собрание в свое время поручило Барро начать следствие против виновников майских событий; теперь же, когда Барро стал играть по отношению к нему роль роялистского Бланки, а оно стало искать союзников против него в клубах, у революционного пролетариата, у партии Бланки, — теперь беспощадный Барро начал пытать его своим предложением изъять майских пленников из суда присяжных и предать их изобретенному партией «National» верховному суду — haute cour. Замечательно,

как страх за министерский портфель сумел извлечь из головы нашего Барро перлы остроумия, достойные Бомарше! После долгого колебания Собрание приняло его предложение. В отношении к майским инсургентам оно вновь обрело свой нормальный характер.

Если в борьбе против президента и министров Конституанта вынуждена была стать на путь *восстания,* то в борьбе против Конституанты президент и министры вынуждены были стать на путь *государственного переворота,* так как у них не было никакой законной возможности распустить ее. Но Конституанта была матерью конституции, а конституция — матерью президента. Путем государственного переворота президент упразднял конституцию, а вместе с ней свою республиканскую правовую основу. Ему оставалось тогда выдвинуть свои императорские права; но императорские права вызывали к жизни орлеанистские, а те и другие стушевывались перед легитимистскими правами. Падение законной республики могло вызвать торжество лишь ее антипода, легитимной монархии, так как в этот момент орлеанисты были только побежденными февральских дней, а Бонапарт был только победителем 10 декабря, и обе партии могли противопоставить республиканской узурпации лишь свои точно так же узурпированные у монархии права. Легитимисты сознавали, что положение дел им благоприятствует, они конспирировали средь бела дня. Они могли надеяться найти в генерале Шангарнье своего *Монка*[28]. Близость *белой монархии* так же открыто возвещалась в их клубах, как в клубах пролетариев — близость *красной республики.*

Успешно подавленное восстание избавило бы министерство от всех затруднений. «Законность нас убивает!» — воскликнул Одилон Барро. Восстание позволило бы распустить Конституанту под предлогом salut public[*] и нарушить конституцию ради самой же конституции. Грубое выступление Одилона Барро в Национальном собрании, предложение о закрытии клубов, нашумевшее отрешение от должности 50 трехцветных префектов и их замещение роялистами, роспуск мобильной гвардии, оскорбительное обращение Шангарнье с ее начальниками, возвращение кафедры профессору Лерминье, который уже при Гизо считался неприемлемым, терпимость по отношению к выходкам легитимистов — все это имело целью вызвать восстание. Но восстание безмолвствовало. Оно ожидало сигнала от Конституанты, а не от министерства.

---

[*] — общественного спасения. *Ред.*

Наконец, настало 29 января, день, в который должно было обсуждаться предложение Матьё де ла Дром о безусловном отклонении предложения Рато. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, мобильная гвардия, Гора, клубы — каждый конспирировал в этот день, конспирировал столько же против своего мнимого врага, сколько и против своего мнимого союзника. Бонапарт, верхом на коне, производил смотр части войск на площади Согласия, Шангарнье актерствовал, производя эффектные стратегические маневры, Конституанта нашла здание своих заседаний окруженным войсками. Центр всех перекрещивающихся надежд, опасений, ожидании, брожений, напряжений, заговоров — Собрание, храброе, как лев, не поколебалось ни на минуту в этот более чем когда-либо серьезный для него всемирно-исторический момент. Оно поступило, как тот борец, который не только боялся употребить в дело свое собственное оружие, но чувствовал себя обязанным сохранить в целости оружие своего противника. С презрением к смерти подписало оно свой собственный смертный приговор и отвергло безусловное отклонение предложения Рато. Очутившись само в осадном положении, оно положило предел своей учредительной деятельности, необходимым обрамлением которой было осадное положение Парижа. Его месть была достойна его; на другой день оно назначило следствие по поводу страха, который министерство нагнало на него 29 января. Гора обнаружила недостаток революционной энергии и политического смысла, позволив партии «National» использовать себя в качестве глашатая в этой великой комедии интриг. Партия «National» сделала последнюю попытку удержать за собой в учрежденной уже буржуазной республике монополию власти, которой она обладала в период возникновения республики. Она потерпела фиаско.

Если в январском кризисе дело шло о существовании Конституанты, то в кризисе 21 марта стоял вопрос о существовании конституции; в первом случае дело шло о персонале партии «National», во втором — о ее идеале. Разумеется, «добропорядочные» республиканцы дешевле продали свою заоблачную идеологию, чем земное обладание правительственной властью.

21 марта в порядке дня Национального собрания стоял законопроект Фоше, направленный против права союзов: *насильственное закрытие клубов.* Статья 8 конституции гарантирует всем французам право союзов. Запрещение клубов было, следовательно, явным нарушением конституции, и самой Конституанте предстояло санкционировать осквернение своей святыни. Но ведь клубы были сборными пунктами революционного пролетариата, ареной его конспиративной деятельности. Само

Национальное собрание воспретило коалиции рабочих против своих буржуа. А чем были клубы, как не коалицией всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не организацией особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства? Разве все они не были учредительными собраниями пролетариата, разве все они не были готовыми к бою отрядами армии восстания? Конституция первым делом должна была конституировать господство буржуазии; стало быть, под правом союзов она, очевидно, подразумевала существование только тех союзов, которые совместимы с господством буржуазии, т. е. с буржуазным строем. Если конституция, соблюдая приличия по отношению к теории, ограничивалась общими формулами, то разве не было правительства и Национального собрания, чтобы толковать ее и применять в отдельных случаях? И если уж в первобытную эпоху республики клубы фактически были воспрещены благодаря осадному положению, то неужели их нельзя воспретить на законном основании в упорядоченной, учрежденной республике? Трехцветные республиканцы могли выдвинуть против такого прозаического толкования конституции только напыщенную фразеологию конституции. Часть их, Паньер, Дюклер и другие, голосовала за министерство и таким образом доставила ему большинство. Другая часть, с архангелом Кавеньяком и отцом церкви Маррастом во главе, после принятия статьи о воспрещении клубов удалилась вместе с Ледрю-Ролленом и Горой в помещение одной из комиссий — и «держала совет». Национальное собрание было парализовано, оно уже не насчитывало законного числа голосов, необходимого для принятия решения. Тут г-н Кремьё во-время напомнил, сидя в помещении комиссии, что дорога отсюда ведет прямо на улицу и что теперь уже не февраль 1848 г., а март 1849 года. Партия «National», внезапно прозрев, вернулась в зал заседаний Национального собрания, а за ней — снова одураченная Гора, которая, постоянно мучимая революционными потугами, столь же постоянно искала конституционного исхода и чувствовала себя всегда все же больше на своем месте за спиной буржуазных республиканцев, чем впереди революционного пролетариата. Так закончилась эта комедия. Сама Конституанта постановила, что нарушение текста конституции является единственно верным толкованием ее смысла.

Осталось урегулировать еще *один* пункт: отношение учрежденной республики к европейской революции, ее *внешнюю политику.* 8 мая 1849 г. в Учредительном собрании, доживавшем свои последние дни, царило необычайное возбуждение. В порядке дня стояло нападение французской армии на Рим,

отражение ее римлянами, ее политический позор и военное фиаско, предательское убийство Римской республики, совершенное Французской республикой, первый итальянский поход второго Бонапарта. Гора еще раз пустила в ход свой главный козырь: Ледрю-Роллен положил на стол председателя неизменный обвинительный акт против министерства, на этот раз направленный и против Бонапарта, по делу о нарушении конституции.

Мотив 8 мая повторился позднее в мотиве 13 июня. Посмотрим, чем была эта римская экспедиция.

Кавеньяк уже в середине ноября 1848 г. отправил военный флот в Чивита-Веккию, чтобы защитить папу, взять его на борт и перевезти во Францию. Папа должен был дать свое благословение «добропорядочной» республике и обеспечить избрание Кавеньяка в президенты. Вместе с папой Кавеньяк хотел поймать на удочку попов, вместе с попами — крестьян, а с крестьянами — президентство. Будучи по своей ближайшей цели избирательной рекламой, экспедиция Кавеньяка в то же время была протестом и угрозой против римской революции. В ней в зародыше заключалась интервенция Франции в пользу папы.

Эта интервенция в пользу папы и против Римской республики в союзе с Австрией и Неаполем была решена 23 декабря на первом заседании совета министров Бонапарта. Фаллу в министерстве — это означало папа в Риме, и притом в папском Риме. Бонапарт не нуждался больше в папе, чтобы стать президентом крестьян, но он нуждался в сохранении папской власти для того, чтобы сохранить за собой крестьян. Их легковерие сделало его президентом. Вместе с верой они теряли легковерие, а с папой — веру. Что же касается объединенных орлеанистов и легитимистов, господствовавших именем Бонапарта, то ведь, прежде чем восстановить короля, надо было восстановить власть, которая освящает королей. И дело не только в их роялизме — ведь без старого Рима, подчиненного светской власти папы, нет папы, без папы нет католицизма, без католицизма нет французской религии, а без религии что стало бы со старым французским обществом? Ипотека крестьянина на небесные блага является гарантией для ипотеки буржуа на крестьянские земли. Римская революция была, следовательно, таким же страшным посягательством на собственность, на буржуазный порядок, как и июньская революция. Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало реставрации папской власти в Риме. Наконец, в лице римских революционеров наносился удар союзникам французских

революционеров; союз контрреволюционных классов в учрежденной Французской республике нашел свое естественное дополнение в союзе Французской республики со Священным союзом, с Неаполем и Австрией. Решение совета министров от 23 декабря не было тайной для Конституанты. Уже 8 января Ледрю-Роллен сделал об этом запрос министерству, министерство отреклось, и Собрание перешло к очередным делам. Поверило ли оно словам министерства? Мы знаем, что весь январь оно только и делало, что выносило ему вотумы недоверия. Но если лгать входило в роль министерства, то в роль Собрания входила притворная вера в эту ложь, спасавшую республиканский декорум.

Тем временем Пьемонт был разбит, Карл-Альберт отрекся от престола, австрийская армия стучалась в ворота Франции, Ледрю-Роллен внес решительный запрос. Но министерство доказало, что оно лишь продолжало в Северной Италии политику Кавеньяка, который, в свою очередь, продолжал политику временного правительства, т. е. Ледрю-Роллена. На этот раз оно даже получило у Национального собрания вотум доверия и было уполномочено временно занять подходящий пункт в Северной Италии, что должно было подкрепить мирные переговоры с Австрией о нераздельности сардинских владений и о римском вопросе. Известно, что судьба Италии решается на полях сражения Северной Италии. Поэтому надо было или допустить, чтобы вслед за Ломбардией и Пьемонтом пал и Рим, или же Франция должна была объявить войну Австрии, а вместе с ней и европейской контрреволюции. Неужели Национальное собрание приняло вдруг министерство Барро за старый Комитет общественного спасения? Или самого себя за Конвент? Для чего же понадобилось французским войскам занимать какой-то пункт в Северной Италии? За этим прозрачным покровом прятали экспедицию против Рима.

14 апреля 14 000 солдат под начальством Удино отплыли в Чивита-Веккию; 16 апреля Собрание вотировало министерству кредит в 1200000 франков, чтобы в течение трех месяцев держать наготове в водах Средиземного моря французскую эскадру, предназначенную для интервенции. Таким образом, оно дало министерству в руки все средства для интервенции против Рима, делая вид, будто заставляет его действовать против Австрии. Оно не видело, что делает министерство, а лишь слушало, что оно говорит. Такой веры нельзя было бы найти и во Израиле. Учредительное собрание попало в такое положение, когда оно не смело знать, что должна делать учрежденная республика.

Наконец, 8 мая была разыграна последняя сцена комедии. Конституанта потребовала от министерства немедленных мероприятий, чтобы вернуть итальянскую экспедицию к поставленной перед ней цели. Бонапарт в тот же вечер поместил в «Moniteur» письмо, в котором выразил величайшую признательность Удино. 11 мая Собрание отвергло обвинительный акт против этого самого Бонапарта и его министров. А Гора, вместо того чтобы разорвать эту сеть лжи, сделала трагедию из парламентской комедии, чтобы самой сыграть в ней роль Фукье-Тенвиля, но под взятой напрокат львиной шкурой Конвента обнаружила лишь свою собственную мелкобуржуазную телячью шкуру!

Вторая половина жизни Конституанты сводится к следующему: 29 января она признает, что роялистские фракции буржуазии являются естественными повелителями в учрежденной ею республике, 21 марта — что нарушение конституции есть ее осуществление, и 11 мая — что широковещательно провозглашенный пассивный союз Французской республики с борющимися за свое освобождение европейскими народами означает ее активный союз с европейской контрреволюцией.

Прежде чем сойти со сцены, это жалкое Собрание доставило себе удовольствие еще за два дня до годовщины своего рождения, 4 мая, отвергнуть предложение об амнистии для июньских инсургентов. Потерявшее всю свою власть, смертельно ненавидимое народом, грубо отвергнутое, презрительно отброшенное буржуазией, орудием которой оно было, принужденное во вторую половину своего существования отрекаться от первой, лишенное своих республиканских иллюзий, без великих дел в прошлом, без надежд в будущем, заживо сгнивая по частям, Учредительное собрание умело только гальванизировать свой собственный труп, постоянно вызывая перед собой призрак июньской победы, снова переживая ее, вновь и вновь осуждая уже осужденных и удостоверяясь таким путем в своем существовании, Вампир, питавшийся кровью июньских инсургентов!

Оно оставило после себя прежний государственный дефицит, увеличенный издержками июньских дней, отменой соляного налога, вознаграждениями, которые оно дало владельцам плантаций за отмену рабства негров, издержками по римской экспедиции, наконец, уничтожением налога на вино; этот налог Учредительное собрание отменило перед самой своей кончиной, как злобный старик, который рад навязать своему счастливому наследнику компрометирующий долг чести.

В первых числах марта началась избирательная кампания для выборов в *Законодательное национальное собрание.* Две

основные группы выступали друг против друга: *партия порядка* и *демократически-социалистическая,* или *красная, партия;* между ними стояли *«друзья конституции»,* — под этим именем трехцветные республиканцы «National» пытались представить особую партию. *Партия порядка* образовалась сейчас же после июньских дней, но только после того, как 10 декабря позволило ей оттолкнуть от себя клику «National», клику буржуазных республиканцев, раскрылась тайна ее существования — *коалиция орлеанистов и легитимистов в одну партию.* Буржуазный класс распадался на две большие фракции, которые попеременно обладали монополией власти: *крупные землевладельцы* — в период *Реставрации, финансовая аристократия* и *промышленная буржуазия* — в период *Июльской монархии. Бурбон* — таково было королевское имя для преобладающего влияния интересов одной фракции; *Орлеан* — королевское имя для преобладающего влияния интересов другой фракции; только в *безымянном царстве республики* обе фракции могли отстаивать свои общие классовые интересы, стоя на равных началах у власти, не прекращая в то же время своего соперничества. Если буржуазная республика не могла быть не чем иным, как высшей и чисто выраженной формой господства всего класса буржуазии, то чем же еще она могла быть, как не господством орлеанистов, дополненных легитимистами, и господством легитимистов, дополненных орлеанистами, *синтезом Реставрации и Июльской монархии?* Буржуазные республиканцы «National» вовсе не являлись представителями какой-либо опирающейся на экономическую основу крупной фракции своего класса. Их значение и их историческое призвание заключались лишь в том, что в период монархии, в противоположность обеим буржуазным фракциям, которые знали каждая лишь свой *особый* режим, они выдвинули общий режим буржуазного класса, *безымянное царство республики,* идеализируя и украшая его античными арабесками, но приветствуя в нем прежде всего, конечно, господство своей клики. Если партия «National» была сбита с толку, когда увидела на вершине основанной ею республики объединенных роялистов, то и роялисты в такой же степени заблуждались относительно факта своего совместного господства. Они не понимали, что если каждая из их фракций, взятая отдельно, была роялистской, то продукт их химического соединения необходимо должен был быть *республиканским;* они не-понимали, что белая и голубая монархии должны были нейтрализоваться в трехцветной республике. Антагонизм по отношению к революционному пролетариату и к переходным классам, все более и более тяготеющим к нему, как к своему центру,

заставил обе фракции партии порядка напрягать всю свою объединенную силу и сохранять организацию этой объединенной силы; каждая из фракций должна была в противовес реставраторским и исключительным стремлениям другой выдвигать совместное господство, т. е. *республиканскую форму* господства буржуазии. И вот мы видим, что эти роялисты, вначале еще верившие в немедленную реставрацию, потом с пеной у рта, с проклятиями сохранявшие республиканскую форму, признают, наконец, что могут ужиться только в республике, и откладывают реставрацию на неопределенное время. Совместное господство само по себе усиливало каждую из обеих фракций и делало ее еще менее способной и склонной подчиниться другой, т. е. реставрировать монархию.

Партия порядка открыто провозгласила в своей избирательной программе господство буржуазного класса, т.е. сохранение жизненных условий его господства: *собственности, семьи, религии, порядка!* Конечно, классовое господство буржуазии и условия этого классового господства она изображала как господство цивилизации и как необходимые условия материального производства, а равно и вытекающих из него общественных отношений обращения. Партия порядка располагала огромными денежными средствами, она организовала во всей Франции свои отделения, содержала на жалованье всех идеологов старого строя, пользовалась всем влиянием существующей правительственной власти, имела даровое вассальное войско во всей массе мелких буржуа и крестьян, которые были еще далеки от революционного движения и видели в магнатах собственности естественных защитников своей мелкой собственности и ее мелких предрассудков. Представленная по всей стране бесчисленным множеством маленьких королей партия порядка могла наказать, как бунтовщиков, всех, кто отверг бы ее кандидатов, уволить мятежных рабочих, непослушных батраков, прислугу, приказчиков, железнодорожных чиновников, писарей, всех подчиненных ей в гражданской жизни служащих. Наконец, кое-где партия порядка могла поддерживать легенду, будто республиканская Конституанта помешала Бонапарту, избраннику 10 декабря, обнаружить свою чудодейственную силу. Говоря о партии порядка, мы не имели в виду бонапартистов. Они не были серьезной фракцией буржуазного класса — это была смесь старых суеверных инвалидов и молодых неверующих авантюристов. — Партия порядка победила на выборах и послала огромное большинство в Законодательное собрание.

Перед лицом коалиции контрреволюционной буржуазии все уже революционизированные элементы мелкой буржуазии

и крестьянства естественно должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом. Мы видели, как парламентские поражения толкали демократических представителей мелкой буржуазии в парламенте, т. е. Гору, к союзу с социалистическими представителями пролетариата и как отклонение concordats a I'amiable, грубое отстаивание буржуазных интересов и банкротство толкали подлинную мелкую буржуазию вне парламента на сближение с подлинными пролетариями. 27 января Гора и социалисты отпраздновали свое примирение; на большом февральском банкете 1849 г. они вновь подтвердили этот акт объединения. Партия социальная и партия демократическая, партия рабочих и партия мелких буржуа, соединились в *социально-демократическую,* т. е. в *красную, партию.*

На мгновение парализованная последовавшей за июньскими днями агонией Французская республика пережила со времени прекращения осадного положения, с 19 октября, беспрерывный ряд лихорадочных встрясок. Сначала борьба за президентство; затем борьба президента с Конституантой; борьба из-за клубов; процесс в Бурже[29], в котором — по сравнению с мелкими фигурами президента, объединенных роялистов, «добропорядочных» республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата — его подлинные революционеры предстали такими первобытными титанами, каких только всемирный потоп мог оставить на поверхности общества или какие только могут предшествовать общественному потопу; предвыборная агитация; казнь убийц Бреа[30]; беспрерывные процессы по делам печати; насильственные полицейские вмешательства правительства в банкеты; дерзкие провокации роялистов; портреты Луи Блана и Коссидьера у позорного столба; непрерывная борьба между Учредительным собранием и учрежденной республикой, всякий раз возвращавшая революцию к ее исходному пункту, всякий раз превращавшая победителя в побежденного, побежденного — в победителя, в одно мгновение менявшая положение партий и классов, их разрывы и соединения; быстрый ход европейской контрреволюции; славная борьба венгров; немецкие восстания; римская экспедиция; позорное поражение французской армии у ворот Рима — в этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны .были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями. Значительная часть крестьян, а также и ряд провинций были

революционизированы. Они не только разочаровались в Наполеоне, — партия красных сулила им вместо имени содержание, вместо иллюзорной свободы от налогов — возвращение уплаченного легитимистам миллиарда, урегулирование ипотек и уничтожение ростовщичества.

Даже армия была заражена революционной лихорадкой. Голосуя за Бонапарта, она голосовала за победу, а он принес ей поражение. Она голосовала в его лице за маленького капрала, за которым скрывается великий полководец революции, а он вернул ей важных генералов, за которыми скрывается заурядный капрал. Бесспорно, красная партия, т. е. соединенная демократическая партия, должна была добиться если не победы, то все же крупных успехов: Париж, армия, значительная часть провинций должны были голосовать за нее. *Ледрю-Роллен,* вождь Горы, был избран пятью департаментами; ни один вождь партии порядка не одержал такой победы, ни одно имя из рядов собственно пролетарской партии. Это избрание открывает нам тайну демократическо-социалистической партии. С одной стороны, Гора, этот парламентский авангард демократической мелкой буржуазии, принуждена была соединиться с социалистическими доктринерами пролетариата, а пролетариат, потерпевший в июне тяжелое материальное поражение, вынужден был искать пути к новому подъему в интеллектуальных победах; поскольку развитие остальных классов еще не позволяло пролетариату захватить революционную диктатуру, он должен был броситься в объятия к доктринерам его освобождения, к основателям социалистических сект. С другой стороны, революционные крестьяне, армия, провинции стали на сторону Горы. К Горе, таким образом, перешло командование над соединенными революционными силами, а ее соглашение с социалистами устранило всякий раскол в революционном лагере. Во вторую половину существования Конституанты Гора воплощала в себе ее республиканский пафос и заставила забыть свои грехи в период временного правительства, Исполнительной комиссии и июньских дней. По мере того, как партия «National» соответственно своей половинчатой природе позволяла роялистскому министерству себя придавить, партия Горы, устраненная со сцены во время всемогущества партии «National», теперь поднималась и приобретала значение как представительница революции в парламенте. В самом деле, партия «National» ничего не могла противопоставить другим, роялистским фракциям, кроме честолюбивых личностей и идеалистической болтовни. Партия Горы, напротив, представляла колеблющуюся между буржуазией и пролетариатом массу, материальные

интересы которой требовали демократических учреждений. В борьбе против Кавеньяка и Марраста Ледрю-Роллен и Гора стояли на почве истинной революции, и сознание этой важной роли придавало им тем большую храбрость, что проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышением голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фраз. Крестьяне находились приблизительно в таком же положении, как и мелкие буржуа, их социальные требования были приблизительно те же. Поэтому все средние слои общества, поскольку их захватило революционное движение, должны были видеть в Ледрю-Роллене своего героя. Ледрю-Роллен был главной фигурой демократической мелкой буржуазии. В борьбе с партией порядка должны были выдвинуться на первое место прежде всего полуконсервативные, полуреволюционные и всецело утопические реформаторы этого порядка.

Партия «National», «друзья конституции quand meme*», rеpublicains purs et simples** были совершенно разбиты на выборах. Ничтожное меньшинство их попало в законодательную палату; их наиболее известные вожди исчезли со сцены, в том числе даже Марраст, главный редактор и Орфей «добропорядочной» республики.

28 мая[31] открылось Законодательное собрание, 11 июня возобновилось столкновение 8 мая. Ледрю-Роллен от имени Горы представил обвинительный акт против президента и министерства в связи с нарушением конституции, бомбардировкой Рима. 12 июня Законодательное собрание отклонило этот обвинительный акт, как отклонило его Учредительное собрание 11 мая, но на этот раз пролетариат заставил Гору выйти на улицу, — правда, не для уличной борьбы, а для уличной процессии. Достаточно сказать, что Гора стояла во главе этого движения, чтобы понять, что это движение было подавлено и что июнь 1849 г. был столь же смешной, сколь и ничтожной пародией на июнь 1848 года. Великое отступление 13 июня затмил разве лишь еще более великий отчет о сражении, представленный Шангарнье, которого партия порядка срочно произвела в великие люди. Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях и, если их нет, она их изобретает, как говорит Гельвеций.

20 декабря существовала лишь одна половина учрежденной буржуазной республики — *президент,* 28 мая она была дополнена другой половиной — *Законодательным собранием.*

* — во что бы то ни стало, несмотря ни на что. *Ред.*
** — чистые республиканцы. *Ред.*

В июне 1848 г. учреждающаяся буржуазная республика была отмечена в метрической книге истории беспримерной битвой против пролетариата; в июне 1849 г. учрежденная буржуазная республика была отмечена в этой книге невыразимой комедией, разыгранной ею с мелкой буржуазией. Июнь 1849 г. был Немезидой, мстившей за июнь 1848 года. В июне 1849 г. не рабочие были побеждены, а сокрушены были мелкие буржуа, стоявшие между рабочими и революцией. Июнь 1849 г. был не кровавой трагедией, разыгравшейся между наемным трудом и капиталом, а жалкой, чреватой тюремным заключением пьесой, разыгранной должником и кредитором. Партия порядка победила, она стала всемогуща, — она должна была показать теперь свою сущность.

III
ПОСЛЕДСТВИЯ 13 ИЮНЯ 1849 г.

20 декабря голова Януса *конституционной республики* покавала только *одно* свое лицо, исполнительное, о расплывчато-плоскими чертами Луи Бонапарта. 28 мая 1849 г. она показала другое свое лицо, *законодательное,* усеянное рубцами, которые оставили после себя оргии Реставрации и Июльской монархии. Законодательное национальное собрание означало завершение создания *конституционной республики,* т. е. республиканской формы государства, в которой конституировано господство буржуазного класса, стало быть, совместное господство обеих больших роялистских фракций, представляющих в совокупности французскую буржуазию, объединенных легитимистов и орлеанистов, господство *партии порядка.* В то время как Французская республика сделалась, таким образом, собственностью коалиции роялистских партий, европейская коалиция контрреволюционных держав предприняла всеобщий крестовый поход против последних убежищ мартовских резолюций. Россия вторглась в Венгрию, прусские войска двинулись против армии, сражавшейся за имперскую конституцию, а Удино бомбардировал Рим. Европейский кризис явно приближался к решительному поворотному пункту, взоры всей Европы были устремлены на Париж, а взоры всего Парижа — на *Законодательное собрание.*

11 июня Ледрю-Роллен взошел на его трибуну. Он не произнес речи, он лишь сформулировал обвинение против министров, голое, без прикрас, фактическое, сжатое, тяжкое обвинение.

Нападение на Рим есть нападение на конституцию, нападение на Римскую республику есть нападение на Французскую республику. Статья V конституции[32] гласит: «Французская республика никогда не употребляет своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа», а президент обращает французские войска против римской свободы. Статья 54 конституции запрещает исполнительной власти объявлять какую бы то ни было войну без согласия Национального собрания[*]. Постановление Конституанты от 8 мая категорически повелевало министрам как можно скорее вернуть римскую экспедицию к ее первоначальной цели, оно, стало быть, не менее категорически воспрещало войну против Рима, — между тем Удино бомбардирует Рим. Ледрю-Роллен призвал, таким образом, самое конституцию в свидетели обвинения против Бонапарта и его министров. Роялистскому большинству Национального собрания он, трибун конституции, бросил в лицо грозное заявление: «Республиканцы сумеют заставить уважать конституцию всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!» — *«Силой оружия!»* — повторило стократное эхо Горы. Большинство ответило страшным шумом; председатель Национального собрания призвал Ледрю-Роллена к порядку; Ледрю-Роллен повторил свое вызывающее заявление и в заключение положил на стол председателя предложение предать суду Бонапарта и его министров. Национальное собрание большинством в 361 голос против 203 голосов вотировало по вопросу о бомбардировке Рима простой переход к очередным делам.

Неужели Ледрю-Роллен надеялся побить Национальное собрание с помощью конституции, а президента — с помощью Национального собрания?

Конституция, конечно, запрещала всякое нападение на свободу чужеземных народов, но, по словам министерства, французская армия нападала в Риме не на «свободу», а на «деспотизм анархии». Разве Гора, вопреки всему своему опыту в Учредительном собрании, все еще не понимала, что толкование конституции принадлежит не тем, кто ее составил, а лишь тем, кто ее принял? Что ее текст надо толковать в его жизнеспособном смысле и что буржуазный смысл — единственный жизнеспособный смысл ее? Что Бонапарт и роялистское большинство Национального собрания были подлинными толкователями конституции, точно так же как поп есть подлинный толкователь библии, а судья — подлинный толкователь закона?

[*] Здесь и дальше до конца работы под Национальным собранием понимается Законодательное национальное собрание, действовавшее с 28 мая 1849 по декабрь 1851 года (Легислатива). *Ред.*

Неужели Национальное собрание, только что вышедшее из лона всеобщих выборов, должно было считать, что оно связано завещанием мертвой Конституанты, когда и при жизни ее такой человек, как Одилон Барро, нарушал ее волю? Ссылаясь на решение Конституанты от 8 мая, разве Ледрю-Роллен забыл, что эта же Конституанта 11 мая отвергла его первое предложение о предании суду Бонапарта и его министров, что она оправдала президента и министров и таким образом санкционировала бомбардировку Рима как «конституционную», что по существу он только апеллировал против уже произнесенного приговора, притом апеллировал от республиканской Конституанты к роялистской Легислативе? Конституция сама призывает на помощь восстание, в особой статье призывая каждого гражданина охранять ее. Ледрю-Роллен опирался на эту статью. Но, с другой стороны, разве не для защиты конституции учреждены государственные власти, разве нарушение конституции не начинается лишь с того момента, когда одна из государственных конституционных властей восстает против другой? Между тем, президент республики, министры республики, Национальное собрание республики находились между собой в самом гармоническом согласии.

То, что пыталась устроить Гора 11 июня, было *«восстанием в пределах чистого разума»,* т. е. чисто *парламентским восстанием.* Она рассчитывала, что большинство Собрания, напуганное перспективой вооруженного восстания народных масс, уничтожит в лице Бонапарта и его министров свою собственную власть и значение своего собственного избрания. Разве Конституанта не пыталась уже подобным путем кассировать избрание Бонапарта, когда она так упорно настаивала на отставке министерства Барро — Фаллу?

Разве не было примеров из времен Конвента, когда парламентские восстания внезапно производили коренной переворот в отношениях большинства и меньшинства, — почему же не удастся молодой Горе то, что удавалось старой? — да и обстановка момента не казалась неблагоприятной для такого предприятия. Народное возбуждение в Париже дошло до такой степени, что стало внушать тревогу; судя по голосованию на выборах, армия не была расположена к правительству, большинство Законодательного собрания было еще слишком молодо, чтобы сорганизоваться, к тому же оно состояло из людей старых. Если бы Горе удалось парламентское восстание, кормило правления перешло бы непосредственно в ее руки. Демократическая мелкая буржуазия, со своей стороны, как всегда, ничего так страстно не желала, как того, чтобы борьба

произошла над ее головой, в облаках, между тенями членов парламента. Наконец, путем парламентского восстания как демократическая мелкая буржуазия, так и ее представительница, Гора, достигали своей великой цели: сокрушить мощь буржуазии, не развязывая рук пролетариату, не давая ему показаться иначе, как в отдалении; пролетариат был бы использован, не становясь опасным.

После вотума Национального собрания от 11 июня произошло свидание нескольких членов Горы с делегатами тайных рабочих обществ. Последние настаивали на том, чтобы начать восстание в тот же вечер. Гора решительно отвергла этот план. Она ни за что не хотела выпустить из своих рук руководство движением; к своим союзникам она относилась с таким же подозрением, как и к своим врагам, и она была права. Воспоминание об июне 1848 г. никогда еще так живо не волновало ряды парижского пролетариата. Тем не менее он был связан союзом с Горой. Она представляла в парламенте большинство департаментов, она преувеличивала свое влияние в армии, она располагала демократической частью национальной гвардии, наконец, она имела моральную поддержку лавочников. Начать восстание в этот момент вопреки воле Горы — это значило для пролетариата, ряды которого к тому же поредели от холеры и от безработицы, разогнавшей значительную массу его из Парижа, бесполезно повторить июньские дни 1848 г. при отсутствии той ситуации, которая толкала его тогда на отчаянную борьбу. Рабочие делегаты сделали то, что единственно было разумно. Они обязали Гору *скомпрометировать* себя, т. е. выйти из границ парламентской борьбы, в случае если ее обвинительный акт будет отвергнут. В продолжение всего 13 июня пролетариат занимал ту же скептически-наблюдательную позицию и выжидал серьезной, бесповоротной схватки между демократической национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели. На случай победы уже была организована пролетарская коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством. Парижских рабочих научила кровавая июньская школа 1848 года.

12 июня министр Лакрос сам внес в Законодательное собрание предложение перейти к немедленному обсуждению обвинительного акта. За ночь правительство приняло все меры для обороны и нападения; большинство Национального собрания имело твердое намерение заставить выйти на улицу мятежное меньшинство, само меньшинство не могло уже отступить, жребий был брошен; 377 голосов против 8 отвергли обвинительный

акт; Гора, отказавшаяся от участия в голосовании, полная злобы, бросилась в залы пропаганды «миролюбивой демократии», в редакцию газеты «Democratie pacifique»[33].

Удаление из здания парламента сломило силу Горы, подобно тому как гигант Антей, теряя соприкосновение с землей, своей матерью, терял и свою силу. Самсоны в стенах Законодательного собрания, монтаньяры[*] стали простыми филистерами в залах «миролюбивой демократии». Возгорелись долгие, шумные и пустые дебаты. Гора была полна решимости заставить уважать конституцию любыми средствами, «но *только не силой оружия».* В этом решении ее поддержали манифест[34] и депутация «друзей конституции». «Друзьями конституции» называли себя обломки клики «National», партии буржуазных республиканцев. В то время как из уцелевших представителей ее в парламенте шесть голосовали *против,* остальные все *за* отклонение обвинительного акта, в то время как *Кавеньяк* предоставил свою саблю в распоряжение партии порядка, более значительная внепарламентская часть клики жадно ухватилась за представившийся ей случай выйти из своего положения политических париев и протиснуться в ряды демократической партии. В самом деле, разве они не являлись естественными оруженосцами этой партии, спрятавшейся за их щит, за их *принцип,* за *конституцию!*

До самого утра «Гора» мучилась родами. Она родила *«прокламацию к народу»,* которая появилась утром 13 июня в более или менее скромных уголках двух социалистических газет[35]. Эта прокламация объявляла *«вне конституции»* (hors la Constitution) президента, министров и большинство Законодательного собрания и призывала «подняться» национальную гвардию, армию, а в заключение также и народ. *«Да здравствует конституция!»* было ее паролем, — паролем, который значил не что иное, как *«долой революцию!»*

Конституционной прокламации Горы соответствовала так называемая *мирная демонстрация,* устроенная 13 июня мелкими буржуа. Это была уличная процессия от Шато-д'О по бульварам; 30000 человек, большей частью национальные гвардейцы, без оружия, смешавшись с членами тайных рабочих секций, шли по бульварам с криками: *«Да здравствует конституция!».* Сами демонстранты выкрикивали этот лозунг механически, холодно, не от чистого сердца, и вместо того, чтобы усиливаться до громовых раскатов, эти возгласы находили иронический отклик у народа, толпившегося на тротуарах. Многоголосому

[*] — приверженцы Горы (от слова «montagne» — «гора»). *Ред.*

пению недоставало грудного голоса. Когда же шествие поравнялось со зданием заседаний «друзей конституции» и на фронтоне его появился наемный герольд конституции, который, размахивая изо всех сил своей клакерской шляпой и надрывая свои неимоверные легкие, засыпал паломников градом кликов *«да здравствует конституция!»,* — казалось, сами участники процессии на мгновение почувствовали весь комизм положения. Известно, что процессия, дойдя до угла улицы де ла Пе и бульваров, встретила вовсе не парламентский прием со стороны драгунов и стрелков Шангарнье и что участники в один миг рассыпались во все стороны и лишь на бегу издавали слабые крики «к оружию!» во исполнение парламентского призыва 11 июня к восстанию.

Большинство собравшихся на улице Азар членов Горы разбежалось в тот момент, когда насильственный разгон мирной процессии, глухие слухи об убийстве безоружных граждан на бульварах, все усиливавшееся уличное смятение — все, казалось, возвещало приближение восстания. *Ледрю-Роллен,* во главе небольшой группы депутатов, спас честь Горы. Под защитой парижской артиллерии, которая заняла Пале-Насиональ, они отправились к Консерватории искусств и ремесел, куда должны были прибыть 5-й и 6-й легионы национальной гвардии. Но монтаньяры напрасно ждали 5-й и 6-й легионы: эти осторожные гвардейцы оставили на произвол судьбы своих представителей, парижская артиллерия сама помешала народу построить баррикады, хаос и суматоха сделали невозможным принятие какого-либо решения, линейные войска надвинулись со штыками наперевес, часть депутатов была захвачена, часть скрылась. Так кончилось 13 июня.

Если 23 июня 1848 г. было днем восстания революционного пролетариата, то 13 июня 1849 г. было днем восстания демократических мелких буржуа; каждое из этих двух восстаний было *классически чистым* выражением того класса, который его поднял.

Только в Лионе дело дошло до упорного, кровавого столкновения. Здесь промышленная буржуазия и промышленный пролетариат стоят непосредственно лицом к лицу, рабочее движение не включено, как в Париже, в рамки всеобщего движения и им не определяется; поэтому 13 июня потеряло здесь в своем отражении свой первоначальный характер. В остальных местах провинции, где 13 июня нашло отклик, оно ничего не зажгло, — это была *холодная молния,*

13 июня закончился *первый период жизни конституционной республики,* которая начала свое нормальное существование

28 мая 1849 г., с открытием Законодательного собрания. Весь этот пролог заполнен шумной борьбой между партией порядка и Горой, между буржуазией и мелкой буржуазией; мелкая буржуазия тщетно сопротивлялась установлению буржуазной республики, в пользу которой сама же беспрерывно конспирировала во временном правительстве и в Исполнительной комиссии, за которую сама же с ожесточением билась против пролетариата в июньские дни. День 13 июня сломил ее сопротивление и сделал *законодательную диктатуру* объединенных роялистов свершившимся фактом. С этого момента Национальное собрание становится лишь *комитетом общественного спасения партии порядка.*

Париж поставил в *«положение обвиняемых»* президента, министров и большинство Национального собрания; они, в свою очередь, объявили Париж на *«осадном положении.* Гора объявила большинство Законодательного собрания *«вне конституции»,* большинство, в свою очередь, предало Гору Верховному суду за нарушение конституции и подвергло проскрипции все, что в этой партии еще сохраняло жизненную силу. От Горы осталось одно туловище без головы и сердца. Меньшинство дошло до попытки *парламентского восстания,* большинство возвело свой *парламентский деспотизм* в закон. Оно декретировало новый парламентский *регламент,* уничтоживший свободу трибуны и давший председателю Национального собрания право наказывать депутатов за нарушение порядка вынесением порицания, денежными штрафами, лишением оклада, временным исключением из заседаний, арестом. Над туловищем Горы повесило оно вместо меча розгу. Долг чести требовал бы от уцелевших депутатов Горы демонстративно сложить полномочия. Этот акт ускорил бы распадение партии порядка. Она должна была бы распасться на свои первоначальные составные части в тот момент, когда ее перестала бы объединять даже тень противодействия.

Одновременно с ее *парламентской* силой у демократической мелкой буржуазии отнята была также ее *вооруженная* сила; были распущены парижская артиллерия и 8-й, 9-й и 12-й легионы национальной гвардии. Напротив, легион финансовой аристократии, 13 июня напавший на типографии Буле и Ру, разбивший типографские станки, разгромивший редакции республиканских газет и незаконно арестовавший их редакторов, наборщиков, печатников, экспедиторов, рассыльных, получил поощрение с трибуны Национального собрания. По всей Франции повторился этот роспуск заподозренных в республиканизме национальных гвардейцев.

Новый *закон о печати,* новый *закон о союзах,* новый *закон об осадном положении,* переполнение парижских тюрем, изгнание политических эмигрантов, приостановка выпуска всех газет, идущих дальше «National», подчинение Лиона и пяти соседних департаментов грубому деспотизму солдатчины, вездесущий прокурорский надзор, новая чистка столько раз уже чищенной армии чиновников — вот неизбежные, постоянно повторяющиеся *трафаретные приемы* победоносной реакции, достойные упоминания после июньской бойни и июньских ссылок только потому, что на этот раз они были направлены не только против Парижа, но и против департаментов, не только против пролетариата, но прежде всего против средних классов.

Вся законодательная деятельность Национального собрания в продолжение июня, июля и августа была заполнена карательными законами, которые предоставили правительству право объявления осадного положения, еще крепче зажали рот печати и уничтожили право союзов.

Однако для этого периода характерно не *фактическое,* а *принципиальное* использование победы, не решения Национального собрания, а мотивировка этих решений, не дело, а фраза, даже не фраза, а акцент и жесты, оживлявшие фразу. Безудержно-наглая демонстрация *роялистских убеждений,* презрительно-аристократические оскорбления по адресу республики, кокетливо-фривольное выбалтывание реставраторских целей, одним словом, хвастливое нарушение *республиканских приличий* — вот что придает этому периоду особый тон и отпечаток. «Да здравствует конституция!» — был боевой клич *побежденных* 13 июня. Это избавило *победителей* от лицемерия конституционного, т. е. республиканского, языка. Контрреволюция победила Венгрию, Италию и Германию, и они уже видели реставрацию у ворот Франции. Между вожаками фракций партии порядка завязалась настоящая конкуренция; они наперерыв старались дать документальное подтверждение своего роялизма через «Moniteur», исповедаться, покаяться в кое-каких либеральных грехах, совершенных ими во времена монархии, испросить, за них прощение перед богом и людьми. Не проходило дня без того, чтобы с трибуны Национального собрания не объявляли февральскую революцию общественным бедствием, без того, чтобы какой-нибудь легитимистский захолустный помещик торжественно не заявлял, что он никогда не признавал республики, без того, чтобы кто-нибудь из трусливых перебежчиков и предателей Июльской монархии не расписывал задним числом своих подвигов, исполнению которых помешали только человеколюбие Луи-Филиппа или другие недоразумения.

Выходило так, что в февральских событиях заслуживало удивления не великодушие победоносного народа, а самопожертвование и умеренность роялистов, которые позволили ему победить себя. Один народный представитель предложил выдать часть денег, предназначенных для вспомоществования раненым в февральские дни, *муниципальным гвардейцам,* которые одни оказали в те дни услугу отечеству. Другой предлагал воздвигнуть конную статую герцога Орлеанского на площади Карусели. Тьер назвал конституцию грязным клочком бумаги. На трибуне по очереди появлялись орлеанисты, чтобы каяться в своих кознях против легитимной монархии, легитимисты, упрекавшие себя в том, что их сопротивление против нелегитимной монархии ускорило падение монархии вообще; Тьер каялся в том, что интриговал против Моле, Моле каялся в своих интригах против Гизо, Барро — в интригах против всех троих. Возглас «Да здравствует социально-демократическая республика!» был объявлен антиконституционным; возглас «Да здравствует республика!» преследовался в качестве социально-демократического. В годовщину битвы при Ватерлоо один из депутатов объявил: «Я не так боюсь вторжения пруссаков, как вступления революционных эмигрантов во Францию». В ответ на жалобы по поводу террора, организованного в Лионе и соседних департаментах, Бараге д'Илье сказал: «Я предпочитаю белый террор красному» («J'aime mieux la terreur blanche que la terreur rouge»). И Собрание неистово аплодировало каждый раз, когда из уст его ораторов вырывалась эпиграмма против республики, против революции, против конституции, за монархию, за Священный союз. Всякое нарушение малейших республиканских формальностей, например обращения к депутатам со словами «Citoyens»[*], приводило в восторг рыцарей порядка.

Парижские дополнительные выборы 8 июля, произведенные под воздействием осадного положения и при воздержании значительной части пролетариата от голосования, занятие Рима французской армией, вступление в Рим красных преподобий[36], а в их свите — инквизиции и террора монахов, — все это присоединяло новые победы к июньской победе, все усиливало упоение партии порядка.

Наконец, в середине августа роялисты декретировали двухмесячный перерыв заседаний Национального собрания — отчасти для того, чтобы присутствовать на заседаниях только что собравшихся департаментских советов, отчасти же потому, что переутомились от многомесячной оргии своего роялизма.

---

[*] — «Граждане». *Ред.*

С нескрываемой иронией они оставили в качестве заместителей Национального собрания, в качестве *стражей республики,* комиссию из двадцати пяти депутатов, такие сливки легитимистской и орлеанистской партий, как Моле и Шангарнье. Ирония была глубже, чем они ожидали. Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели.

С *перерывом* заседаний Законодательного собрания *закончился второй период в жизни конституционной республики, период ее роялистского неистовства.*

Осадное положение в Париже было опять отменено, печать снова начала функционировать. Во время приостановки социально-демократических газет, в период репрессивных мер и роялистского разгула «Siecle»[37], старый литературный представитель *монархически-конституционной мелкой буржуазии,* повернул к *республиканству;* «Presse»[38], старый орган *буржуазных реформаторов,* повернул к *демократизму,* а «National», старый классический орган *буржуазных республиканцев,* повернул к *социализму.*

По мере того как становились невозможными *открытые клубы,* получали большее распространение и усиливались *тайные общества.* Производительные *товарищества рабочих,* с которыми мирились как с чисто коммерческими обществами и которые не имели никакого экономического значения, в политическом отношении сыграли для пролетариата роль связующих звеньев. 13 июня снесло официальную верхушку различных полуреволюционных партий, зато у уцелевших масс выросла своя голова на плечах. Рыцари порядка сеяли страх, предсказывая ужасы красной республики, но подлые зверства и гиперборейские ужасы победоносной контрреволюции в Венгрии, в Бадене, в Риме добела омыли *«красную республику^.* И недовольные промежуточные классы французского общества начали предпочитать посулы красной республики с ее проблематическими ужасами ужасам красной монархии с ее фактической безнадежностью. Ни один социалист не сделал во Франции большего для революционной пропаганды, чем *Гайнау.* A chaque capacite selon ses oeuvres![*]

Между тем Луи Бонапарт использовал каникулы Национального собрания для августейших поездок по провинции, самые горячие из легитимистов отправились в Эмс на поклонение к потомку святого Людовика[39], а масса депутатов из

[*] — Каждому таланту по его делам! (Маркс здесь обыгрывает известную сен-симонистскую формулу). *Ред.*

партии порядка занялась интригами в только что собравшихся департаментских советах. Надо было заставить советы высказать то, чего не осмеливалось еще произнести большинство Национального собрания, надо было, чтобы они *потребовали немедленного пересмотра конституции.* Согласно конституции, этот пересмотр мог состояться лишь в 1852 г. в особо созванном для этой цели национальном собрании. Но если бы большинство департаментских советов высказалось за пересмотр,— неужели голос Франции не заставил бы Национальное собрание пожертвовать девственностью конституции? Национальное собрание ожидало от этих провинциальных собраний того самого, чего ожидали в «Генриаде» Вольтера монахини от пандуров. Но, за немногими исключениями, Пентефрии Национального собрания натолкнулись в провинции на не меньшее число Иосифов. Громадное большинство не хотело понимать назойливых внушений. Пересмотру конституции помешало то самое орудие, которое должно было вызвать его к жизни: голосование департаментских советов. Франция, и притом буржуазная Франция, высказалась, и высказалась против пересмотра.

В начале октября Законодательное национальное собрание снова открыло свои заседания — tantum mutatus ab illo![*] Его физиономия совершенно преобразилась. Неожиданное отклонение пересмотра конституции со стороны департаментских советов вернуло его в пределы конституции и напомнило ему о пределах его существования. Орлеанистам стали внушать подозрения паломничества легитимистов в Эмс, легитимистов начали тревожить сношения орлеанистов с Лондоном[40], газеты обеих фракций раздували огонь и взвешивали взаимные притязания своих претендентов. Орлеанисты вместе с легитимистами злились на происки бонапартистов, проявившиеся в августейших поездках президента, в его более или менее явных попытках сбросить с себя конституционную узду, в заносчивом языке бонапартистских газет; Луи Бонапарт, со своей стороны, злился на Национальное собрание, которое признавало право на конспирацию только за легитимистами и орлеанистами, и на министерство, которое постоянно изменяло ему в пользу этого Национального собрания. Наконец, в самом министерстве произошел раскол по вопросу о римской политике и предложенном министром *Пасси подоходном налоге,* который консерваторы честили как социалистический.

Одним из первых предложений министерства Барро во вновь собравшемся Законодательном собрании было требование

[*] — но как оно изменилось! (Вергилий, «Энеида»), *Ред.*

кредита в 300000 франков для уплаты вдовьей пенсии *герцогине Орлеанской.* Национальное собрание согласилось на это и прибавило к реестру долгов французской нации сумму в 7 миллионов франков. Между тем как Луи-Филипп продолжал таким образом с успехом играть роль «pauvre honteux» — стыдливого нищего, — министерство не решалось предложить Собранию увеличить содержание Бонапарта, а Собрание не казалось склонным разрешить эту надбавку, и Луи Бонапарт, как всегда, стоял перед дилеммой: *Aut Caesar, aut Clichy!*[*]

Второе требование министерства относительно кредита в 9 миллионов франков для покрытия *издержек по римской экспедиции* еще более усилило натянутые отношения между Бонапартом, с одной стороны, и министрами и Национальным собранием — с другой. Луи Бонапарт обнародовал в «Moniteur» письмо к своему адъютанту Эдгару Нею, в котором он связывал папское правительство конституционными гарантиями. Папа, со своей стороны, издал обращение: «motu proprio»[41], в котором отвергал всякое ограничение своей восстановленной власти. Письмо Бонапарта с умышленной нескромностью приподнимало занавес над его кабинетом, чтобы выставить его самого перед взорами, галерки в качестве благожелательного, ноне признанного даже в собственном доме и скованного гения. Он не в первый раз кокетничал «затаенными взмахами крыльев свободной души»[42]. *Тьер,* докладчик комиссии, совершенно игнорировал взмахи крыльев Бонапарта и ограничился тем, что перевел папское обращение на французский язык. Не министерство, а *Виктор Гюго* сделал попытку выручить президента, предложив Национальному собранию высказать свое одобрение письму Наполеона. «Allons donc! Allons donc!»[**]— таким непочтительно-легкомысленным восклицанием похоронило большинство предложение Гюго. Политика президента? Письмо президента? Сам президент? «Allons donc! Allons donc!» Кто же принимает г-на Бонапарта всерьез? Думаете ли вы, г-н Виктор Гюго, что мы верим вам, будто вы верите в президента? «Allons donc! Allons donc!»

Наконец, разрыв между Бонапартом и Национальным собранием был ускорен благодаря прениям по поводу проекта *возвращения Орлеанов и Бурбонов в страну.* За отсутствием министерства кузен президента[***], сын экс-короля Вестфалии, внес в палату это предложение, которое имело целью не что иное,

[*] — Либо Цезарь, либо долговая тюрьма! (Перефразировка слов Юлия Цезаря «Aut Caesar, aut nihil — «Либо Цезарь, либо ничто»). *Ред.*

[**] — «Полноте! Полноте!» *Ред.*

[***] — принц Наполеон Бонапарт. *Ред.*

как поставить легитимистских и орлеанистских претендентов на одну доску с бонапартистским претендентом или, вернее, *ниже* его, так как он, по крайней мере, фактически стоял на вершине государственной власти.

Наполеон Бонапарт был достаточно непочтителен, чтобы соединить в одно предложение *возвращение изгнанных королевских фамилий и амнистию июньским инсургентам.* Негодование большинства тотчас же заставило его взять назад это кощунственное сочетание святого и нечестивого, королевской породы и пролетарского исчадия, неподвижных звезд общества и его блуждающих болотных огоньков, и отвести должное место каждому из двух предложений. Большинство энергично отвергло проект призвания в страну королевских фамилий, и *Берье,* Демосфен легитимистов, не оставил никаких сомнений насчет значения этого вотума. Разжалование претендентов в простые граждане — вот цель, которую преследуют! Их хотят лишить ореола святости, последнего уцелевшего у них величия, *величия изгнания!* Что подумали бы о том из претендентов, — воскликнул Берье, — который, забыв свое высокое происхождение, вернулся бы во Францию жить здесь простым частным лицом? Яснее нельзя было сказать Бонапарту, что он ничего не выиграл своим присутствием в стране, что если он нужен был объединенным роялистам здесь, на президентском кресле, в качестве *нейтральной личности,* то настоящие претенденты на корону должны были оставаться скрытыми от непосвященных взоров туманом изгнания.

1 ноября Луи Бонапарт ответил Законодательному собранию посланием, в котором в довольно резких выражениях извещал об отставке министерства Барро и образовании нового министерства. Министерство Барро — Фаллу было министерством роялистской коалиции, министерство Опуля — министерством Бонапарта, орудием президента против Законодательного собрания, *министерством приказчиков.*

Бонапарт уже не был теперь только *нейтральной личностью* 10 декабря 1848 года. Как глава исполнительной власти, он стал центром известных интересов, борьба с анархией заставила самое партию порядка усилить его влияние, и, если он уже не был популярен, то она вообще была непопулярна. Разве он не мог надеяться, что соперничество орлеанистов и легитимистов, с одной стороны, и необходимость какой бы то ни было монархической реставрации — с другой, заставят обе эти фракции признать *нейтрального претендента?*

С 1 ноября 1849 г. начинается третий период в жизни конституционной республики, заканчивающийся 10 марта 1850 года.

Начинается обычная игра конституционных учреждений, которой так восхищается Гизо, т. е. раздоры между исполнительной и законодательной властью. Но это не все. Против реставраторских вожделений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает юридическое основание своей фактической власти — республику; против реставраторских вожделений Бонапарта партия порядка защищает юридическое основание своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo* — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto** своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вожделениям своих соперников общее господство буржуазии, форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, — *республику.*

Как у Канта республика, в качестве единственной рациональной государственной формы, становится постулатом практического разума, который никогда не осуществляется, но осуществление которого всегда должно быть нашей целью и предметом наших помыслов, — так для этих роялистов постулатом является *монархия.*

Таким образом, конституционная республика, вышедшая из рук буржуазных республиканцев пустой идеологической формулой, в руках объединенных роялистов стала полной содержания, живой формой. Тьер и не подозревал, какая правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики».

Падение министерства коалиции, появление министерства приказчиков имело еще и другое значение. Министр финансов в новом кабинете носил имя *Фульд.* Сделать Фульда министром финансов значило официально отдать французское национальное богатство в руки биржи, управлять государственным достоянием через биржу и в интересах биржи. Вместе с назначением Фульда финансовая аристократия объявила в «Moniteur» о своей реставрации. Эта реставрация необходимо дополняла собой все остальные реставрации и вместе с ними являлась звеном в цепи конституционной республики.

Луи-Филипп ни разу не осмелился сделать министром финансов настоящего loup-cervier***. Подобно тому как его

* — существующее положение, существующий порядок. *Ред.*
** — в душе. *Ред.*
*** — биржевого волка. *Ред.*

монархия была идеальным названием для господства верхушки буржуазии, так и в его министерствах привилегированные интересы должны были носить идеологические имена, свидетельствующие о личной незаинтересованности. В буржуазной республике повсюду выступило на авансцену то, что различные монархии, легитимная и орлеанистская, прятали за кулисами. Она низвела на землю то, что те возносили на небеса. Имена святых она заменила буржуазными собственными именами господствующих классовых интересов.

Все наше изложение показало, каким образом республика с первого же дня своего существования не только не уничтожила господства финансовой аристократии, а, напротив, укрепляла его. Но она делала ей уступки против воли, подчиняясь року. С Фульдом же правительственная инициатива вернулась в руки финансовой аристократии.

Спросят, каким образом буржуазная коалиция могла сносить и терпеть господство финансовой аристократии, которое при Луи-Филиппе покоилось на отстранении от власти или на подчинении остальных слоев буржуазии?

Ответ на это простой.

Прежде всего, финансовая аристократия сама образует важную руководящую группу внутри роялистской коалиции, общая правительственная власть которой называется республикой. Разве ораторы и «таланты» орлеанистов не были старыми союзниками и сообщниками финансовой аристократии? Разве сама она не является золотой фалангой орлеанистов? Что касается легитимистов, то они уже при Луи-Филиппе практически участвовали во всех оргиях биржевых, горных и железнодорожных спекуляций. Вообще союз крупного землевладения с финансовой аристократией есть *нормальное явление.* Доказательство — *Англия,* доказательство — даже *Австрия.*

В такой стране, как Франция, где объем национального производства составляет непропорционально малую величину по сравнению с размером государственного долга, где государственная рента является важнейшим предметом спекуляции, а биржа представляет главный рынок для приложения капитала, желающего расти непроизводительным путем, — в такой стране бесчисленное множество лиц из всех буржуазных и полубуржуазных классов не может не быть заинтересовано в государственном долге, в, биржевой игре, в финансах. А разве все эти второстепенные участники биржевой игры не находят свою естественную опору и руководство в той фракции, которая представляет те же интересы, но в колоссальных размерах, представляет их в общем и целом?

Чем же обусловлено, что государственное достояние попало в руки финансовой аристократии? Постоянно растущей задолженностью государства. А в чем причина этой задолженности государства? В постоянном перевесе его расходов над доходами, в несоответствии, которое является одновременно и причиной и следствием системы государственных займов.

Чтобы избегнуть этой задолженности, государство должно ограничить свои расходы, т. е. упростить правительственный организм, уменьшить его размеры, управлять возможно меньше, держать как можно меньший персонал чиновников, как можно меньше вмешиваться в дела гражданского общества. Партия порядка не могла пойти этим путем; она должна была все более усиливать свои репрессивные мероприятия, свое официальное вмешательство от лица государства, свое вездесущие в лице государственных органов, по мере того как росли опасности, со всех сторон угрожавшие ее господству и условиям существования ее класса. Нельзя уменьшать состав жандармерии, в то время, когда учащаются преступления против личности и собственности.

Либо же государство должно попытаться обойтись без долгов, установить на момент хотя бы скоропреходящее равновесие в бюджете, возложив на плечи состоятельнейших классов населения *чрезвычайные налоги.* По должна ли партия порядка для избавления национального богатства от биржевой эксплуатации принести в жертву на алтарь отечества свое собственное богатство? Pas si bete![*]

Словом, без коренного переворота во французском государстве немыслим переворот в государственных финансах Франции. А с этими государственными финансами необходимо связала задолженность государства, с задолженностью государства — господство спекуляции на государственных долгах, господство государственных кредиторов, банкиров, торговцев деньгами, биржевых волков. Только одна фракция партии порядка была прямо заинтересована в падении финансовой аристократии, это — *фабриканты.* Мы говорим не о средних, не о мелких промышленниках, но о промышленных магнатах, составлявших при Луи-Филиппе широкий базис династической оппозиции. Их интересы, несомненно, требовали уменьшения издержек производства, стало быть — уменьшения налогов, которые входят в издержки производства, стало быть, уменьшения государственных долгов, проценты с которых входят в эти налоги, —

[*] — Не так уж она глупа! *Ред.*

другими словами, их интересы требовали падения финансовой аристократии.

В Англии — а крупнейшие французские фабриканты являются мелкими буржуа в сравнении со своими английскими соперниками — мы действительно видим фабрикантов, какого-нибудь Кобдена или Брайта, во главе крестового похода против банка и биржевой аристократии. Отчего же нет этого во Франции? В Англии преобладает промышленность, во Франции — земледелие. В Англии промышленность нуждается в free trade*, во Франции — в покровительственных пошлинах, в национальной монополии наряду с другими монополиями. Французская промышленность не господствует над французским производством, поэтому французские фабриканты не господствуют над французской буржуазией. Чтобы отстоять свои интересы от других фракций буржуазии, они не могут, как англичане, стать во главе движения и тем самым выдвинуть свои классовые интересы на первое место; они должны идти в хвосте революции и служить интересам, противоположным общим интересам их класса. В феврале они не поняли своего положения, но февраль научил их уму-разуму. И кому ближе всего грозит опасность со стороны рабочих, как не работодателю, промышленному капиталисту? Поэтому во Франции фабрикант необходимо примкнул к наиболее ярым фанатикам партии порядка. Правда, финансовые воротилы урезывают его *прибыль, но что это в сравнении с полным уничтожением ее пролетариатом?*

Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа; рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа; кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ[43]; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира.

* — свободе торговли. *Ред.*

Вернемся к Фульду.

14 ноября 1849 г. Фульд взошел на трибуну Национального собрания и изложил свою финансовую систему: апология старой налоговой системы! сохранение налога на вино! отказ от подоходного налога Пасси!

Пасси тоже не был революционером, он был старым министром Луи-Филиппа. Он принадлежал к пуританам типа Дюфора и к самым интимным друзьям Теста, этого козла отпущения Июльской монархии!* Пасси тоже расхваливал старую налоговую систему, он тоже предлагал сохранить налог на вино, но в то же время он сорвал завесу с государственного дефицита. Он объявил, что избежать государственного банкротства можно только с помощью нового налога — подоходного. Фульд, предлагавший некогда Ледрю-Роллену государственное банкротство, предложил Законодательному собранию государственный дефицит. Он обещал сбережения, тайна которых обнаружилась впоследствии: например, расходы уменьшились на 60 миллионов, а текущий долг увеличился на 200 миллионов — подозрительные фокусы в группировке цифр, в подсчетах, что в конце концов сводилось к новым займам.

При Фульде финансовая аристократия, поставленная рядом с остальными соперничающими фракциями буржуазии, конечно, не проявляла столь цинично свое корыстолюбие, как при Луи-Филиппе. Но система оставалась та же: тот же постоянный рост государственных долгов, тот же замаскированный дефицит. А с течением времени старое биржевое мошенничество выступило откровеннее. Доказательства: закон об Авиньонской железной дороге, таинственные колебания государственных бумаг, ставшие одно время злобой дня во всем Париже, наконец, неудавшиеся спекуляции Фульда и Бонапарта на выборах 10 марта.

С официальной реставрацией финансовой аристократии французский народ должен был вскоре снова оказаться перед 24 февраля.

Конституанта, в припадке ненависти к своей наследнице, отменила налог на вино на 1850 год. Отмена старых налогов не давала средств для уплаты новых долгов. *Кретон,* один из

* 8 июля 1847 г. в Париже в палате пэров начался процесс против Парментье и генерала Кюбьера — они обвинялись в подкупе чиновников с целью получить соляную концессию — и против тогдашнего министра общественных работ Теста, обвинявшегося в том, что он принимал от них взятки. Последний во время процесса пытался покончить с собой. Все были приговорены к крупным денежным штрафам. Тест, кроме того, — и трем годам тюремного заключения. *(Примечание Энгельса к изданию 1895 г.)*

кретинов партии порядка, предложил еще до перерыва заседаний Законодательного собрания сохранить налог на вино. Фульд принял это предложение от имени бонапартистского министерства, и 20 декабря 1849 г., в годовщину провозглашения Бонапарта президентом, Национальное собрание декретировало *реставрацию налога на вино.*

Адвокатом этой реставрации был не финансист, а вождь иезуитов *Монталамбер.* Его аргументация была поражающе проста. Налог — это материнская грудь, кормящая правительство; правительство — это орудия репрессий, это органы авторитета, это армия, это полиция, это чиновники, судьи, министры, это *священники.* Покушение на налог есть покушение анархистов на стражей порядка, охраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от посягательств пролетарских вандалов. Налог — это пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. А налог на вино есть бесспорно налог, и притом не обыкновенный, а стародавний, проникнутый монархизмом, почтенный налог. Vive l'impot des boissons! Three cheers and one more*.

Когда французский крестьянин хочет представить себе черта, он представляет его в виде сборщика налогов. С того момента, как Монталамбер объявил налог богом, крестьянин стал безбожником, атеистом, и бросился в объятия к черту — *социализму.* По легкомыслию религия порядка его потеряла, иезуиты его потеряли, Бонапарт его потерял. 20 декабря 1849 г. навсегда скомпрометировало 20 декабря 1848 года. «Племянник своего дяди» был в своей семье не первый, которого погубил налог на вино, налог, пахнущий, по словам Монталамбера, революционной грозой. Настоящий, великий Наполеон на острове Св. Елены говорил, что восстановление налога на вино более чем что-либо другое было причиной его падения, так как оттолкнуло от него крестьян Южной Франции. Уже при Людовике XIV этот налог был главным предметом народной ненависти (см. сочинения Буагильбера и Вобана). Первая революция отменила его, а Наполеон снова ввел в 1808 г. в несколько измененном виде. Когда Реставрация вступала во Францию, путь ей прокладывали не только гарцующие казаки, по и обещания отменить налог на вино. Конечно, gentilhommerie** не обязано было сдержать слово, данное gens taillable a merci et misericorde***. 1830 год обещал отменить налог на вино. Не в духе этого года было делать то, что говорилось, и

* — Да здравствует налог на вино! Троекратное ура и еще раз ура. *Ред.*
** — дворянство. *Ред.*
*** — бесправному низшему сословию. *Ред.*

говорить то, что делалось. 1848 год обещал отменить налог на вино, так же как он все обещал. Наконец, Конституанта, которая ничего не обещала, распорядилась, как мы уже сказали, в своем завещании, чтобы налог на вино был отменен с 1 января 1850 года. Но как раз за десять дней до 1 января 1850 г. Законодательное собрание снова, его ввело. Таким образом, французский народ тщетно пытался изгнать этот налог: когда он выбрасывал его за дверь, тот снова влетал в окно.

Налог на вино недаром служил предметом народной ненависти: в нем соединились все ненавистные стороны французской налоговой системы. Способ его взимания ненавистен, способ распределения аристократичен, так как процентная ставка обложения одинакова как для самых обыкновенных, так и для самых дорогих вин; он, стало быть, увеличивается в геометрической прогрессии, по мере того как уменьшается имущество потребителя; это — прогрессивный налог навыворот. Он является премией за фальсификацию и подделку вина и таким образом вызывает систематическое отравление трудящихся классов. Он сокращает потребление, воздвигая у ворот каждого города с населением свыше 4000 человек акцизные заставы и превращая каждый такой город в чужую страну, защищенную от французского вина покровительственными пошлинами. Крупные виноторговцы и в еще большей степени мелкие, так называемые marchands de vin, владельцы винных погребков, доходы которых непосредственно зависят от потребления вина, все они — заклятые враги налога на вино. И, наконец, сокращая потребление, налог на вино суживает у производства рынок сбыта. Лишая городских рабочих возможности покупать вино, он лишает крестьян-виноделов возможности продавать его. А Франция насчитывает приблизительно 12 миллионов виноделов. Понятна поэтому ненависть всего народа к налогу на вино, понятно в особенности фанатичное ожесточение против него крестьян. К тому же в восстановлении налога на вино они видели не единичное, более или менее случайное событие. Крестьяне имеют свои особые исторические традиции, которые переходят от отца к сыну, и в этой исторической школе установилось такое убеждение, что всякое правительство, когда оно хочет обмануть крестьян, обещает им отмену налога на вино, а как только оно обмануло их, то сохраняет его в силе или восстанавливает. На налоге на вино крестьянин пробует букет правительства, его тенденцию. Восстановление налога на вино 20 декабря означало: *Луи Бонапарт — такой же, как другие.* Но он не был такой, как другие, он был *изобретением крестьян,* и в покрытых миллионами подписей петициях против налога

крестьянство взяло назад свои голоса, отданные им год назад «племяннику своего дяди».

Сельское население, больше двух третей всего французского населения, состоит главным образом из так называемых свободных *земельных собственников.* Первое поколение, безвозмездно освобожденное революцией 1789 г. от феодальных повинностей, ничего не заплатило за свою землю. Но последующие поколения уплачивали под видом *цены за землю* то, что их полукрепостные предки уплачивали в свое время в форме ренты, десятины, барщины и т. д. Чем более, с одной стороны, росло народонаселение, а с другой — увеличивалось дробление земель, тем дороже становилась цена мелкого земельного участка, так как вместе с уменьшением размеров парцелл вырастал спрос на них. Но по мере того как росла цена, уплачиваемая крестьянином за парцеллу — покупал ли он ее прямо или она засчитывалась ему сонаследниками в качестве капитала, — необходимо росла в той же мере *задолженность крестьянина,* т. е. *ипотека.* Долговое обязательство, тяготеющее на земле, и называется *ипотекой,* закладной на землю. Подобно тому, как средневековый земельный участок обрастал *привилегиями,* так современная парцелла обрастает *ипотеками.*—С другой стороны, при парцельной системе земля является для ее собственника простым *орудием производства.* Но в той же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к обработке почвы, разделение труда, крупные мелиорационные мероприятия, как то: устройство осушительных и оросительных каналов и т. д., — становятся все более и более недоступными, а *непроизводительные издержки* на обработку земли растут в той же пропорции, как и дробление самого этого орудия производства. Все это происходит независимо от того, обладает ли собственник парцеллы капиталом или нет. Но чем дальше идет процесс дробления земли, тем больше весь капитал пар-цельного крестьянина сводится к земельному участку с самым жалким инвентарем, тем меньше становится возможным приложение капитала к земле, тем больше ощущается у беднейшего крестьянина [Kotsass] недостаток в земле, деньгах и образовании, необходимых для использования успехов агрономии, тем больше регрессирует обработка земли. Наконец, *чистый доход* уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается *валовое потребление* и в какой всю семью крестьянина удерживает от других занятий ее собственность, которая, однако, не обеспечивает ее существования.

Итак, в той же мере, в какой увеличивается население и дробление земли, в той же мере *дорожает орудие производства,*

земля, и уменьшается *ее плодородие,* в той же мере *падает земледелие и растет задолженность крестьянина.* И то, что было следствием, в свою очередь становится причиной. Каждое поколение оставляет все больше долгов следующему, каждое новое поколение начинает свою жизнь при все более неблагоприятных и тяжелых условиях, ипотечная задолженность порождает все новую ипотечную задолженность, и когда крестьянин не может уже перезакладывать свой клочок земли под *новые долги,* т. е. обременять его новыми ипотеками, он прямо попадает в лапы *ростовщика,* и тем больше становятся *ростовщические проценты.*

Таким образом, французский крестьянин в виде *процентов* на тяготеющие на земле *ипотеки* и в виде процентов на *неипотечные ссуды у ростовщика* отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, — не только *весь чистый доход,* но даже *часть своей заработной платы;* он опустился таким образом до уровня *ирландского арендатора,* и все это под видом *частного собственника.*

Этот процесс был ускорен во Франции все растущим *бременем налогов* и *судебными издержками,* вызванными частью непосредственно самими формальностями, которыми французское законодательство обставляет земельную собственность, частью бесчисленными конфликтами между владельцами всюду соприкасающихся и перекрещивающихся парцелл, частью же страстью к тяжбам, свойственной крестьянам, для которых все наслаждение собственностью сводится к фанатичной защите воображаемой собственности, *права собственности.*

По статистическим вычислениям 1840 г., валовой продукт французского земледелия составлял 5237178000 франков. Из этой суммы надо вычесть 3552000000 фр. на издержки по обработке, включая сюда потребление земледельцев. Остается чистый продукт в 1685178000 фр., из которых 550 миллионов надо скинуть на проценты по ипотекам, 100 миллионов на судебных чиновников, 350 миллионов на налоги и 107 миллионов на нотариальный сбор, гербовый сбор, на пошлины с ипотек и т. д. Остается третья часть чистого продукта — 538000000; на душу населения не приходится и 25 фр. чистого дохода[44]. В этом вычислении, конечно, не приняты во внимание ни неипотечное ростовщичество, ни расходы на адвокатов и т. д.

Теперь понятно положение французских крестьян, когда республика прибавила к их старым тяготам еще новые. Ясно, что эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по *форме.* Эксплуататор тот же

самый — *капитал.* Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством *ипотек* и *ростовщичества;* класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством *государственных налогов.* Право крестьянской собственности является талисманом, при помощи которого капитал до сих пор держал в своей власти крестьян, предлогом, которым он пользовался, чтобы натравливать их против промышленного пролетариата. Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации. *Конституционная республика,* это— диктатура его объединенных эксплуататоров; *социально-демократическая, красная* республика, это — диктатура его союзников. И чаши весов падают или поднимаются в зависимости от голосов, которые крестьянин бросает в избирательную урну. Он сам должен решать свою судьбу. — Так говорили социалисты в памфлетах, в альманахах, в календарях, во всевозможных листовках. Эти идеи стали еще понятнее крестьянину благодаря полемическим сочинениям партии порядка; она тоже обращалась к нему и своими грубыми преувеличениями, своим бессовестным искажением социалистических идей и стремлений как раз попадала в настоящий крестьянский тон и разжигала жадность крестьянина к запретному плоду. Но понятнее всего говорил самый опыт, приобретенный классом крестьян при использовании избирательного права, говорили те разочарования, которые одно за другим обрушивались на него в стремительном развитии революции. *Революции — локомотивы истории.*

Постепенный переворот в настроении крестьянства проявился в различных симптомах. Он сказался уже на выборах в Законодательное собрание, сказался в том, что было введено осадное положение в пяти департаментах вокруг Лиона, сказался спустя несколько месяцев после 13 июня в избрании департаментом Жиронды монтаньяра на место бывшего председателя «бесподобной палаты» [chambre introuvable][*], сказался 20 декабря 1849 г. в избрании красного на место умершего легитимистского депутата департамента *Гар*[45], этой обетованной страны легитимистов, арены ужаснейших расправ с республиканцами в 1794 и 1795 гг., главного очага terreur blanche[**] 1815 года, где открыто убивали либералов и протестантов. Это

[*] Под таким названием известна в истории выбранная в 1815 г., непосредственно после второго отречения Наполеона, палата депутатов, фанатично ультрароялистская и реакционная. *(Примечание Энгельса к изданию 1895 г.)*

[**] — белого террора. *Ред.*

революционизирование самого неподвижного класса ярче всего сказалось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., направлены были почти исключительно против *департаментов* и *крестьян,* что является самым убедительным доказательством их пробуждения.

Циркуляр Опуля, поставивший жандарма в положение инквизитора по отношению к префекту, супрефекту и прежде всего к мэру, вводивший систему шпионажа вплоть до глухих углов самых захолустных деревень; *закон против школьных учителей,* подчинявший их, идеологов, защитников, воспитателей и советчиков крестьянского класса, произволу префекта, гонявший их, пролетариев класса ученых, словно затравленную дичь, из одной деревни в другую; *законопроект против мэров,* повесивший над головой последних дамоклов меч отставки и каждый момент противопоставлявший их, президентов крестьянских общин, президенту республики и партии порядка; *указ,* превративший 17 военных округов Франции в четыре пашалыка[46] и сделавший казарму и бивуак национальным салоном французов; *закон об образовании,* которым партия порядка объявила невежество и насильственное отупление Франции необходимым условием своего существования при режиме всеобщего избирательного права, — что представляли собой все эти законы и мероприятия? Отчаянные попытки снова подчинить партии порядка департаменты и крестьянство департаментов.

Как *репрессии,* это были жалкие средства, бившие мимо цели. Крупные меры, как сохранение налога на вино и 45-сантимного налога, издевательское отклонение крестьянских петиций о возвращении миллиарда и т. д. — все эти законодательные громы и молнии поражали крестьянский класс только сразу, оптом, из центра. Перечисленные же выше законы и мероприятия придавали нападению и сопротивлению *всеобщий* характер, делали их темой разговоров в каждой хижине, они прививали революцию каждой деревне, они *переносили революцию на места и окрестьянивали ее.*

С другой стороны, не доказывают ли эти проекты Бонапарта и принятие их Национальным собранием согласия обеих властей конституционной республики там, где дело идет о подавлении анархии, т. е. всех тех классов, которые восстают против диктатуры буржуазии? Разве *Сулук* тотчас после своего грубого послания[47] не заверил Законодательное собрание в своей преданности делу порядка в непосредственно затем последовавшем послании *Карлье*[48], этой грязной и пошлой карикатуры на

Фуше, подобно тому как и сам Луи Бонапарт был плоской карикатурой на Наполеона?

Закон об образовании показывает нам союз молодых католиков и старых вольтерьянцев. Господство соединенной буржуазии — чем же еще могло оно быть, как не объединенным деспотизмом дружественной иезуитам Реставрации и спекулировавшей вольнодумством Июльской монархии? Оружие, которым каждая из буржуазных фракций снабжала народ в своей борьбе против других за верховную власть, — разве не должны были они снова вырвать его из рук народа, раз он противостал их объединенной диктатуре? Ничто, даже отклонение закона о concordats a I'amiable, не возмутило так парижского лавочника, как это демонстративное кокетничание *иезуитизмом.*

Между тем столкновения между различными фракциями партии порядка, так же как между Национальным собранием и Бонапартом, продолжались своим чередом. Не понравилось Национальному собранию, что Бонапарт непосредственно после своего coup d'etat, после образования собственного бонапартистского министерства, призвал к себе вновь произведенных в префекты инвалидов монархии и поставил условием их службы запрещенную конституцией агитацию в пользу вторичного избрания его президентом; не понравилось, что Карлье ознаменовал свое назначение закрытием одного легитимистского клуба; не понравилось, что Бонапарт основал собственную газету «Napoleon»[49], которая открывала публике тайные вожделения президента, в то время как министры должны были отрекаться от них на подмостках Законодательного собрания; не понравилось Собранию, что Бонапарт, несмотря на все вотумы недоверия, упорно не увольнял своих министров; не понравилась попытка приобрести расположение унтер-офицеров прибавкой четырех су к их ежедневному жалованью и расположение пролетариата посредством плагиата из «Парижских тайн» Эжена Сю — посредством учреждения «ссудного банка чести»; наконец, не понравилось то бесстыдство, с которым через министров Бонапарта было внесено предложение сослать в Алжир уцелевших июньских инсургентов, чтобы сделать Законодательное собрание непопулярным en gros*, тогда как себе самому президент обеспечивал популярность en detail** отдельными актами помилования. *Тьер* произнес угрожающие слова о «coup d'etat» и «coups de tete»***, а Законодательное

* — оптом. *Ред.*

** — в розницу. *Ред.*

*** — Игра слов: «coup d'etat»—«государственный переворот», «coups de tete» — «опрометчивые поступки». *Ред.*

собрание мстило за себя Бонапарту тем, что отвергало всякий законопроект, который он вносил в собственных интересах, и с шумной подозрительностью исследовало всякий проект, который он вносил в общих интересах, выясняя, не пытается ли Бонапарт усилить свою личную власть под предлогом усиления исполнительной власти. Одним словом, оно *мстило заговором презрения.*

Партию легитимистов, в свою очередь, раздражало, что более ловкие орлеанисты снова захватывают в свои руки почти все государственные должности, что *централизация* растет, тогда как она ожидала успеха своего дела от *децентрализации.* И действительно, контрреволюция *насильственно проводила централизацию,* т. е. подготовляла механизм революции. Установив обязательный курс для банковых билетов, она *централизовала,* даже золото и серебро Франции в Парижском банке и создала таким образом *готовую военную казну* революции.

Наконец, орлеанистов раздражало, что их принципу побочной династии противопоставляется вновь выплывший принцип легитимизма, что их самих постоянно осаживают и третируют, подобно тому как дворянин третирует свою супругу буржуазного происхождения.

Мы шаг за шагом проследили, как крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, которая обращалась с ними, как с врагами. *Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы* — вот общие черты, характеризующие *так называемую партию социальной демократии, партию красной республики.* Эта *«партия анархии»,* как окрестили ее противники, не в меньшей мере, чем *партия порядка,* является коалицией различных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до ниспровержения старого общественного порядка. от буржуазного либерализма до революционного терроризма — так далеко отстоят одна от другой крайности, составляющие исходный и конечный пункт «партии анархии».

Отмена покровительственных пошлин — социализм! потому что она посягает на монополию *промышленной* фракции партии порядка. Приведение в порядок государственных финансов — социализм! потому что оно затрагивает монополию *финансовой* фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса — социализм! потому что он нарушает монополию

третьей фракции партии порядка, *крупного землевладения.* Требования фритредеров, т. е. наиболее прогрессивной партии английской буржуазии, во Франции сплошь оказываются социалистическими требованиями. Вольтерьянство — социализм! потому что оно нападает на четвертую фракцию партии порядка, *католическую* фракцию. Свобода печати, право союзов, всеобщее народное образование — социализм, социализм! Ведь все это — покушения на общую монополию партии порядка!

В ходе революции положение так быстро созрело, что друзья реформы всех оттенков, что средние классы с их скромнейшими требованиями принуждены были объединяться вокруг знамени самой крайней партии переворота, вокруг *красного знамени.*

Но как ни различен был *социализм* главных составных элементов «партии анархии», смотря по экономическим условиям и вытекающим из них общим революционным потребностям того или другого класса или фракции класса, — в *одном* пункте он совпадал: он объявлял себя *средством освобождения пролетариата* и провозглашал это освобождение своей *целью.* Сознательный обман у одних, самообман у других, которые убеждены, что мир, переустроенный сообразно их потребностям, есть лучший из миров для всех, что он осуществляет все революционные требования и устраняет все революционные конфликты.

Под более или менее одинаково звучащими *общими* социалистическими фразами *«партии анархии»* скрывается, во-первых, *социализм* газет «National», «Presse», «Siecle», который более или менее последовательно стремится свергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и торговлю от старых пут. Это — социализм промышленности, торговли и земледелия, интересами которых жертвуют их заправилы, входящие в партию порядка, поскольку эти интересы больше уже не совпадают с их частными монополиями. От этого *буржуазного социализма,* который, как всякая другая разновидность социализма, естественно привлекает к себе известную часть рабочих и мелких буржуа, отличается собственно социализм, *мелкобуржуазный социализм,* социализм par excellence*. Капитал преследует этот класс главным образом в качестве *кредитора,* поэтому этот класс требует *кредитных учреждений;* капитал душит его своей *конкуренцией,* поэтому он требует *ассоциаций,* поддерживаемых государством; капитал побеждает его *концентрацией,* поэтому он требует *прогрессивных налогов,* ограничения права наследования, выполнения крупных

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

работ государством и других мер, *насильственно задерживающих рост капитала.* Так как этот класс мечтает о мирном осуществлении своего социализма, — допуская разве лишь какую-нибудь непродолжительную вторую февральскую революцию, — то он, естественно, представляет себе грядущий исторический процесс в виде *осуществления систем,* которые выдумывают или уже выдумали социальные теоретики, будь то компаниями или в одиночку. Таким образом, эти социалисты становятся эклектиками или сторонниками наличных социалистических *систем,* сторонниками *доктринерского социализма,* который был теоретическим выражением пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат еще не дорос до своего собственного свободного исторического движения.

Эта *утопия,* этот *доктринерский социализм,* подчиняющий все движение в целом одному из его моментов, заменяющий совокупное, общественное производство мозговой деятельностью отдельного педанта, а, главное, устраняющий в своей фантазии при помощи маленьких фокусов и больших сентиментальностей революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями, этот доктринерский социализм в сущности лишь идеализирует современное общество, дает лишенную теневых сторон картину его и старается осуществить свой идеал наперекор действительности этого же общества. И вот в то время как пролетариат уступает этот социализм мелкой буржуазии, а борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим,—*пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного социализма,* вокруг *коммунизма,* который сама буржуазия окрестила именем *Бланки.* Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще,* к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений.

Рамки нашего изложения не позволяют нам подробнее остановиться на этом вопросе.

Мы видели: подобно тому как в партии *порядка* неизбежно встала во главе *финансовая аристократия,* так в «партии *анархии» — пролетариат.* В то время как различные классы, объединившиеся в революционную лигу, группировались

вокруг пролетариата, в то время как департаменты становились все менее надежными и само Законодательное собрание все ворчливее встречало притязания французского Сулука, — подошли долго откладывавшиеся и задерживавшиеся дополнительные выборы депутатов вместо изгнанных монтаньяров 13 июня.

Правительство, презираемое своими врагами, оскорбляемое и унижаемое на каждом шагу своими мнимыми друзьями, видело лишь *одно* средство выйти из этого невыносимого и шаткого положения — *мятеж.* Мятеж в Париже дал бы предлог объявить осадное положение в Париже и департаментах и таким образом распоряжаться выборами. С другой стороны, друзья порядка должны были бы пойти на уступки правительству, одержавшему победу над анархией, если не хотели сами выступить в роли анархистов.

Правительство взялось за работу. В начале февраля 1850 г. оно провоцирует народ, срубая деревья свободы[50]. Тщетно! Если деревья свободы и потеряли свои места, то правительство само потеряло голову и в испуге отступило перед своей собственной провокацией. Национальное собрание встретило ледяным недоверием эту неуклюжую попытку Бонапарта освободиться. Не больший успех имело и удаление с июльской колонны венков иммортелей[51]. Это вызвало в одной части армии революционные демонстрации и дало Национальному собранию повод к более или менее скрытому вотуму недоверия министерству. Напрасно правительственная пресса грозила отменой всеобщего избирательного права и вторжением казаков. Напрасно Опуль бросил в Законодательном собрании прямой вызов членам левой, напрасно звал он их на улицу и заявил, что правительство приготовилось встретить их как следует. Опуль не добился ничего, кроме призыва к порядку со стороны председателя, и партия порядка с молчаливым злорадством позволила одному депутату левой осмеять узурпаторские вожделения Бонапарта. Напрасно, наконец, правительство предсказывало революцию на *24 февраля.* Правительство добилось лишь того, что народ никак не отметил 24 февраля.

Пролетариат не дал спровоцировать себя на *мятеж,* он намеревался произвести *революцию.*

Провокации правительства, лишь усилив всеобщее недовольство существующим порядком, не помешали избирательному комитету, находившемуся всецело под влиянием рабочих, выставить следующих трех кандидатов для Парижа: *Дефлотта, Видаля* и *Карно. Дефлотт* был сослан в июне и амнистирован в результате одной из бивших на популярность бонапартовских

выходок; он был другом Бланки и принимал участие в выступлении 15 мая. *Видаль* известен как коммунистический писатель, как автор книги «О распределении богатств»[52]; он был секретарем Луи Блана в Люксембургской комиссии. *Карно,* сын организовавшего победу члена Конвента, наименее скомпрометированный член партии «National», министр просвещения во временном правительстве и Исполнительной комиссии, был благодаря своему демократическому законопроекту о народном образовании живым протестом против закона иезуитов об образовании. Эти три кандидата представляли три заключивших между собой союз класса: во главе — июньский инсургент, представитель революционного пролетариата; рядом с ним — доктринер-социалист, представитель социалистической мелкой буржуазии; наконец, третий кандидат — представитель партии буржуазных республиканцев, демократические формулы которой в столкновениях с партией порядка приобрели социалистический смысл и давно утратили свое собственное значение. Это была *всеобщая коалиция против буржуазии и правительства, как и в феврале.* Но на этот раз *пролетариат стоял во главе революционной лиги.*

Наперекор всем усилиям противников победили социалистические кандидаты. Даже армия голосовала за июньского инсургента и против своего же военного, министра *Лаита.* Партия порядка была поражена, как громом. Департаментские выборы не принесли ей утешения: они дали большинство монтаньярам.

Выборы 10 марта 1850 года/ Это была кассация июня 1848 года: те, кто ссылал и убивал июньских инсургентов, вернулись в Национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. *Это была кассация 13 июня 1849 года:* Гора, которую Национальное собрание изгнало, вернулась в Национальное собрание, но она вернулась уже не как командир революции, а как ее передовой горнист. *Это была кассация 10 декабря:* Наполеон провалился в лице своего министра Лаита. Парламентская история Франции знает лишь один подобный случай: провал Оссе, министра Карла X, в 1830 году. Наконец, выборы 10 марта 1850 г. были кассацией выборов 13 мая, которые дали большинство партии порядка. Выборы 10 марта явились протестом против большинства 13 мая. 10 марта было революцией. За избирательными бюллетенями скрываются булыжники мостовой.

«Голосование 10 марта — это война», — воскликнул Сегюр д'Агессо, один из наиболее крайних членов партии порядка.

С 10 марта 1850 г. конституционная республика вступает в новую фазу, в *фазу своего разложения.* Различные фракции большинства снова объединены друг с другом и с Бонапартом; они снова спасают порядок; Бонапарт снова — их *нейтральная личность.* Если они вспоминают о своем роялизме, то лишь потому, что отчаялись в возможности буржуазной республики; если он вспоминает, что он — претендент, то только потому, что отчаивается в возможности остаться президентом.

На избрание июньского инсургента *Дефлотта* Бонапарт, по команде партии порядка, ответил назначением на пост министра внутренних дел *Бароша* — Бароша, который был обвинителем Бланки и Барбеса, Ледрю-Роллена и Гинара. На избрание *Карно* Законодательное собрание ответило принятием закона об образовании, на избрание *Видаля* — удушением социалистической печати. Трубными звуками своей печати партия порядка пытается заглушить свой собственный страх. «Меч свят», — восклицает один из ее органов. «Защитники порядка должны начать наступление против партии красных», — заявляет другой орган. «Между социализмом и обществом идет поединок не на жизнь, а на смерть, беспрестанная, беспощадная война; в этой отчаянной войне один из двух должен погибнуть; если общество не уничтожит социализма, социализм уничтожит общество», — кричит третий петух порядка. Воздвигайте баррикады порядка, баррикады религии, баррикады семьи! Надо покончить со 127000 парижских избирателей! Варфоломеевская ночь для социалистов! И партия порядка одно мгновение действительно верит, что победа ей обеспечена.

Неистовее всего ее органы обрушиваются на *«парижских лавочников».* Лавочники Парижа избрали июньского инсургента своим представителем! Это значит: второй июнь 1848 г. невозможен; это значит: второе 13 июня 1849 г. невозможно; это значит: моральное влияние капитала сломлено, буржуазное Собрание представляет только буржуазию; это значит: крупная собственность погибла, так как вассал ее — мелкая собственность — ищет себе спасения в лагере лишенных собственности.

Партия порядка прибегает, разумеется, к своему неизбежному *трафаретному приему: «Больше репрессий!»* — кричит она. — *«Удесятерить репрессии!»* Но ее репрессивная сила уменьшилась в десять раз, тогда как сопротивление увеличилось в сто раз. Разве самое главное орудие репрессии, армия, не нуждается в репрессии? И партия порядка говорит свое последнее слово: «Надо сломать железное кольцо легальности, в котором мы задыхаемся. *Конституционная республика невозможна.* Мы должны бороться своим настоящим оружием; с февраля

1848 г. мы боролись с революцией *ее же* оружием и на *ее же* почве, мы приняли *ее* учреждения; конституция — крепость, которая ащищает осаждающих, а не осажденных! Во чреве троянского коня мы прокрались в священный Илион, но, не в пример нашим предкам, *грекам**, мы не завоевали вражеского города, а сами попали в плен».

В основе конституции лежит *всеобщее избирательное право. Уничтожение всеобщего избирательного права* — вот последнее слово партии порядка, последнее слово буржуазной диктатуры.

Всеобщее избирательное право признало право буржуазии на эту диктатуру 4 мая 1848 г., 20 декабря 1848 г., 13 мая 1849 **г.**, 8 июля 1849 года. Всеобщее избирательное право осудило само себя 10 марта 1850 года. Господство буржуазии как вывод и результат всеобщего избирательного права, как категорический акт суверенной воли народа — вот смысл буржуазной конституции. Но что за смысл имеет конституция с того момента, как содержание этого избирательного права, этой суверенной волн народа, не сводится более к господству буржуазии? Разве не прямая обязанность буржуазии регулировать избирательное право так, чтобы оно хотело разумного, т. е. ее господства? Разве всеобщее избирательное право, каждый раз уничтожая существующую государственную власть и каждый раз снова воссоздавая ее из себя, не уничтожает тем самым всякую устойчивость, не ставит ежеминутно на карту все существующие власти, не подрывает авторитета, не грозит возвести в авторитет самое анархию? Кто еще станет сомневаться в этом после 10 марта 1850 года?

Отвергая всеобщее избирательное право, в которое она драпировалась до сих пор, из которого она черпала свое всемогущество, буржуазия открыто признается: *«Наша диктатура до сих пор существовала по воле народа, отныне она будет упрочена против воли народа».* И вполне последовательно она ищет себе теперь опоры не во *Франции,* а вне ее, за границей, в *нашествии.*

Вместе с призывом к нашествию этот второй Кобленц[53], избравший своей резиденцией самое Францию, возбуждает против себя все национальные страсти. Нападая на всеобщее избирательное право, он дает *всеобщий предлог* для новой революции, а революции нужен именно такой предлог. Всякий *частный* предлог разъединил бы фракции революционной лиги и заставил бы выступить наружу их различия. Но *всеобщий* предлог оглушает полуреволюционные классы, он позволяет им обманывать себя насчет *определенного характера* грядущей

* Игра слов: «grecs»— «греки», а также «шулера». *(Примечание Энгельса к изданию 1895 г.)*

революции, насчет последствий их собственных поступков. Всякая революция нуждается в банкетном вопросе. Всеобщее избирательное право — вот банкетный вопрос новой революции.

Но, отказываясь от единственно возможной формы своей *объединенной* власти, от самой могучей и самой полной формы своего *классового господства,* от *конституционной республики,* и бросаясь назад, к низшей, неполной, более слабой форме, к *монархии,* соединенные буржуазные фракции сами произнесли себе приговор. Они напоминают того старика, который, желая вернуть себе юношескую свежесть, достал свое детское платье и попытался напялить его на свои дряхлые члены. За их республикой была лишь та заслуга, что *она была теплицей для революции.*

10 марта 1850 г. носит надпись:

*Après moi le déluge**.

* — После меня хоть потоп. (Слова, приписываемые Людовику XV.) *Ред.*

IV
ОТМЕНА ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В 1850 г.

(Продолжение предыдущих трех глав взято из «Обзора», помещенного в последнем, сдвоенном, 5—6 номере журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». Там сначала описывается большой торговый кризис, разразившийся в 1847 г. в Англии; его воздействием на европейский континент объясняется обострение тамошних политических осложнений и превращение их в революции февраля и марта 1848 г., а затем показывается, как наступившее уже в 1848 г. и еще более усилившееся в 1849 г. процветание торговли и промышленности парализовало революционный подъем, сделав вместе с тем возможными победы реакции. Специально о Франции говорится затем следующее:)*

Такие же симптомы стали обнаруживаться во *Франции* с 1849 г., а в особенности с начала 1850 года. Парижская промышленность полностью загружена работой, хлопчатобумажные фабрики в Руане и Мюльхаузене также работают довольно хорошо, хотя, так же как и в Англии, тут помехой явились высокие цены на сырье. При этом развитию процветания во Франции особенно содействовали широкая таможенная реформа в Испании и понижение пошлин на различные предметы роскоши в Мексике. Вывоз французских товаров на оба эти рынка сильно увеличился. Рост капиталов повел во Франции к целому ряду спекулятивных предприятий, поводом для которых послужила эксплуатация в крупном масштабе калифорнийских золотых приисков. Возникла масса обществ, которые своими мелкими

* Этот вступительный абзац написан Энгельсом для издания 1895 года. *Ред.*

акциями и подкрашенными социализмом проспектами апеллируют непосредственно к кошельку мелких буржуа и рабочих, но в общем сводятся к тому чистейшему надувательству, которое свойственно только французам и китайцам. Одно из этих обществ пользуется даже прямым покровительством правительства. Ввозные пошлины составили во Франции за первые девять месяцев 1848 г. 63 миллиона франков, за девять месяцев 1849 г. — 95 миллионов франков, а за девять месяцев 1850 г. — 93 миллиона франков. Впрочем, в сентябре 1850 г. они опять выросли больше чем на один миллион по сравнению с тем же месяцем 1849 года. Вывоз также повысился в 1849 г. и еще больше в 1850 году.

Самым убедительным доказательством вновь наступившего процветания служит возобновление Французским банком, по закону 6 августа 1850 г., платежей наличными. 15 марта 1848 г. банк получил право приостановить платежи наличными. Количество находившихся в обращении банкнот, включая и провинциальные банки, составляло тогда 373 миллиона франков (14920000 фунтов стерлингов). 2 ноября 1849 г. в обращении находилось 482 миллиона франков, или 19280000 ф. ст., что означало увеличение на 4360000 ф. ст., а 2 сентября 1850 г. — 496 миллионов франков, или 19840000 ф. ст., т. е. увеличение приблизительно на 5 миллионов фунтов стерлингов. При этом обесценения банкнот не наблюдалось; наоборот, увеличение обращения банкнот сопровождалось все растущим накоплением золота и серебра в подвалах банка, так что летом 1850 г. металлический запас достиг приблизительно 14 миллионов ф. ст., неслыханной во Франции суммы. То обстоятельство, что банк таким образом оказался в состоянии увеличить обращение своих билетов и вместе с тем свой активный капитал на 123 миллиона франков, или 5 миллионов фунтов стерлингов, блестяще доказывает, как правильно было наше утверждение в одном из предыдущих номеров журнала*, что финансовая аристократия не только не была сломлена в результате революции, но, наоборот, еще окрепла. Еще очевиднее становится этот результат из следующего обзора французского законодательства о банках за последние годы. 10 июня 1847 г. банк получил право выпускать билеты в 200 франков. До тех пор банкноты минимального достоинства были в 500 франков. Декретом от 15 марта 1848 г. билеты Французского банка были объявлены законным средством платежа, и банк был освобожден от обязательства обменивать их на звонкую монету. Его право на выпуск

* См. настоящий том, стр. 77—81. *Ред.*

билетов было ограничено 350 миллионами франков. Одновременно с этим он получил право выпустить билеты достоинством в 100 франков. Декретом от 27 апреля предписывалось слияние департаментских банков с Французским банком; другим декретом, от 2 мая 1848 г., ему разрешалось увеличить выпуск билетов до 442 миллионов франков. Декретом от 22 декабря 1849 г. максимум выпуска банкнот был доведен до 525 миллионов франков. Наконец, закон 6 августа 1850 г. опять установил право обмена банкнот на деньги. Эти факты — непрерывное увеличение обращения банкнот, концентрация всего французского кредита в руках банка и накопление всего французского золота и серебра в его подвалах — привели г-на Прудона к заключению, что банк теперь должен сбросить свою старую змеиную шкуру и превратиться в прудоновский народный банк[54]. На самом же деле Прудону не нужно было даже быть знакомым с историей банковой рестрикции в Англии с 1797 по 1819 г.[55], ему надо было только бросить взгляд по ту сторону канала, чтобы увидеть, что этот неслыханный для него в истории буржуазного общества факт был не чем иным, как весьма нормальным буржуазным явлением, которое только во Франции наступило теперь впервые. Мы видим, что мнимо-революционные теоретики, которые вслед за временным правительством задавали тон в Париже, были так же невежественны в вопросе о характере и результатах принятых мероприятий, как и сами господа из временного правительства.

Несмотря на процветание промышленности и торговли, наступившее теперь во Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, страдает от сильной депрессии. Хорошие урожаи последних лет понизили хлебные цены во Франции еще более, чем в Англии, и положение крестьян, задолжавших, истощенных ростовщиками и обремененных налогами, далеко не может считаться блестящим. Но, как достаточно ясно показала история последних трех лет, этот класс населения решительно неспособен к революционной инициативе.

Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходимого буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую бы то ни было другую страну. Но этот вывоз в Англию, в свою очередь, зависит от положения Англии, в особенности на заокеанских рынках. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно

больше, чем весь континент, так что размеры континентального экспорта в эти страны всегда зависят от заокеанского вывоза Англии. Если поэтому кризисы порождают революции прежде всего на континенте, то причина их все же всегда находится в Англии. В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований.

При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы* и *буржуазные формы производства,* вступают между собой *в противоречие.* Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна.* Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего.*

Обратимся теперь к *Франции.*

Заставив произвести новые выборы 28 апреля, народ сам свел к нулю победу, которую он одержал в союзе с мелкой буржуазией на выборах 10 марта. Видаль был избран не только в Париже, но и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл

10 марта — реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как шутку в угоду гризеткам. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой июньскую *победу.* Этим комическим кандидатом был спартанский отец семейства Леклер[56], героические доспехи которого пресса, однако, сорвала по кусочкам и который потерпел на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии полностью убедили в том, что последние решили при всех обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы *избирательным законом,* который отменял всеобщее избирательное право.

Правительство было настолько осторожно, что не взяло этот законопроект на свою собственную ответственность. Оно сделало мнимую уступку большинству, предоставив разработку этого проекта главарям большинства, семнадцати бургграфам[57]. Таким образом, не правительство предложило Национальному собранию, а большинство Собрания предложило самому себе отмену всеобщего избирательного права.

8 мая проект был внесен в палату. Вся социально-демократическая печать в один голос стала убеждать народ держать себя с достоинством, соблюдать calme majestueux[*], оставаться пассивным и доверять своим представителям. Каждая статья в этих газетах была признанием, что революция прежде всего уничтожит так называемую революционную печать и что, стало быть, дело идет теперь о ее самосохранении. Мнимо-революционная печать выдала свою тайну. Она подписала свой собственный смертный приговор.

21 мая Гора поставила вопрос на предварительное обсуждение и потребовала отклонения всего законопроекта на том основании, что он нарушает конституцию. Партия порядка ответила на это, что конституция будет нарушена, когда это потребуется, теперь же это излишне, так как конституция

[*] — величественное спокойствие. *Ред.*

может быть истолкована любым образом и лишь большинство компетентно решать, какое толкование правильно. Разнузданные, дикие нападки Тьера и Монталамбера Гора встретила с благовоспитанной и просвещенной гуманностью. Она ссылалась на почву права; партия порядка указала ей на почву, на которой вырастает право, на буржуазную собственность. Гора взмолилась: неужели действительно хотят во что бы то ни стало вызвать революцию? Партия порядка ответила: она не застигнет нас врасплох.

22 мая было покончено с предварительным обсуждением вопроса большинством в 462 голоса против 227. Те самые люди, которые так торжественно и так основательно доказывали, что Национальное собрание и каждый депутат в отдельности лишаются своих полномочий, лишь только они лишают прав народ, давший им эти полномочия, продолжали спокойно сидеть на своих местах и, вместо того, чтобы действовать самим, неожиданно предоставили действовать стране, а именно путем петиций; они не пошевелились и тогда, когда 31 мая самый закон прошел блестящим образом. Они пытались отомстить за себя протестом, в котором они запротоколировали свою непричастность к изнасилованию конституции, но и этот протест они не заявили открыто, а тайком сунули в карман председателю.

Стопятидесятитысячная армия в Париже, бесконечное откладывание окончательного решения, призывы печати к спокойствию, малодушие Горы и новоизбранных депутатов, величественное спокойствие мелкой буржуазии, а главным образом процветание торговли и промышленности препятствовали всякой революционной попытке со стороны пролетариата.

Всеобщее избирательное право выполнило свою миссию. Большинство народа прошло ту образовательную школу, роль которой оно только и может играть в революционную эпоху. Оно должно было быть устранено либо революцией, либо реакцией.

Еще больше энергии проявила Гора при последовавшем вскоре инциденте. Военный министр Опуль назвал с трибуны Собрания февральскую революцию злополучной катастрофой. Ораторам Горы, проявившей, как всегда, сильным шумом свое нравственное негодование, председатель Дюпен не предоставил слова. Жирарден предложил Горе тотчас же в полном составе выйти из зала. Результат: Гора осталась на месте, а Жирарден, как недостойный, был выброшен из ее лона.

Избирательный закон нуждался еще и одном дополнении, в новом *законе о печати.* Последний не заставил себя долго

ждать. Законопроект правительства, оказавшийся еще более суровым в результате многочисленных поправок, внесенных партией порядка, увеличивал залоги, предусматривал особый штемпельный сбор с романов, печатающихся в газетах (ответ на избрание Эжена Сю), облагал налогом все выходящие в еженедельных и ежемесячных выпусках произведения до известного количества листов и, наконец, устанавливал, что каждая газетная статья должна быть снабжена подписью автора. Постановления о залогах убили так называемую революционную печать; народ смотрел на ее гибель как на возмездие за отмену всеобщего избирательного права. Но тенденция и действие нового закона не ограничивались только этой частью печати. Пока пресса была анонимной, она являлась органом широкого и безымянного общественного мнения; она была третьей властью в государстве. Подписывание каждой статьи превращало газету в простой сборник литературных произведений более или менее известных лиц. Каждая статья опустилась до уровня газетного объявления. До этого момента газеты имели хождение в качестве бумажных денег общественного мнения, теперь они превратились в более или менее сомнительные соло-векселя, доброкачественность и ходкость которых зависели не только от кредита векселедателя, но также от кредита индоссанта. Печать партии порядка подстрекала не только к отмене всеобщего избирательного права, но и к самым крайним мерам против «дурной» печати. Однако даже «хорошая» печать со своей зловещей анонимностью была не по вкусу партии порядка, в особенности отдельным ее представителям из провинции. Она желала иметь дело только с оплачиваемыми литераторами, хотела знать их имена, местожительство и приметы. Напрасно «хорошая» печать плакалась на черную неблагодарность, которой ей платят за ее услуги. Закон прошел, и требование подписей ударило прежде всего по ней самой. Имена республиканских публицистов были достаточно известны, но почтенные фирмы «Journal des Debats», «Assemblee Nationale»[58], «Constitutionnel»[59] и т. д. и т. д. с их широко рекламируемой государственной мудростью оказались в глупейшем положении, когда вся эта таинственная компания вдруг предстала в виде продажных набивших себе руку penny-a-liners*, которые за чистоган защищали на своем веку все что угодно, вроде Гранье де Кассаньяка, или в виде старых тряпок, называвших сами себя государственными людьми, вроде Капфига, или в виде кокетничающих щелкоперов вроде г-на Лемуана из «Debats».

* — строчкогонов. *Ред.*

При обсуждении закона о печати Гора успела уже дойти до такой степени морального падения, что должна была ограничиться только тем, что аплодировала блестящим тирадам старой луи-филипповской знаменитости, г-на Виктора Гюго.

С принятием избирательного закона и закона о печати революционная и демократическая партия сошла с официальной сцены. Немного спустя после конца сессии, перед разъездом по домам, обе фракции Горы — социалистические демократы и демократические социалисты — выпустили два манифеста, два testimonia paupertatis*, в которых они доказывали, что если сила и успех никогда не были на их стороне, зато они-то всегда стояли на стороне вечного права и всех прочих вечных истин[60].

Обратимся теперь к партии порядка. Журнал «Neue Rheinische Zeitung» писал в № 3, стр. 16: «Против реставраторских вожделений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает юридическое основание своей фактической власти — республику; против реставраторских вожделений Бонапарта партия порядка защищает юридическое основание своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вожделениям своих соперников общее господство буржуазии, форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, —*республику...* Тьер и не подозревал, какая правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики»»**.

Эта комедия republicains malgre eux***, комедия противодействия status quo**** и неизменное укрепление его; постоянные стычки Бонапарта с Национальным собранием; постоянно возобновлявшаяся для партии порядка опасность распасться на свои составные части и постоянное новое сплочение ее фракций; попытки каждой из них превратить всякую победу над общим врагом в поражение своих временных союзников; взаимная зависть, подвохи и травля, безустанно обнажаемые шпаги, а в результате всегда — baiser Lamourette[61], — вся эта неказистая комедия ошибок никогда еще не развивалась столь классически, как в течение последних шести месяцев.

---

* — свидетельства о бедности. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 77. *Ред.*
*** — республиканцев поневоле. (Намек на комедию Мольера «Лекарь поневоле».) *Ред.*
**** — существующему порядку. *Ред.*

Партия порядка рассматривала избирательный закон вместе с тем как победу над Бонапартом. Передав Комиссии семнадцати редактирование своего законопроекта и ответственность за него, правительство Бонапарта разве не отреклось тем самым от власти? Разве главная опора Бонапарта против Собрания заключалась не в том, что он был избранником шести миллионов? — Бонапарт со своей стороны смотрел на избирательный закон как на уступку Собранию, уступку, с помощью которой он купил гармонию между законодательной и исполнительной властью. В награду за это низкий авантюрист потребовал увеличения своего цивильного листа на три миллиона. Могло ли Национальное собрание вступить в конфликт с исполнительной властью в момент, когда оно объявляло вне закона громадное большинство французского народа? Оно вознегодовало; казалось, оно решилось на самые крайние меры; его комиссия отклонила предложение; бонапартистская печать, в свою очередь, приняла грозную позу, указывая на ограбленный, лишенный своего избирательного права народ. Состоялось множество шумных попыток соглашения; в конце концов Собрание уступило на деле, но одновременно отомстило в принципе. Вместо постоянного принципиального увеличения цивильного листа на три миллиона в год оно вотировало Бонапарту лишь единовременное вспомоществование в-размере 2160000 франков. Не удовлетворившись этим, оно и эту уступку сделало лишь тогда, когда за нее высказался Шангарнье, генерал партии порядка и непрошеныый покровитель Бонапарта. Таким образом, эти 2 миллиона были вотированы собственно не Бонапарту, а Шангарнье.

Эта брошенная de mauvaise grace[*] подачка была принята Бонапартом совершенно в духе дарителя. Бонапартистская печать возобновила свои нападки на Национальное собрание, а когда при обсуждении закона о печати была внесена поправка насчет указания имен авторов, направленная прежде всего против второстепенных газет, представительниц частных интересов Бонапарта, главный бонапартистский орган «Pouvoir»[62] с несдерживаемой яростью напал на Национальное собрание. Министрам пришлось перед лицом Собрания отречься от этой газеты; ответственный редактор «Pouvoir» был вызван к ответу перед Национальным собранием и приговорен к высшему денежному штрафу в 5000 франков. На следующий день «Pouvoir» напечатал еще более дерзкую статью против Собра-

[*] — неохотно. *Ред.*

ния, а правительство в отместку возбудило судебное преследование против нескольких легитимистских газет за нарушение конституции.

Наконец, был поставлен вопрос об отсрочке заседании палаты. Бонапарту нужна была эта отсрочка, чтобы орудовать без всякой помехи со стороны Собрания. Партии порядка она была нужна отчасти для ее фракционных интриг, отчасти из-за личных интересов отдельных депутатов. Обоим она нужна была для укрепления и расширения побед реакции в провинции. Собрание поэтому отложило свои заседания с 11 августа до 11 ноября. Но так как Бонапарт вовсе не скрывал, что стремится лишь к тому, чтобы избавиться от тягостного надзора Национального собрания, то Собрание самому своему вотуму доверия придало характер недоверия к президенту. Ни один бонапартист не вошел в постоянную комиссию из двадцати восьми человек, которая осталась стоять на страже добродетели республики во время каникул[63]. Вместо бонапартистов было выбрано даже несколько республиканцев из «Siecle» и «National», чтобы доказать президенту приверженность большинства к конституционной республике.

Незадолго перед отсрочкой заседаний палаты, и в особенности сейчас же после этой отсрочки, казалось, что обе большие фракции партии порядка, орлеанисты и легитимисты, готовы помириться, а именно, на почве слияния обеих королевских фамилий, под знаменами которых они боролись. Газеты были переполнены проектами примирения, которые обсуждались у постели больного Луи-Филиппа в Сент-Леонардсе; но смерть Луи-Филиппа внезапно упростила положение. Луи-Филипп был узурпатором, Генрих V был им ограблен, а граф Парижский, за бездетностью Генриха V, оказался его законным наследником. Теперь исчез всякий предлог для возражений против слияния интересов обеих династий. Но как раз теперь обе фракции буржуазии поняли, наконец, что их разделяет не сентиментальная привязанность к той или другой королевской фамилии, а, напротив, что их различные классовые интересы разъединяли обе династии. Легитимисты, отправившиеся на поклон к Генриху V в Висбаден, так же как их конкуренты — в Сент-Леонардс, получили там известие о смерти Луи-Филиппа. Они тотчас же образовали министерство in partibus infidelium[64], в которое вошли главным образом члены вышеупомянутой комиссии стражей добродетели республики и которое по случаю возникшего в партии конфликта не замедлило выступить с самым откровенным прокламированием права божьей милостью. Орлеанисты ликовали по поводу компрометирующего скандала,

вызванного в печати этим манифестом[65], и нисколько не скрывали своей открытой вражды к легитимистам.

Во время перерыва заседаний Национального собрания открыли свои заседания представительные собрания департаментов. Большинство их высказалось за ограниченный большими или меньшими оговорками пересмотр конституции, т. е. высказалось за монархическую реставрацию, не давая ей более точного определения, за *«решение вопроса»,* сознавая вместе с тем себя слишком некомпетентным и слишком трусливым, чтобы найти это решение. Бонапартистская фракция поспешила истолковать это желание пересмотра в смысле продления президентских полномочий Бонапарта.

Господствующий класс никак не мог допустить законного конституционного решения вопроса — отставки Бонапарта в мае 1852 г., одновременного избрания нового президента всеми избирателями страны и пересмотра конституции особой, избранной для этого палатой в течение первых месяцев нового президентства. День новых президентских выборов был бы днем встречи всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. В результате неизбежно произошло бы насильственное столкновение между различными фракциями. Если бы даже партии порядка удалось объединиться на каком-либо нейтральном кандидате, стоящем вне династических фамилий, то против него выступил бы Бонапарт. В своей борьбе против народа партия порядка принуждена постоянно увеличивать силу исполнительной власти. Всякое усиление исполнительной власти усиливает ее носителя — Бонапарта. Поэтому всякий шаг, который предпринимает партия порядка для усиления своего общего могущества, усиливает боевые средства Бонапарта с его династическими претензиями, увеличивает его шансы в критический момент силой помешать конституционному решению. Тогда Бонапарт в своей борьбе с партией порядка не остановится перед нарушением одной из основ конституции, точно так же как партия порядка в своей борьбе с народом не остановилась перед нарушением другой основы конституции, отменив всеобщее избирательное право. По всей вероятности, он апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему избирательному праву. Одним словом, конституционная развязка ставит на карту весь политический status quo, а за колебанием status quo буржуа мерещится хаос, анархия, гражданская война. Ему мерещится, что с первым воскресеньем мая 1852 г. будут поставлены на карту все его сделки по купле и продаже, его векселя, брачные контракты, нотариальные акты, ипотеки,

земельная рента, квартирная плата, прибыль, все его контракты и источники доходов, — а такому риску он не может себя подвергнуть. За колебанием политического status quo таится опасность краха всего буржуазного общества. Единственная возможная для буржуазии развязка — это отсрочка развязки. Она может спасти конституционную республику только путем нарушения конституции, путем продления власти президента. Это и есть последнее слово печати партии порядка после всех продолжительных и глубокомысленных прений о «решениях вопроса», которым она предалась по окончании сессии генеральных советов. Таким образом, могущественная партия порядка, к стыду своему, видит себя вынужденной серьезно считаться со смешной, пошлой и ненавистной ей личностью псевдо-Бонапарта.

Эта грязная личность, в свою очередь, ошибалась насчет истинных причин того, почему ей все более и более выпадала роль необходимого человека. В то время как его партия была достаточно проницательна, чтобы приписывать растущее значение Бонапарта создавшейся обстановке, сам он верил, что обязан этим только магическому влиянию своего имени и своему неустанному пародированию Наполеона. Его предприимчивость росла с каждым днем. На паломничества в Висбаден и Сент-Леонардс он ответил своими поездками по Франции. Бонапартисты так мало возлагали надежд на магическое действие его персоны, что посылали за ним повсюду целые поезда и битком набитые дилижансы клакеров, членов Общества 10 декабря, этой организации парижского люмпен-пролетариата. Они вкладывали в уста своей марионетки слова, которые, смотря по приему, оказанному президенту в том или другом городе, означали бы — в качестве девиза политики президента — или республиканское смирение, или выдержку и настойчивость. Несмотря на все маневры, эти поездки меньше всего походили на триумфальные шествия.

В уверенности, что ему удалось таким путем воодушевить народ, Бонапарт принялся за агитацию среди армии. Он устроил на равнине Сатори, у Версаля, большие смотры войскам, на которых старался подкупить солдат чесночной колбасой, шампанским и сигарами. Если настоящий Наполеон умел ободрять истомленных солдат среди тягот своих завоевательных походов внезапными проявлениями патриархальной фамильярности, то псевдо-Наполеон воображал, что войска выражали ему благодарность, когда кричали «Vive Napoleon, vive le saucisson!»[*], т. е. «Да здравствует колбаса, да здравствует скоморох!»[**]

[*] — «Да здравствует Наполеон, да здравствует колбаса!» *Ред.*
[**] Игра слов: «Wurst» — «колбаса», «Hanswurst» — «скоморох». *Ред.*

Эти смотры привели к тому, что обнаружился долго скрывавшийся разлад между Бонапартом и военным министром Опулем, с одной стороны, и Шангарнье — с другой, В лице Шангарнье партия порядка нашла своего действительно нейтрального человека, у которого не могло быть и речи о собственных династических притязаниях. Она предназначала его в преемники Бонапарту. К тому же, благодаря своему поведению 29 января и 13 июня 1849 г. Шангарнье стал великим полководцем партии порядка, новым Александром, разрубившим, по мнению робкого буржуа, своим грубым вмешательством гордиев узел революции. Будучи по существу не менее жалким, чем Бонапарт, он таким весьма дешевым способом сделался силой и был выдвинут Национальным собранием для надзора за президентом. Он сам кокетничал — например, в дебатах об окладе президента — ролью покровителя Бонапарта и все высокомернее держал себя с ним и с министрами. Когда по случаю нового избирательного закона ожидали восстания, он запретил своим офицерам принимать какие бы то ни было приказания от военного министра или от президента. Печать, со своей стороны, способствовала возвеличению личности Шангарнье. За полным отсутствием сколько-нибудь выдающихся личностей партии порядка пришлось наделить одного человека силой, которой не было у всего ее класса, и таким путем раздуть его в какого-то великана. Так возник миф о Шангарнье — *«оплоте общества».* Наглое шарлатанство, таинственное важничанье, с которыми Шангарнье удостаивал носить на своих плечах весь мир, образуют в высшей степени смешной контраст с событиями на саторийском смотру и после него. Эти события неопровержимо доказали, что достаточно одного росчерка пера Бонапарта, этой бесконечно малой величины, чтобы низвести фантастическое порождение буржуазного страха, великана Шангарнье, к масштабам заурядной посредственности и превратить его, героя, спасающего общество, в отставного генерала на пенсии.

Бонапарт уже однажды отомстил Шангарнье, спровоцировав своего военного министра на дисциплинарные столкновения с неудобным покровителем. Последний смотр в Сатори довел, наконец, старую вражду до открытой вспышки. Конституционное негодование Шангарнье не знало больше никаких границ, когда кавалерийские полки продефилировали перед Бонапартом с антиконституционными криками «Vive l'empereur!»[*] Во избежание неприятных прений по поводу

[*] — «Да здравствует император!» *Ред.*

этих возгласов на предстоящей сессии палаты Бонапарт удалил военного министра Опуля, назначив его губернатором Алжира. На его место он поставил вполне надежного старого генерала времен империи, который своей грубостью нисколько не уступал Шангарнье. Но, чтобы отставка Опуля не показалась уступкой Шангарнье, Бонапарт одновременно перевел генерала Неймейера, правую руку великого спасителя общества, из Парижа в Нант. Неймейер был виновником того, что на последнем смотру пехота продефилировала мимо преемника Наполеона в ледяном молчании. Шангарнье, лично затронутый переводом Неймейера, стал протестовать и грозить. Тщетно! После двухдневных переговоров декрет о переводе Неймейера появился в «Moniteur», и герою порядка не оставалось ничего другого, как подчиниться дисциплине или подать в отставку.

Борьба Бонапарта с Шангарнье является продолжением его борьбы с партией порядка. Новая сессия Национального собрания поэтому открывается 11 ноября при зловещих предзнаменованиях. Но это будет буря в стакане воды. В общем повторится старая игра. Большинство партии порядка, несмотря на вопли блюстителей принципов различных ее фракций, вынуждено будет продлить полномочия президента. В свою очередь, Бонапарт, смирившись уже из-за одного недостатка денег, примет, несмотря на все свои прежние протесты, это продление власти как простое полномочие из рук Национального собрания. Таким образом, решение вопроса откладывается, status quo сохраняется; каждая из фракций партии порядка компрометирует и ослабляет, делает невозможной другую; усиливаются и в конце концов исчерпывают себя репрессии против общего врага, против массы нации, пока, наконец, сами экономические отношения снова не достигнут такой ступени развития, когда от нового взрыва взлетят на воздух все эти ссорящиеся партии с их конституционной республикой.

К утешению буржуа нужно, впрочем, прибавить, что потасовка между Бонапартом и партией порядка повлекла за собой разорение на бирже множества мелких капиталистов и переход их капиталов в карманы крупных биржевых волков.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ [66]

Написано Ф. Энгельсом в конце августа 1849—феврале 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» №№ 1, 2 и 3, 1850 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Переeод с немецкого

«Геккер, Струве, Бленкер, Блюм и Циц
Всех немецких государей* да повергнут ниц!»[67]

В этом припеве, которым южногерманское «народное ополчение» оглашало все дороги и все трактиры от Пфальца до швейцарской границы и который распевали на известный мотив «Окруженный морем»[68], напоминающий не то хорал, не то звуки шарманки, — в этом припеве схвачен весь характер «грандиозного восстания за имперскую конституцию»[69]. Здесь обрисованы в двух строках его великие люди с их конечными целями, хваленой твердостью убеждений, благородной ненавистью к «тиранам» и одновременно все их понимание общественных и политических отношений.

Среди всех движений и конвульсий, вызванных в Германии февральской революцией и ее дальнейшим развитием, кампания за имперскую конституцию выделяется своим классически-немецким характером. Ее повод, ее возникновение, ее направление, весь ее ход были истинно-немецкими. Как июньские дни 1848 г. показывают степень общественного и политического развития Франции, так кампания за имперскую конституцию показывает степень общественного и политического развития Германии и, в частности, Южной Германии.

Душу всего движения составлял класс *мелкой буржуазии,* по преимуществу так называемое *сословие бюргеров,* а этот класс как раз и преобладает в Германии, в особенности на юге. Именно мелкая буржуазия, участвуя в «мартовских союзах»[70], в демократически-конституционных союзах, в патриотических союзах, в многочисленных так называемых демократических союзах

* Слова «немецких государей» были опущены при печатании журнала «Neue Rheinische Zeituug. Politisch-okonomische Revue» в Гамбурге по цензурным соображениям. *Ред.*

и почти во всей демократической прессе, приносила имперской конституции столь же бесконечные, сколь и безобидные «клятвы на Грютли»[71] и вела против «непокорных» государей борьбу, единственным и непосредственным результатом которой являлось, правда, лишь собственное возвышающее душу сознание исполненного гражданского долга. Именно мелкая буржуазия, представленная решительной и так называемой крайней левой Франкфуртского собрания и, следовательно, в особенности Штутгартским парламентом и «имперским регентством»[72], официально возглавляла все движение; наконец, мелкая буржуазия господствовала в местных комитетах отдельных земель, комитетах безопасности, временных правительствах и учредительных собраниях, которые в Саксонии, на Рейне и в Южной Германии стяжали себе большую или меньшую славу в деле защиты имперской конституции.

Мелкая буржуазия, если бы это зависело от нее, вряд ли покинула правовую почву законной, мирной и добродетельной борьбы и вряд ли прибегла, вместо так называемого духовного оружия, к мушкетам и булыжникам. Как показывает нам история всех политических движений, начиная с 1830 г., в Германии, так же как и во Франции и в Англии, этот класс всегда хвастлив, склонен к высокопарным фразам и подчас даже занимает на словах самые крайние позиции, пока не видит никакой опасности; он боязлив, осторожен и уклончив, как только приближается малейшая опасность, он ошеломлен, озабочен, полон колебаний, как только вызванное им движение подхватывается и принимается всерьез другими классами; ради сохранения своего мелкобуржуазного бытия он готов предать все движение, как только дело доходит до борьбы с оружием в руках, — и, наконец, в результате его нерешительности, его всегда особенно охотно надувают и третируют, как только побеждает реакционная партия.

Но за мелкой буржуазией стоят повсюду другие классы, которые подхватывают вызванное ею и в ее интересах движение, придают ему более определенный, более энергичный характер и стараются где только возможно овладеть им: это — *пролетариат* и значительная часть *крестьянства,* к которым, кроме того, на некоторое время обычно примыкает передовая фракция мелкой буржуазии.

Эти классы, во главе с пролетариатом более крупные городов, отнеслись к высокопарным заверениям о преданности имперской конституции более серьезно, чем то угодно было мелкобуржуазным агитаторам. Если мелкие буржуа, как они поминутно клялись, готовы были «пойти на любые

жертвы» ради имперской конституции, то рабочие, а во многих местах также и крестьяне, готовы были сделать то же самое; при этом, однако, умалчивалось об отлично известном всем партиям обстоятельстве, что, после победы, мелкой буржуазии пришлось бы защищать ту же самую имперскую конституцию против тех же рабочих и крестьян. Эти классы толкали мелкую буржуазию к открытому разрыву с существующей государственной властью. Если им не удалось помешать тому, чтобы их мелкоторгашеские союзники предали их еще в разгар борьбы, то они испытали, по крайней мере, то удовлетворение, что после победы контрреволюции это предательство получило возмездие со стороны самих контрреволюционеров.

С другой стороны, в начале движения более решительная фракция крупной и средней буржуазии тоже примкнула к мелкой буржуазии, совершенно так же как это происходило и во всех прежних мелкобуржуазных движениях в Англии и Франции. Буржуазия никогда не господствует вся в целом; не говоря уже о феодальных кастах, сохраняющих еще в своих руках какую-то часть политической власти, сама крупная буржуазия немедленно после победы над феодализмом раскалывается на правящую и оппозиционную партии, которые обычно представлены на одной стороне банками, а на другой — фабрикантами. Далее, оппозиционная, прогрессивная фракция крупной и средней буржуазии, в противовес правящей фракции, имеет общие интересы с мелкой буржуазией и соединяется с ней для совместной борьбы. В Германии, где вооруженная контрреволюция восстановила почти исключительное господство армии, бюрократии и феодального дворянства, где буржуазия, несмотря на еще существующие конституционные формы, играет лишь весьма подчиненную и скромную роль, имеется еще больше оснований для такого союза. Но зато германская буржуазия бесконечно трусливее английской и французской и при малейшей вероятности возобновления анархии, т. е. действительной решительной борьбы, она в страхе уходит со сцены. Так было и на этот раз.

Между тем момент отнюдь не был неблагоприятен для борьбы. Во Франции предстояли выборы; кому бы они ни дали большинство, монархистам или красным, они, во всяком случае, ослабили бы центр Учредительного собрания, усилили бы крайние партии и привели бы к разрешению обострившейся парламентской борьбы путем народного движения; одним словом, выборы должны были привести к «journée»*. В Италии

* — «решающему дню». *Ред.*

сражались под стенами Рима, и Римская республика успешно оборонялась против французской интервенционной армии. В Венгрии мадьяры неудержимо рвались вперед; императорские войска были прогнаны за Ваг и Лейту; в Вене, где ежедневно готовились услышать грохот пушек, каждое мгновение ожидалась венгерская революционная армия; в Галиции ждали прибытия Дембинского с польско-мадьярской армией, и русская интервенция, казалось, не только не представляла опасности для мадьяр, а, наоборот, должна была превратить венгерскую борьбу в европейскую. Наконец, в Германии царило сильнейшее возбуждение; наступление контрреволюции, возрастающая наглость военщины, бюрократии и дворянства, постоянно повторяющиеся предательства со стороны старых либералов в министерствах, быстро следующие одно за другим вероломства государей*, — все это бросало в объятия партии движения целые группы прежних приверженцев порядка.

При таких обстоятельствах возгорелась борьба, которую мы и опишем в нижеследующих очерках.

Неполнота и путаница, господствующие еще в материалах, абсолютная недостоверность почти всех сведений, которые приходится собирать со слов участников, чисто личные цели, преследуемые авторами всех опубликованных до сих пор сочинений об этой борьбе, делают невозможным критическое изложение всего хода событий. Ввиду этого нам не остается ничего другого, как ограничиться изложением лишь того, что мы сами видели и слышали. К счастью, этого вполне достаточно для выяснения характера всей кампании; правда, движение в Саксонии и поход Мерославского к Неккару мы не можем осветить по личным впечатлениям, однако журналу «Neue Rheinische Zeitung» возможно представится в скором времени случай дать необходимые разъяснения по крайней мере о походе Мерославского[73].

Из участников кампании за имперскую конституцию многие находятся еще в тюрьме, другим представился случай вернуться на родину, третьи, находясь еще за границей, каждый день ждут такого случая, и среди них — не худшие. Все поймут осторожность, которую мы обязаны проявлять по отношению к этим участникам борьбы, и найдут естественным, если мы будем кое о чем умалчивать; а многие, которые теперь снова проживают на родине, не подвергаясь преследованиям, не будут на нас в претензии, если мы не скомпрометируем их рассказом о тех событиях, в которых они обнаружили действительно выдающееся мужество.

* Слово «государей» было опущено при печатании по цензурным соображениям. *Ред.*

1. РЕЙНСКАЯ ПРУССИЯ

Читатель помнит, что вооруженное восстание за имперскую конституцию вспыхнуло в начале мая прежде всего в *Дрездене*[74]. Как известно, дрезденские баррикадные борцы, поддержанные сельским населением, но преданные лейпцигскими мещанами, после шестидневной борьбы были побеждены из-за перевеса сил противника. Их было не более 2500 бойцов с весьма разнообразным оружием, и в качестве артиллерии они имели только две или три небольшие легкие мортиры. Королевские войска состояли, кроме саксонских батальонов, из двух прусских полков. Они имели в своем распоряжении кавалерию, артиллерию, стрелков и один батальон, снабженный игольчатыми ружьями. В Дрездене королевские войска вели себя, пожалуй, еще более трусливо[*], чем где бы то ни было; однако в то же время не подлежит сомнению, что дрезденские борцы сражались против этих превосходящих сил противника более храбро, чем кто-либо во время кампании за имперскую конституцию. Но, разумеется, уличные бои — нечто совершенно иное чем сражение в открытом поле.

В Берлине продолжало царить спокойствие при осадном положении и разоружении. Не была даже взорвана железная дорога, чтобы уже под Берлином задержать подвоз прусских подкреплений. В Бреславле[**] была сделана попытка начать баррикадные боя, но правительство было уже давно к этому подготовлено, и в результате город только тем вернее попал

[*] По цензурным соображениям это место было смягчено путем замены слова «feig» — «трусливо» словом «klaglich» — «жалким образом». *Ред.*

[**] Польское название: Вроцлав. *Ред.*

под диктатуру сабли. Остальная Северная Германия, не имевшая революционных центров, была парализована. Оставалась надежда только на Рейнскую Пруссию и Южную Германию; а в Южной Германии Пфальц в это время уже пришел в движение.

С 1815 г. Рейнская Пруссия считалась — и с полным правом — одной из самых передовых провинций Германии. Она обладает двумя преимуществами, сочетания которых нельзя найти ни в какой другой часты Германии.

Рейнская Пруссия разделяет вместе с Люксембургом, Рейнским Гессеном и Пфальцем то преимущество, что с 1795 г. она испытала на себе непосредственное влияние французской революции и ее общественных, административных и законодательных результатов, закрепленных при Наполеоне. Поело поражения революционной партии в Париже армии понесли революцию за границы Франции. Под натиском этих только что освобожденных крестьянских сынов не только рассеивались войска Священной Римской империи, но и рушилось феодальное господство дворянства и духовенства. Вот уже два поколения, как левый берег Рейна не знает феодализма: дворянство лишено своих привилегий, земельная собственность перешла из его рук и из рук церкви к крестьянам, земля раздроблена на парцеллы, и крестьянин — такой же свободный земельный собственник, как во Франции. В городах цехи и патриархальное господство патрициев исчезли на десять лет раньше, чем где-либо в другой части Германии, уступив место свободной конкуренции, и, в конечном итоге, Code Napoléon[75], являясь обобщением всех установлений революции, санкционировал весь этот совершенно измененный порядок.

Кроме того, Рейнская Пруссия обладает — и в этом ее главное преимущество по отношению к другим землям левого берега Рейна — самой развитой и разнообразной промышленностью во всей Германии. В трех административных округах — Ахене, Кёльне и Дюссельдорфе — представлены почти все отрасли промышленности: всевозможная хлопчатобумажная, шерстяная и шелковая промышленность и зависящие от них белильное, набивное и красильное дело, железоплавильное и машиностроительное производство; далее, горное дело, оружейное и прочие металлические производства сконцентрированы здесь на пространстве немногих квадратных миль и дают занятие населению неслыханной для Германии плотности. Маркский железнорудный и угольный район непосредственно примыкает к Рейнской провинции, удовлетворяет часть ее потребностей в сырье и в промышленном отношении связан с ней. Луч-

ший водный путь Германии, близость моря, минеральные богатства местности благоприятствуют развитию промышленности, которая, кроме того, создала многочисленные железные дороги и ежедневно расширяет свою железнодорожную сеть. В тесном взаимодействии с промышленностью находится очень обширная для Германии экспортная и импортная торговля со всеми частями света, значительные прямые сношения со всеми крупными узловыми пунктами мирового рынка и соответствующая спекуляция на сырье и железнодорожных акциях. Словом, степень развития промышленности и торговли Рейнской провинции, хотя и незначительная в масштабах мирового рынка, является исключительной для Германии.

В результате роста промышленности, которая также расцвела под революционным французским господством, и связанной с ней торговли в Рейнской Пруссии образовалась мощная промышленная и торговая крупная *буржуазия* и, в противоположность ей, многочисленный промышленный *пролетариат* — два класса, которые в остальной Германии существуют только местами и в зачаточном виде, но которые почти исключительно определяют своеобразное политическое развитие Рейнской провинции.

От остальных частей Германии, революционизированных французами, Рейнскую Пруссию выгодно отличает ее *промышленность,* от остальных же промышленных районов Германии (Саксонии и Силезии) — наследие *французской революции.* Это единственная часть Германии, общественное развитие которой почти полностью достигло уровня современного буржуазного общества: развитая промышленность, обширная торговля, накопление капиталов, свобода земельной собственности; в городах преобладают сильная буржуазия и многочисленный пролетариат, в деревнях — многочисленные и обремененные долгами мелкие крестьяне; буржуазия господствует над пролетариатом при помощи системы наемного труда, над крестьянами — при помощи ипотек и над мелкой буржуазией — при помощи конкуренции; и, наконец, господство буржуазии санкционировано торговыми и фабричными судами, буржуазным судом присяжных и всем материальным правом.

Понятна ли теперь ненависть жителей Рейнской провинции ко всему прусскому? Вместе с Рейнской провинцией Пруссия как бы включила в состав своих государственных владений и французскую революцию; она обращалась с жителями Рейнской провинции не только как с покоренными чужеземцами, но еще и как с побежденными мятежниками. Пруссия не только не усовершенствовала рейнское законодательство в духе все

более развивающегося современного буржуазного общества, но даже хотела навязать жителям Рейнской провинции педантическую феодально-мещанскую мешанину прусского права, которое едва ли еще годится даже для Восточной Померании.

Революционные события после февраля 1848 г. ясно показали исключительное положение Рейнской провинции. Она дала не только прусской, но и вообще германской буржуазии ее классических представителей — *Кампгаузена* и *Ганземана;* она дала германскому пролетариату единственный орган, представлявший его не только на словах или одними благими намерениями, но выражавший его действительные интересы, — *«Neue Rheinische Zeitung».*

Но почему же, несмотря на все это, Рейнская Пруссия приняла такое незначительное участие в революционных движениях Германии?

Не надо забывать, что движение 30-х годов в пользу фразерского и адвокатского конституционализма не представляло никакого интереса для рейнской буржуазии Германии, занятой гораздо более реальным делом, промышленным предпринимательством; что в то время, когда в мелких германских государствах еще мечтали о германской империи, в Рейнской Пруссии пролетариат начал уже открыто выступать против буржуазии; что в 1840—1847 гг., в период буржуазного, действительно конституционного движения, рейнская буржуазия стояла во главе его и что во время мартовских событий 1848 г. в Берлине она оказала решающее влияние на исход борьбы. Почему, однако, в Рейнской Пруссии ни разу не удалось ничего добиться открытым восстанием, почему вообще здесь оказалось невозможным осуществить общее восстание всей провинции, — это лучше всего покажет простое описание рейнской кампании за имперскую конституцию.

В Дрездене борьба только что вспыхнула; в Пфальце она могла каждую минуту разгореться. В Бадене, в Вюртемберге и во Франконии происходили массовые собрания, и почти никто уже не скрывал свою решимость довести дело до конца с помощью оружия. Во всей Южной Германии настроение войск было колеблющимся. Пруссия была в таком же возбужденном состоянии. Пролетариат ждал только случая отомстить за то, что его обманным путем лишили тех прав, которые он считал завоеванными в марте 1848 года. Мелкая буржуазия повсюду старалась объединить все недовольные элементы в одну большую партию имперской конституции, надеясь сохранить за собой руководство этой партией. Клятвы победить или погибнуть вместе с Франкфуртским собранием, пойти на любые

жертвы ради имперской конституции заполняли все газеты, звучали во всех клубах и пивных.

Тогда-то прусское правительство и открыло враждебные действия, призвав значительную часть ландвера[76], именно контингенты Вестфалии и Рейна. Приказ о призыве в мирное время был противозаконным и возмутил не только мелкую, но и более состоятельную буржуазию.

Кёльнский общинный совет объявил о созыве конгресса депутатов рейнских общинных советов. Правительство запретило его; тогда решили пренебречь формальностями, и конгресс состоялся, несмотря на запрещение. Общинные советы, представители крупной и средней буржуазии, объявили себя сторонниками имперской конституции, потребовали принятия ее прусским правительством и отставки министерства, а также отмены приказа о призыве ландвера, и довольно открыто угрожали отпадением Рейнской провинции от Пруссии в случае отклонения этих требований.

«Так как прусское правительство распустило вторую палату поело того, как она высказалась за безусловное принятие германской конституции, провозглашенной 28 марта сего года, и тем самым отняло в нынешний решающий момент у народа его право представительства и право голоса, нижеподписавшиеся представители городов и общин Рейнской провинции собрались, чтобы обсудить нужды отечества.

Собрание, под председательством городских гласных Целля из Трира и Вернера из Кобленца и при секретарях, городских гласных Беккере из Кёльна и Блёме II из Дюссельдорфа, *постановило следующее:*

1) Собрание заявляет, что признает конституцию Германской империи в том виде, как она провозглашена Имперским собранием 28 марта сего года, окончательным законом и в вызванном прусским правительством конфликте становится на сторону германского Имперского собрания.

2) Собрание призывает все население Рейнской провинции и, в особенности, всех мужчин, способных носить оружие, выражать, посредством коллективных заявлений от имени как малых, так и больших групп, свою готовность выполнить свой долг и свою непреклонную волю отстоять германскую имперскую конституцию и провести в жизнь ее положения.

3) Собрание требует от германского Имперского собрания как можно скорее принять самые серьезные меры, чтобы придать сопротивлению народа в отдельных германских государствах и, в частности, также и в Рейнской провинции то единство и ту мощь, которые только и могут расстроить расчеты хорошо организованной контрреволюции.

4) Собрание требует, чтобы имперское правительство возможно скорее привело имперские войска к присяге конституции и обеспечило сосредоточение этих войск.

5) Нижеподписавшиеся обязываются использовать все находящиеся в их распоряжении средства, чтобы добиться признания имперской конституции в пределах своих общин.

6) Собрание считает безусловно необходимым отставку министерства Бранденбурга — Мантёйфеля и созыв обеих палат без изменения существующего порядка выборов.

7) Собрание в особенности рассматривает недавно последовавший частичный призыв ландвера как меру, ненужную и в высшей степени опасную для внутреннего мира, и ожидает немедленной его отмены.

8) В заключение нижеподписавшиеся выражают свое убеждение в том, что отказ принять во внимание содержание настоящего заявления чреват величайшими опасностями для отечества и может даже поставить под угрозу сохранение Пруссии в ее теперешнем составе.

Принято 8 мая 1849 г. в Кёльне».

(Следуют подписи.)

Мы прибавим только, что тот же г-н Целль, который председательствовал на этом собрании, спустя несколько недель отправился в качестве имперского комиссара франкфуртского имперского министерства[77] в Баден, где не только призывал к спокойствию, но и сговорился с тамошними реакционерами относительно контрреволюционных выступлений, последовавших позднее в Мангейме и в Карлсруэ. По меньшей мере вероятно также и то, что он одновременно оказывал услуги имперскому генералу Пёйкеру в качестве военного шпиона.

Мы считаем важным констатировать этот факт. Крупная буржуазия — цвет домартовского рейнского либерализма — пыталась в Рейнской Пруссии с самого начала стать во главе движения за имперскую конституцию. Ее речи, ее постановления, все ее поведение сделали ее ответственной за позднейшие события. Было немало людей, которые приняли всерьез фразы господ общинных советников и, в частности, их угрозу насчет отпадения Рейнской провинции. Раз крупная буржуазия примкнула к делу, его можно было считать заранее выигранным, можно было рассчитывать на поддержку всех классов населения и, следовательно, можно было уж кое-чем рискнуть. Так строил свои расчеты мелкий буржуа и спешил принять героическую позу. Само собой понятно, что это нисколько не помешало его мнимому союзнику, крупному буржуа, при первой возможности предать его, а впоследствии, когда все дело кончилось в высшей степени плачевно, задним числом посмеяться над его глупостью.

Между тем возбуждение непрерывно нарастало; сообщения, поступавшие со всех концов Германии, звучали крайне воинственно. Наконец, дело дошло до экипировки ландвера. Батальоны собрались и категорически заявили, что не наденут военной формы. Майоры, не располагая достаточной военной поддержкой, ничего не могли сделать и рады были, когда дело обходилось без угроз и оскорблений действием. Они распустили людей и назначили новый срок для экипировки.

Правительство, которое в свое время легко могло бы оказать офицерам ландвера необходимую поддержку, намеренно позволило делу зайти так далеко. Теперь же оно сразу пустило в ход силу.

Непокорные части ландвера принадлежали преимущественно к бергско-маркскому промышленному округу. Центрами сопротивления были Эльберфельд и Изерлон, Золинген и долина реки Эннепе. Немедленно в два первых города были отправлены войска.

В Эльберфельд отправили один батальон 16-го полка, эскадрон улан и два орудия. В городе царило полное смятение. Солдаты ландвера после зрелого размышления все-таки пришли к выводу, что начали рискованную игру. Многие крестьяне и рабочие были политически индиферентны; единственным их желанием было не отлучаться на неопределенное время из дому но какому-то капризу правительства. При мысли о последствиях сопротивления у них становилось тяжело на душе: species facti*, законы военного времени, каторжные работы и даже, может быть, расстрел! Словом, число солдат ландвера, стоявших под ружьем — оружие они имели при себе — таяло с каждым днем, и, наконец, их осталось только около сорока человек. Они устроили свой штаб в одном из загородных ресторанчиков и там ждали прихода пруссаков. Вокруг ратуши стояло гражданское ополчение и два отряда гражданских стрелков; они колебались, вели переговоры с ландвером, но, во всяком случае, были готовы защищать свою собственность. На улицах толпился народ: мелкие буржуа, принесшие в политическом клубе клятву на верность имперской конституции, пролетарии всех категорий, от решительного революционного рабочего до пьяного ломового извозчика. Никто не знал, что надо делать и что может произойти.

Городской совет хотел повести переговоры с войсками. Командир отказался от переговоров и вступил в город. Войска продефилировали по улицам и выстроились у ратуши напротив гражданского ополчения. Начались переговоры. Из толпы кое-кто бросал камни в солдат. Ландвер, насчитывавший, как-уже было сказано, около сорока человек, после долгого обсуждения подошел из другой части города и тоже стал напротив войск.

Неожиданно в толпе раздался призыв освободить заключенных. В тюрьме, возле самой ратуши, вот уже год сидели

* — установление состава преступлении. *Ред.*

69 золингенских рабочих по обвинению в разрушении сталелитейного завода, расположенного у крепости. Через несколько дней предстоял суд над ними. Народ устремляется к тюрьме с намерением освободить их. Двери поддаются, народ врывается в тюрьму, заключенные освобождены. Но в то же время подступают войска, раздается залп, и последний заключенный, выбегающий из дверей тюрьмы, падает с размозженным черепом.

Толпа отступает, но с криком: на баррикады! В одно мгновение подступы к центру города забаррикадированы. Невооруженных рабочих оказалось довольно много, а вооруженных за баррикадами — не больше пятидесяти.

Вперед выдвигается артиллерия. Как раньше пехота, так теперь артиллеристы стреляют слишком высоко, вероятно, нарочно. Оба подразделения состояли из уроженцев Рейнской провинции или Вестфалии и были благожелательно настроены. Наконец, выступает вперед капитан фон Уттенхофен во главе 8-й роты 16-го полка.

За первой баррикадой находилось трое вооруженных людей. «Не стреляйте в нас, — кричали они, — мы стреляем только в офицеров!» — Капитан командует: «внимание!» «Если ты скомандуешь — «готовься», мы тебя уложим на месте», — кричит ему стрелок из-за баррикады. — «Готовься, пли!» — Раздается залп, но в то же мгновение падает капитан. Пуля попала ему прямо в сердце.

Солдаты поспешно отступают; они даже не унесли с собой труп капитана. Раздается еще несколько выстрелов, несколько солдат ранено, и командующий офицер, не желая ночевать в восставшем городе, выводит свои войска и располагается с ними бивуаком на расстоянии одного часа ходьбы от города. По мере того как солдаты уходят, всюду немедленно воздвигаются баррикады.

В Дюссельдорф известие об отступлении пруссаков пришло еще в тот же вечер. На улицах образовались многочисленные группы; мелкие буржуа и рабочие были в необычайном возбуждении. Тут пронесся слух о предстоящей посылке новых войск в Эльберфельд, и это послужило сигналом к выступлению. Не считаясь ни с недостатком оружия — с ноября 1848 г. гражданское ополчение было разоружено — ни с сравнительно сильным гарнизоном и неблагоприятными для повстанцев широкими, прямыми улицами бывшей маленькой княжеской резиденции, некоторые рабочие бросили призыв: на баррикады. На Нёйштрассе и Болькерштрассе было возведено несколько оборонительных сооружений; в остальных частях города от-

части из-за того, что туда уже заранее были стянуты войска, отчасти из-за трусости зажиточного и мелкого бюргерства, никаких сооружений возведено не было.

К вечеру начались бои. Здесь, как и повсюду, баррикадных борцов было мало. Да и где было им взять оружие и боевые припасы? Достаточно того, что они оказали продолжительное и стойкое сопротивление превосходящим силам противника, и что несколько баррикад, которые можно было защищать, только к утру, лишь после того, как была широко применена артиллерия, попали в руки пруссакам. Как известно, эти осторожные герои на следующий день взяли кровавый реванш, набросившись на служанок, стариков и других мирных жителей.

В тот самый день, когда пруссаки были выбиты из Эльберфельда, один батальон, если не ошибаюсь 13-го полка, должен был отправиться в Изерлон, чтобы усмирить тамошний ландвер. Но и там этот план потерпел крушение: как только стало известно, что приближаются войска, ландвер и народ забаррикадировали все подступы к городу и поджидали неприятеля с заряженными ружьями. Батальон не решился пойти в атаку и отступил назад.

Борьба в Эльберфельде и .Дюссельдорфе и баррикады в Изерлоне послужили сигналом к восстанию большей части бергско-маркского промышленного района. Жители Золингена взяли штурмом цейхгауз в Грефрате и вооружились захваченными там ружьями и патронами; жители Хагена массами присоединились к движению, вооружились, заняли подступы к Руру и выслали патрули для рекогносцировки; Золинген, Ронсдорф, Ремшейд, Бармен и другие города послали свои отряды в Эльберфельд. В других пунктах этого района ландвер примкнул к движению и предоставил себя в распоряжение Франкфуртского собрания. Эльберфельд, Золинген, Хаген и Изерлон поставили на место изгнанных окружных и местных властей комитеты безопасности.

Известия об этих событиях, разумеется, еще страшно, преувеличивались: весь Вупперталь и вся Рурская область изображались как большой организованный лагерь восстания; говорили о 15000 вооруженных людей в Эльберфельде, о таком же количестве в Изерлоне и Хагене. Внезапный испуг правительства, сразу парализовавший всю его деятельность по подавлению этого восстания наиболее верноподданных округов, немало способствовал распространению таких преувеличенных слухов.

Даже если допустить любую скидку на вероятные преувеличения, остается несомненным тот факт, что главные пункты бергско-маркского промышленного района были охвачены

открытым и пока победоносным восстанием. Этот факт был неоспорим. К этому присоединялись известия, что Дрезден еще держится что в Силезии — брожение, что пфальцское движение консолидируется, что в Бадене вспыхнуло победоносное восстание среди войск и великий герцог бежал, что мадьяры стоят у Яблунки и у Лейты. Короче говоря, это была самая благоприятная возможность из всех революционных возможностей, представлявшихся демократической и рабочей партии после марта 1848 г., и, конечно, ею надо было воспользоваться. Левый берег Рейна должен был прийти на помощь правому.

Итак, что надлежало предпринять?

Все более крупные города Рейнской провинции являются либо городами-крепостями с господствующими над ними сильными цитаделями и фортами, как Кёльн и Кобленц, либо имеют многочисленные гарнизоны, как Ахен, Дюссельдорф и Трир. Кроме того, провинцию держат в повиновении крепости Везель, Юлих, Люксембург, Саарлуи и даже Майнц и Минден. Всего в этих крепостях и гарнизонах насчитывалось, по меньшей мере, тридцать тысяч человек. Наконец Кёльн, Дюссельдорф, Ахен, Трир были давно уже разоружены. Таким образом, революционные центры провинции были парализованы. Здесь всякая попытка восстания, как это уже показал Пример Дюссельдорфа, не могла не кончиться победой войск; еще одна такая победа, например в Кёльне, и боевой дух участников восстания бергско-маркского района, несмотря на все прочие благоприятные известия, был бы сломлен. На левом берегу Рейна движение было возможно на Мозеле, в Эйфеле и в крефельдском промышленном округе, но эту местность окружали шесть крепостей и три города с постоянным гарнизоном. Напротив, правый берег Рейна в уже восставших округах представлял собой густонаселенное обширное пространство, как бы специально приспособленное благодаря лесам и горам для повстанческой войны.

Итак, помочь восставшим округам можно было только одним путем:

прежде всего, следовало избегать всяких бесполезных выступлений в крепостях и гарнизонных городах;

на левом берегу Рейна надо было произвести диверсию в маленьких городах, в фабричных поселках и сельских местностях, чтобы удерживать в напряжении рейнские гарнизоны;

наконец, надо было бросить все свободные силы в восставший округ правого берега Рейна, распространить восстание на более широкую арену и попытаться создать здесь посредством ландвера ядро революционной армии.

Пусть новоиспеченные прусские мастера по разоблачениям не радуются прежде времени, что я раскрыл здесь заговор, связанный с государственной изменой. К сожалению, никакого заговора не существовало. Вышеприведенные три мероприятия — это не план заговора, а простое предложение, сделанное автором настоящих строк как раз в то время, когда он сам направился в Эльберфельд, чтобы ускорить выполнение третьего пункта. Вследствие распада организации демократической и рабочей партии, вследствие нерешительности и высокомудрой осторожности большинства местных вожаков — выходцев из мелкой буржуазии, — наконец, вследствие недостатка времени, дело не дошло до конспирирования. Если, тем не менее, на левом берегу Рейна все же имела место попытка произвести диверсию, если в Кемпене, Нёйсе и окрестностях начались волнения, а в Прюме цейхгауз был взят штурмом[78], то эти события ни в коей мере не были результатом общего плана, а были вызваны лишь революционным инстинктом населения.

Между тем в восставших округах дело обстояло далеко не так, как воображали в остальной части провинции. Эльберфельд, правда, выглядел совсем не плохо со своими баррикадами, — хотя и крайне беспорядочно и поспешно воздвигнутыми, — со своими многочисленными сторожевыми постами, патрулями и другими группами вооруженных людей, со своим населением, поголовно вышедшим на улицу (отсутствовала только крупная буржуазия), со своими красными и трехцветными флагами[79]. Но в остальном в городе господствовала величайшая сумятица. Мелкая буржуазия посредством Комитета безопасности, образовавшегося в первый же момент, захватила руководящую роль в движении. Но едва достигнув этого, она уже испугалась собственной власти, как эта власть ни была ничтожна. Ее первым шагом было добиться признания законности своей власти со стороны городского совета, т. е. крупной буржуазии, и — в благодарность за любезность городского совета — включить пять из его членов в состав Комитета безопасности, Укрепленный таким способом Комитет безопасности немедленно избавил себя от всех опасных дел, передав заботу о внешней безопасности военной комиссии и сохранив за собой лишь контроль над этой комиссией, чтобы сдерживать и тормозить се деятельность. Оградив себя таким образом от всякого соприкосновения с восстанием, пересаженные на правовую почву самими отцами города, трепещущие мелкие буржуа из Комитета безопасности могли ограничиваться тем, что успокаивали умы, занимались текущими

делами, улаживали «недоразумения», усыпляли, откладывали дело в долгий ящик и тормозили всякие энергичные действия под тем предлогом, что необходимо сперва подождать ответа депутациям, направленным в Берлин и Франкфурт. Остальная мелкая буржуазия, конечно, целиком следовала за Комитетом безопасности, призывала повсюду к спокойствию, по возможности мешала всякому дальнейшему проведению оборонительных мер и вооружения и все еще продолжала колебаться относительно того, как далеко должно простираться ее участие в восстании. Только незначительная часть этого класса была полна решимости защищаться с оружием в руках в случае нападения на город, а подавляющее большинство старалось убедить себя в том, что достаточно будет одних угроз, что правительство в испуге остановится перед необходимостью бомбардировать Эльберфельд и пойдет на уступки; в остальном же это большинство на всякий случай оставляло себе путь к отступлению.

В первый момент после начала борьбы крупная буржуазия была поражена, как громом. Ее испуганному воображению рисовались поджоги, убийства, грабежи и невесть какие ужасы. Создание Комитета безопасности, большинство которого составляли городские советники, адвокаты, обер-прокуроры, солидные люди, неожиданно дало ей гарантию жизни и собственности и потому преисполнило ее более чем фанатическим восторгом. Те же крупные купцы, владельцы красилен, фабриканты, которые раньше кричали, что гг. Карл Геккер, Риотте, Хёхстер и т. д.—кровожадные террористы, теперь толпами устремились в ратушу, с лихорадочным жаром бросились обнимать этих мнимых кровопийц и выложили на стол Комитета безопасности не одну тысячу талеров. Само собой разумеется, что когда движение было подавлено, эти же восторженные почитатели и сторонники Комитета безопасности стали распространять самую нелепую и пошлую ложь не только о самом движении, но и о Комитете безопасности и об его членах и с но меньшим жаром благодарили пруссаков за избавление от терроризма, которого никогда и не было. Невинных бюргеров-конституционалистов, как гг. Геккер, Хёхстер и обер-прокурор Хейнцман, снова стали изображать террористами и людоедами, у которых прямо на лбу написано их родство с Робеспьером и Дантоном. Мы, со своей стороны, считаем своим долгом полностью снять это обвинение с вышеназванных благонамеренных мужей. Вообще большая часть крупной буржуазии, с чадами и домочадцами, постаралась возможно скорее перебраться в Дюссельдорф,

под защиту осадного положения, и только меньшая, более смелая часть осталась, чтобы защищать свою собственность при всех обстоятельствах. Обер-бургомистр скрывался во время восстания в перевернутой коляске, покрытой навозом. Пролетариат, единый в момент борьбы, раскололся, как только обнаружились колебания в Комитете безопасности и среди мелкой буржуазии. Ремесленники, настоящие фабричные рабочие, часть ткачей шелка решительно поддерживали движение, но именно они, составлявшие ядро пролетариата, не имели почти никакого оружия. Красильщики, здоровенные, хорошо оплачиваемые, мало развитые и потому реакционно настроенные, — как все те категории рабочих, занятие которых требует больше физической силы, чем уменья, — уже с первых дней стали проявлять полнейшее равнодушие. Они были единственными из всех промышленных рабочих, которые продолжали безмятежно работать во время баррикадных боев. Наконец, люмпен-пролетариат, как и повсюду, обнаружил на второй же день движения свою продажность; с утра он требовал от Комитета безопасности оружие и жалованье, после обеда продавался крупной буржуазии, чтобы защищать ее дома, а к вечеру — разрушал баррикады. В целом, люмпен-пролетарии стояли на стороне буржуазии, которая платила им больше всех и на деньги которой они весело проводили время вплоть до конца движения.

Нерадивость и трусость Комитета безопасности, разногласия в военной комиссии, в которой партия бездействия первоначально имела большинство, с самого начала препятствовали всякому решительному выступлению. Уже на второй день началась реакция. Сразу же обнаружилось, что в Эльберфельде можно было рассчитывать на успех только выступая под флагом имперской конституции, только в согласии о мелкой буржуазией. Но, с одной стороны, именно здесь пролетариат лишь совсем недавно вырвался из трясины пьянства и пиетизма, и поэтому даже самые ничтожные представления об условиях его освобождения не успели еще проникнуть в рабочие массы; с другой стороны, он питал слишком большую инстинктивную ненависть к буржуазии, был слишком равнодушен к буржуазному требованию имперской конституции, чтобы с энтузиазмом отстаивать такого рода трехцветные лозунги. В результате партия решительных действий, единственная партия, которая серьезно относилась к делу обороны, попала в ложное положение. Она заявила, что стоит за имперскую конституцию. Но мелкая буржуазия ей не доверяла, всячески поносила ее перед народом, препятствовала проведению всех ее мероприятий

по вооружению и укреплению города. Всякий приказ, который действительно мог содействовать укреплению обороноспособности города, немедленно отменялся первым попавшимся членом Комитета безопасности. Каждый филистер, перед дверью которого сооружалась баррикада, немедленно бежал в ратушу и раздобывал контрприказ. Денежные средства для оплаты рабочих, находящихся на баррикадах, — а они требовали только самого необходимого, чтобы не умереть с голоду, — удавалось вырвать у Комитета безопасности только с трудом и в самых ничтожных размерах. Жалованье и продовольствие для бойцов отпускали нерегулярно и часто в недостаточных размерах. В продолжение пяти-шести дней не удавалось провести ни смотра, ни сбора находившихся под ружьем, так что никто не знал, на какое количество бойцов можно рассчитывать в случае необходимости. Только на пятый день была сделана попытка подразделить бойцов, попытка, не увенчавшаяся успехом и основанная на полном неведении относительно имеющихся боевых сил. Каждый член Комитета безопасности действовал на собственный страх и риск. Издавались приказы, которые находились в самом резком противоречии друг с другом и почти все сходились только в том, что увеличивали беспечность и неразбериху и. делали невозможным какой-либо энергичный шаг. Все это окончательно отбило у пролетариата интерес к движению и в течение нескольких дней крупная буржуазия и мелкая буржуазия достигли своей цели — насколько возможно вызвать апатию у рабочих.

Когда я 11 мая приехал в Эльберфельд, там было не менее 2500—3000 бойцов. Но из них надежными были только иногородние подкрепления и немногочисленные вооруженные эльберфельдские рабочие. Ландвер колебался; большая часть его испытывала величайший страх перед каторжными работами. Первоначально таких элементов было немного, но число их увеличивалось вследствие притока нерешительных и боязливых людей из других отрядов. Наконец, гражданское ополчение, которое с самого начала было здесь реакционно и организовано специально для подавления рабочих, объявило себя нейтральным и имело лишь одно желание — защищать свою собственность. Но все это обнаружилось только спустя несколько дней; тем временем часть иногородних подкреплений и рабочих разошлась, число действительных боевых сил таяло в результате того, что движение приостановилось в своем развитии, тогда как гражданское ополчение все более сплачивалось и с каждым днем все более открыто выражало свои реакционные вожделения. За последние ночи оно уже разрушило несколько

баррикад. Вооруженные подкрепления, составлявшие вначале несомненно свыше 1000 человек, к 12 или 13 мая уже наполовину сократились, и когда, наконец, был объявлен общий сбор, обнаружилось, что вся вооруженная сила, на которую можно было рассчитывать, составляла самое большее 700— 800 человек. Ландвер и гражданское ополчение отказались явиться на этот сбор.

Но этого мало! Восставший Эльберфельд был окружен исключительно так называемыми «нейтральными» населенными пунктами. Бармен, Кроненберг, Леннеп, Лютрингхаузен и т. д. не примкнули к движению. Те из революционных рабочих этих мест, которые имели оружие, ушли в Эльберфельд. Гражданское ополчение —во всех этих пунктах оно являлось простым орудием в руках фабрикантов для подчинения рабочих и состояло из фабрикантов, фабричных надсмотрщиков и из лавочников, всецело зависимых от фабрикантов, — хозяйничало в этих населенных пунктах в интересах «порядка» и фабрикантов. Сами рабочие, вследствие своей большой распыленности по сельской местности, оставались в стороне от политического движения и были частично привлечены на сторону фабрикантов при помощи широко известных принудительных мер и клеветнических сообщений о характере эльберфельдского движения; на крестьян же эти клеветнические сообщения действовали безотказно. К тому же, движение происходило в такое время, когда после пятнадцатимесячного экономического кризиса фабриканты, наконец, снова получили много заказов, а как известно, с рабочими, хорошо обеспеченными работой, не сделаешь революции; это обстоятельство оказало сильное влияние также и в Эльберфельде. Само собой разумеется, что при всех этих обстоятельствах «нейтральные» соседи были всего лишь скрытыми врагами.

Более того! Связи с остальными восставшими районами совсем не были установлены. Время от времени приходили отдельные лица из Хагена; об Изерлоне почти ничего не было известно. Некоторые предлагали себя в качестве комиссаров, но ни одному из них нельзя было доверять. Говорят, что многие курьеры из Эльберфельда и Хагена были задержаны Гражданским ополчением в Бармене и окрестностях. Единственное место, с которым была связь, был Золинген, а там дело обстояло совершенно так же, как в Эльберфельде. Положение там могло быть и хуже, если бы не хорошая организованность и решительность золингепских рабочих, которые, послав 400—500 бойцов в Эльберфельд, все же были еще достаточно сильны, чтобы в своем собственном городе оказывать противо-

действие буржуазии и гражданскому ополчению. Если бы эльберфельдские рабочие были так же развиты и организованы, как золингенские, шансы на успех были бы совсем иные.

При этих обстоятельствах оставалась только одна возможность; надо было принять некоторые быстрые решительные меры, которые снова вдохнули бы жизнь в движение, привлекли бы к нему новые боевые силы, парализовали бы его внутренних врагов и организовали бы возможно более сильное движение во всем бергско-маркском промышленном районе. Первым шагом должно было быть разоружение эльберфельдского гражданского ополчения, распределение его оружия среди рабочих, затем взыскание принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Этот шаг означал бы решительный разрыв со всей прежней бездеятельностью Комитета безопасности, вдохнул бы в пролетариат новую жизнь и парализовал бы силу сопротивления «нейтральных» округов. От успеха этого первого шага зависели бы дальнейшие мероприятия, которые имели бы своей задачей добиться получения оружия и из этих «нейтральных» округов, распространить восстание дальше и планомерно организовать оборону всего района. Впрочем, располагая приказом Комитета безопасности и имея в своем распоряжении хотя бы только 400 золингенских рабочих, можно было в один миг разоружить эльберфельдское гражданское ополчение. О мужестве последнего не стоило и говорить.

В интересах безопасности находящихся еще в тюрьме участников майских событий в Эльберфельде, я считаю своим долгом заявить, что все подобные предложения исходили единственно и исключительно от меня. Я настаивал на разоружении гражданского ополчения с первой же минуты, как только начали таять денежные средства Комитета безопасности.

Но почтеннейший Комитет безопасности не имел ни малейшей склонности к таким «террористическим мерам». Единственное, что я провел или, вернее, проделал на свой страх и риск вместе с некоторыми командирами отрядов, — которые все счастливо спаслись и частью находятся уже в Америке, — это то, что мы забрали около восьмидесяти ружей кроненбергского гражданского ополчения, хранившихся в тамошней ратуше. Ружья эти, розданные в высшей степени легкомысленно, попали большей частью в руки склонных к пьянству люмпен-пролетариев, которые в тот же вечер продали их буржуазии. Эти господа буржуа рассылали агентов в парод, чтобы скупить

возможно большее число ружей, за которые они платили довольно высокую цену. Эльберфельдекие люмпен-пролетарии продали таким образом буржуазии несколько сот ружей, попавших в их руки вследствие нерадивости и бестолковости импровизированных властей. Этими ружьями вооружили фабричных надзирателей, верных буржуазии красильщиков и т. д., и ряды «благонамеренного» гражданского ополчения усиливались изо дня в день.

На всякое предложение об улучшении обороны города господа из Комитета безопасности отвечали, что все это, дескать, не нужно, что пруссаки не решатся прийти, что они не осмелятся вступить в горную местность и т. п. Они сами отлично понимали, что распространяют таким образом самые нелепые сказки, что город открыт для обстрела со всех окружающих высот даже из полевых орудий, что ничего не сделано для мало-мальски серьезной обороны и что в условиях, когда восстание приостановилось в своем развитии, а пруссаки обладают колоссальным превосходством сил, только какие-нибудь совершенно исключительные события могут еще спасти эльберфельдское восстание.

Между тем прусский генералитет, повидимому, тоже не имел особой охоты начать поход в почти незнакомую местность, во всяком случае пока не будет собрано действительно подавляющее превосходство боевых сил. Четыре открытых города — Эльберфельд, Хаген, Изерлон и Золинген — внушали такое сильное уважение этим осторожным военным героям, что они приказали стянуть из Везеля, Вестфалии и восточных провинций целую армию в двадцать тысяч человек с многочисленной кавалерией и артиллерией, частично переброшенную по железной дороге, и, не осмеливаясь наступать, сформировали за Руром стратегическую группировку по всем правилам военного искусства. Верховное командование и генеральный штаб, правый фланг, центр— все было здесь в наилучшем порядке, как будто перед ними стояла колоссальная неприятельская армия, как будто предстояло сражение с Бемом или Дембинским, а не неравная борьба с несколькими сотнями неорганизованных рабочих, плохо вооруженных, почти лишенных руководителей и предаваемых за спиной теми, кто дал им в руки оружие!

Известно, каков был конец восстания. Известно, что рабочие, которым надоели вечные проволочки, нерешительность, трусость и предательская бездеятельность мелкой буржуазии, ушли, наконец, из Эльберфельда, с намерением пробиться в любую из немецких земель, где имперская конституция могла

бы предоставить им какую-нибудь защиту. Известно, каким ожесточенным преследованиям подвергались они со стороны прусских уланов и со стороны натравленных на них крестьян. Известно, что немедленно после их ухода крупная буржуазия опять выползла наружу, велела разобрать баррикады и построила триумфальные арки для приближавшихся прусских героев. Известно, что Хаген и Золинген попали в руки пруссаков в результате прямого предательства буржуазии, и только Изерлон выдержал двухчасовую неравную борьбу с 24-м полком, этим уже нагруженным добычей победителем Дрездена.

Части эльберфельдских, золингенских и мюльгеймских рабочих удалось пробраться в Пфальц. Там они нашли своих земляков, перебравшихся сюда после штурма цейхгауза в Прюме. Вместе с ними они образовали в добровольческом отряде Виллиха роту, состоявшую почти исключительно из жителей Рейнской провинции. Все их товарищи могут засвидетельствовать, что там, где им пришлось сражаться, и, в частности, в последнем решительном бою на Мурге, они проявили большую храбрость.

Эльберфельдское восстание заслуживает более подробного освещения уже потому, что как раз здесь позиции различных классов в движении за имперскую конституцию обнаружились в наиболее ярко выраженном и развернутом виде. В остальных городах бергско-маркского района движение вполне походило на эльберфельдское, но с тем отличием, что там участие или неучастие различных классов в движении не было столь ясным, так как сами классы не были там так резко отделены друг от друга, как в промышленном центре этого района. В Пфальце и Бадене, где почти совершенно отсутствует концентрированная крупная промышленность, а вместе с ней и развитая крупная буржуазия, где классовые отношения более затушеваны, носят более мирный и патриархальный характер, переплетение классов, являвшихся носителями движения, было еще более запутанным. Мы увидим это дальше и увидим вместе с тем, как все эти присоединившиеся к восстанию элементы в конце концов там тоже сгруппировались вокруг мелкой буржуазии как кристаллизационного ядра всего достославного движения за имперскую конституцию.

Попытки восстания в Рейнской Пруссии в мае прошлого года ясно показывают, какое положение может занять эта часть Германии в революционном движении. Окруженная семью крепостями, из которых три являются для Германии крепостями первого класса, постоянно занятая почти третьей

частью всей прусской армии, Рейнская Пруссия перерезана во всех направлениях железными дорогами и предоставляет в распоряжение военных властей целый флот грузовых пароходов; при таких условиях рейнское восстание может иметь шансы на успех только при совершенно исключительных обстоятельствах. Только если крепости окажутся в руках народа, жители Рейнской провинции смогут чего-либо достигнуть с оружием в руках. А это может произойти только в том случае, если военные власти, напуганные какими-нибудь мощными внешними событиями, потеряют голову, или же в том случае, если войска целиком или частично примкнут к движению. Во всех других случаях восстание в Рейнской провинции заранее обречено на поражение. Быстрое продвижение баденских отрядов к Франкфурту и пфальцских к Триру привело бы, вероятно, к тому, что восстание немедленно вспыхнуло бы на Мозеле и в Эйфеле, в Нассау и в обоих княжествах Гессен и что еще надежные в то время войска среднерейнских государств примкнули бы к движению. Не подлежит сомнению, что все рейнские войска и, в особенности, вся 7-я и 8-я артиллерийские бригады последовали бы их примеру пли, по меньшей мере, настолько ясно обнаружили бы свое настроение, что прусский генералитет растерялся бы. Вероятно, некоторые крепости перешли бы в руки народа, и если не Эльберфельд, то, во всяком случае, большая часть левого берега Рейна была бы спасена. Все это и, может быть, еще многое другое было потеряно из-за жалкой, мещански-трусливой политики высокомудрого Баденского комитета.

С поражением рейнских рабочих погибла также та единственная газета, в которой они видели открытую и решительную защитницу своих интересов, — «Neue Rheinische Zeitung». Главный редактор, хотя и уроженец Рейнской Пруссии, был выслан из Пруссии; другим редакторам предстояло либо тюремное заключение, либо немедленная высылка. Кёльнская полиция с величайшим простодушием объявила об этом и весьма конкретно показала, что она располагает против каждого достаточными уликами, чтобы тем или иным способом расправиться с ним. Таким образом, газета должна была перестать выходить в тот самый момент, когда неслыханно быстро выросшее распространение более чем обеспечивало ее существование. Редакторы разъехались в различные части Германии, в которых уже начиналось или должно было начаться восстание; некоторые уехали в Париж, где события подходили снова к поворотному пункту[80]. Среди них не было ни одного, кто бы не подвергся аресту или высылке во время революционных движений этого лета или

в результате участия в них; таким образом, ни один из редакторов не избежал судьбы, которую им любезно готовила кёльнская полиция. Часть наборщиков ушла в Пфальц и вступила в армию.

Рейнское восстание также должно было окончиться трагически. После того, как три четверти Рейнской провинции были объявлены на осадном положении и сотни людей брошены в тюрьмы, восстание окончилось *расстрелом трех участников штурма цейхгауза в Прюме — как раз накануне дня рождения Фридриха-Вильгельма IV Гогенцоллерна.* Vae victis!*

* — Горе побежденным! *Ред.*

2. КАРЛСРУЭ

В Бадене восстание началось при самых благоприятных условиях, в каких только может протекать восстание. Весь народ был единодушен в ненависти к вероломному, двуличному и жестокому в своих политических преследованиях правительству. Реакционные классы, дворянство, бюрократия и крупная буржуазия, были немногочисленны. Вообще крупная буржуазия существует в Бадене только в зачаточном состоянии. За исключением этих немногих дворян, чиновников и буржуа, за исключением лавочников Карлсруэ и Баден-Бадена, живущих за счет двора и богатых иностранцев, за исключением некоторых гейдельбергских профессоров и нескольких деревень под Карлсруэ, вся страна безраздельно была на стороне движения. Если в других восстаниях армию приходилось еще побеждать, то здесь, в результате того что армия больше чем где-либо терпела притеснения со стороны своих офицеров-дворян, уже год как подвергалась обработке со стороны демократической партии и недавно, благодаря введению своего рода всеобщей воинской повинности, еще более пополнилась мятежными элементами, — здесь армия стала во главе движения и повела его даже дальше, чем хотели буржуазные руководители оффенбургского собрания[81]. Именно армия в Раштатте и Карлсруэ превратила «движение» в восстание.

Таким образом, инсуррекционное правительство, приступая к исполнению своих обязанностей, нашло готовую армию, заполненные арсеналы, вполне организованную государственную машину, богатую государственную казну и почти единодушное население. Далее, оно застало на левом берегу Рейна, в Пфальце, уже развернувшееся восстание, которое прикрывало его левый фланг; в Рейнской Пруссии — восстание, которое,

правда, находилось под серьезной угрозой, но не было еще побеждено; в Вюртемберге, Франконии, в обоих княжествах Гессен и в Нассау — всеобщее возбуждение, даже среди армии, которая нуждалась только в искре для того, чтобы повторить баденское восстание во всей Южной и Средней Германии, в результате чего в распоряжении повстанцев оказалось бы не менее 50000—60000 регулярных войск.

То, что следовало делать при таких условиях, так просто и понятно, что теперь, после подавления восстания, каждый это знает, и каждый утверждает, будто говорил об этом с самого начала. Надо было немедленно и не теряя ни минуты распространить восстание дальше, на Гессен-Дармштадт, Франкфурт, Нассау и Вюртемберг. Надо было немедленно собрать из наличных регулярных войск 8000—10000 человек, что при помощи железной дороги можно было сделать в два дня, и бросить их на Франкфурт, «на защиту Национального собрания». Напуганное гессенское правительство было словно парализовано быстро следовавшими один за другим успехами восстания; его войска заведомо сочувствовали баденцам; оно так же мало способно было к какому бы то ни было сопротивлению, как и франкфуртский сенат[82]. Расположенные во Франкфурте кургессенские, вюртембергские и дармштадтские войска были на стороне движения; находившиеся там пруссаки — в большинстве уроженцы Рейнской провинции — колебались, австрийцы были немногочисленны. Прибытие баденцев — независимо от того, была бы сделана попытка противодействовать им или нет, — должно было перенести пламя восстания в самое сердце обоих княжеств Гессен и в Нассау, принудить пруссаков и австрийцев отступить к Майнцу и поставить дряблое немецкое, так называемое Национальное собрание под терроризирующее влияние восставшего населения и восставшей армии. Если бы после этого восстание не вспыхнуло немедленно на Мозеле, л Эйфеле, в Вюртемберге и Франконии, оставалось бы много других способов распространить его и на эти провинции.

Надо было, далее, централизовать силы восстания, предоставить в его распоряжение нужные денежные средства, заинтересовать в восстании огромное большинство населения, занимающееся сельским хозяйством, посредством немедленной отмены всех феодальных повинностей. Установление общего централизованного управления для военных дел и финансов, с правом выпуска бумажных денег*, прежде всего для Бадена и

* Баденские палаты уже раньше утвердили выпуск бумажных денег на сумму в два миллиона, из которых ни один крейцер еще не был израсходован.

Пфальца, отмена всех феодальных повинностей в Бадене и во всех занимаемых повстанческой армией округах — всего этого было бы достаточно для того, чтобы придать восстанию гораздо более энергичный характер.

Но все это надо было сделать в первый же момент, с быстротой, которая одна только могла бы обеспечить успех. Через неделю после образования Баденского комитета было уже поздно. Рейнское восстание было уже подавлено, Вюртемберг и Гессен не поднялись на борьбу; первоначально благоприятно настроенные воинский части стали ненадежными и в конце концов опять всецело подчинились влиянию своих реакционных офицеров. Восстание потеряло свой общегерманский характер, оно превратилось в чисто баденское или баденско-пфальцское местное восстание.

Как я узнал по окончании борьбы, бывший баденский младший лейтенант Ф. Зигель, который во время восстания в качестве «полковника» и позднее в качестве «главнокомандующего» заслужил себе более или менее двусмысленный карликовый лавровый венок, с самого начала предложил Баденскому комитету план перехода в наступление. Достоинство этого плана в том, что он содержал верную мысль о необходимости при всех условиях вести наступательные действия; по в остальном это был самый авантюристский план, который только мог быть предложен. Зигель хотел двинуться с одним баденским отрядом сперва в Гогенцоллерн и провозгласить там Гогенцоллернскую республику, затем занять Штутгарт и оттуда, подняв восстание в Вюртемберге, двинуться на Нюрнберг и разбить большой лагерь в сердце охваченной восстанием Франконии. Как видим, этот план совершенно упускал из виду моральное значение Франкфурта, овладение которым только и могло придать восстанию общегерманский характер, а также стратегическую важность линии Майна. Как видим, этот план предполагал наличие совсем иных боевых сил, чем те, какими можно было в действительности располагать; он бил мимо цели и в конечном счете — после похода, вполне достойного Дон-Кихота или Шилля, — привел бы к тому, что самая сильная из южногерманских армий и единственная решительно враждебная восстанию, а именно *баварская* армия, немедленно выступила бы против восставших, еще прежде чем они могли получить подкрепление в результате перехода на их сторону гессенских и нассауских войск.

Новое правительство вообще не соглашалось ни на какое наступление под предлогом, что почти все солдаты разошлись по домам. Не говоря уж о том, что так обстояло только

в немногих отдельных воинских частях, в особенности в лейб-полку, но даже те солдаты, которые успели разойтись, уже через три дня почти все снова оказались в своих частях.

Впрочем, правительство имело совсем другие основания противиться всякому наступлению.

Во главе всего баденского движения за имперскую конституцию стоял господин *Брентано;* в этом адвокате несколько мелочное честолюбие, неизменно свойственное народному деятелю мелкого германского государства, и мнимая твердость убеждений, которая в Южной Германии является вообще первым условием всякой популярности, сочетались с некоторым дипломатическим лукавством, достаточным для того, чтобы вполне подчинить ему всех окружающих, за исключением, пожалуй, одного-единственного человека. Г-н Брентано, — теперь это стало тривиальным, но это так, — г-н Брентано и его партия, самая сильная в Бадене, добивались в оффенбургском собрании всего лишь изменения политики великого герцога, изменения, которое стало бы возможным только *при министерстве Брентано.* Ответ великого герцога и всеобщее возбуждение вызвали в Раштатте восстание среди войск — против воли и намерения Брентано. В тот момент, когда г-н Брентано был поставлен во главе Баденского комитета, движение уже опередило его, и он уже должен был его как-то сдерживать. Тут произошли события в Карлсруэ; великий герцог бежал, и те же обстоятельства, которые поставили г-на Брентано во главе управления и дали ему, так сказать, диктаторскую власть, расстроили все его планы и заставили его применить свою власть против того самого движения, которое доставило ему эту власть. В то время как народ ликовал по случаю бегства великого герцога, г-н Брентано и верный ему Б аденский комитет сидели, как на горячих угольях.

Этот комитет, состоявший почти исключительно из баденских обывателей с весьма твердыми убеждениями и весьма путаными головами, — из «чистых республиканцев», которые смертельно боялись провозглашения республики и приходили в священный ужас от всякой мало-мальски энергичной меры, — этот истинно-филистерский комитет находился, разумеется, в полной зависимости от Брентано. Ту роль, которую в Эльберфельде принял на себя адвокат Хёхстер, здесь на несколько более обширном поприще принял на себя адвокат Брентано. Из трех чужеродных элементов — Блинда, Фиклера и Струве, попавших в Баденский комитет из тюрьмы, Блинд был так опутан интригами Брентано, что ему, стоявшему совершенно особняком, не оставалось ничего другого, как

отправиться в изгнание в Париж в качестве баденского представителя; Фиклер должен был принять на себя опасную миссию в Штутгарт; Струве же казался г-ну Брентано настолько неопасным, что он спокойно терпел его в Б аденском комитете, наблюдая за ним и стараясь сделать его непопулярным, что ему вполне удалось. Как известно, Струве основал вместе с рядом других лиц «Клуб решительного (или, вернее, осторожного) прогресса», который после одного неудачного выступления был распущен[83]. Несколько дней спустя Струве очутился в Пфальце более или менее на положении «эмигранта» и пытался там снова издавать свой орган «Deutscher Zuschauer». Но едва вышел пробный номер, как пришли пруссаки.

Баденский комитет — с самого начала простое орудие в руках Брентано — выбрал Исполнительный комитет, во главе которого опять-таки стоял Брентано. Вскоре этот Исполнительный комитет почти совсем подменил Баденский комитет, в лучшем случае представлял ему на утверждение кредиты и уже принятые мероприятия и удалил его более или менее ненадежных членов, разослав их в округа или в армию с различными второстепенными миссиями. Наконец, Исполнительный комитет полностью отстранил Баденский комитет, заменив его «учредительным собранием», избранным всецело под влиянием Брентано, а себя он превратил во «временное правительство», во главе которого, конечно, опять-таки встал г-н Брентано. Он же и назначал министров. И каких министров — Флориана Мёрдеса и Майерхофера!

Г-н Брентано был самым полным воплощением баденской мелкой буржуазии. От массы мелких буржуа и прочих их представителей он отличался только тем, что был слишком проницателен для того, чтобы разделять все их иллюзии. Г-н Брентано с первой минуты предавал баденское восстание, *потому* что с первой минуты лучше понимал положение дел, чем кто-либо другой из официальных лиц в Бадене, и принимал именно то меры, которые должны были сохранить господство за мелкой буржуазией, но которые, по этой именно причине, должны были погубить все восстание. В этом секрет тогдашней безграничной популярности Брентано, а также секрет тех оскорблений, которые посыпались на него после июля со стороны его бывших поклонников. Баденские мелкие буржуа были в массе своей такими же точно предателями, как и Брентано, но в то же время они были обмануты, чего нельзя сказать о нем. Они предавали из трусости и давали себя обманывать по глупости.

В Бадене, как и вообще в Южной Германии, почти нет •крупной буржуазии. Промышленность и торговля Бадена

незначительны. Поэтому здесь существует только очень малочисленный, очень распыленный, мало развитый пролетариат. Основная масса населения состоит из крестьян (их большинство), мелких буржуа и ремесленных подмастерьев. Последние, городские рабочие, рассеянные в маленьких городах, лишенные сколько-нибудь крупного центра, где могла бы образоваться самостоятельная рабочая партия, находятся или, по крайней мере, находились до сих пор под преобладающим общественным и политическим влиянием мелкой буржуазии. Крестьяне, еще более распыленные по всей территории страны, лишенные возможности получить образование, имея, к тому же, интересы. отчасти совпадающие, отчасти, так сказать, параллельно лежащие с интересами мелкой буржуазии, находились также под ее политической опекой. Таким образом, мелкая буржуазия, представленная адвокатами, врачами, школьными учителями, отдельными коммерсантами и книготорговцами, господствовала отчасти непосредственно, отчасти через своих представителей во всем политическом движении в Бадене, начиная с марта 1848 года.

Этому отсутствию противоположности между буржуазией и пролетариатом и вытекающему отсюда политическому преобладанию мелкой буржуазии следует приписать то обстоятельство, что Баден, собственно говоря, никогда не знал социалистической агитации. Начатки социалистических идей, привнесенные извне либо через посредство рабочих, побывавших в более развитых странах, либо благодаря влиянию французской или немецкой социалистической и коммунистической литературы, не смогли проложить себе здесь дорогу. Красная лента и красное знамя означали в Бадене не что иное, как буржуазную республику, в крайнем случае с небольшой примесью терроризма, и открытые г-ном Струве «шесть бичей человечества»[84], при всей своей невинности даже с буржуазной точки зрения, представляли собой уже самое крайнее из того, что могло найти отклик у массы. Высшим идеалом баденских мелких буржуа и крестьян всегда была небольшая буржуазно-крестьянская республика в том виде, в каком она существует в Швейцарии с 1830 года. Маленькое поле деятельности для маленьких, непритязательных людей, государство в виде несколько расширенной общины, «кантона», маленькая, неподвижная, основанная на ручном труде промышленность, обусловливающая такое же неподвижное и сонливое состояние общества, незначительное богатство и незначительная бедность, сплошное среднее состояние и сплошная посредственность; ни государя, ни цивильного листа, ни постоянного войска,

ни сколько-нибудь значительных налогов, ни активного участия в истории, ни внешней политики, — только внутренняя политика, сведенная к местным мелким сплетням и мелким распрям en famille*; ни крупной промышленности, ни железных дорог, ни мировой торговли, ни социальных столкновений между миллионерами и пролетариями, но тихая, уютная жизнь, полная благочестия и респектабельности, в соответствии с мелочной ограниченностью самодовольных людей, жизнь, не оставляющая следа в истории, — такова тихая Аркадия, которая существует в большей части Швейцарии и которую давно уже мечтали установить у себя баденские мелкие буржуа и крестьяне. И если в моменты самого смелого воодушевления мысль баденского и, скажем, южногерманского мелкого буржуа вообще поднимается до представления о всей Германии в целом, то идеал будущей Германии мерещится ему в образе Швейцарии более крупных масштабов, в образе федеративной республики. Так и г-н Струве в одной своей брошюре[85] уже разделил Германию на 24 кантона с таким же числом глав кантонов и больших и малых советов и даже приложил к брошюре географическую карту с готовыми подразделениями. Если бы Германия когда-нибудь превратилась в подобную Аркадию, то она тем самым опустилась бы до такой низкой ступени, о которой не дают представления даже самые позорные ее времена.

Между тем южногерманские мелкие буржуа уже неоднократно убеждались на опыте, что революция, даже если она происходит под их собственным буржуазно-республиканским знаменем, очень легко может поглотить любезную им тихую Аркадию в водовороте колоссальнейших конфликтов и действительной классовой борьбы. Отсюда страх мелких буржуа не только перед всяким революционным потрясением, но даже перед их собственным идеалом федеративной табачной и пивной республики. Отсюда их увлечение имперской конституцией, которая удовлетворяла, по крайней мере, их ближайшие интересы и, предоставляя императору только право суспенсивного вето, давала им надежду в подходящее время ввести республику законным путем. Отсюда их смятение, когда баденская армия, не спросясь, преподнесла им на блюде уже готовое восстание, отсюда их боязнь распространить восстание за пределы будущего кантона Баден. Ведь пожар мог невзначай охватить также местности, в которых существуют крупная буржуазия и многочисленный пролетариат, местности, где в результате

* — в семейном кругу. *Ред.*

власть могла бы перейти в руки пролетариата, а тогда — горе собственности!

Что же делал при этих обстоятельствах г-н Брентано?

Он делал в Бадене *для* мелкой буржуазии то, что в Рейнской Пруссии сознательно делала сама мелкая буржуазия: он предавал восстание, но спасал мелкую буржуазию.

Брентано предал восстание с самой первой минуты, а отнюдь не своими последними действиями, не своим бегством после поражения на Мурге, как воображали разочарованные в конце концов баденские мелкие буржуа. Как раз теми мероприятиями, которыми больше всего восхищались баденские мещане, а с ними и часть крестьянства и даже ремесленников, движение было предано пруссакам. Именно в результате своего предательства Брентано стал так популярен и крепко привязал к себе мещан, возбудив в них фанатический энтузиазм. Мелкий буржуа не заметил предательства движения, заглядевшись на быстрое восстановление порядка и спокойствия, на кратковременную задержку самого движения; а когда уже было слишком поздно, когда он увидел, что скомпрометирован своим участием в движении и что движение погибает, а вместе с движением и он сам, он стал кричать о предательстве и со всем возмущением обманутого простака обрушился на своего преданнейшего слугу.

Конечно, г-н Брентано тоже был обманут. Он надеялся, что участие в этом движении превратит его в великого человека «умеренной» партии, т. е. как раз мелкой буржуазии, а должен был под покровом ночи позорно бежать от своей собственной партии, от своих лучших друзей, которым внезапно открылась ужасная истина. Он даже надеялся сохранить за собой возможность занять министерский пост при великом герцоге, а в награду за свою мудрость получил пинки от всех партий и потерял возможность играть когда бы то ни было какую-либо роль. Но, конечно, можно быть умнее, чем все вместе взятые мелкие буржуа какого-нибудь немецкого карликового государства, и все-таки стать свидетелем того, как твои лучшие надежды терпят крушение, а самые благородные намерения забрасываются грязью!

С первого дня своего правления г-н Брентано делал все для того, чтобы удержать движение в мещанских рамках, из которых оно почти не пыталось выходить. Под охраной гражданского ополчения Карлсруэ, преданного великому герцогу, — того самого гражданского ополчения, которое еще за день до того сражалось против восставших, — он вступил в помещение палаты сословных представителей[86], чтобы оттуда сдерживать движение. Возвращение в строй дезертировавших солдат проис-

ходило с величайшей медлительностью, не быстрее производилась реорганизация батальонов. Зато немедленно вооружили мангеймских разоруженных мещан, о которых все знали, что они не будут сражаться, и которые после сражения при Вагхёйзеле даже присоединились в большинстве своем к драгунскому полку, предавшему Мангейм. О движении на Франкфурт или Штутгарт, о распространении восстания на Нассау или Гессен не было даже речи. Как только подобное предложение вносилось, оно немедленно отвергалось, как это было с предложением Зигеля. Предложение о выпуске бумажных денег было бы расценено как государственное преступление, как коммунистическое предложение. Из Пфальца посылали посла за послом; они сообщали, что Пфальц лишен вооружения, не имеет ни ружей, не говоря уже об артиллерии, ни боевых припасов и нуждается во всем, что необходимо для развития восстания и, в частности, для занятия крепостей Ландау и Гермерсгейма; но от г-на Брентано ничего нельзя было добиться. Пфальц предлагал немедленно учредить общее военное командование и даже объединить обе области под властью единого общего правительства. Но все эти меры оттягивались и тормозились. Единственное, чего Пфальц смог добиться, насколько я знаю, была небольшая денежная поддержка; впоследствии, когда было уже слишком поздно, прибыли восемь орудий с небольшим количеством боевых припасов, без прислуги и запряжки, и, наконец, по прямому приказу Мерославского, один баденский батальон и две мортиры, из которых одна, если память мне не изменяет, сделала один выстрел.

Это затягивание и отклонение необходимейших мероприятий, которые могли бы содействовать распространению восстания, уже означало предательство всего движения. Во внутренних вопросах господствовала та же бездеятельность. Об отмене феодальных повинностей не было и речи; г-н Брентано отлично знал, что среди крестьянства, особенно в Верхнем Бадене, таились более революционные элементы, чем это ему было угодно, и что поэтому он скорее должен был сдерживать их, чем втягивать глубже в движение. Новые чиновники были в большинстве своем креатуры Брентано или совершенно бездарные люди; все старые чиновники, за исключением тех, которые слишком скомпрометировали себя во время реакции последнего года и потому сами дезертировали, остались на своих местах, к великому восхищению всех мирных бюргеров. Даже г-н Струве в последних числах мая счел уместным похвалить «революцию» за то, что все обошлось так тихо и мирно и что почти все чиновники смогли остаться на своих местах. — В остальном г-н Брентано и его

агенты действовали в том направлении, чтобы все по возможности вернулось в старую колею, чтобы как можно меньше было беспорядка и возбуждения и чтобы страна поскорее утратила свой революционный облик.

В военной организации господствовала та же рутина — делали только то, что невозможно было не делать. Войска оставались без командиров, без занятий, не было порядка; бездарный «военный министр» Эйхфельд и его преемник, предатель Майерхофер, не сумели даже обеспечить сносную дислокацию войск. Воинские эшелоны перебрасывались по железной дороге навстречу друг другу бесцельно и безрезультатно. Батальоны отводились сегодня в одном направлении, а завтра — в противоположном, и никто не знал зачем. В гарнизонах бойцы шатались по трактирам, так как другого дела у них не было. Казалось, что их умышленно хотят деморализовать, что правительство хочет совершенно вытравить у них последние следы дисциплины. Организация первого набора, так называемого народного ополчения, т.е. всех способных носить оружие мужчин до 30 лет, была поручена известному Иог. Ф. Беккеру, натурализованному швейцарцу и офицеру швейцарской армии. В какой мере Брентано чинил препятствия Беккеру в выполнении его миссии, я не знаю. Но мне известно, что, после отступления пфальцской армии на баденскую территорию, в тот момент, когда уже невозможно было больше отклонять настойчивые требования плохо одетых и плохо вооруженных пфальцских отрядов, Брентано умыл руки, произнеся следующие слова: «По мне, давайте им все, что хотите, но когда великий герцог вернется, пусть он, по крайней мере, знает, кто так растранжирил его запасы!» Поэтому, если баденское народное ополчение было частью плохо, частью совершенно не организовано, то главная вина, бесспорно, падает и здесь на Брентано, а также на злую волю или неумелость его комиссаров в отдельных округах.

Когда Маркс и я после насильственного прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung» впервые прибыли на баденскую территорию, — это было 20 или 21 мая, т. е. больше недели спустя после бегства великого герцога, — нас удивила величайшая беззаботность, с которой охранялась или, вернее, не охранялась граница. От Франкфурта до Хеппенгейма вся железная дорога была занята имперскими войсками, состоявшими из вюртембержцев и гессенцев; даже Франкфурт и Дармштадт были заполнены войсками; все вокзалы, все населенные пункты были заняты сильными отрядами; регулярные сторожевые посты были продвинуты вплоть до самой границы. Зато от гра-

ницы до Вейнгейма не видно было ни одного человека; то же самое в Вейнгейме. В качестве единственной меры предосторожности разрушили небольшую часть железнодорожного пути между Хеппенгеймом и Вейнгеймом. Лишь во время нашего пребывания в Вейнгейме туда прибыл небольшой отряд лейб-полка — не более 25 человек. Между Вейнгеймом и Мангеймом опять-таки царил глубочайший мир. В лучшем случае там или сям появлялись отдельные народные ополченцы навеселе, более похожие на отставших или на дезертиров. Ни о каком пограничном контроле не было, разумеется, и речи. Можно было переходить границу в том или другом направлении, как заблагорассудится.

В Мангейме во всяком случае все выглядело несколько более по-военному. Кучки солдат стояли на улицах или сидели в трактирах; народное ополчение и гражданское ополчение производили учение в парке, большей частью, конечно, еще весьма неумело и под руководством плохих инструкторов. В ратуше заседали многочисленные комитеты, старые и новые офицеры, люди в военной форме и блузах. Народ смешивался с солдатами и волонтерами. Много пили, много смеялись, много ловеласничали. Но сразу было видно, что первый порыв уже прошел, что многие неприятно разочарованы. Солдаты были недовольны; мы устроили восстание, — говорили они, — а теперь, когда очередь за штатскими, которые должны взять на себя руководство, — теперь они все затягивают и тем губят дело. Солдаты были также не совсем довольны своими новыми офицерами; новые офицеры были в натянутых отношениях со старыми офицерами великого герцога, из которых многие были тогда еще налицо, хотя ежедневно несколько человек дезертировало; старые офицеры поневоле оказались в фатальном положении, из которого не знали, как выбраться. Наконец, повсюду раздавались жалобы на отсутствие энергичного и способного руководства.

На другом берегу Рейна, в Людвигсхафене, движение представилось нам в гораздо более благоприятном свете. В то время как в Мангейме множество молодых людей, явно принадлежавших к первому набору, еще спокойно занимались своими делами, как будто ничего не случилось, здесь все были вооружены. Правда, не везде в Пфальце, как позднее обнаружилось, дело обстояло таким образом. В Людвигсхафене господствовало полнейшее единодушие между волонтерами и солдатами. В трактирах, которые и здесь, конечно, были переполнены, звучала «Марсельеза» и другие подобные же песни. Здесь не жаловались и не ворчали, здесь смеялись, душой и телом были преданы

движению и питали еще тогда — особенно стрелки и волонтеры — вполне простительные и невинные иллюзии насчет собственной непобедимости.

В Карлсруэ движение принимало уже более торжественный вид. В гостинице «Париж» обед был назначен на час дня, но его не начинали до тех пор, пока не появлялись «господа из Баденского комитета». Подобные мелкие признаки внимания уже придавали движению приятные бюрократические черты.

Мы высказали различным господам из Баденского комитета изложенный выше взгляд относительно того, что с самого начала следовало двинуться на Франкфурт и тем самым распространить восстание дальше, что теперь, по всей вероятности, слишком поздно делать это и что без решительных ударов в Венгрии или без новой революции в Париже все движение уже безнадежно потеряно. Трудно представить себе, какое возмущение вызвали подобные еретические утверждения среди этих бюргеров из Баденского комитета. Только Блинд и Гёгг были на нашей стороне. Теперь, когда события показали, что мы были правы, те же господа, разумеется, уверяют, будто они с самого начала настаивали на наступлении.

В Карлсруэ были тогда уже заметны первые зачатки той грандиозной погони за должностями, которая под столь же грандиозным титулом «концентрации всех демократических сил Германии» широковещательно преподносилась как спасение отечества. Всякий, кто хоть когда-нибудь более или менее путано декламировал в каком-нибудь клубе или призывал к ненависти против тиранов в какой-нибудь захолустной демократической газетке, спешил в Карлсруэ или в Кайзерслаутерн, чтобы немедленно сделаться там великим человеком. Незачем особенно подчеркивать, что дела, которые здесь вершились, вполне соответствовали сконцентрированным силам. — Так, здесь, в Карлсруэ, находился известный так называемый философский Атта Тролль, экс-депутат Франкфуртского собрания и экс-редактор так называемого демократического листка, закрытого Мантёйфелем, несмотря на заискивание нашего Атта Тролля[87]. Этот Атта Тролль с величайшим усердием добивался заурядного поста баденского посла в Париже, к которому он считал себя особенно призванным на том основании, что в свое время он прожил два года в Париже, не выучившись там французскому языку. Ему, действительно, посчастливилось получить от г-на Брентано верительную грамоту, и он уже укладывал свои чемоданы, когда Брентано неожиданно прислал за ним и вытащил у него грамоту, так сказать, прямо из кармана. Само собой понятно, что теперь Атта

Тролль, назло г-ну Брентано, нарочно поехал в Париж. — Другой твердый в своих убеждениях гражданин, который вот уже несколько лет угрожал Германии революционизированием и республиканизированием — г-н Гейнцен, — тоже находился в Карлсруэ. Как известно, до февральской революции этот достойный муж повсюду и всегда призывал «к бою», но, после того как революция разразилась, счел более уместным наблюдать различные германские восстания с высоты нейтральных гор Швейцарии. Теперь, наконец, ему тоже пришла охота вступить в бой с «притеснителями». Судя по его прежнему высказыванию: «Кошут великий человек, но Кошут забыл про *гремучую ртуть»,* можно было ожидать, что он *немедленно* организует против пруссаков колоссальнейшие, до тех пор неведомые разрушительные силы. Ничуть не бывало! Так как более широкие планы казались невыполнимыми, то наш тираноненавистник, говорят, ограничился созданием отборного республиканского отряда, составляя между делом статьи в защиту Брентано для «Karlsruher Zeitung»[88] и посещая «Клуб решительного прогресса». Клуб был распущен. отборные республиканцы не явились и г-н Гейнцен заметил, наконец, что даже он не может больше защищать политику Брентано. Непризнанный, никому не нужный, разобиженный, он отправился сперва в Верхний Баден, а оттуда в Швейцарию, так и не убив ни одного из «притеснителей». Теперь он мстит им тем, что, находясь в Лондоне, миллионами гильотинирует их in effigie*.

Мы покинули Карлсруэ на следующее утро, чтобы посетить Пфальц.

О дальнейшем ходе баденского восстания, в отношении его общеполитического руководства и гражданского управления, мне мало что остается сказать. Когда Брентано почувствовал себя достаточно сильным, он одним ударом уничтожил покорную оппозицию, которую представлял «Клуб решительного прогресса». «Учредительное собрание», выборы в которое проходили под влиянием огромной популярности Брентано, а также под влиянием мелкой буржуазии, управлявшей всем, безоговорочно одобряло все его мероприятия. «Временное правительство с диктаторской властью» (диктатура при мнимом конвенте!) находилось всецело под его руководством. Так продолжал он управлять, тормозя революционное и военное развитие восстания, tant bien que mal** занимаясь текущими делами и ревностно охраняя запасы и частную собственность великого герцога, которого он продолжал считать своим законным сувереном

---

* — в изображении, на бумаге. *Ред.*

** — с грехом пополам. *Ред.*

божьей милостью. В «Karlsruher Zeitung» он заявил, что великий герцог может в любой момент вернуться, и, действительно, замок оставался все время на запоре, как будто обитатель его просто отправился в путешествие. Пфальцских посланцев он кормил изо дня в день неопределенными обещаниями; самое большее, чего смогли добиться, это — установления общего военного командования под руководством Мерославского и заключения договора об отмене мостовой пошлины между Мангеймом и Людвигсхафеном, что, однако, нисколько не помешало г-ну Брентано распорядиться взимать попрежнему эту пошлину на мангеймской стороне.

Когда, наконец, Мерославский после сражения при Вагхёйзеле и Убштадте вынужден был отвести остатки своей армии через горы за Мург, когда пришлось сдать Карлсруэ вместе с находившимися там огромными запасами, когда поражение на Мурге решило судьбу движения, — тогда исчезли иллюзии баденских бюргеров, крестьян и солдат, и все подняли крик, что Брентано совершил предательство. Сразу рухнула вся популярность Брентано, которая держалась на трусости мелких буржуа, на несамостоятельности крестьян и на недостаточной концентрации рабочих. Брентано бежал в Швейцарию под покровом ночи, преследуемый обвинением в измене народу, которым его заклеймило его собственное «Учредительное собрание», и укрылся в Фёйерталене в Цюрихском кантоне.

Можно было бы успокоиться на том, что г-н Брентано был достаточно наказан за свое предательство полным крушением своего политического положения и общим презрением всех партий. Само по себе поражение баденского движения не имело решающего значения. 13 июня в Париже и отказ Гёргея двинуться на Вену уничтожили все шансы на успех, которые Баден и Пфальц еще могли иметь, даже если бы в свое время удалось распространить движение в Гессен, Вюртемберг и Франконию. Поражение могло быть более почетным, но так или иначе, оно было неизбежно. Но чего революционная партия никогда не простит г-ну Брентано, чего она никогда не простит поддерживавшим его трусливым баденским мелким буржуа, — так это того, что они являются прямыми виновниками в смерти расстрелянных в Карлсруэ, Фрейбурге и Раштатте, а также смерти бесчисленных безыменных жертв, умерших от тифа в раштаттских казематах, где они были втихомолку загублены пруссаками.

Во втором номере этого журнала я расскажу об обстановке в Пфальце и в заключение опишу баденско-пфальцскую кампанию.

3. ПФАЛЬЦ

Из Карлсруэ мы отправились в Пфальц, и прежде всего в Шпейер, где должны были находиться Д'Эстер и временное правительство. Но к тому времени они уже переехали в Кайзерслаутерн, где правительство устроило свою окончательную резиденцию, считая его «стратегически наиболее удобным пунктом Пфальца». Вместо них мы нашли в Шпейере Виллиха с его волонтерами. С отрядом в несколько сот человек он держал в напряжении гарнизоны крепостей Ландау и Гермерсгейм, насчитывавшие вместе более 4000 человек, отрезывал им подвоз и всяческими способами причинял им беспокойство. В день нашего приезда он вместе с приблизительно 80 стрелками напал на две роты гермерсгеймского гарнизона и без единого выстрела загнал их обратно в крепость. На следующее утро мы с Виллихом отправились в Кайзерслаутерн, где застали Д'Эстера, Временное правительство и вообще цвет немецкой демократии. Об официальном участии в движении, которое было совершенно чуждо нашей партии, разумеется, и здесь не могло быть и речи. Ввиду этого мы через несколько дней отправились обратно в Бинген; по пути мы с несколькими друзьями были арестованы гессенскими солдатами по подозрению в участии в восстании; нас отправили в Дармштадт и оттуда во Франкфурт, где мы, наконец, были освобождены.

Вскоре после этого мы покинули Бинген, и Маркс отправился с мандатом Центрального комитета демократов[89] в Париж, где предстояли решающие события; он должен был представлять германскую революционную партию перед французскими социальными демократами[90]. Я же возвратился в Кайзерслаутерн, с намерением остаться там первое время в качестве

простого политического эмигранта, а впоследствии, быть может, если представится удобный случай и вспыхнет борьба, занять в этом движении то место, которое только и могла занять «Neue Rheinische Zeitung», — место солдата.

Кто хоть однажды побывал в Пфальце, тот поймет, что в этом благословенном крае, где вино в изобилии, движение должно было принять в высшей степени жизнерадостный характер. Наконец-то население избавилось от сидевших у него на шее неповоротливых, педантических старобаварских чиновников — любителей пива и назначило на их место веселых поклонников пфальцского вина. Наконец-то оно освободилось от крючкотворства глубокомысленной баварской полицейщины, которое так забавно высмеивал в остальном весьма плоский журнал «Fliegende Blatter»[91] и которое тяготило вольнолюбивых пфальцских жителей больше, чем что-либо другое. Восстановление свободы трактиров было первым революционным актом пфальцского народа; весь Пфальц превратился в большой трактир, и количество спиртных напитков, поглощенное в продолжение этих шести недель «во имя пфальцского народа», не поддается никакому исчислению. Хотя в Пфальце активное участие в движении было далеко не таким широким, как в Бадене, хотя здесь было много реакционных округов, однако все население было единодушно в этом всеобщем увлечении вином, и даже самый реакционно настроенный мещанин или крестьянин был захвачен этим общим весельем.

Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, какое неприятное разочарование принесет прусская армия этим развеселившимся пфальцским жителям через несколько недель. И тем не менее в Пфальце люди, которые не предавались бы в полнейшей беззаботности житейским удовольствиям, были наперечет. Лишь весьма немногие верили в возможность прихода пруссаков, но зато все были твердо убеждены, что если они и придут, то очень легко будут отброшены назад. Правда, здесь не было той, проистекающей от твердости убеждений мрачности, которая, казалось, начертала на лбу у каждого офицера баденского народного ополчения девиз «серьезность присуща мужу» и которая, однако, не смогла предотвратить столь удивительные дела, —о них мне еще предстоит рассказать,— здесь не было и той добродетельной торжественности, которую мещанский характер движения в Бадене сообщал большинству его участников. В Пфальце бывали «серьезными» лишь мимоходом. «Воодушевление» и «серьезность» служили здесь только для того, чтобы приукрасить общее веселье. Но все же здесь были достаточно «серьезны» и «воодушевлены» для того, чтобы

считать себя непобедимыми по отношению ко всем силам мира и, в особенности, по отношению к прусской армии; а если когда-либо в тихий час раздумья и возникало легкое сомнение, оно устранялось неопровержимым аргументом: «Если даже дело и обстоит так, об этом все же не следует говорить». Но чем больше движение развертывалось, чем более явно все растущее количество прусских батальонов концентрировалось между Саарбрюккеном и Крейцнахом, тем, разумеется, чаще возникали такие сомнения, и вместе с тем все более усиливалась, как раз у сомневающихся и боязливых, хвастливая болтовня о непобедимости «народа, воодушевленного своей свободой», как называли жителей Пфальца. Эта хвастливая болтовня вскоре разрослась в целую систему усыпления, которую правительство всемерно поддерживало и которая ослабляла всякую деятельность по укреплению обороны и ставила каждого, кто возражал против нее, под угрозу ареста как реакционера.

Эта беззаботность, эта хвастливая болтовня насчет «воодушевления» и его всесилия в сочетании с ничтожными материальными средствами «восстания» и крошечной территорией, на которой оно происходило, составляли комическую сторону пфальцского движения и доставляли немало веселых минут тем немногим людям, которым их дальновидность и независимое положение давали возможность свободного суждения.

С внешней стороны пфальцское движение носило веселый, беззаботный и непринужденный характер. В то время как в Бадене каждый новоиспеченный подпоручик линейных войск или народного ополчения затягивался в тяжелый мундир и щеголял серебряными эполетами, которые позже, в день сражения, сразу прятались в карман, — пфальцские жители вели себя гораздо более разумно. Как только дала себя почувствовать сильная жара первых июньских дней, исчезли все суконные сюртуки, жилеты и галстуки, уступив место легким блузам. Вместе со старой бюрократией освободились, казалось, от всей старинной угрюмой скованности, стали одеваться совершенно непринужденно, считаясь только с удобствами и временем года, и вместе С различиями в одежде сразу же исчезли всякие другие отличия в повседневном общении. Все классы общества собирались в одних и тех же общественных местах, и какой-нибудь социалистический фантазер мог бы усмотреть в этом непринужденном общении зарю всеобщего братства.

Каким был Пфальц, таким было и его временное правительство. Оно состояло почти исключительно из добродушных любителей вина, которые более всего были удивлены тем, что им пришлось вдруг представлять собой временное правительство

своего отмеченного Вакхом отечества. И тем не менее нельзя отрицать, что эти смеющиеся правители вели себя лучше и сделали сравнительно больше, чем их баденские соседи под руководством «твердого в своих убеждениях» Брентано. Они обладали, по крайней мере, доброй волей и — несмотря на свою любовь к вину — более трезвым рассудком, чем филистерски-серьезные господа из Карлсруэ, и только немногие из них обижались на насмешки по поводу их безмятежной манеры делать революцию и их бессильных куцых мероприятий.

Временное правительство Пфальца ничего не могло осуществить, пока баденское правительство оставляло его без поддержки. А по отношению к Бадену оно полностью выполнило свой долг. Оно слало посла за послом, делало одну уступку за другой, лишь бы добиться соглашения; все было напрасно: г-н Брентано решительно отказывался.

В то время, как баденское правительство нашло все в готовом виде, пфальцское правительство ничего не нашло. Без денег, без оружия, оно имело на своей территории множество реакционных округов и две неприятельские крепости. Франция немедленно запретила вывоз оружия в Баден и Пфальц, Пруссия и Гессен задержали все отправлявшееся туда оружие. Пфальцское правительство тотчас же послало агентов во Францию и Бельгию для закупки и доставки оружия, оружие было закуплено, но не прибыло. Можно поставить правительству в упрек, что оно действовало недостаточно энергично и, в частности, что при наличии многочисленных контрабандистов на границе, оно не организовало тайного провоза оружия; но большая часть вины падает на его агентов, которые действовали очень нерадиво и иногда удовлетворялись пустыми обещаниями, вместо того чтобы доставить французское оружие хотя бы в Сааргемюнд и Лаутербург.

Что касается денежных средств, то в маленьком Пфальце бумажные деньги могли принести мало пользы. Находясь в затруднительном финансовом положении, правительство имело, по крайней мере, смелость прибегнуть к принудительному займу с прогрессивными, хотя и слабо возрастающими ставками.

Упреки, которые можно было бы сделать пфальцскому правительству, ограничиваются тем, что в сознании своего бессилия оно слишком заразилось всеобщей беззаботностью и связанными с этим иллюзиями насчет своей собственной безопасности; что поэтому, вместо того чтобы энергично пустить в ход средства обороны страны, правда, ограниченные, оно предпочло надеяться на победу Горы в Париже, на занятие Вены

венграми или даже на какие-нибудь настоящие чудеса, которые могли бы спасти Пфальц, — вроде восстания в прусской армии и т. п. Отсюда халатное отношение к доставке оружия в такую страну, где какая-нибудь тысяча пригодных мушкетов уже имела огромное значение и куда первая и последняя партия в *сорок* ружей, наконец, прибыла из-за границы, а именно из Швейцарии, лишь в самый день прихода пруссаков. Отсюда легкомысленный подбор гражданских и военных комиссаров, состоявших в большинстве из самых неспособных путаников-фантазеров, отсюда оставление на местах такого большого числа прежних чиновников и всех судей. Отсюда, наконец, пренебрежение ко всем, даже самым доступным, мерам, с помощью которых можно было бы обложить и, быть может, занять Ландау, к чему я еще в дальнейшем вернусь.

За спиной временного правительства стоял Д'Эстер, в качестве своего рода тайного генерального секретаря или, как выражался г-н Брентано, «красной камарильи, окружавшей умеренное правительство из Кайзерслаутерна». К этой «красной камарилье» принадлежали, впрочем, и другие немецкие демократы, в частности бежавшие сюда участники дрезденского восстания. В лице Д'Эстера пфальцские правители обрели недостававшее им понимание административных вопросов и вместе с тем революционный разум, который импонировал им тем более, что всегда ограничивался самыми непосредственными и бесспорно выполнимыми задачами и потому никогда не терялся при проведении конкретных мероприятий. Благодаря этому Д'Эстер приобрел значительное влияние и безусловное доверие правительства. Хотя по временам и Д'Эстер принимал движение слишком всерьез и, например, думал принести значительную пользу введением своего, в тот момент совершенно неподходящего, общинного устава, все же нет сомнения, что именно он толкал временное правительство на все те его шаги, которые носили более или менее энергичный характер, и что, в особенности в конфликтах по поводу отдельных вопросов, он всегда имел наготове подходящее решение.

Если в Рейнской Пруссии реакционные и революционные классы с самого начала противостояли друг другу, если в Бадене класс, первоначально увлеченный движением, а именно мелкая буржуазия, по мере того как надвигалась опасность, постепенно переходил сперва к безразличию, а потом и к враждебности по отношению к им же самим вызванному движению, то Пфальце не столько отдельные классы населения, сколько отдельные округа, руководимые местными интересами, частью с самого начала, а частью постепенно высказывались против

движения. Во всяком случае в Шпейере бюргерство с самого начала было реакционным, в Кайзерслаутерне, Нёйштадте, Цвейбрюккене и т. д. оно стало реакционным с течением времени, но главная сила реакционной партии находилась в земледельческих округах, разбросанных по всему Пфальцу. С этой неопределенностью в позициях боровшихся сторон можно было покончить только посредством одной меры: прямым нападением на вложенную в ипотеки и ипотечное ростовщичество частную собственность и обращением ее в пользу обремененных долгами и истощенных ростовщиками крестьян. Но эта единственная мера, которая немедленно заинтересовала бы в восстании все сельское население, предполагает гораздо более обширную территорию и гораздо более развитые общественные отношения в городах, чем в Пфальце. Она была возможна только в начале восстания, одновременно с распространением его по направлению к Мозелю и Эйфелю, где в сельских местностях существуют такие же отношения, но где они дополняются промышленным развитием рейнских городов. Однако в Пфальце так же мало делалось для распространения движения вовне, как и в Бадене.

При этих обстоятельствах в распоряжении правительства было очень мало средств для борьбы с реакционными округами: экспедиции небольших вооруженных отрядов в мятежные местности, аресты, особенно католических священников, возглавлявших сопротивление, и т. п., назначение деятельных гражданских и военных комиссаров и, наконец, пропаганда. Экспедиции, носившие большей частью весьма комический характер, давали лишь кратковременные результаты; пропаганда не оказывала никакого действия, а комиссары, важничавшие и неумелые, большей частью делали один промах за другим или ограничивались огромным потреблением пфальцского вина и занимались неизбежной в таких случаях трактирной похвальбой.

Среди пропагандистов, комиссаров и чиновников центральной администрации весьма значительное место занимали демократы, съехавшиеся в Пфальц еще в большем количестве, чем в Баден. Сюда съехались не только бежавшие участники восстаний в Дрездене и Рейнской Пруссии, но также множество других более или менее восторженных «народных деятелей», желавших посвятить себя здесь службе отечеству. Пфальцское правительство, которое, не в пример правительству в Карлсруэ, правильно чувствовало, что одним местным «талантам» не по плечу задача руководства даже таким движением, принимало их с радостью. Нельзя было пробыть в Пфальце два часа, чтобы

не получить дюжину предложений занять самые различные и в общем очень почетные должности. Господа демократы, усматривавшие в пфальцско-баденском движении не местное восстание, которое с каждым днем приобретало все более локальный и незначительный характер, а славную зарю славного восстания всей немецкой демократии и вообще видевшие в движении преобладание *своих,* более или менее мелкобуржуазных, тенденций, горячо откликались на эти предложения. Но вместе с тем каждый из них считал, что может занять только такую должность, которая нисколько не умалила бы его притязаний, — чаще всего, конечно, очень больших, — в случае общегерманского движения. Вначале дело легко устраивалось. Всякий, кто предлагал свои услуги, тотчас получал должность заведующего канцелярией, правительственного комиссара, майора или подполковника. Но постепенно число соискателей увеличивалось, мест становилось меньше и развивалась мелочная филистерская погоня за должностями, представлявшая для постороннего наблюдателя в высшей степени забавное зрелище. Что та диковинная смесь делячества и путаницы во взглядах, назойливости и бесталанности, которую «Neue Rheinische Zeitung» так часто с удивлением отмечала у немецких демократов, что эта неприятная мешанина в точности повторялась у пфальцских чиновников и пропагандистов, об этом вряд ли есть необходимость особенно распространяться.

Само собой понятно, что и мне предлагали много гражданских и военных должностей, должностей, которых я ни минуты не поколебался бы принять при пролетарском движении. При данных условиях я отклонил их все. Единственное, на что я согласился, это — написать несколько агитационных статей для небольшой газетки[92], широко распространявшейся временным правительством в Пфальце. Я знал, что и из этого ничего не выйдет, но по настоятельной просьбе Д'Эстера и некоторых членов правительства принял, в конце концов, это поручение, чтобы доказать, по крайней мере, мою добрую волю. Так как я, разумеется, не особенно стеснялся в выражениях, то уже вторая статья встретила возражения, как слишком «возбуждающая»; я не стал тратить лишних слов на разговоры, взял статью обратно, разорвал ее в присутствии Д'Эстера, и на том дело кончилось.

Из приезжих демократов в Пфальце лучшими были те, которые недавно участвовали в борьбе у себя на родине: демократы Саксонии и Рейнской Пруссии. Немногочисленные саксонцы были заняты большей частью в центральных канцеляриях, где усердно работали и выделялись своими администра-

тивными знаниями, спокойным, ясным умом и отсутствием всяких претензий и иллюзий. Уроженцы Рейнской провинции, большей частью рабочие, в основной массе вступили в армию; немногие, работавшие вначале в канцеляриях, позже тоже взялись за оружие.

В канцеляриях центрального управления, помещавшихся в Кайзерслаутерне в здании Фрухтхалле[93], царил весьма добродушный тон. При всеобщей laisser aller*, при полном отсутствии какого-либо активного вмешательства в движение, при небывалом числе служащих, работы в общем было немного. Приходилось заниматься почти только текущими административными делами, да и те выполнялись tant bien que mal. Если не было какого-нибудь срочного известия, если какой-нибудь патриотический бюргер не вносил глубокомысленного предложения о спасении отечества, если какой-нибудь крестьянин не приходил с жалобой или какая-нибудь община не присылала депутацию, — то в большинстве канцелярий делать было нечего. Люди зевали, болтали, рассказывали друг другу анекдоты, отпускали неудачные остроты или строили стратегические планы, ходили из одной комнаты в другую, стараясь как-нибудь убить время. Главную тему разговоров составляли, естественно, текущие политические события, о которых ходили самые разноречивые слухи. Сбору информации не уделялось никакого внимания. Прежние почтовые чиновники остались почти все без исключения на своих местах и были, конечно, весьма ненадежными. Наряду с ними учреждена была «полевая почта», которую обслуживали перешедшие на сторону восставших пфальцские шеволежеры[94]. Коменданты и комиссары пограничных округов нисколько не интересовались тем, что делается по ту сторону границы. Правительство получало только «Frankfurter Journal»[95] и «Karlsruher Zeitung», и я до сих пор с удовольствием вспоминаю изумление, вызванное тем, что я нашел в казино в одном полученном еще за несколько дней до того номере «Kolnische Zeitung»[96] сообщение о концентрации 27 прусских батальонов, девяти батарей и девяти полков кавалерии, а также подробные сведения об их дислокации между Саарбрюккеном и Крейцнахом.

Перехожу, наконец, к главному вопросу — к военной организации. Около 3000 жителей Пфальца, служивших в баварской армии, со всеми пожитками перешли на сторону восставших. Одновременно стало под ружье значительное число добровольцев, как жителей Пфальца, так и прибывших из дру-

* — расхлябанноoти. *Ред.*

гих мест. Кроме того, временное правительство издало декрет о мобилизации первого призывного возраста, в первую очередь всех неженатых от 18 до 30 лет. Но эта мобилизация была произведена только на бумаге, частью из-за неумелости и небрежности военных комиссаров, частью из-за недостатка оружия, частью из-за равнодушия самого правительства. В Пфальце, где главным препятствием к организации обороны служил недостаток оружия, необходимо было употребить все средства для того, чтобы раздобыть оружие. Если его нельзя было доставить из-за границы, то необходимо было собрать все решительно мушкеты, все ружья, все охотничьи ружья, какие только имелись в Пфальце, и дать их в руки активным бойцам. На самом деле, не только большое количество оружия находилось в руках частных лиц, но, кроме того, не менее 1500—2000 ружей, не считая карабинов, было в распоряжении различных отрядов гражданского ополчения. Можно было, по крайней мере, потребовать, чтобы сдали оружие частные лица, а также те бойцы гражданского ополчения, которые не подлежали мобилизации по первому набору и не собирались идти в добровольцы. Но ничего подобного не было сделано. После долгих настояний было, наконец, вынесено такого рода постановление относительно оружия гражданского ополчения, но оно так и не было проведено в жизнь; гражданское ополчение в Кайзерслаутерне, состоявшее из более чем 300 филистеров, ежедневно парадировало в мундирах и при полном вооружении в качестве охраны перед Фрухтхалле, и пруссаки, вступив в город, еще имели удовольствие разоружить этих господ. И так обстояло повсюду.

В правительственной газете был напечатан призыв к служащим лесного ведомства и лесным сторожам явиться в Кайзерслаутерн для образования отряда стрелков; но те и не подумали явиться.

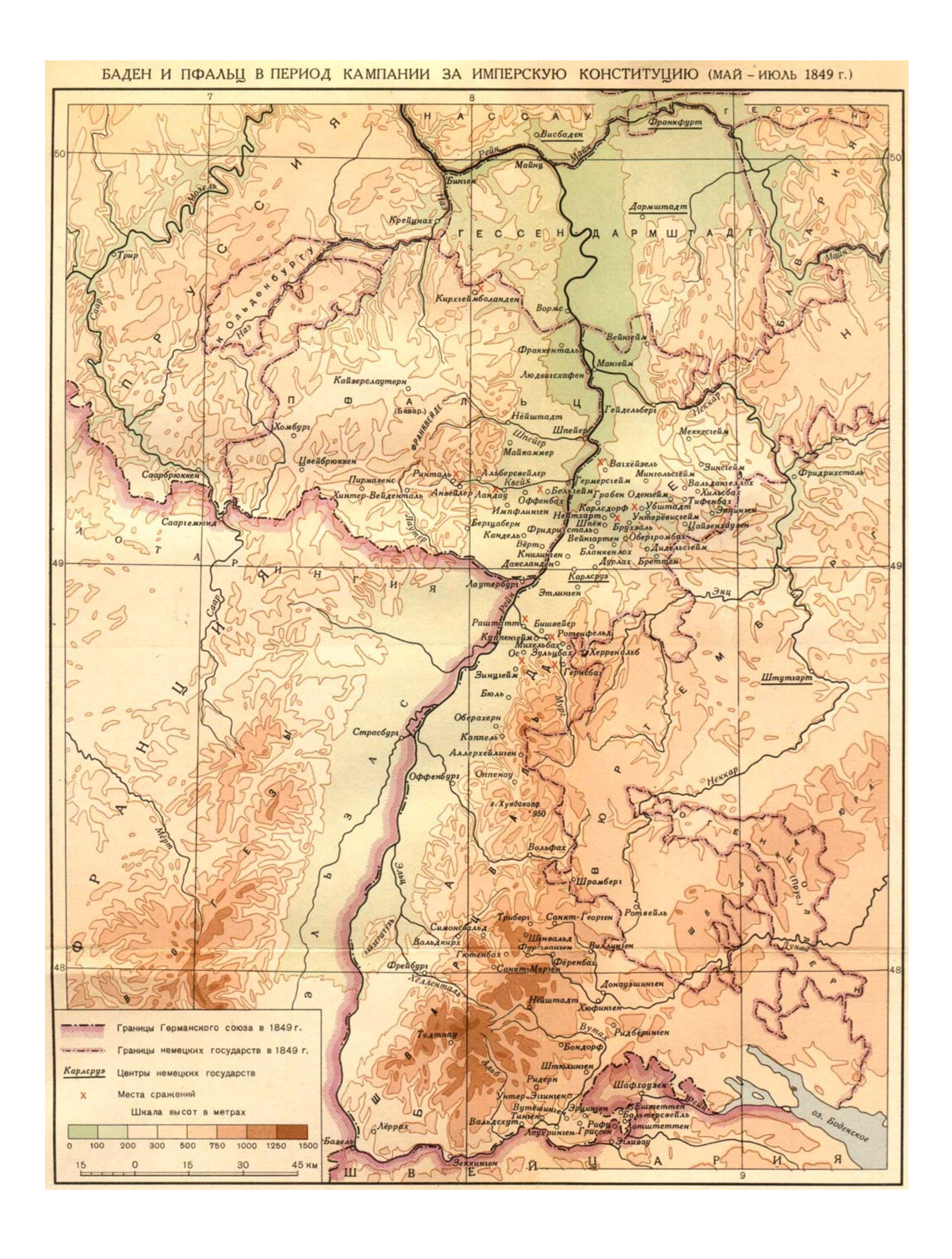
По всему Пфальцу распорядились или, по крайней мере, призывали ковать косы; некоторое количество кос было действительно изготовлено. В рейнско-гессенском отряде в Кирхгеймболандене я видел, как погрузили несколько бочек с клинками кос для отправки в Кайзерслаутерн. Расстояние между этими пунктами около 7—8 часов езды; спустя четыре дня правительство вынуждено было оставить Кайзерслаутерн пруссакам, а косы все еще туда не прибыли. Если бы эти косы были переданы немобилизованному гражданскому ополчению, так называемому второму набору, в возмещение за ружья, которые надо было у него отнять, то все было бы в порядке; но вместо этого ленивые филистеры остались при своих пистонных ружьях, а юные рекруты должны были выступить в поход, вооруженные

косами против пруссаков, имевших пушки и игольчатые ружья.

Если в ружьях ощущался всеобщий недостаток, то парадные сабли, напротив, имелись почему-то в поразительном изобилии. Кто не мог получить ружье, тот спешил прицепить себе звенящий боевой меч, как будто это одно уже делало его офицером. Как раз в Кайзерслаутерне было бесчисленное количество таких самозванных офицеров, и бряцание их страшного оружия оглашало улицы днем и ночью. В особенности студенты стяжали себе своеобразную славу на поприще спасения отечества этим новым способом устрашать врага, а также своими претензиями на то, чтобы образовать академический легион, состоящий из одних только пеших кавалеристов.

Кроме того, был еще полуэскадрон шеволежеров, примкнувший к восставшим, который, однако, обслуживая полевую почту и т. п., был рассеян и потому не мог сформироваться в отдельную боевую единицу. Артиллерия под командой «подполковника» Аннеке состояла из нескольких трехфунтовых орудий, запряжки которых, насколько мне помнится, не попадались мне на глаза, и из известного количества небольших мортир. Перед Фрухтхалле в Кайзерслаутерне была сложена великолепная коллекция старых железных стволов для таких мортир, лучше которых нельзя было и желать. Но большая часть их, конечно, осталась лежать неиспользованной. Два самых больших ствола были положены на колоссальные, специально изготовленные лафеты и увезены. Б аденское правительство продало, наконец, Пфальцу изношенную от многократной стрельбы батарею шестифунтовых орудий с небольшим количеством боевых припасов, но не хватало запряжек, прислуги и необходимого количества боевых припасов. Последние были по мере возможности изготовлены, запряжки были tant bien que mal обеспечены путем мобилизации крестьян и реквизиции лошадей; что касается прислуги, то разыскали несколько старых баварских артиллеристов и обучили людей неуклюжим и сложным упражнениям, принятым в баварской армии.

Верховное руководство военными делами находилось в очень плохих руках. Г-н Рейхард, ведавший при временном правительстве военным департаментом, был человек работящий, но мало энергичный и без специальных знаний. Первый главнокомандующий пфальцскими боевыми силами авантюрист Феннер фон Феннеберг был вскоре отставлен из-за своего двусмысленного поведения; его должность временно занял польский офицер Ракийе. Наконец, узнали, что главное командование войсками Бадена и Пфальца возьмет на себя Мерослав-

БАДЕН И ПФАЛЬЦ В ПЕРИОД КАМПАНИИ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ (МАЙ – ИЮЛЬ 1849 г.)
НАССАУ
ГЕССЕН
Висбаден
Франкфурт
Майнц
Рейн
Майн
Бинген
Дармштадт
Крейцнах
ГЕССЕН ДАРМШТАДТ
Трир
Ольденбург
Кирхгеймболанден
Вормс
Вейнгейм
Франкенталь
Мангейм
Людвигсхафен
Кайзерслаутерн
ПФАЛЬЦ
(Бавар.)
Гейдельберг
Неккар
Нейштадт
Шпейер
Майкаммер
Хомбург
Цвейбрюккен
Саарбрюккен
Пирмазенс
Хинтер-Вейденталь
Ринталь
Альберсвейлер
Анвейлер
Ландау
Оффенбах
Импфлинген
Бельгейм
Гермерсгейм
Вагхейзель
Мингольсгейм
Зинсгейм
Вальдангеллох
Хильсбах
Тифенбах
Эппинген
Грабен
Оденгейм
Карлсдорф
Убштадт
Нейтхарт
Шпек
Брухзаль
Унтерёвисгейм
Бергцаберн
Кандель
Фридрихсталь
Вейнгартен
Оберргромбах
Дидельсгейм
Бреттен
Вёрт
Книлинген
Даксланден
Блаккенлох
Дурлах
Карлсруэ
Сааргемюнд
ПРУССИЯ
БАВАРИЯ
Фридрихсталь
Лаутербург
Этлинген
Энц
Раштатт
Бишвейер
Ротенфельс
Куппенгейм
Михельбах
Ос
Зульцбах
Херренальб
Гернсбах
Зинцгейм
Бюль
Мург
Штутгарт
ВЮРТЕМБЕРГ
Страсбург
Оберахерн
Каппель
Аллерхейлиген
Оффенбург
Оппенау
г. Хундскопф
950
Вольфах
Шрамберг
Триберг
Санкт-Георген
Ротвейль
Симонсвальд
Вальдкирх
Шенвальд
Фуртванген
Гютенбах
Виллинген
Фрейбург
Санкт-Мерген
Фёренбах
Донауэшинген
Нейштадт
Хюфинген
Дунай
Тодтнау
Бондорф
Риддлинген
Штюлинген
Риберн
Унтер-Эггинген
Шафхаузен
Вутешинген
Тинген
Эрцинген
Вальдсхут
Лаухринген
Гриссен
Эштеттен
Бальтерсвейль
Лётштеттен
Эглизау
Лёррах
Базель
Зеккинген
оз. Боденское
ШВЕЙЦАРИЯ
ФРАНЦИЯ
ЛОТАРИНГИЯ
ЭЛЬЗАС
ВОГЕЗЫ
ШВАРЦВАЛЬД
БАДЕН
Мозель
Саар
Наэ
Мерт
Иль
Хегентталь
Лаутер
Швабская Юра
(Прус.)
7
8
9
50
49
48
Границы Германского союза в 1849 г.
Границы немецких государств в 1849 г.
Карлсруэ Центры немецких государств
x Места сражений
Шкала высот в метрах
0 100 200 300 500 750 1000 1250 1500
15 0 15 30 45 км

ский, а командование пфальцскими войсками будет вверено «генералу» Шнайде, тоже поляку.

Генерал Шнайде приехал. Это был маленький толстяк, походивший скорее на уже немолодого бонвивана, чем на «зовущего в бой Менелая»[97]. Генерал Шнайде принял командование с большим достоинством, выслушал отчет о положении дел и немедленно издал целый ряд приказов по войскам. Большая часть этих приказов касалась военной формы, каковой служила блуза, знаков отличия для офицеров — трехцветных нарукавных повязок или шарфов, — а также призывов к отбывшим срок службы кавалеристам и стрелкам вступать добровольно в армию, призывов, с которыми безуспешно обращались уже десятки раз, и т. п. Сам Шнайде первый подал пример и немедленно обзавелся гусарской венгеркой с трехцветными галунами, дабы внушить армии почтение к себе. То, что в его приказах имело действительно практическое и важное значение, являлось лишь повторением давно изданных приказов или предложений, которые уже были внесены раньше немногими имевшимися дельными офицерами, но остались неосуществленными и могли быть проведены в жизнь только теперь, при помощи авторитета генерала, командующего войсками. В остальном «генерал» Шнайде полагался на бога и Мерославского и предавался гастрономическим удовольствиям — единственно разумное, что мог делать такой абсолютно бездарный человек.

Из остальных офицеров в Кайзерслаутерне единственным дельным был Техов, тот самый, который в качестве старшего лейтенанта прусской армии был с Нацмером при штурме берлинского цейхгауза[98], передал цейхгауз народу и, будучи приговоренным к 15 годам крепости, бежал из Магдебурга. Техов как начальник пфальцского генерального штаба всюду показал себя знающим, осторожным и спокойным человеком, пожалуй даже несколько слишком спокойным, чтобы можно было ждать от него той быстроты решений, от которой на поле сражения часто зависит все. «Подполковник» Аннеке проявил себя неспособным и вялым в деле организации артиллерии, хотя он и оказался как раз на месте во главе мастерских, изготовлявших боевые припасы. При Убштадте он не стяжал себе лавров в качестве полководца, а из Раштатта, где Мерославский поручил ему заведование материальной частью на время осады, он странным образом еще до того, как город был обложен, сбежал на противоположную сторону Рейна, бросив своих лошадей.

В отдельных округах с офицерами тоже обстояло не лучше. Некоторое число поляков прибыло частью еще до Шнайде,

частью вместе с ним. Но поскольку лучшие представители польской эмиграции находились уже в Венгрии, то эти польские офицеры, как легко себе представить, были довольно разнородны по своему составу. Большинство из них спешили обзавестись соответствующим числом верховых лошадей и издать несколько приказов, не особенно заботясь об их исполнении. Они держали себя довольно высокомерно, считали возможным обращаться с пфальцскими крестьянами, как с забитыми польскими крепостными, не знали ни страны, ни языка, ни команды и потому в качестве военных комиссаров, т. е. организаторов батальонов, сделали очень немного или почти ничего. В ходе кампании они через непродолжительное время сбежали в штаб Шнайде и вскоре после этого, когда Шнайде подвергся нападению и избиению со стороны своих солдат, — совсем исчезли. Лучшие из них явились слишком поздно, чтобы успеть оказать какую-либо помощь в качестве организаторов.

Среди немецких офицеров также было мало дельных людей. Рейнско-гессенский отряд, в котором вообще было некоторое количество способных в военном отношении элементов, находился под командованием некоего Хёйснера, совершенно для этого неподходящего человека, и под еще более жалким моральным и политическим влиянием Цица и Бамбергера, тех двух героев, которые позднее в Карлсруэ так доблестно пустились наутек. В горном Пфальце бывший прусский офицер Шиммельпфенниг организовал один отряд.

Лишь два офицера еще до нападения пруссаков выделялись активными боевыми действиями, — это были Виллих и Бленкер.

Виллих с небольшим добровольческим отрядом взял на себя наблюдение за крепостями Ландау и Гермерсгейм, а затем и их осаду. Постепенно под его начальством собрались: рота студентов, рота рабочих, живших вместе с ним в Безансоне, три малочисленные роты гимнастов из Ландау, Нёйштадта и Кайзерслаутерна, две роты, образованные из добровольцев, уроженцев окрестных местностей, и, наконец, вооруженная косами рота из жителей Рейнской Пруссии, большей частью бежавших сюда бывших участников восстаний в Прюме и Эльберфельде. Всего их оказалось под конец от 700 до 800 человек; но это были, во всяком случае, самые надежные солдаты во всем Пфальце; унтер-офицерами были люди в большинстве своем уже прошедшие военную службу, а некоторые из них привыкли в Алжире к партизанской войне. С этими небольшими боевыми силами Виллих расположился между Ландау и Гермерсгеймом, организовал в деревнях гражданское ополчение и использо-

вал его для охраны дорог и сторожевой службы, отбил все вылазки из обеих крепостей, несмотря на превосходящие силы неприятеля, особенно гермерсгеймского гарнизона. Виллих блокировал Ландау столь успешно, что почти отрезал всякий подвоз, перерезал водопроводы, запрудил реку Квейх, так что все подвалы крепости были затоплены и в то же время не хватало воды для питья; каждую ночь он беспокоил гарнизон своими разведчиками, которые не только очищали оставленные наружные укрепления и распродавали по пяти гульденов за штуку найденные там печки для сторожевых помещений, но проникали до самых крепостных рвов и часто принуждали гарнизон открывать из 24-фунтовых орудий столь же мощный, сколь и безвредный огонь по одному ефрейтору и двум солдатам. Этот период был, пожалуй, самым блестящим в истории добровольческого отряда Виллиха. Если бы он имел тогда в своем распоряжении хотя бы несколько гаубиц или даже несколько полевых орудий, то, если верить донесениям ежедневно отправлявшихся в Ландау, входивших и выходивших оттуда лазутчиков, крепость со своим деморализованным, слабым гарнизоном и мятежным населением была бы взята в течение нескольких дней. Даже без артиллерии продолжение осады привело бы через неделю к капитуляции. В Кайзерслаутерне были две семифунтовые гаубицы, достаточно хорошие для того, чтобы в ночное время поджечь несколько домов в Ландау. Будь они в надлежащем месте, могло произойти неслыханное событие, а именно — взятие такой крепости, как Ландау, при помощи нескольких полевых орудий. Я ежедневно убеждал генеральный штаб в Кайзерслаутерне, что необходимо хотя бы попытаться сделать это. Напрасно. Одна гаубица оставалась в Кайзерслаутерне, другая была отправлена в Хомбург, где чуть не попала в руки пруссаков. Обе они оказались на противоположном берегу Рейна, не сделав ни одного выстрела.

Но неизмеримо больше, чем Виллих, отличился «полковник» Бленкер. «Полковник» Бленкер, бывший коммивояжер по продаже вина, побывавший в Греции в качестве филэллина, впоследствии открывший в Вормсе торговлю вином, бесспорно принадлежит к числу самых видных военных фигур всей этой достославной кампании. Всегда гарцующий на коне, окруженный многочисленным штабом, рослый и сильный, с гордым ликом и с импозантной бородой на манер Геккера, наделенный мощным голосом и всеми прочими качествами, которые отличают южногерманского «народного деятеля» и к числу которых ум, как известно, отнюдь не относится, «полковник» Бленкер производил впечатление человека, при одном виде

которого Наполеон должен был бы стушеваться и который достоин фигурировать в том припеве, каким мы начали настоящие очерки. «Полковник» Бленкер чувствовал себя в силе прогнать немецких государей и без помощи «Геккера, Струве, Цица и Блюма» и немедленно принялся за дело. Он предполагал вести войну не как солдат, а как коммивояжер по продаже вина и для этой цели решил завоевать Ландау. Виллиха тогда еще не было. Бленкер собрал все, чем можно было располагать в Пфальце — линейные войска и народное ополчение, организованные и беспорядочно бродившие отряды, кавалерию и артиллерию,— и двинулся на Ландау. Перед крепостью держали военный совет, сформировали наступательные колонны, определили позиции для артиллерии. Но артиллерия состояла из нескольких легких мортир калибром от $^1/_2$ до $1^3/_8$ фунта, которые перевозились на повозке для сена, предназначавшейся одновременно и для подвоза боевых припасов. А вое боевые припасы для этих легких мортир равного калибра состояли всего-навсего из одного-единственного 24-фунтового ядра; о порохе не было и речи. Когда обо всем договорились, двинулись вперед полные презрения к смерти. Дошли до самого гласиса крепости, не встретив никакого сопротивления; двинулись дальше и дошли до ворот крепости. Впереди шли солдаты из Ландау, перешедшие на сторону восставших. На валу показалось несколько солдат в качестве парламентеров. Им крикнули, чтобы они открыли ворота. Уже завязался в высшей степени миролюбивый разговор, и все, казалось, шло как нельзя лучше, как вдруг с вала раздается пушечный выстрел, картечь проносится над головами наступающих, и в одно мгновение вся геройская армия вместе со своим пфальцским принцем Евгением[99] обращается в паническое бегство. Все бегут, бегут, бегут с такой неудержимой стремительностью, что выпущенные немного спустя с вала несколько пушечных ядер проносятся уже не над головами бегущих, а лишь над брошенными ими ружьями, патронташами и ранцами. Остановившись, наконец, в нескольких часах от Ландау, г-н «полковник» Бленкер снова собрал свою армию и привел ее домой — без ключей от крепости, но не утратив из-за этого своей гордой осанки. Так был совершен неслыханный подвиг — завоевание Ландау при помощи трех легких мортир и одного 24-фунтового ядра.

Картечный выстрел был сделан поспешно несколькими баварскими офицерами, которые увидели, что их солдаты готовы открыть ворота крепости. Сами солдаты изменили направление прицела, и таким образом получилось, что никто не был ранен. Но когда гарнизон в Ландау увидел, какое действие оказал

этот сделанный наудачу выстрел, о сдаче, конечно, не было больше и речи.

Но герой Бленкер не такой человек, чтобы не взять реванша за подобную неудачу. Теперь он решил завоевать Вормс. Он двинулся из Франкенталя, где командовал батальоном. Те несколько гессенских солдат, которые находились в Вормсе, разбежались в разные стороны, и герой Бленкер с барабанным боем вступил в свой родной город. После того как освобождение Вормса было торжественно отпраздновано завтраком, состоялось главное торжество, а именно — приведение 20-ти оставшихся в городе по болезни гессенских солдат к присяге на верность имперской конституции. Однако в ночь после этих огромных достижений имперские войска Пёйкера выставили орудия на правом берегу Рейна и ранним утром весьма нелюбезно разбудили победоносных завоевателей канонадой. Не могло быть никакого сомнения: имперские войска стреляли с того берега настоящими ядрами и гранатами! Не говоря ни слова, герой Бленкер собрал своих храбрецов и, не поднимая шума, ретировался из Вормса обратно во Франкенталь. Его дальнейшие геройские подвиги будут воспеты музой в надлежащем месте.

В то время как в округах люди самого различного склада каждый по-своему коротали время, в то время как солдаты и бойцы народного ополчения, вместо того чтобы проводить учение, распевали песни в трактирах, в Кайзерслаутерне господа офицеры были заняты измышлением самых глубокомысленных стратегических планов. Речь шла не более и не менее, как о возможности удержать такую маленькую, с нескольких сторон открытую провинцию, как Пфальц, при помощи боевых сил, существовавших почти только в воображении, против весьма реальной армии, насчитывавшей свыше 30000 человек и 60 пушек. Именно потому, что все проекты были здесь одинаково бесполезны и одинаково абсурдны, и именно потому, что здесь отсутствовали все условия для составления какого бы то ни было стратегического плана, — именно поэтому эти глубокомысленные военные деятели, выдающиеся умы пфальцской армии, решили выдумать какое-нибудь стратегическое чудо, которое преградило бы пруссакам дорогу в Пфальц. Каждый новоиспеченный лейтенант, каждый опоясанный саблей забияка из академического легиона, — организованного, наконец, под покровительством г-на Шнайде, причем все в нем получили чин лейтенанта, — каждый канцелярист глубокомысленно морщил лоб над картой Пфальца в надежде открыть стратегический философский камень. Легко представить себе, к каким

смехотворным результатам это приводило. Особенным предпочтением пользовался венгерский метод ведения войны. От «генерала» Шнайде до последнего непризнанного армейского Наполеона, ежечасно можно было слышать фразу: «Мы должны действовать, как Кошут. Мы должны отказаться от части нашей территории и отступать — в ту или другую сторону, в горы или в долину, смотря по обстоятельствам». «Мы должны действовать, как Кошут», — кричали во всех трактирах. «Мы должны действовать, как Кошут», — повторял каждый капрал, каждый солдат, каждый уличный мальчишка. «Мы должны действовать, как Кошут», — добродушно повторяло временное правительство, которое отлично сознавало, что ему не следовало вмешиваться в эти дела, и которому, в конце концов, было безразлично, как будут действовать. «Мы должны действовать, как Кошут, иначе мы погибли». — Пфальц и Кошут!

Прежде чем перейти к непосредственному описанию военных действий, я должен еще кратко остановиться на происшествии, о котором писали в ряде газет: о моем кратковременном аресте в Кирхгеймболандене. За несколько дней до прихода пруссаков я сопровождал моего друга Молля, при выполнении взятой им на себя миссии, до границы Пфальца, до Кирхгеймболандена. Здесь стояла часть рейнско-гессенского отряда, где у нас были знакомые. Вечером мы сидели в гостинице с ними и с другими волонтерами из этого отряда. Среди волонтеров было несколько тех серьезных, полных воодушевления «людей дела», о которых многократно уже говорилось и которые не видели никаких трудностей в том, чтобы имея мало оружия, но много воодушевления, разбить любую армию мира. Это были люди, которым по части военного дела до этого в лучшем случае приходилось наблюдать развод караулов, которые вообще никогда не задумывались о материальных средствах для достижения какой-либо цела и которые поэтому в большинстве своем, как я впоследствии многократно имел случай убедиться, переживали при первом же сражении такое сокрушительное разочарование, что весьма поспешно обращались в бегство. Одного ив этих героев я спросил, действительно ли он считает возможным разбить пруссаков при помощи находящихся в Пфальце тридцати тысяч сабель и трех с половиной тысяч ружей, в числе которых много заржавленных карабинов; я уже собирался позабавиться священным негодованием оскорбленного в своем благороднейшем воодушевлении человека дела, как вдруг вошла стража и объявила, что я арестован. В этот самый момент я увидел, что сзади на меня собираются наброситься с яростным видом два человека. Один из них представился как гра-

жданский комиссар Мюллер, другой был г-н Грейнер, единственный член правительства, с которым я не познакомился поближе из-за его частых отлучек из Кайзерслаутерна (этот господин втихомолку превращал свое имущество в движимость), а также из-за того, что он подозрительно походил на нытика. Тут поднялся один мой старый знакомый, капитан рейнско-гессенского отряда, и заявил, что в случае моего ареста он и значительное число лучших людей отряда немедленно покинут его ряды. Молль и другие хотели силой защитить меня. Присутствующие разделились на две партии. Сцена грозила стать интересной; я заявил, что, конечно, охотно позволю себя арестовать: пусть все, наконец, увидят, что собой представляет пфальцское движение. Я ушел в сопровождении стражи.

На следующее утро после комического допроса, которому подверг меня г-н Циц, я был передан гражданскому комиссару, а тот, в свою очередь, передал меня жандарму. Жандарм, которому приказано было обращаться со мной, как со *шпионом,* надел мне наручники и повел пешком в Кайзерслаутерн; меня обвиняли в недостаточно уважительном отношении к восстанию пфальцского народа и в подстрекательстве против правительства, о котором я, кстати сказать, не упомянул ни слова. По дороге я добился того, что мне дали повозку. В Кайзерслаутерне, куда уже раньше меня успел приехать Молль, я нашел членов правительства, конечно, в большом смущении по поводу промаха бравого Грейнера и еще в большем смущении по поводу дурного обращения, которому я подвергся. Само собой разумеется, что я устроил этим господам надлежащую сцену в присутствии жандарма. Так как от г-на Грейнера еще не было получено отчета, то предложили меня освободить под честное слово. Я отказался дать честное слово и отправился в окружную тюрьму, — без конвоя, как было решено по предложению Д'Эстера. Д'Эстер заявил, что он не может оставаться в правительстве после такого обращения с его товарищем по партии. Чирнер, который только что приехал, также выступил очень решительно. В тот же вечер событие стало известно по всему городу, и все приверженцы решительного направления немедленно стали на мою сторону. Кроме того, пришло известие, что событие вызвало волнение в рейнско-гессенском отряде и большая часть его хочет разойтись по домам. Этого было более чем достаточно для того, чтобы доказать членам временного правительства, с которыми я ежедневно встречался, необходимость дать мне удовлетворение. После того как я самым приятным образом провел 24 часа в тюрьме, ко мне пришли Д'Эстер и Шмитт; Шмитт заявил мне, что я подлежу

освобождению без всяких условий и что правительство надеется, что я и в дальнейшем не откажусь принимать участие в движении. Он сообщил кроме того, что издан приказ, воспрещающий отныне доставлять политических заключенных в оковах, и что продолжается следствие о виновниках этого недостойного обращения, а равно об аресте и его причине. После того как правительство, которому г-н Грейнер все еще не прислал никакого отчета, дало мне таким образом всяческое, возможное для него в данный момент, удовлетворение, обе стороны отбросили официальный тон и вместе распили в «Доннерсберге» несколько кружек вина. На следующее утро Чирнер отправился в рейнско-гессенский отряд, чтобы успокоить его, и я дал ему с собой записку в несколько строк. Г-н Грейнер по возвращении в Кайзерслаутерн так ужасно походил на нытика, что получил от своих коллег двойную головомойку.

В это время из Хомбурга начали продвигаться пруссаки, и так как дело стало теперь принимать интересный оборот и я не хотел упустить случай приобрести военный опыт, и так как, наконец, «Neue Rheinische Zeitung» honoris causa* должна была иметь своего представителя в пфальцско-баденской армии, то я тоже опоясался боевым мечом и отправился к Виллиху.

* — по долгу чести. *Ред.*

4. УМЕРЕТЬ ЗА РЕСПУБЛИКУ!

«Тридцать шесть престолов сбросить надо,
Чтоб немецкая республика цвела;
Рушьте же их, братья, без пощады,
Смело пулям подставляйте грудь!
Умереть за республику —
Наш великий, славный жребий, духом избранная цель!»

Так распевали волонтеры в поезде, когда я ехал в Нёйштадт, чтобы узнать там, где находится в данный момент главная квартира Виллиха.

Итак, умереть за республику — такова была, или, по крайней мере, должна была быть отныне избранная моим духом цель. Я чувствовал себя довольно странно с этой новой целью. Я вглядывался в лица волонтеров, молодых, красивых, лихих парней. Их вид отнюдь не говорил о том, что в данный момент умереть за республику составляет цель, избранную их духом.

Из Нёйштадта я поехал на реквизированной крестьянской повозке в расположенный между Ландау и Гермерсгеймом Оффенбах, где еще находился Виллих. Сейчас же после Эденкобена я наткнулся на первые сторожевые посты, которые были выставлены крестьянами по приказу Виллиха; они встречались дальше в каждой деревне при въезде или выезде, а также на всех перекрестках дорог, и никого не пропускали без письменного удостоверения инсурекционных властей. Уже видно было, что подъезжаешь ближе к месту военных действий. Поздно ночью я приехал в Оффенбах, где немедленно вступил в должность адъютанта при Виллихе.

В тот день — это было 13 июня — небольшая часть отряда Виллиха выдержала блестящее сражение. За несколько дней до этого Виллих получил в виде подкрепления к своему добровольческому отряду один батальон бойцов баденского народного ополчения, батальон Дреер-Обермюллера; около 50 человек из этого батальона он направил против Гермерсгейма, выдвинув их вперед к Бельгейму. За ними в Книттельсгейме

находилась еще одна рота добровольческого отряда, а также некоторое количество бойцов, вооруженных косами. Батальон баварцев с двумя орудиями и эскадроном шеволежеров сделал вылазку. Баденцы обратились в бегство, не оказав никакого сопротивления; только один из них, настигнутый тремя конными жандармами, яростно защищался до тех пор, пока, наконец, весь изрубленный сабельными ударами, не упал и не был окончательно добит нападавшими. Когда беглецы прибыли в Книттельсгейм, капитан стоявшей там роты, насчитывавшей менее 50 человек, некоторые из них были вооружены только косами, выступил против баварцев. Он искусно разделил своих людей на несколько групп и так решительно двинулся вперед стрелковой цепью, что баварцы, превосходившие его силами более чем в десять раз, после двухчасового боя были оттеснены в оставленную баденцами деревню; в конце концов, когда прибыли еще некоторые подкрепления из отряда Виллиха, баварцев прогнали и из этой деревни. Потеряв около двадцати убитых и раненых, баварцы отступили в Гермерсгейм. К сожалению, я не могу назвать имя этого храброго и талантливого молодого офицера, так как он, вероятно, еще не находится в безопасности. В его роте было только пять раненых, из них никто не был ранен тяжело. Один из этих пяти, француз-доброволец, был ранен в предплечье раньше, чем сам успел сделать выстрел. Несмотря на это, он все-таки расстрелял все свои шестнадцать патронов, а так как из-за ранения он не мог сам заряжать ружье, то давал его заряжать одному из бойцов, вооруженных косами, лишь бы только иметь возможность стрелять. На следующий день мы отправились в Бельгейм, чтобы осмотреть поле сражения и наметить новые диспозиции. Баварцы осыпали наших стрелков ядрами и картечью, но только посбивали с деревьев сучья, которыми оказалась потом усеяна вся дорога, и попали в дерево, за которым стоял капитан.

Батальон Дреер-Обермюллера был теперь налицо в полном составе, готовый окончательно расположиться в Бельгейме и его окрестностях. Это был прекрасный на вид, хорошо вооруженный батальон; особенно офицеры его со своими клинообразными бородками и смуглыми лицами, полными серьезности и воодушевления, выглядели как настоящие мыслящие каннибалы. К счастью, они не были так опасны — мы постепенно сможем в этом убедиться.

К удивлению своему, я узнал, что нет почти никаких боевых припасов, что у большинства бойцов только по пять-шесть патронов и только у немногих — по двадцать, что запасов не хватает даже для того, чтобы заполнить совершенно пустые

патронташи участников вчерашнего сражения. Я тотчас же предложил отправиться в Кайзерслаутерн за боевыми припасами и в тот же вечер собрался в дорогу.

Крестьянские повозки двигались медленно, необходимость реквизировать во время остановок новые повозки, незнание дороги и т. п. тоже вызвали задержку: уже светало, когда я приехал в Майкаммер, приблизительно на полпути до Нёйштадта. Здесь я наткнулся на подразделение народного ополчения из Пирмазенса с четырьмя посланными в Хомбург пушками, которые в Кайзерслаутерне считались уже пропавшими. Через Цвейбрюккен и Пирмазенс, а оттуда по самым скверным горным дорогам им удалось добраться сюда, где они, наконец, вышли на равнину. Господа пруссаки нисколько не торопились преследовать их, хотя наши бойцы из Пирмазенса, возбужденные преодоленными трудностями, ночными переходами и выпитым вином, воображали, будто враг следует за ними по пятам.

Через несколько часов — это было 15 июня — я приехал в Нёйштадт. Все население было на улицах, в том числе солдаты и волонтеры, как в Пфальце называли всех без различия бойцов народного ополчения, носивших блузы. Повозки, пушки и лошади запружали все дороги, ведущие в город. Словом, я попал в гущу отступавшей в полном составе пфальцской армии. Временное правительство, генерал Шнайде, генеральный штаб, канцелярии — все были налицо. Кайзерслаутерн, с его Фрухтхалле, с рестораном «Доннерсберг», с пивными, — «стратегически наиболее удобный пункт Пфальца», — был оставлен, и в данный момент Нёйштадт представлял собой центр пфальцской неразберихи, которая лишь теперь, когда дело дошло до боевых действий, достигла своего апогея. Итак, я разузнал обо всем, забрал с собой возможно больше бочек с порохом, свинцом и готовыми патронами — разве боевые припасы могли еще понадобиться этой армии, которая развалилась, не побывав ни в одном сражении? — и после бесчисленных напрасных попыток достал, наконец, в соседней деревне большую телегу и вечером отправился в обратный путь со своей добычей и с охраной в несколько человек.

Перед отъездом я зашел к г-ну Шнайде и спросил его, не имеет ли он что-нибудь передать Виллиху. Старый гурман передал мне несколько ничего не значащих распоряжений и с важным видом прибавил: «Видите, мы теперь действуем в точности, как Кошут».

Причины, по которым пфальцские повстанцы дошли до того, чтобы действовать в точности, как Кошут, следующие.

В лучшую пору «восстания», т. е. перед наступлением пруссаков» в Пфальце имелось около 5000—6000 бойцов, вооруженных ружьями всякого рода, и от 1000 до 1500 бойцов, вооруженных косами. Эти 5000—6000 возможных бойцов состояли, во-первых, из добровольческих отрядов — Виллиха и рейнско-гессенского — и, во-вторых, из так называемого народного ополчения. В каждом округе был назначен военный комиссар, которому поручено было организовать батальон. Ядром каждого батальона и его инструкторами служили те солдаты из воинских частей данного округа, которые перешли на сторону восстания. Эта система смешения линейных войск с вновь призванными рекрутами, которая в условиях активных военных действий со строгой дисциплиной и непрекращающимся военным обучением могла бы дать наилучшие результаты, погубила здесь все дело. Из-за недостатка оружия батальоны не удавалось организовать; солдаты, которым делать было нечего, теряли всякую дисциплину и военную выправку и большей частью разбегались. Наконец, в некоторых округах было создано подобие батальонов, в других существовали только отдельные вооруженные группы. Бойцы, вооруженные косами, были совершенно ни на что не пригодны; постоянно путаясь под ногами, они не могли быть использованы ни в каком настоящем деле; их частью оставили в качестве временного придатка при соответствующих батальонах в ожидании, пока для них будет получено оружие, частью выделили в особый отряд под командой придурковатого капитана Цинна. Гражданин Цинн, самый настоящий шекспировский Пистоль, какого только можно себе представить, — тот самый, который при бегстве из-под Ландау, под командой героя Бленкера, споткнулся о ножны своей сабли и сломал их, а потом с большим пафосом клялся, что «24-фунтовое зажигательное ядро разорвало их надвое», — этот непревзойденный Пистоль использовался до этого для усмирения реакционных деревень. Он весьма ревностно занимался этим делом, так что крестьяне, хотя и чувствовали большое почтение к нему и его отряду, все же считали необходимым изрядно поколотить его всякий раз, как только он попадался им в руки один. Говорят, что возвращаясь из таких поездок, его люди ломали на куски свои косы, а сам он по приезде в Кайзерслаутерн рассказывал о своих сражениях с крестьянами жуткие истории на манер Фальстафа[100].

Так как с подобными силами, конечно, ничего нельзя было предпринять, то Мерославский, который только 10 июня прибыл в главную квартиру баденской армии, приказал пфальцским отрядам отступать с боями к Рейну, по возможности

захватить переправу через Рейн у Мангейма, в противном случае перейти на правый берег Рейна у Шпейера или у Книлингена, а потом защищать переправу через Рейн со стороны Бадена. Одновременно с этим приказом пришло известие, что пруссаки вторглись в Пфальц из Саарбрюккена и после нескольких ружейных выстрелов отбросили по направлению к Кайзерслаутерну немногочисленных наших бойцов, выставленных на границе. В то же время все более или менее организованные войсковые части концентрировались в направлении на Кайзерслаутерн и Нёйштадт; началось невероятное смятение, и большая часть рекрутов разбежалась. Один молодой офицер из шлезвиг-гольштейнских добровольцев 1848 г., Раков, отправился с 30 солдатами собирать дезертиров и через двое суток привел их в количестве 1400 человек; он сформировал из них «кайзерслаутернский батальон», которым и командовал до конца военных действий.

В стратегическом отношении Пфальц представляет столь несложный рельеф, что даже пруссаки не могли совершить там никакого промаха. Вдоль Рейна лежит долина, шириной около 4—5 часов ходьбы, лишенная всяких естественных препятствий. В три легких дневных перехода пруссаки прошли от Крейцнаха и Вормса до Ландау и Гермерсгейма. Через возвышенности горного Пфальца проходит «императорское шоссе» из Сааргемюнда в Майнц, пролегающее большей частью либо по склону горы, либо по широкой долине реки. Здесь также не имеется почти никаких естественных препятствий, на которых численно слабая и тактически неподготовленная армия могла бы хоть сколько-нибудь закрепиться. Наконец, прямо перед прусской границей, у Хомбурга, от «императорского шоссе» отделяется превосходная дорога, которая ведет прямо в Ландау, частью по долинам рек, частью по склону Вогезов через Цвейбрюккен и Пирмазенс. Правда, на этой дороге встречается больше естественных препятствий, но и она не может быть закрыта при малом количестве войск и без артиллерии, особенно если какая-нибудь неприятельская часть имеет возможность, маневрируя на равнине, отрезать отступление на Ландау и Бергцаберн.

Ввиду этого наступление пруссаков проходило весьма легко. Первый удар был нанесен из Саарбрюккена по направлению к Хомбургу; отсюда одна колонна пошла прямо на Кайзерслаутерн, а другая через Пирмазенс на Ландау. Тотчас же вслед за этим второй отряд начал наступление в долине Рейна. В Кирхгеймболандене этот отряд встретил первое сильное сопротивление со стороны расположенного там рейнско-гессенского

отряда. Майнцские стрелки защищали Дворцовый сад с большим упорством, невзирая на значительные потери. В конце концов их обошли с тыла и они отступили. Семнадцать человек из них попали в руки пруссаков. Они были немедленно приставлены к деревьям и без дальнейших околичностей расстреляны пьяными героями «доблестной армии». Этим подлым поступком пруссаки начали свой «хотя и короткий, но славный поход» на Пфальц.

Таким образом, пруссаки захватили всю северную половину Пфальца и восстановили связь между обеими своими главными колоннами. Теперь им оставалось только продвинуться по равнине и освободить от осады Ландау и Гермерсгеим, чтобы обеспечить себе возможность занять остальную часть Пфальца и захватить в плен все отряды, которые могли бы еще удерживаться в горах.

В Пфальце находилось приблизительно 30000 пруссаков с многочисленной кавалерией и артиллерией. На равнине, где принц Прусский и Хиршфельд наступали с наиболее сильным отрядом, между ними и Нёйштадтом не было ничего, кроме нескольких наполовину уже дезорганизованных отрядов народного ополчения, не способных к сопротивлению, и часть рейнско-гессенского отряда. Достаточно было быстрого продвижения на Шпейер и Гермерсгейм, чтобы все сконцентрированные, или, вернее, беспорядочно перемешанные у Нёйштадта и Ландау, 4000—5000 пфальцских повстанцев были разбиты, рассеяны, разогнаны или взяты в плен. Но господа пруссаки, столь прыткие, когда речь шла о расстреле безоружных пленных, были в высшей степени осмотрительны в сражении и крайне вялы в преследовании.

Если при описании всего похода мне придется еще не раз отмечать эту удивительнейшую вялость пруссаков и прочих имперских войск — как в наступлении, так и в преследовании— по отношению к армии, которая была численно слабее их, чаще всего в шесть раз и уж во всяком случае не менее, чем в три раза, которая была плохо организована и местами находилась под командованием бездарных людей, то ясно, что я отнюдь не собираюсь приписывать это какой-либо особой трусости прусских солдат, тем более что, как читатель, вероятно, уже заметил, я но питаю никаких иллюзий насчет особенной храбрости наших войск. Так же мало склонен я объяснять это, подобно реакционерам, каким-то великодушием пруссаков и их нежеланием обременять себя слишком большим числом пленных. Прусская гражданская и военная бюрократия с давних пор славилась тем, что она с большой помпой празднует триумфы

над слабым врагом и с кровожадным наслаждением мстит безоружным. Так поступала она и в Бадене и в Пфальце — доказательством являются расстрелы в Кирхгеймболандене, ночные расстрелы на Фазаньем дворе в Карлсруэ, бесчисленные убийства раненых и сдавшихся неприятелю на всех полях сражения, расправа с теми немногими, которые были захвачены в плен, казни по приговору военнополевых судов во Фрейбурге и Раштатте и, наконец, медленное, тайное и тем более жестокое умерщвление раштаттских узников в результате истязаний, голода, заключения в сырые, переполненные, душные камеры и вызванного всем этим тифа. Вялое ведение войны пруссаками имело, конечно, своей причиной трусость, именно — трусость командиров. Не говоря уж о медлительном, трусливом педантизме наших прусских героев маневров и муштры, который сам по себе делал невозможным какой бы то ни было смелый шаг или быстрое решение, не говоря уж о мелочно-регламентирующих воинских уставах, предназначенных окольным путем предотвратить повторение столь многочисленных позорных поражений, — разве стали бы пруссаки применять этот для нас столь невыносимо скучный, а для них в высшей степени компрометирующий способ ведения войны, если бы они были уверены в своих собственных солдатах? Но в том-то и было все дело. Господа генералы знали, что треть их армии состоит из непокорных полков ландвера, которые после первой же победы повстанческой армии перейдут на ее сторону, что очень скоро вызвало бы также отпадение половины линейных войск и, в частности, всей артиллерии. А что сталось бы в таком случае с династией Гогенцоллернов и их «неослабленной короной»[101], — это должно было быть достаточно ясно каждому.

В Майкаммере, где мне пришлось ожидать новой подводы и охраны до утра 16-го, меня уже снова нагнала армия, рано утром выступившая из Нёйштадта. Еще вчера говорили о походе на Шпейер, теперь, следовательно, от этого плана отказались, и армия пошла прямо к Книлингенскому мосту. В сопровождении пятнадцати парней из Пирмазенса, полудиких крестьян — уроженцев глухих лесов горного Пфальца, я тронулся в путь. Уже неподалеку от Оффенбаха я узнал, что Виллих со всеми своими войсками выступил по направлению к Франквейлеру, местечку, расположенному на северо-западе от Ландау. Итак, я повернул обратно и около полудня прибыл во Франквейлер. Там я не только нашел Виллиха, но снова встретил весь головной отряд пфальцских войск, которые, чтобы не проходить между Ландау и Гермерсгеймом, избрали путь западнее Ландау. В гостинице находилось временное правительство,

вместе со своими чиновниками, генеральный штаб и множество праздношатающихся демократов, присоединившихся к тем и к другим. Генерал Шнайде завтракал. Все носились взад и вперед: по гостинице бегали члены временного правительства, командиры и праздношатающиеся; по улицам — солдаты. Постепенно подошла и основная масса армии: г-н Бленкер, г-н Трочинский, г-н Штрассер и все прочие, на боевых конях, во главе своих храбрецов. Неразбериха все усиливалась. Понемногу удалось отправить отдельные отряды дальше, в направлении на Импфлинген и Кандель.

По виду этой армии нельзя было бы подумать, что она находится в отступлении. Беспорядок с самого начала был здесь обычным явлением, и хотя юные воины уже теперь начинали жаловаться на непривычные переходы, это не мешало им распивать вино в трактирах в свое удовольствие, шуметь и грозиться в самом скором времени уничтожить пруссаков. Несмотря на эту уверенность в победе, одного полка кавалерии с несколькими орудиями конной артиллерии было бы достаточно для того, чтобы рассеять на все четыре стороны это веселое общество и совершенно разогнать «рейнско-пфальцскую армию свободы». Для этого потребовалось бы лишь быстрое решение и немного смелости; но ни о том, ни о другом в прусском лагере не было и речи.

На следующее утро мы выступили. В то время как основная масса отступающих направилась к Книлингенскому мосту, Виллих со своим отрядом и батальоном Дреера двинулся в горы против пруссаков. Одна из наших рот, насчитывавшая около пятидесяти гимнастов из Ландау, продвинулась вперед до самых высоких гор, до Иоганнискрёйца. Шиммельпфенниг со своим отрядом все еще стоял на дороге из Пирмазенса в Ландау. Надо было задержать пруссаков и в Хинтер-Вейдентале закрыть им дорогу на Бергцаберн и в долину Лаутера.

Между тем Шиммельпфенниг уже сдал Хинтер-Вейденталь и стоял в Ринтале и Анвейлере. Здесь дорога делает поворот, и как раз в этом месте горы, обрамляющие долину Квейха, образуют как бы ущелье, за которым лежит деревня Ринталь. Это ущелье было занято своего рода полевой охраной. Ночью патрули этой охраны сообщили, что по ним открыли огонь: рано утром бывший гражданский комиссар Вейс из Цвейбрюккена и молодой М. И. Беккер, уроженец Рейнской провинции, принесли известие о приближении пруссаков и потребовали, чтобы были посланы патрули для разведки. Но так как разведка не была предпринята и высоты по обе стороны ущелья не были заняты,

то Вейс и Беккер решили на свой страх и риск отправиться в разведку. Когда известия о приближении неприятеля стали поступать все чаще, бойцы Шиммельпфеннига начали баррикадировать проход в ущелье; Виллих приехал, осмотрел позицию, отдал приказ занять высоты и велел убрать совершенно бесполезную баррикаду. После этого он ускакал обратно в Анвейлер за своим отрядом.

Когда мы проходили через Ринталь, мы услышали первые выстрелы. Мы поспешно прошли через деревню и увидели выстроившихся на шоссе бойцов Шиммельпфеннига, в большинстве своем вооруженных косами — лишь у немногих были ружья; некоторые уже вступили в бой. Пруссаки, стреляя на ходу, продвигались к высотам; Шиммельпфенниг преспокойно позволил им завладеть той позицией, которую сам должен был занимать. Еще ни одно ядро не попало в нашу колонну; все они пролетали высоко над нами. Когда ядро со свистом пролетало над бойцами, вооруженными косами, весь строй приходил в волнение и поднимался всеобщий крик.

С трудом пробрались мы мимо этого войска, которое запрудило почти всю дорогу, вносило полный беспорядок и к тому же, со своими косами, не могло принести никакой пользы. Ротные командиры и лейтенанты были так же беспомощны и сбиты с толку, как и сами солдаты. Наши стрелки были посланы вперед — одни вправо, другие влево, на высоты; кроме того, влево были направлены еще две роты для подкрепления стрелков и для обхода пруссаков. Главная колонна осталась стоять в долине. Некоторые стрелки заняли позиции позади развалин баррикады на повороте дороги и стреляли в прусскую колонну, стоявшую в отдалении, на расстоянии нескольких сот шагов. Я с несколькими солдатами пошел налево на гору.

Едва мы взобрались по поросшему кустарником склону, как перед нами открылось свободное поле; с его противоположного, лесистого края прусские стрелки стреляли в нас своими коническими пулями. Я взял еще нескольких волонтеров, которые беспомощно и с некоторой робостью взбирались по склону, расставил их по возможности под прикрытие и стал тщательно осматривать местность. Я не мог двинуться вперед с кучкой солдат через совершенно открытое поле, шириной в 200— 250 шагов, пока посланный дальше влево для обхода отряд не достиг фланга пруссаков; мы могли, в лучшем случае, только держаться, так как были и без того очень плохо прикрыты. Впрочем, несмотря на свои ружья с коническими пулями, пруссаки стреляли из рук вон плохо; свыше получаса стояли мы под сильнейшим оружейным огнем почти без

всякого прикрытия, а меткие неприятельские стрелки попали только в ствол одного ружья ив полу одной блузы.

Мне надо было, наконец, узнать, где находится Виллих. Мои бойцы обещали мне держаться, и я пополз обратно, вниз по склону. Внизу все было в порядке. Главная колонна пруссаков, обстреливаемая нашими стрелками на дороге и вправо от нее, вынуждена была отойти несколько назад. Неожиданно слева, со склона, где я стоял, поспешно сбегают наши волонтеры, бросая свою позицию на произвол судьбы. Оказалось, что продвигавшиеся на крайнем левом фланге роты, сильно поредевшие из-за того, что многие из стрелков поотставали, сочли дорогу через расположенный дальше лесок -слишком длинной; под командованием капитана, выигравшего сражение при Бельгейме, они пошли напрямик через поле. Их встретили сильным огнем; капитан и многие солдаты упали, а другие, оставшись без командира, уступили превосходящим силам противника. Пруссаки продвинулись теперь вперед, зашли во фланг нашим стрелкам, обстреляли их сверху и таким образом принудили их к отступлению. Скоро вся гора была в руках пруссаков. Они обстреливали наши колонны сверху; делать уже было нечего, и мы начали отступать. Дорога была запружена войсками Шиммельпфеннига и батальоном Дреер-Обермюллера, которые, по похвальному баденскому обычаю, маршировали не по 4—6 человек в ряд, а полувзводами, по 12— 15 человек, и занимали всю ширину шоссе. Нашим людям пришлось продвигаться к деревне по болотистым лугам. Я остался со стрелками, прикрывавшими отступление.

Сражение было потеряно отчасти вследствие того, что Шиммельпфенниг, вопреки приказу Виллиха, не распорядился занять высоты, которых мы, располагая лишь незначительным количеством боеспособных войск, уже не могли отбить обратно у пруссаков, отчасти вследствие полной непригодности бойцов Шиммельпфеннига и батальона Дреера, отчасти, наконец, вследствие нетерпения капитана, посланного для обхода пруссаков, — нетерпения, которое чуть не стоило ему жизни и оголило наш левый фланг. Впрочем, это наше поражение обернулось для нас к лучшему: одна колонна пруссаков была уже на пути в Бергцаберн, осада с Ландау была снята, и, таким образом, в Хинтер-Вейдентале мы оказались бы окруженными со всех сторон.

При отступлении мы потеряли больше людей, чем в сражении. Время от времени прусские пули попадали в густую колонну, продвигавшуюся большей частью в классическом беспорядке, с шумом и криками. У нас было около 15 ране-

ных, в том числе Шиммельпфенниг, в самом начале сражения раненный в колено. Пруссаки и на этот раз преследовали нас очень вяло и скоро прекратили стрельбу. Только несколько стрелков на горных склонах продолжали преследовать нас. В Анвейлере, на расстоянии получаса от места сражения, мы очень спокойно подкрепились и затем отправились в Альберсвейлер. Самое необходимое мы получили: 3000 гульденов в счет принудительного займа, которые уже лежали наготове в Анвейлере. Впоследствии пруссаки назвали это ограблением кассы. Упоенные своей победой, они утверждали также, будто при Ринтале убит капитан Мантёйфель из нашего отряда, родственник достопочтенного берлинского Мантёйфеля, — бывший прусский унтер-офицер, перешедший к нам. Г-н Мантёйфель не только не убит, но с тех пор даже взял приз на состязаниях по гимнастике в Цюрихе.

В Альберсвейлере к нам присоединились два баденских орудия и часть посланного Мерославским подкрепления. Мы хотели воспользоваться этим для того, чтобы еще раз попытаться закрепиться в этих местах; но тут нам сообщили, что пруссаки находятся уже в Ландау, и потому нам не оставалось ничего другого, как отправиться прямо в Лангенкандель.

В Альберсвейлере мы, к счастью, избавились от небоеспособных отрядов, двигавшихся вместе с нами. Отряд Шиммельпфеннига, лишившись своего командира, частично уже начал распадаться и самочинно отправился по направлению к Канделю[*]. Этот отряд продолжал оставлять у каждого трактира обессилевших или отставших по другим причинам бойцов.. Батальон Дреера в Альберсвейлере начал бунтовать. Виллих и я отправились к бойцам и спросили, чего они хотят. Последовало всеобщее молчание. Наконец, один уже весьма пожилой волонтер воскликнул: «Нас хотят вести на убой!» Этот возглас звучал в высшей степени комически в отряде, который даже не участвовал ни в одном сражении и во время отступления имел двух, самое большее трех легко раненных. Виллих велел этому человеку выступить вперед и сдать оружие. Этот седобородый человек, слегка подвыпивший, выполнил приказание и разыграл трагикомическую сцену, проскулив длинную речь, краткий смысл которой сводился к тому, что с ним никогда ничего подобного не случалось. Тут среди этих весьма добродушных, но плохо дисциплинированных воинов поднялось всеобщее недовольство, ввиду чего Виллих приказал всей роте немедленно уходить, говоря, что ему надоело слушать болтовню

[*] — то же, что Лангенкандель. *Ред.*

и ворчание и что он ни минуты более не хочет командовать такими солдатами. Рота не заставила себя долго просить, сделала поворот направо и отправилась в путь. Через пять минут за ней последовал остаток батальона, которому Виллих отдал еще в придачу два орудия. Им было не по нраву, что их «ведут на убой» и что они должны соблюдать дисциплину! Мы с удовольствием отпустили их.

Мы повернули направо в горы по направлению к Импфлингену. Вскоре мы приблизились к пруссакам; наши стрелки обменялись с ними несколькими выстрелами. Вообще весь вечер время от времени раздавалась стрельба. Я задержался в первой же деревне, чтобы через нарочного послать указания нашей роте гимнастов из Ландау; не знаю, получила ли она их, но она благополучно перебралась во Францию, а оттуда в Баден. Вследствие этой задержки я потерял свой отряд и вынужден был один пробираться в Кандель. По дорогам брели вереницы солдат, отставших от своих частей, все трактиры были переполнены; всему великолепию, казалось, пришел плачевный конец. Офицеры без солдат, солдаты без офицеров, пестрая толпа волонтеров из всех отрядов, кто пешком, кто на повозках — все спешили в Кандель. А пруссаки даже не думали о серьезном преследовании! Импфлинген лежит на расстоянии только одного часа от Ландау, Вёрт (перед Книлингенским мостом) — на расстоянии 4—5 часов от Гермерсгейма; между тем ни в тот, ни в другой пункт пруссаки не спешили послать войска, которые могли бы отрезать здесь отставших, а там — всю армию. Воистину, лавры принца Прусского добыты своеобразным путем!

В Канделе я застал Виллиха, но не его отряд, который был расквартирован дальше, за городом. Зато я снова увидел временное правительство, генеральный штаб и многочисленную свиту праздношатающихся. Точно так же как вчера во Франквейлере, все было переполнено войсками, только здесь было еще больше беспорядка и суматохи. Ежеминутно приходили офицеры, искавшие свои отряды, или солдаты, искавшие своих командиров. Никто не мог дать им указаний. Дезорганизация была полная.

На следующее утро, 18 июня, все общество продефилировало через Вёрт и по Книлингенскому мосту. Несмотря на то, что много солдат рассеялось и разошлось по домам, армия вместе с прибывшими из Бадена подкреплениями все же насчитывала до 5000—6000 человек. Они так гордо маршировали через Вёрт, как будто только что взяли эту деревню боем и шагали навстречу новым триумфам. Им все еще казалось, что они действуют, как Кошут. Только один баденский линейный батальон сохранял военную выправку и мог пройти мимо трактира,

не оставив там нескольких солдат. Наконец, пришел наш отряд. Мы остались в качестве прикрытия, дожидаясь, пока можно будет развести мост; когда все было закончено, мы перешли в Баден и помогли развести мост.

Баденское правительство, щадя бравых мещан из Карлсруэ, которые 6 июня так храбро держались против республиканцев[102], расквартировало всю пфальцскую армию в окрестностях. Мы же решительно настаивали на том, чтобы наш отряд был размещен в Карлсруэ; нам нужно было многое привести в порядок и достать различные предметы обмундирования, а, кроме того, мы считали очень желательным присутствие в Карлсруэ надежного революционного отряда. Но г-н Брентано о нас уже позаботился. Он направил нас в Даксланден, деревню в полутора часах от Карлсруэ, которую нам изобразили как настоящее Эльдорадо. Мы отправляемся туда и обнаруживаем, что это самое реакционное гнездо во всей округе. Ни еды, ни питья, с трудом удается разыскать немного соломы; половине отряда пришлось спать на голом полу. К тому же кислые физиономии во всех дверях и окнах. Мы быстро приняли решение. Г-н Брентано получил предупреждение, что если мы не получим другую, лучшую квартиру, то на следующее утро, 19 июня, будем в Карлсруэ. Сказано — сделано. В 9 часов утра отправляемся в поход. Не успели мы отойти на ружейный выстрел от деревни, как встретили г-на Брентано со штабным офицером; он пускает в ход всевозможную лесть и все искусство красноречия, чтобы удержать нас подальше от Карлсруэ. Город, мол, приютил уже 5000 человек; более богатые жители выехали, а люди среднего достатка и так переобременены постоями; он не допустит, чтобы храбрый отряд Виллиха, слава которого у всех на устах, был плохо размещен и т. п. Но ничто не помогло. Виллих требовал, чтобы нам предоставили несколько дворцов, пустовавших после отъезда их владельцев-аристократов, а так как Брентано не хотел их нам дать, мы отправились на квартиры в Карлсруэ.

В Карлсруэ мы получили оружие для нашей роты бойцов, вооруженных косами, и некоторое количество сукна на шинели. Мы позаботились о том, чтобы как можно быстрее отремонтировать обувь и одежду. К нам присоединились также новые люди, несколько рабочих, знакомых мне по эльберфельдскому восстанию, затем Кинкель, вступивший стрелком в безансонскую рабочую роту, и Цыхлинский, адъютант главнокомандующего в дрезденском восстании, командовавший арьергардом при отступлении повстанцев. Он вступил стрелком в студенческую роту.

Наряду с пополнением снаряжения мы не забывали и о тактической подготовке. Мы усердно проводили учение и на второй день нашего прибытия предприняли учебный штурм Карлсруэ с Дворцовой площади. Всеобщее и глубокое возмущение мещан по поводу этих маневров показало, что они отлично поняли угрозу.

Наконец, было принято смелое решение — реквизировать имевшуюся во дворце великого герцога коллекцию оружия, которая до тех пор сохранялась в неприкосновенности, как святыня. Мы только что собрались заказать пистоны для 20 полученных оттуда ружей, как пришло известие, что пруссаки перешли Рейн у Гермерсгейма и стоят в Грабене и Брухзале.

Мы немедленно — это было вечером 20 июня — выступили, имея с собой две пфальцские пушки. Когда мы прибыли в Бланкенлох, в полутора часах ходьбы от Карлсруэ по направлению к Брухзалю, мы нашли там г-на Клемента с его батальоном и узнали, что выдвинутые вперед прусские сторожевые посты находятся примерно на расстоянии часа от Бланкенлоха. В то время как наши люди ужинали, оставаясь под ружьем, мы держали военный совет. Виллих предложил немедленно напасть на пруссаков. Но г-н Клемент заявил, что его неопытные войска не смогут наступать ночью. Поэтому было решено, что мы немедленно продвинемся к Карлсдорфу, перед самым рассветом нападем на пруссаков и постараемся прорвать их линию. В случае успеха, мы хотели идти на Брухзаль и по возможности ворваться в этот город. Г-н Клемент должен был в таком случае произвести на рассвете наступление через Фридрихсталь и поддержать наш левый фланг.

Около полуночи мы двинулись в путь. Наше предприятие было довольно-таки смелым. Нас было менее семисот человек при двух пушках; паши бойцы были лучше обучены и надежнее, чем остальные пфальцские войска, и успели побывать под огнем. С этими силами мы хотели напасть на неприятельское войсковое соединение, во всяком случае гораздо лучше обученное и имевшее более опытных младших офицеров, чем наши, среди которых были ротные командиры, едва успевшие побывать в гражданском ополчении, — войсковое соединение, численности которого мы в точности не знали, но в котором было не менее 4000 человек. Однако наш отряд уже выдержал еще более неравные бои, а на более выгодное численное соотношение мы в этом походе вообще не могли рассчитывать.

Мы послали 10 студентов в качестве авангарда на сто шагов вперед. Затем следовала первая колонна, во главе с полудю-

жиной баденских драгун, выделенных нам для службы связи, а за ними три роты. Орудия и три остальные роты двигались немного позади, стрелки замыкали шествие. Был отдан приказ ни при каких условиях не стрелять, продвигаться в полнейшей тишине и, как только покажется враг, ударить по нему в штыки.

Вскоре мы увидели в отдалении свет прусских сторожевых огней. Мы дошли до Шпёка, не подвергшись нападению. Основные силы остановились; вперед двинулся только авангард. Неожиданно раздаются выстрелы; на дороге, при входе в деревню, вспыхивает яркий огонь зажженной соломы, колокол бьет в набат. Наши стрелки обходят деревню справа и слева, и колонна .вступает в нее. В самой деревне также горят костры; на каждом углу мы ожидаем залпа. Но все тихо, и только у ратуши расположился своего рода сторожевой пост из крестьян. Прусский пост уже ретировался.

Господа пруссаки — это мы теперь видели, — несмотря на колоссальное превосходство своих сил, не чувствовали себя в безопасности, если не выполняли своего педантического устава сторожевой службы вплоть до самых надоедливых деталей. Этот их крайний пост был выставлен на расстоянии целого часа ходьбы от лагеря. Если бы мы таким же образом утомляли сторожевой службой наших не привыкших к тяготам войны бойцов, то у нас было бы несчетное количество обессилевших. Мы полагались на трусость пруссаков и считали, что они будут питать к нам большее почтение, чем мы к ним. Так и оказалось. Ни наши сторожевые посты, ни наши стоянки ни разу не подвергались нападению, вплоть до швейцарской границы.

Во всяком случае, теперь пруссаки были предупреждены. Не следовало ли нам повернуть обратно? Мы не собирались делать этого и отправились дальше.

У Нейтхарта — опять звон набата; но на этот раз ни сигнальных огней, ни выстрелов. Несколько более сомкнутым строем мы и здесь проходим через деревню и поднимаемся в гору по направлению к Карлсдорфу. Едва взобравшись на гору, наш авангард, продвигавшийся теперь только на тридцать шагов впереди нас, обнаружил прямо перед собой прусский полевой караул, который окликнул его. Я услыхал слова: «Кто идет?» и бросился вперед. Один из моих товарищей сказал: «Он погиб, мы его больше не увидим». Но именно то, что я бросился вперед, спасло меня.

Дело в том, что в ту же минуту неприятельский полевой караул дал залп и наш авангард, вместо того чтобы опрокинуть

его штыковой атакой, тоже открыл огонь. Драгуны, рядом с которыми я шел во время похода, по своей обычной трусости немедленно поворачивают коней, галопом врываются в колонну, сбивают с ног несколько человек, совершенно расстраивают первые четыре-шесть рядов и скачут прочь. В это же время в нас начинают стрелять неприятельские конные караулы, выставленные направо и налево на полях, и в довершение переполоха в нашей колонне находится несколько болванов, которые открывают огонь по головной части своего же отряда, а другие болваны следуют их примеру. В одно мгновенье первая половина колонны рассеяна, солдаты частью рассеялись по полям, частью обратились в бегство, частью сбились на дороге в беспорядочную кучу. Раненые, ранцы, шапки, ружья валяются в полном беспорядке среди молодой ржи. И ко всему этому — дикие, беспорядочные крики, выстрелы и свист пуль во всех возможных направлениях. А когда шум немного стих, я услышал, как наши пушки, стоявшие далеко позади, катят в поспешном бегстве. Они оказали второй половине колонны ту же услугу, что драгуны — первой.

Несмотря на ярость, которую я чувствовал в эту минуту при виде ребяческого страха, охватившего наших солдат, мне показались в высшей степени жалкими пруссаки, которые, хотя и были предупреждены о нашем приближении, прекратили огонь после нескольких выстрелов и тоже весьма поспешно удалились. Наш авангард все еще стоял на прежнем месте, не подвергаясь никакому нападению. Одного эскадрона кавалерии или сравнительно плотного ружейного огня было бы достаточно, чтобы обратить нас в самое паническое бегство.

Виллих, отделившись от авангарда, поспешно прискакал к отряду. Безансонская рота первой построилась заново, остальные, более или менее пристыженные, присоединились к ней. Начинало светать. Наши потери составляли шестеро раненых, среди них был один из наших штабных офицеров, смятый драгунским конем на том самом месте, которое я за минуту до того оставил, чтобы поспешить к авангарду. Кроме того, несколько человек явно были задеты пулями наших собственных солдат. Мы тщательно собрали все брошенные предметы снаряжения, чтобы пруссакам не достался ни один, даже самый незначительный трофей, и потом медленно направились обратно в Нейтхарт. Стрелки расположились за первыми домами, служившими в качестве прикрытия. Но пруссаки не появлялись, и когда Цыхлинский еще раз пошел в разведку, то обнаружил, что они все еще находились за горой, откуда послали в него несколько пуль, но не задели его.

Пфальцские крестьяне, которые везли наши орудия, уже проехали через деревню с одной из пушек, другая опрокинулась, и возчики, обрезав постромки, уехали с пятеркой лошадей. Нам пришлось поднять орудие и везти его дальше на одном только кореннике.

Прибыв в Шпек, мы услышали справа, со стороны Фридрихсталя, постепенно усиливавшуюся перестрелку. Г-н Клемент начал, наконец, наступление — на час позже условленного времени. Я предложил поддержать его фланговым наступлением, чтобы наверстать упущенное. Виллих был того же мнения и приказал нам направиться по первой, сворачивавшей направо дороге. Одна часть нашего отряда уже свернула в эту сторону, когда вестовой офицер, прибывший от Клемента, сообщил, что последний отступает. Ввиду этого мы направились в Бланкенлох. Вскоре нам повстречался г-н Бёйст из генерального штаба и немало удивился, увидев, что мы целы и невредимы, а отряд в полном порядке. Подлые драгуны, доскакавшие в своем бегстве до Карлсруэ, повсюду рассказывали, будто Виллих убит, все офицеры убиты, а отряд рассеян на все четыре стороны и уничтожен. В нас якобы стреляли картечью и «зажигательными ядрами».

Перед Бланкенлохом нам встретились пфальцские и баденские войска и, наконец, г-н Шнайде со своим штабом. Старый плут, который, вероятно, преспокойно провел ночь в постели, был достаточно бесстыден, чтобы крикнуть нам: «Господа, куда же вы уходите? неприятель вон там!» Мы, разумеется, дали ему подобающий ответ, прошли мимо и в Бланкенлохе позаботились о том, чтобы немножко отдохнуть и подкрепиться. Через два часа г-н Шнайде со своими войсками возвратился, разумеется, так и не увидев неприятеля, и сел завтракать.

Теперь под командованием г-на Шнайде находилось, вместо с прибывшими из Карлсруэ и окрестностей подкреплениями, около 8000—9000 человек, в том числе три баденских линейных батальона и две баденских батареи. В общем насчитывалось около 25 орудий. Вследствие несколько неопределенного приказа Мерославского, а еще больше вследствие полнейшей бездарности г-на Шнайде вся пфальцская армия оставалась стоять в окрестностях Карлсруэ, в то время как пруссаки под прикрытием гермерсгеймского предмостного укрепления перешли через Рейн. Мерославский отдал общий приказ (см. его отчет о баденском походе[103]) — после отступления из Пфальца защищать переправы через Рейн от Шпейера до Книлингена, и специальный приказ — прикрывать Карлсруэ и сделать Книлингенский мост сборным пунктом всей армии. Г-н Шнайде

истолковал это в том смысле, что он должен впредь до дальнейших распоряжений продолжать стоять у Карлсруэ и Книлингена. Если бы он, как это подразумевалось общим приказом Мерославского, послал сильный отряд с артиллерией против гермерсгеймского предмостного укрепления, то майору Мневскому не был бы дан нелепый приказ взять обратно предмостное укрепление при помощи 450 рекрутов и без орудий, 30000 пруссаков не перешли бы беспрепятственно через Рейн, связь с Мерославским не была бы прервана и пфальцская армия могла бы прибыть своевременно на место сражения у Вагхёйзеля. Вместо этого она в день вагхёйзельского сражения, 21 июня, в растерянности металась между Фридрихсталем, Вейнгартеном и Брухзалем, потеряла врага из виду и расточала напрасно время на переходы взад и вперед во всех направлениях.

Мы получили приказ направиться к правому флангу и продвигаться через Вейнгартен по склону горы. В полдень того же 21 июня мы выступили из Бланкенлоха, а около 5 часов вечера из Вейнгартена. Пфальцские войска начали, наконец, испытывать беспокойство; они заметили превосходство противостоявших им сил и потеряли хвастливую беспечность, которая до тех пор отличала их, по крайней мере, перед сражением. С этого момента пфальцскому и баденскому народному ополчению, а постепенно также и линейным войскам и артиллерии, стали повсюду мерещиться пруссаки, и у них начались эти ежедневно повторявшиеся ложные тревоги, которые создавали всеобщий беспорядок и являлись поводом для презабавнейших сцен. Уже на первой возвышенности за Вейнгартеном к нам подскочили патрули и крестьяне с криком: «Пруссаки здесь!» Наш отряд выстроился в боевом порядке и пошел вперед. Я отправился обратно в городок, чтобы поднять там тревогу, и из-за этого потерял свой отряд. Конечно, вся эта суматоха оказалась беспричинной: пруссаки отошли по направлению к Вагхёйзелю, и Виллих еще в тот же вечер вступил в Брухзаль.

Ночь я провел с г-ном Освальдом и его пфальцским батальоном в Обергромбахе, а на следующее утро отправился вместе с ними в Брухзаль. Недалеко от города нам навстречу попались повозки с отставшими солдатами, кричавшими: «Пруссаки здесь!» Весь батальон немедленно пришел в волнение и только с трудом удалось повести его вперед. Конечно, это опять была ложная тревога; в Брухзале находился Виллих с остатком пфальцского авангарда; остальные отряды прибывали один за другим, а пруссаков не было и следа. Кроме армии и ее командиров, здесь находились Д'Эстер, бывшее пфальцское правительство и Гёгг, который вообще, с тех пор как установилась

беспрекословная диктатура Брентано, находился почти исключительно при армии и помогал разрешению текущих гражданских дел. Снабжение войск было плохое, беспорядок большой. Только в главной квартире жили, как всегда, в свое удовольствие.

Мы опять получили значительное число патронов из запасов, имевшихся в Карлсруэ, и вечером отправились в путь, а вместе с нами и весь авангард. В то время как последний устроил стоянку в Убштадте, мы взяли вправо к Унтерёвисгейму, чтобы прикрывать фланг со стороны гор.

По внешнему виду мы теперь представляли собой весьма внушительную силу. Наш отряд получил подкрепление в виде двух новых частей. Это были, во-первых, лангенкандельский батальон, бойцы которого по дороге из своего родного города к Книлингенскому мосту разбежались и «beaux restes»* которого присоединились к нам; они состояли из капитана, лейтенанта, знаменосца, фельдфебеля, унтер-офицера и двух солдат. Во-вторых, «колонна имени Роберта Блюма» с красным знаменем; этот отряд насчитывал около 60 человек, которые походили на каннибалов и совершили уже не один геройский подвиг по части реквизиций. Кроме того, нам были приданы также четыре баденских орудия и один батальон баденского народного ополчения, называвшийся батальоном Книри, Кнюри или Книрима (точное звучание этого имени невозможно было установить). Батальон Книрима был достоин своего командира, как и г-н Книрим — своего батальона. Эти люди твердых убеждений были ужасными болтунами и паникерами, и притом всегда были пьяны; пресловутое «воодушевление» побуждало их, как мы дальше увидим, к величайшим геройским подвигам.

Утром 23 июня Виллих получил от Аннеке, командовавшего пфальцским авангардом в Убштадте, записку следующего содержания: враг приближается, состоялся военный совет, решено отступать. Виллих, в высшей степени пораженный этим странным известием, немедленно поскакал туда верхом, побудил Аннеке и его офицеров принять сражение при Убштадте, сам осмотрел позицию и указал место для установки орудий. Затем он вернулся и приказал нашим бойцам стать под ружье. В то время как наши войска выстраивались, мы получили из главной квартиры в Брухзале следующий приказ, подписанный Теховым: основные силы армии отправляются по дороге на Гейдельберг с тем, чтобы еще сегодня прибыть в Мингольсгейм, а мы должны

* — «остатки былой красы». *Ред.*

одновременно отправиться через Оденгейм к Вальдангеллоху и там заночевать. Туда будут нам позже посланы сообщения об успехах главных сил и приказы относительно наших дальнейших действий.

Г-н Струве в своей фантастической «Истории трех народных восстаний в Бадене», стр. 311—317[104], поместил об операциях пфальцской армии с 20 по 26 июня отчет, который является лишь апологией неспособного Шнайде и изобилует неточностями и искажениями. Из всего изложенного выше уже видно следующее: 1) неверно, будто Шнайде «через несколько часов после своего вступления в Брухзаль (22 июня) получил точные сведения о сражении при Вагхёйзеле и его исходе»; 2) неверно, следовательно, будто «в результате этого его план изменился, и, вместо первоначально предполагавшегося похода по направлению к Мингольсгейму», он якобы уже 22-го «решил остаться в Брухзале с основными силами своей дивизии» (упомянутая выше записка Техова была написана в ночь с 22-го на 23-е); 3) неверно, будто «утром 23-го должна была быть предпринята большая рекогносцировка»; на самом деле предполагался марш по направлению к Мингольсгейму. Утверждение Струве, будто 4) «все отряды получили приказ двигаться в направлении выстрелов, как только они услышат выстрелы» и будто 5) «отряд правого фланга (Виллиха) объяснял свое отсутствие в сражении при Убштадте тем, что он-де не слышал выстрелов», — являются, как будет дальше показано, грубой ложью.

Мы немедленно выступили. В Оденгейме предполагалось позавтракать. Несколько баварских шеволежеров, приданных нам для несения службы связи, поскакали влево, в объезд деревни, для того, чтобы разведать, нет ли там неприятельских войск. Прусские гусары уже побывали в деревне и реквизировали там фураж, за которым собирались приехать попозже. В то время как мы конфисковали этот фураж и начали раздавать вино и продовольствие нашим людям, которые оставались в строю, один из шеволежеров примчался с криком: «Пруссаки здесь!» В одно мгновение батальон Книрима, стоявший недалеко от нас, смешался и превратился в неистовую толпу, которая с шумом, криком и проклятиями металась из стороны в сторону, в то время как г-н майор, будучи не в силах справиться со своей перепуганной лошадью, вынужден был бросить своих людей на произвол судьбы. Виллих подъехал верхом, восстановил порядок, и мы двинулись. Разумеется, никаких пруссаков не оказалось.

На высотах за Оденгеймом мы услышали гром пушек, доносившийся со стороны Убштадта. Канонада скоро стала слышнее.

Опытные люди уже могли различать выстрелы ядрами от выстрелов картечью. Мы держали совет, продолжать ли путь в прежнем направлении или пойти в том направлении, откуда слышалась стрельба. Так как мы имели определенный приказ, а стрельба, казалось, раздавалась со стороны Мингольсгейма, что означало продвижение наших, то мы решились на более опасный путь, а именно — путь на Вальдангеллох. В случае поражения пфальцской армии при Убштадте, мы были бы почти отрезаны в горах и оказались бы в весьма критическом положении.

Г-н Струве утверждает, что сражение при Убштадте «могло бы привести к блестящим результатам, если бы фланговые отряды во-время начали наступление» (стр. 314). Однако канонада не продолжалась и часу, а нам потребовалось бы 2—$2^1/_2$ часа, чтобы дойти до места сражения между Матфельдом и Убштадтом, т. е. мы могли бы появиться там лишь спустя полтора часа после окончания боя. Так г-н Струве пишет «историю».

Недалеко от Тифенбаха мы сделали остановку. Пока наше войско подкреплялось, Виллих отправил несколько депеш. Батальон Книрима обнаружил в Тифенбахе нечто вроде муниципального винного погреба, конфисковал его, вытащил бочки с вином, и через час все были пьяны. Досада, вызванная утренней паникой перед пруссаками, пушечная стрельба со стороны Убштадта, недоверие этих героев друг к другу и к своим офицерам — все это, подогретое вином, неожиданно вылилось в форму открытого мятежа. Они требовали, чтобы немедленно всем повернуть обратно, так как им не нравились бесконечные переходы в горах на виду у неприятеля. Но поскольку об этом, конечно, не могло быть и речи, они самочинно пустились в обратный путь. Каннибальская «колонна имени Роберта Блюма» присоединилась к ним. Мы дали им уйти и двинулись по направлению к Вальдангеллоху.

Здесь, в глубокой котловине, нельзя было переночевать хотя бы с некоторой безопасностью. Поэтому мы сделали привал и начали собирать сведения о характере окружающей местности и о расположении неприятеля. Между тем среди крестьян распространились какие-то неясные слухи об отступлении неккарской армии. Говорили, будто значительный баварский отряд продвигается через Зинсгейм и Эппинген к Бреттену, будто сам Мерославский проехал в строжайшем инкогнито и в Зинсгейме его пытались арестовать. Артиллеристы стали волноваться, и даже наши студенты начали ворчать. Ввиду этого мы отослали артиллерию назад, а сами направились в Хильсбах. Здесь мы узнали подробности о состоявшемся уже 48 часов тому назад

отступлении неккарской армии и о том, что баварцы находятся в полутора часах от нас, в Зинсгейме. Их численность определяли в 7000 человек, но доходила она, как мы позже узнали, до 10000. Нас же было не больше 700 человек. Наши солдаты не могли двигаться дальше. Поэтому мы разместили их в амбарах, как делали всегда, когда хотели сосредоточить их по возможности в одном месте, выставили сильный полевой караул и легли спать. Когда мы выступили на следующее утро, 24-го, мы вполне ясно слышали приближение баварских войск. Самое большее через четверть часа после нашего ухода баварцы вступили в Хильсбах.

За двое суток до того, 22 июня, Мерославский ночевал в Зинсгейме, а когда мы вступили в Хильсбах, он со своими войсками находился уже в Бреттене. Беккер, командовавший арьергардом, тоже уже прошел через Зинсгейм. Поэтому он не мог, как это утверждает г-н Струве, стр. 308, провести в Зинсгейме ночь с 23-го на 24-е, ибо в 8 часов вечера и, вероятно, даже раньше, там стояли баварцы, которые еще накануне вечером дали Мерославскому небольшое сражение. Отступление Мерославского из Вагхёйзеля через Гейдельберг к Бреттену охарактеризовано его участниками как в высшей степени опасный маневр. Операции Мерославского с 20 по 24 июня, быстрая концентрация у Гейдельберга армии, с которой он бросился на пруссаков, и его быстрое отступление после того, как сражение у Вагхёйзеля было проиграно, представляют, конечно, самую блестящую страницу всей его деятельности в Бадене; но что при наличии такого вялого противника этот маневр был не столь уж опасным, явствует из того, что спустя 24 часа мы с небольшим отрядом могли беспрепятственно проделать отступление из Хильсбаха. Даже через Флехингенское ущелье, где Мерославский уже 23-го ожидал нападения, мы прошли беспрепятственно и направились к Бюхигу. Здесь мы рассчитывали остаться, чтобы в случае надобности прикрыть от первого удара лагерь, разбитый Мерославским у Бреттена.

Во время нашего похода, путь которого лежал через Эппинген, Цайзенхаузен и Флехинген, мы повсюду вызывали удивление, так как все отряды неккарской армии, включая и арьергард, уже здесь прошли. Когда мы вступили в Бюхиг и наш горнист затрубил, началась паника среди жителей, которые думали, что это пруссаки. Команда бреттенского гражданского ополчения, занятая реквизицией продовольствия для лагеря Мерославского, приняла нас за пруссаков и обнаружила полное замешательство, пока мы не появились из-за угла и вид наших блуз не внес успокоения в ее ряды. Мы немедленно конфисковали

приготовленное продовольствие и едва успели его съесть, как известие о том, что Мерославский со всеми своими войсками выступает из Бреттена, побудило нас направиться в Бреттен.

В Бреттене мы ночевали под охраной выставленных гражданским ополчением сторожевых постов. Были реквизированы телеги, чтобы на следующее утро перевезти весь отряд в Этлинген. Другого пути для воссоединения с основными силами армии у нас не оставалось, так как Брухзаль был еще 24-го занят пруссаками, и мы не могли бы принять бой в том случае, если бы дорога через Дидельсгейм на Дурлах оказалась занятой неприятелем (как мы позднее узнали, она действительно была занята).

В Бреттене к нам пришла депутация студентов с заявлением, что бесконечные переходы перед лицом неприятеля им не нравятся и что они просят отпустить их. Им, разумеется, ответили, что перед лицом неприятеля никого отпустить нельзя; но если они хотят дезертировать, то это их дело. После этого приблизительно половина роты ушла; оставшиеся продолжали дезертировать поодиночке, так что вскоре остались только одни стрелки. Вообще студенты на протяжении всего похода показали себя вечно недовольными и боязливыми барчуками, которые всегда претендовали на то, чтобы их посвящали во все оперативные планы, жаловались на натертые ноги и ворчали, если поход не представлял всех удовольствий каникулярной экскурсии. Среди этих «представителей интеллигенции» исключение составляли только несколько человек, проявивших действительно революционный характер и замечательное мужество.

Как нам впоследствии сообщили, неприятель вступил в Бреттен через полчаса после нашего ухода. Мы прибыли в Этлинген; там г-н Корвин-Вирзбицкий предложил нам отправиться в Дурлах, где Беккер должен был удерживать неприятеля до тех пор, пока не будет завершена эвакуация Карлсруэ. Виллих послал одного шеволежера с запиской к Беккеру, чтобы узнать, сможет ли тот продержаться еще некоторое время; посланный вернулся через четверть часа с известием, что встретил на дороге войска Беккера, которые уже полностью отступали. Поэтому мы отправились в Раштатт, где концентрировалось все войско.

Дорога в Раштатт представляла картину величайшего беспорядка. Множество самых различных отрядов двигалось походным порядком или пестрой толпой располагалось на стоянку, и мы лишь с трудом смогли собрать своих бойцов в одном месте под палящими лучами солнца, среди общей суматохи. На гласисе крепости Раштатта расположились лагерем пфальцские войска и несколько баденских батальонов. Число пфальцских

войск очень сократилось. Еще до сражения при Убштадте гг. Циц и Бамбергер созвали в Карлсруэ лучший отряд, рейнско-гессенский. Эти храбрые воители за свободу возвестили отряду, что все, дескать, погибло, что превосходство сил неприятеля слишком велико, что все еще могут вернуться домой целыми и невредимыми; что они — парламентский болтун Циц и мужественный Бамбергер — не хотят, чтобы на их совести была невинно пролитая кровь и прочие ужасы, и потому они объявляют отряд распущенным. Бойцы рейнско-гессенского отряда были, разумеется, до того возмущены этим бесчестным предложением, что хотели арестовать и расстрелять обоих предателей; Д'Эстер и пфальцское правительство также распорядились разыскать их и арестовать. Но почтенные граждане уже успели скрыться, и дальнейший ход кампании за имперскую конституцию храбрый Циц наблюдал уже в полной безопасности из Базеля. Как в сентябре 1848 г. со своим «призывом к решительным действиям»[105], так и в мае 1849 г. г-н Циц был в числе тех парламентских хвастунов, которые больше всего побуждали народ к восстанию, и оба раза он занял почетное место среди тех, кто раньше других во время восстания бросал народ на произвол судьбы. И при Кирхгейм-боландене г-н Циц в числе первых обратился в бегство, в то время как его стрелки сражались и гибли под пулями.

Рейнско-гессенский отряд, и без того уже, подобно другим отрядам, очень ослабленный дезертирством, павший духом в связи с отступлением в Баден, сразу потерял всякую выдержку. Часть бойцов рассеялась и разошлась по домам; другая часть была переформирована и сражалась до конца кампании. Остальные пфальцские отряды, находясь под Раштаттом, были деморализованы сообщением, что все, кто вернется домой до 5 июля, получат амнистию. Больше половины людей разбежалось, батальоны таяли, доходя до размера роты, младшие офицеры большей частью разошлись, а остававшиеся еще войска в количестве менее 1200 человек уже почти ни на что не годились. И наш отряд, хотя он отнюдь не поддавался унынию, все же был ослаблен потерями, болезнями, дезертирством студентов и немногим превышал 500 человек.

Мы расположились на постой в Куппенгейме, где уже стояли другие отряды. На следующее утро я отправился с Виллихом в Раштатт, где опять встретил Молля.

Тем жертвам баденского восстания, которые в той или иной мере принадлежали к образованным классам, в прессе, в демократических союзах воздаются всякого рода почести в стихах и прозе. Но никто не поминает ни словом о сотнях и тысячах

рабочих, которые вынесли на себе всю тяжесть боев и пали на полях сражений, о тех, которые заживо сгнили в раштаттских казематах, или о тех, которым теперь за границей, единственным из всех эмигрантов, приходится в изгнании испить до дна горькую чашу нужды. Эксплуатация рабочих — стародавнее и слишком привычное явление, чтобы наши официальные «демократы» могли видеть в рабочих что-нибудь иное, чем легко воспламеняющийся материал, годный лишь на то, чтобы быть объектом агитации и эксплуатации или служить пушечным мясом. Наши «демократы» слишком невежественны и слишком проникнуты буржуазным духом, чтобы постичь революционное положение пролетариата, постичь будущее рабочего класса. Поэтому им ненавистны также те истинно-пролетарские характеры, которые слишком горды для того, чтобы льстить им, слишком проницательны, чтобы дать себя использовать этим «демократам», но которые все же выступают с оружием в руках каждый раз, когда дело идет о свержении существующей власти, и которые во всяком революционном движении непосредственно представляют партию пролетариата. Но если так называемые демократы не заинтересованы в том, чтобы оценивать по достоинству таких рабочих, то долг партии пролетариата — воздать им по заслугам. И к лучшим из этих рабочих принадлежал *Иосиф Молль из Кёльна.*

Молль был по профессии часовщик. Много лет тому назад он покинул Германию и принимал участие во всех открытых и тайных революционных обществах во Франции, Бельгии и Англии. Он принимал участие в основании Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне в 1840 году[106]. После февральской революции он вернулся в Германию и вскоре вместе со своим другом Шаппером принял на себя руководство Кёльнским рабочим союзом[107]. Эмигрировав в Лондон после кёльнских сентябрьских событий 1848 г.[108], он вскоре вернулся в Германию под чужой фамилией, вел агитационную работу в самых различных местностях и принимал на себя выполнение миссий, которые отпугивали всех других своим опасным характером. Я снова встретил его в Кайзерслаутерне. И здесь он взялся за выполнение таких поручений в Пруссии, которые подвели бы его прямо под расстрел, если бы он был узнан. Возвращаясь из своей второй поездки такого рода, он благополучно пробрался через расположение всех неприятельских армий до самого Раштатта, где немедленно вступил в наш отряд, в безансонскую рабочую роту. Спустя три дня он был убит. Я потерял в нем старого друга, а партия — одного из своих самых неутомимых, бесстрашных и надежных передовых бойцов.

Партия пролетариата была довольно сильно представлена в баденско-пфальцской армии, особенно в добровольческих отрядах, например, в нашем отряде, в эмигрантском легионе и т. д.; она может смело бросить вызов всем другим партиям: ни одна из них не сможет сделать даже малейшего упрека кому-либо из ее членов. Самые решительные коммунисты были и самыми смелыми солдатами.

На следующий день, 27-го, наш отряд переместили несколько дальше в горы, по направлению к Ротенфельсу. Расчленение армии на различные войсковые соединения и их дислокация постепенно определились. Мы принадлежали к дивизии правого фланга, находившейся под командой полковника Томе, того самого, который хотел арестовать Мерославского в Меккесгейме[109] и которого по наивности оставили на этом посту; с 27-го дивизией стал командовать Мерзи. Виллих, отклонивший предложенный ему Зигелем пост командующего пфальцскими войсками, исполнял обязанности начальника штаба дивизии. Линия расположения дивизии начиналась у Гернсбаха и вюртембергской границы и кончалась по ту сторону Ротенфельса; слева она опиралась на дивизию Оборского, сконцентрированную вокруг Куппенгейма. Авангард был продвинут к самой границе, а также к Зульцбаху, Михельбаху и Винкелю. Снабжение, вначале нерегулярное и плохое, улучшилось после 27-го. Наша дивизия состояла из нескольких баденских линейных батальонов, остатка пфальцских войск под командой героя Бленкера, нашего отряда и одной или полутора батарей артиллерии. Пфальцские войска расположились в Гернсбахе и окрестностях, линейные войска и наш отряд — в Ротенфельсе и вокруг него. Главная квартира помещалась в гостинице, расположенной в Элизабетенквелле, против Ротенфельса.

В этой гостинице мы — штаб дивизии и штаб нашего отряда, а также Молль, Кинкель и другие волонтеры, — сидели 28-го за столом и пили кофе, когда пришло известие, что наш авангард у Михельбаха подвергся нападению пруссаков. Мы сейчас же выступили, хотя имели все основания предполагать, что неприятель намеревался лишь произвести рекогносцировку. Так и оказалось на деле. Занятая на короткое время пруссаками деревня Михельбах, расположенная в долине, была уже снова отнята у них к моменту нашего прибытия. Перестрелка велась с обоих горных склонов через долину, причем было без пользы расстреляно много боевых припасов. Я видел только одного убитого и одного раненого. В то время как линейные войска бесцельно расстреливали свои патроны на расстоянии 600—800 шагов, наши бойцы по распоряжению Виллиха самым спокойным образом

составили ружья и отдыхали в ближайшем соседстве с мнимыми бойцами и под мнимым огнем. Только стрелки спустились по лесистому склону и при поддержке части бойцов линейных батальонов прогнали пруссаков с противоположного склона. Один из наших стрелков выстрелил из своего колоссального мушкета, похожего на настоящую переносную пушку, и на расстоянии приблизительно 900 шагов свалил с лошади прусского офицера, вся рота которого немедленно повернула обратно и скрылась в лесу. В наши руки попало несколько убитых и раненых пруссаков, а также двое пленных.

На следующий день началось общее наступление по всей линии. На этот раз господа пруссаки не дали нам пообедать. Первое нападение, о котором нам сообщили, было совершено на Бишвейер, место стыка дивизии Оборского с нашей. Виллих настаивал на том, чтобы держать наши войска у Ротенфельса по возможности в резерве, так как главного удара следовало ожидать, во всяком случае, в противоположном направлении, у Гернсбаха. Но Мерзи возразил: известно, как это обычно бывает, — если один из наших батальонов подвергается нападению, а остальные не бегут ему немедленно на помощь всей толпой, то поднимается крик об измене и все обращаются в бегство. Итак, мы двинулись по направлению к Бишвейеру.

Виллих и я отправились с ротой стрелков по дороге к Бишвейеру по правому берегу Мурга. На расстоянии получаса от Ротенфельса мы натолкнулись на неприятеля. Стрелки рассыпались цепью, а Виллих поскакал обратно, чтобы придвинуть к передовой линии отряд, остававшийся несколько позади. Наши стрелки, под прикрытием фруктовых деревьев и виноградников, некоторое время выдерживали весьма интенсивный огонь, на который они также интенсивно отвечали. Но когда сильная неприятельская колонна продвинулась вперед по дороге, чтобы поддержать своих стрелков, наши стрелки левого фланга подались назад, и никакими уговорами нельзя было удержать их на месте. Правый же фланг продвигался дальше в горы и позже слился с нашим отрядом.

Увидя, что со стрелками ничего не поделаешь, я предоставил их собственной судьбе и направился к горам, где виднелись знамена нашего отряда. Одна рота отстала; ее командир, портной, вообще говоря, храбрый парень, не знал, что предпринять. Я присоединил его бойцов к остальным и встретил Виллиха в тот момент, когда он только что выслал безансонскую роту стрелковой цепью, а позади расположил в виде двух боевых линий всех остальных, включая роту, посланную по направлению к горам для прикрытия правого фланга.

Наша стрелковая цепь была встречена сильным огнем. Это были прусские стрелки, с которыми предстояло сразиться; их ружьям о коническими пулями наши рабочие могли противопоставить только мушкеты. Но, поддержанные присоединившимся к ним правым флангом наших стрелков, они так решительно пошли в наступление, что близость расстояния, особенно на правом фланге, очень скоро уравновесила плохое качество оружия, и пруссаки были отброшены. Обе боевые линии продолжали держаться почти непосредственно позади стрелковой цепи. К этому времени налево от нас, в долину Мурга, подвезли два баденских орудия, которые открыли огонь по прусской пехоте и артиллерии, стоявшей на дороге.

Около часа длилось сражение при оживленном ружейном огне и при непрерывном отступлении пруссаков; некоторые из наших стрелков уже дошли до Бишвейера, когда пруссаки получили подкрепление и послали свои батальоны вперед. Наша стрелковая цепь подалась назад; первая боевая линия открыла стрельбу повзводно, а вторая отошла несколько влево в лощину и тоже открыла огонь. Но пруссаки наступали плотными рядами но всей линии; оба баденских орудия, прикрывавшие наш левый фланг, уже отъехали назад, на правом фланге пруссаки уже спускались с гор, и мы вынуждены были отступить.

Как только мы вышли из-под неприятельского перекрестного огня, мы заняли новую позицию на склоне горы. Если раньше наш фронт был обращен к рейнской равнине, к Бишвейеру и Нидервейеру, то теперь он был обращен к горам, занятым пруссаками со стороны Обервейера. Теперь, наконец, на линию огня прибыли также линейные батальоны, которые вступили в бой вместе с двумя ротами нашего отряда, снова посланными вперед стрелковой цепью.

Мы понесли большие потери. Мы не досчитывали около 30 человек, в том числе Кинкеля и Молля, не считая рассеявшихся в разные стороны стрелков. Кинкель и Молль продвинулись слишком далеко вперед вместе с правым флангом своей роты и несколькими стрелками. Командир стрелков, старший лесничий Эммерман из Тронеккена, в Рейнской Пруссии, который шел в бой против пруссаков, как будто это была охота на зайцев, привел стрелков в такое место, откуда они обстреляли обоз прусской артиллерии, принудив его к поспешному отступлению. Однако в тот же момент из лощины вышла рота пруссаков и открыла стрельбу по нашим. Кинкель упал, раненный в голову, и его пришлось нести на руках, пока он снова не был в состоянии самостоятельно передвигаться; но очень скоро они все попали под перекрестный огонь, из которого надо было как-то выби-

раться. Кинкель не мог идти вместе со всеми и зашел в какой-то крестьянский дом, где пруссаки взяли его в плен и избили; Молль получил пулю в живот, тоже был взят в плен и вскоре скончался от раны. Цыхлинский также был ранен — рикошетной пулей в шею, что, однако, не помешало ему оставаться в отряде.

Пока основная масса войск оставалась стоять на месте, а Виллих поскакал в другой конец поля сражения, я поспешил к мосту через Мург в нижней части Ротенфельса, служившему чем-то вроде сборного пункта. Я хотел получить сведения из Гернсбаха. Но еще не дойдя до моста, я увидел клубы дыма над охваченным пламенем Гернсбахом, а на самом мосту я узнал, что люди здесь слышали доносившийся оттуда грохот канонады. После этого я еще несколько раз возвращался к мосту; с каждым разом вести из Гернсбаха становились все хуже; с каждым разом за мостом собиралось все больше баденских линейных войск, которые, едва побывав в огне, были уже деморализованы. Наконец, я узнал, что неприятель уже находится в Гаггенау. Теперь было самое время выступить ему навстречу в этом направлении. Виллих с отрядом переправился через Мург, чтобы занять позицию против Ротенфельса, и еще захватил с собой четыре орудия, которые как раз попались ему навстречу. Я отправился за теми нашими двумя ротами, которые продвигались стрелковой цепью и к этому времени уже ушли далеко вперед. Навстречу мне повсюду двигались линейные войска, большей частью без офицеров. Одним из отрядов командовал врач, который воспользовался случаем, чтобы представиться мне следующим образом: «Вы меня, конечно, знаете, я Нёйхаус, глава тюрингенского движения!» Эти милейшие люди повсюду поразбивали пруссаков и теперь возвращались обратно, так как нигде уже не видели неприятеля. Я не мог найти наших рот — они по той же причине ушли обратно через Ротенфельс — и опять направился к мосту. Здесь я встретил Мерзи с его штабом и войсками. Я попросил его дать мне, по крайней мере, две-три роты для поддержки Виллиха. «Берите хоть всю дивизию, если только вы справитесь с этими людьми», — последовал ответ. Те самые солдаты, которые повсюду отбили врага и пробыли на ногах всего лишь пять часов, лежали теперь на траве, дезорганизованные, деморализованные, ни к чему не пригодные; известие о том, что враг их обошел в Гернсбахе, оказало на них убийственное действие. Я отправился своей дорогой. Возвращавшаяся из Михельбаха и встреченная мной рота тоже никуда не годилась. К тому времени, когда я снова попал в свой отряд на старой главной квартире, туда нахлынули из Гаггенау пфальцские беглецы,

Пистоль-Цинн со своей вольницей, вооруженной теперь мушкетами. Пока Виллих после долгих поисков выбрал для орудий позицию, которая господствовала бы над долиной Мурга и позволяла бы со значительными преимуществами вести одновременно ружейную стрельбу, артиллеристы с пушками проскочили мимо, и ротный командир не смог их удержать. Они уже опять были у Мерзи на мосту. В это самое время Виллих показал мне записку от Мерзи, в которой тот сообщал, что все потеряно и что он будет отступать по направлению к Осу. Нам не оставалось ничего другого, как сделать то же самое, и мы немедленно направились в горы. Было около семи часов.

У Гернсбаха дело произошло следующим образом. Имперские войска Пёйкера, замеченные еще накануне нашими патрулями у Херренальба на территории Вюртемберга, вместе с отрядом выставленных на границе вюртембергских солдат, 29-го после полудня напали на Гернсбах, предварительно заставив отступить при помощи предательской проделки наши сторожевые посты: они издали кричали, чтобы в них не стреляли, что они — братья, а затем, приблизившись на расстояние восьмидесяти шагов, дали залп. После этого они обстреляли гранатами и подожгли Гернсбах, и, когда уже не было никакой возможности бороться с огнем, г-н Зигель, посланный туда Мерославским, чтобы любой ценой *удержать* позицию, *сам* отдал приказ г-ну Бленкеру и его войскам отступать с боем. Г-н Зигель не станет отрицать этого факта, как он не отрицал его в Берне, когда один из адъютантов г-на Бленкера рассказал об этом курьезном случае в присутствии его, г-на Зигеля, и Виллиха. В результате этого приказа — оставить «с боем»(!) ключевой пункт всей диспозиции войск на Мурге — сражение было, разумеется, проиграно по всей линии, и последняя позиция баденской армии была потеряна.

Пруссаки, однако, не стяжали себе особой славы, выиграв сражение при Раштатте. У нас было 13000 солдат, большей частью деморализованных и, за немногими исключениями, находившихся под очень плохим командованием; их армия вместе с имперскими войсками, наступавшими на Гернсбах, насчитывала по меньшей мере 60000 человек. Несмотря на это колоссальное превосходство сил, они ни разу не решились на серьезную лобовую атаку, а разбили нас при помощи трусливого предательства, нарушив нейтралитет закрытой для нас территории Вюртемберга. И даже это предательство не принесло бы им особой пользы, по крайней мере на первых порах, оно не избавило бы их все же в конце концов от необходимости решительной лобовой атаки, если бы Гернсбах не был так непостижимо плохо

обеспечен защитниками и если бы г-н Зигель не издал упомянутого выше поучительного приказа. Нет сомнения, что наша позиция, которую отнюдь нельзя было считать неприступной, была бы на следующий день у нас отнята; но эта победа стоила бы пруссакам несравненно больших жертв и сильно повредила бы их военной репутации. И именно поэтому они предпочли нарушить нейтралитет Вюртемберга, а Вюртемберг спокойно допустил это нарушение.

Наш отряд в составе не более 450 человек отступил через горы по направлению к Осу. Здесь дорога была запружена войсками, находившимися в состоянии полной дезорганизации, повозками, орудиями и т. п.; все было в величайшем беспорядке. Мы прошли дальше и остановились на отдых в Зинцгейме. На следующее утро мы собрали за Бюлем некоторое число беглецов и переночевали в Оберахерне. В этот день произошло последнее сражение; немецко-польский легион вместе с некоторыми другими отрядами из дивизии Беккера отбросили имперские войска при Осе и захватили у них гаубицу (мекленбургскую), благополучно перевезенную потом в Швейцарию.

Армия была совершенно дезорганизована. Мерославский и остальные поляки сложили с себя командование; полковник Оборский еще на поле сражения, вечером 29 июня, покинул свой пост. Однако эта временная дезорганизация не имела сама по себе решающего значения. Пфальцские войска уже три или четыре раза совершенно распадались и каждый раз вновь формировались tant bien que mal. Возможно более медленное отступление и пополнение за счет всех наборов в местностях, которые приходилось оставлять неприятелю, и быстрая концентрация контингентов, набранных в Верхнем Бадене у Фрейбурга и Донауэшингена, — вот две меры, которые еще можно было попытаться осуществить. Они позволили бы в короткий срок хоть в какой-то степени восстановить порядок и дисциплину и дать последний, безнадежный, но почетный бой у Кайзерштуля перед Фрейбургом или у Донауэшингена. Но руководители как гражданского, так и военного управления были еще более деморализованы, чем солдаты. Они бросили армию и все движение на произвол судьбы и отступали все дальше, разбитые, беспомощные, подавленные.

После нападения на Гернсбах боязнь быть обойденными со стороны территории Вюртемберга охватила всех, и это очень способствовало всеобщей деморализации. Отряд Виллиха с двумя горными гаубицами — остальные приданные нам орудия не пошли дальше Каппеля — отправился по Каппельской долине в горы для прикрытия со стороны вюртембергской

границы. Наш переход через Шварцвальд, во время которого мы ни разу не встретили врага, был просто приятной экскурсией. 1 июля мы пришли в Оппенау через Аллерхейлиген, а 2-го в Вольфах — мимо вершины Хундскопф. Здесь мы 3 июля узнали, что правительство находится во Фрейбурге и что есть намерение сдать и этот город. Это побудило нас немедленно отправиться туда. Мы хотели заставить господ членов временного правительства и верховное командование, которое возглавлял теперь герой Зигель, не отдавать Фрейбурга без боя. Мы выступили из Вольфаха с опозданием и лишь поздно вечером пришли в Вальдкирх. Здесь мы узнали, что Фрейбург уже сдан, а местопребывание правительства и главная квартира перенесены в Донауэшинген. Одновременно мы получили прямой приказ занять Симонсвальдскую долину, укрепиться в ней и расположить наш штаб в Фуртвангене. Ввиду этого нам пришлось вернуться обратно в Блейбах.

Г-н Зигель расположил теперь свои войска за хребтом шварцвальдских гор. Оборонительная линия должна была идти от Лёрраха через Тодтнау и Фуртванген к вюртембергской границе, по направлению на Шрамберг. На левом фланге были Мерзи и Бленкер, направлявшиеся по Рейнской долине к Лёрраху; далее г-н Долль, бывший коммивояжер, который в качестве генерала армии Геккера был назначен командиром дивизии и стоял в районе Хёллен-таля; далее наш отряд, расположенный в Фуртвангене и Симонсвальдской долине, и, наконец, на правом фланге — Беккер у Санкт-Георгена и Триберга. Г-н Зигель стоял с резервом за горным хребтом, у Донауэшингена. Боевые силы, значительно ослабленные дезертирством и не пополняемые новыми наборами, все-таки насчитывали около 9 000 человек с 40 пушками.

Приказы, приходившие один за другим из главной квартиры, из Фрейбурга, Нёйштадта на Вутахе и Донауэшингена, были проникнуты самым решительным презрением к смерти. Правда, ожидали, что враг опять нападет на нас с тыла, из Вюртемберга через Ротвейль и Филлинген; но было твердое решение — разбить его и при всех обстоятельствах удержать шварцвальдские горы, «почти не принимая во внимание, — как говорилось в одном из этих приказов, — все передвижения неприятеля»; это следовало понимать так, что г-н Зигель обеспечил себе возможность за 4 часа отступить — покрыв себя славой — из Донауэшингена на швейцарскую территорию, после чего он мог совершенно спокойно выжидать в Шафхаузене, что станет с нами, окруженными в горах. Скоро мы увидим, к какому веселому концу привело это презрение к смерти.

4-го мы прибыли в Фуртванген с двумя ротами (160 человек), остальная часть отряда должна была занять Симонсвальдскую долину и горные проходы Гютенбаха и Санкт-Мергена. В Санкт-Мергене мы соприкасались с отрядом Долля, в Шёнвальде — с отрядом Беккера. Все проходы через горы были забаррикадированы. —5-го мы оставались в Фуртвангене. 6-го от Беккера пришло известие о наступлении пруссаков на Филлинген[110]; одновременно нам было предложено напасть на них у Фёренбаха, чтобы поддержать операцию Зигеля. Вместе с тем Беккер сообщал нам, что его главный отряд хорошо укрепился в Триберге, куда он сам направится, как только Зигель займет Филлинген.

О нападении с нашей стороны нечего было и думать. С отрядом, не насчитывавшим и 450 человек, мы должны были занимать три квадратных мили и, следовательно, не могли отдать ни одного человека. Мы должны были оставаться на месте и известили об этом Беккера. Вскоре после этого из главной квартиры пришла депеша о том, что Виллих должен немедленно отправиться в Донауэшинген и принять на себя командование всей артиллерией. Мы уже готовились немедленно туда выехать, когда в Фуртванген вступила колонна народного ополчения, а за ней — артиллерия и несколько других батальонов народного ополчения. Это прибыл Беккер со своим отрядом. Говорили, что его бойцами овладело мятежное настроение. Я справился у одного приятеля, штабного офицера, «майора» Нерлингера, и узнал следующее. Он, Нерлингер, командовал позицией при Триберге и только что отдал приказ возводить укрепление, когда офицеры передали ему подписанное всеми ими заявление следующего содержания: люди мятежно настроены и если не будет немедленно отдан приказ об отходе, то они, дескать, офицеры, уйдут вместе со всеми войсками. Я посмотрел на подписи: это опять был храбрый батальон Дреер-Обермюллера! Нерлингеру ничего не оставалось делать, как известить об этом Беккера и направиться в Фуртванген. Беккер немедленно выступил, чтобы нагнать их, и, таким образом, он прибыл со всеми своими войсками в Фуртванген, где наши волонтеры встретили этих трусливых офицеров и солдат градом насмешек. Те были пристыжены, и к вечеру Беккеру удалось снова отвести их на их прежние позиции.

Мы тем временем отправились в Донауэшинген, сопровождаемые безансонской ротой. Пруссаки рыскали, доходя до самого шоссе; Филлинген был ими занят. Мы все же прошли без боя, а к 10 часам вечера подошли также безансонцы. В Донауэшингене я нашел Д'Эстера и узнал от него, что г-н Струве в учредительном собрании во Фрейбурге[111] требовал, чтобы немедленно переехали в Швейцарию, так как все-де потеряно,

и что герой Бленкер последовал этому совету и сегодня утром уже перешел у Базеля на швейцарскую территорию. Оба сообщения полностью подтвердились. Герой Бленкер действительно отправился 6 июля в Базель, хотя он и стоял как раз дальше всех от неприятеля. Он задержался ровно на столько, сколько было нужно, чтобы под конец провести ряд своеобразных реквизиций, которые привели к некоторым неприятным недоразумениям между ним и г-ном Зигелем, а впоследствии — и с швейцарскими властями. А герой Струве, тот самый, который еще 29 июня клеймил как изменника народу г-на Брентано и каждого, кто желал вступить в переговоры с врагом, три дня спустя, 2 июля, так пал духом, что не постыдился на закрытом заседании баденского учредительного собрания внести следующее предложение:

«для того, чтобы население Верхнего Бадена не испытало ужасов войны, подобно населению Нижнего Бадена, чтобы больше не проливалась драгоценная кровь и так как необходимо спасти то, что еще может быть спасено (!), — оплатить членам баденского собрания и всем участникам революции их содержание или жалованье до 10 июля, а также соответствующие путевые расходы, и всем отступить на швейцарскую территорию с кассами, запасами, оружием и прочим!»

Это замечательное предложение храбрый Струве сделал 2 июля, когда мы стояли в Вольфахе, в горах Шварцвальда, на расстоянии 10 часов от Фрейбурга и 20 часов от швейцарской границы! Г-н Струве настолько наивен, что в своей «Истории», стр. 237 и сл., сам рассказывает об этом эпизоде и еще хвастается им. Принятие подобного предложения могло иметь только одно последствие, а именно: пруссаки начали бы возможно сильнее теснить нас для того, чтобы «спасти то, что еще могло быть спасено», а именно, чтобы отнять у нас кассы, орудия и запасы, так как после указанного решения такое энергичное преследование было бы вполне безопасным; далее, все наши войска немедленно и в подавляющем большинстве рассеялись бы и целые отряды стали бы самочинно переходить в Швейцарию, как это в действительности и произошло. Наш отряд очутился бы при этом в наихудшем положении; он находился на баденской территории до 12-го, а жалованье было ему выплачено до 17-го.

Г-н Зигель, вместо того чтобы отбить у неприятеля Филлинген, сперва решил занять позицию у Хюфингена за Донауэшингеном и подождать врага. Но еще в тот же вечер было решено перейти в Штюлинген, около самой швейцарской границы. Мы спешно послали верховых курьеров в Фуртванген, чтобы предупредить наш отряд и отряд Беккера. Оба эти отряда тоже

должны были идти в Штюлинген через Нёйштадт и Бондорф. Виллих отправился в Нёйштадт навстречу отряду, я остался при безансонской роте. Мы переночевали в Ридбёрингене и на следующий день, 7 июля, после полудня, прибыли в Штюлинген. 8-го г-н Зигель произвел смотр своей наполовину уже разбежавшейся армии, отдал ей приказ впредь больше не ехать, а идти походным маршем (на границу!), и уехал. Нам он оставил половину батареи и приказ на имя Виллиха.

Тем временем из Фуртвангена было послано извещение об общем отступлении, сперва Беккеру, а затем нашим расположенным впереди ротам. Наш отряд первым собрался в Фуртвангене и в Нёйштадте встретил Виллиха. Беккер, стоявший ближе к Фуртвангену, чем наш выдвинутый вперед отряд, тем не менее прибыл туда лишь позже и проследовал тем же путем. Он наткнулся на укрепления, задержавшие его продвижение; впоследствии швейцарские газеты утверждали, будто эти укрепления были возведены нашим отрядом. Это неверно; наш отряд забаррикадировал дороги только по ту сторону Шварцвальдского хребта, а отнюдь не дорогу из Триберга в Фуртванген, которую он даже не занимал. Кроме того, наши волонтеры выступили из Фуртвангена только тогда, когда авангард Беккера уже вступил в этот городок.

В Донауэшингене было решено, что обломки всей армии соберутся за рекой Вутах, между Эггингеном и Тингеном, и там будут ждать приближения врага. Здесь, опираясь флангами на швейцарскую территорию, мы при помощи нашей значительно» артиллерии могли еще решиться на последнее сражение. Можно было даже подождать, не вторгнутся ли пруссаки на швейцарскую территорию и не втянут ли тем самым Швейцарию в войну. Но каково было наше изумление, когда по прибытии Виллиха мы прочли в приказе храброго Зигеля следующее: «Основная масса войск отправляется в Тинген и в Вальдсхут и занимают там сильную позицию (!!). Постарайтесь возможно дольше удержать позицию (у Штюлингена и Эггингена)». — «Сильная позиция» у Тингона и Вальдсхута, имея в тылу Рейн, а с фронта доступные неприятелю высоты! Это могло означать только одно: мы намерены перейти в Швейцарию через Зеккингенский мост. Но разве этот герой Зигель не сказал по поводу предложения Струве: если это предложение будет принято, он, Зигель, первый поднимет мятеж.

Мы заняли позицию непосредственно за Вутахом и расставили наши войска от Эггингена до Вутёшингена, где находился наш штаб. Здесь мы получили следующий, еще более поучительный документ от г-на Зигеля:

«Приказ. Главная квартира в Тингене. 8 июля 1849 года. — Полковнику Виллиху в Эггинген. Так как кантон Шафхаузен уже теперь выступает против меня враждебным образом, то я лишен возможности занять позицию, о которой мы условились. Сообразуй с этим движения своего отряда и направляйся на Гриссен, Лаухринген и Тинген. Я выступаю отсюда завтра, чтобы направиться либо в Вальдсхут, либо за реку Альб (т. е. в Зеккинген)... Главнокомандующий Зигель».

Это уж было слишком! Вечером Виллих и я съездили в Тинген, где «генерал-квартирмейстер» Шлинке признался нам, что на самом деле решено идти на Зеккинген, а там — через Рейн. Зигель сначала настаивал на своих правах «главнокомандующего», но на Виллиха это не подействовало, и он, в конце концов, добился того, что Зигель отдал приказ повернуть обратно и идти на Гриссен. В качестве предлога для движения на Зеккинген выдвигалась необходимость идти на соединение с Доллем, который якобы тоже двигался туда, а также — наличие там якобы сильной позиции. Эта позиция, очевидно та самая, которую занимал Моро в начале данного им в 1800 г. сражения, имела только то неудобство, что она была обращена фронтом совсем не в ту сторону, откуда к *нам* приближался враг; а что касается благородного Долля, то он не замедлил показать, что способен переправиться в Швейцарию и без помощи г-на Зигеля.

Между Цюрихским и Шафхаузенским кантонами лежит маленький клочок баденской территории, с населенными пунктами Ештеттен и Лотштеттен, который со всех сторон окружен швейцарской территорией и имеет только узкий проход у Бальтерсвейля. Здесь должна была быть занята последняя позиция. Высоты за Бальтерсвейлем по обе стороны дороги представляли отличные позиции для наших орудий, а наша пехота была еще достаточно многочисленна для того, чтобы прикрывать их, пока они не достигнут, в случае необходимости, швейцарской территории. Было условлено, что мы здесь переждем, пока выяснится, будут ли пруссаки на нас наступать или же захотят взять нас измором. Основная масса войска, к которой присоединился и Беккер, разбила здесь лагерь. Виллих выбрал позицию для орудий (впоследствии на том месте, где должна была находиться их боевая позиция, мы нашли их парк). Мы сами образовали арьергард и медленно следовали за армией. 9-го вечером мы отправились в Эрцинген, 10-го — в Ридерн. В этот день в лагере происходил общий военный совет. Один только Виллих высказывался за дальнейшую оборону, Зигель, Беккер и другие — за отступление на швейцарскую территорию. Тут же присутствовал швейцарский комиссар, кажется полковник Курц, заявивший, что, если будет дано еще сражение, Швейцария не предоставит убежища. При голосовании Виллих

с двумя-тремя офицерами остался в меньшинстве. Из нашего отряда не присутствовал никто, кроме него.

Когда Виллих еще был в лагере, приданная нам половина батареи получила приказ отступить и удалилась без малейшего предупреждения. Все другие отряды, кроме нас, тоже получили приказ явиться в лагерь. Ночью я вторично поехал с Виллихом в главную квартиру в Лотштеттен; когда мы на рассвете возвращались назад, мы встретили на дороге всю армейскую массу, которая снялась с места и в диком беспорядке лавиной катилась к границе. В тот же день, 11-го, рано утром г-н Зигель со своими людьми перешел на швейцарскую территорию у Рафца, а г-н Беккер со своими — у Рейнау. Мы сконцентрировали наш отряд, отправились в лагерь и оттуда в Ештеттен. Здесь около полудня мы получили через вестового офицера письмо от Зигеля из Эглизау с извещением, что он уже благополучно находится в Швейцарии, что офицерам разрешено сохранить саблю и что мы должны возможно скорее прибыть туда. О нас вспомнили только тогда, когда уже оказались на нейтральной территории!

Мы отправились через Лотштеттен к самой границе, расположились для ночевки еще на немецкой территории, а 12-го утром разрядили ружья и последними из баденско-пфальцской армии вступили на швейцарскую территорию. В тот же день в одно время с нами другой отряд, стоявший в Констанце, покинул этот город. Через неделю в результате предательства пал Раштатт, и контрреволюция на время опять завладела всей Германией вплоть до ее самых отдаленных уголков.

* * *

Кампания за имперскую конституцию потерпела поражение из-за своей собственной половинчатости и внутренней слабости. С момента июньского поражения 1848 г. для цивилизованной части европейского континента вопрос стоит так: либо господство революционного пролетариата, либо господство тех классов, которые господствовали до февраля. Среднее решение уже невозможно. Особенно в Германии буржуазия обнаружила свою неспособность к политическому господству; в борьбе с народом она могла удержать свое господство только благодаря тому, что снова пошла на уступки дворянству и бюрократии. Имперская конституция представляла собой попытку мелкой буржуазии, в союзе с немецкой идеологией, осуществить неосуществимое соглашение, призванное отсрочить решающую борьбу. Эта попытка была обречена на крушение: кто принимал всерьез

движение, не относился серьезно к имперской конституции, а кто принимал всерьез имперскую конституцию, не относился серьезно к движению.

И тем не менее, кампания за имперскую конституцию имела значительные результаты. Прежде всего, она упростила обстановку. Она положила конец бесчисленным попыткам компромисса; после ее крушения победить может только либо феодально-бюрократическая монархия, слегка подкрашенная конституционализмом, либо подлинная революция. А революция может теперь закончиться в Германии не раньше, чем будет установлено полное господство пролетариата.

Далее, кампания за имперскую конституцию значительно содействовала развитию классовых противоречий в тех немецких землях, где они не были еще резко выражены. Особенно это относится к Бадену. В Бадене, как мы видели, до восстания не было почти никаких классовых противоречий. Отсюда — признанное верховенство мелкой буржуазии над всеми оппозиционными классами, отсюда — кажущееся единодушие населения, отсюда — та стремительность, с которой баденцы, так же как и венцы, перешли от оппозиции к инсуррекции, пытались при каждой возможности устроить восстание и не боялись даже борьбы в открытом поле с регулярными войсками. Но как только восстание вспыхнуло, классы отчетливо определились и мелкие буржуа отделились от рабочих и крестьян. В лицо своего представителя Брентано мелкие буржуа оскандалились на вечные времена. Господство прусской военщины довело их самих до такого отчаяния, что в настоящее время они предпочитают теперешнему гнету любой режим, даже установленный рабочими; в ближайшем движении они примут гораздо более деятельное участие, чем во всех предшествовавших; но, к счастью, они никогда уже не смогут играть самостоятельную, господствующую роль, как при диктатуре Брентано. Рабочие и крестьяне, которые не менее мелкой буржуазии страдают от теперешнего господства военщины, недаром проделали опыт последнего восстания; они, которые, помимо всего прочего, должны отомстить за своих павших и убитых братьев, позаботятся уж о том, чтобы при ближайшем восстании руководящая роль досталась *им,* а не мелким буржуа. И хотя никакой опыт восстания не может заменить классового развития, которое достигается только в ходе долголетнего существования крупной промышленности, все же Баден благодаря своему последнему восстанию и его результатам вступил в число *тех* германских провинций, которые займут одно из наиболее важных мест н предстоящей революции.

С политической точки зрения кампания за имперскую конституцию была заранее обречена на неудачу. С военной точки зрения она также была обречена на неудачу. Единственный шанс ее успеха был вне Германии, он заключался в победе республиканцев в Париже 13 июня, — а движение 13 июня потерпело поражение. После этого события кампания могла представлять собой только более или менее кровавый фарс, не более того. Она и но была ничем иным. Глупость и предательство довершили ее поражение. За исключением немногих лиц, военачальники были предателями или бездарными, невежественными и трусливыми карьеристами, а те немногие, которые являлись исключением, не получали никакой поддержки со стороны остальных, например со стороны правительства Брентано. Тот, кто — при предстоящем революционном потрясении — не сможет сослаться на другие свои заслуги, кроме того, что он был генералом у Геккера или офицером в кампании за имперскую конституцию, тому справедливо следует немедленно указать на дверь. Это относится и к командирам и к солдатам. В баденском народе имеются превосходные военные элементы, но с самого начала восстания их так плохо использовали, ими так пренебрегали, что создалось то плачевное положение, которое мы подробно обрисовали. Вся «революция» превратилась в настоящую комедию, и единственным утешением при этом было то, что в шесть раз более многочисленный противник сам имел еще в шесть раз меньше храбрости.

Но эта комедия имела трагический конец из-за кровожадности контрреволюции. Те самые воины, которых в походе или на поле сражения не раз охватывал панический страх, умерли как герои в темницах Раштаттской крепости. Ни один из них не молил о пощаде, ни один не дрогнул. Немецкий пapoд не забудет расстрелов и казематов Раштатта; он не забудет ни тех властителей, от которых исходили эти позорные приказы, ни тех предателей, которые своей трусостью привели к этому: всех Брентано из Карлсруэ и из *Франкфурта.*

———

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИИ ИЗ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG. POLITISCH-OKONOMISCHE REVUE» № 2 [112]

Г. ФР. ДАУМЕР. «РЕЛИГИЯ НОВОГО ВЕКА. ОПЫТ КОМБИНАТОРНО-АФОРИСТИЧЕСКОГО ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ». 2 тома, ГАМБУРГ, 1850*

«Один в общем очень свободомыслящий господин из *Нюрнберга,* который отнюдь не был глух к новому, страшно ненавидел происки демократов. Он был поклонником Ронге и повесил его портрет в своей комнате. Но услыхав, что Ронге на стороне демократов, он перевесил его изображению в клозет. Он как-то сказал: о, если бы мы жили под властью русского кнута, каким бы счастливым я себя чувствовал! Он умер во время волнений, и я полагаю, что хотя он и был стар, его свели в могилу только печаль и огорчения по поводу того, что творилось» (т. II, стр. 321—322).

Если бы этот достойный сожаления нюрнбергский филистер, вместо того чтобы умереть, занялся компилированием отрывков и изречений, почерпнутых из «Korrespondent von und fur Deutschland»[113], из Шиллера и Гёте, из старых школьных учебников и дешевых новинок из библиотек для чтения, то он избавил бы себя от смерти, а г-на Даумера от тяжелого труда по составлению комбинаторно-афористического основоположения в двух частях[114]. Правда, нам в этом случае не представился бы поучительный повод познакомиться с религией нового века и заодно с ее первым великомучеником.

Творение г-на Даумера делится на две части: «предварительную» и «основную». В предварительной части верный Эккарт[115] немецкой философии высказывает свое глубокое огорчение по поводу того, что за последние два года даже мыслящие и образованные немцы были сбиты с пути истинного и отказались от драгоценных завоеваний мысли ради чисто «внешней» революционной деятельности. Он считает теперешний момент подходя-

* G. Fr. Daumer. «Die Religion des neuenWeltalters. Versuch einer combinatorisch-aphoristischen Grundlegung», 2 B-de, Hamburg, 1850. *Ред.*

щим для того, чтобы снова апеллировать к лучшим чувствам нации; он показывает, к чему приводит столь легкомысленный отказ от всей немецкой культуры, благодаря которой немецкий гражданин только и представляет собой что-то. Он воспроизводит все содержание немецкой культуры в самых энергичных афоризмах, какие только могут найтись в скудной сокровищнице его начитанности, и компрометирует тем самым немецкую культуру не в меньшей мере, чем немецкую философию. Его антология возвышеннейших продуктов немецкого духа своей плоскостью и тривиальностью превосходит даже ординарнейшие книги для чтения, предназначенные барышням из образованных сословий. Начиная с филистерских выпадов Гёте и Шиллера против первой французской революции, с классической фразы: «опасно будить льва»[116], и кончая новейшей литературой, первосвященник новой религии усердно выискивает каждое положение, в котором проглядывает немецкая косность, сонливо брюзжащая на ненавистное ей историческое движение. Авторитеты такого калибра как Фридрих Раумер, Бертольд Ауэрбах, Лохнер, Мориц Карьер, Альфред Мейснер, Круг, Дингельштедт, Ронге, «Nurnberger Bote», Макс Вальдау, Штернберг, Герман Мёйрер, Луиза Астон, Эккерман, Ноак, «Blatter fur literarische Unterhaltung», А. Кунце, Гиллани, Т. Мундт, Сафир, Гуцков, некая «урожденная Гаттерер» и т. д. — вот те столпы, на которых воздвигается храм новой религии. Революционное движение, против которого провозглашается здесь столь многоголосая анафема, ограничивается для г-на Даумера, с одной стороны, банальнейшим трактирным политиканством, процветающим в Нюрнберге с благословения «Korrespondent von und fur Deutschland», а с другой стороны, эксцессами черни, о которых г-н Даумер имеет самое фантастическое представление. Источники, из которых он черпает здесь свои сведения, вполне достойны вышеприведенных авторитетов: наряду с неоднократно упоминавшимся нюрнбергским «Korrespondent» фигурируют «Bamberger Zeitung», мюнхенская «Landbotin», аугсбургская «Allgemeine Zeitung» и т. д. Та самая филистерская пошлость, которая всегда видит в пролетарии только грубого, деморализованного оборванца, которая с удовлетворением потирает руки, наблюдая парижскую июньскую бойню 1848 г., где было убито более трех тысяч этих «оборванцев», — эта филистерская пошлость возмущается по поводу насмешек над сентиментальными обществами для защиты животных.

«Ужасные мучения», — восклицает г-н Даумер на стр. 293 первого тома, — «которым подвергаются несчастные животные в жестоких,

тиранических руках человека, являются для этих варваров «пустяком», по поводу которого не следует беспокоиться!»

Вся современная классовая борьба представляется г-ну Даумеру только как борьба «грубости» против «культуры». Вместо того чтобы объяснить ее из исторических условий жизни этих классов, он находит причины ее в интригах и происках нескольких злонамеренных лиц, которые играют на низких инстинктах черни, натравливая ее на образованные сословия.

«Это демократическое реформаторство... разжигает зависть, гнев, жадность низших классов общества против высших классов — великолепное средство сделать человека благороднее и лучше и заложить основы для более высокой ступени культуры!» (т. I, стр. 289).

Г-н Даумер даже не знает, какую борьбу пришлось выдержать «низшим классам общества против высших» для того, чтобы создать хотя бы только нюрнбергскую «ступень культуры» и сделать возможным появление воителя против Молоха a la[*] Даумер[117].

Вторая, «основная» часть содержит положительное изложение новой религии. Здесь в полной мере проявляется гнев немецкого философа по поводу того, что забыта его борьба против христианства, по поводу равнодушия народа к религии — единственному предмету, достойному внимания философа. Чтобы вернуть своему вытесненному конкуренцией ремеслу прежний почет, нашему мудрецу после продолжительной ругани по адресу старой религии ничего не остается, как сочинить новую религию. Однако эта новая религия, в полном соответствии с первой частью, сводится к дальнейшему собиранию букета сентенций, альбомных стишков и versus memoriales[**] немецкой мещанской культуры. Суры нового корана[118] представляют собой не что иное, как ряд фраз, посредством которых морально прикрывают и поэтически приукрашивают существующие в Германии порядки. От того, что эти фразы лишены непосредственно религиозной формы, они тем не менее не теряют своего тесного родства со старой религией.

«Совершенно новые мировые порядки и отношения могут возникать только благодаря новым религиям. Примером и доказательством того, что в состоянии сделать религия, могут служить христианство и ислам. А весьма ярким и убедительным подтверждением бессилия и безрезультатности абстрактной, исключительной политики могут служить развернувшиеся в 1848 г. движения» (т. I, стр. 313).

---

[*] — на манер. *Ред.*
[**] — стихов на память. *Ред.*

В этом глубокомысленном тезисе перед нами вся плоскость и все невежество немецкого «мыслителя», который принимает жалкие немецкие, в частности баварские, «мартовские завоевания» за европейское движение 1848 и 1849 гг. и который требует, чтобы первые, еще весьма неглубокие взрывы постепенно прокладывающей себе путь и концентрирующейся великой революции дали уже «совершенно новые мировые порядки и отношения». Вся сложная социальная борьба, первые авангардные бои которой за последние два года прокатились от Парижа до Дебрецена и от Берлина до Палермо, сводится для мудрого г-на Даумера к тому, что в январе 1849 г. «надежды конституционных союзов Эрлангена были отодвинуты в неопределенную даль» (т. I, стр. 312), и к страху перед новой борьбой, способной неприятно потревожить г-на Даумера в его занятиях Хафизом, Магометом и Бертольдом Ауэрбахом.

Эта же самая бессовестная поверхностность г-на Даумера позволяет ему совершенно не принимать во внимание того, что христианству предшествовал полный крах античных «мировых порядков», что христианство было простым выражением этого краха; что «совершенно новые мировые порядки» возникли не изнутри, благодаря христианству, а лишь тогда, когда гунны и германцы «набросились извне на труп Римской империи»; что после германского нашествия не «новые мировые порядки» сообразовывались с христианством, а, наоборот, христианство изменялось с каждой новой фазой этих мировых порядков. Пусть г-н Даумер приведет нам хоть один пример изменения старых мировых порядков с появлением новой религии, при котором не произошло бы одновременно колоссальнейших «внешних и абстрактно-политических» конвульсий.

Ясно, что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях. Но современный переворот отличается от всех предшествующих именно тем, что люди, наконец, разгадали тайну этого процесса исторических переворотов и поэтому они, вместо того чтобы снова обожествлять этот практический, «внешний» процесс в высокопарно-трансцендентной форме новой религии, отбросили всякую религию.

После кротких моральных поучений новой мировой премудрости, которая превосходит даже поучения Книгге[119], поскольку она содержит все необходимое не только касательно обхождения с людьми, но также и касательно обращения с животными, — после притч Соломоновых следует песнь песней нового Соломона.

«*Природа* и *женщина* суть истинно божественное, в отличие от *человека и мужчины*... Самопожертвование человеческого в пользу природного, мужского в пользу женского, — таково подлинное, единственно истинное смирение и самоотречение, высшая, даже единственная, добродетель и благочестие» (т. II, стр. 257).

Мы видим здесь, как поверхностность и невежество нашего спекулирующего основателя религии превращаются в явно выраженную трусость. Г-н Даумер бежит от угрожающей ему исторической трагедии и ищет спасения в так называемой природе, т. е. в тупой крестьянской идиллии, и проповедует культ женщины, чтобы прикрыть свое собственное бабье самоотречение.

Впрочем, культ природы г-на Даумера довольно своеобразен. Он умудрился оказаться реакционным даже по сравнению с христианством. Он пытается восстановить в модернизированной форме древнюю, дохристианскую религию природы. При этом, разумеется, все дело сводится у него только к какой-то христианско-германско-патриархальной болтовне о природе, которая выражается, например, в следующих стихах:

«Научи, природа-мать,
Всюду лишь тебя искать
И по твоему пути
Со смирением идти!»

«Подобные вещи вышли из моды, но не к выгоде культуры, прогресса и человеческого благоденствия» (т. II, стр. 157).

Культ природы ограничивается, как мы видим, воскресными прогулками провинциала-горожанина, который выражает детское удивление по поводу того, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда (т. II, стр. 40), что назначение слез — сохранить во влажном состоянии поверхность глаза (т. II, стр. 73) и т. д., и который в заключение со священным трепетом декламирует перед своими детьми оду весне Клопштока[120] (т. II, стр. 23 и сл.). О современном естествознании, которое в союзе с современной промышленностью революционизирует всю природу и кладет конец, наряду с другими ребячествами, также и ребяческому отношению людей к природе, разумеется, и речи нет. Зато мы слышим таинственные намеки и недоуменные филистерские догадки о пророчествах Нострадамуса, об ясновидении шотландцев и о животном магнетизме[121]. Вообще пора, чтобы косное крестьянское хозяйство Баварии, та почва, на которой в равной мере произрастают и попы и Даумеры, была, наконец, обработана при помощи современной агрикультуры и современных машин.

С культом женщины дело обстоит точно так же, как и с культом природы. Само собой разумеется, что у г-на Даумера нет ни звука о современном социальном положении женщины, что, напротив, речь идет у него только о женщине как таковой. Он старается утешить женщин в их гражданском бесправии тем, что делает их объектом культа, облеченного в фразы столь же бессодержательные, сколь претенциозно таинственные. Например, он успокаивает их тем, что вместе с замужеством у них исчезают таланты, так как они тогда, дескать, заняты детьми (т. II, стр. 237), что они обладают способностью кормить детей грудью даже до шестидесяти лет (т. II, стр. 251), и т. д. Г-н Даумер называет это «самопожертвованием мужского в пользу женского». А чтобы найти в своем отечестве необходимые для своего мужского самопожертвования идеальные женские фигуры, он вынужден обратиться к различным дамам-аристократкам прошлого столетия. Культ женщины, таким образом, снова сводится к тягостной зависимости литераторов от их высокочтимых покровительниц — зри Вильгельм Мейстер[122].

«Культура», — об упадке которой г-н Даумер распространяется в своих иеремиадах, — это культура тех времен, когда Нюрнберг процветал в качестве свободного имперского города, когда значительную роль играла нюрнбергская промышленность, своеобразная помесь искусства и ремесла, это — культура немецкой мелкой буржуазии, гибнущая вместе с этой мелкой буржуазией. Если гибель прежних классов, например рыцарства, могла дать материал для грандиозных произведений трагического искусства, то мещанство, естественно, не может дать ничего другого, кроме бессильных проявлений фанатической злобы и собрания поговорок и изречений, достойных Санчо Пансы. Г-н Даумер — это сухое, утратившее всякий юмор продолжение Ганса Сакса. Немецкая философия, ломающая руки и рыдающая у смертного одра своего приемного отца — немецкого мещанства, — такова трогательная картина, которую развертывает перед нами религия нового века.

Написано в январе — феврале 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomisclie Revue» № 2, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ЛЮДВИГ СИМОН ИЗ ТРИРА. «ГОЛОС ПРАВА В ЗАЩИТУ ВСЕХ БОРЦОВ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ, ОБРАЩЕННЫЙ К НЕМЕЦКИМ ПРИСЯЖНЫМ». ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, 1849*

«Мы голосовали против наследственной власти главы империи; мы воздержались от голосования, когда на следующий день происходили выборы главы империи. Но когда волей большинства Собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права, вопрос был окончательно решен, мы заявили о своей готовности подчиниться. Не сделав этого, мы доказали бы, что *вообще не годимся для гражданского общества»* (стр. 43).

Таким образом, согласно г-ну Л. Симону «из Трира», члены крайней левой Франкфуртского собрания уже «вообще не годились для гражданского общества». Таким образом, г-н Л. Симон «из Трира», повидимому, вообще представляет себе рамки гражданского общества еще более тесными, чем стены собора св. Павла[123].

Впрочем, у г-на Симона хватило такта раскрыть в своей исповеди от 11 апреля 1849 г. тайну как своей прежней оппозиции, так и своего позднейшего обращения.

«С мутных вод домартовской дипломатии поднялись холодные туманы. Эти туманы сгустятся в тучи, и нам угрожает гибельная гроза, которая ударит прежде всего в башню собора, где мы заседаем. Остерегайтесь и подумайте о громоотводе, который *отвел бы от вас* молнию!»[124]

Иными словами: господа, дело идет теперь о нашей шкуре! Те смиренно-нищенские предложения и жалкие компромиссы, с которыми франкфуртская левая обращалась — в связи с вопросом об императорской сласти, а также после позорного возвращения имперской депутации[125] — к большинству, лишь бы только не дать ему покинуть Собрание, те грязные попытки соглашения, которые она предпринимала тогда во всех направлениях, — все это получает свое высшее освящение в следующих словах г-на Симона:

* Ludwig Simon von Trier. «Ein Wort des Rechts fur alle Reichsverfassungskamper an die deutschen Geschwornen». Frankfurt a. M., 1849. *Ред.*

«В результате событий истекшего года слово «соглашение» стало предметом очень опасных насмешек. Его почти нельзя больше произносить, не рискуя быть высмеянным. А между тем возможно только одно из двух: либо люди соглашаются между собой, либо же накидываются друг на друга, как дикие звери» (стр. 43).

Это означает: либо партии доводят свою борьбу до конца, либо они откладывают ее при помощи какого-нибудь компромисса. Последнее, разумеется, более «культурно» и «гуманно». Впрочем, г-н Симон, благодаря вышеприведенной своей теории, открывает для себя возможность бесконечного ряда соглашений, при помощи которых он сможет остаться в.любом «гражданском обществе».

Блаженной памяти имперская конституция получает свое оправдание в следующей философской дедукции:

«Имперская конституция была, по сути дела, выражением того, что было возможно без новых насильственных мер... Она была живым (!) выражением демократической монархии, следовательно выражением принципиального противоречия. Но в мире существовало уже немало такого, что было принципиально противоречиво, и, однако, именно из фактического существования принципиальных противоречий развивается дальнейшая жизнь» (стр. 44).

Как видно, применять гегелевскую диалектику все же несколько труднее, чем цитировать стишки Шиллера. Если нужно было, чтобы имперская конституция «фактически» существовала, несмотря на свое «принципиальное противоречие», то она должна была бы, по крайней мере, выразить «принципиально» то противоречие, которое существовало «фактически». «Фактически» на одной стороне стояли Пруссия и Австрия, военный абсолютизм, а на другой стороне немецкий народ, у которого обманом вырвали плоды его мартовского восстания, которого надули в значительной мере вследствие его глупого доверия к жалкому Франкфуртскому собранию и который как раз в это время собирался, наконец, снова вступить в борьбу с военным абсолютизмом. Это фактическое противоречие могло быть разрешено только при помощи фактической борьбы. Выражала ли имперская конституция это противоречие? Ни в коей мере. Она выражала то противоречие, которое существовало в марте 1848 г., до того как Пруссия и Австрия снова собрались с силами, до того как оппозиция в результате частичных поражений оказалась раздробленной, ослабленной, обезоруженной. Далее, она выражала лишь детское самообольщение господ из собора св. Павла, которые воображали, что могут еще и в марте 1849 г. диктовать законы прусскому и австрийскому правительствам и обеспечить себе на веки вечные столь же доходные, сколь и безопасные местечки немецких имперских Барро.

Затем г-н Симон поздравляет себя и своих коллег с тем, что ничто не могло поколебать их в своекорыстном ослеплении насчет имперской конституции:

«Признайте же к стыду своему, вы, ренегаты Готы, что в пылу страстей мы не поддались никакому искушению, что мы остались верными своему слову и ни на йоту не изменили наше общее творение!» (стр. 67).

Далее он указывает на их геройские подвиги по отношению к Вюртембергу и Пфальцу и на их штутгартскую резолюцию от 8 июня, в которой они взяли Баден под защиту империи, хотя в действительности империя тогда уже находилась под защитой Бадена[126]; их резолюции доказывали только их решимость «ни на йоту» не отказываться от своей трусости и насильственно навязывать иллюзию, в которую они сами уже не верили.

Упрек, будто «имперская конституция являлась только маской для республики», г-н Симон опровергает следующим крайне глубокомысленным аргументом:

«Только в том случае, если бы борьба против *всех без исключения* правительств должна была быть доведена *до конца...* Но кто же утверждает, что борьба против всех без исключения правительств должна была быть доведена до конца? Кто же может учесть наперед все возможные колебания военного счастья и борьбы, и если бы вдруг случилось, что враждующие братья» (правительства и народ), «после кровавой борьбы, *изнеможенные, не имея уже сил ни на какое решение,* стояли бы друг против друга, и на них снизошел бы дух мира и примирения, то разве мы нанесли бы хоть малейший ущерб знамени имперской конституции, под сенью которого они могли бы протянуть друг другу братские руки для примирения? Оглянитесь вокруг себя! Положите руку на сердце! Прислушайтесь к голосу своей собственной совести, и вы ответите, вы должны будете ответить: нет, нет и еще раз нет!» (стр. 70).

Вот тот подлинный колчан красноречия, откуда г-н Симон доставал стрелы, которые метал с таким поразительным эффектом в соборе св. Павла! Но, несмотря на всю свою пошлость, этот сентиментальный пафос все же представляет своеобразный интерес. Он показывает, как господа франкфуртцы спокойно отсиживались в Штутгарте, выжидая, пока враждующие партии не устанут от борьбы, чтобы в надлежащий момент стать между изнеможенными борцами и предложить им панацею примирения — имперскую конституцию. А насколько хорошо г-н Симон понимает своих коллег, видно из того, что эти господа еще и теперь заседают в Берне у трактирщика Бенца на Кесслергассе в ожидании пока снова разгорится борьба, чтобы, когда партии, «изнеможенные, не имея уже сил ни на какое решение, будут стоять друг против друга», вмешаться и предложить им для соглашения имперскую конституцию, это совершеннейшее выражение .бессилия и нерешительности.

«Но, наперекор всему, я говорю вам, что, как ни больно идти одинокими тропами изгнания, вдали от отчизны, вдали от родины, вдали от престарелых родителей, я ни за какие земные блага не променял бы свою чистую совесть на угрызения совести ренегатов и бессонные ночи власть имущих» (стр. 71).

Если бы только можно было отправить в изгнание этих господ! Но разве они не носят с собой в своих чемоданах отечество в виде франкфуртских стенографических отчетов, из которых исходит к ним самый настоящий воздух отчизны и избыток чудеснейшего самодовольства?

Впрочем, если г-н Симон утверждает, что он поднял голос в защиту *борцов* за имперскую конституцию, то это лишь благочестивый обман. *Борцы* за имперскую конституцию не нуждались в его «голосе права». Они сами защищали себя лучше и энергичнее. Но г-н Симон должен прикрыться ими, чтобы замаскировать тот факт, что в интересах скомпрометированных во всех отношениях франкфуртцев, в интересах тех, кто *сфабриковал* имперскую конституцию, в своих собственных интересах он считает необходимым произнести некую oratio pro domo*.

Написано в январе — феврале 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 2, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

* — буквально: речь в защиту своего дома; здесь — речь в защиту самого себя. *Ред.*

ГИЗО. «ПОЧЕМУ УДАЛАСЬ АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ? РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ». ПАРИЖ, 1850[*]

Памфлет г-на Гизо ставит себе целью доказать, что Луи-Филипп и политика Гизо собственно не должны были потерпеть крушение 24 февраля 1848 г. и что лишь скверный характер французов виной тому, что Июльская монархия 1830 г. после 18-летнего мучительного существования пришла к позорному краху, не обнаружив той долговечности, которой наслаждается английская монархия с 1688 года.

Из этого памфлета видно, что даже самые умные люди ancien regime[**], даже те, кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что утратили всякое понимание истории, даже понимание своих собственных прошлых поступков. Вместо того, чтобы понять на основании опыта февральской революции радикальное отличие исторических условий и расстановки общественных классов во французской монархии 1830 г. и в английской монархии 1688 г., г-н Гизо несколькими морализирующими фразами сводит на нет все различие между ними и клянется в заключение, что обанкротившаяся 24 февраля политика «сохраняет государства и одна только способна покончить с революциями».

Если точно сформулировать вопрос, на который хочет ответить г-н Гизо, то он сводится к следующему: почему в Англии буржуазное общество развивалось в форме конституционной монархии дольше, чем во Франции?

Для характеристики знакомства г-на Гизо с ходом буржуазного развития в Англии может послужить следующее место:

«При королях Георге I и Георге II направление умов изменилось; внешняя политика перестала быть главным предметом их интереса; пре-

[*] Guizot. «Pourquoi la revolution d'Angleterre a-t-elle reussi? Discours sur l'hjstoire de la revolution d'Angleterre». Paris, 1850. *Ред.*

[**] — старого порядка. *Ред.*

обладающей заботой правительства и общественного мнения стали внутренняя администрация, сохранение мира, финансовые, колониальные и торговые вопросы, развитие парламентского режима и парламентская борьба» (стр. 168).

Г-н Гизо находит в правлении Вильгельма III только два достойных упоминания момента: сохранение равновесия между парламентом и короной и сохранение европейского равновесия путем борьбы против Людовика XIV. И вот при Ганноверской династии внезапно «направление умов изменилось», неизвестно как и почему. Мы видим здесь, как г-н Гизо применяет самые затасканные фразы французских парламентских прений к английской истории и думает, что этим он объясняет ее. Точно таким же образом г-н Гизо, будучи министром, воображал, что он удерживает на своих плечах равновесие между парламентом и короной, а также и европейское равновесие, в то время как в действительности он делал не что иное, как распродавал в розницу все французское государство и все французское общество финансистам-ростовщикам парижской биржи.

Что войны против Людовика XIV были чисто торговыми войнами с целью уничтожения французской торговли и французского морского могущества, что при Вильгельме III господство финансовой буржуазии получило свое первое освящение в результате учреждения банка и образования государственного долга[127], что для мануфактурной буржуазии в результате последовательного проведения покровительственной системы были созданы условия дальнейшего подъема, обо всем этом г-н Гизо даже не дает себе труда сказать. Для него имеет значение только политическая фразеология. Он даже не упоминает о том, что при королеве Анне господствующие партии только тем и смогли сохранить себя и конституционную монархию, что путем государственного переворота удлинили срок парламентских полномочий до семи лет и таким образом почти совершенно уничтожили влияние народа на правительство.

При Ганноверской династии Англия уже настолько ушла вперед в своем развитии, что смогла вести торговую войну против Франции в современной форме. Англия сама воевала с Францией лишь в Америке и Ост-Индии, а на материке довольствовалась тем, что нанимала для войны против Франции иностранных государей, как, например, Фридриха II. И в то время как внешняя война лишь принимает иную форму, г-н Гизо заявляет, что «внешняя политика перестает быть главным предметом интереса» и на ее место становится «забота о сохранении мира». Насколько «развитие парламентского режима и парламентская борьба стали преобладающей заботой

правительства и общественного мнения», об этом можно судить по имевшим место при министерстве Уолпола скандалам с подкупами, которые, правда, похожи, как две капли воды, на скандалы, стоявшие в порядке дня при министерстве Гизо.

Объяснение того, почему английская революция приняла, по его мнению, более благоприятный оборот, чем французская, г-н Гизо видит главным образом в двух причинах: во-первых, в том, что английская революция носила насквозь религиозный характер и, следовательно, никоим образом не порывала со всеми традициями прошлого, и, во-вторых, в том, что она с самого начала выступала не как разрушительная, а как консервативная сила, что парламент защищал старые существующие законы от посягательств короны.

В отношении первого пункта г-н Гизо забывает, что свободомыслие, так пугающее его во французской революции, было ввезено во Францию именно из Англии. Локк был его отцом, а у Шефтсбери и Болингброка оно уже приняло ту остроумную форму, которая получила впоследствии во Франции столь блестящее развитие. Итак, мы приходим к любопытному выводу, что то самое свободомыслие, которое, по мнению г-на Гизо, послужило причиной крушения французской революции, было одним из важнейших продуктов носившей религиозный характер английской революции.

В отношении второго пункта г-н Гизо совершенно забывает, что французская революция в самом своем начале была столь же консервативной и даже гораздо более консервативной, чем английская. Абсолютизм, особенно в той форме, в какой он выступил под конец во Франции, был и там новшеством, и против этого новшества восстали парламенты, защищая старые законы, us et coutumes* старой сословной монархии. И если первым шагом французской революции было воскрешение почивших со времен Генриха IV и Людовика XIII Генеральных штатов, то английская революция не может противопоставить этому ни одного примера столь же классического консерватизма.

По мнению г-на Гизо, главным результатом английской революции является то, что король был лишен возможности править против воли парламента и палаты общин в парламенте. Вся революция сводится якобы к тому, что сначала обе стороны, корона и парламент, переступали отведенные им границы и заходили слишком далеко, пока не установили, наконец, при Вильгельме III правильного равновесия и не нейтрализовали друг друга. Что подчинение королевской власти парламенту

* — обычаи и порядки. *Ред.*

означало ее подчинение господству определенного класса, об этом г-н Гизо считает излишним упомянуть. Он поэтому не испытывает также потребности подробнее исследовать, каким образом этот класс приобрел достаточную власть, чтобы в конце концов превратить корону в свою служанку. Для г-на Гизо вся борьба между Карлом I и парламентом ведется только вокруг чисто политических преимуществ. Для чего эти преимущества нужны были парламенту и представленному в нем классу, об этом мы не узнаем ни слова. Не больше внимания уделяет г-н Гизо прямым посягательствам Карла I на свободную конкуренцию, создававшим все более невыносимые условия для торговли и промышленности Англии, или зависимости Карла I от парламента, которая, в силу его постоянной финансовой нужды, становилась тем сильнее, чем больше он пытался противостоять парламенту. Поэтому для г-на Гизо вся революция объясняется лишь злой волей и религиозным фанатизмом нескольких смутьянов, которые не захотели довольствоваться умеренной свободой. Столь же мало г-н Гизо способен раскрыть связь между религиозным движением и развитием буржуазного общества. И республика, разумеется, также представляется ему просто делом рук нескольких честолюбцев, фанатиков и злонамеренных лиц. О том факте, что в это же самое время в Лиссабоне, Неаполе и Мессине тоже предпринимались попытки ввести республику[128] и притом, как и в Англии, тоже по голландскому образцу, даже не упоминается. Хотя г-н Гизо ни на мгновение не упускает из виду французскую революцию, он ни разу не приходит к тому простому выводу, что переход от абсолютной монархии к конституционной повсюду совершается лишь после жестоких битв и после прохождения через республиканскую форму правления и что даже и тогда старая династия, будучи неприемлемой, должна уступить место боковой узурпаторской линии. Поэтому он может сообщить нам о падении английской реставрированной монархии лишь самые тривиальные общие места. Он даже не указывает на ближайшие причины этого падения: страх созданных реформацией новых крупных землевладельцев перед восстановлением католицизма, при котором они, разумеется, должны были бы вернуть все награбленные ими бывшие церковные земли, в результате чего семь десятых всей земельной площади Англии переменило бы своих владельцев; опасение, с которым занимающаяся торговлей и промышленностью буржуазия относилась к католицизму, совершенно не подходившему для ее деятельности; беззаботность, с которой Стюарты ради своей собственной выгоды и выгоды придворной знати продавали интересы всей английской промышленности и

торговли французскому правительству, т. е. правительству единственной страны, конкуренция которой была тогда опасной для англичан и во многих отношениях успешной, и т. д. И так как г-н Гизо повсюду опускает важнейшие моменты, то он ничего не может дать, кроме крайне неудовлетворительного и банального повествования о чисто политической стороне событий.

Великая загадка для г-на Гизо, — которую он в состоянии объяснить только особенной рассудительностью англичан, — загадка консервативного характера английской революции, объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение. Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев, — возникший, впрочем, уже при Генрихе VIII, — находился, в отличие от французского феодального землевладения 1789 г., не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии. Земельные владения этого класса представляли на деле не феодальную, а буржуазную собственность. Эти землевладельцы, с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для существования мануфактур рабочие руки, а с другой стороны, были способны придать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли. Отсюда общность интересов землевладельцев с интересами буржуазии, отсюда их союз с ней.

С консолидацией конституционной монархии в Англии для г-на Гизо прекращается английская история. Все дальнейшее ограничивается для него приятной игрой в качели между тори и вигами, т. е. представляется ему чем-то вроде тех великих словесных турниров, которые происходили между г-ном Гизо и г-ном Тьером. В действительности же именно с консолидацией конституционной монархии начинается в Англии грандиозное развитие и преобразование буржуазного общества. Там, где г-н Гизо видит только тишину и спокойствие мирной идиллии, там в действительности развертываются самые острые конфликты, самые глубокие перевороты. Впервые при конституционной монархии мануфактура развилась неслыханным до того образом, чтобы затем уступить место крупной промышленности, паровой машине и гигантским фабрикам. Исчезают целые классы населения, вместо них появляются новые классы, с новыми условиями существования и с новыми потребностями. Зарождается новая, более могущественная буржуазия; в то время как старая буржуазия ведет борьбу с французской револю-

цией, новая завоевывает себе мировой рынок. Она становится настолько всемогущей, что еще до того, как билль о реформе передал непосредственно в ее руки политическую власть, она заставляет своих противников издавать законы почти только в *ее* интересах и в соответствии с *ее* потребностями. Она завоевывает себе прямое представительство в парламенте и использует его для уничтожения последних остатков реальной силы, сохранившейся за землевладением. Наконец, в данный момент буржуазия занята тем, что разрушает до основания то пышное здание английской конституции, которое вызывает такое восхищение у г-на Гизо.

И в то время как г-н Гизо поздравляет англичан с тем, что у них отвратительные исчадия французской общественной жизни, республиканизм и социализм, не смогли потрясти основ единоспасающей монархии, в это самое время в Англии классовые противоречия в обществе достигают такой остроты, как ни в одной другой стране; здесь буржуазии, исключительной по своему богатству и производительным силам, противостоит пролетариат, сила и концентрация которого также не имеют себе равных. Таким образом, получается, что г-н Гизо восхваляет Англию за то, что в ней, под прикрытием конституционной монархии, получили развитие гораздо более многочисленные и гораздо более радикальные элементы социальной революции, чем во всех других странах мира, вместе взятых.

Там, где нити исторического развития Англии сходятся в один узел, которого г-н Гизо сам уже не может разрубить — хотя бы только для видимости — посредством чисто политической фразеологии, там он прибегает к религиозной фразеологии, к вооруженному вмешательству божества. Так, например, дух божий внезапно нисходит на армию и не дает Кромвелю провозгласить себя королем и т. д. От своей совести Гизо спасается при помощи бога, от непосвященной публики — при помощи стиля.

Поистине, не только les rois s'en vont*, но также и les capacites de la bourgeoisie s'en vont**.

Написано в феврале 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 2, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

* — короли уходят. *Ред.*
** — таланты буржуазии уходят. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР [129]

A tout seigneur, tout honneur![*] Начнем с *Пруссии.*

Прусский король делает все возможное, чтобы довести до кризиса нынешнюю ситуацию, характеризуемую соглашением, которое дышит на ладан, компромиссом, не удовлетворяющим ни одну из сторон[130]. Он октроирует конституцию и после различных неприятностей создает две палаты, которые пересматривают эту конституцию. Чтобы придать конституции наиболее приемлемый для короны вид, палаты вычеркивают каждую статью, которая так или иначе может оказаться не по вкусу короне, полагая, что теперь король сразу присягнет конституции. Но не тут то было! Чтобы доказать палатам свою «королевскую добросовестность», Фридрих-Вильгельм сочиняет послание с новыми предложениями по «улучшению конституции», предложениями, принятие которых должно окончательно лишить упомянутый документ даже малейшей видимости так называемых конституционных гражданских гарантий[131]. Король надеется, что палаты отвергнут эти предложения, — ничуть не бывало. Если палаты обманулись в короне, то теперь они позаботились о том, чтобы корона обманулась в них. Палаты все принимают, все — и пэрство, и чрезвычайный суд, и ландштурм, и фидеикомиссы[132], — чтобы только их не разогнали по домам, чтобы только заставить, наконец, короля торжественно принести присягу конституции. Такова месть прусского конституционного буржуа.

[*] — По месту и почет. *Ред.*

Королю трудно будет придумать такое унижение, которое показалось бы палатам чрезмерным. В конце концов он будет считать себя вынужденным заявить, что «чем более свято для него клятвенное обещание, которое ему предстоит дать, тем ближе к сердцу он принимает возложенные на него богом обязанности по отношению к любезному отечеству» и тем менее его «королевская добросовестность» позволяет ему присягнуть конституции, предоставляющей ему все, а стране ничего.

Господа из блаженной памяти «Соединенного ландтага»[133], которые теперь опять собрались в палатах, потому так страшно боятся быть отброшенными на свои старые домартовские позиции, что они тогда снова окажутся перед революцией, которая, однако, на этот раз не принесет им никаких роз. К тому же в 1847 г. они еще были способны отклонить заем, предлогом для которого служила постройка восточной железной дороги, между тем как в 1849 г. они сначала фактически утвердили этот заем, а затем уже задним числом покорнейше просили о теоретическом праве утверждать ассигнования.

В то же самое время буржуазия вне палат тешится тем, что выносит в судах присяжных оправдательные приговоры лицам, обвиняемым в политических преступлениях, и проявляет таким образом свою оппозицию правительству. Так в этих процессах систематически компрометируют себя, с одной стороны, правительство, а с другой, демократия, представляемая обвиняемыми и аудиторией. Вспомним процесс «всегда конституционного» Вальдека, трирский процесс[134] и т. д.

На вопрос старого Арндта: «Что такое отечество немца?»[135] Фридрих-Вильгельм IV ответил: *Эрфурт*[136]. Не так трудно было дать пародию на «Илиаду» в «Войне мышей и лягушек»[137], но никто до сих пор еще не осмелился даже подумать о составлении пародии на «Войну мышей и лягушек». С эрфуртским планом ухитрились создать пародию даже на войну мышей и лягушек в соборе св. Павла. Разумеется, совершенно безразлично, действительно ли соберется в Эрфурте это неправдоподобное собрание или же его запретит православный царь, — так же безразлично, как и протест против его компетенции, для составления которого г-н Фогт, несомненно, войдет в соглашение с г-ном Венедеем. Вся эта выдумка представляет интерес лишь для тех глубокомысленных политиков, передовые статьи которых находят в вопросе о «Великой» или «Малой Германии» столь же неисчерпаемый, сколь необходимый источник, и для тех прусских буржуа, которые живут в блаженной вере, что в Эрфурте прусский король одобрит все именно потому, что в Берлине он все отверг.

Если «Национальное собрание» во Франкфурта должно быть с большей или меньшей точностью воспроизведено в Эрфурте, то старый Союзный сейм будет возрожден в виде «Interim»[138] и вместе с тем должен будет свестись к самому простому своему выражению, к австро-прусской союзной комиссии. Interim уже вступил в действие в Вюртемберге и в скором времени вступит в действие в Мекленбурге и в Шлезвиг-Гольштейне.

В то время как Пруссия в течение длительного срока кое-как сводила свой бюджет при помощи эмиссии бумажных денег, тайных займов в Seehandlung[139] и остатков в государственной казне и только теперь вынуждена пойти по пути займов, в *Австрии* государственное банкротство в полном разгаре. Дефицит в 155 млн. гульденов за первые 9 месяцев 1849 г., дефицит, который к концу декабря, вероятно, достигнет 210— 220 млн.; полный подрыв государственного кредита внутри страны и за границей после того, как с треском провалилась попытка нового займа; полное истощение внутренних финансовых ресурсов — обыкновенных налогов, принудительных поборов, эмиссии бумажных денег; необходимость навязать совершенно истощенной стране новые налоги, вызванные безвыходностью положения, налоги, которые, как можно заранее предвидеть, вероятно, совсем не поступят, —вот те главные черты, в которых проявляется жестокая финансовая нужда в Австрии. Одновременно с этим все быстрее идет разложение австрийского государственного организма. Напрасно правительство противопоставляет этому процессу судорожные попытки централизации; дезорганизация достигла уже самых окраинных частей государства; Австрия становится невыносимой даже для самых варварских народов, главных столпов старой Австрии, для южных славян в Далмации, Хорватии и Банате, для «верных» граничар[140]. Остается еще только акт отчаяния, дающий некоторые шансы на спасение, — внешняя война; эта внешняя война, к которой Австрия неудержимо идет, должна быстро завершить ее полный распад.

Россия также не была достаточно богата, чтобы оплатить свою славу, которую она еще к тому же должна была купить за наличные деньги. Несмотря на свои прославленные золотые рудники на Урале и на Алтае, несмотря на неисчерпаемые сокровища в подвалах Петропавловской крепости, несмотря на производимую в Лондоне и Париже якобы по причине простого излишка денег скупку ценных бумаг, православный царь видит себя вынужденным не только заимствовать под различными фальшивыми предлогами 5000000 серебряных рублей из наличного запаса, хранящегося в Петропавловской крепости для

обеспечения бумажных денег, и распорядиться о продаже своих ценных бумаг на парижской бирже, но и обратиться к недоверчивому лондонскому Сити с просьбой о ссуде в 30 миллионов рублей серебром.

В результате движения 1848 и 1849 гг. Россия оказалась настолько втянутой в европейскую политику, что она должна теперь возможно скорее осуществить свои старые планы относительно Турции, Константинополя, «этого ключа к ее дому»[141]. если она не хочет, чтобы они стали навсегда неисполнимыми. Успехи контрреволюции и растущая с каждым днем сила революционной партии в Западной Европе, внутреннее положение самой России и плохое состояние ее финансов принуждают ее к быстрым действиям. Мы недавно видели дипломатический пролог к этому новому лицедейству в восточном вопросе[142]; через несколько месяцев мы будем свидетелями самого действия.

Война с Турцией по необходимости является европейской войной. Это весьма кстати для святой Руси, которая таким образом приобретает возможность прочно утвердиться в Германии, энергично довести там до конца контрреволюцию, помочь Пруссии завоевать Невшатель и в конечном счете двинуться на центр революции — Париж.

Англия в такой европейской войне не может остаться нейтральной. Она должна выступить против России. А Англия для России самый опасный противник. Если сухопутные армии континента по море проникновения вглубь России неизбежно будут ослабевать, рассредоточиваясь по ее территории, если их продвижение за пределы восточной границы старой Польши должно почти полностью остановиться под угрозой повторения 1812 г., то Англия имеет возможность нанести удар России в ее самом уязвимом месте. Не говоря уже о том, что она может заставить шведов завоевать обратно Финляндию, для ее флота открыты Петербург и Одесса. Русский флот, как известно, является самым плохим в мире, а Кронштадт и Шлиссельбург не труднее взять, чем Сен-Жан-д'Акр и Сан-Хуан-де-Улуа[143]. Но без Петербурга и Одессы Россия представляет собой великана с отрубленными руками. К этому надо еще прибавить, что Россия как для сбыта своего сырья, так и для покупки продуктов промышленности не может обойтись без Англии даже в течение шести месяцев, что уже ясно обнаружилось во время наполеоновской континентальной блокады и что еще в гораздо большей степени имеет силу для настоящего времени. Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев подверглась бы тяжелейшим потрясениям. Англия же, наоборот, не только может некоторое время обходиться без русского

рынка, но и раздобыть все виды русского сырья на других рынках. Как мы видим, Россия, которой так боятся, вовсе не так опасна. Но немецкому бюргеру она должна казаться такой страшной, потому что она непосредственно подчиняет себе его государей и потому что он вполне правильно предчувствует, что полчища русских варваров в скором времени наводнят Германию и сыграют там до известной степени мессианскую роль.

Швейцария относится к Священному союзу вообще, как прусские палаты относятся к своему королю в частности. Разница лишь в том, что у Швейцарии хоть имеется козел отпущения, на котором она может вдвойне и втройне вымещать удары, получаемые ею от Священного союза, и вдобавок к тому, козел отпущения беззащитный, предоставленный ее милости или немилости, — немецкие эмигранты. Правда, часть швейцарских «радикалов» в Женеве, Ваадте, Берне протестовала против трусливой политики Союзного совета, трусливой и по отношению к Священному союзу, и по отношению к эмигрантам. Но, с другой стороны, верно также и то, что Союзный совет был прав, когда объявил свою политику «политикой огромного большинства швейцарского народа». При этом центральное правительство продолжает самым мирным образом проводить в области внутренней политики мелкие буржуазные реформы: установление единства таможенных пошлин, монеты, почты, мер и весов — реформы, которые обеспечивают ему одобрение мелкой буржуазии. Правда, оно не осмеливается провести в жизнь решение об отмене военных капитуляций, и теперь еще каждый день жители старых кантонов толпами направляются в Комо, чтобы там поступить на неаполитанскую военную службу[144]. Однако, несмотря на всю покорность и предупредительность по отношению к Священному союзу, Швейцарии все же угрожает неотвратимая буря. В первом опьянении после войны с Зондербундом и особенно после февральской революции обычно столь робкие швейцарцы дали себя увлечь на путь опрометчивых поступков. Они осмелились на ужасное дело, пожелали наконец стать независимыми; вместо гарантированной державами конституции 1814 г. они составили себе новую, они признали независимость Невшателя, вопреки договорам. За это они понесут наказание, несмотря на все реверансы, любезности и полицейские услуги. А раз Швейцария будет втянута в европейскую войну, положение ее окажется далеко не из приятных; ведь если Швейцария и нанесла оскорбление Священному союзу, то, с другой стороны, она предала и революцию.

Во *Франции,* где буржуазия сама в своих собственных интересах стала во главе реакции и где республиканская форма

правления предоставляет этой реакции возможности для самого широкого и последовательного наступления, подавление революции осуществляется самым беззастенчивым и самым насильственным способом. За короткий месячный срок последовали удар за ударом: восстановление налога на вино, который прямо ведет к разорению половины сельского населения; циркуляр Опуля, делающий жандармов шпионами даже по отношению к чиновникам; закон о школьных учителях, на основании которого учителя начальных школ могут быть произвольно смещены префектами; закон об образовании, отдающий школы во власть попам, и закон о ссылке в колонии, в котором буржуазия проявляет всю свою ненасытную жажду мести по отношению к июньским инсургентам и, за отсутствием других способов казни, подвергает их убийственному действию алжирского климата. Мы уж не говорим о многочисленных высылках даже невиннейших иностранцев, которые все еще не прекращаются с 13 июня.

Целью этой свирепой буржуазной реакции является, конечно, восстановление монархии. Но монархическая реставрация встречает значительное препятствие в лице самих претендентов, которых несколько, и тех партий, которые поддерживают их внутри страны. Легитимисты и орлеанисты, две наиболее сильные монархические партии, приблизительно уравновешивают друг друга; третья партия, бонапартистская, значительно слабее. Луи-Наполеон, несмотря на свои семь миллионов голосов, не имеет даже настоящей партии, у него есть только клика. Он, который при проведении общей реакционной политики всегда пользуется поддержкой большинства палаты, оказывается покинутым, как только выступают его 'особые интересы как претендента, покинутым не только большинством палаты, но даже своими министрами, которые каждый раз уличают его во лжи и тем не менее принуждают его письменно заявлять на следующий день, что они пользуются его доверием. Раздоры, возникающие между ним и большинством, какие бы серьезные последствия они ни имели, до сих пор являются поэтому лишь комическими эпизодами, в которых президент республики каждый раз играет только роль обманутого. При этом само собой разумеется, что каждая из монархических партий на свой страх и риск тайно конспирирует со Священным союзом. Газета «Assemblee Nationale» настолько бесстыдна, что открыто пугает народ русскими. В настоящее время имеется уже достаточно фактов, говорящих о том, что Луи-Наполеон строит козни вместе с Николаем.

По мере усиления реакции растут, конечно, и силы революционной партии. Огромная масса сельского населения,

разоренная последствиями парцелляции земли, бременем налогов и чисто фискальным и вредоносным, даже с буржуазной точки зрения, характером большей части налогов, разочаровалась в обещаниях Луи-Наполеона и реакционных депутатов, бросилась в объятия революционной партии и заявляет о своей приверженности к социализму, правда, пока еще очень примитивному и буржуазному. Насколько революционно настроены даже наиболее легитимистские департаменты, доказывают последние выборы в департаменте Гар, центре роялизма и «белого террора» в 1815 г., где теперь был выбран «красный»[145]. Мелкая буржуазия, угнетаемая крупным капиталом, который опять занимает и в торговле, и в политике совершенно такое же положение, как при Луи-Филиппе, последовала за сельским населением. Перемена так велика, что даже предатель Марраст и газета бакалейных лавочников «Siecle» должны были высказаться за социалистов. Отношение различных классов друг к другу, иным выражением которого является взаимоотношение политических партий, в настоящее время почти такое же, каким оно было 22 февраля 1848 года. Только теперь речь идет о других вещах, рабочие гораздо более сознательны, и, кроме того, в движение втянут и завоеван для революции класс, остававшийся до сих пор политически безжизненным, класс крестьян.

В этом кроется необходимость для господствующей буржуазии попытаться возможно скорее упразднить всеобщее избирательное право; и эта необходимость в свою очередь является залогом скорой победы революции, даже если отвлечься от международных отношений.

О том, какое в общем создалось напряженное положение, можно судить уже по комическому законопроекту народного представителя Прадье, который пытается предотвратить государственные перевороты и революции при помощи декрета Национального собрания, насчитывающего до 200 параграфов. А как мало финансовая аристократия доверяет здесь, как и в других столицах, внешне восстановленному «порядку», можно видеть из того, что различные ветви династии Ротшильдов несколько месяцев тому назад продлили компанейское соглашение только на *один год* — неслыханно короткий период в анналах крупной торговли.

В то время как континент в течение последних двух лет был занят революциями, контрреволюциями и неразрывно с ними связанными нескончаемыми ораторскими упражнениями, промышленная *Англия* преуспевала в совершенно другой области: она переживала промышленное процветание. Разразившийся

in due course* осенью 1845 г. торговый кризис дважды был прерван — в начале 1846 г. благодаря решениям парламента о свободе торговли[146] и в начале 1848 г. —февральской революцией. Масса товаров, давивших на заокеанские рынки, за этот промежуток времени постепенно нашла сбыт. К тому же, февральская революция устранила именно на этих рынках конкуренцию континентальной промышленности, между тем как английская промышленность потеряла на разорении континентального рынка немногим больше того, что она и без того потеряла бы в дальнейшем ходе кризиса. Февральская революция, которая временно почти совершенно приостановила деятельность континентальной промышленности, тем самым помогла англичанам довольно легко пережить год кризиса, в значительной мере содействовала ликвидации скопившихся запасов на заокеанских рынках и сделала возможным новый подъем промышленности весной 1849 года. Этот подъем, который, впрочем, распространился также и на значительную часть континентальной промышленности, достиг за последние три месяца такого уровня, что, по утверждению фабрикантов, они никогда не переживали такого хорошего времени,—утверждение, которое всегда делается накануне кризиса. Фабрики завалены заказами и работают усиленным темпом, изыскиваются всякие средства, чтобы обойти билль о десятичасовом рабочем дне и выиграть новые часы труда. Новые фабрики в большом количестве строятся во всех частях промышленных округов, а старые — расширяются. Наличные деньги устремляются на рынок, незанятый капитал хочет воспользоваться моментом всеобщей наживы, дисконт питает спекуляцию, устремляется в производство или в торговлю сырьем, почти все товары повышаются в цене абсолютно, и все без исключения — относительно. Одним словом, Англия осчастливлена «процветанием» в его наиболее полном выражении, и спрашивается только, как долго продлится это упоительное время. Во всяком случае не очень долго. Многие из крупнейших рынков, в частности Ост-Индия, уже почти переполнены. Даже теперь товары предпочтительно вывозятся не столько на действительно крупные рынки, сколько на базы мировой торговли, с которых товары могут быть направлены на наиболее благоприятные рынки. При том колоссальном увеличении производительных сил, которое наблюдалось в английской промышленности в 1846—1847 гг. и особенно в 1849 г. по сравнению с 1843—1845 гг. и которое все еще продолжается и сейчас, остающиеся еще рынки, в особенности северо- и южноамериканские,

* — в положенный срок. *Ред.*

а также австралийские, скоро точно так же будут переполнены. А при первых известиях об этом переполнении одновременно начнется «паника» в сфере спекуляции и в производстве — может быть, уже в конце весны, самое позднее в июле или в августе. Но этот кризис, благодаря тому, что он должен совпасть с большими событиями на континенте, будет иметь совершенно другие результаты, чем все предыдущие. Если до сих пор каждый кризис был сигналом к новому успеху промышленной буржуазии, к новой ее победе над землевладением и над финансовой буржуазией, то этот кризис будет началом современной английской революции, революции, в которой Кобден возьмет на себя роль Неккера.

Мы переходим теперь к *Америке.* Самым важным событием здесь, еще более важным, чем февральская революция, является открытие калифорнийских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем даже открытие Америки. В течение трехсот тридцати лет вся торговля Европы с Тихим океаном с трогательным долготерпением велась на путях вокруг мыса Доброй Надежды или вокруг мыса Горна. Все предложения прорыть Панамский перешеек разбивались о мелочное соперничество занимающихся торговлей стран. Прошло всего восемнадцать месяцев со времени открытия калифорнийских золотых приисков, а янки уже приступили к сооружению железной дороги, большой сухопутной дороги и канала от Мексиканского залива; уже регулярно ходят пароходы из Нью-Йорка в Чагрес, из Панамы в Сан-Франциско; торговля Тихого океана уже концентрируется в Панаме, а путь вокруг мыса Горна устарел. Побережье, простирающееся на 30 градусов широты, одно из прекраснейших и плодороднейших мест в мире, до сих пор почти необитаемое, превращается у нас на глазах в богатую, цивилизованную страну, густо населенную представителями всех племен и народов, от янки до китайцев, от негров до индейцев и малайцев, от креолов и метисов до европейцев. Калифорнийское золото потоками разливается по Америке и азиатскому берегу Тихого океана и втягивает даже самые непокорные варварские народы в мировую торговлю, в цивилизацию. Во второй раз мировая торговля получает новое направление. То, что в древности представляли собой Тир, Карфаген и Александрия, в средние века Генуя и Венеция, чем до сих пор были Лондон и Ливерпуль — центрами мировой торговли, — этим становятся теперь Нью-Йорк и Сан-Франциско, Сан-Хуан в Никарагуа* и Леон, Чагрес и Панама.

* Имеется и инду порт Сан-Хуан-дель-Сур. *Ред.*

Средоточием мировых сношений в средние века была Италия, в новейшее время Англия, теперь же таким центром становится южная половина североамериканского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы должны употребить огромные усилия, если не хотят прийти в такой же упадок, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, если они не хотят, чтобы Англия и Франция превратились в то, чем являются в настоящее время Венеция, Генуя и Голландия. Через несколько лет мы будем иметь постоянную пароходную линию, связывающую Англию с Чагресом, а Чагрес и Сан-Франциско с Сиднеем, Кантоном и Сингапуром. Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба побережья Тихого океана скоро будут так же густо населены, так же открыты для торговли, так же развиты в промышленном отношении, как теперь побережье от Бостона до Нового Орлеана. И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море. Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны смогут не впасть в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция; эта революция, пока еще не поздно, преобразует способ производства и обмена в соответствии с порождаемыми современными производительными силами потребностями самого производства, и сделает, таким образом, возможным создание новых производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым уравновесят невыгоды географического положения.

В заключение еще характерный курьез, привезенный из Китая известным немецким миссионером Гуцлаффом. Медленно, но постоянно увеличивающееся перенаселение страны давно уже сделало тамошние общественные условия очень тяжелыми для огромного большинства нации. Затем явились англичане и силой добились установления для себя свободы торговли в пяти гаванях. Тысячи английских и американских судов направились в Китай, и в скором времени страна была переполнена дешевыми британскими и американскими фабричными изделиями. Китайская промышленность, покоящаяся на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной. Непоколебимая Срединная империя пережила социальный кризис. Налоги перестали поступать, государство оказалось на грани

банкротства, население массами пауперизировалось, начало возмущаться, отказывалось подчиняться, избивало и убивало мандаринов императора и буддийских монахов. Страна-де очутилась на краю гибели и ей даже угрожает насильственная революция. Но хуже того. Среди мятежного плебса выступили люди, которые указывали на бедность одних, на богатство других, которые требовали иного распределения имуществ, требовали и теперь еще требуют полного уничтожения частной собственности. Когда г-н Гуцлафф после двадцатилетнего отсутствия опять попал в среду цивилизованных людей и европейцев, он услышал разговоры о социализме и спросил, что это значит. Когда ему объяснили, он с испугом воскликнул:

«Значит, я никуда не могу уйти от этого пагубного учения? Ведь именно это с некоторых пор проповедуется многими из черни в Китае!»

Пусть китайский социализм имеет столько же общего с европейским, сколько китайская философия с гегелевской. Все же отрадно, что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, по всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации. Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до Китайской стены, к вратам, которые ведут к архиреакционной и архиконсервативной твердыне, то, как знать, не прочтут ли они там надпись:

RÉPUBLIQUE CHINOISE

LIBERTÉ, EGALITÉ, FRATERNITÉ*

Лондон, 31 января 1850 г.

Желания прусской буржуазии исполнены: «человек чести» поклялся в верности конституции под тем условием, что ему «будет дана возможность править при этой конституции». И за несколько дней, протекших с 6 февраля, буржуа в палатах уже полностью выполнили это его желание. До 6 февраля они говорили: мы должны делать уступки, чтобы только добиться от короля присяги конституции; когда присяга будет принесена, мы сможем выступать совсем иначе. После 6 февраля они говорят: конституция скреплена присягой, у нас есть все возможные гарантии, мы можем, стало быть, совершенно спокойно

* — Китайская республика. Свобода, Равенство, Братство. *Ред.*

делать уступки. Восемнадцать миллионов на военные приготовления — на мобилизацию 500000 солдат против неизвестного и по сей час врага — утверждены почти единогласно, без прений, без оппозиции; бюджет вотируется в четыре дня, все правительственные проекты проходят через палаты во мгновение ока. Как видите, у немецкой буржуазии попрежнему нет недостатка в трусости и в предлогах для этой трусости.

Прусскому королю эти благонамеренные палаты дали полную возможность убедиться в преимуществах конституционной системы перед абсолютистской, в ее преимуществах не только для управляемых, но и для правителей. Если припомнить финансовые затруднения 1842—1848 гг. — тщетные попытки получить ссуду через Seehandlung и через банк, отказы Ротшильда, отклоненный Соединенным ландтагом заем, истощение казначейства и государственных касс — и если сравнить со всем этим финансовое раздолье 1850 г. — три бюджета с дефицитом в семьдесят миллионов, покрытым с согласия палат, массовый выпуск облигаций и казначейских билетов, правительство в лучших отношениях с банком, чем оно было когда-либо с Seehandlung, и вдобавок еще тридцать четыре миллиона вотированных займов в запасе — какой контраст!

Судя по словам военного министра, прусское правительство считает весьма вероятным наступление событий, которые могут заставить его мобилизовать всю свою армию в интересах европейского «порядка и спокойствия». Этим заявлением Пруссия достаточно громко и отчетливо возвестила о своем возвращении в лоно Священного союза. Против какого врага затевается новый крестовый поход, совершенно ясно. Центр анархии и переворотов, французский Вавилон, должен быть уничтожен. Будет ли нападение произведено прямо на Францию или же ему будут предшествовать диверсии против Швейцарии и Турции, это будет в значительной мере зависеть от развития событий в Париже. Во всяком случае, прусское правительство имеет теперь средства на то, чтобы увеличить число своих солдат в течение двух месяцев со 180000 до 500000; 400000 русских стоят наготове в Польше, на Волыни и в Бессарабии; Австрия имеет под ружьем по меньшей мере 650000 человек. Только чтобы прокормить эти огромные воинские массы, России и Австрии придется начать завоевательную войну еще в текущем году. А что касается первого направления этого похода, то о нем свидетельствует один только что опубликованный любопытный документ.

«Schweizerische National-Zeitung» в одном из своих последних номеров публикует составленный якобы австрийским

генералом Шёнхальсом меморандум, в котором содержится полный план вторжения в Швейцарию. Основные моменты этого плана следующие:

Пруссия стягивает около 60000 человек на Майне, вблизи от железных дорог; один корпус, состоящий из гессенцев, баварцев и вюртембержцев, концентрируется частью под Ротвейлем и Тутлингеном, частью под Кемптеном и Меммингеном. Австрия выставляет 50000 человек в Форарльберге и в направлении на Инсбрук и формирует второй корпус в Италии, между Сесто-Календе и Лекко. Тем временем Швейцарию убаюкивают дипломатическими переговорами. Как только наступает момент для нападения, пруссаки быстро перебрасывают свои части по железной дороге в Лёррах, небольшие отряды — в Донауэшинген; австрийцы стягиваются близ Брегенца и Фельдкирха, а итальянская армия близ Комо и Лекко. Одна бригада остается близ Варесе и угрожает Беллинцоне. Послы вручают ультиматум и покидают страну. Военные действия начинаются; главный предлог — восстановить союзную конституцию 1814 г. и независимость кантонов Зондербунда. Самое нападение ведется концентрически на Люцерн. Пруссаки двигаются через Базель к реке Ааре, австрийцы через Санкт-Галлен и Цюрих к реке Лиммат. Первые занимают территорию от Золотурна до Цурцаха, последние от Цурцаха через Цюрих до Уцнаха. Одновременно 15000 австрийцев прорываются через Кур на Шплюген и соединяются с итальянским корпусом, после чего они вместе наступают через долину Верхнего Рейна на Сен-Готар, в свою очередь соединяются здесь с прошедшим через Варесе и Беллинцону корпусом и поднимают восстание в старых кантонах. Тем временем наступление главных армий, к которым у Шафхаузена присоединяются более мелкие отряды, и завоевание Люцерна отрезают эти кантоны от западной Швейцарии и таким образом отделяют овец от козлищ. Одновременно Франция, обязанная по «тайному договору от 30 января» выставить 60000 человек у Лиона и Кольмара, занимает Женеву и Юру под тем же предлогом, под каким она заняла Рим. В результате Берн уже нельзя больше удерживать и «революционное» правительство вынуждено либо тотчас же капитулировать, либо погибнуть от голода со своими войсками в Бернских Альпах.

Как видите, план совсем не так плох. Он тщательно учитывает территориальные условия, он предлагает занять сначала более равнинную и плодородную северную Швейцарию и взять соединенными силами единственную серьезную позицию, которая там имеется, позицию за реками Ааре и Лиммат. Достоинство плана состоит в том, что он предлагает отрезать швейцарскую армию от ее житницы, временно оставив в ее руках более трудно проходимую горную область. Он может поэтому быть приведен в исполнение еще в начале весны, и чем раньше он будет осуществлен, тем труднее будет положение оттесненных в горы швейцарцев.

Опубликован ли рассматриваемый документ против воли его авторов или же он составлен специально для того, чтобы его нашла и обнародовала какая-нибудь швейцарская газета, это трудно решить, опираясь на одни лишь изложенные в нем

соображения. В последнем случае цель его могла заключаться только в том, чтобы, заставив швейцарцев опустошить свою казну быстрой и широкой мобилизацией, сделать их более послушными Священному союзу и вообще ввести в заблуждение общественное мнение насчет намерений союзников. То обстоятельство, что военные приготовления России и Пруссии и планы войны с Швейцарией так усердно выставляются сейчас напоказ, говорит как будто в пользу этого предположения. Такое же впечатление оставляет одно место в самом меморандуме, рекомендующее проводить все операции с максимальной быстротой, чтобы захватить возможно большую территорию, прежде чем местные контингенты будут стянуты и смогут выступить. Однако столько же внутренних оснований можно привести и в пользу подлинности меморандума как действительно предлагаемого плана вторжения в Швейцарию.

Одно несомненно: Священный союз выступит еще в этом году либо сперва против Швейцарии или Турции, либо прямо против Франции, и в обоих случаях судьба Союзного совета предрешена. Кто бы ни вошел первым в Берн — Священный союз или революция, — Союзный совет сам предрешил свою гибель своим трусливым нейтралитетом. Контрреволюция не может довольствоваться его уступками ввиду его более или менее революционного происхождения; революция ни минуты не сможет потерпеть существование такого предательского и трусливого правительства в сердце Европы, в окружении трех стран, наиболее втянутых в движение. Поведение швейцарского Союзного совета являет самый разительный и, будем надеяться, последний пример того, что представляет собой мнимая «независимость» и «самостоятельность» малых государств в окружении современных великих держав.

Написано 31 января — февраль 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 2, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОПРОС О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ [147]

Борцы за интересы рабочего класса в ответ на аргументы фритредерской буржуазии, так называемой «манчестерской школы»[148], обычно ограничивались лишь негодующим разоблачением безнравственного и бесстыдно своекорыстного характера ее доктрин. Рабочий, униженный, задавленный, физически надорванный и духовно опустошенный надменным классом сребролюбивых фабричных лордов, — этот рабочий был бы, конечно, вполне достоин своей участи, если бы он не приходил в возмущение всякий раз, когда ему хладнокровно заявляют, что он навеки обречен быть машиной, вещью, с которой ее владелец может обращаться как ему заблагорассудится к вящей славе капитала и быстрейшему его накоплению, когда ему заявляют, что только при этом условии может быть обеспечено «могущество его страны» и дальнейшее существование самого рабочего класса. Не будь этого чувства страстного, революционного негодования, не было бы надежды на освобождение пролетариата. Но одно дело — поддерживать дух мужественного сопротивления среди рабочих, а другое — отвечать их врагам в публичных спорах. Здесь одним негодованием, одним лишь взрывом возмущения, как бы справедливо все это ни было, ничего не сделаешь — тут нужны аргументы. И не подлежит сомнению, что даже в спокойной обстоятельной дискуссии, даже в своей излюбленной области, в политической экономии, фритредерская школа может легко быть разбита защитниками пролетарских интересов.

Что касается наглого и бесстыдного утверждения фабрикантов-фритредеров, что существование современного общества

зависит от того, смогут ли они и впредь накапливать богатства за счет крови и пота рабочих, то мы ограничимся одним замечанием. Во все периоды истории огромное большинство народа служило в той или другой форме простым орудием для обогащения привилегированной кучки. Однако во все прошлые эпохи эта система высасывания крови действовала, прикрываясь различными моральными, религиозными и политическими предлогами: священники, философы, юристы и государственные деятели твердили народу, что он обречен на нищету и голод ради своего собственного блага, потому что таково веление бога. Теперь же, наоборот, фритредоры дерзко заявляют: «Вы, рабочие, — рабы и рабами останетесь, потому что только благодаря вашему рабству мы можем приумножать свое богатство и благополучие, потому что мы, господствующий класс этой страны, не сможем продолжать господствовать, если вы перестанете быть рабами». Итак, тайна угнетения теперь, наконец, раскрылась; теперь, благодаря фритредерам, народ может, наконец, ясно осознать свое положение; теперь, наконец, вопрос поставлен прямо и недвусмысленно: *либо мы, либо вы!* И поэтому, так же как фальшивому другу мы предпочитаем открытого врага, так лицемерному аристократу-филантропу мы предпочитаем наглого фритредера, лорду Эшли предпочитаем квакера Брайта.

Билль о десятичасовом рабочем дне прошел после долгой и ожесточенной борьбы, тянувшейся в течение сорока лет в парламенте, в избирательных кампаниях, в печати, на каждой фабрике и в каждой мастерской в промышленных районах. С одной стороны, рисовали самые душераздирающие картины: рассказывали о детях, задержанных в своем развитии и замученных до смерти, о женщинах, оторванных от своих очагов и малых детей, о целых поколениях, страдавших неизлечимыми болезнями, о массе человеческих жизней, принесенных в жертву, и о разбитом человеческом счастье в масштабе целой страны — и все это ради обогащения ничтожной кучки лиц, и без того уже слишком богатых. И в этом не было ни капли вымысла; все это были факты, упрямые факты. Тем не менее никто не решался потребовать уничтожения этой гнусной системы; речь шла только о том, чтобы до некоторой степени ограничить ее действие. А с другой стороны, выступал холодный, бессердечный политико-эконом, платный слуга тех, кто наживался на этой системе, и доказывал посредством цепи умозаключений, столь же неопровержимых и точных, как тройное правило, что под страхом «разорения страны» существующий порядок должен оставаться неизменным.

Надо признать, что защитники фабричных рабочих совершенно не умели опровергать аргументы экономистов и даже очень редко решались пускаться с ними в споры. Объясняется это тем, что при существующем общественном строе, когда капитал сосредоточен в руках немногих, которым бесчисленное множество вынуждено продавать свой труд, каждый из этих аргументов является фактом, столь же неопровержимым, как факты, приводимые противной стороной. Да, при существующем общественном строе Англия, со всеми классами своего населения, целиком зависит от процветания своей промышленности, а это процветание целиком зависит при существующем строе от самой неограниченной свободы купли и продажи, от извлечения максимально возможной прибыли из всех ресурсов страны.

Да, единственное средство обеспечить подобное процветание промышленности, от которого теперь зависит самое существование империи, заключается при существующем строе в том, чтобы с каждым годом производить больше при меньших издержках. А как производить больше, сокращая издержки? Для этого нужно, во-первых, заставить орудия производства [the instrument of production] — машины и рабочих — работать в этом году больше, чем в предыдущем; во-вторых, заменять принятый до сих пор метод производства новым, более совершенным, т. е. заменять людей усовершенствованными машинами; в-третьих, снижать затраты на рабочего, снижая стоимость его содержания (свободная торговля хлебом и т. д.) или просто снижая его заработную плату до предельно низкого уровня. Следовательно, во всех случаях теряет рабочий; следовательно, спасение Англии может быть куплено только ценой гибели ее рабочих! Таково положение, таковы неизбежные следствия, к которым привели Англию успехи техники, накопление капитала и вытекающая отсюда конкуренция внутри страны и вне ее.

Билль о десятичасовом рабочем дне, рассматриваемый сам по себе и как конечная цель, был, таким образом, несомненно ложным шагом, нецелесообразным и даже реакционным мероприятием, носящим в себе зародыш своего собственного уничтожения[149]. Билль, с одной стороны, не разрушал существующего общественного строя, и, с другой, не благоприятствовал его развитию. Вместо того чтобы форсировать развитие этого строя до крайних пределов, до той точки, когда все ресурсы господствующего класса окажутся исчерпанными и когда переход господства к другому классу, когда социальная революция станет неизбежной, — вместо этого билль о десятичасовом рабочем дне стремился насильно вернуть общество к уже прой-

денной стадии, давно уступившей место современному строю. Это становится совершенно очевидным, если только взглянуть на те партии, которые провели билль через парламент вопреки оппозиции фритредеров. Уж не рабочий ли класс добился этого закона своими волнениями, своим угрожающим поведением? Нет, конечно. Если бы это было так, рабочие уже давным-давно завоевали бы себе Хартию[150]. К тому же те лица из рабочей среды, которые стали во главе движения за сокращение рабочего дня, отнюдь не были страшными революционерами. Это были по большей части умеренные и респектабельные люди, преданные церкви и престолу. Они держались в стороне от чартизма и склонялись в большинстве случаев к своего рода сентиментальному торизму. Они никогда не внушали страха ни одному правительству. Билль о десятичасовом рабочем дне был проведен *реакционными* противниками свободной торговли, представителями интересов землевладельцев, финансистов, колониальных и судоходных компаний — коалицией аристократии и тех частей буржуазии, которые сами боялись господства фабрикантов-фритредеров. Не провели ли они этот закон из какого-нибудь сочувствия к народу? Нисколько. Они жили и живут грабежом народа. Они ничуть не лучше, чем фабриканты, хотя менее откровенны и более сентиментальны. Но они не хотели, чтобы фабриканты их вытеснили, и поэтому из ненависти к ним провели этот закон, который должен был обеспечить им народные симпатии и заодно приостановить быстрый рост социального и политического могущества фабрикантов. Принятие билля о десятичасовом рабочем дне доказало не силу рабочего класса, а только то, что фабриканты были еще недостаточно сильны, чтобы добиться того, чего хотели.

С тех пор фабриканты фактически обеспечили себе господствующее положение, добившись через парламент проведения фритредерских принципов в области хлебной торговли и мореплавания. Интересы землевладельцев и судоходных компаний были принесены в жертву' восходящей звезде фабрикантов. И чем сильнее становились фабриканты, тем больше тяготили их оковы билля о десятичасовом рабочем дне. Они стали открыто нарушать его: они восстановили систему смен, они заставили министра внутренних дел издать циркуляры, предписывающие фабричным инспекторам игнорировать это нарушение закона; и, наконец, когда ввиду возрастающего спроса на их товары замечания некоторых докучливых инспекторов стали для них нестерпимы, они перенесли вопрос в Суд казначейства, который одним-единственным приговором целиком аннулировал билль о десятичасовом рабочем дне[151].

Так плоды сорокалетней агитации были уничтожены в один день благодаря растущей силе фабрикантов, которым для этого достаточно было кратковременного «процветания» и «повышения спроса»; а английские судьи доказали, что они в такой же мере, как священники, адвокаты, государственные деятели и политико-экономы лишь платные слуги господствующего класса, будь то класс земельных лордов, или финансовых лордов, или фабричных лордов.

Значит ли это, что мы против билля о десятичасовом рабочем дне, что мы за сохранение этой отвратительной системы наживания денег на костях и крови женщин и детей? Нет, конечно. Мы не только ничуть не против, но мы думаем даже, что в первый же день после взятия им политической власти рабочему классу предстоит принять для охраны женского и детского труда еще гораздо более решительные меры, чем билль о десятичасовом или даже о восьмичасовом рабочем дне. Но мы утверждаем, что билль в том виде, в каком он был проведен в 1847 г., был проведен не рабочими, а их временными союзниками — реакционными классами общества — и что, поскольку за ним не последовали никакие дальнейшие шаги по коренной ломке отношений между капиталом и трудом, он явился несвоевременной, несостоятельной и даже реакционной мерой.

Но пусть билль о десятичасовом рабочем дне больше не существует, рабочий класс все же останется в выигрыше в этом деле. Рабочих не должно смутить кратковременное ликование фабрикантов, в конечном счете ликовать будут рабочие, а фабриканты будут плакать. И вот почему.

Во-первых. Время и усилия, тратившиеся столько лет на агитацию за билль о десятичасовом рабочем дне, не пропали даром, хотя их непосредственные результаты сведены на нет. Участие в этой агитации дало рабочим могущественное средство для ознакомления друг с другом, для уразумения своего положения в обществе и своих интересов, для собственной организации и для осознания своей силы. Рабочий, прошедший через эту агитацию, уже не тот, каким он был до того; и весь рабочий класс в целом, пройдя через нее, сделался в сто раз более сильным, более просвещенным и лучше - организованным, чем он был раньше. Он был скоплением одиночек, не знавших Друг друга, не связанных никакими общими узами; теперь он стал могущественным и сознающим свою силу единым целым [body], которое уже признано как «четвертое сословие», и скоро станет *первым.*

Во-вторых. Рабочий класс убедился на опыте, что *никакое прочное улучшение его положения не может быть добыто*

для него другими, но что он сам должен добыть его, прежде всего посредством завоевания политической власти. Рабочие должны теперь понять, что *им никогда не будет обеспечено улучшение их социального положения, пока они не добьются всеобщего избирательного права,* которое даст им возможность провести *рабочее большинство* в палату общин. С этой точки зрения прекращение действия билля о десятичасовом рабочем дне принесет огромную пользу демократическому движению.

В-третьих. Фактическая отмена закона 1847 г. вовлечет фабрикантов в такую лихорадку перепроизводства, что кризисы последуют один за другим и что очень скоро все средства и ресурсы современной системы будут исчерпаны и сделают неизбежной *революцию,* которая быстро приведет к политическому и социальному господству пролетариев, преобразуя общество гораздо более коренным образом, чем революции 1793 и 1848 годов. Мы уже видели, что существующий общественный строй неразрывно связан с господством промышленных капиталистов и что это господство зависит в свою очередь от возможности непрерывного расширения производства при одновременном снижении его издержек. Но это расширение производства имеет известный предел: оно не может выйти из рамок существующих рынков. Когда это происходит, возникает кризис, влекущий за собой разорение, банкротство и нищету. Было немало таких кризисов, с которыми до сих пор благополучно справлялись благодаря открытию новых рынков (китайского в 1842 г.) или лучшему освоению старых и посредством снижения издержек производства (например, посредством введения свободной торговли хлебом). Но и это имеет свой предел. Новых рынков теперь уже не откроешь, а для дальнейшего снижения заработной платы остается только одно средство — радикальная финансовая реформа и сокращение налогов путем *аннулирования национального долга.* А если у фритредерских фабрикантов не хватит мужества пойти до конца по этому пути или же если это временное средство тоже в известный момент будет исчерпано, ну, тогда их ждет гибель от избытка. Ведь ясно, что без возможности дальнейшего расширения рынков при системе, которая требует непрерывного расширения производства, *господству фабрикантов наступает конец. Что же будет дальше?* «Всеобщее разорение и хаос», — говорят фритредеры. *Социальная революция и господство пролетариата, — утверждаем мы.*

Рабочие Англии! Если вас, ваших жен и детей снова ждет «капкан» тринадцатичасового рабочего дня, не приходите в отчаяние. Эту чашу надо испить, как она ни горька. Чем скорее

вы пройдете через это, тем лучше. Ваши надменные хозяева, будьте в этом уверены, сами вырыли себе могилу, добившись того, что они называют «победой» над вами. Фактическая отмена билля о десятичасовом рабочем дне является событием, которое существенно ускорит наступление часа вашего освобождения. Ваши братья, французские и немецкие рабочие, никогда не довольствовались требованием десятичасового рабочего дня. Они всегда стремились к *полному освобождению от тирании капитала.* И если в отношении техники, производственной квалификации и сравнительной численности вы располагаете гораздо большими возможностями для своего освобождения и для производства достаточного количества благ для вас всех, — *вы, конечно, не будете довольствоваться мелкими подачками.* Так не требуйте больше «охранительных мер в интересах труда», а смело приступайте к немедленной борьбе за *такое политическое и социальное господство пролетариата, которое даст вам возможность самим охранять свой труд.*

Написано Ф. Энгельсом в середине февраля 1850 г.

Напечатано в журнале «The Democratic Review», март 1850 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ

Английские рабочие потерпели значительное поражение, притом со стороны, с которой они менее всего этого ожидали. Суд казначейства, один из четырех высших судов Англии, несколько недель тому назад вынес приговор, которым фактически отменяется главное в изданном в 1847 г. билле о десятичасовом рабочем дне.

История билля о десятичасовом рабочем дне представляет яркий пример своеобразной формы развития классовых противоречий в Англии и заслуживает поэтому детального рассмотрения.

Известно, как с возникновением крупной промышленности началась ранее невиданная, безграничная и беззастенчивая эксплуатация рабочего класса фабрикантами. Новые машины сделали излишним труд взрослых мужчин; для присмотра за машинами требовались женщины и дети, которые были гораздо более пригодны для этого и вместе с тем обходились дешевле мужчин. Промышленная эксплуатация, таким образом, сразу же завладела всей семьей рабочего и заперла ее на фабрике: женщины и дети должны были работать день и ночь, не зная отдыха, пока не падали от полнейшего изнеможения. Дети бедняков из работных домов при растущем спросе на детей стали настоящим предметом торговли. Начиная с четырех-и даже трехлетнего возраста, их продавали с торгов целыми партиями, — под видом учеников, на обучение которых заключался контракт,—фабрикантам, предлагавшим за них наиболее высокую цену. Воспоминание о тех временах бесстыдной и жестокой эксплуатации детей и женщин, — эксплуатации, которая

не отпускала свою жертву, пока можно было высосать из нее еще одну каплю крови, выжать из ее мускулов и жил еще одно усилие, — до сих пор очень живо у английских рабочих старшего поколения; многие из них сохранили это воспоминание в виде искривленного позвоночника или изувеченных членов, и все — в виде непоправимо разрушенного здоровья. Судьба рабов на самых плохих американских плантациях была еще счастьем в сравнении с судьбой английских рабочих того времени.

Уже довольно давно государству пришлось принимать меры для обуздания не знавшей решительно никаких границ безудержной эксплуатации со стороны фабрикантов, попиравших все требования цивилизованного общества. Эти первые законодательные ограничения были, однако, в высшей степени недостаточны, и их вскоре стали обходить. Только полстолетия спустя после введения крупной промышленности, когда бурное промышленное развитие обрело постоянное русло, только в 1833 г. стало возможным провести действенный закон, который, по крайней мере, хоть ставил известный предел наиболее вопиющим злоупотреблениям.

Уже с начала этого столетия под руководством нескольких филантропов образовалась партия, требовавшая законодательного ограничения рабочего времени на фабриках десятью часами в день. Эта партия, которая в двадцатых годах вела свою агитацию под руководством Садлера, а после его смерти — лорда Эшли и Р. Остлера, и продолжала ее вести до действительного проведения билля о десятичасовом рабочем дне, постепенно объединила под своим знаменем, кроме самих рабочих, аристократию и все враждебные фабрикантам фракции буржуазии. Это объединение рабочих с самыми разнородными и самыми реакционными элементами английского общества привело к тому, что агитация за десятичасовой рабочий день велась совершенно в отрыве от революционной рабочей агитации. Правда, чартисты все до одного были за билль о десятичасовом рабочем дне; они составляли основную массу, хор на всех митингах по поводу десятичасового рабочего дня; они предоставляли свою прессу в распоряжение комитета десятичасового рабочего дня; но ни один чартист не выступал официально вместе с аристократическими и буржуазными сторонниками десятичасового рабочего дня и не заседал в комитете десятичасового рабочего дня (Short-Time-Committee) в Манчестере. Этот комитет состоял исключительно из фабричных рабочих и фабричных надсмотрщиков. Однако рабочие, входившие в его состав, были совершенно надломленные, измученные непосильным трудом,

тихие, богобоязненные и смирные люди, которые испытывали священный ужас перед чартизмом и социализмом, относились с подобающим почтением к престолу и к церкви; будучи слишком обессиленными, чтобы ненавидеть промышленную буржуазию, они только и были способны к подобострастному почитанию аристократии, которая, по крайней мере, снизошла до того, что заинтересовалась их нуждой. Рабочий торизм этих сторонников десятичасового рабочего дня был еще отзвуком той первой оппозиции рабочих против промышленного прогресса, которая стремилась восстановить старое патриархальное состояние и в самом энергичном своем проявлении не пошла дальше разрушения машин. Не менее реакционны, чем эти рабочие, были буржуазные и аристократические главари партии десятичасового рабочего дня. Это все были сентиментальные тори, по большей части идеологи-мечтатели, которые жили воспоминаниями о погибшей патриархальной, скрытой эксплуатации, с сопутствующими ей благочестием, привязанностью к домашнему очагу, добродетелью и ограниченностью, с ее неподвижными, унаследованными по традиции порядками. Эти ограниченные люди испытывали головокружение при одном виде бурного промышленного переворота. Их мелкобуржуазная душа возмущалась новыми, внезапно как по волшебству выросшими производительными силами, которые за немногие годы смели с лица земли те классы прежнего общества, которые считались самыми почтенными, самыми неприкосновенными, самыми важными, и поставили на их место новые, ранее неведомые классы — классы, чьи интересы, симпатии, весь образ жизни и мыслей находились в резком противоречии с учреждениями старого английского общества. Эти мягкосердечные идеологи не упускали случая протестовать с точки зрения морали, гуманности и сострадания против немилосердной жестокости и беспощадности, с какой совершался этот процесс преобразования общества, противопоставляя ему в качестве общественного идеала неподвижность, мирное благополучие и благонравие исчезающего патриархального строя.

К этим элементам присоединялись в те периоды, когда вопрос о десятичасовом рабочем дне привлекал к себе общественное внимание, все фракции общества, интересы которых были задеты промышленным переворотом, существование которых он ставил под угрозу. Банкиры, биржевики, судовладельцы и купцы, земельная аристократия, крупные вест-индские землевладельцы, мелкая буржуазия — все они в такие периоды всё более и более объединялись под руководством тех, кто агитировал за десятичасовой рабочий день.

Билль о десятичасовом рабочем дне давал этим реакционным классам и фракциям прекрасную почву для союза с пролетариатом против промышленной буржуазии. Значительно стесняя быстрый рост богатства, влияния, социального и политического могущества фабрикантов, он доставлял рабочим только материальные, даже исключительно физические выгоды. Он ограждал их от слишком быстрого разрушения их здоровья. Но он не давал им ничего, чем они могли бы стать опасными для своих реакционных союзников: он не предоставлял им политической власти и не изменял их общественного положения как наемных рабочих. Наоборот, агитация в пользу десятичасового рабочего дня постоянно удерживала рабочих под влиянием и отчасти даже под руководством их имущих союзников, руководством, из-под которого они со времени билля о реформе и возникновения чартистской агитации все больше и больше стремились уйти. Было совершенно естественно, особенно в начале промышленного переворота, что рабочие, которые вели непосредственную борьбу только против промышленной буржуазии, присоединялись к аристократии и другим фракциям буржуазии, не эксплуатировавшим их непосредственно и также боровшимся против промышленной буржуазии. Но этот союз искажал характер рабочего движения, внося в него сильную реакционную примесь, которая только теперь постепенно исчезает; он значительно усиливал в рабочем движении позиции реакционных элементов, т. е. таких рабочих, как, например, ручные ткачи, отрасль производства которых еще принадлежит к периоду мануфактуры и для которой поэтому промышленный прогресс сам по себе представляет угрозу.

Поэтому для рабочих было счастьем, что в тот период замешательства в 1847 году, когда все старые парламентские партии разложились, а новые еще не сформировались, прошел, наконец, билль о десятичасовом рабочем дне. Он прошел после целого ряда беспорядочных голосований, результат которых явно был делом случая и во время которых ни одна партия, за исключением завзятых фритредерских фабрикантов, с одной стороны, и ярых протекционистских землевладельцев, с Другой, не голосовала единодушно и последовательно. Он прошел как каверза, которую аристократия, часть пилитов и часть вигов подстроили фабрикантам, чтобы отомстить за крупную победу, одержанную последними отменой хлебных законов.

Билль о десятичасовом рабочем дне дал рабочим не только удовлетворение необходимой физической потребности, до некоторой степени ограждая их здоровье от бешеной эксплуатации фабрикантов, он освободил рабочих также от сообщества сенти-

ментальных мечтателей, от солидарности со всеми реакционными классами Англии. Патриархальная болтовня какого-нибудь Остлера, трогательные уверения в сочувствии какого-нибудь лорда Эшли не находили больше слушателей, с тех пор как билль о десятичасовом рабочем дне перестал быть главным содержанием этих тирад. Рабочее движение только теперь всецело сконцентрировалось на завоевании пролетариатом политической власти как первом средстве преобразования всего существующего общества. А в этом вопросе аристократия и реакционные фракции буржуазии, недавние союзники рабочих, противостояли им как заклятые враги, как союзники промышленной буржуазии.

Вследствие промышленного переворота промышленность, благодаря которой Англия завоевала и держала под своим игом мировой рынок, стала решающей отраслью производства для Англии. Благосостояние Англии всецело зависело от подъема или упадка ее промышленности, подымалось и падало вместе с ее колебаниями. В силу решающего влияния промышленности промышленные буржуа, фабриканты, стали решающим классом в английском обществе; политическое господство промышленников, устранение всех общественных и политических учреждений, мешавших развитию крупной промышленности, стали необходимостью. Промышленная буржуазия приступила к делу. История Англии, начиная с 1830 г. до настоящего времени, есть история побед, которые эта буржуазия одерживала одну за другой над своими объединенными реакционными противниками.

В то время как во Франции июльская революция привела к господству финансовой аристократии, в Англии билль о парламентской реформе, прошедший вскоре после того, в 1832 г., привел как раз к падению финансовой аристократии. Банк, национальные кредиторы и биржевые спекулянты, одним словом, торговцы деньгами, которым аристократия сильно задолжала, до того времени почти безраздельно властвовали над Англией под пестрым покровом избирательной монополии. Чем дальше шло развитие крупной промышленности и мировой торговли, тем невыносимее становилось, несмотря на отдельные уступки, их господство. Коалиция всех остальных фракций буржуазии с английским пролетариатом и ирландскими крестьянами ниспровергла финансовую буржуазию. Народ угрожал революцией, буржуазия массами возвращала банку его билеты и привела его на край банкротства. Финансовая аристократия во-время уступила; ее уступчивость избавила Англию от собственной февральской революции.

Билль о реформе дал всем имущим классам страны, вплоть до самого мелкого лавочника, возможность принимать участие в политической власти. Все фракции буржуазии получили благодаря этому законную почву, на которой они могли выступить со своими притязаниями и проявить свою власть. Та же борьба, которую отдельные фракции буржуазии во Франции ведут между собой при республике со времени июньской победы 1848 г., велась в Англии со времени билля о реформе в парламенте. Само собой разумеется, что при совершенно различных условиях и результаты в обеих странах совершенно различны.

Промышленная буржуазия, коль скоро она посредством билля о реформе завоевала себе арену для парламентской борьбы, не могла не одерживать одну победу за другой. Путем ограничения синекур[152] ей принесли в жертву аристократических прихвостней финансистов, законом о бедных 1833 г.[153] — пауперов, понижением тарифа и введением подоходного налога — свободу финансистов и землевладельцев от налогов. С победами промышленников увеличивалось число их вассалов. Крупная и мелкая торговля стали платить им дань. Лондон и Ливерпуль пали ниц перед свободной торговлей, этим мессией промышленников. Но вместе с их победами росли их потребности, их притязания.

Современная крупная промышленность может существовать только при условии постоянного расширения, постоянного завоевания новых рынков. Ее принуждают к этому безграничные возможности массового производства, непрестанное развитие и дальнейшее усовершенствование техники и обусловленное этим беспрерывное вытеснение капиталов и рабочей силы. Здесь всякий застой является только началом разорения. Но расширение промышленности обусловлено расширением рынков. А так как промышленность на современной ступени своего развития несравненно быстрее увеличивает свои производительные силы, нежели она в состоянии расширять свои рынки, то возникают те периодические кризисы, во время которых, благодаря излишку средств производства и продуктов, вдруг останавливается обращение в экономическом организме, промышленность и торговля почти совершенно приостанавливаются до тех пор, пока избыток продуктов не разойдется по новым каналам. Англия составляет очаг этих кризисов, парализующее влияние которых неминуемо достигает самых отдаленных, самых глухих уголков мирового рынка и везде ведет к разорению значительной части промышленной и торговой буржуазии. От таких кризисов, которые, впрочем, самым осязательным образом показывают всем частям английского общества их зависи-

мость от фабрикантов, есть только одно средство спасения: расширение сбыта либо посредством завоевания новых рынков, либо посредством более основательной эксплуатации старых. Если отбросить те немногие исключительные случаи, при которых, как в 1842 г. в Китае, силой оружия был открыт рынок, упорно остававшийся до того времени закрытым, есть только одно средство промышленным путем открыть себе новые рынки и основательнее эксплуатировать старые — это более низкие цены, т. е. уменьшение издержек производства. Но издержки производства могут быть уменьшены посредством новых, более совершенных методов производства, посредством уменьшения прибыли или посредством уменьшения заработной платы. Введение же более усовершенствованных методов производства не может спасти от кризиса, потому что оно увеличивает производство и таким образом само вызывает необходимость в новых рынках. О понижении прибыли во время кризиса не может быть и речи, так как каждый рад продавать даже в убыток. Точно так же обстоит дело с заработной платой, которая к тому же, подобно прибыли, определяется законами, не зависящими от воли и намерений фабрикантов. И все же заработная плата составляет главную составную часть издержек производства, и ее постоянное понижение является единственным средством расширения рынков и спасения от кризиса. Но заработная плата падает лишь с удешевлением средств к жизни рабочего. А средства к жизни рабочего в Англии удорожались покровительственными пошлинами на хлеб, на английские колониальные продукты и т. п. и косвенными налогами.

Этим объясняется безостановочная, энергичная, всеобщая агитация промышленников за свободу торговли и в особенности за отмену хлебных пошлин. Этим объясняется тот знаменательный факт, что с 1842 г. каждый торговый и промышленный кризис приносил им новую победу. Отменой хлебных пошлин промышленникам принесли в жертву английских землевладельцев, отменой дифференциальных пошлин на сахар и т. п. — землевладельцев в колониях, отменой навигационных актов[154] — судовладельцев. В данный момент они ведут агитацию за ограничение государственных расходов и уменьшение налогов, а также за предоставление избирательного права той части рабочих, которая является наиболее благонадежной. Они хотят провести в парламент новых союзников, чтобы тем скорее завоевать себе непосредственное политическое господство, при помощи которого они только и смогут покончить с утратившими всякий смысл, но очень дорого стоящими традиционными придатками английской государственной машины, — с аристократией,

с церковью, с синекурами, с полуфеодальной юриспруденцией. Не подлежит сомнению, что предстоящий именно теперь, в недалеком будущем, новый торговый кризис, который судя по всему совпадет с новыми величайшими столкновениями на континенте, приведет, по меньшей мере, к этому прогрессу в развитии Англии.

Но в разгар этих непрерывных побед промышленной буржуазии реакционным фракциям удалось наложить на нее оковы билля о десятичасовом рабочем дне. Этот билль прошел в такой момент, который не был ни моментом процветания, ни моментом кризиса, в один из тех переходных периодов, когда промышленность еще настолько страдает от последствий перепроизводства, что может привести в движение только часть своих ресурсов, и когда фабриканты, следовательно, сами не дают работать полный рабочий день. Лишь в такой момент, когда билль о десятичасовом рабочем дне ограничивал конкуренцию между самими фабрикантами, лишь в такой момент он был приемлем. Но этот момент скоро уступил место новому периоду процветания. Опустевшие рынки требовали нового подвоза; спекуляция снова развернулась и удвоила спрос; фабриканты не поспевали выпускать продукцию. Теперь билль о десятичасовом рабочем дне превратился для них, более чем когда-либо нуждавшихся в полнейшей независимости и возможности неограниченно распоряжаться всеми ресурсами промышленности, в нестерпимые оковы. Что стало бы с промышленниками во время ближайшего кризиса, если бы им не позволили изо всех сил эксплуатировать короткий период процветания? Билль о десятичасовом рабочем дне должен был пасть. Если еще не хватало сил, чтобы отменить его в парламенте, надо было постараться его обойти.

Билль о десятичасовом рабочем дне ограничивал рабочее время подростков моложе 18 лет и работниц десятью часами в день. Так как женщины, подростки и дети составляют большую часть работающих на фабриках, то необходимым результатом явилось, что фабрики вообще могли работать только десять часов в день. Но когда в связи с периодом процветания у фабрикантов возникла потребность увеличить число часов труда, они все же нашли выход. Как это делалось раньше, когда речь шла о детях моложе 14 лет, рабочее время которых ограничивалось еще в большей мере, они стали нанимать несколько лишних женщин и подростков для помощи и подмены. Таким образом они могли заставить работать свои фабрики и своих взрослых рабочих тринадцать, четырнадцать, пятнадцать часов, причем никто из лиц, подпадающих под действие билля о десятичасовом рабочем дне, не работал больше десяти часов в день. Это

отчасти противоречило букве и в еще большей мере всему духу закона и намерению законодателя; фабричные инспектора подавали жалобы в суд, среди мировых судей не было единства, и их решения расходились между собой. Чем больше росло процветание, тем громче протестовали промышленники против билля о десятичасовом рабочем дне и против вмешательства фабричных инспекторов. Министр внутренних дел, сэр Дж. Грей, отдал инспекторам приказ относиться терпимо к системе смен (relay или shift system). Но многие из них, опираясь на закон, не считались с этим. Наконец, один особенно показательный случай был доведен до Суда казначейства и последний высказался в пользу фабрикантов. Этим приговором билль о десятичасовом рабочем дне фактически отменяется и фабриканты снова становятся полными господами на своих фабриках. Во время кризисов они могут работать два, три или шесть часов, во время же подъема — от тринадцати до пятнадцати часов, а фабричный инспектор не имеет больше права в это вмешиваться.

Если билль о десятичасовом рабочем дне защищали, главным образом, реакционеры и если он был проведен через парламент исключительно реакционными классами, то мы теперь видим, что при том способе, каким он был проведен, он является всецело реакционной мерой. Все общественное развитие Англии связано с развитием промышленности, с ее прогрессом. Все учреждения, которые мешают этому развитию, хотят его ограничить или же хотят регулировать его мерами, лежащими вне его, и подчинить его себе, — реакционны, несостоятельны и будут устранены этим развитием. Революционная сила, которая так легко справилась со всем патриархальным обществом старой Англии, с аристократией и финансовой буржуазией, конечно, не даст уложить себя в прокрустово ложе билля о десятичасовом рабочем дне. Все попытки лорда Эшли и его товарищей восстановить утративший силу билль аутентичным толкованием останутся бесплодными или в самом благоприятном случае будут иметь лишь эфемерный, кажущийся результат.

И все же для рабочих билль о десятичасовом рабочем дне необходим. Он составляет для них физическую потребность. Без билля о десятичасовом рабочем дне все английское молодое поколение рабочих физически погибнет. Но существует огромная разница между биллем о десятичасовом рабочем дне, которого в настоящее время требуют рабочие, и тем, который пропагандировали Садлер, Остлер и Эшли и который был проведен реакционной коалицией в 1847 году. Из недолговечности билля, из того, как легко было его свести на нет,—достаточно

было для этого простого судебного приговора, не понадобилось даже парламентского акта об его отмене, — из последующего выступления своих прежних реакционных союзников рабочие узнали, чего стоит коалиция с реакцией. Они узнали, какую пользу может для них иметь проведение отдельных мелких мероприятий против промышленной буржуазии. Они узнали, что промышленная буржуазия является пока еще тем единственным классом, который в состоянии в настоящий момент стать во главе движения, и что было бы бесцельно противодействовать ей в выполнении этой прогрессивной миссии. Вот почему, несмотря на свою прямую и ни на единый момент не утихающую вражду к промышленникам, рабочие сейчас гораздо более склонны поддержать их в агитации за полное проведение свободы торговли, финансовой реформы и за расширение избирательного права, чем опять дать заманить себя филантропическим обманом под знамя объединенных реакционеров. Они чувствуют, что их час придет лишь тогда, когда роль промышленников уже будет сыграна, и поэтому верный инстинкт подсказывает им ускорить тот процесс развития, который должен дать промышленникам власть и тем самым подготовить их падение. Но рабочие из-за этого не забывают, что, содействуя установлению господства промышленников, они тем самым содействуют установлению власти своих самых кровных, прямых врагов и что они могут достигнуть своего собственного освобождения только путем низвержения промышленников, путем завоевания политической власти для самих себя. Аннулирование билля о десятичасовом рабочем дне еще раз самым блестящим образом доказало им это. Восстановление в силе этого билля может иметь теперь смысл только при господстве всеобщего избирательного права, а всеобщее избирательное право в Англии, населенной на две трети промышленными пролетариями, означает исключительное политическое господство рабочего класса со всеми неразрывно с этим связанными революционными переменами в общественных порядках. Вот почему билль о десятичасовом рабочем дне, которого в настоящее время добиваются рабочие, совершенно не похож на билль, только что объявленный недействительным Судом казначейства. Это уже не отдельная попытка парализовать промышленное развитие, это одно из звеньев в длинной цепи мероприятий, которые должны совершенно преобразовать современный строй общества и постепенно уничтожить существующие до сих пор классовые противоречия, это уже не реакционное, а революционное мероприятие.

Фактическая отмена билля о десятичасовом рабочем дне, сперва самочинными действиями самих фабрикантов, а затем

через Суд казначейства, прежде всего содействовала сокращению периода процветания и ускорению наступления кризиса. Но то, что ускоряет кризисы, ускоряет в то же самое время ход развития английского общества и осуществление ближайшей цели этого развития — низвержение промышленной буржуазии промышленным пролетариатом. Средства, которыми располагают промышленники для расширения рынков и для устранения кризисов, очень ограничены. Предлагаемое Кобденом сокращение государственных расходов либо представляет собой просто свойственную вигам болтовню, либо же оно равносильно настоящей революции, даже если оно рассчитано лишь на временное облегчение. А если оно будет произведено наиболее широким, революционным способом — в той мере, в какой английские промышленники могут быть революционерами, — то как предотвратить следующий кризис? Очевидно, что английские промышленники, средства производства которых обладают несравненно большей силой расширения, чем их рынки сбыта, быстрыми шагами приближаются к тому моменту, когда и их чрезвычайные средства будут исчерпаны, когда период процветания, который теперь еще отделяет один кризис от следующего, под давлением непомерно возросших производительных сил совершенно исчезнет, когда кризисы будут отделяться друг от друга только короткими периодами слабой, полудремотной промышленной деятельности; тогда промышленность, торговля и все современное общество должны были бы погибнуть от избытка не находящей применения жизненной энергии, с одной стороны, и от совершенного истощения — с другой, если бы это ненормальное состояние не носило в себе средства для своего собственного исцеления и если бы промышленное развитие не вызывало в то же время к жизни тот класс, который один только и сможет взять на себя руководство обществом,—пролетариат. Пролетарская революция тогда будет неизбежна, а победа ее несомненна.

Таков правильный, нормальный ход событий, как он с неотвратимой необходимостью вытекает из всего современного общественного положения Англии. Насколько этот нормальный ход может быть сокращен столкновениями на континенте и революционными переворотами в Англии, покажет ближайшее будущее.

А билль о десятичасовом рабочем дне?

С того момента, как границы даже мирового рынка становятся слишком тесными для полного развертывания всех ресурсов современной промышленности, когда ей необходима общественная революция, чтобы ее силы могли снова обрести

полный простор, — с этого момента ограничение рабочего времени уже не является реакционным, оно уже не является тормозом для развития промышленности. Оно, наоборот, устанавливается само собой. Первым результатом пролетарской революции в Англии будет централизация крупной промышленности в руках государства, т. е. господствующего пролетариата, а с централизацией промышленности устраняются все отношения, связанные с конкуренцией, которые в настоящее время приводят к конфликту между регулированием рабочего времени и прогрессом промышленности. И, таким образом, единственное разрешение вопроса о десятичасовом рабочем дне, как и всех вопросов, основанных на противоречиях между капиталом и наемным трудом, лежит в *пролетарской революции*.

Написано Ф. Энгельсом в марте 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische. Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ! [155]

МАРТ 1850

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — СОЮЗУ

Братья!

В течение обоих революционных лет, 1848—1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение, как они были изложены в циркулярных письмах конгрессов и Центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказались единственно правильными и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а понимание современного общественного положения — пропагандировавшееся раньше Союзом только тайно — теперь у всех на устах и публично проповедуется на площадях. В то же самое время прежняя крепкая организация Союза значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины стали запускать свои сношения с Центральным комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем движении всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных

демократов. Такому состоянию необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и поэтому уже зимой 1848—1849 гг. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Миссия Молля не оказала, однако, прочного влияния отчасти потому, что германские рабочие еще не имели тогда достаточного опыта, отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием в мае прошлого года. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и 29 июня* пал в сражении на Мурге. В его лице Союз потерял одного из своих старейших, активнейших и надежнейших членов, который участвовал во всех конгрессах, в Центральном комитете и уже раньше совершал с большим успехом ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 г. почти все члены Центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленной энергией принялись за реорганизацию Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и Центральный комитет считает в высшей степени важным, чтобы эмиссар отправился именно в настоящее время, когда предстоит новая революция, когда, следовательно, рабочая партия должна выступать возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 г., что немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тотчас же обратят свою только что приобретенную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 г. немедленно захватили государственную власть и тотчас использовали эту власть для того, чтобы заставить рабочих, своих союзников по борьбе, вернуться в их прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с устраненной в марте феодальной партией, даже в конце концов не уступив снова господства этой феодальной абсолютистской партии, то все же она обеспечила себе условия, которые ввиду финансовых затруднений правительства передали бы с течением времени в ее руки господство и гарантировали бы ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтобы революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного

* В издании 1885 г. ошибочно напечатано: 19 июля. *Ред.*

развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не понадобились бы насильственные мероприятия, которые вызвали бы против нее ненависть народа, потому что все эти насильственные меры уже осуществила феодальная контрреволюция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Наоборот, близка революция, которая ускорит это развитие, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Вавилон.

И роль, которую немецкие либеральные буржуа в 1848 г, сыграли по отношению к народу, в предстоящей революции эту столь предательскую роль возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 года. Эта партия, демократическая партия, которая для рабочих много опаснее, чем прежние либералы, состоит из троякого рода элементов:

I. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ от уплаты налогов.

II. Из демократически-конституционных мелких буржуа, главной целью которых в предшествовавшем движении было создание более или менее демократического федеративного государства в том виде, как его добивались их представители, левая Франкфуртского собрания, а позже Штутгартский парламент и они сами в кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является германская федеративная республика вроде швейцарской и которые теперь называют себя «красными» и «социальными демократами» потому, что проникнуты благим намерением уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа. Представителями этой фракции были члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, «республиканцами» или «красными», совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Впрочем, понятно, что изменение названия этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим; оно доказывает только, что теперь эта партия вынуждена

выступать против объединившейся с абсолютизмом буржуазии и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только значительное большинство бюргерского населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров: за ней идут крестьяне и сельский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с ней против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах.

Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего сокращения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий, добиваясь создания государственных кредитных учреждений и законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получать ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем установления буржуазных отношений собственности в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходимо демократическое, будь то конституционное или республиканское, государственное устройство, которое давало бы большинство им и их союзникам — крестьянам, и демократическое местное самоуправление, которое передало бы в их руки непосредственный контроль над общинной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Далее, необходимо, по их мнению, противодействовать господству и быстрому росту капитала отчасти путем ограничения права наследования, отчасти же при помощи передачи возможно большего количества работ в руки государства. Что касается рабочих, то прежде всего несомненно, что они попрежнему должны оставаться наемными рабочими, но при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и более обеспеченное существование; они надеются

достигнуть этого отчасти предоставлением занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, — словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу временным улучшением их положения. Далеко не все фракции мелкобуржуазной демократии отстаивают все приведенные здесь ее требования, и только немногие из мелкобуржуазных демократов считают своей задачей добиваться этих требований во всей их совокупности. Чем дальше идут отдельные лица или фракции мелкобуржуазной демократии, тем большее количество этих требований они делают своими, а те немногие, которые в вышеизложенном видят свою собственную программу, пожалуй, могут вообразить, что это максимум того, чего вообще можно ожидать от революции. Но эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время, — это не подлежит никакому сомнению. Поэтому, спрашивается, какова будет позиция пролетариата и в частности Союза по отношению к ней:

1. пока продолжают существовать теперешние отношения, при которых мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении;

2. в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес;

3. по окончании этой борьбы, на то время, когда они получат перевес над низвергнутыми классами и над пролетариатом.

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они вообще проповедуют пролетариату единение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся

к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где ради столь желанного мира не должны быть выставляемы особые требования пролетариата. Подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны добиваться того, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы относятся к такому союзу с пролетариями, в котором последние обладали бы равной с ними силой и равными правами, видно на примере бреславльских демократов: в своем органе, в «Neue Oder-Zeitung», они яростно преследуют самостоятельно организованных рабочих, которых они именуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого объединения. Поскольку необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем сам собою возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, своей решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвижение вперед по отношению к вооруженному пролетариату и продиктовать им такие условия, при

которых господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно гибели и последующее вытеснение его господством пролетариата будет значительно облегчено. Во время конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны действовать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно. Они не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести по отношению к ненавистным лицам или официальным зданиям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и взять на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Они должны потребовать гарантий для рабочих, лишь только демократические буржуа приготовятся ваять власть в свои руки. Если будет необходимо, они должны добиться этих гарантий силой и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство их скомпрометировать. Они вообще должны всемерно и насколько возможно удерживать от опьянения победой и от восхищения новым положением, наступающим после всякой победоносной уличной борьбы,противопоставляя всему этому спокойное и хладнокровное понимание событий и нескрываемое недоверие к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но для того чтобы энергично и грозно выступить против этой партии, которая начнет предавать их с первого же часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы.

Вооружение всего пролетариата ружьями, карабинами, орудиями и боевыми припасами должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. А там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организоваться в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командирами и собственным генеральным штабом, избранными ими же самими, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают на государственных предприятиях, они должны во что бы то ни стало вооружиться и организоваться в отдельный'отряд с избранными ими самими командирами или же в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом они не должны сдавать; всякой попытке разоружения в случае необходимости следует давать вооруженный отпор. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и создать условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для временно неизбежного господства буржуазной демократии, — вот главное, что пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Лишь только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы иметь возможность выступить против демократических мелких буржуа как сила, необходимо прежде всего, чтобы рабочие были самостоятельно организованы и централизованы через свои клубы. После свержения существующих правительств, как только представится возможность, Центральный комитет немедленно отправится в Германию, тотчас же созовет конгресс и внесет на его рассмотрение необходимые предложения относительно централизации рабочих клубов под руководством органа, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере областных объединений рабочих клубов является одной из важнейших мер для усиления и развития. рабочей партии. Ближайшим следствием низвержения существующих правительств будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться о том:

I. Чтобы никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров не могли привести к отстранению от выборов какого-либо числа рабочих.

II. Чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, по возможности из числа членов Союза, и чтобы для их избрания были использ-

зованы все возможные средства. Даже там, где нет никакой надежды на их избрание, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и открыто заявить о своей революционной позиции и своей партийной точке зрения. При этом рабочие не должны дать обманывать себя фразами демократов, например, о том, что это, дескать, раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы имеют своей конечной целью одурачить пролетариат. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который может причинить присутствие нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно и террористически против реакции, влияние последней на выборах заранее будет уничтожено.

Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как и в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который должен будет проделать тот же кругооборот обнищания и растущей задолженности, в котором еще находится теперь французский крестьянин.

Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности принцип общей собственности немедленно же станет на твердую почву. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом[156]. Далее, демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся избегнуть единой и нераздельной республики, постараются по крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам[*] и провинциям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику,

[*] Термин *община* (Gemeinde) употребляется здесь в широком смысле, применительно к городским муниципалитетам и к сельским общинам. *Ред.*

но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального самоуправства, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всю свою мощь может быть развернута только из центра. — Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, при котором немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой провинции. Менее всего можно допускать, чтобы с помощью так называемого свободного местного самоуправления была бы увековечена общинная собственность, — форма собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее, — а вместе с тем были бы увековечены возникающие из этой общинной собственности тяжбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами, против рабочих. Как во Франции в 1793 г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии*.

Мы видели, каким образом демократы в ближайшем движении придут к господству и как они будут вынуждены предлагать более или менее социалистические мероприятия. Возникает вопрос, какие же мероприятия должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно, рабочие не могут в начале

* В настоящее время надо заметить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что Конвент пользовался ею, как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что все управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, которые избирались самими управляемыми и пользовались полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, в такой мере, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической, национальной централизации, настолько же не обязательна его связь с тем ограниченным кантональным или коммунальным эгоизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южногерманские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии в 1849 году. *(Примечание Энгельса к изданию 1885 г.)*

движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов вторгаться по возможности в наибольшее количество областей существующего общественного строя, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не революционно, а лишь реформистски; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были просто конфискованы государством без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональный налог, рабочие должны требовать прогрессивного; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивный налог, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать объявления государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов.

Если немецкие рабочие и не смогут достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью более длительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть, по крайней мере, уверенность, что первый акт этой приближающейся революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами больше всего сделают тем, что уяснят себе свои классовые интересы, займут как можно скорее свою самостоятельную партийную позицию и ни на одно мгновение не поддадутся тому, чтобы демократические мелкие буржуа своими лицемерными фразами сбили их с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевой лозунг должен гласить: «Непрерывная революция». Лондон, март 1850 г.

Размножено в виде листовки в 1850 г.

Опубликовано Ф. Энгельсом в приложениях к книге: K. Marx. «Enthullungen uber den Kommunistenprozes zu Koln». Hottingen — Zurich, 1885 г.

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИИ ИЗ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG. POLITISCH-OKONOMISCHE REVUE» № 4

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ. «СОВРЕМЕННЫЕ ПАМФЛЕТЫ. № 1. СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА. № 2. ОБРАЗЦОВЫЕ ТЮРЬМЫ». ЛОНДОН, 1850[*]

Томас Карлейль — единственный английский писатель, на которого немецкая литература оказала прямое и очень значительное влияние. Хотя бы только из вежливости немец не может пройти без внимания мимо его произведений.

На последнем произведении Гизо (см. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», № 2[**]*)* мы могли убедиться, что «таланты» буржуазии находятся на ущербе. В лежащих перед нами двух брошюрах Карлейля мы видим падение литературного таланта, столкнувшегося с обострением исторической борьбы, наперекор которой он пытается отстоять свои непризнанные, возникшие по наитию, пророческие откровения.

Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в то время, когда ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии Кромвеля, к брошюре о чартизме, к «Прошлому и настоящему»[157]. Но во всех этих произведениях критика современности тесно связана с на редкость антиисторическим апофеозом средневековья, встречающимся, впрочем, часто и у английских революционеров, например у Коббета, и у некоторой части чартистов. В то время как в прошлом он восторгается, по крайней мере, класси-

[*] «Latter-Day Pamphlets». Edited by Thomas Carlyle. «№ 1: The Present Time. № 2: Model Prisons». London, 1850. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 218—223. *Ред.*

ческими эпохами определенной фазы общественного развития, современность приводит его в отчаяние, а будущее страшит. Там, где он признает революцию и даже превозносит ее, там она концентрируется для него в одной какой-нибудь личности, в каком-нибудь Кромвеле или Дантоне. Они являются для него предметом того самого культа героев, который он проповедовал в своих «Лекциях о героях и культе героев»[158] как единственное спасение от чреватого безнадежностью настоящего, как новую религию.

Каковы идеи Карлейля, таков и его стиль. Это — прямая, решительная реакция против современно-буржуазного английского стиля ханжи Пекснифа[159], чья напыщенность и вместе с тем дряблость, осмотрительное многословие и нравоучительно-сентиментальная, безысходная скука перешли от первоначальных творцов этого стиля, образованных лондонцев, на всю английскую литературу. В противоположность этой литературе Карлейль стал обращаться с английским языком, как с совершенно сырым материалом, который ему необходимо было коренным образом переплавить. Он вновь разыскал устарелые обороты и слова и сочинил новые выражения по немецкому образцу, в частности по образцу Жан Поля. Новый стиль был зачастую высокопарен и безвкусен, но нередко блестящ и всегда оригинален. И в этом отношении «Современные памфлеты» обнаруживают значительный регресс.

Впрочем, характерно, что из всех представителей немецкой литературы наибольшее влияние на Карлейля оказал не Гегель, а аптекарь от литературы Жан Поль.

Культ гения, который Карлейль разделяет со Штраусом, в рассматриваемых брошюрах покинут гением. Остался один культ.

«Современная эпоха» начинается с заявления, что современность есть дочь прошлого и мать будущего, но, во всяком случае, — *новая эра.*

Первое явление этой новой эры — папа- *реформатор.* Пий IX, держа евангелие в руках, желал с высоты Ватикана возвестить христианскому миру *«закон правды».*

«Более чем триста лет тому назад трон св. Петра получил безапелляционное судебное решение, аутентичный приказ, который зарегистрирован в небесной канцелярии и который можно с тех пор прочесть в сердцах всех честных людей, — приказ убраться, исчезнуть и не морочить нам голову собой, своими иллюзиями и безбожным бредом; и с тех пор он продолжает существовать на свой собственный риск и должен будет заплатить полной мерой за каждый день этого своего существования. Закон правды? Но чтобы действовать в согласии с этим законом правды, папство должно было отказаться от своей гнилой гальванизированной жизни, являвшей-
ся

оскорблением бога и людей, скромно умереть и дать похоронить себя. То, что предпринял бедный папа, было далеко от этого, хотя в целом по существу это было тем же... Папа-реформатор? Тюрго и Неккер — ничто по сравнению с этим. Бог велик, и когда соблазну должен прийти конец, он для этого дела призывает верующего человека, который берется за работу с надеждой, а не с отчаянием» (стр. 3).

Своими манифестами о реформе папа возбудил вопросы,

«чреватые вихрями, мировыми пожарами, землетрясениями... вопросы, которые все государственные деятели желали, и большей частью надеялись отложить до дня страшного суда. Но день страшного суда уже настал, вот в чем заключается грозная истина» (стр. 4).

Закон правды был провозглашен. Сицилийцы

«оказались первым народом, который решил применить на практике это новое санкционированное святым отцом правило: согласно закону правды мы не принадлежим Неаполю и этим неаполитанским чиновникам. Милостью неба и папы мы желаем освободиться от них».

Этим объясняется сицилийская революция.

Французский народ, который считает самого себя «своего рода народом-мессией», «избранным воином свободы», боялся, как бы жалкие, презренные сицилийцы не отняли у него этот промысел (trade). Отсюда февральская революция.

«Во всей Европе, точно под влиянием симпатического подземного электричества, произошел грандиозный, не поддающийся никакому контролю взрыв, и мы увидели 1848 год, один из самых странных, злополучных, поразительных и в целом унизительных годов, которые когда-либо переживал европейский мир... Повсюду короли и люди, стоящие у кормила правлений, словно оцепенели от внезапного страха, когда в их ушах загремел голос целого мира: Убирайтесь, вы, тупицы, лицемеры, шуты, а не герои! Долой, долой! И что поразительнее всего, и что случилось впервые в этом году — все короли поторопились уйти, как будто восклицая: Да, мы *действительно* бедные шуты; вам нужны герои? Не убивайте нас, что можем мы сделать? — Никто из них не обернулся и не настоял на своей королевской власти как на праве, за которое он мог бы умереть или рискнуть своей шкурой. В этом, повторяю я, тревожная особенность современности. Демократия при этих новых условиях обнаруживает у всех королей *сознание* того, что они попросту комедианты. Они стремительно пустились в бегство — некоторые из них, так сказать, с отменным позором — из страха перед тюрьмой или чем-либо худшим. И народ, или чернь, повсюду ввел свое собственное правление, и везде теперь в порядке дня открытое бесцарствие (kinglessness) — то, что мы называем *анархией,* хорошо еще, если анархия плюс полицейский. Таковы исторические события, развернувшиеся в мартовские дни 1848 г. от Балтийского моря до Средиземного, в Италии, Франции, Пруссии, Австрии, от одного конца Европы до другого. И, таким образом, не осталось ни одного короля в Европе, ни одного короля, если не считать публичного «barangueur»*, ораторствующего с высоты пивной бочки и в передовых статьях или заседающего вместе с ему подобными в национальном парламенте. И почти в течение четырех месяцев вся Франция, и в известной мере вся Европа, как бы

* — «оратора». *Ред.*

подстегиваемая своего рода горячкой, представляла собой волнующееся море черни во главе с г-ном Ламартином в парижской ратуше. Печальное зрелище для мыслящих людей представлял собой, пока он был в силе, этот бедный г-н Ламартин, в котором не было ничего, кроме мелодического ветра, изнеженности и слюнтяйства. Действительно, прискорбное зрелище: самое красноречивое, последнее воплощение реабилитированного «хаоса», способное говорить за себя и с убеждением доказывать при помощи гладких фраз, будто оно «космос»! Но в подобных случаях вам остается уже недолго ждать: под давлением обстоятельств все воздушные шары должны выпустить наполняющий их газ и тотчас же съежиться весьма отвратительным образом» (стр. 6—8).

Кто же раздувал пламя этой всеобщей революции, для которой, разумеется, уже имелся в наличии материал?

«Студенты, молодые литераторы, адвокаты, газетчики, пылкие, неопытные энтузиасты и дикие, по заслугам обанкротившиеся desperados*. Никогда еще до сих пор молодые люди, почти дети, не командовали в такой степени человеческими судьбами. Изменились времена с тех пор, как впервые были созданы слова senior, seigneur или «старший» для обозначения господина или начальника, как мы это наблюдаем в языках всех народов!.. Если вы приглядитесь, то увидите, что старика перестали уважать и начали презирать, как будто он все еще глупый юнец, но юнец без грации, благородства и буйной энергии юного существа. Это дикое положение вещей в скором времени, разумеется, разрешится само собой, как это уже можно наблюдать повсюду; обычные потребности повседневной жизни не могут ужиться с ним и их надо будет удовлетворить, чего бы это ни стоило. Вероятно, в большинстве стран скоро последует какая-либо починка старой машины, которой придадут новую форму и новую окраску; старых театральных королей снова допустят к власти на известных условиях — признания конституции и национальных парламентов и тому подобных модных аксессуаров, и всюду старая повседневная жизнь будет стремиться начаться снова по-старому. Но на этот раз нет надежды, что подобные компромиссы окажутся длительными. Бросаемое таким пагубным образом из стороны в сторону европейское общество должно будет, пошатываясь, идти вперед, двигаясь как бы под влиянием бурных бездонных водоворотов и сталкивающихся между собой морских течений, лишенное прочного фундамента, то беспомощно спотыкаясь, то снова с трудом подымаясь на все более короткие промежутки времени, пока, наконец, не покажется на свет новое *скалистое основание* и не исчезнет опять бурно волнующийся поток бунта и необходимости бунта» (стр. 8—10).

Такова история, которая и в этой форме мало утешительна для старого мира. Затем следует ее мораль:

«Что бы мы ни думали о *всеобщей демократии,* она неизбежный факт нашего времени» (стр. 10). Что такое демократия? Должна же она иметь определенное значение, иначе она бы не существовала. Поэтому все дело сводится к тому, чтобы определить истинное значение демократии. Если это удастся нам, мы сможем-де справиться с ней; в противном случае мы пропали. Февральская революция была «всеобщим банкротством обмана; таково ее краткое определение» (стр. 14). В новое время царили

* — отчаянные, находящиеся в конфликте с правосудием люди. *Ред.*

призраки и призрачные образы—«shams», «delusions», «phantasms», потерявшие значение названия, вместо реальных отношений и вещей, одним словом, ложь вместо истины. Задача реформы — индивидуальный и социальный разрыв с этими, иллюзорными образами и призраками; нельзя отрицать того, что необходимо покончить со всяким притворством (sham), со всяким обманом.

«Конечно, иным это может показаться странным; и иному солидному англичанину из так называемых образованных классов, который с удовольствием здорового человека переваривает свой пудинг, это может показаться чрезвычайно странным, каким-то нелепым невежественным представлением, совершенно чудаческим и чреватым гибелью. На протяжении всей его жизни для него были привычными формы приличия, которые давно уже потеряли свое значение, дозволенные формы поведения, празднества, принявшие характер пустых церемоний — то, что вы в своем иконоборческом юморе называете shams; он никогда не слыхал, чтобы в них было что-нибудь нехорошее, чтобы возможен был какой-либо успех без них. Разве хлопчатобумажная пряжа не изготовлялась сама собой, разве скот не откармливался сам, разве колониальные товары и бакалея не прибывали с востока и с запада, и разве все это преспокойно не уживалось с shams?» (стр. 15).

Совершит ли демократия эту необходимую реформу, это освобождение от shams?

«Совершит ли демократия, когда она будет организована при помощи всеобщего избирательного права, этот целительный всеобщий переход от иллюзии к действительности, от лжи к истине и создаст ли она мало-помалу благословенный мир?» (стр. 17).

Карлейль отрицает это. Он вообще видит в демократии и всеобщем избирательном праве только эпидемию, охватившую все народы под влиянием английского суеверного представления о непогрешимости парламентского правления. Управлять государством на основе всеобщего избирательного права значит-де уподобиться матросам того корабля, который сбился с курса, огибая мыс Горн: вместо того чтобы наблюдать за ветром и погодой и пользоваться секстантами, они поставили на голосование выбор направления и объявили непогрешимым решение большинства. Как для каждого отдельного индивида, так и для общества дело сводится только к тому, чтобы открыть истинные регуляторы вселенной, вечные законы природы в связи с данной в каждый момент задачей и действовать в соответствии с ними. Мы последуем за тем, кто откроет нам эти вечные законы, «будь то русский царь или чартистский парламент, архиепископ кентерберийский или далай-лама». Но как же нам открыть эти вечные предначертания бога? Во всяком случае, всеобщее избирательное право, дающее в руки каждому избирательный бюллетень и подсчитывающее число голов, является худшим путем

к этому. Вселенной весьма свойственна исключительность, и она всегда открывала свои тайны только немногим избранным, только ничтожному меньшинству благородных и мудрых. Поэтому никогда ни один народ не мог существовать на основе демократии. Может быть, назовут Грецию и Рим? Но каждый знает теперь, что они вовсе не были демократиями, что основой этих государств было рабство. Что же касается различных французских республик, то о них совершенно излишне говорить. А образцовая североамериканская республика? Об американцах до сих пор нельзя даже сказать, что они составляют нацию, государство. Американское население живет *без* правительства; правят здесь анархия плюс полицейский. Это состояние вещей возможно лишь благодаря колоссальным пространствам невозделанной еще земли и благодаря принесенному из Англии уважению к дубинке полицейского. Вместе с ростом населения прекратится и это.

«Выдвинула ли Америка хоть одну великую человеческую душу, хоть одну великую мысль, хоть одно великое благородное дело, которому можно было бы поклоняться или которым можно было бы чистосердечно восхищаться?» (стр. 25).

Она только удваивала каждые двадцать лет свое население — voilа tout*.

Таким образом, и по эту и по ту сторону Атлантического океана демократия оказывается навсегда невозможной. Сама вселенная есть монархия и иерархия. Государство, в котором вечный, божественный долг руководства и контроля над невежественными не предоставлен *благороднейшему* и его избранной свите из *благородных,* не является царством божиим, не соответствует вечным законам природы.

Теперь мы узнаем также и секрет, происхождение и необходимость современной демократии. Он заключается просто в том, что лжеблагородный (sham-noble) возвышается и освящается благодаря традиции или вновь изобретенным иллюзиям.

Но кто же должен открыть настоящий бриллиант со всей его оправой более мелких человеческих драгоценностей и жемчужин? Разумеется, не всеобщее избирательное право, ибо только благородный может отыскать благородного. И вот Карлейль заявляет, что в Англии имеется еще известное количество таких благородных и «королей» и на стр. 38 призывает их явиться к нему.

Мы видим, что «благородный» Карлейль исходит из совершенно пантеистического воззрения. Весь исторический

* — вот и все. *Ред.*

процесс обусловливается не развитием самих масс живых людей, которые, разумеется, зависят от определенных, но тоже, в свою очередь, исторически создающихся и изменяющихся предпосылок; он обусловливается вечным, на все времена неизменным законом природы, от которого он сегодня отдаляется, к которому завтра снова приближается и от правильного познания которого все зависит. Это правильное познание вечного закона природы есть вечная истина, все остальное — ложь. При таком воззрении все реальные классовые противоречия, столь различные в различные эпохи, сводятся к одному великому и вечному противоречию между теми, которые познали вечный закон природы и поступают согласно ему — мудрыми и благородными, и теми, которые его ложно понимают, искажают и поступают наперекор ему — глупцами и мошенниками. Исторически создавшиеся классовые различия сводятся, таким образом, к естественным различиям, которые приходится признать за часть вечного закона природы и которые должно почитать, склонившись перед благородными и мудрыми от природы: одним словом — культ гения. Все понимание исторического процесса развития упрощается, таким образом, до плоской банальной мудрости иллюминатов и франкмасонов[160] прошлого столетия, до простой морали из «Волшебной флейты»[161] и до бесконечно опошленного и выродившегося сен-симонизма. Вместе с этим встает, разумеется, и старый вопрос: кто же, собственно, должен управлять? Вопрос этот подробнейшим образом обсуждается с напыщенной легковесностью, и в конце концов дается ответ, что управлять должны благородные, мудрые и знающие. А отсюда совершенно естественно вытекает тот вывод, что следует управлять много, очень много, что никогда нельзя управлять слишком много, так как ведь управление есть постоянное раскрытие и выявление перед массой значения закона природы. Но как же обнаружить благородных и мудрых? Не сверхъестественное чудо на них укажет; их надо искать. И здесь снова выступают на сцену исторические классовые различия, превращенные в чисто естественные различия. Благородный благороден, потому что он мудр, всезнающ. Его, следовательно, надо искать среди классов, которые пользуются монополией образования — среди привилегированных классов; и эти же самые классы найдут его в своей среде и будут выносить решение по поводу его притязаний на ранг благородного и мудрого. Благодаря этому привилегированные классы становятся сейчас же, если не прямо благородными и мудрыми, то все же «членораздельно» говорящими классами; угнетенные классы остаются, разумеется,

«немыми, говорящими нечленораздельно», и таким образом заново санкционируется классовое господство. Все выспреннее, шумное негодование превращается в несколько завуалированное признание существующего классового господства, лишь в недовольное брюзжание и ворчание по поводу того, что буржуа не предоставляют своим непризнанным гениям Места во главе общества и из очень практических соображений игнорируют фантазерскую болтовню этих господ. Впрочем, как и здесь высокопарные словоизлияния превращаются в свою прямую противоположность, как на практике благородный, знающий и мудрый становится пошлым, невежественным и глупым — ярче всего доказывает сам Карлейль.

Так как у него все вертится вокруг вопроса о сильном правительстве, то он ополчается с величайшим негодованием против криков об освобождении и эмансипации:

«Будем же все свободными друг от друга — свободными, без каких бы то ни было связей или уз, за исключением чистогана; надлежащая плата за надлежащую работу, установленная путем добровольного договора и согласно закону спроса и предложения, — это, как воображают, есть истинное разрешение всех трудностей и несправедливостей, имеющих место между людьми. Разве для исправления взаимоотношений между двумя лицами нет иного метода, кроме окончательного прекращения этих отношений?» (стр. 29).

Это окончательное уничтожение всех связей, всех отношений между людьми достигает, разумеется, своего кульминационного пункта в *анархии,* в законе беззаконности, в состоянии, в котором окончательно разорвана связь связей, — правительство. И к этому состоянию стремятся как в Англии, так и на материке и даже в «солидной Германии».

Так Карлейль продолжает бушевать на протяжении целого ряда страниц, смешивая самым странным образом в одну кучу красную республику, fraternité*, Луи Блана и прочее с free trade**, отменой хлебных пошлин и т. д. (ср. стр. 29—42). Таким образом, Карлейль смешивает и отождествляет уничтожение традиционно еще сохранившихся остатков феодализма, сведение государства к строго необходимому и наиболее дешевому, полное осуществление буржуазией свободной конкуренции с устранением именно этих буржуазных отношений, с уничтожением противоположности между капиталом и наемным трудом, с ниспровержением буржуазии пролетариатом. Замечательное возвращение к «ночи абсолюта», когда все кошки серы! Вот оно, это глубокое знание «знающего», который не знает даже азбуки

* — братство. *Ред.*
** — свободой торговли. *Ред.*

того, что происходит вокруг него! Вот она, эта удивительная проницательность, которая рассчитывает, что с уничтожением феодализма, или со свободной конкуренцией будут прекращены всякие отношения между людьми! Вот оно, проницательное проникновение в «вечный закон природы», самым серьезным образом воображающее, что если родители перестанут ходить в мэрию, чтобы «соединяться» между собой узами брака, то не будет больше и детей!

После этого назидательного примера мудрости, сводящейся к чистейшему невежеству, Карлейль представляет нам еще доказательство того, как высоко парящее благородство превращается немедленно в неприкрытую низость, лишь только оно спускается с небес своих сентенций и фраз в мир реальных отношений.

«Во всех европейских странах, в особенности в Англии, уже в какой-то степени образовался класс капитанов и командиров над людьми, который можно признать зачатком новой, реальной, а не воображаемой аристократии — это капитаны промышленности, по счастью, тот класс, который больше чем какой-либо нужен в наше время. А с другой стороны, конечно нет недостатка в людях, которые нуждаются в том, чтобы ими командовали: это тот жалкий класс людей, которых мы описали как эмансипированных кляч — батраков*, которые доведены до бродяжничества и до голодного существования; класс этот образовался также и во всех других странах и продолжает развиваться в зловещей геометрической прогрессии, с ужасающей быстротой. Исходя из этого, можно безошибочно утверждать, что организация труда является всеобщей жизненной задачей мира» (стр. 42—43).

После того как Карлейль на первых сорока страницах вновь и вновь и в самых бурных выражениях изливал весь свой добродетельный гнев против эгоизма, свободной конкуренции, уничтожения феодальных уз между людьми, спроса и предложения, laisser faire[162], производства хлопчатобумажной пряжи, чистогана и т. д., мы теперь вдруг узнаем, что главные представители всех этих shams, промышленные буржуа, не только принадлежат к числу чествуемых героев и гениев, но составляют даже особенно необходимую их часть, что за всеми нападками Карлейля на буржуазные отношения и идеи скрывается апофеоз буржуа как личности. Странным кажется, однако, что Карлейль, найдя командиров и солдат армии труда, т. е. найдя определенную организацию труда, все еще считает организацию труда большой проблемой, требующей своего разрешения. Но не следует обманы-

* — в оригинале «hodge» — презрительная кличка батраков в вообще крестьян. *Ред.*

ваться на этот счет! Дело идет не об организации зачисленных уже в эту армию, а об организации не зачисленных еще рабочих рабочих, не имеющих командиров, и задачу организации этих рабочих Карлейль оставляет за собой. Мы видим в конце его брошюры, как он внезапно выступает в роли британского премьер-министра in partibus[163], созывает три миллиона ирландских и иных нищих, способных к работе оседлых или кочующих голяков, устраивает общее национальное собрание британских пауперов, обретающихся вне работных домов и внутри их, и произносит перед ними «ораторскую» речь, в которой он сначала повторяет этим голякам все, что он сообщил уже раньше читателю, а затем обращается к этому избранному обществу со следующими словами:

«Вы, бродяжничающие голяки и бездельники, некоторые из вас глупцы, многие из вас преступники, все несчастные! Ваш вид вызывает у меня чувство глубокого изумления и отчаяния. Вас здесь собралось три миллиона. Многие из вас скатились в пропасть прямого нищенства, и, страшно сказать, каждый падающий в нее увеличивает своим весом тяжесть цепи, которая тянет других. У края этой пропасти виснут несчетные миллионы, к которым прибавляется, как мне сказали, ежедневно тысяча двести человек, и они падают, падают один за другим, а цепь становится все тяжелее — и кто в конце концов сумеет устоять на ногах? Как же быть с вами?.. Другие, которые еще на ногах, борются со своей собственной нуждой — это я могу вам сказать; но вы недостатком энергии и избытком аппетита, ничтожеством сделанной работы и непомерно выпитым пивом доказали, что вы неспособны на это. Знайте, что кем бы ни были сыны свободы, вы во всяком случае не относитесь к ним и не можете ими быть; вы — не свободные, а буквально узники... Вы по своей природе рабы или, если это вам больше нравится, кочующие бродячие слуги, не умеющие найти себе хозяина... Вы можете отныне вступить со мной в сношения, но не как славные и несчастные сыны свободы, а как узники в подлинном смысле слова, как несчастные падшие братья, которые требуют, чтобы я командовал ими, а если необходимо, и контролировал и подчинял их себе... Перед небом, и землей, и богом, творцом всех нас, я заявляю, что горестно видеть, как *такое* ваше существование поддерживается ценой пота и крови ваших братьев, и что если мы этого не можем изменить, то лучше предпочесть смерть... Запишитесь в мои ирландские, в мои шотландские, в мои английские полки *новой эры,* вы, бедные, бродячие бандиты, повинуйтесь, трудитесь, терпите, поститесь, как все мы должны были это делать... Вам нужны командиры промышленности, фабричные мастера, надсмотрщики, господа над вашей жизнью и смертью, справедливые, как Радаман, и столь же непреклонные, как он, и они найдутся для вас, лишь только вы окажетесь в рамках военного устава... Я скажу тогда каждому из вас: вот работа для вас; примитесь бодро за нее с солдатским мужественным послушанием и твердостью духа и подчинитесь методам, которые я диктую здесь, — и тогда вам будет легко получить плату... Если вы начнете упираться, если вы испугаетесь тяжелого труда, если вы не станете подчиняться предписаниям, то я попытаюсь уговорить вас, убедить вас; если это окажется тщетным, то я буду стегать вас плетью; если и это не поможет, то я, наконец, расстреляю вас» (стр. 46—55).

Таким образом, *«новая эра»,* в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плеть воображает себя гениальной. Гений-Карлейль отличается от любого тюремного цербера или надсмотрщика над бедными лишь добродетельным негодованием и моральным сознанием, что он обдирает пауперов только для того, чтобы поднять их до *своей* высоты. Мы видим здесь, как высокопарный гений в своем искупающем мир гневе фантастическим образом оправдывает и даже усугубляет все гнусности буржуа. Если английская буржуазия уподобила пауперов преступникам, чтобы отпугнуть от пауперизма, если она создала закон о бедных 1833 г., то Карлейль обвиняет пауперов в *государственной измене* на том основании, что пауперизм порождает пауперизм. Подобно тому как раньше у него исторически возникший господствующий класс, промышленная буржуазия, был приобщен к гениальности в силу одного того, что господствовал, так теперь у него всякий угнетенный класс, чем сильнее его угнетение, тем более чужд гениальности, тем более становится жертвой ярости нашего непризнанного реформатора. Так именно обстоит здесь с пауперами. Но его нравственно-благородный гнев достигает своего апогея тогда, когда речь идет об абсолютно низких и негодных людях, о «мерзавцах», т. е. о *преступниках.* О них он говорит в брошюре об образцовых тюрьмах.

Эта брошюра отличается от первой еще более свирепой яростью, которая тем меньше стоит автору, что она направлена против официально изгнанных из теперешнего общества лиц, против находящихся под замком людей, яростью, которая сбросила последние остатки стыдливости, еще проявляемой из приличия обыкновенными буржуа. Подобно тому, как Карлейль в первом памфлете устанавливает полную иерархию благородных и разыскивает благороднейшего из благородных, так здесь он создает столь же полную иерархию мерзавцев и негодяев и старается раздобыть *худшего из худших, величайшего мерзавца* Англии, чтобы иметь удовольствие повесить его. Но допустим, что он его поймает и повесит; в таком случае какой-то другой человек, являющийся теперь наихудшим, должен быть опять-таки повешен, а за ним снова другой, пока, в порядке очереди, дело дойдет, наконец, до благородных, а затем до более благородных, а под конец останется только Карлейль, самый благородный, который, в качестве преследователя мерзавцев, оказывается в то же время убийцей благородных и который убил также в мерзавцах благородное; останется этот благороднейший из благородных, который внезапно

превратится в самого низкого из мерзавцев и в качестве такового должен будет *повесить сам себя.* Этим были бы разрешены все вопросы о правительстве, государстве, организации труда. иерархии благородных и был бы, наконец, осуществлен вечный закон природы.

Написано в марте — апреле 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

А. ШЕНЮ, ЭКС-КАПИТАН ГВАРДИИ ГРАЖДАНИНА КОССИДЬЕРА. «ЗАГОВОРЩИКИ. ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА; ПРЕФЕКТУРА ПОЛИЦИИ ПРИ КОССИДЬЕРЕ; ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ». ПАРИЖ, 1850. ЛЮСЬЕН ДЕЛАОД. «РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В ФЕВРАЛЕ 1848 г.» ПАРИЖ, 1850[*]

Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения.

Оба рассматриваемые произведения, правда, устраняют котурны и ореол, в которых обычно являлись до сих пор «великие мужи» февральской революции; они вторгаются в частную жизнь этих господ, показывая их нам в неглиже, со всем их окружением, состоящим из различного рода субъектов на подчиненных ролях. Но от этого они не становятся менее далекими от действительно правдивого изображения лиц и событий. Один из этих авторов — разоблаченный многолетний шпик Луи-Филиппа, другой — старый заговорщик по профессии, отношения которого с полицией тоже очень двусмысленны и наблюдательность которого характеризуется уже одним тем, что он, якобы, видел между Рейнфельденом и Базелем «ту великолепную цепь Альп, серебряные вершины которой слепят глаз», а между Келем и Карлсруэ «рейнские Альпы, далекие вершины которых терялись на горизонте». От подобных людей — особенно, если они пишут в целях личного оправдания, — можно ожидать,

[*] «Les Conspirateurs», par A. Chenu, ex-capitaine des gardes du citoyen Caussidiere. «Les societes secretes; la prefecture de police sous Caussidiere; les corps-francs». Paris, 1850.
«La naissance de la Republique en fevrier 1848», par Lucien de la Hodde. Paris, 1850. *Ред.*

разумеется, только более или менее карикатурной скандальной хроники февральской революции.

Г-н Делаод старается в своей брошюре изобразить себя шпионом куперовского романа[164]. Он утверждает, что в течение восьми лет парализовал деятельность тайных обществ и этим приобрел заслуги перед обществом. Но от куперовского шпиона до г-на Делаода далеко, очень далеко. Г-н Делаод, сотрудник «Charivari»[165], член Центрального комитета Общества новых времен года с 1839 г.[166], соредактор «Reforme» со времени ее основания и в то же время платный шпион префекта полиции Делессера, никем не был так скомпрометирован, как скомпрометировал его Шеню. Его брошюра непосредственно вызвана разоблачениями Шеню, хотя он и остерегается хотя бы одним словом ответить на то, что говорит о нем Шеню. Таким образом, по крайней мере эта часть мемуаров Шеню достоверна.

«Во время одного из моих ночных путешествий», — рассказывает Шеню, — «я заметил Делаода, прогуливавшегося взад и вперед по набережной Вольтера. Дождь лил как из ведра, и это обстоятельство заставило меня задуматься. Не черпает ли этот милейший Делаод также из кассы тайных фондов? Но я вспомнил его песни, его прекрасные строфы об Ирландии и Польше и в особенности написанные им для газеты «Reforme» резкие статьи» (между тем, как г-н Делаод старается выставить себя человеком, который смягчал тон «Reforme»).

— «Добрый вечер, Делаод, что ты, черт возьми, делаешь здесь в такой час и в такую ужасную погоду? — Я жду здесь одного бездельника, который должен мне деньги, и так как он каждый вечер проходит здесь в этот час, то он мне уплатит, или... — и он сильно ударил палкой по ограде набережной».

Делаод старается избавиться от него и направляется к мосту Карусель. Шеню удаляется в противоположную сторону, но только для того, чтобы спрятаться под арками Института. Делаод вскоре возвращается, осторожно осматривается по сторонам и продолжает прохаживаться взад и вперед.

«Спустя четверть часа я заметил карету с двумя маленькими зелеными фонарями, какую описывал мне мой бывший агент» (прежний шпион, который в тюрьме раскрыл Шеню множество полицейских секретов и опознавательных знаков). «Она остановилась на углу улицы Вьёз-Огюстен. Из нее вышел человек; Делаод прямо подошел к нему, они поговорили с минуту, и я видел, как Делаод сделал движение человека, прячущего деньги в карман. — После этого случая я делал все, чтобы отстранить Делаода от наших собраний, и прежде всего не дать Альберу попасться в ловушку, так как он был краеугольным камнем нашего здания. Через несколько дней после этого «Reforme» отвергла статью г-на Делаода. Это задело его тщеславие как литератора. Я посоветовал ему отомстить, основав другую газету. Он последовал этому совету и даже опубликовал вместе с Пилем и Дюпоти проспект газеты «Peuple»; и в течение этого времени мы были почти совершенно избавлены от него» (Шеню, стр. 46—48).

Мы видим, как куперовский шпион превращается в политически проституированного субъекта самого низкого сорта, который поджидает на улице в дождливую погоду зауряднейшего officier de paix* для получения своего cadeau**. Далее: во главе тайных обществ стоял не Делаод, как он пытается утверждать, а Альбер. Это вообще следует из всего изложения Шеню. Шпик «в интересах порядка» здесь сразу превращается в оскорбленного литератора, который злится на то, что в «Réforme» не принимают без дальнейших околичностей статьи сотрудника «Charivari»; поэтому он порывает с «Réforme», действительным партийным органом, сотрудничая в котором он мог оказывать услуги полиции, порывает, чтобы основать новую газету, в которой он в лучшем случае мог удовлетворить свое литературное тщеславие. Подобно тому как проститутки пытаются оправдать себя в своем грязном деле подобием известного чувства, так шпик пытается оправдать себя своими авторскими претензиями. Ненависть к «Reforme», которой проникнут весь его памфлет, объясняется самой банальной злопамятностью литератора. Наконец, мы видим, что в важнейший период существования тайных обществ, непосредственно перед февральской революцией, Делаода все больше и больше отстраняют от них; и этим объясняется, почему Делаод, в противоположность Шеню, утверждает, что в этот период тайные общества все больше приходят в упадок.

Мы теперь подходим к той сцене, в которой Шеню изображает разоблачение после февральской революции предательства Делаода. Партия «Réforme» собралась у Альбера в Люксембургском дворце по приглашению Коссидьера. Явились Монье, Собрие, Гранмениль, Делаод, Шеню и др. Коссидьер открыл собрание и сказал при этом:

«Среди нас есть предатель. Мы должны конституироваться в качестве тайного трибунала, чтобы судить его». — Гранмениль, как старейший из присутствующих, был избран председателем, а Тифен секретарем. «Граждане, — продолжал Коссидьер в качестве общественного обвинителя, — мы долго обвиняли честных патриотов. Мы были далеки от представления о том, какая змея пробралась в нашу среду. Сегодня я открыл действительного предателя: это Люсьен Делаод!»—Последний, до тех пор спокойно сидевший, вскочил при этом прямом обвинении. Он сделал движение по направлению к двери. Коссидьер быстро закрыл ее, вытащил пистолет и крикнул: «Если ты двинешься с места, я размозжу тебе голову!» — Делаод горячо доказывал свою невиновность. «Хорошо», — сказал Коссидьер. «Вот папки с документами, которые содержат тысячу восемьсот донесений префекту полиции», и он роздал нам специально касающиеся каж-

* — полицейского надзирателя. *Ред.*
** — вознаграждения. *Ред.*

дого из нас донесения. Делаод упорно отрицал, что эти донесения, за подписью Пьер, исходили от него, пока Коссидьер не прочел письмо, впоследствии напечатанное в его мемуарах, в котором Делаод предлагал свои услуги префекту полиции и которое было подписано его настоящей фамилией. С этого момента несчастный больше не отпирался. Он пытался оправдаться, ссылаясь на нищету, которая внушила ему роковую мысль броситься в объятия полиции. Коссидьер вручил ему пистолет — единственный выход, который оставался у Делаода. Делаод стал умолять своих судей, он взывал к их великодушию, но они оставались непреклонны. Бокке, один из присутствующих, потеряв терпение, схватил пистолет и три раза подавал его Делаоду со словами: «Allons*, размозжи себе голову, трус, трус, или я сам тебя застрелю!» — Но Альбер вырвал у него из рук пистолет, говоря: «Опомнись, выстрел здесь, в Люксембурге, поставит всех на ноги!» «Верно, — воскликнул Бокке, — нам надо достать яд». «Яд? — говорит Коссидьер, — я принес с собой яды всех сортов». Он взял стакан, налил в него воды, положил туда сахару, затем всыпал туда белый порошок и предложил Делаоду, который в ужасе отшатнулся. «Так вы хотите меня убить?» — «Да, — сказал Бокке, — пей». На Делаода было страшно смотреть. Он был бледен, его сильно вьющиеся и хорошо расчесанные волосы встали дыбом. Пот струился по его лицу. Он умолял, он плакал, «Я не хочу умирать!» Но Бокке все еще неумолимо держал перед ним стакан. «Ну, пей же, — сказал Коссидьер, — ты и оглянуться не успеешь, как тебя уже не будет».— «Нет, нет, я не буду пить!» — И в смятении он прибавил, сделав зловещий жест: «О, я отомщу за все эти пытки!»

Когда убедились, что всякий призыв к point d'honneur** бесполезен, Делаод по ходатайству Альбера был помилован и препровожден в тюрьму Консьержери (Шеню, стр. 134—136).

Мнимый куперовский шпион становится все более жалким. Он раскрывает перед нами всю свою низость, когда одной только трусостью оказывает сопротивление своим противникам. Мы упрекаем его не в том, что он не застрелился сам, а в том, что он не застрелил первого попавшегося из своих противников. Он пытается задним числом спасти себя брошюрой, в которой старается изобразить всю революцию просто как мошенничество. Правильное название этой брошюры: *«Разочарованный полицейский»*. Она служит подтверждением тому, что подлинная революция является прямой противоположностью представлениям шпика, который, в полном согласии с «людьми дела», видит в каждой революции результат деятельности маленькой котерии. Если все движения, более или менее произвольно спровоцированные котериями, остались простыми мятежами, то из самого изложения Делаода вытекает, что, с одной стороны, *официальные республиканцы* в начале февральских дней еще не питали никакой надежды на завоевание республики; с другой стороны, *буржуазия* вынуждена была против воли помочь завоеванию республики; что, таким

* — Ну, давай. *Ред.*
** — чувству чести. *Ред.*

образом, установление февральской республики было необходимым следствием обстоятельств, которые заставили массы пролетариата, находившегося вне всяких котерий, выйти на улицу, а большинство буржуазии — отсиживаться дома или участвовать в совместных действиях с пролетариатом. В остальном сообщения Делаода весьма скудны и сводятся к самым банальным сплетням. Только одна сцена представляет интерес: состоявшееся в помещении «Reforme» вечером 21 февраля собрание официальных демократов, на котором главари решительно высказались против вооруженного выступления. Содержание их речей в целом доказывает, что в этот день у них еще было правильное понимание обстановки. Смешны только высокопарный тон этих людей и их позднейшие претензии, будто они с самого начала сознательно и намеренно произвели революцию. Самое худшее, что может о них сказать Делаод, это то, что они так долго терпели его в своей среде.

Но перейдем к Шеню. Кто такой г-н Шеню? Он старый конспиратор, участвовавший во всех вооруженных выступлениях, начиная с 1832 г., и хорошо известный полиции. Призванный в армию, он вскоре дезертировал и оставался неузнанным в Париже, несмотря на свое неоднократное участие в заговорах и в вооруженном выступлении 1839 года[167]. В 1844 г. он является в свой полк и, странным образом, несмотря на его хорошо известное прошлое, дивизионный генерал освобождает его от военного суда. Более того, он получает возможность вернуться в Париж, не отслужив своего срока в полку. В 1847 г. он замешан в заговоре с зажигательными бомбами[168], ускользает при попытке ареста, но, тем не менее, остается в Париже, хотя и осужден in contumaciam* на четыре года. Только после того, как его сообщники по заговору обвинили его в связях с полицией, он отправляется в Голландию, откуда возвращается 21 февраля 1848 года. После февральской революции он становится капитаном в гвардии Коссидьера. Коссидьер вскоре начинает подозревать его в сношениях со специальной полицией Марраста (подозрение, несомненно имеющее основание) и удаляет его без большого сопротивления в Бельгию, а затем в Германию. Г-н Шеню более или менее добровольно зачисляется последовательно в бельгийский, немецкий и польский волонтерские отряды. И все это в такое время, когда власть Коссидьера уже начала колебаться. При этом Шеню утверждает, будто он совершенно подчинил себе Коссидьера и однажды угрожающим письмом добился от него своего немедленного

* — заочно. *Ред.*

освобождения из-под ареста. Вот то, что мы можем сказать о характере нашего автора и о доверии, которого он заслуживает.

Обилие румян и пачулей, которыми проститутки стараются прикрыть не слишком привлекательные стороны своего физического бытия, находят свое литературное подобие в bel esprit*, которым Делаод приправляет свой памфлет. Наоборот, книга Шеню, по наивности и живости изложения, в литературном отношении часто напоминает Жиль Бласа[169]. Подобно тому как Жиль Блас в самых разнообразных своих приключениях остается всегда слугой и рассматривает все с точки зрения слуги, так Шеню, начиная с вооруженного выступления 1832 г. и кончая его удалением из префектуры, остается все тем же, находящимся на подчиненных ролях, конспиратором, особую ограниченность которого, впрочем, очень легко отличить от плоских размышлений приставленного к нему из Елисейского дворца литературного «мастера». Ясно, что и у Шеню не может быть речи о понимании революционного движения. Поэтому в его сочинении интересны лишь те главы, где он более или менее беспристрастно описывает то, что видел сам: *заговорщиков* и *героя Коссидьера.*

Всем знакома склонность романских народов к заговорам, а также роль, которую играли заговоры в современной истории Испании, Италии и Франции. После поражений испанских и итальянских заговорщиков в начале 20-х годов Лион и в особенности Париж стали центрами революционных объединений. Как известно, до 1830 г. во главе заговоров против Реставрации стояли либеральные буржуа. После июльской революции их сменила республиканская буржуазия; пролетариат, наученный конспирировать уже при Реставрации, начал выступать на передний план по мере того, как республиканские буржуа, после безрезультатных уличных боев, в страхе отшатнулись от заговорщических обществ. Общество времен года, с помощью которого Барбес и Бланки организовали вооруженное выступление 1839 г., уже было исключительно пролетарским; таким же было образовавшееся после его поражения Общество новых времен года, во главе которого стал Альбер и в котором принимали участие Шеню, Делаод, Коссидьер и др. Заговорщики через посредство своих главарей находились в постоянном контакте с мелкобуржуазными элементами, представленными в «Réforme», но всегда держались очень независимо. Разумеется, эти заговорщические общества никогда не охватывали

* — остроумии. *Ред.*

основную массу парижского пролетариата. Они ограничивались сравнительно небольшим, всегда колебавшимся числом членов, которые состояли отчасти из старых, постоянных заговорщиков, регулярно передававшихся каждым тайным обществом его преемнику, отчасти же из вновь навербованных рабочих.

Из этих старых заговорщиков Шеню изображает почти исключительно ту категорию, к которой он сам принадлежал, — *заговорщиков по профессии.* Вместе с созданием пролетарских заговорщических обществ возникла потребность в разделении труда. Заговорщики разделялись на случайных заговорщиков, conspirateurs d'occasion, — т. е. рабочих, которые участвовали в заговорах лишь наряду со своими другими занятиями, которые только посещали сходки и всегда были готовы по приказу главарей явиться на сборный пункт, — и на заговорщиков по профессии, которые посвящали все свои силы заговору и жили этим. Они составляли промежуточный слой между рабочими и главарями и часто даже пролезали в ряды последних.

Жизненное положение людей этой категории уже предопределяет весь их характер. Участие в пролетарском заговорщическом обществе, разумеется, могло предоставить им крайне ограниченные и ненадежные источники существования. Поэтому заговорщики постоянно вынуждены обращаться к кассе организации. Некоторые из них приходят даже в прямое столкновение с буржуазным обществом и фигурируют в более или менее благопристойном виде перед судом исправительной полиции. Их неустойчивое существование, зависящее иногда более от случая, чем от их деятельности, их беспорядочный образ жизни, при котором постоянными пристанищами являются только кабачки — место встреч заговорщиков, — их неизбежные знакомства со всякого рода подозрительными людьми приводят их в тот круг, который в Париже называют la boheme[*]. Эта демократическая богема пролетарского происхождения — существует и демократическая богема буржуазного происхождения, демократические праздношатающиеся и piliers d'estaminet[**] — состоит либо из рабочих, бросивших свою работу и поэтому разложившихся, либо из субъектов, происходящих из люмпен-пролетариата и перенесших в свое новое существование все распутные нравы, свойственные этому классу. При таких обстоятельствах понятно, что почти в каждом процессе о заговоре оказываются замешанными несколько repris de justice[***].

[*] — богемой. *Ред.*
[**] — завсегдатаи кабачков. *Ред.*
[***] — рецидивистов. *Ред.*

Вся жизнь этих заговорщиков по профессии носит резко выраженный характер богемы. Являясь унтер-офицерами по вербовке заговорщиков, они переходят из одного кабачка в другой, прощупывают настроение рабочих, выискивают необходимых им людей, улещивая втягивают их в заговор, возлагая расходы за неизбежную при этом выпивку либо на кассу общества, либо на нового приятеля. Вообще говоря, владелец кабачка фактически дает им пристанище. Заговорщик большую часть времени проводит у него; здесь у него происходят свидания с товарищами, с членами его секции, с теми, кого он намерен завербовать; здесь, наконец, происходят тайные собрания секций и главарей секций (групп). В этой постоянной кабацкой атмосфере заговорщик, который и без того, как все парижские пролетарии, очень веселого нрава, превращается вскоре в законченного bambocheur*. Мрачный заговорщик, обнаруживающий в тайных заседаниях спартанскую строгость нравов, вдруг смягчается и становится известным повсюду завсегдатаем, который понимает толк в вине и в женщинах. Это кабацкое веселье усиливается еще постоянными опасностями, которым подвергается заговорщик; он может каждую минуту быть призванным на баррикады и там погибнуть; на каждом шагу полиция ставит ему западни, грозящие тюрьмой или даже каторгой. Подобные опасности как раз и составляют самую прелесть ремесла; чем больше опасность, тем более заговорщик торопится насладиться настоящим. В то же время привычка к опасности делает его в высшей степени равнодушным к жизни и свободе. В тюрьме он чувствует себя так же дома, как в кабачке. Каждый день он ожидает приказа к выступлению. Отчаянная, безрассудная смелость, характеризующая все парижские восстания, вносится в них именно этими старыми заговорщиками по профессии, hommes de coup de main**. Это они строят первые баррикады и командуют ими, они организуют сопротивление, нападение на оружейные лавки, реквизицию оружия и боеприпасов в частных домах, они осуществляют во время восстания те безумно-дерзкие действия, которые так часто приводят в замешательство правительственную партию. Одним словом, они — офицеры восстания.

Само собой разумеется, что эти заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых

---

* — прожигателя жизни, забулдыгу. *Ред.*
** — людьми решительных действий. *Ред.*

для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков. Они увлекаются изобретениями, которые должны сотворить революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны подействовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований. Занятые сочинением подобных проектов, они преследуют только одну ближайшую цель — низвержение существующего правительства, и глубочайшим образом презирают просвещение рабочих относительно их классовых интересов, просвещение, носящее более теоретический характер. Этим объясняется их не пролетарская, а чисто плебейская неприязнь к habits noirs*, более или менее образованным людям, представляющим эту сторону движения; но так как последние являются официальными представителями партии, то заговорщики никогда не могут стать совершенно независимыми от них. Время от времени habits noirs должны служить им также денежным источником. Впрочем ясно, что заговорщики должны волей-неволей следовать за развитием революционной партии.

Главной характерной чертой в жизни заговорщиков является их борьба с полицией, по отношению к которой они находятся в таком же положении, как воры и проститутки. Полиция терпит заговорщические общества и вовсе не только как неизбежное зло. Она терпит их как легко поддающиеся надзору центры, в которых сосредоточены самые отчаянные революционные элементы общества, как мастерские по производству мятежей, ставших во Франции столь же необходимым средством управления, как и сама полиция, и, наконец, как место вербовки своих собственных политических шпиков.. Подобно тому как самые толковые уголовные сыщики, Видоки и им подобные, набираются из числа мошенников высшей и низшей категории — воров, жуликов и лжебанкротов, — и часто снова возвращаются к своему старому промыслу, так низшая политическая полиция рекрутируется из числа заговорщиков по профессии. Заговорщики находятся в постоянном соприкосновении с полицией, они ежеминутно приходят в столкновение с ней; они охотятся за шпиками, так же как шпики охотятся за ними. Шпионство — одно из их главных занятий. Поэтому неудивительно, что небольшой скачок от заговорщика по профессии к платному по-

* — черным фракам. *Ред.*

лицейскому агенту совершается так часто, если к этому еще толкают нищета и тюремное заключение, угрозы и посулы. Этим объясняется безграничная подозрительность, которая царит в заговорщических обществах, совершенно ослепляет их членов и заставляет их видеть в своих лучших людях шпиков, а в действительных шпиках своих самых надежных людей. Ясно, что эти рекрутирующиеся из числа заговорщиков шпионы по большей части связываются с полицией с добрым намерением надуть ее, что им некоторое время удается вести двойную игру, пока они не становятся все больше и больше жертвой своего первого шага, и что они действительно часто надувают полицию. Впрочем, попадает ли подобный заговорщик в расставленную ему полицией западню или нет, это зависит от чисто случайных обстоятельств и более от количественного, чем от качественного различия в твердости характера.

Таковы заговорщики, которых Шеню изображает нам часто очень живо и характер которых он обрисовывает то преднамеренно, то невольно. Впрочем, сам он — вплоть до своих не вполне ясных отношений с полицией Делессера и Марраста — самый разительный образец заговорщика по профессии.

По мере того как парижский пролетариат сам стал выдвигаться вперед в качестве партии, эти заговорщики начали терять руководящее влияние, среди них начался распад, они встретили опасную конкуренцию в тайных пролетарских обществах, ставивших себе целью не непосредственное восстание, а организацию и развитие пролетариата. Уже восстание 1839 г. носило определенно пролетарский и коммунистический характер. Но после него начались расколы, на которые так жалуются старые заговорщики, — расколы, обусловленные потребностью рабочих уяснить себе свои классовые интересы и обнаружившиеся отчасти в старых, заговорщических, отчасти в новых, пропагандистских, организациях. Коммунистическая агитация, так энергично начатая Кабе вскоре после 1839 г., спорные вопросы, возникшие внутри коммунистической партии, очень скоро переросли уровень понимания заговорщиков. И Шеню и Делаод признают, что ко времени февральской революции коммунисты являлись бесспорно сильнейшей фракцией революционного пролетариата. Заговорщики, чтобы не потерять своего влияния на рабочих, а вместе с тем и своего значения в противовес habits noirs, должны были тянуться за этим движением и принимать коммунистические или социалистические идеи. Так, еще до февральской революции возникло противоречие между заговорщическими обществами рабочих, представленными в лице Альбера, и сторонниками «Reforme», противоречие, которое вскоре

снова обнаружилось внутри временного правительства. Впрочем, мы не думаем смешивать Альбера с этими заговорщиками. Из обоих разбираемых нами произведений видно, что Альбер сумел занять лично независимое положение по отношению к этим своим орудиям и ни в коем случае не относится к той категории людей, которые занимаются конспирированием как источником существования.

История с бомбами в 1847 г., в которой прямое воздействие полиции было сильнее, чем во всех прежних случаях, расстроила, наконец, ряды самых упрямых и упорных старых заговорщиков и вовлекла их сохранившиеся до тех пор секции в непосредственное пролетарское движение.

После февральской революции мы снова обнаруживаем в префектуре полиции в качестве монтаньяров этих заговорщиков по профессии, наиболее неистовых участников заговорщических секций и détenus politiques* пролетарского происхождения, являющихся по большей части тоже старыми заговорщиками. Однако заговорщики по профессии образуют ядро всей этой компании. Нетрудно себе представить, что эти люди, собранные здесь все вместе с оружием в руках, находясь по большей части на короткой ноге со своими префектами и офицерами, должны были представлять довольно буйный корпус. Подобно тому как Гора Национального собрания являлась пародией на старую Гору и своим бессилием доказывала самым убедительным образом, что в настоящее время уже недостаточно старых революционных традиций 1793 года, так и монтаньяры префектуры полиции, это подобие старых санкюлотов, являлись доказательством того, что для современной революции недостаточно уже и этой части пролетариата и что только весь пролетариат в целом может осуществить революцию.

Шеню изображает в весьма живых красках санкюлотский образ жизни этой почтенной компании в префектуре. Эти юмористические сцены, — в которых, очевидно, деятельно участвовал и сам г-н Шеню, — носят по временам довольно сумасбродный характер. Но они отлично объясняются характером старых заговорщиков, этих barabocheurs, и представляют собой необходимый и даже здоровый противовес оргиям буржуазии в последние годы царствования Луи-Филиппа.

Мы приведем только один пример из рассказа об их водворении в префектуре.

«Когда рассвело, я заметил, как постепенно прибывали начальники групп со своими людьми, но по большей части невооруженные, Я обратил

---

* — политических заключенных. *Ред.*

на это внимание Коссидьера. «Я обеспечу их оружием, — сказал он _ найди подходящее место, чтобы разместить их в префектуре». Я немедленно исполнил это поручение и послал их занять старое караульное помещение полицейских, где со мной когда-то так недостойно обошлись. Вскоре я увидел, что они бегут обратно. «Куда вы бежите?»— спросил я их.—«Пост занят полицейскими, — ответил мне Девес, — они спокойно спят, и мы ищем, чем разбудить и выбросить их вон».—Они вооружились чем попало: шомполами, ножнами от сабель, ремнями, которые они складывали вдвое, и палками от метел. Затем мои молодцы, которые все в большей или меньшей мере испытали на себе наглость и грубость спящих, со всей силой набросились на них и в течение более получаса так проучили их, что некоторые после этого долго болели. Я прибежал на их крики о помощи и мне только с трудом удалось открыть двери, которые монтаньяры благоразумно заперли изнутри. Надо было видеть, как полицейские полуодетыми выбегали во двор; они спускались с лестницы одним прыжком, и лишь знакомство со всеми ходами и выходами префектуры помогало им скрыться с глаз врагов, преследовавших их. Завладев крепостью, гарнизон которой они так вежливо сменили, наши монтаньяры победоносно украсили себя наследством побежденных и долгое время разгуливали во дворе префектуры со шпагой на боку, в плащах и треугольных шляпах, которых большинство из них прежде так боялось» (стр. 83—85).

Мы познакомились с монтаньярами. А теперь мы переходим к их вождю, герою эпопеи Шеню, к *Коссидьеру.* Шеню говорит о нем очень часто, тем более, что против него, собственно, направлена вся книга.

Главные упреки,-делаемые Коссидьеру, относятся к его моральному облику. Все они сводятся к историям с дутыми векселями и другими мелкими попытками раздобыть себе денег. какие могут быть и бывают в Париже у всякого задолжавшего и любящего пожить коммивояжера. Вообще только от величины капитала и зависит то, в какой мере подпадают под действие Code penal[*] плутни, надувательства, спекуляции и биржевые проделки, на которых основывается вся торговля. О биржевых проделках и надувательстве на китайский лад, особенно характерном для французской торговли, можно прочесть пикантные вещи; у Фурье в книгах «Четыре движения», «Ложная хозяйственная деятельность», «Трактат о всемирном единстве» и в его посмертных произведениях[170]. Г-н Шеню даже не пытается доказать, что Коссидьер использовал в своих частных интересах свое положение префекта полиции. Вообще любая партия могла бы только поздравить себя, если бы ее победоносные противники вынуждены были ограничиться разоблачением только подобных мелочей торгово-морального порядка. Какой огромный контраст между мелкими экспериментами коммивояжера Коссидьера и грандиозными скандалами буржуазии 1847 года! Вся критика Шеню имеет смысл лишь постольку, поскольку Коссидьер принадлежал

[*] — уголовного кодекса. *Ред.*

к партии «Reforme», пытавшейся прикрыть недостаток революционной энергии и понимания торжественными заверениями в республиканской добродетели и мрачной серьезностью взглядов.

Из всех вождей февральской революции Коссидьер единственный человек веселого нрава. Представляя в революции тип loustic*, он был вполне подходящим вожаком старых заговорщиков по профессии. Чувственный и остроумный, старый завсегдатай кафе и кабачков самого различного рода, придерживавшийся принципа — живи и жить давай другим, при этом по-военному отважный, скрывающий под добродушным видом и свободой манер большую пронырливость, хитрость и осмотрительность, а также тонкий дар наблюдения, он обладал известным революционным тактом и революционной энергией. Коссидьер был тогда настоящим плебеем, который инстинктивно ненавидел буржуазию и в высшей степени был наделен всеми плебейскими страстями. Лишь только он водворяется в префектуре, он уже конспирирует против «National», не забывая при этом кухни и погреба своего предшественника. Он тотчас же организует себе военную силу, обеспечивает за собой газету, основывает клубы, распределяет роли и вообще действует в первый момент с большой уверенностью. В течение 24 часов префектура была превращена в крепость, в которой он может не страшиться своих врагов. Но все его планы либо остаются простыми проектами, либо сводятся на практике к безрезультатным, чисто плебейским выходкам. Когда противоречия обостряются, он разделяет участь своей партии, которая застряла в нерешительности на полпути между сторонниками «National» и такими пролетарскими революционерами как Бланки. Его монтаньяры раскололись; старые bambocheurs выходят из повиновения и их уже нельзя обуздать, между тем как революционная часть переходит к Бланки. Сам Коссидьер все более и более обуржуазивается в своем официальном положении префекта и народного представителя; 15 мая он предусмотрительно держится в стороне от событий[171] и весьма недостойным образом старается выгородить себя в палате депутатов; 23 июня он бросает инсургентов на произвол судьбы. В награду за это его, разумеется, удаляют из префектуры, и вскоре после этого он вынужден эмигрировать.

Ниже мы приводим из книг Шеню и Делаода некоторые наиболее характерные места о Коссидьере.

Едва назначив Делаода генеральным секретарем префектуры, 24 февраля вечером, Коссидьер заявил ему:

* — весельчака. *Ред.*

«Мне нужны здесь надежные люди. В административном хозяйстве все как-нибудь пойдет своим путем; я временно оставил старых чиновников; как только они обучат патриотов, мы от них *отделаемся.* Это вопрос второстепенный. Речь идет о том, чтобы превратить префектуру в цитадель революции. Проинструктируйте в этом духе наших людей; пусть они все явятся сюда. Если мы будем иметь здесь тысячу крепких товарищей, все будет в наших руках. Ледрю-Роллен, Флокон, Альбер и я понимаем друг друга, и я надеюсь, что дело пойдет. Надо опрокинуть «National». После этого мы республиканизируем страну, хочет она того или нет».

Сейчас же вслед за этим явился с визитом Гарнье-Пажес, мэр Парижа, под начальство которого «National» поставила полицию. Он предложил Коссидьеру вместо неприятной должности в префектуре пост коменданта замка Компьен. Коссидьер ответил ему своим тоненьким голоском, который поразительно не соответствует его широким плечам: «Я в Компьен? Это невозможно! Необходимо, чтобы я оставался здесь. У меня внизу несколько сот бравых молодцов, которые славно работают; я еще ожидаю пополнения в двойном количестве. Если у вас в ратуше почувствуется недостаток доброй воли или мужества, то я смогу вам помочь... Ха-ха, la revolution fera son petit bonhomme de chemin, il le faudra bien![*]—Революция? Но она уже совершилась!—О, нет, она еще даже не начиналась!— Бедный мэр был совершенно ошеломлен» (Делаод, стр. 72).

Одна из самых веселых сцен, изображенных Шеню, это прием полицейских комиссаров и officiers de paix новым префектом, который был как раз за столом, когда о них было доложено.

«Пусть они подождут, — сказал Коссидьер, — префект *работает».* Он работал еще добрых полчаса, и только тогда подготовил мизансцену для приема господ комиссаров, которые между тем выстроились вдоль большой лестницы. Коссидьер величественно уселся в свое кресло, с большой саблей на боку. Два монтаньяра в растерзанном виде, со свирепыми физиономиями, с мушкетом у ноги, с трубкой в зубах, охраняли дверь. Два капитана с обнаженными саблями стояли по обе стороны его письменного стола. Кроме того, в зале кучками стояли все главари секций и республиканцы, которые составляли его генеральный штаб. Все были вооружены большими саблями и кавалерийскими пистолетами, карабинами и охотничьими ружьями. Все курили, и облако дыма, наполнявшее зал, делало лица еще более мрачными, придавая этой сцене действительно устрашающий вид. Посредине было оставлено свободное пространство для комиссаров. Все надели головные уборы, и Коссидьер отдал приказ ввести их. Бедняги-комиссары только об этом и мечтали, так как они подвергались оскорблениям и угрозам со стороны монтаньяров, которые сулили им всевозможные пытки. «Банда негодяев! — ревели монтаньяры, — теперь вы, наконец, в наших руках! Вам не уйти отсюда, вы должны оставить здесь свою шкуру!» — Войдя в кабинет префекта, комиссары решили, что попали из огня да в полымя. Первый из них, переступив порог, казалось, на момент заколебался. Он не знал, идти ли ему вперед или назад, так мрачны были направленные на него взоры всех. Наконец, он решился, сделал шаг вперед и поклонился, еще один шаг и поклонился ниже, еще шаг и поклонился еще ниже. Все входили в зал, низко кланяясь страшному префекту, который холодно и молчаливо принимал эти знаки уважения, опершись рукой на эфес своей сабли. Комиссары с изумлением

[*] — революция будет понемножку разворачиваться, это уж обязательно! *Ред.*

взирали на это странное зрелище. Некоторые, сбитые с толку от страха и желавшие, без сомнения, выслужиться перед нами, находили эту картину внушительной и величественной. — «Тише!» — приказал один монтаньяр замогильным голосом. Когда все они вошли, Коссидьер, сидевший до тех пор молча и неподвижно, нарушил тишину и заговорил самым грозным голосом:

«Неделю тому назад вы едва ли ожидали увидеть меня здесь на этом месте, окруженного верными друзьями. Итак, теперь они ваши повелители, эти картонные республиканцы, как вы их некогда называли. Вы дрожите перед теми, с кем вы обращались самым недостойным образом. Вы, Вассаль, были самым гнусным и фанатичным приверженцем низвергнутого правительства, самым яростным преследователем республиканцев, а теперь вы попали в руки своих самых непримиримых врагов, потому что никто из присутствующих здесь не избежал ваших преследований. Если бы я послушался справедливых требований, обращенных ко мне, я применил бы репрессии, но я предпочитаю забыть. Возвращайтесь все к своим обязанностям; но если я когда-либо узнаю, что вы принимаете участие в каких-нибудь реакционных интригах, я раздавлю вас, как клопов. Идите!»

Комиссары прошли через все стадии страха и довольные тем, что отделались головомойкой префекта, весело удалились. Монтаньяры, ожидавшие их внизу на лестнице, проводили их со страшным гамом до конца улицы Жерюзалем. Едва исчез последний комиссар, как мы разразились громким хохотом. Коссидьер сиял и хохотал больше всех над великолепной шуткой, которую он сыграл со своими комиссарами» (Шеню, стр. 87—90).

После событий 17 марта, в которых Коссидьер принимал большое участие, он сказал Шеню: «Я могу по своему усмотрению поднимать массы в бросать **их** против буржуазии» (Шеню, стр. 140).

Вообще Коссидьер никогда не шел дальше игры в запугивание своих противников.

Наконец, об отношении Коссидьера к монтаньярам Шеню пишет:

«Когда я говорил Коссидьеру об эксцессах, которым предавались его люди, он вздыхал, но у него были связаны руки. Большая часть из них проделала с ним жизненный путь, они делили с ним горе и радость, многие оказывали ему услуги. Если он не мог их сдержать, то это было следствием его собственного прошлого» (стр. 97).

Мы напоминаем нашим читателям, что обе эти книги были написаны во время предвыборной агитации к 10 марта[172]. Какое влияние они оказали, показывают результаты выборов — блестящая победа красных.

Написано в марте — апреле 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung, Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ЭМИЛЬ ДЕ ЖИРАРДЕН.
«СОЦИАЛИЗМ И НАЛОГ». ПАРИЖ, 1850*

Существует двоякого рода социализм: «хороший» социализм и «дурной» социализм.

Дурной социализм, это — *«война труда против капитала».* Ему приписываются все ужасы: уравнительный передел земли, уничтожение семейных уз, организованный грабеж и прочее.

Хороший социализм, это — *«гармония между трудом и капиталом».* Ему сопутствует уничтожение невежества, искоренение причин, порождающих пауперизм, организация кредита, приумножение собственности, реформа налоговой системы — одним словом, «режим, который больше всего приближается к тому, как человек представляет себе царство божие на земле».

Нужно воспользоваться хорошим социализмом, чтобы удушить дурной.

«Социализм имел рычаг; этим рычагом был *бюджет.* Но ему не хватало точки опоры, чтобы сдвинуть мир с его оси. Эту точку опоры дала ему революция 24 февраля: это — *всеобщее избирательное право».*

Источником бюджета являются *налоги.* Таким образом, воздействие всеобщего избирательного права на бюджет сводится к его воздействию на налоги. Благодаря этому воздействию на налоги осуществляется «хороший» социализм.

«Франция не может платить больше 1200 млн. фр. налогов в год. Что хотите вы предпринять, чтобы сократить расходы до этой суммы?»

«В течение тридцати пяти лет вы трижды записали, в двух хартиях и одной конституции, что все французы должны нести тяжесть государственных расходов пропорционально своему состоянию. В течение тридцати пяти лет это равенство обложения налогами остается ложью...»

Рассмотрим же французскую налоговую систему.

I. Земельный налог. Земельный налог ложится на землевладельцев *не пропорционально.*

* «Le socialisme et l'impot». Par Emile de Girardin. Paris, 1850. *Ред.*

«Если два смежных земельных участка получили одинаковую оценку в кадастре, то оба земельных собственника платят одинаковый налог без различия между мнимым и действительным собственником», т. е. между собственником, обремененным ипотекой, и собственником, свободным от нее.

Далее: земельный налог *непропорционален* тем налогам, которые ложатся на другие виды собственности. Когда в 1790 г. Национальное собрание его ввело, оно находилось под влиянием школы физиократов, которая рассматривала землю как единственный источник чистого дохода, и поэтому переложило всю тяжесть налогов на землевладельцев. Таким образом, земельный налог покоится на экономической ошибке. При равном распределении налогов на землевладельца пало бы 20% его дохода, между тем как теперь он платит 53%.

Наконец, по своему первоначальному назначению земельный налог должен был бы ложиться только на собственника, но не на фермера или арендатора. Вместо этого, по словам г-на Жирардена, он постоянно ложится на фермера и арендатора.

Здесь экономическую ошибку допускает г-н Жирарден. Либо фермер является действительным фермером, и в таком случае земельный налог ложится на собственника или на потребителя, но никак не на фермера; или же под видом фермерства он является только работником у собственника, как это имеет место в Ирландии и часто во Франции, и тогда с него всегда будут взыскивать те налоги, которыми облагается собственник, как бы они ни назывались.

II. Личный налог на движимое имущество. Целью этого налога, также введенного в 1790 г. декретом Национального собрания, было непосредственное обложение движимого капитала. Масштабом для определения размеров капитала принята была квартирная плата. В действительности этот налог падает на землевладельца, крестьянина и промышленника, в то время как рантье он почти или совсем не затрагивает. Таким образом, этот налог оказывается полной противоположностью намерениям тех, которые его вводили. Кроме того, миллионер может жить в мансарде с двумя сломанными стульями — это несправедливо и т. д.

III. Налог на окна и двери. Покушение на здоровье народа. Фискальная мера против чистого воздуха и дневного света.

«Почти половина жилых помещений во Франции имеет только дверь и ни одного окна или максимум дверь и окно».

Этот налог был принят 24 вандемьера VII года (14 октября 1799 г.) ввиду крайней нужды в деньгах только как временная чрезвычайная мера, в принципе же он был отвергнут.

IV. Налог на патенты (промысловый налог). Налог не на прибыль, а на занятие определенным промыслом. Наказание за труд. Там, где этот налог должен задеть промышленника, он в большинстве случаев задевает потребителя. Вообще при введении этого налога в 1791 г. речь тоже шла только об удовлетворении временной потребности в деньгах.

V. Регистрационный и гербовый сборы. Droit d'enregistrement[173] был введен во времена Франциска I и вначале не имел фискальной цели (?). В 1790 г. принудительная регистрация контрактов, касающихся собственности, была расширена, а пошлина повышена. Налог установлен таким образом, что с покупки и продажи взимается больше, чем с дарений и наследств. Гербовый сбор есть чисто фискальное изобретение, которое равномерно облагает неравную прибыль.

VI. Налог на напитки. Это соединение всех несправедливостей, тормоз для производства, вызывающий ожесточение, самый дорогой по способам взимания налог (см., впрочем, в третьем номере журнала «1848—1849», «Последствия 13 июня»[*]).

VII. Таможенные пошлины. Хаотическая груда наслоившихся по традиции таможенных ставок, которые противоречат друг другу, лишены смысла и приносят вред промышленности. Например, хлопок-сырец облагается во Франции пошлиной в 22 фр. 50 сант. со 100 килограммов. Идем дальше.

VIII. Октруа[174]. Не имеет даже такого предлога, как защита национальной отрасли промышленности. Это — таможня внутри страны. Первоначально это был местный налог в пользу бедных, в настоящее же время он падает всей тяжестью главным образом на беднейшие классы и приводит к фальсификации предназначенных для них предметов питания. Он ставит национальной промышленности столько же преград, сколько существует городов.

Вот все, что говорит Жирарден об отдельных налогах. Читатель уже, конечно, заметил, что его критика плоска в такой же мере, в какой она справедлива. Она сводится к трем аргументам:

1) ни один налог никогда не ложится на тот класс, который он должен был бы облагать по замыслу вводивших его, а перекладывается на плечи другого класса;

2) каждый временный налог закрепляется и увековечивается;

3) ни один налог не бывает пропорционален имуществу, не бывает справедливым, равномерным, разумным.

---

[*] См. настоящий том, стр. 81—84. *Ред.*

Эти общие экономические возражения против существующих налогов повторяются во всех странах. Но французская налоговая система имеет одно характерное свойство. Подобно тому как англичане являются типичными представителями публичного и частного права, так французы, которые во всех других областях, исходя из общей точки зрения, кодифицировали, упростили и порвали с традицией, в налоговой системе являются подлинно историческим народом. Жирарден по этому поводу говорит:

«Во Франции мы живем под гнетом почти всех фискальных приемов старого порядка. Taille*, подушная подать, aides**, таможенные пошлины, соляной налог, пошлины за контроль, за регистрацию актов, за выдачу копий, табачная монополия, чрезмерные доходы от почтовой службы и торговли порохом, устройство лотереи, общинная или государственная барщина, плата за освобождение от постоев, октруа, речная и дорожная пошлина, чрезвычайные обложения, — все это могло изменить свое название, но все это в действительности продолжает существовать и не стало ни менее тягостным для народа, ни более прибыльным для государственной казны. Наша финансовая система не имеет под собой никакого научного фундамента. Она отражает исключительно средневековые традиции, которые, в свою очередь, являются наследием невежественного и грабительского римского фиска».

Тем не менее наши отцы заявляли уже в Национальном собрании первой революции: «Мы совершили революцию лишь для того, чтобы самим распоряжаться налогами».

Но если это положение могло продолжать существовать при Империи, при Реставрации, при Июльской монархии, то теперь его час пробил:

«Отмена избирательных привилегий необходимо влечет за собой отмену всякого фискального неравенства. Таким образом, нельзя терять ни минуты, надо тотчас же приступить к финансовой реформе, если мы не хотим, чтобы насилие заняло место науки... *Налог* является почти *единственным основанием, на котором покоится наше общество...* Мы усиленно ищем вдали и в заоблачной выси социальные и политические реформы: важнейшие содержатся в налогах. Ищите, да обрящете».

Итак, что же мы обретаем?

«Налоги, как *мы* понимаем, должны служить *страховой премией,* уплачиваемой имущими, *чтобы застраховать себя от всякого риска, который мог бы им помешать в их владении и пользовании...* Эта премия должна быть пропорциональной и совершенно точной. Всякий налог, который не является ни гарантией от риска, ни ценой за товар, ни эквивалентом за услугу, должен быть отменен; мы допускаем только два исключения: налог на заграничные товары (douane) и налог на смерть (enregistrement)... Таким образом, вместо плательщика налогов выступает застрахованный...

* — Талия (прямой налог, падавший главным образом на крестьянство). *Ред.*
** — косвенные налоги. *Ред.*

Всякий, кто заинтересован в том, чтобы платить, платит, и притом только соответственно своему интересу... Мы идем еще дальше и говорим: всякий налог осужден уж тем, что он носит название налога, обложения. *Все налоги должны быть отменены,* так как отличительным признаком налога является его принудительность, страхование же добровольно по своему характеру».

Не следует смешивать эту страховую премию с подоходным налогом, она скорее является налогом на капитал, ибо страховая премия гарантирует не доход, а все имущество в целом. Государство поступает так же, как страховые компании, которые при страховке интересуются стоимостью имущества, а не тем, сколько оно приносит дохода.

«Актив национального богатства Франции оценивается в 134 млрд., из которого надо вычесть пассив в 28 миллиардов. Если расходный бюджет сократится до 1200 млн., то достаточно будет взимать с капитала 1% ежегодно, чтобы довести государство до уровня колоссальной компании взаимного страхования».

И с этого момента — «нет больше революций».

«На место слова *власть* становится слово *солидарность; общий интерес* становится связующим элементом для членов общества».

Г-н Жирарден не удовлетворяется этим общим предложением, но дает нам одновременно и схему страхового полиса или записи, которую каждый гражданин должен получить от государства.

Каждый год тот, кто выполняет функции прежнего сборщика налогов, дает застрахованному полис, состоящий «из четырех страниц величиною с паспорт». На первой странице находится имя застрахованного и его порядковый номер, вместе с сеткой для отметки взносов; на второй странице находятся точные сведения о личности застрахованного и его семье и заверенная по всем правилам подробная оценка всего его имущества, данная им самим; на третьей странице — государственный бюджет вместе с общим балансом Франции; на четвертой странице — различные более или менее полезные статистические сведения. Этот полис служит паспортом, удостоверением избирателю для участия в выборах, расчетной книжкой странствующего рабочего и т. д. Регистры этих полисов в свою очередь служат государству для составления четырех больших книг: большой книги населения, большой книги собственности, большой книги государственного долга и большой книги ипотечного долга, которые вместе содержат полную статистику всех источников доходов Франции.

Налог, таким образом, является скорее страховой премией, которую застрахованный платит, чтобы быть допущенным к пользованию следующими преимуществами: 1) правом на защиту со стороны общества, на бесплатное судопроизводство, на бесплатное отправление религиозных культов, на бесплатное обучение, возможность получения кредита под залог и пенсии от сберегательной кассы; 2) освобождением от военной службы в мирное время; 3) ограждением от нищеты; 4) возмещением убытков от пожара, наводнения, градобития, падежа скота, кораблекрушения.

Следует еще заметить, что г-н Жирарден хочет покрыть суммы, которые государство должно выплачивать застрахованным в возмещение убытков, за счет различных денежных штрафов и т. д., за счет доходов от национальных имуществ и сохраняемых регистрационных и таможенных платежей, а также за счет государственных монополий.

Налоговая реформа, это — конек всех радикальных буржуа, это — специфический элемент всех буржуазно-экономических реформ. Начиная с первых мещан средневековья и кончая современными английскими фритредерами, вся борьба вертится вокруг налогов.

Налоговая реформа имеет целью либо отмену старых, унаследованных по традиции налогов, мешающих развитию промышленности, и удешевление государственного управления, либо более равномерное распределение налогов. Буржуа тем настойчивее гонится за химерическим идеалом равного распределения налогов, чем более этот идеал на практике ускользает из его рук.

Отношения распределения, непосредственно покоящиеся на буржуазном производстве, — отношения между заработной платой и прибылью, прибылью и процентом, земельной рентой и прибылью, — могут быть изменены налогом в лучшем случае только во второстепенных пунктах, но никак не могут быть им поколеблены в своей основе. Все исследования и споры о налогах предполагают вечное существование этих буржуазных отношений. Даже уничтожение налогов могло бы только ускорить развитие буржуазной собственности и заложенных в ней противоречий.

Налоги могут ставить одни классы в привилегированное положение и особенно тяжело ложиться на плечи других классов, как это мы наблюдаем, например, при господстве финансовой аристократии. Они разоряют только стоящие между буржуазией и пролетариатом средние слои общества, положение которых не позволяет им свалить налоговое бремя на какой-нибудь другой класс.

С каждым новым налогом пролетариат оттесняется на ступеньку ниже; отмена же какого-нибудь старого налога повышает не заработную плату, а прибыль. Во время революции можно, увеличив до огромных размеров налог, использовать его как форму нападения на частную собственность, но и тогда он либо должен толкать дальше к новым революционным мероприятиям, либо в конце концов приведет к восстановлению старых буржуазных отношений.

Уменьшение налогов, их более справедливое распределение и т. д. — такова банальная *буржуазная* реформа. *Отмена налогов* — таков *буржуазный социализм.* Этот буржуазный социализм обращается главным образом к промышленным и торговым средним слоям и к крестьянам. Крупная буржуазия, которая уже теперь живет в своем наилучшем из миров, презирает, разумеется, утопию лучшего мира.

Г-н Жирарден отменяет налоги, превратив их в страховую премию. Члены общества путем выплаты определенного процента взаимно страхуют друг другу, свое имущество от пожара, засухи, градобития, банкротства — словом, от всевозможного риска, которые в наше время мешают буржуазии спокойно наслаждаться жизнью. Ежегодные взносы устанавливаются но только всеми страхующимися, но и определяются каждым отдельным индивидом, который сам оценивает свое имущество. Благодаря этому исчезают торговые и земледельческие кризисы, массовые потери и банкротства, все колебания и перемены в буржуазном существовании, принявшие эпидемический характер со времени зарождения современной промышленности, — исчезает вся поэтическая сторона буржуазного общества. Осуществляется всеобщая уверенность и всеобщее страхование*. Гражданин получает от государства письменную гарантию в том, что он ни при каких обстоятельствах не может разориться. Все теневые стороны существующего строя устранены, все его светлые стороны сохраняются в полном блеске — одним словом, осуществлен порядок, «больше всего приближающийся к тому, как буржуа представляет себе царство божие на земле». Вместо власти — солидарность, вместо принуждения — свобода, вместо государства — административная комиссия, и вот найдено колумбово яйцо: математически точный взнос каждого «страхуемого» соответственно его имуществу. Каждый «страхуемый» носит в себе целое конституционное государство, законченную двухпалатную систему. Опасение, как бы не переплатить государству — буржуазная

* Игра слов: «Sicherheit» — «уверенность», «Versicherung» — «страхование». *Ред.*

оппозиция в палате депутатов — побуждает гражданина давать слишком низкую оценку своего имущества. Интерес к сохранению своего достояния — консервативный элемент палаты пэров — склоняет его к тому, чтобы давать слишком высокую оценку его. Из конституционной игры этих противоположных направлений вытекает с необходимостью истинное равновесие властей, точное и правильное указание имущественного положения, настоящая пропорциональность взносов.

Некий римлянин желал иметь дом из стекла, так чтобы каждый из его поступков был открыт взорам всех окружающих. Буржуа желает, чтобы не его дом, а дом его соседа был из стекла. И это желание также исполняется. Например, какой-нибудь гражданин желает получить от меня аванс или же войти со мной в компанию. Я прошу его предъявить свой полис и нахожу в нем полную и подробную исповедь о всех его гражданских отношениях, гарантированную его правильно понятым интересом и скрепленную подписью административного совета страхового общества. Ко мне стучится нищий и просит милостыню. Предъявите полис! Гражданин должен быть уверен, что дает свою милостыню кому следует. Нанимается прислуга, ее вводят в дом и при этом полагаются на удачу; а теперь — предъявите полис!

«Как много заключается браков, в которых ни та, ни другая сторона не знает в точности, что думать о реальности приданого и не имеют ли место взаимно преувеличенные ожидания».

Предъявите полис! Обмен взаимными излияниями прекрасных душ будет в грядущем ограничиваться взаимным обменом полисами. Так исчезает обман, составляющий в настоящее время сладость и муку жизни, и осуществляется царство правды в подлинном смысле слова. Более того.

«При современных порядках суды обходятся государству в $7^1/_2$ миллионов, при осуществлении же нашей системы правонарушения будут для него статьей дохода, а не расхода, ибо все они превращаются в штрафы и в вознаграждение за убытки».

Какая великолепная идея!

В этом лучшем из миров все приносит прибыль: преступления исчезают, а правонарушения приносят доход*. Наконец, так как при этой системе собственность обеспечена от всякого риска, а государство существует только как общество всеобщего страхования всех интересов, то рабочие постоянно обеспечены работой. «Нет больше революций!»

Коль это честным гражданам не впрок,
То кто и чем им угодить бы мог?

* Игра слов: «vergehen» — «исчезать», «Vergehen» — «правонарушение». *Ред.*

Буржуазное государство — не что иное, как общество взаимного страхования буржуазного класса против отдельных своих членов, как и против эксплуатируемого класса, страхования, которое неизбежно становится все дороже и кажется все более самостоятельным по отношению к буржуазному обществу в силу того, что держать в подчинении эксплуатируемый класс становится все труднее. Изменение названия ничуть не изменяет условий этого страхования. Кажущуюся самостоятельность, которую г-н Жирарден приписывает на минуту отдельным индивидам по отношению к страховому обществу, он сам же вынужден немедленно снова отвергнуть. Кто оценит слишком низко свое состояние, тот за это поплатится: страховая касса покупает у него его имущество за указанную им цену и обещанием наград даже толкает на путь доносов. Более того: кто предпочтет не страховать своего состояния, окажется стоящим вне общества и будет объявлен вне закона. Общество не может, разумеется, потерпеть того, чтобы внутри него образовалась категория людей, восстающих против условий его существования. Принуждение, власть, бюрократическое вмешательство в дела — т. е. именно то, что Жирарден хочет устранить, — снова появляются в обществе. Если он и отвлекся на мгновение от условий буржуазного общества, то лишь для того, чтобы вернуться к ним окольным путем.

За отменой налогов скрывается отмена государства. Отмена государства имеет у коммунистов только тот смысл, что она является необходимым результатом отмены классов, вместе с которыми отпадает сама собой потребность в организованной силе одного класса для удержания в подчинении других классов. В буржуазных странах отмена государства означает низведение государственной власти до уровня ее в Северной Америке. Здесь классовые противоречия не получили еще полного развития; классовые столкновения затушевываются всякий раз благодаря отливу избыточного пролетарского населения на Запад; вмешательство государственной власти, сведенное к минимуму на Востоке, на Западе вовсе отсутствует. В феодальных странах отмена государства означает отмену феодализма и установление обыкновенного буржуазного государства. В Германии за лозунгом отмены государства скрывается либо трусливое бегство от непосредственно происходящей борьбы, либо шарлатанское раздувание *буржуазной* свободы вплоть до .абсолютной независимости и самостоятельности *отдельного индивидуума,* либо, наконец, равнодушие буржуа ко всякой форме государства, лишь бы она не задерживала развитие буржуазных интересов. И если эта отмена государства «в высшем смысле»

проповедуется в столь нелепой форме, в этом, конечно, берлинские Штирнеры и Фаухеры неповинны. La plus belle fille de France ne peut donner que ce qu'elle a*.

Таким образом, от страхового общества г-на Жирардена остается только *налог на капитал* в отличие от налога на доход и взамен всех прочих налогов. Капитал у г-на Жирардена не ограничивается только вложенным в производство капиталом, он охватывает также все движимое и недвижимое имущество. Этот налог на капитал он всячески расхваливает:

«Это — колумбово яйцо, это — пирамида, стоящая на своем основании, а не на вершине, это — поток, который сам прокладывает себе русло, это — революция без революционеров, прогресс без регресса, движение без толчка, это, наконец, —простая идея и истинный закон».

Из всех шарлатанских реклам, сочиненных когда-либо г-ном Жирарденом, — а, как известно, имя им легион, — этот проспект налога на капитал является, несомненно, шедевром.

Впрочем, налог на капитал, в качестве единственного налога, обладает своими преимуществами. Все экономисты, в частности Рикардо, доказывали выгоды единого налога. Налог на капитал, в качестве единого налога, уничтожает одним ударом весь сложный и дорогостоящий аппарат налогового управления, меньше всего вторгается в нормальный ход производства, обращения и потребления и в отличие от всех других налогов распространяется и на капитал, вложенный в предметы роскоши.

Но у г-на Жирардена налог на капитал не ограничивается этим; он имеет еще совершенно особенное благотворное действие.

Капиталы одинаковой величины должны платить государству одинаковые налоги, независимо от того, приносят ли они 6%, 3% дохода или вовсе не приносят никакого дохода. Следствием этого будет то, что незанятые капиталы будут пущены в оборот и таким образом увеличится масса производительных капиталов, а занятые уже капиталы станут работать еще интенсивнее, чтобы больше производить. Результатом того и Другого будет падение прибыли и уровня процента. Г-н Жирарден, наоборот, утверждает, что в этом случае прибыль и процент *поднимутся* — настоящее экономическое чудо! Превращение непроизводительных капиталов в производительные и рост производительности капиталов вообще ускорили и усилили ход развития промышленных кризисов и привели к понижению при-

* — Самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть. *Ред.*

были и уровня процентной ставки. Налог на капитал может лишь ускорить этот процесс, обострить кризисы и, таким образом, усилить рост революционных элементов. «Нет больше революций!»

Вторым чудотворным действием налога на капитал, по г-ну Жирардену, является то, что он привлекает капиталы из мало доходного сельского хозяйства в более доходную промышленность, понижает цены на землю и приводит к концентрации землевладения, к крупному английскому земледелию, а вместе с этим — к перенесению во Францию вполне развитой английской промышленности. Не говоря уже о том, что для этого необходимо было бы, чтобы во Францию перекочевали и остальные условия английской промышленности, г-н Жирардон впадает здесь в весьма своеобразную ошибку. Во Франции земледелие страдает не от избытка капиталов, а от недостатка их. В Англии концентрация земельной собственности и подъем сельского хозяйства являются результатом не извлечения капиталов из земледелия, а, наоборот, переброски промышленного капитала в земледелие. Цена земли в Англии значительно выше чем во Франции; общая стоимость всей земли в Англии почти равна всему французскому национальному богатству, как его оценивает Жирарден. Таким образом, цена земли во Франции должна была бы не только не падать по мере ее концентрации, но, наоборот, подниматься. Далее, концентрация земельной собственности в Англии смела с лица земли целые поколения людей. Во Франции эта самая концентрация, которой налог на капитал будет неизбежно содействовать тем, что он ускорит процесс разорения крестьян, погонит эти массы крестьян в города и сделает таким образом революцию еще более неизбежной. И, наконец, если во Франции уже начался обратный процесс от парцеллирования к концентрации, то в Англии крупная земельная собственность снова идет гигантскими шагами навстречу дроблению, доказывая неопровержимым образом, что, пока существуют вообще буржуазные отношения, земледелие должно постоянно проделывать круговое движение от концентрации к дроблению и от дробления к концентрации. Но довольно этих чудес. Перейдем к кредиту под залог. Кредит под залог открывается сначала только для земельной собственности. Государство выпускает закладные квитанции, вполне соответствующие банкнотам, с той только разницей, что обеспечением здесь являются не наличные деньги или золотые слитки, а земля. Государство выдает задолжавшим крестьянам эти закладные квитанции из 4%, чтобы удовлетворить таким образом лиц, давших ссуду под ипотеку; теперь

ипотека находится не в руках частного кредитора, а в руках государства, которое консолидирует долг, и таким образом кредитор уже никогда не может потребовать его обратно. Вся ипотечная задолженность во Франции равняется 14 миллиардам. Хотя Жирарден предполагает выпустить закладных квитанций только на 5 миллиардов, однако увеличения массы бумажных денег на эту сумму хватило бы не только для того, чтобы удешевить капитал, но и для того, чтобы совершенно обесценить бумажные деньги. Жирарден при этом не осмеливается снабдить эти новые бумаги принудительным курсом. Чтобы избегнуть обесценения, он предлагает владельцам этих квитанций обменять их al pari[*] на 3% облигации государственного долга. В итоге вся операция сводится к следующему: крестьянин, который платил прежде 5% да еще и 1% пошлин за переписку закладной, ее возобновление и т. д., платит теперь только 4%, т. е. выигрывает 2%; государство платит 3% и взимает 4%, т. е. выигрывает 1%; бывший частный кредитор, получавший прежде 5%, вынужден, под угрозой обесценения закладных квитанций, принять с благодарностью предлагаемые ему государством 3% и, следовательно, теряет 2%. Кроме того, крестьянин избавлен от необходимости платить свой долг, а кредитор теряет возможность взыскивать с государства следуемую ему сумму. Следовательно, вся операция сводится к прямому, едва прикрытому закладными квитанциями, ограблению лиц, давших ссуду под ипотеку на 2% из 5. Таким образом, единственный раз, когда г-н Жирарден собирается, не ограничиваясь налогами, изменить самые общественные отношения, он вынужден прямо посягнуть на частную собственность, он должен стать революционером и отказаться от всей своей утопии. Но и это посягательство исходит отнюдь не от него. Он заимствовал это требование у немецких коммунистов, которые после февральской революции впервые потребовали превращения ипотечного долга в долг государству[175], хотя, разумеется, совершенно иным образом, чем г-н Жирарден, выступивший даже против этого. Характерно, что единственный раз, когда г-н Жирарден предлагает в известной степени революционную меру, у него не хватает мужества выдвинуть что-либо другое, кроме паллиатива, который может лишь сделать процесс парцеллирования во Франции более хроническим, может лишь ослабить его на несколько десятилетий, с тем чтобы в конце концов снова привести к теперешнему положению.

[*] — по нарицательной цене. *Ред.*

Единственно, чего не найдет читатель во всей книге Жирардена, это *рабочих.* Но буржуазный социализм всегда ведь рисует дело так, *будто общество состоит только из капиталистов,* чтобы иметь затем возможность легко решать, исходя из этой точки зрения, тяжбу между капиталом и наемным трудом.

Написано во второй половине апреля 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР

(Ежемесячный обзор не мог быть напечатан в предыдущем номере из-за недостатка места. Мы помещаем здесь лишь ту часть этого обзора, которая относится к Англии.)

Незадолго до годовщины февральской революции, когда Карлье велел срубить деревья свободы, «Punch»[176] поместил рисунок дерева свободы, листья которого представляли собой штыки, а плоды — бомбы, и рядом с этим покрытым штыками французским деревом свободы в специальной песне воспевалось дерево английской свободы, единственное, которое приносит солидные плоды: pounds, shillings and pences[*]. Но эта злая конторская острота бледнеет перед теми неистовыми припадками бешенства, с которыми «Times» с 10 марта мечет громы и молнии по поводу побед «анархии». Реакционная партия в Англии, как и во всех других странах, воспринимает нанесенный в Париже удар так, как если бы он затронул ее непосредственно.

Но ведь «порядку» в Англии прежде всего угрожает не опасность, идущая из Парижа, а новое, прямое последствие порядка, плод этого английского древа свободы: *торговый кризис*.

В нашем январском обзоре (во втором номере журнала[**]) мы уже указывали на приближение кризиса. Многие обстоятельства ускорили его приближение. Перед последним кризисом 1845 г. избыточный капитал устремился в железнодорожную спекуляцию. Перепроизводство и чрезмерная железнодорожная спекуляция достигли, однако, таких широких размеров, что железнодорожное предпринимательство не оправилось даже но время процветания 1848—1849 гг. и что акции даже самых солидных предприятий этого рода стоят еще чрезвычайно низко.

---

[*] — фунты, шиллинги и пенсы. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 230—232. *Ред.*

Низкие цены на хлеб и виды на урожай 1850 г. тоже не создавали сколько-нибудь благоприятных условий для вложения капиталов, а различные государственные бумаги подвергались слишком большому риску, чтобы стать предметом широкой спекуляции. Таким образом, обычные каналы реализации излишнего капитала периода процветания оказались закрытыми. Ему оставалось только целиком устремиться в промышленное производство и в спекуляцию колониальными товарами, а также важнейшими видами промышленного сырья — хлопком и шерстью. Ввиду такого притока непосредственно в промышленность значительной части капитала, который раньше использовался другим способом, промышленное производство, конечно, должно было необыкновенно быстро вырасти, что сопровождалось переполнением рынков и, следовательно, значительно ускорило наступление кризиса. Уже теперь обнаруживаются первые симптомы кризиса в наиболее значительных отраслях промышленности и в спекуляции. В течение месяца решающая отрасль промышленности, хлопчатобумажная промышленность, находится в состоянии полной депрессии, и в ней страдают опять-таки самые важные отрасли и больше всего прядение и ткачество простых изделий. Падение цен на пряжу и простые ситцы уже значительно опередило падение цен на хлопок-сырец. Производство сокращается; фабрики почти без исключения работают неполный рабочий день. Рассчитывали на кратковременное оживление промышленности вследствие весенних заказов с континента, но в то время как уже ранее сделанные заказы для внутреннего рынка, для Ост-Индии и Китая и для Леванта по большей части теперь отменяются, заказы с континента, которые обыкновенно обеспечивали работой на два месяца, почти совершенно отсутствуют вследствие неустойчивого политического положения. — В шерстяной промышленности то там, то тут заметны симптомы, на основании которых можно догадываться о том, что скоро наступит конец пока еще довольно «сносному» положению дел. Производство железа также испытывает затруднения. Предприниматели считают падение цен в ближайшем будущем неизбежным и пытаются задержать их слишком быстрое падение посредством образования между собой коалиции. Таково состояние промышленности. Перейдем теперь к спекуляции. Цены на хлопок падают отчасти благодаря увеличившемуся новому подвозу, отчасти благодаря депрессии промышленности. С колониальными товарами дело обстоит так же. Подвоз увеличивается, потребление же на внутреннем рынке уменьшается. Одного только чая за последние два месяца прибыло в Ливерпуль

25 кораблей. На потреблении колониальных товаров, которое даже во время процветания удерживается на низком уровне из-за бедственного положения в земледельческих округах, особенно тяжело сказывается угнетенное состояние, которое распространилось и на промышленные округа. В силу этого один из самых крупных торговых домов в Ливерпуле, торгующих колониальными товарами, уже потерпел крах.

По своему действию надвигающийся теперь торговый кризис будет гораздо сильнее, чем все предыдущие. Он совпадает с сельскохозяйственный кризисом, который начался уже с отменой хлебных пошлин в Англии и еще усилился благодаря последним хорошим урожаям. Англия впервые переживает *одновременно* и *промышленный* и *сельскохозяйственный кризис*. Этот английский двойной кризис благодаря предстоящим на континенте потрясениям ускорится, расширится и станет более опасным, а революции на континенте, в результате воздействия английского кризиса на мировой рынок, приобретут несравненно более резко выраженный социалистический характер. Известно, что ни одна европейская страна так непосредственно, так широко и так сильно не подвергается влиянию английских кризисов, как Германия. Причина этого проста: Германия является для Англии самым большим рынком сбыта на континенте, а главные предметы экспорта Германии, шерсть и хлеб, находят в Англии свой самый значительный сбыт. Это обстоятельство находит свое отражение в эпиграмме на друзей порядка, гласящей, что в то время как рабочие классы возмущаются из-за недостаточного потребления, высшие классы терпят банкротство из-за излишнего производства.

Виги будут, конечно, первыми жертвами кризиса. Как это было в предшествующие времена, они бросят кормило государства, лишь только разразится надвигающаяся буря. Но на этот раз они навсегда распрощаются с канцелярией на Даунинг-стрит[177]. Пусть им на смену сначала придет кратковременное торийское министерство, но почва под ним будет колебаться, против него объединятся все оппозиционные партии с промышленниками во главе. Последние не располагают уже таким популярным универсальным средством против кризиса, каким была отмена хлебных законов. Они вынуждены будут пойти по крайней мере на парламентскую реформу. Это значит, что политическая власть, которая неминуемо им достанется, попадет им в руки при таких условиях, которые откроют пролетариату доступ в парламент, поставят его требования в порядок дня палаты общин и втянут Англию в европейскую революцию.

К этим заметкам о надвигающемся торговом кризисе, написанным месяц тому назад, нам остается добавить только немногое. Наступающее, как правило, весной временное улучшение дел и на этот раз, наконец, наступило, однако в более слабой степени, чем обычно. Французская промышленность, изготовляющая преимущественно легкие летние ткани, особенно извлекла из него выгоды. Однако увеличилось также число заказов и в Манчестере, Глазго и в Уэст-Райдинге. Это временное оживление промышленности весной наблюдается, впрочем, каждый год и лишь незначительно задерживает развитие кризиса.

В Ост-Индии тоже наступило кратковременное оживление торговли. Более благоприятное состояние английского курса дало возможность продавцам сбыть часть своих запасов по ценам, ниже обычных, и благодаря этому состояние рынка в Бомбее немного улучшилось. Но и это временное и местное улучшение дел составляет одну из тех случайностей, которые имеют место время от времени, особенно в начале каждого кризиса, и оказывают лишь незначительное влияние на общий ход его развития.

Зато из Америки только что получены известия, говорящие о совершенно угнетенном состоянии тамошнего рынка. А между тем американский рынок является самым решающим. Переполнением американского рынка, застоем в делах и падением цен в Америке собственно и начинается кризис, начинается его прямое, быстрое и непрекращающееся воздействие на Англию. Достаточно вспомнить кризис 1837 года. Только один товар постоянно повышается в цене в Америке, это — государственные облигации Соединенных Штатов, единственные государственные бумаги, которые дают надежное прибежище для капитала наших европейских друзей порядка.

После вовлечения Америки в попятное движение, вызванное перепроизводством, можно ожидать, что в ближайшем месяце кризис начнет развиваться несколько быстрее, чем до сих пор. Политические события на континенте также с каждым днем все более неудержимо ведут к развязке, и то совпадение торгового кризиса и революции, о котором неоднократно говорилось в этом журнале, становится все более неотвратимым. Que les destins s'accomplissent!*

Лондон, 18 апреля 1850 г.

Написано в середине марта — 18 апреля 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

* — Да свершится предначертанное! *Рвд.*

К. МАРКС

ЛУИ-НАПОЛЕОН И ФУЛЬД

Как наши читатели помнят, мы указывали в предыдущем номере* на то, что финансовая аристократия во Франции опять пришла к власти. В этой связи мы указывали на союз Луи-Наполеона и Фульда для проведения выгодных биржевых спекуляций. Уже раньше бросалось в глаза, что со времени вступления Фульда в министерство внезапно прекратились беспрестанные требования денег, с которыми Луи-Наполеон обращался к Законодательному собранию. Но со времени последних выборов обнаружились факты, которые проливают очень яркий свет на источники дохода президента Бонапарта. Приведем только один пример.

В нашем сообщении мы, главным образом, будем ссылаться на «Patrie», добропорядочный орган Союза избирателей[178], владелец которого, банкир Деламар, сам является одним из виднейших парижских биржевиков.

Вокруг выборов 10 марта была организована большая спекуляция a la hausse**. Г-н Фульд возглавил интригу, лучшие друзья порядка приняли в ней участие, камарилья г-на Бонапарта, как и он сам, вложили в это дело значительные суммы.

7 марта трехпроцентные бумаги поднялись на 5 сантимов, а пятипроцентные на 15 сантимов. Дело в том, что газета «Patrie» сообщила предварительные данные об избрании друзей порядка. Но это повышение казалось, однако, слишком ничтожным нашим спекулянтам; надо было «поддать жару». И «Patrie» от 8 марта, вышедшая накануне вечером, в своем биржевом бюллетене дает понять, что не может быть ни малейшего сомнения в победе партии порядка. В частности, в газете сказано:

---

* См. настоящий том, стр. 77—81. *Ред.*
** — на повышение. *Ред.*

«Мы не станем, конечно, порицать сдержанность капиталистов-однако если при каких-нибудь обстоятельствах недопустимо сомнение, то это именно теперь, после полученных на предварительных выборах результатов».

Чтобы вполне оценить влияние на биржу биржевого бюллетеня и всего сообщения «Patrie», надо знать, что эта газета является настоящим moniteur* теперешнего правительства и получает официальные сведения *раньше,* чем сам «Moniteur». Тем не менее спекуляция на этот раз не удалась.

8 марта становятся известными некоторые благоприятные для партии красных результаты голосования в армии, и тотчас же курс падает. Панический страх, повидимому, охватывает спекулянтов. В ход пускаются любые средства. Биржевой бюллетень «Patrie» держится твердо. Все газеты Союза избирателей включены в кампанию; некоторые не имеющие значения неточности в подсчете голосов дебатируются с жаром; одна газета на видном месте помещает результаты голосования полка, отдавшего свои голоса за монархистов; наконец, заставляют напечатать в республиканских газетах несколько официальных опровержений, лживость которых обнаруживается через несколько дней.

В результате всех этих усилий удается 9 марта, при открытии биржи, добиться некоторого повышения государственных бумаг, которое, однако, держится недолго. Курс довольно низок до 2 часов 15 минут; с этого момента он все повышается до закрытия биржи[179]. О причинах этой внезапной перемены разболтала сама «Patrie»:

«Утверждают, что некоторые сильно заинтересованные в повышении курса спекулянты незадолго до закрытия биржи сделали значительные закупки, чтобы к моменту выборов поднять настроение в провинции и, благодаря охватившему провинцию доверию, вызвать новые закупки, которые привели бы к еще большему повышению курса».

Это была многомиллионная операция, в результате которой трехпроцентные бумаги увеличились в цене на 40 сантимов, а пятипроцентные на 60 сантимов.

Итак, ясно: какие-то спекулянты были заинтересованы в повышении и поэтому в решающий момент произвели новые значительные закупки, чтобы вызвать новое повышение. Кто были эти спекулянты? На это могут ответить факты.

11 марта на бирже произошло падение курса. Все попытки спекулянтов оказались бессильными перед колеблющимися результатами выборов.

* — вестником. *Ред.*

12 марта — новое значительное падение курса, так как результаты выборов уже почти известны и можно считать установленным, что три социалистических кандидата получили внушительное большинство. Спекулянты a la hausse делают отчаянную попытку. «Patrie» и «Moniteur du Soir» публикуют, под видом официальных телеграфных сообщений, чисто вымышленные сообщения о результатах выборов в провинции. Маневр удается. Вечером у Тортони[180] наблюдается легкое повышение курса. Значит все дело только в том, чтобы «поддать жару». «Patrie» печатает следующее сообщение:

«Согласно поступившим до сих пор сведениям о результатах голосования, гражданин Дефлотт получил только на 341 голос больше, чем гражданин Ф. Фуа. Итоги выборов могут еще измениться в пользу нашего кандидата, в результате голосования легкой жандармерии. — Уверяют, что правительство *завтра* предложит Собранию два закона, о печати и о предвыборных собраниях, и потребует признания их неотложности».

Второе сообщение было ложным; только после долгих колебаний и продолжительных обсуждений с главарями партии порядка и после смены министерства правительство решилось предложить эти законы. Первое сообщение представляло собой еще более беззастенчивую ложь: в тот самый момент, когда оно было напечатано в «Patrie», правительство послало в департаменты телеграфное сообщение об избрании Дефлотта.

Между тем спекуляция удалась: бумаги поднялись в цене на 1 фр. 35 сант., и господа спекулянты выручили от 3 до 4 миллионов. Нельзя, конечно, осуждать «друзей собственности» за то, что они стараются как можно больше завладеть своим фетишем в интересах порядка и общества.

В результате этой удачной dodge[*] господа спекулянты так обнаглели, что тотчас же произвели в огромном масштабе новые закупки и этим побудили к закупкам также множество других капиталистов. Повышение было столь значительным, что даже возможные барыши от этой операции в свою очередь уже учитывались на бирже. Но вот 15-го числа был нанесен ошеломляющий удар — объявление Карно, Дефлотта и Видаля народными представителями. Курс вдруг неудержимо устремился вниз и никакими ложными известиями и телеграфными измышлениями уже нельзя было предотвратить поражения наших спекулянтов.

Написано К. Марксом в апреле 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

[*] — проделки. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ГОТФРИД КИНКЕЛЬ

Дряблость немецкой так называемой революционной партии столь велика, что вещи, которые вызвали бы в Англии и во Франции бурю негодования, в Германии не только не возбуждают удивления, но даже встречают всеобщее одобрение. Г-н Вальдек на суде присяжных приводит обстоятельные свидетельские показания в подтверждение того, что он всегда был лойяльным конституционалистом, а берлинские демократы с триумфом везут его домой. Г-н Грюн в Трире на открытом заседании суда в самой нелепой форме отрекается от революции, а публика в зале суда поворачивается спиной к осужденным пролетариям, чтобы восторженно приветствовать этого оправданного дельца.

Новый пример того, что возможно в Германии, дает защитительная речь, которую г-н Готфрид Кинкель произнес 4 августа 1849 г. перед военным судом в Раштатте и которая была опубликована 6 и 7 апреля текущего года в берлинской «Abend-Post».

Мы знаем заранее, что вызовем всеобщее негодование сентиментальных лжецов и демократических фразеров тем, что разоблачим перед нашей партией эту речь «плененного» Кинкеля. Это нам совершенно безразлично. Нашей задачей является беспощадная критика, и притом критика, скорее направленная против мнимых друзей, чем против открытых врагов; придерживаясь этой нашей позиции, мы охотно отказываемся от дешевой популярности среди демократов. Нашим нападением мы нисколько не ухудшаем положения г-на Кинкеля; *разоблачением мы подводим его под амнистию,* подтверждая его признание, что он не является тем человеком, за которого его

выдают, и заявляя, что он достоин не только амнистии, но даже зачисления на прусскую государственную службу. К тому же его речь уже опубликована. Мы разоблачаем перед нашей партией всю речь в целом, здесь же приводим только наиболее разительные ее места.

«Равным образом я никогда не занимал *командных должностей,* поэтому я и не могу нести ответственности за действия других. И я протестую против отождествления моих действий с грязью и мутью, которая, я знаю это, к сожалению, пристала напоследок к революции».

Так как г-н Кинкель «вступил в безансонскую роту в качестве рядового» и так- как этими словами он бросает подозрение на всех командиров, то не было ли его долгом высказаться в пользу, по крайней мере, своего непосредственного начальника, Виллиха?

«Я никогда не служил в армии, следовательно, и не нарушал присяги, не применял против моего отечества военных знаний, которые могли бы быть мной приобретены на службе у моего отечества».

Разве это не прямой донос на взятых в плен бывших прусских солдат, на Янсена и Бернигау, которые вскоре после этого и были расстреляны, разве это не было полным оправданием смертного приговора над уже расстрелянным Дорту?

Точно так же г-н Кинкель выдает военному суду и свою собственную партию, разглагольствуя о каких-то планах уступки Франции левого берега Рейна и объявляя себя чистым от этих преступных помыслов. Г-н Кинкель отлично знает, что о присоединении Рейнской провинции к Франции говорили только в том смысле, что эта провинция в момент решительной схватки между революцией и контрреволюцией безусловно станет на сторону революции, кто бы ее ни представлял, — французы пли китайцы. Он не преминул также сослаться на свой мягкий характер, который позволил ему, в отличие от диких революционеров, если и не как члену партии, то как *человеку,* быть в хороших отношениях с Арндтом и другими консерваторами.

«Моя вина состояла только в том, что я летом продолжал желать того же самого, чего в марте желали вы все, чего желал весь немецкий народ!»

Он изображает себя здесь борцом за одну лишь имперскую конституцию, который никогда ничего большего и не желал, кроме как этой конституции. Примем его заявление к сведению.

Г-н Кинкель касается мимоходом статьи, которую он написал по поводу погрома, произведенного в Майнце прусскими солдатами[181], и говорит:

«Как же со мной поступили? Во время моего отсутствия меня вторично по этому поводу вызывали в суд и, так как я не мог явиться защитить себя, то я был приговорен, как мне недавно передавали, к лишению избирательных прав на 5 лет. *Пять лет лишения избирательных прав* — вот к чему меня приговорили; для человека, который уже однажды имел честь быть *депутатом,*— это *исключительно жестокое наказание»* (!).

«Как часто мне приходилось слышать, что я *«плохой пруссак»;* упрек этот меня задевал... Ну что же! *Моя* партия в настоящий момент потерпела в моем отечестве поражение. Если теперь прусская корона поведет наконец смелую и сильную политику, если *его королевскому высочеству, нашему престолонаследнику, принцу Прусскому,* удастся объединить Германию мечом, —ибо иначе это осуществить невозможно, — сделать ее великой и уважаемой перед лицом наших соседей, обеспечить ей действительно и надолго внутреннюю свободу, оживить снова торговую жизнь, распределить равномерно по всей Германии то военное бремя, которое теперь слишком тяжело ложится на плечи Пруссии, и, прежде всего, обеспечить куском хлеба бедняков моего народа, представителем которого я себя считаю, — если удастся все это сделать вашей партии — я буду с вами! Честь и величие моего отечества дороже мне моих политических идеалов; я умею ценить французских республиканцев 1793 года» (Фуше и Талейрана?), «которые добровольно склонились перед величием Наполеона в интересах Франции; если бы так случилось, и народ мой еще раз оказал бы мне честь избрать меня своим депутатом, — я *был бы одним из первых депутатов, которые с радостью в сердце воскликнули бы: Да здравствует германская империя/ Да здравствует империя Гогенцоллернов!* Если иметь такие воззрения — означает быть плохим пруссаком, то в таком случае я и не желаю быть хорошим пруссаком».

«Господа, *подумайте также немного о покинутых жене и ребенке* перед вынесением приговора человеку, который сегодня, благодаря превратности человеческой судьбы, стоит перед вами таким глубоко несчастным».

Эту речь г-н Кинкель произнес в то самое время, когда двадцать шесть его товарищей были — подобным же военным судом — приговорены к смерти и расстреляны. Это были люди, которые умели смотреть в глаза смерти иначе, чем Кинкель в глаза своих судей. Во всяком случае Кинкель был вполне прав, выставляя себя совершенно безобидным человеком. Только по недоразумению мог он оказаться в рядах своей партии; и было бы совершенно бессмысленной жестокостью со стороны прусского правительства дальше удерживать его в тюрьме.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине апреля 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА

В берлинской «Abend-Post» от 14 апреля помещено следующее сообщение, датированное: Штеттин*, 11 апреля.

«В отношении помощи эмигрантам в Лондоне принят следующий порядок: деньги следует направлять Бухеру, который установит связь со Шраммом (из Штригау**), поскольку между двумя другими комитетами существуют несогласия и деньги ими распределяются пристрастным образом».

В Лондоне фактически существует только один эмигрантский комитет, а именно — нижеподписавшийся, который был основан в сентябре прошлого года, когда началась эмиграция в Лондон. С тех пор имели место попытки создать другие эмигрантские комитеты; они остались безрезультатными. Нижеподписавшийся комитет был до сего времени в состоянии поддерживать (хотя бы настолько, чтобы они не голодали) нуждающихся в помощи эмигрантов, которые все, за исключением четырех или пяти, обращались к нам. Но вследствие массового наплыва эмигрантов, вызванного в последнее время высылками из Швейцарии, средства этого комитета оказались в конце концов почти совершенно исчерпанными. Эти средства распределялись *совершенно равномерно,* независимо от партийной принадлежности, между всеми теми, кто мог доказать, что участвовал в немецком революционном движении и нуждается в помощи. Наименование «социал-демократический» этот комитет принял не потому, что он поддерживал лишь эмигрантов, принадле-

* Польское название: Щецин. *Ред.*
** Польское название: Стшегом. *Ред.*

жавших к этой партии, а потому, что он преимущественно пользовался денежными средствами этой партии, как это было заявлено уже в его воззвании в ноябре прошлого года[182].

Слух, вызванный, повидимому, подготовлявшейся в Швейцарии лотереей в пользу эмигрантов, будто здесь, в Лондоне, для эмигрантов запасено много денег, привел к тому, что в наш комитет стали поступать требования, которые невозможно было удовлетворить. С другой стороны, преднамеренно распространяемые в это же самое время в газетах слухи о раздорах между конкурирующими комитетами препятствовали отправке в Лондон достаточного количества денег. Нижеподписавшийся комитет, стремясь выяснить, существуют ли другие комитеты и имеются ли другие источники средств для поддержки эмигрантов, предложил эмигрантам направить делегацию к гражданам Струве, Рудольфу Шрамму и Луи Бауэру (из Штольпе). Это было сделано. Делегация привезла следующие ответы:

Гражданин Шрамм (из Штригау) заявил, что не принадлежит ни к одному из эмигрантских комитетов, но получил некоторое количество лотерейных билетов от Галера из Женевы с поручением отослать выручку в Женеву. Другой комитет якобы существует только *на бумаге*.

Гражданин Струве заявил, что денег у него нет, а имеются только билеты, которых он еще не распространил.

Гражданин Бауэр дал следующее письменное разъяснение:

«В ответ на запрос эмигранта Клейнера сим заявляю, что здешний эмигрантский комитет при Демократическом союзе не в состоянии поддержать даже одного политического эмигранта и что касса этого общества, после того как были израсходованы для подобной цели 2 ф. ст. 15 шилл., со своей стороны, также не будет в состоянии оказывать помощь.

Лондон, 8 апреля 1850 г.

Д-р Бауэр, президент комитета помощи
Демократического союза».

Гг. Струве и Шрамм рекомендовали эмигрантам избрать эмигрантский комитет из своей среды или из числа политически нейтральных лиц. Нижеподписавшийся комитет предложил эмигрантам самим принять решение по данному предложению. В ответ последовало следующее заявление эмигрантов:

«Социал-демократическому эмигрантскому комитету.

Лондон, 7 апреля 1850 года. — Нижеподписавшиеся эмигранты считают своим долгом, в связи с обсуждением вопроса о том, не передать ли заботы о нас комитету, избранному из нашей же среды, заявить ныне действующему комитету, что по искреннему убеждению как старых, так и недавно прибывших эмигрантов, ему следует выразить нашу глубочайшую благодарность за его деятельность и за взятый на себя труд по

ведению дел, поскольку средства, которыми надлежало распоряжаться, распределялись всегда к нашему полному удовлетворению. Нам остается лишь выразить пожелание, чтобы эти товарищи продолжали заботиться о нас, пока всеми нами желаемая скорая революция не освободит их от этой заботы.

С братским приветом (следуют подписи)»

Этот документ, составленный самими эмигрантами, является наилучшим ответом на вышеупомянутое сообщение и другие подобные инсинуации в печати. Впрочем, мы вообще не стали бы отвечать, если бы разъяснение подобных заявлений широкой публике не было в интересах самих нуждающихся в поддержке эмигрантов.

Лондон, 20 апреля 1850 г.

Социал-демократический
эмигрантский комитет
К. Маркс — председатель, ***Г. Бауэр,***
Ф. Энгельс, А. Виллих, К. Пфендер

Напечатано в «Neue Deutsche Zeitung»
№ 102, 28 апреля 1850 г.

Печатается по рукописи Ф. Энгельса,
сверенной с текстом газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере Вашей газеты, в отделе полицейских сообщений, мы прочли отчет о беседе, состоявшейся в Маншон-хаус по поводу немецких эмигрантов между гг. Фотергиллем и Струве и членом городского управления г-ном Гибсом[183]. Мы заявляем, что ни один из членов нижеподписавшегося комитета, ни один из немецких эмигрантов, получающих от него пособие, не имеет ничего общего с этим делом.

Мы просим Вас поместить это заявление в ближайшем номере Вашей газеты; в интересах нашей нации мы должны протестовать против возможности того, чтобы на многочисленных немецких эмигрантов, проживающих в Лондоне, возлагалась ответственность за шаг, предпринятый некоторыми из них по своей собственной инициативе.

Остаемся, милостивый государь,

Вашими покорными слугами

Члены демократически-социалистического комитета помощи немецким политическим эмигрантам

20, Грейт-Уиндмилл-стрит, Хеймаркет

24 мая 1850 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1934 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ

ИЮНЬ 1850

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — СОЮЗУ

Братья!

В нашем последнем циркуляре*, переданном вам эмиссаром Союза**, мы осветили позицию рабочей партии и, в особенности, Союза как в настоящий момент, так и в случае революций.

Главной целью настоящего обращения является отчет о состоянии Союза.

Поражения, понесенные революционной партией прошлым летом, на время почти совершенно разрушили организацию Союза. Самые деятельные члены Союза, участвовавшие в различных движениях, были рассеяны, связи были порваны, адресами нельзя было пользоваться, переписка по этой причине, а также из опасения, что письма будут вскрыты, стала на некоторое время невозможной. Таким образом, Центральный комитет примерно до конца прошлого года был обречен на полное бездействие.

По мере того как первое впечатление от понесенных поражений постепенно ослабевало, повсюду стала выступать потребность в сильной тайной организации революционной партии по всей Германии. Эта потребность, которая обусловила решение Центрального комитета послать эмиссара в Германию и в Швейцарию, привела, с другой стороны, к попытке создания нового тайного объединения в Швейцарии, а также к попытке кёльнской общины собственными силами организовать Союз в Германии.

* См. настоящий том, стр. 257—267. *Ред.*

** — Генрихом Бауэром. *Ред.*

В Швейцарии в начале этого года некоторые, более или менее известные по участию в различных движениях, эмигранты составили объединение[184], целью которого было: в надлежащий момент содействовать низвержению правительств и иметь наготове людей, которые могли бы взять на себя руководство движением и даже образовать правительство. Объединение не носило какого-либо определенного партийного характера, этому препятствовала разношерстность входивших в его состав элементов. Его члены принадлежали ко всем фракциям, участвовавшим в различных движениях, начиная с решительных коммунистов и даже прежних членов Союза и кончая самыми трусливыми мелкобуржуазными демократами и бывшими членами пфальцского правительства.

Для столь многочисленных тогда в Швейцарии баденско-пфальцских карьеристов и прочих мелких честолюбцев эта организация давала желанную возможность выдвинуться.

Инструкции, которые это объединение посылало своим агентам и которые имеются в распоряжении Центрального комитета, столь же мало были способны внушить доверие. Отсутствие определенной партийной точки зрения, попытка объединить все наличные оппозиционные элементы в нечто единое только по видимости, все это лишь плохо прикрывалось постановкой множества частных вопросов, касающихся промышленности, крестьянства, политического и военного положения в различных местностях. Силы этого объединения также были весьма ничтожны. Согласно имеющемуся у нас полному списку членов, все общество в Швейцарии в период его наибольшего расцвета едва насчитывало 30 членов. Характерно, что среди них почти не было рабочих. С самого начала это была армия, состоявшая из одних унтер-офицеров и офицеров без солдат. Среди них были Фриз и Грейнер из Пфальца, Кёрнер из Эльберфельда, Зигель и т. д.

В Германию они послали двух агентов. Первый, Брун из Гольштейна, член Союза коммунистов, ложным, фальшивым изображением дела добился того, что побудил отдельных членов Союза и некоторые общины временно присоединиться к новому объединению, в котором они усматривали возродившийся Союз. Брун в одно и то же время посылал сообщения о Союзе швейцарскому Центральному комитету в Цюрихе и о швейцарском объединении — нам. Не довольствуясь такой двуличной ролью, он, когда еще состоял в переписке с нами, посылал во Франкфурт упомянутым уже лицам, вовлеченным в швейцарское объединение, явно клеветнические письма и предлагал им не вступать ни в какие сношения с Лондоном, За это он был

немедленно исключен из Союза. Франкфуртская история была улажена эмиссаром Союза. Во всем остальном деятельность Бруна в пользу швейцарского Центрального комитета осталась безуспешной. Второй агент, студиозус Шурц из Бонна, ничего не достиг, потому что, как он сам писал в Цюрих, «он нашел уже все пригодные силы в руках Союза». Затем он внезапно покинул Германию и теперь слоняется между Брюсселем и Парижем, находясь под наблюдением Союза. Центральный комитет тем менее мог видеть в этом новом объединении угрозу для Союза, что в Центральный комитет швейцарского объединения входит вполне надежный член Союза[*], которому поручено следить за мероприятиями и планами этих людей в той мере, в какой они направлены против Союза, и сообщать о них. Далее, Центральный комитет послал эмиссара в Швейцарию[185], чтобы вместе с вышеупомянутым членом Союза привлечь в Союз пригодные силы и вообще организовать его в Швейцарии. Приведенные сообщения основываются на совершенно достоверных документах.

Другая попытка подобного же рода уже ранее была сделана Струве, Зигелем и другими лицами, объединившимися тогда в Женеве. Эти люди не постеснялись выдавать свою попытку объединения за самый Союз и даже злоупотреблять для этой цели именами членов Союза. Они, конечно, никого не ввели в заблуждение этой ложью. Их попытка была во всех отношениях настолько безуспешна, что немногие остававшиеся в Швейцарии члены этого, так и не появившегося на свет, объединения в конце концов принуждены были присоединиться к упомянутой выше организации. Но чем бессильнее была эта котерия, тем больше щеголяла она такими громкими титулами, как «Центральный комитет европейской демократии» и т. д. И здесь, в Лондоне, Струве вкупе с некоторыми другими обманутыми в своих надеждах великими мужами также продолжал свои попытки. Во все части Германии были разосланы манифесты и предложения присоединиться к «Центральному бюро всей немецкой эмиграции»[186] и к «Центральному комитету европейской демократии»[187], но и на этот раз без малейшего успеха.

Так называемые связи этой котерии с французскими и другими ненемецкими революционерами вовсе не существуют. Вся ее деятельность сводится к мелким интригам между здешними немецкими эмигрантами, прямо не затрагивающим Союза, не представляющим никакой опасности и легко поддающимся контролю.

[*] — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Все подобные попытки либо преследуют ту же цель, что и Союз, т. е. революционную организацию рабочей партии; в таком случае они, раздробляя силы, уничтожают централизацию и мощь партии и поэтому являются определенно вредным сепаратизмом. Либо они могут только иметь целью снова использовать рабочую партию для таких задач, которые ей чужды или прямо враждебны. Рабочая партия при известных условиях вполне может использовать для своих целей другие партии и партийные фракции, но она не должна подчиняться никакой другой партии. А тех людей, которые в последнем движении[188] входили в правительства и воспользовались своим положением, чтобы предать движение и подавить рабочую партию, когда она хотела выступать самостоятельно, этих людей при всех обстоятельствах следует держать на почтительном расстоянии.

О положении Союза можно сообщить следующее:

I. БЕЛЬГИЯ

Организация Союза среди бельгийских рабочих в том виде, какой она имела в 1846 и 1847 гг., разумеется, перестала существовать с тех пор, как ведущие члены ее в 1848 г. были арестованы и приговорены к смертной казни, замененной затем пожизненным заключением в крепости[189]. Вообще Союз в Бельгии со времени февральской революции и со времени высылки из Брюсселя большей части членов Немецкого рабочего общества[190] значительно ослабел. Существующие полицейские условия не позволили ему снова подняться. Тем не менее в Брюсселе все время сохранялась община, существующая еще и в настоящее время и работающая по мере своих сил.

II. ГЕРМАНИЯ

Центральный комитет намеревался дать в этом циркуляре специальный отчет о положении Союза в-Германии. Однако этот отчет не может быть дан в настоящий момент, так как прусская полиция именно теперь пытается выследить некую разветвленную организацию в революционной партии*. Этот циркуляр, который надежным путем будет доставлен в Германию, но при своем распространении внутри Германии может, конечно, кое-где попасть в руки полиции, должен поэтому быть составлен так, чтобы своим содержанием не дать ей оружия против Союза. Поэтому Центральный комитет на этот раз ограничивается следующим:

* См. настоящий том, стр. 329 и 334. *Ред.*

Главными центрами Союза в Германии являются Кёльн, Франкфурт-на-Майне, Ханау, Майнц, Висбаден, Гамбург, Шверин, Берлин, Бреславль, Лигниц, Глогау*, Лейпциг, Нюрнберг, Мюнхен, Бамберг, Вюрцбург, Штутгарт, Баден.

Руководящими округами признаны:

Гамбург для Шлезвиг-Гольштейна; Шверин для Мекленбурга; Бреславль для Силезии; Лейпциг для Саксонии и Берлина; Нюрнберг для Баварии; Кёльн для Рейнской провинции и Вестфалии.

Общины в Гёттингене, Штутгарте и Брюсселе временно сохраняют прямую связь с Центральным комитетом до тех пор, пока им не удастся настолько расширить свое влияние, чтобы образовать новые руководящие округа.

Положение Союза в Бадене выяснится лишь после получения отчета от посланного туда и в Швейцарию эмиссара.

Там, где, как в Шлезвиг-Гольштейне и Мекленбурге, существуют союзы крестьян и батраков, членам Союза удалось приобрести прямое влияние на них, а некоторые из них взять целиком в свои руки. Саксонские, франконские, гессенские и нассауские союзы рабочих и батраков большей частью также находятся под руководством Союза. Наиболее влиятельные члены Рабочего братства[191] также принадлежат к Союзу. Центральный комитет обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что это влияние Союза на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие и другие организации имеет огромное значение, и его везде следует добиваться. Он предлагает руководящим округам и тем общинам, которые сносятся с ним непосредственно, в ближайших своих письмах сообщить, что сделано ими в этом отношении.

Эмиссар, посланный в Германию и получивший за свою деятельность вотум признательности от Центрального комитета, везде принимал в Союз только самых надежных людей, предоставив им, как более знакомым с местными условиями, дело расширения Союза. От местных условий будет зависеть, смогут ли решительные революционные элементы быть приняты непосредственно в Союз. Там, где это невозможно, следует образовать из людей, пригодных и надежных в революционном отношении, но не понимающих еще коммунистических последствий нынешнего движения, вторую, более широкую категорию членов Союза. Члены этой второй категории, которым это объединение должно быть представлено как имеющее чисто местный или областной характер, должны постоянно оставаться

* Польские названия: Вроцлав, Легница, Глогув. *Ред.*

под руководством действительных членов Союза и его руководящих органов. При помощи этих более широких объединений может быть в частности обеспечено особенно прочно организованное воздействие на крестьянские союзы и гимнастические общества. Детали организации Союза предоставляются на решение руководящих округов, от которых Центральный комитет ждет в ближайшем будущем отчетов и по этому вопросу.

Одна община внесла в Центральный комитет предложение о немедленном созыве конгресса Союза, причем в самой Германии. Общины и округа могут сами убедиться, что при существующих условиях не всюду может быть рекомендовано проведение даже провинциальных конгрессов руководящих округов, всеобщий же конгресс Союза в настоящее время совершенно невозможен. Однако Центральный комитет созовет конгресс Союза в подходящем месте, как только это окажется возможным. — Рейнскую Пруссию и Вестфалию недавно посетил эмиссар Кёльнского руководящего округа. Отчет о результатах этой поездки в Кёльне еще не получен. Мы предлагаем всем руководящим округам, как только это будет возможно, таким же образом направить эмиссаров для объезда своих округов и возможно скорее сообщить о результатах. В заключение еще сообщаем, что в Шлезвиг-Гольштейне удалось завязать связи с армией. Более подробный отчет о том влиянии, которое может там приобрести Союз, ожидается.

III. ШВЕЙЦАРИЯ

Отчет эмиссара еще не получен. Более подробные сведения смогут поэтому быть даны лишь в следующем циркуляре.

IV. ФРАНЦИЯ

Связи с немецкими рабочими в Безансоне и в остальных местах Юры будут снова завязаны через Швейцарию. В Париже член Союза Эвербек, стоявший до сих пор во главе тамошних общин, заявил о своем выходе из Союза, так как он считает свою литературную деятельность более важной. Связь с Парижем поэтому временно прервана, и при ее возобновлении должна быть проявлена тем большая осторожность, что парижане приняли в свои ряды известное число людей, которые совершенно непригодны и даже относились прежде прямо враждебно к Союзу.

V. АНГЛИЯ

Лондонский округ является самым сильным во всем Союзе. Он выделяется особенно тем, что в течение многих лет почти целиком покрывал издержки всего Союза, в частности на поездки

эмиссаров. В последнее время он еще усилился благодаря приему новых элементов и постоянно руководит здешним Просветительным обществом немецких рабочих[192], а также наиболее решительной фракцией проживающих здесь немецких эмигрантов.

Центральный комитет через несколько специально для этого делегированных членов находится в союзе с крайней революционной партией французов, англичан и венгров.

Из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем которой является Бланки. Делегаты тайных бланкистских обществ находятся в постоянной и официальной связи с делегатами Союза, которым они поручили важные подготовительные работы в интересах предстоящей в ближайшее время французской революции.

Вожди революционной чартистской партии также находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Ее печатные органы предоставлены к нашим услугам. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и фракцией, руководимой О'Коннором, которая более склонна к примирению с буржуазией, был значительно ускорен делегатами Союза.

Точно так же Центральный комитет связан с наиболее прогрессивной партией венгерской эмиграции. Эта партия важна том, что в нее входят многие выдающиеся военные, которые во время революции оказались бы в распоряжении Союза.

Центральный комитет предлагает руководящим округам возможно скорее распространить настоящее обращение между своими членами и немедленно представить ему отчеты. Он призывает всех членов Союза к самой усиленной деятельности именно теперь, когда отношения так напряжены, что взрыв новой революции не заставит себя долго ждать.

Размножено в виде листовки летом 1850 г. Опубликовано Ф. Энгельсом в приложениях к книге: K. Marx. «Enthullungen uber den Kommunisten-prozess zu Koln». Hottingen — Zurich, 1885 г.

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «SUN» [193]

Милостивый государь!

За последнее время мы, нижеподписавшиеся, проживающие в Лондоне немецкие политические эмигранты, имели случай убедиться в удивительном внимании к нам со стороны не только прусского посольства, но также и британского правительства. Мы не стали бы придавать этому особого значения, так как нам трудно представить себе, каким образом мы могли бы нарушить то, что закон об иностранцах[194] именует «сохранением мира и спокойствия в этом королевстве»; но с недавнего времени нам так часто приходилось читать в газетах, что прусским посланником получены указания настаивать на изгнании из Англии наиболее опасных эмигрантов, и за истекшую неделю мы подвергались столь неослабному наблюдению со стороны английских полицейских агентов, что пришли к выводу о необходимости предать это дело гласности.

Нет никакого сомнения, что прусское правительство добивается применения против нас закона об иностранцах. Но почему? Потому, что мы вмешиваемся в английскую политику? Доказать, что мы это делаем, было бы невозможно. Так почему же? Потому, что прусскому правительству необходимо создать впечатление, будто выстрел в короля, произведенный в Берлине, является результатом разветвленного заговора, центр которого якобы нужно искать в Лондоне.

Обратимся теперь к обстоятельствам самого дела. Может ли прусское правительство отрицать, что Зефелоге, который совершил покушение, — не говоря уже о том, что он заведомо является сумасшедшим,—состоит членом ультрароялистского общества, «Союза верных»? Может ли оно отрицать, что он занесен в списки этого общества под № 133, секция № 2 в Берлине? Может ли оно отрицать, что недавно он получил от этого общества денежную помощь? Может ли оно отрицать, что документы Зефелоге хранились в доме некоего майора Куновского, ультрароялиста, служащего в королевском военном министерстве?

Перед лицом подобных фактов поистине смешно настаивать на том, что революционная партия имеет что-либо общее с этим покушением. Революционная партия не заинтересована в быстром вступлении на престол принца Прусского, а ультрароялисты заинтересованы в этом. Тем не менее, прусское правительство добивается того, чтобы за покушение расплачивалась радикальная оппозиция, доказательством чего служит новый закон, направленный против свободы печати, и деятельность прусского посольства в Лондоне.

В то же время мы можем заявить, что недели за две до покушения к нам явились лица, состоящие, по нашему убеждению, прусскими агентами, и пытались опутать нас, втянув в заговоры, имевшие целью цареубийство. Конечно, мы не поддались на этот обман.

Если британское правительство пожелает получить о нас какие-либо сведения, мы всегда готовы их дать. Но мы не понимаем, что надеется оно разузнать, выслеживая нас через своих шпионов.

Священный союз, возрождаемый ныне под эгидой России, был бы весьма удовлетворен, если бы ему удалось заставить Англию — эту единственную помеху на его пути — вести реакционную внутреннюю политику. Но как быть с антирусскими настроениями в Англии, с дипломатическими нотами и парламентскими заявлениями ее правительства, если они будут сопровождаться применением закона об иностранцах, вызванным исключительно местью Священного союза, неотъемлемую часть которого составляет Пруссия?

Мы надеемся, что правительствам Священного союза не удастся в такой мере обмануть британское правительство, чтобы это побудило министерство внутренних дел к принятию мер, которые серьезно повредили бы давнишней репутации Англии, как самого надежного убежища для эмигрантов всех партий и всех стран.

Мы остаемся, милостивый государь,
вашими покорнейшими слугами.

Карл Маркс, ***Фр. Энгельс*** — Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» из Кельна

Авг. Виллих, полковник повстанческой армии в Бадене

64, Дин-стрит, Сохо-сквер 14 июня 1850 г.

Напечатано в газетах «Sun», 15 июня 1850 г., и «The Northern Star» № 660, 15 июня 1850 г.

Печатается по тексту газеты «Sun», сверенному с текстом газеты «The Northern Star»

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО К СТАТЬЕ «ПРУССКИЕ ШПИОНЫ В ЛОНДОНЕ»

РЕДАКТОРУ «SPECTATOR» [195]

(Лично)

Милостивый государь!

Мы берем на себя смелость просить Вас поместить прилагаемое в ближайшем номере Вашей газеты[*]. Мы имеем все основания думать, что правительство намерено применить закон об иностранцах и добиться его возобновления парламентом. Нам, повидимому, суждено оказаться его первыми жертвами. Мы полагаем, что в интересах сохранения чести английской нации необходимо воспрепятствовать осуществлению подобного плана; мы считаем также, что самое лучшее, что мы можем сделать в ответ на шаги британского правительства, — это открыто обратиться к общественному мнению. Поэтому мы надеемся, что Вы не откажетесь дать нашему письму ту огласку, которую ему несомненно может доставить Ваша широко распространенная газета.

В случае, если Вы пожелаете получить дальнейшие сведения, мы будем рады доставить их Вам; не откажите только в любезности указать, когда и где мы сможем с Вами встретиться.

С совершенным почтением.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 14 июня 1850 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1934 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] Далее в рукописи перечеркнуто: «Система шпионажа, применяемая к нам британским правительством и принимающая почти невероятные размеры, является, между прочим, достаточным доказательством того, что многократные требования прусского посланника...». *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРУССКИЕ ШПИОНЫ В ЛОНДОНЕ

64, Дин-стрит, Сохо-сквер, 14 июня 1850 г.

Милостивый государь!

За последнее время мы, нижеподписавшиеся, проживающие в Англии немецкие эмигранты, имели случай убедиться в удивительном внимании к нам со стороны английского правительства. Мы уже привыкли встречать время от времени того или иного незаметного служащего прусского посольства, «официально не зарегистрированного в этой должности», мы привыкли к яростным тирадам и отчаянным предложениям таких agents provocateurs* и знаем, как обращаться с ними. Внимание к нам со стороны прусского посольства нас не удивляет — мы гордимся тем, что заслужили его; но нас удивляет то сердечное согласие, которое, повидимому, установилось в отношении нас между прусскими шпионами и английскими осведомителями.

В самом деле, милостивый государь, мы никогда бы не подумали, что в Англии вообще существует столько полицейских шпионов, сколько мы имели удовольствие видеть за короткий недельный срок. Мало того, что у дверей домов, в которых мы проживаем, постоянно сторожат какие-то личности более чем сомнительного вида, прехладнокровно записывающие приход и уход всякого нашего посетителя, — мы не можем сделать ни шагу, чтобы они всюду не следовали за нами по пятам. Садимся ли мы в омнибус или входим в кафе, нас уже непременно сопровождает, по крайней мере, один из этих неизвестных друзей. Мы не знаем, состоят ли господа, занимающиеся этим приятным делом, «на службе ее величества», но мы знаем твердо, что у большинства из них весьма неопрятный и малопочтенный вид.

* — провокаторов. *Ред.*

Спрашивается, какую пользу могут принести кому бы то ни было скудные сведения, которые наскребет у наших порогов кучка жалких шпионов, этих низкопробнейших проституток мужского пола, набранных, повидимому, из среды самых заурядных осведомителей на сдельной оплате? Неужели же доставляемая ими информация — разумеется, исключительно достоверная, — настолько ценна, что стоило жертвовать ради нее традиционным предметом гордости англичан, утверждающих что в их стране не может быть введена та система шпионажа, от которой не свободна ни одна из континентальных стран?

К тому же мы всегда были и будем готовы, поскольку это в наших возможностях, дать о себе любые сведения, которые правительство пожелало бы получить.

Впрочем, мы прекрасно знаем, в чем суть дела. Прусское правительство воспользовалось недавним покушением на жизнь Фридриха-Вильгельма IV, чтобы снова открыть кампанию против своих политических врагов в Пруссии и вне Пруссии. А из-за того, что какой-то заведомо сумасшедший субъект стрелял в прусского короля, пытаются хитростью заставить английское правительство применить против нас закон об иностранцах, хотя мы решительно не понимаем, каким образом наше пребывание в Лондоне могло бы помешать «сохранению мира и спокойствия в этом королевстве».

Лет восемь тому назад, когда мы выступали в Пруссии против существующего образа правления, правительственные чиновники и печать заявили: «Если этим господам не нравятся прусские порядки, они могут совершенно свободно покинуть страну». Мы уехали за границу, имея на то достаточные основания. Но и за границей мы всюду натыкались на Пруссию; во Франции, в Бельгии, в Швейцарии мы чувствовали на себе руку прусского посла. Если теперь нам придется, благодаря его вмешательству, покинуть это последнее остававшееся для нас в Европе убежище, то Пруссия будет считать себя могущественнейшей державой в мире.

Англия была до сих пор единственным препятствием на пути Священного союза, возрождаемого ныне под покровительством России; а Священный союз, неотъемлемой частью которого является Пруссия, ни к чему так не стремится, как вовлечь враждебную России Англию на путь внутренней политики в более или менее русском стиле. Что, в самом деле, подумает Европа о недавних дипломатических нотах и парламентских заявлениях английского правительства, если комментарием к ним явится применение закона об иностранцах, вызванного

к жизни не чем иным, как мстительными настояниями реакционных иностранных правительств?

Прусское правительство утверждает, что выстрел в прусского короля был результатом широко разветвленных революционных заговоров, центр которых следует искать в Лондоне. В соответствии с этим оно, во-первых, уничтожает свободу печати у себя в стране, а во-вторых, требует от английского правительства, чтобы оно выслало из Англии мнимых главарей мнимого заговора.

Если принять во внимание характер и личные качества нынешнего прусского короля и его брата, наследника престола, то кто более заинтересован в скорейшем вступлении на престол этого последнего — революционная партия или ультрароялисты?

Позвольте нам заявить, что за две недели до берлинского покушения к нам явились лица, которых мы имеем все основания считать агентами либо прусского правительства, либо ультрароялистов, и почти открыто предложили нам принять участие в заговорах для организации цареубийства в Берлине и в других местах. Нет надобности добавлять, что этим лицам не удалось провести нас.

Позвольте нам заявить, что и после покушения другие личности такого же сорта приставали к нам с подобными же разговорами.

Позвольте нам заявить, что стрелявший в короля сержант Зефелоге был не революционером, а ультрароялистом. Он принадлежал к секции № 2 ультрароялистского «Союза верных», в списке членов которого он зарегистрирован под № 133. Некоторое время он получал от этого союза денежное пособие; его бумаги хранились в квартире одного майора, ультрароялиста, служившего в военном министерстве.

Если это дело будет когда-либо публично разбираться в суде, в чем мы сомневаемся, то публика ясно увидит, имелись ли подстрекатели к этому покушению и кем они были.

Ультрароялистская «Neue Preusische Zeitung»[196] первая поспешила обвинить лондонских эмигрантов в том, что они являются действительными виновниками покушения. Она даже назвала одного из нижеподписавшихся, про которого уже раньше утверждала, что он пробыл две недели в Берлине, тогда как множество свидетелей могут подтвердить, что он ни на минуту не покидал Лондона[197]. Мы обратились к прусскому послу, г-ну Бунзену, с письменной просьбой прислать нам соответствующие номера названной газеты. Внимание, оказанное нам этим джентльменом, не простиралось, однако, настолько

далеко, чтобы побудить его проявить ту courtoisie*, которую можно было ожидать от рыцаря[198].

Мы полагаем, милостивый государь, что при таких обстоятельствах самое лучшее — это предать все дело гласности. Мы полагаем, что для англичан представляет интерес все, что хоть сколько-нибудь угрожает старинной репутации Англии как самого надежного убежища для изгнанников всех партий и всех стран.

Мы остаемся, милостивый государь,
вашими покорнейшими слугами.

Карл Маркс,
Фр. Энгельс — Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» из Кельна
Авг. Виллих, полковник повстанческой армии в Бадене

Написано 14 июня 1850 г.

Напечатано в газете «Spectator» 15 июня 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* — изысканную вежливость. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GLOBE» [199]

Милостивый государь!

Разрешите мне через посредство Вашей газеты привлечь общественное внимание к факту, который в известной мере затрагивает, пожалуй, честь британской нации.

Как Вам известно, различные континентальные правительства после поражений партии движения в 1849 г. добились того, что многочисленные политические эмигранты, особенно немцы, венгры, итальянцы и поляки, изгонялись отовсюду, где они находили убежище, пока в конце концов они не нашли защиту и не обрели спокойствие в Англии.

На континенте есть несколько правительств, вражда которых к своим политическим противникам, повидимому, не удовлетворяется даже и этим результатом. Прусское правительство принадлежит к их числу. Добившись того, что большинство прусских эмигрантов оказалось сосредоточенным в вашей стране, берлинское правительство явно пытается тем или иным способом заставить их уехать в Америку. Те самые партии, которые у себя дома в своих газетах (примером могут служить «Neue Preusische Zeitung» и «Assemblee Nationale») изображают английское правительство как комитет *якобинцев* и заговорщиков против консерваторов всей Европы, — эти самые партии проявляют чрезвычайно подозрительную заботливость о спокойствии Англии и посылают британскому правительству доносы на иностранцев-эмигрантов, утверждая, что последние вмешиваются в английскую политику и что они замешаны и покушении на убийство прусского короля.

Я имею честь принадлежать к числу тех лиц, которых прусское правительство преследовало повсюду, куда бы они ни направлялись. Я был редактором «Rheinische Zeitung» (в Кёльне) в 1842 г.[200] и «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 годах; обе газеты были закрыты в результате настойчивого — прямого или косвенного — вмешательства прусского правительства. Я был выслан из Франции в 1845 и 1849 гг. и из Бельгии в 1848 г. по прямому требованию и под давлением прусского посольства, а во время моего пребывания в Пруссии в 1848—1849 гг. против меня было возбуждено с десяток политических процессов, от ведения которых власти, однако, отказались после того, как я был дважды оправдан судом присяжных.

Но даже и в вашей стране прусское правительство не теряет меня из виду. Это подтверждается полученными мной за последнее время многочисленными предостережениями, в которых сообщается, что английское правительство, основываясь на подобных доносах, намерено предпринять против меня некоторые шаги. Это доказывается и тем обстоятельством, что уже в течение нескольких дней какие-то личности стоят у самой моей двери и делают заметки всякий раз, как кто-либо входит или выходит из дома. Это подтверждается, далее, сообщениями «Neue Preusische Zeitung», которая несколько времени тому назад писала, что я путешествую по Германии и пробыл две недели в Берлине, между тем как мои домохозяева и ряд других англичан могут удостоверить, что я ни на минуту не покидал Лондона с тех пор, как прибыл сюда в прошлом году. Та же самая ультрароялистская газета после покушения сумасшедшего Зефелоге поставила мое мнимое путешествие в Берлин в связь с этим покушением, а между тем эта газета должна бы быть лучше осведомлена о том, кто замешан в этом деле, — если кто-либо вообще замешан в нем, — так как Зефелоге состоит членом секции № 2 ультрароялистского «Союза верных» и никогда не был связан ни с кем, кроме штабных офицеров из берлинского военного министерства. Кроме того, это доказывается присутствием здесь, в Лондоне, прусских agents provocateurs, которые за две недели до покушения Зефелоге явились ко мне и к некоторым из моих друзей, проповедуя необходимость подобного покушения, и даже намекали на то, что в Берлине существует заговор, организованный с этой целью. После того как им не удалось одурачить нас, они стали посещать чартистские митинги, чтобы создать впечатление, будто иностранцы-эмигранты принимают активное участие в английском чартистском движении.

В заключение позвольте мне, милостивый государь, спросить Вас, — а через Ваше посредство и общественное мнение, — можно ли считать желательным, чтобы британское правительство на основании таких данных предпринимало шаги, которые могут в той или иной мере поколебать всеобщее убеждение в том, что британские законы предоставляют одинаковую защиту каждому, кто бы он ни был, кто ступит ногой на британскую землю?

Остаюсь и т. д.

Написано в середине июня 1850 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1934 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКТОРУ «NEUE DEUTSCHE ZEITUNG» [201]

В фельетоне Вашей газеты от 22 июня сего года Вы бросили мне упрек, что я отстаиваю *господство и диктатуру рабочего класса,* в то время как Вы, в противоположность мне, придаете значение *уничтожению классовых различий вообще.* Я не понимаю этой поправки.

Вам прекрасно известно, что в «Манифесте Коммунистической партии» (опубликованном перед февральской революцией 1848 года) на стр. 16 говорится: «Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».

Вы знаете, что в «Нищете философии», еще до февраля 1848 г., я отстаивал против Прудона ту же самую точку зрения[202].

Наконец, в той самой статье, которую Вы критикуете («Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 3, стр. 32)[*], я пишу: «Этот социализм (т. е. коммунизм) есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений».

Июнь 1850 г.

К. Маркс

Напечатано в «Neue Deutsche Zeitung» № 158, 4 июля 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 91. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКТОРУ «NEUE DEUTSCHE ZEITUNG»

В фельетоне Вашей газеты от 22 июня Вы милостиво признаете, что вследствие закрытия «Neue Rheinische Zeitung» обнаружился «чувствительный пробел» в немецкой ежедневной печати. Но Вы протестуете против «утверждения г-на Энгельса», что «Neue Rheinische Zeitung» была единственным органом, который представлял пролетариат не только на словах и не одними благими намерениями.

В своей статье о германской кампании за имперскую конституцию, помещенной в журнале № 1 «Neue Rheinische Zeitung», я действительно заявил, что газета «Neue Rheinische Zeitung» была единственным органом, представлявшим интересы немецкого пролетариата не только на словах и не одними благими намерениями*. Если Вы полагаете, что этим утверждением нанесен какой-либо ущерб «Neue Deutsche Zeitung», блаженной памяти официальному органу крайней левой Франкфуртского собрания, то Вы несомненно весьма обяжете рабочих, если укажете, где, когда и как «Neue Deutsche Zeitung» представляла немецкий пролетариат или его классовые интересы.

Лондон, 25 июня 1850 г.

Ф. Энгельс

Напечатано в «Neue Deutsche Zeitung» № 158, 4 июля 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 120. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «WESER-ZEITUNG» [203]

В номере Вашей газеты от 22 июня текущего года помещена корреспонденция из Лондона, в которой имеется следующее место:

«Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Август Виллих... написали в «Spectator», что шпионы прусского посольства следят за каждым их шагом и т. д. Их длинную жалобу «Spectator» сопровождает следующим кратким комментарием: «Люди этого сорта (т. е. политические эмигранты) очень часто заблуждаются в подобных случаях, причем их заблуждение имеет два источника: тщеславие, заставляющее их воображать себя гораздо более важными, чем это есть на самом деле, и, во-вторых, сознание собственной вины. Подозрения, высказанные эмигрантами против свободомыслящего и гостеприимного английского правительства, нельзя назвать иначе, как *нахальством»».*

Не надо быть особенно близко знакомым с тоном и прочно установленным общепринятым стилем английских газет, чтобы тотчас же обнаружить, что ни один английский печатный орган, а уж тем более утонченный и остроумный «Spectator», не мог бы выступить с таким грубо-прусским по содержанию и по форме комментарием. Весь вышеприведенный «комментарий», приписываемый «Spectator», представляет собой *бесстыдный вымысел корреспондента.* В «Spectator» не только нет *ничего подобного,* но, наоборот, редакция этого органа поместила в том самом номере, в котором напечатано наше заявление, следующее примечание:

«Помещаемое ниже письмо содержит в себе тяжкое обвинение по адресу нашего собственного правительства. Мы знаем об этом деле только то, что явствует из самого письма, но обвинение, публично высказанное с такой обстоятельностью и с такими правдоподобными подробностями, не должно быть оставлено без внимания. Суть обвинения

в том, что прусским полицейским ищейкам (bloodmen) в Лондоне оказывается поддержка в их попытках добиться применения закона об иностранцах против немецких эмигрантов» («Spectator», 15 июня, стр. 554).

Для чего понадобился Вашему г-ну корреспонденту этот подлог, явствует из тех славословий, которые он воздает в том же письме г-ну Бунзену. Впрочем, весь этот маневр делает честь прусскому хитроумию.

Мы рассчитываем, что Вы напечатаете это наше заявление в ближайшем номере Вашей газеты и дадите таким образом возможность Вашему корреспонденту единолично воспользоваться славой, которая принадлежит ему как автору столь гениальной выдумки.

Лондон, 2 июля 1850 г.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Tages-Chronik» № 314, 10 июля 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ [204]

Написано Ф. Энгельсом летом 1850 г.

Напечатано я журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по изданию 1875 г., сверенному с текстом журнала и с изданием 1870 г.

Перевод с немецкого

Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран, когда немецкий народ проявлял такую выдержку и развивал такую энергию, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков.

В противовес временной апатии, наступившей почти повсюду после двух лет борьбы, пора снова показать немецкому народу неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны. С того времени протекло три столетия и многое изменилось; и все же Крестьянская война вовсе не так далека от наших современных битв, и противники. с которыми приходится сражаться, большей частью те же самые. Те классы и части классов, которые всюду предавали революцию в 1848 и 1849 гг., мы встречаем — правда на более низкой ступени развития — в качестве предателей уже в 1525 году. И если здоровый вандализм Крестьянской войны проявился в движении последних лет лишь местами, в Оденвальде, Шварцвальде и Силезии, то это отнюдь не свидетельствует о превосходстве современного восстания.

I

Рассмотрим сначала в кратких чертах положение Германии к началу XVI столетия.

В XIV и XV веках немецкая промышленность переживала значительный подъем. Место феодальных локальных сельских промыслов заняло городское цеховое ремесло, продукты производства которого предназначались для более широких кругов и даже для более отдаленных рынков. Изготовление грубых шерстяных сукон и полотна становится постоянной, широко распространенной отраслью промышленности, а в Аугсбурге производятся даже более тонкие шерстяные и льняные ткани, а также и шелковые материи. Наряду с ткачеством особенно широкое развитие получают и те соприкасающиеся с искусством отрасли производства, которые питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: труд золотых и серебряных дел мастеров, скульпторов и резчиков по дереву, граверов на меди и по дереву, оружейников, чеканщиков медалей, токарей и т. д. Подъему ремесла значительно способствовал ряд более или менее важных изобретений, в истории которых наиболее блестящую страницу составили изобретение пороха* и книгопечатание. Рука об руку с промышленностью развивалась и торговля. Благодаря своей столетней морской монополии Ганза[205] вывела из состояния средневекового варварства всю Северную Германию; и если уже с конца XV века она начала быстро приходить в упадок вследствие конкуренции англичан и голландцев, то все же великий торговый путь из Индии на север проходил все еще, несмотря на открытия Васко да Гамы, через Германию, и Аугсбург попрежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских

---

* Порох, как это в настоящее время безусловно доказано, был заимствован арабами — через Индию — из Китая, а от арабов вместе с огнестрельным оружием через Испанию проник в Европу. *(Примечание Энгельса к изданию 1875 г.)*

шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта. Верхненемецкие города, в особенности Аугсбург и Нюрнберг, являлись средоточием весьма значительного для того времени богатства и роскоши. Заметно возросла также добыча сырья. Немецкие рудокопы являлись в XV веке самыми искусными в мире, и даже земледелие, благодаря расцвету городов, должно было выйти из своего примитивного средневекового состояния. Не только обширные пространства нови были превращены в пашни, но и начали выращивать красильные и другие ввезенные из чужих стран растения, выращивание которых требует большей тщательности, что оказало благотворное влияние и на земледелие в целом.

Однако рост национального производства Германии все еще отставал от роста производства других стран. Немецкое земледелие значительно уступало английскому и нидерландскому; немецкая промышленность стояла далеко позади итальянской, фламандской и английской, а в морской торговле англичане и особенно голландцы начали вытеснять немцев. Население все еще оставалось очень редким. Цивилизация в Германии существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров; интересы даже этих отдельных центров сильно расходились; лишь кое-где едва обнаруживались точки соприкосновения. Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не существовало обмена. Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым центром всей страны, каким для Англии был, например, уже Лондон. Все внутренние сношения ограничивались почти исключительно прибрежным и речным судоходством и несколькими большими сухопутными торговыми путями: от Аугсбурга и Нюрнберга через Кёльн в Нидерланды и через Эрфурт на север. В стороне от рек и торговых путей лежало множество более мелких городов, которые, оказавшись выключенными из широкого обмена, продолжали безмятежно прозябать на уровне жизни позднего средневековья; они довольствовались лишь незначительным потреблением привозных товаров и незначительным производством на вывоз. Из сельского населения только дворянство вступало в соприкосновение с более широкими кругами и с новыми потребностями. Крестьянская же масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта.

В то время как в Англии и Франции подъем торговли и промышленности привел к объединению интересов в пределах

всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг чисто местных центров, и поэтому к политической раздробленности, которая вскоре особенно прочно утвердилась вследствие вытеснения Германии из мировой торговли. По мере того как происходил распад *чисто феодальной* империи, разрывалась и вообще связь между имперскими землями; владельцы крупных имперских ленов стали превращаться в почти независимых государей, а имперские города, с одной стороны, и имперские рыцари, с другой, начали заключать союзы то друг против друга, то против князей или императора. Имперское правительство, переставшее понимать свое собственное положение, беспомощно колебалось между различными элементами, которые составляли империю, все более теряя при этом свой авторитет; предпринятая этим правительством попытка, в духе Людовика XI, централизовать государство, несмотря на все интриги и насилия, не пошла дальше укрепления связи между австрийскими наследственными землями. Если в этом хаосе, в этих бесчисленных взаимно перекрещивающихся столкновениях кто-нибудь в конечном счете выигрывал и должен был выигрывать, то это были представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации, *князья,* рядом с которыми сам император все более и более становился таким же князем, как и все остальные.

В этих условиях положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось, и рядом со старыми классами образовались новые.

Из высшего дворянства выделились *князья.* Они были уже почти независимыми от императора и обладали большинством суверенных прав. Они на свой собственный страх и риск вели войны и заключали мир, держали постоянное войско, созывали ландтаги, облагали население налогами. Значительную часть низшего дворянства и городов они уже подчинили своей власти и продолжали прибегать к любым средствам, чтобы присоединить к своим владениям остальные, пока еще непосредственно подчиненные империи, города и баронства. По отношению к этим последним они были централизаторами в такой же мере, в какой были децентрализаторами по отношению к имперской власти. Во внутренних делах их правление уже тогда отличалось очень большим произволом. Они созывали сословные собрания, как правило, лишь тогда, когда у них не было другого выхода. Они вводили налоги и собирали деньги, когда им было угодно; право сословий разрешать налоги редко призна-

валось и еще реже осуществлялось на деле. И даже в этом случае князь обычно получал большинство при помощи двух сословий, свободных от уплаты налогов, но принимавших участие в их потреблении, — рыцарства и высшего духовенства. Потребность князей в деньгах росла вместе с ростом роскоши и расходов на содержание двора, появлением постоянного войска и все большим увеличением расходов по управлению. Налоги становились все более тяжелыми. Города были в большинстве случаев защищены от податного гнета своими привилегиями; вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьянство — как на домениальных крестьян самих князей, так и на крепостных, зависимых и чиншевиков, подвластных рыцарям, которые были обязаны князьям ленной службой. Там, где недостаточно было прямого обложения, выступало на сцену косвенное; чтобы заполнить дырявую казну, применялись самые утонченные ухищрения финансового искусства. Если же все это не помогало, если уже нечего было закладывать и ни один вольный имперский город не желал больше давать в кредит, то тогда прибегали к монетным операциям самого грязного свойства: чеканили неполноценные деньги, устанавливали то высокие, то низкие принудительные курсы, в зависимости от того, как было выгоднее казне. Торговля городскими и всякими иными привилегиями, которые потом насильственно отбирались, чтобы снова их продать за более дорогую цену, использование каждой попытки к противодействию как предлога для взыскания контрибуций и всякого рода грабежей и т. д. и т. д. — все это также представляло собой обычный и весьма прибыльный источник дохода для князей того времени. Постоянным и немаловажным предметом торговли являлось в руках князей и правосудие. Словом, подданным того времени, которые сверх того должны были удовлетворять еще и частную алчность княжеских фогтов и чиновников, полностью приходилось вкушать все прелести «отеческой» системы управления.

Из феодальной иерархии средневековья почти совершенно исчезло среднее дворянство: одна его часть возвысилась до положения независимых мелких князей, другая — опустилась в ряды низшего дворянства. *Низшее дворянство, рыцарство,* быстрыми шагами шло навстречу своей гибели. Значительная часть его совершенно разорилась и жила лишь службой у князей, занимая военные или гражданские должности; другая часть находилась в ленной зависимости и подчинении у князей; наконец, третья, самая маленькая, была подчинена непосредственно империи. Развитие военного дела, возрастающая роль пехоты, усовершенствование огнестрельного оружия подорвали значение

военной службы рыцарей в качестве тяжеловооруженной кавалерии и в то же время уничтожили неприступность их замков. Прогресс промышленности сделал рыцарей излишними, так же как и нюрнбергских ремесленников. Разорению рыцарства сильно способствовала его потребность в деньгах. Роскошь в замках, соперничество в великолепии во время турниров и празднеств, цены на оружие и коней росли вместе с прогрессом общественного развития, в то время как источники дохода рыцарей и баронов увеличивались в незначительной степени или вовсе не увеличивались. Усобицы с неизбежными грабежами и контрибуциями, разбои на больших дорогах и другие подобные же благородные занятия с течением времени становились слишком опасным делом. Повинности и поборы, взимаемые с подвластного населения, едва ли давали больший доход, чем прежде. Для того чтобы удовлетворить свои возрастающие потребности, благородные господа должны были прибегать к тем же средствам, что и князья. Грабеж крестьян дворянством с каждым годом становился все более изощренным. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщина, чинши, поборы, пошлины при перемене владельца, посмертные поборы, охранные деньги[206] и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные договоры. В правосудии отказывали, да и суд был продажным, а если рыцарь не мог получить денег от крестьянина каким-либо иным способом, то он попросту бросал его в тюрьму и принуждал платить выкуп.

К другим сословиям низшее дворянство относилось также отнюдь не дружески. Дворянство, обязанное ленной службой князьям, стремилось стать непосредственно подчиненным империи; имперское рыцарство старалось сохранить свою независимость; отсюда непрерывные столкновения с князьями. Надменное духовенство того времени казалось рыцарю совершенно лишним сословием, он с завистью смотрел на его обширные владения и накопленные благодаря безбрачию и церковной организации богатства. С городами он жил в вечных раздорах; он был их постоянным должником, кормился грабежом их территорий, ограблением их купцов, выкупом за пленников, взятых в войнах с ними. И борьба рыцарства со всеми этими сословиями становилась тем более ожесточенной, чем более денежный вопрос и для него становился вопросом жизни и смерти.

Духовенство — представитель идеологии средневекового феодализма — не в меньшей степени испытало влияние исторического перелома. В результате изобретения книгопечата-

ния и роста потребностей все более расширяющейся торговли оно лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования. Разделение труда происходило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов отобрало у духовенства ряд наиболее влиятельных должностей. Духовенство также начинало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своей все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами.

Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. *Аристократический* класс составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. Эти высшие сановники церкви либо сами были имперскими князьями, либо же в качестве феодалов, подчинявшихся верховной власти других князей, владели обширными пространствами земли с многочисленным крепостным и зависимым населением. Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным мошенническим приемом. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и оброков они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы выжать у народа еще больше средств, они пользовались — и долгое время весьма успешно — изготовлением чудотворных икон и мощей, устройством благочестивых паломничеств, торговлей индульгенциями.

На этих прелатах и их бесчисленной, с усилением политических и религиозных гонений все возраставшей жандармерии из монахов и была сосредоточена ненависть к попам не только народа, но и дворянства. В тех случаях, когда они были подчинены непосредственно империи, они являлись помехой князьям. Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызывала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями.

Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. Их деятельность контролировалась сравнительно мало и, несмотря на всю свою важность для церкви, была в тот момент гораздо менее необходимой, чем полицейская служба монахов, находившихся на казарменном положении. Поэтому они оплачивались гораздо хуже и их духовные наделы были большей частью очень скудны. Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте. Народная ненависть к попам обращалась против них лишь в единичных случаях.

Подобно тому как над князьями и дворянством стоял император, так над высшим и низшим духовенством стоял *папа.* Как императору платили «всеобщий пфенниг»[207], имперские налоги, так и папе шли общие церковные налоги, которыми оплачивалась роскошь римской курии. Ни в одной стране эти церковные налоги не взыскивались — благодаря могуществу и многочисленности попов — с большим усердием и большей строгостью, чем в Германии. Особенно строго собирались аннаты[208] при освобождении епископских кафедр. С ростом потребностей изобретались новые средства для добывания денег: торговля реликвиями, продажа индульгенций, юбилейные сборы и т. д. Таким образом, из Германии ежегодно текли в Рим огромные суммы денег, и возраставший вследствие этого гнет не только увеличивал ненависть к попам, но возбуждал и национальное чувство, особенно среди дворянства, в то время наиболее национального сословия.

Из первоначального посадского населения средневековых *городов* с расцветом торговли и ремесла развились три резко обособленные группы.

Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды,* так называемые *«благородные».* Это были наиболее богатые семьи. Они одни заседали в городском совете и занимали все городские должности. Поэтому они не только ведали доходами города, но и растранжиривали их. Сильные своим богатством, своим традиционным, признанным императором и империей аристократическим положением, они всеми способами эксплуатировали как городскую общину, так и подвластных

городу крестьян. Они занимались ростовщичеством, давая ссуды зерном и деньгами, присваивали себе всякого рода монополии, отбирали у общины одно за другим все ее права на совместное пользование городскими лесами и лугами, пользуясь ими исключительно в интересах своей частной выгоды, произвольно взимали дорожные, мостовые и воротные пошлины и всякие иные поборы, торговали цеховыми привилегиями, званием мастера, правами гражданства и правосудием. С крестьянами городской округи они обращались не менее беспощадно, чем дворяне и попы; более того, городские фогты и должностные лица в деревнях, которые все были патрициями, при взимании поборов присоединяли к аристократической жестокости и алчности еще и известный бюрократический педантизм. В управлении городскими доходами, собираемыми таким образом, господствовал величайший произвол: отчетность в городских книгах, представлявшая собой чистую формальность, велась чрезвычайно небрежно и запутанно; растраты и кассовые недочеты были обычным явлением. Насколько легко было тогда немногочисленной, присвоившей себе всевозможные привилегии, тесно сплоченной узами родства и общностью интересов касте безгранично обогащать себя за счет городских доходов, нетрудно себе представить, если вспомнить о многочисленных мошенничествах и растратах, которые в 1848 г. были обнаружены в столь многих городских управлениях.

Патриции позаботились о том, чтобы права городских общин, особенно в финансовых делах, всюду были преданы забвению. Лишь позднее, когда злоупотребления этих господ перешли всякие границы, общины снова пришли в движение, чтобы добиться по крайней мере контроля над городским управлением. В большинстве городов они действительно восстановили свои права. Но при наличии вечных раздоров между цехами, при том упорстве, которым обладали патриции, и покровительстве, которое они находили у империи и правительств союзных с ними городов, патрицианские члены советов очень скоро то хитростью, то силой восстановили фактически свое прежнее безраздельное господство. В начале XVI столетия во всех городах община опять находилась в оппозиции.

Городская оппозиция патрициату делилась на две фракции, которые весьма четко определились во время Крестьянской войны.

Бюргерская оппозиция, предшественница наших нынешних либералов, охватывала богатых горожан и горожан среднего достатка, а также большую или меньшую часть — в зависимости от местных условий — мелких бюргеров. Ее требования носили

чисто конституционный характер. Она требовала контроля над городским управлением и участия в законодательной власти, через посредство собрания самой общины или через ее представителей (большой совет, комитет общины); далее — ограничения патрицианского непотизма и олигархической власти нескольких избранных семейств, олигархии, которая все более открыто обозначалась даже внутри самого патрициата. В лучшем случае бюргерская оппозиция кроме того требовала замещения нескольких мест в совете горожанами, .вышедшими из ее собственной среды. Эта партия, к которой кое-где присоединялась недовольная и опустившаяся часть патрициата, имела за собой значительное большинство во всех регулярных собраниях общины, а также в цехах. Сторонники же совета, как и представители более радикальной оппозиции, даже взятые вместе, составляли среди полноправных *горожан* лишь небольшое меньшинство.

Мы ниже увидим, что эта «умеренная», «стоящая на почве закона», «весьма обеспеченная» и «интеллигентная» оппозиция играла в движении XVI века точно такую же роль и с точно таким же успехом, как и ее наследница, конституционная партия, в движении 1848 и 1849 годов[209].

Впрочем, бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, праздная, привольная жизнь и распущенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование. Она требовала решительных мер против скандального образа жизни этих почтенных мужей. Она настаивала на том, чтобы была отменена особая юрисдикция для попов, а также их свобода от налогов, и чтобы количество монахов было вообще сокращено.

Плебейская оппозиция состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов. Люмпен-пролетариат вообще представляет собой явление, которое — в более или менее развитом виде — имело место почти во всех бывших до сих пор фазах общественного развития. Как раз в то время вследствие разложения феодализма в обществе, где каждая профессия, каждая сфера жизни была еще ограждена бесчисленными привилегиями, значительно увеличилась масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного места жительства. Во всех развитых странах количество бродяг никогда не было так велико, как в первой половине XVI века. Часть их в военное время нанималась в армии, другая бродила по дерев-

ням, занимаясь попрошайничеством, наконец, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху. Все эти три элемента сыграли свою роль в Крестьянской войне: первый — в княжеских войсках, нанесших поражение крестьянам, второй — в крестьянских заговорщических союзах и крестьянских отрядах, где каждую минуту давало себя знать его деморализующее влияние, третий — в борьбе городских партий. Впрочем, не следует забывать, что большая часть этого класса, именно та, которая жила в городах, в то время еще обладала значительной долей здоровой крестьянской природы и ей еще долгое время была чужда продажность и испорченность современного «цивилизованного» люмпен-пролетариата.

Как мы видим, городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов. Она соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще не развившимся, едва пробивавшимся наружу пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества. С одной стороны, это были обедневшие цеховые бюргеры, все еще связанные своими привилегиями с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги, которые еще не могли стать пролетариями. Промежуточное положение между теми и другими занимали подмастерья: временно они стояли вне официального общества и по условиям жизни настолько приближались к пролетариату, насколько это было возможно при тогдашнем состоянии промышленности и господстве цеховых привилегий; однако в то же самое время, в силу тех же цеховых привилегий, почти все они были будущими бюргерами и цеховыми мастерами. Партийная позиция этой смеси разнородных элементов была поэтому неизбежно в высшей степени неустойчивой и различалась в зависимости от местных условий. До Крестьянской войны плебейская оппозиция выступает в политической борьбе не в качестве партии, а лишь в виде шумной, склонной к грабежам толпы, которую можно купить и продать за несколько бочек вина и которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции. В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, но и в этом случае она почти везде следует в своих требованиях и выступлениях за крестьянами — яркое доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни. Она выступает самостоятельно лишь постольку, поскольку требует восстановления монополии городского ремесла в деревне, поскольку возражает

против сокращения городских доходов **за** счет отмены феодальных повинностей в городской округе и т. д.; словом, в той мере, в какой она самостоятельна, она реакционна и подчиняется своим собственным мелкобуржуазным элементам, исполняя тем самым характерную прелюдию к той трагикомедии, которую вот уже в течение трех лет разыгрывает современная мелкая буржуазия под вывеской демократии.

Лишь в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и в некоторых других местах под влиянием его учеников плебейская часть городского населения была настолько увлечена общей революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными элементами, участвовавшими в движении. Этот эпизод, составивший кульминационный пункт всей Крестьянской войны и разыгравшийся вокруг самой величественной ее фигуры, вокруг *Томаса Мюнцера,* является в то же время и самым кратким. Само собой понятно, что эта часть плебеев должна была быстрее всего потерпеть поражение, что в то же время ее движение должно было носить преимущественно фантастический отпечаток и что способ, каким она выражала свои требования, должен был отличаться очень большой неопределенностью, ибо именно она менее всего имела твердую почву в тогдашних общественных отношениях.

Подо всеми этими классами, за исключением плебеев, находилась громадная эксплуатируемая масса народа — *крестьяне.* На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу — с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или же еще того хуже. Если он был крепостным, он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым, то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы его придавить, а эти повинности увеличивались с каждым днем. Большую часть своего времени он дол-жен был работать в поместье своего господина; а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов для себя самого, он должен был выплачивать десятину, чинш, поборы, налоги в пользу князя [Bede], походную подать (военный налог), местные и общеимперские подати. Он не мог ни вступить в брак, ни умереть, без того чтобы господин не получил за это деньги. Помимо установленной барщины он должен был собирать для своего милостивого повелителя солому, землянику, чернику, улиток, загонять во время охоты дичь, рубить дрова

и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать на то, как дичь уничтожает его урожай. Общинные пастбища и леса, принадлежавшие крестьянам, были почти везде насильственно отобраны господами. И не только собственность крестьянина, но и его личность и личность его жены и дочерей были подчинены произволу господина. Господин пользовался правом первой ночи. Он мог в любой момент, когда ему вздумается, бросить крестьянина в темницу, где того в те времена ждали пытки с той же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он забивал крестьянина насмерть и, если хотел, мог приказать обезглавить его. Из тех назидательных статей Каролины[210], которые говорят об «отрезании ушей», «отсечении носа», «выкалывании глаз», «обрубании пальцев и рук», «обезглавлении», «колесовании», «сожжении», «пытке раскаленными щипцами», «четвертовании» и т. д., нет ни одной, которой бы милостивый сеньор и покровитель не мог бы применить к своим крестьянам по своему усмотрению. И кто бы мог оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ведь все официальные сословия империи жили за счет высасывания последних соков из крестьян.

Однако крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению; во многих местностях крестьяне отвыкли от употребления оружия; жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удерживать крестьян в повиновении. Поэтому в средние века, встречаясь с большим количеством местных восстаний крестьян, мы — по крайней мере в Германии — до Крестьянской войны не обнаруживаем ни одного общенационального крестьянского восстания. К тому же крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и сплоченная организованная сила князей, дворянства ц городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями; но как могли они заключить союз с другими сословиями, если каждое из них без исключения являлось эксплуататором крестьян?

Итак, мы видим, что в начале XVI века разные сословия империи — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне — составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно

перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными. Тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции и который имеет место теперь на более высокой ступени развития в наиболее передовых странах, был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи. Сложный переплет интересов, взглядов и стремлений того времени легче будет понять, если вспомнить о той путанице, которую вызвал в последние два года современный, гораздо менее сложный состав немецкой нации, распадающейся на феодальное дворянство, буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство и пролетариат.

II

Группировка столь разнообразных в то время сословий в более крупные объединения была почти невозможна уже в силу децентрализации, независимости отдельных местностей и провинций друг от друга, взаимной отчужденности провинций в промышленном и торговом отношении и плохого состояния путей сообщения. Эта группировка возникает лишь вместе с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в период Реформации. Выступление различных сословий в защиту этих идей или против них привело, правда, с большим трудом и лишь приблизительно, к концентрации немецкой нации, разбившейся на три больших лагеря: католический, или реакционный, лютеровский, или бюргерско-реформаторский, и революционный. Если и в этом великом расколе нации мы обнаруживаем мало последовательности, если в двух первых лагерях мы отчасти находим одни и те же элементы, то это объясняется тем состоянием разложения, в котором находилось большинство унаследованных от средневековья официальных сословий, и той децентрализацией, в результате которой одни и те же сословия в различных местах временно могли примыкать к противоположным течениям. За последние годы мы так часто имели возможность наблюдать в Германии аналогичные явления, что нас не должно поражать кажущееся столь пестрым переплетение сословий и классов при гораздо более сложных отношениях XVI столетия.

Немецкая идеология, несмотря на опыт последнего времени, все еще продолжает видеть в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столковаться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных

дел. Эти идеологи достаточно легковерны для того, чтобы принимать за чистую монету все иллюзии, которые та или иная эпоха сама создает о себе или которые создают идеологи того времени о своей эпохе. Люди подобного сорта видят, например, в революции 1789 года лишь ряд чересчур пылких дебатов относительно преимуществ конституционной монархии по сравнению с абсолютной, в июльской революции — практический спор на тему о неосновательности права «божьей милостью», в февральской революции — попытку разрешить вопрос: «монархия или республика?» и т. д. О *классовой борьбе,* которая развертывается во время этих потрясений и простым выражением которой служат политические лозунги, всякий раз выставляемые на знамени, — об этой классовой борьбе наши идеологи даже и теперь не имеют ни малейшего понятия, хотя об этом достаточно громко говорят не только те известия, которые доходят из-за границы, но и гневный ропот многих тысяч немецких пролетариев.

И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени.

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием

того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все , средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер. Ереси представляли собой отчасти реакцию патриархальных альпийских пастухов на проникновение к ним феодализма (вальденсы[211]), отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов (альбигойцы[212], Арнольд Брешианский и т. д.), частью же открытое восстание крестьян (Джон Болл, Венгерский проповедник в Пикардии[213] и т. д.). Патриархальную ересь вальденсов, так же как и восстание швейцарцев, мы можем здесь оставить в стороне как реакционную, по форме и содержанию, попытку отгородиться от исторического развития, имевшую к тому же только местное значение. В двух других формах средневековой ереси мы уже в XII веке находим предвестников той великой противоположности между бюргерской и крестьянско-плебейской оппозицией, которая привела к гибели Крестьянскую войну. Эта противоположность продолжает существовать в течение всего позднего средневековья.

Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует gouvernement a bon marche, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего eglise a bon marche, дешевой церкви. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов,

римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под опекой монархов, своими нападками на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика. Их враждебное отношение к ряду догматов и церковных установлений объясняется отчасти тем, что уже было сказано выше, отчасти прочими условиями их жизни. Например, причину их яростных нападок на безбрачие духовенства никто так хорошо не объясняет, как Боккаччо. Арнольд Брешианский в Италии и Германии, альбигойцы в Южной Франции, Джон Уиклиф в Англии, Гус и каликстинцы[214] в Богемии* были главными представителями этого направления. То обстоятельство, что оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь в виде оппозиции против *церковного* феодализма, объясняется довольно просто тем, что города уже всюду были признанным сословием и имели достаточно возможностей для борьбы с светским феодализмом, опираясь на свои привилегии, с помощью оружия или в сословных собраниях.

Как в Южной Франции, так ив Англии и Богемии мы видим уже, что большая часть низшего дворянства присоединяется к борьбе городов против попов и примыкает к ересям — явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции к князьям и прелатам. С этим явлением мы снова встретимся в Крестьянской войне.

Совершенно иной характер носила та ересь, которая являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием. Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов. божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего

* — Чехии. *Ред.*

христианства. Эта крестьянско-плебейская ересь, которую в период расцвета феодализма, например, у альбигойцев, еще с трудом можно отделить от бюргерской, развивается в резко выделяющееся партийное воззрение в XIV и XV веках, когда она выступает, как правило, уже совершенно самостоятельно рядом с бюргерской ересью. Таковы, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера в Англии рядом с последователями Уиклифа и табориты[215] рядом с каликстинцами в Богемии. У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии.

К этой форме ереси примыкает экзальтация мистических сект, флагеллантов, лоллардов[216] и т. д., продолжавших революционную традицию в периоды, когда движение было подавлено.

Плебеи в то время были единственным классом, находившимся совершенно вне существующего официального общества. Они стояли как вне феодальных, так и вне бюргерских связей. Они не обладали ни привилегиями, ни собственностью; у них не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое имелось у крестьян и мелких бюргеров. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их существования не имели никакого непосредственного касательства к действовавшим в то время учреждениям, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехово-бюргерского общества и в то же время первыми предвестниками современного буржуазного общества.

Это положение плебеев объясняет, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам. Хилиастические мечтания[217] раннего христианства представляли удобный исходный пункт для этого. Но в то же время это стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускались тогдашними условиями.

Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений.

Это резко противоречащее действительности, но вполне объясняющееся условиями жизни плебеев предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в *Германии,* у *Томаса Мюнцера* и его партии. Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имущества, однако, лишь в качестве чисто военной меры. Только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским- движением, подобно тому как в средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета.

В то время как в первом из трех больших лагерей, в *консервативно-католическом,* собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, т. е. имперская власть, духовные и частично светские князья, более богатые слои дворянства, прелаты и городской патрициат, под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской* реформы объединились имущие элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи. Наконец, крестьяне и плебеи объединились в *революционную* партию, требования и доктрины которой резче всего были сформулированы Мюнцером.

Лютер и Мюнцер по своим доктринам, а также по своему характеру и своим выступлениям являются каждый подлинным представителем своей партии.

За период от 1517 до 1525 г. *Лютер* проделал ту же эволюцию, которую современные немецкие конституционалисты проделали в период от 1846 до 1849 г. и которую проделывает

всякая буржуазная партия, оказавшаяся временно во главе движения и обгоняемая в ходе этого движения находящейся позади нее плебейской или пролетарской партией.

Когда в 1517 г. Лютер впервые выступил против догматов и строя католической церкви, его оппозиция вовсе не имела еще сколько-нибудь определенного характера. Не выходя за пределы требований прежней бюргерской ереси, она не исключала также ни одного более радикального направления, да и не могла этого делать. В первый момент необходимо было, чтобы все оппозиционные элементы оказались объединенными, нужно было развязать самую решительную революционную энергию, нужно было противопоставить католическому правоверию всю массу существовавших до того времени ересей. Точно таким же образом наши либеральные буржуа еще в 1847 г. были революционными, называли себя социалистами и коммунистами и носились с идеями эмансипации рабочего класса. В этот первый период деятельности Лютера его сильная крестьянская натура проявляла себя самым бурным образом.

«Если их» (т. е. римских попов) «неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то вряд ли, думается мне, найдется иное хорошее средство его обуздать, кроме одного: королям и князьям прибегнуть к силе, снарядиться и напасть на этих вредных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда *оружием, а не словами* положить конец их игре. Если мы караем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них *со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови?»*[218]

Но этот первый революционный пыл оказался непродолжительным. Молния, которую метнул Лютер, попала в цель. Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой стороны, к нему примкнули более умеренные бюргеры и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже князей. Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми своими угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов и зависимости от Рима, уничтожить католическую иерархию и обогатиться посредством конфискации церковных имуществ. Партии размежевались и обрели своих представителей. Лютер должен был сделать выбор между ними. Он, протеже курфюрста Саксонского, почтенный виттенбергский профессор, ставший в одну ночь могущественным и знаменитым, великий человек,

окруженный целой свитой приверженцев и льстецов, не колебался ни одной минуты. Он отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей. Его призывы к истребительной войне против Рима замолкли; Лютер стал теперь проповедовать *мирное развитие* и *пассивное сопротивление* (ср., например, «К дворянству немецкой нации», 1520[219] и т. д.). На приглашение Гуттена явиться к нему и Зиккингену в Эбернбург, центр дворянского заговора против попов и князей, Лютер ответил:

«Я не хотел бы, чтобы евангелие *отстаивалось насилием и пролитием крови.* Слово победило мир, благодаря слову сохранилась церковь, словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет».

Этот поворот или, вернее, это более точное определение направления Лютера положило начало тем торгам и переторжкам вокруг подлежащих сохранению или реформированию учреждений и догматов, тем отвратительным дипломатическим проискам, соглашательству, интригам и сделкам, результатом которых и явилось Аугсбургское вероисповедание, эта выторгованная в конце концов конституция реформированной бюргерской церкви[220]. Это было такое же барышничество, как и то, которое в политической форме с тошнотворной точностью повторилось совсем недавно в немецких национальных собраниях, согласительных собраниях, в палатах по пересмотру конституции и Эрфуртском парламенте. Мещанский характер официальной реформации в этих переговорах обнаружился самым явным образом.

То, что Лютер, сделавшийся с этого момента официальным представителем бюргерской реформы, стал проповедником прогресса в рамках закона, имело серьезные причины. Большинство городов перешло на сторону умеренной реформы; низшее дворянство все больше присоединялось к ней; часть князей была за нее, другая колебалась. Ее успех можно было считать обеспеченным, по крайней мере, в значительной части Германии. Если бы мирное развитие продолжалось и в дальнейшем, остальные области не могли бы долго сопротивляться напору умеренной оппозиции. Всякое же насильственное потрясение должно было привести к конфликту умеренной партии с крайней, плебейско-крестьянской, должно было оттолкнуть от движения князей, дворянство и многие города; осталось бы только два вероятных исхода: либо крестьяне и плебеи взяли бы верх над бюргерской партией, либо все партии прогресса оказались бы раздавленными католической реставрацией. А как буржуазные партии, одержав хотя бы самую скром-

ную победу, пытаются при помощи прогресса в рамках закона лавировать между Сциллой революции и Харибдой реставрации, тому мы имели не мало примеров за последнее время.

Так как в силу общих социальных и политических условий того времени результаты всякого изменения неизбежно должны были пойти на пользу князьям и увеличить их власть, то и бюргерская реформа, чем резче отделялась она от плебейских и крестьянских элементов, тем все более и более должна была подпасть под контроль принявших реформацию князей. Сам Лютер все больше становился их холопом, и народ ясно отдавал себе в этом отчет, когда говорил, что Лютер стал таким же княжеским прислужником, как и другие, и когда в Орламюнде он проводил Лютера градом камней.

Когда вспыхнула Крестьянская война, и притом в местностях, где князья и дворяне были большей частью католиками, Лютер попытался выступить в роли посредника. Он решительно обрушился на власти. Они-де сами своими притеснениями вызвали восстание; против них возмутились не крестьяне, а сам бог. Но, с другой стороны, разумеется, и восстание также есть антибожеское дело и противно евангелию. В конце концов он призвал обе стороны к взаимным уступкам и предложил им покончить дело полюбовно.

Однако вопреки этим благонамеренным посредническим предложениям восстание стало быстро распространяться, охватив даже протестантские, подвластные лютеранским князьям, дворянам и городам области, и быстро переросло бюргерскую «благоразумную» реформу. В непосредственной близости от Лютера, в Тюрингии, устроила свою штаб-квартиру наиболее решительная фракция повстанцев, возглавляемая Мюнцером. Еще несколько успехов, и вся Германия была бы охвачена пламенем, Лютер был бы окружен и, возможно, прогнан сквозь пики как предатель, а вся бюргерская реформа была бы сметена бурным потоком крестьянско-плебейской революции. Для раздумья больше не было времени. Перед лицом революции все старые раздоры были забыты; по сравнению с шайками крестьян слуги римского содома были невинными агнцами, кроткими сынами божьими; бюргеры и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединились «против кровожадных и разбойничьих шаек крестьян»[221].

«Каждый, кто может, должен *рубить* их, *душить* и *колоть, тайно* и *явно,* так же, как убивают *бешеную собаку»,* — восклицает Лютер. — «Поэтому, возлюбленные господа, придите на помощь, спасайте; коли, бей, дави их, кто только может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти и быть не может». Не следует только проявлять к крестьянам ложного милосердия. Люди,

проявляющие жалость к тем, кого сам бог не только не жалеет, но хочет наказать и погубить, сами присоединяются к бунтовщикам. Впоследствии и сами крестьяне научатся благодарить бога за то, что, отдав одну корову, они могут мирно пользоваться другой; князьям же восстание докажет, каков дух у черни, управлять которой надлежит только силой. «Мудрец говорит: cibus, onus et virga asino*, с крестьян довольно и овсяной мякины; они не слушают слова и неразумны— пусть же внушат им послушание кнут и ружье, они сами того заслужили. Мы должны молиться за них, дабы они покорились; не будет этого, не должно быть места и для милосердия. *Пусть скажут им тогда свое слово ружья,* иначе они наделают в тысячу раз больше бед».

Совершенно таким же языком заговорили наши блаженной памяти социалистические и филантропические буржуа, когда пролетариат после мартовских дней потребовал своей доли в плодах победы.

Своим переводом библии Лютер дал в руки плебейскому движению мощное оружие. Посредством библии он противопоставил феодализированному христианству своего времени скромное христианство первых столетий, распадающемуся феодальному обществу — картину общества, совершенно не знавшего многосложной, искусственной феодальной иерархии. Крестьяне всесторонне использовали это оружие против князей, дворянства и попов. Теперь Лютер обратил его против крестьян и составил на основании библии настоящий дифирамб установленной богом власти, дифирамб, лучше которого не в состоянии был когда-либо изготовить ни один блюдолиз абсолютной монархии. С помощью библии были санкционированы и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право. Это было отречение не только от крестьянского восстания, но и от бунта самого Лютера против духовной и светской власти; Лютер, таким образом, предал князьям не только народное, но и бюргерское движение.

Нужно ли нам приводить имена тех буржуа, которые совсем недавно дали нам снова примеры подобного же отречения от своего собственного прошлого?

Противопоставим теперь бюргерскому реформатору Лютеру плебейского революционера *Мюнцера.*

Томас Мюнцер родился в *Штольберге,* у подножья Гарца, около 1498 года[222]. Его отец, жертва произвола штольбергского графа, окончил, повидимому, свою жизнь на виселице. Уже пятнадцати лет от роду Мюнцер основал в школе в Халле тайный союз против архиепископа Магдебургского и римской церкви вообще. Его глубокие познания в тогдашней теологии рано обеспечили ему докторскую степень и место капеллана в жен-

* — пища, кладь и кнут — ослу. *Ред.*

ском монастыре в Халле. Здесь он проявляет уже величайшее презрение к церковным догматам и обрядам, совершенно опускает во время обедни слова о пресуществлении и ест, как рассказывает о нем Лютер, тело господне неосвященным. Главным предметом его изучения были сочинения средневековых мистиков, особенно хилиастические произведения Иоахима Калабрийского. Тысячелетнее царство, страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром, которые предсказывал и изображал этот писатель, казались Мюнцеру с началом Реформации и характерного для того времени всеобщего возбуждения уже близкими. Его проповеди в окрестных деревнях встречали горячее одобрение. В 1520 г. он прибыл в качестве первого евангелического проповедника в Цвиккау. Здесь он застал одну из тех экзальтированных хилиастических сект, которые продолжали тайно существовать во многих местностях; их временное смирение и уединение служили лишь прикрытием нараставшей оппозиции низших слоев общества существующему строю, и теперь, с ростом всеобщего возбуждения, они стали все более открыто и настойчиво давать о себе знать. Это была секта анабаптистов[223], во главе которой стоял Никлас *Шторх.* Они проповедовали приближение страшного суда и тысячелетнего царства; у них были «видения, экстазы и нисхождения пророческого духа». В скором времени у них возник конфликт с цвиккауским советом. Мюнцер встал на их сторону, хотя он никогда безоговорочно к ним не примыкал и скорее сам подчинил их своему влиянию. Совет решительно выступил против анабаптистов; они вынуждены были покинуть город, а вместе с ними также и Мюнцер. Это произошло в конце 1521 года.

Мюнцер отправился в Прагу и, завязав сношения с уцелевшими элементами гуситского движения, попытался здесь обосноваться; но написанное им воззвание привело лишь к тому, что он должен был бежать также из Богемии. В 1522 г. он сделался проповедником в Альштедте, в Тюрингии. Здесь он начал свою деятельность с реформы богослужения. Он совершенно отменил латинский язык еще до того, как Лютер осмелился пойти так далеко, и распорядился читать народу не только воскресные тексты из евангелия и апостольских посланий, но и всю библию. В то же время он организовал пропаганду в близлежащих местностях. Народ стекался к нему со всех сторон, и вскоре Альштедт стал центром народного движения против попов во всей Тюрингии.

Мюнцер все еще оставался прежде всего теологом; он все *еще* направлял свои удары почти исключительно против попов. Однако он не был проповедником спокойной дискуссии

и мирного прогресса, каким уже тогда сделался Лютер, а продолжал прежние громовые проповеди Лютера, призывая саксонских князей и народ к вооруженному выступлению против римских попов.

«Говорит же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч». Что же вы» (саксонские князья) «должны сделать этим мечом? Не иначе, как устранить и уничтожить злых, преграждающих путь евангелию, если только вы хотите быть слугами господа. Христос строго-настрого повелел (Евангелие от Луки, гл. 19, 27): «Врагов моих приведите сюда и избейте передо мною»... Оставьте пустую болтовню, будто сила божья должна сделать это без помощи вашего меча, ибо, в противном случае, он заржавеет в ножнах. Тех, кто противится божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия, подобно тому как Езекия, Кир, Иосия, Даниил и Илья сокрушили жрецов Ваала, ибо иначе христианская церковь не сможет вернуться к своим исконным началам. С наступлением жатвы следует вырвать плевелы из вертограда божья. Господь сказал (Пятая книга Моисея, гл. 7): «Не жалейте безбожников, разбейте их алтари, разбейте и сожгите идолы их, чтобы гнев мой не обрушился на вас»»[224].

Но эти призывы к князьям оказались тщетными, тогда как среди народа революционное возбуждение продолжало с каждым днем нарастать. Мюнцер, идеи которого становились все более определенными, все более смелыми, решительно отмежевался теперь от бюргерской реформации и стал с той поры открыто выступать и как политический агитатор.

Его теолого-философские доктрины были направлены против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще. В христианской форме он проповедовал пантеизм обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями[225] и местами соприкасающийся даже с атеизмом. Он отказывался рассматривать библию как единственный и безупречный источник откровения. Настоящее и живое откровение, по его мнению, есть разум, откровение. которое существовало во все времена и у всех народов и которое существует до сих пор. Противопоставлять разуму библию значило бы убивать дух мертвой буквой, ибо святой дух, о котором говорит библия, не есть нечто, существующее вне нас; святой дух и есть наш разум. Вера является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники. Посредством этой веры, посредством пробудившегося разума человек уподобляется божеству и достигает блаженства. Поэтому рай не является чем-то потусторонним, его нужно искать в этой жизни, и призвание верующих состоит в том, чтобы установить этот рай, т. е. царство божье, здесь на земле. Подобно тому как не существует потустороннего рая, не существует и потустороннего ада и вечного проклятия.

Точно так же не бывает никакого другого дьявола, кроме дурных страстей и вожделений человека. Христос был таким же человеком, как и мы, пророком и учителем, и его таинство причащения есть лишь простая поминальная трапеза, во время которой едят хлеб и пьют вино без всякой мистической приправы.

Эти взгляды Мюнцер проповедовал, большей частью прикрывая их той же самой христианской фразеологией, которой долгое время должна была прикрываться и новейшая философия. Но основная архиеретическая мысль повсюду отчетливо выступает в его произведениях, и мы видим, что он придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время. А между тем современную философию отделяют от Мюнцера целых три столетия.

Его политическая доктрина тесно примыкала к этим революционным религиозным воззрениям и так же далеко выходила за пределы тех общественных и политических отношений, которые были тогда непосредственно налицо, как и его теология выходила за пределы господствовавших в то время представлений. Подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму, и даже накануне февральской революции многие современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали «мюнцерцы» в XVI веке. Эта программа, которая представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов, требовала немедленного установления царства божьего на земле — тысячелетнего царства, предсказанного пророками, — путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находившихся в противоречии с этой якобы раннехристианской, в действительности же совершенно новой церковью. Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство. Для того чтобы осуществить все это не только во всей Германии, но и во всем христианском мире, нужно основать союз; князьям и дворянам следует предложить присоединиться к нему;

если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае свергнуть их с помощью оружия или уничтожить.

Мюнцер немедленно принялся за организацию этого союза. Его проповеди становились все более пламенными и революционными. Не ограничиваясь нападками на попов, он с той же страстностью обрушился на князей, дворянство и патрициат, гневными словами изображал существующий гнет и противопоставлял ему свою фантастическую картину тысячелетнего царства социально-республиканского равенства. Одновременно он выпускал один революционный памфлет за другим и рассылал во все стороны своих эмиссаров; сам же он принялся за организацию союза в Альштедте и его окрестностях.

Первым плодом этой пропаганды было разрушение часовни св. Марии в Меллербахе под Альштедтом, согласно заповеди: «Разрушьте их алтари, разбейте их столбы, сожгите их идолы, ибо вы священный народ» (Второзаконие, гл. 7, 6). Саксонские князья сами явились в Альштедт, чтобы прекратить волнения, и приказали вызвать Мюнцера в замок. Здесь он произнес проповедь, подобную которой им не приходилось выслушивать от Лютера, этой «в холе живущей плоти виттенбергской», как назвал его Мюнцер. Ссылаясь на Новый завет, он настаивал на том, чтобы безбожные правители, в особенности попы и монахи, поносящие евангелие как ересь, были истреблены. Безбожники не имеют права жить, разве только по милости избранных. Если князья не истребят безбожников, то господь отнимет у них меч, *ибо сила меча принадлежит всей общине.* Главными виновниками ростовщичества, воровства и разбоя являются князья и дворяне; они присваивают себе всякое создание: рыбу в воде, птицу в воздухе, все произрастающее на земле. И после этого они еще проповедуют беднякам заповедь: не укради. Сами же они забирают все, что только попадает под руку, грабят крестьянина и ремесленника, дерут с них шкуру; последним же стоит только совершить самый пустячный проступок, как их отправляют на виселицу, и ко всему этому доктор Люгнер* приговаривает: аминь.

«Господа сами виновны в том, что бедняк становится их врагом. Они не хотят устранить причины возмущения; как же может, в конце концов, установиться мир? О любезные господа, как славно господь перебьет железным посохом старые горшки! Истинно говорю вам, я буду возмущать народ. Прощайте!» (Ср. Циммерман. «Крестьянская война», ч. II, стр. 75.)

Мюнцер напечатал свою проповедь. В наказание за это его типограф в Альштедте должен был, по повелению герцога

* Игра слов: «Lugner» — «лжец» (Мюнцер имеет в виду Лютера). *Ред.*

Иоганна Саксонского, покинуть страну, а все произведения самого Мюнцера были объявлены подлежащими цензуре герцогского правительства в Веймаре. Но Мюнцер пренебрег этим приказом. Он немедленно же напечатал в имперском городе Мюльхаузене чрезвычайно мятежное сочинение[226], в котором призывал народ

«расширить брешь, чтобы весь мир мог увидеть и понять, что представляют собой наши важные господа, столь нечестиво превратившие бога в размалеванного человечка».

Он закончил это сочинение словами:

«Великое потрясение предстоит выдержать всему миру; разыграется такое представление, что безбожники будут низвергнуты, а униженные возвышены».

В качестве эпиграфа «Томас Мюнцер с молотом» привел на заглавном листе:

«Знай, я вложил мои слова в уста твои, я поставил тебя сегодня над людьми и царствами для того, чтобы ты искоренял, разрушал, рассеивал и разбивал и чтобы ты строил и насаждал. Воздвигнута железная стена против королей, князей и попов и против народа. Пусть же они вступят в борьбу, и победа чудесным образом приведет к гибели могущественных безбожных тиранов».

Разрыв Мюнцера с Лютером и его партией назрел уже давно. Лютер был вынужден сам принять ряд церковных реформ, которые Мюнцер ввел, не спрашивая его. Он следил за деятельностью Мюнцера с раздражением и недоверием умеренного реформатора к более энергичной и радикальной партии. Уже весной 1524 г. Мюнцер написал Меланхтону, этому прообразу филистерского, чахлого кабинетного ученого, обвиняя его и Лютера в полном непонимании движения. Они стремятся задушить его с помощью слепой веры в библейскую букву, и все их учение источено червями.

«Дорогие братья, оставьте ваши ожидания и колебания, время наступило, лето уже на пороге. Не поддерживайте дружбы с безбожниками; они препятствуют тому, чтобы слово действовало с полной силой. Не льстите вашим князьям, иначе вы сами погибнете вместе с ними. Вы, изнеженные ученые-книжники, не гневайтесь на меня, я не могу поступать иначе»[227].

Лютер неоднократно вызывал Мюнцера на диспут; но последний, готовый в любой момент принять бой перед народом, не имел ни малейшего желания пускаться в богословский спор перед предубежденной публикой Виттенбергского университета. Он не хотел превращать «свидетельство духа в привилегию высшей школы». Если Лютер искренен, то пусть он использует свое влияние для того, чтобы прекратить преследования

типографа Мюнцера и цензурные запреты, дабы спор мог быть беспрепятственно разрешен в печати.

И вот, после издания упомянутой революционной брошюры Мюнцера, Лютер открыто выступил с доносом на него. В своем печатном «Письме к саксонским князьям против мятежного духа»[228] Лютер объявил Мюнцера орудием сатаны и призвал князей вмешаться и изгнать из страны возбудителей мятежа, так как они не довольствуются одной лишь проповедью своих вредных учений, но призывают к восстанию и насильственному противодействию властям.

Первого августа Мюнцер должен был держать ответ перед князьями в Веймарском замке по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Против него имелись в высшей степени компрометирующие факты: напали на след его тайного союза, было обнаружено, что он приложил руку к созданию объединений среди рудокопов и крестьян. Ему пригрозили изгнанием. Едва успев вернуться в Альштедт, он узнал, что герцог Георг Саксонский требует его выдачи: были перехвачены написанные его рукой письма союза, в которых он призывал подданных Георга к вооруженному сопротивлению врагам евангелия. Если бы он не покинул города, он был бы выдан городским советом.

Между тем все более возраставшее возбуждение среди крестьян и плебеев чрезвычайно благоприятствовало мюнцеровской пропаганде. Для этой пропаганды Мюнцер нашел неоценимых агентов в лице анабаптистов. Члены этой секты, не имея никаких определенных положительных догматов, связанные только общей оппозицией против всех господствующих классов и общим символом вторичного крещения, аскетически строгие в образе жизни, неутомимые, фанатичные и бесстрашные в своей агитации, все более и более сплачивались вокруг Мюнцера. Лишенные из-за преследований какого-либо определенного места жительства, они бродили по всей Германии, всюду возвещая новое учение, в котором Мюнцер разъяснил им их собственные потребности и стремления. Несчетное число их было замучено пытками, сожжено или подвергнуто другим видам казни; но мужество и выдержка этих эмиссаров оставались непоколебимыми, и успех их деятельности' при быстром росте народного возбуждения был необычайно велик. Поэтому после своего бегства из Тюрингии Мюнцер нашел почву везде подготовленной и мог обратиться куда хотел.

Под Нюрнбергом, куда первоначально направился Мюнцер[229], примерно за месяц до его прибытия было в зародыше подавлено, крестьянское восстание. Мюнцер начал здесь тайную агитацию; вскоре стали появляться люди, защищавшие

его самые смелые богословские положения относительно необязательности библии и недействительности таинств; они объявили Христа простым человеком, а власть светских господ безбожной. «Тут бродит сатана, дух из Альштедта!» — воскликнул Лютер. Здесь, в Нюрнберге, Мюнцер напечатал свой ответ Лютеру[230]. Он прямо обвинил его в том, что тот льстит князьям и своей половинчатостью поддерживает реакционную партию. Но невзирая на это, народ все же добьется свободы, и доктор Лютер окажется тогда в положении пойманной лисы. — Совет наложил на это сочинение запрет, и Мюнцер был вынужден покинуть Нюрнберг.

Отсюда он отправился через Швабию в Эльзас, Швейцарию и обратно в верхний Шварцвальд, где уже за несколько месяцев до того вспыхнуло восстание, ускоренное в значительной мере его анабаптистскими эмиссарами. Эта пропагандистская поездка Мюнцера, несомненно, существенным образом способствовала организации народной партии, четкому определению се требований и, наконец, началу всеобщего восстания в апреле 1525 года. Здесь особенно отчетливо выступают обе стороны деятельности Мюнцера: с одной стороны — среди народа, к которому он обращался на единственно тогда понятном массам языке религиозного пророчества, и, с другой стороны — среди посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях. Если еще раньше, в Тюрингии, он сумел собрать вокруг себя группу наиболее решительных людей, выходцев не только из народа, но также из низшего духовенства, и поставить их во главе тайного союза, то теперь он становится средоточием всего революционного движения Юго-Западной Германии, организатором объединения, распространявшегося от Саксонии и Тюрингии, через Франконию и Швабию, вплоть до Эльзаса и швейцарской границы. Теперь среди его учеников и руководителей союза мы видим целый ряд южногерманских агитаторов, большей частью революционных священников: Хубмайера в Вальдсхуте, Конрада Гребеля из Цюриха, Франца Рабмана в Гриссене, Шаппелера в Меммингене, Якоба Вее в Лейпгейме, доктора Мантеля в Штутгарте. Сам он большей частью оставался в Гриссене, на шафхаузенской границе, объезжая отсюда Хегау, Клетгау и другие места. Кровавые преследования, которые встревоженные князья и дворяне повсюду предприняли против этой новой плебейской ереси, не мало содействовали усилению революционного духа и более тесному сплочению союза. Так агитировал Мюнцер около пяти месяцев в верхней Германии; когда же приблизился момент осуществления заговора, он вернулся в Тюрингию, где он

хотел сам руководить восстанием и где мы с ним опять встретимся.

Мы увидим, как верно отражали характер и поведение обоих партийных вождей позицию самих партий, как точно нерешительность Лютера, его страх перед принимавшим все более серьезный характер движением и трусливое угодничество перед князьями соответствовали колеблющейся и двусмысленной политике бюргерства и как революционная энергия и решимость Мюнцера воспроизводились среди наиболее развитой части плебеев и крестьян. Различие состояло лишь в том, что, в то время как Лютер довольствовался выражением взглядов и стремлений большинства своего класса и благодаря этому приобрел среди него чрезвычайно дешевую популярность, Мюнцер, напротив, пошел значительно дальше обычных представлений и непосредственных требований плебеев и крестьян и только из избранной части тогдашних революционных элементов создал партию, которая, поскольку она стояла на уровне его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь незначительным меньшинством восставшей массы.

III

Приблизительно через пятьдесят лет после подавления гуситского движения появились первые признаки зарождающегося революционного духа среди немецкого крестьянства*.

В Вюрцбургском епископстве, области, уже ранее разоренной гуситскими войнами, «дурным управлением, многочисленными налогами, поборами, феодальными усобицами, враждой, войной, пожарами, убийствами, арестами и т. п.» и непрерывно подвергавшейся самому бесстыдному грабежу со стороны епископов, попов и дворян, в 1476 г. возник первый крестьянский заговор. Молодой пастух и музыкант, *Ганс Бегейм из Никласхаузена,* называвшийся также Барабанщиком и *Гансом Дударем,* внезапно выступил в долине Таубера в качестве пророка. Он рассказывал, что ему явилась дева Мария и повелела ему сжечь его барабан, перестать служить танцам и греховным наслаждениям и призвать народ к покаянию. Пусть каждый поэтому раскается в своих грехах и откажется от суетных мирских удовольствий, снимет с себя все украшения и драгоценности и отправится паломником к божьей матери в Никласхаузен испросить себе прощение своих грехов.

Уже здесь, у этого первого предшественника движения, мы находим тот аскетизм, который мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения. Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой

* Мы следуем в своей хронологии данным Циммермана, на которые мы вынуждены целиком положиться ввиду отсутствия за границей достаточных источников и которыми можно вполне удовлетвориться для целей настоящей работы.

общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет. Этот *плебейский и пролетарский аскетизм* как по своей неистово-фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индепендентов[231] и других более радикальных сект) и весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости.* Впрочем, само собой разумеется, что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ними и сам пролетариат. Тогда массы постепенно освобождаются от аскетизма, а у цепляющихся за него сектантов он вырождается либо непосредственно в буржуазную скаредность, либо в ходульную добродетель, которая на практике также сводится к мещанскому или ремесленническому скряжничеству. Масса пролетариата менее всего нуждается в проповеди отречения от земных благ, хотя бы уже потому, что у нее не осталось почти ничего, от чего бы она могла еще отречься.

Проповедь покаяния, с которой выступил Ганс Дударь, встретила живейший отклик; все мятежные пророки начинали с нее, и, действительно, лишь величайшее напряжение, лишь внезапный отказ от всего привычного образа жизни могли привести в движение этот распыленный, разобщенный, с детства приученный к слепому повиновению крестьянский люд. Начались паломничества в Никласхаузен, быстро принявшие широкие размеры; и чем многочисленнее были толпы стекавшегося сюда народа, тем откровеннее раскрывал свои планы юный бунтарь. Никласхаузенская божья матерь, проповедовал он, объявила ему, что впредь не должно быть ни императора, ни князей, ни папы, ни каких-либо других духовных или светских властей; все должны стать друг другу братьями, каждый должен зарабатывать свой хлеб трудом своих рук

и никто не должен иметь больше другого. Все чинши, оброки, барщины, пошлины, подати и остальные поборы и повинности должны быть отменены навсегда, а леса, воды и пастбища должны повсеместно стать доступными для всех.

Народ с радостью принял это новое евангелие. Слава о пророке, «посланце владычицы нашей», быстро распространялась; к нему стали стекаться толпы паломников из Оденвальда, с Майна, Кохера и Ягста и даже из Баварии, Швабии и с Рейна. Рассказывали друг другу про совершенные им будто бы чудеса; перед ним падали на колени, к нему обращались с молитвами, как к святому, оспаривали друг у друга клочки его шапки, как будто это были реликвии или амулеты. Напрасно выступали против него попы, изображая его видения дьявольским наваждением, а его чудеса — адским обманом. Масса верующих росла с огромной быстротой, стала образовываться революционная секта, воскресные проповеди мятежного пастуха собирали в Никласхаузене до сорока тысяч и более человек.

Несколько месяцев проповедовал Ганс Дударь перед массами. Но он не был намерен ограничиться одной только проповедью. Он находился в тайных сношениях с никласхаузенским священником, а также с двумя рыцарями, Кунцом фон Тунфельдом и его сыном, которые присоединились к новому учению и должны были стать военными предводителями предполагавшегося восстания. Наконец, в воскресенье, накануне дня св. Килиана, когда ему показалось, что он уже пользуется достаточно сильным влиянием, он подал сигнал к восстанию.

«А теперь», — закончил он свою проповедь, — «идите по домам и обдумайте то, что возвестила вам пресвятая матерь божья; пусть в ближайшую субботу жены, дети и старики останутся дома, а сами вы, мужчины, приходите снова сюда, в Никласхаузен, в день св. Маргариты, т. е. в ближайшую субботу, и приведите с собой своих братьев и друзей, сколько бы их ни было. Но приходите сюда не с посохом странника, а в доспехах и с оружием, — со свечой паломника в одной руке, с мечом, пикой или алебардой в другой. И святая дева объявит вам тогда свою волю, которую вы должны будете исполнить»[232].

Но, прежде чем успели собраться массы крестьян, всадники епископа* под покровом ночи захватили мятежного пророка и привезли его в Вюрцбургский замок. В назначенный день собралось около 34000 вооруженных крестьян, но известие о случившемся подействовало на них удручающим образом. Большая часть разбежалась; более посвященным удалось удержать

* — Рудольфа II. *Ред.*

около 16000, с которыми они и двинулись под предводительством Кунца фон Тунфельда и его сына Михаэля к замку. С помощью разных обещаний епископ уговорил их уйти; но как только они начали расходиться, на них напали всадники епископа и многих захватили в плен. Двое были обезглавлены, сам же Ганс Дударь сожжен, Кунц фон Тунфельд должен был бежать и лишь ценой уступки всех своих имений епископу был снова признан его вассалом. Паломничества в Никласхаузен в течение некоторого времени еще продолжались, но в конце концов также были насильственно прекращены.

После этой первой попытки в Германии снова наступило на довольно продолжительное время затишье. Новые заговоры и восстания крестьян начались лишь в 90-х годах.

Мы не будем останавливаться на голландском восстании крестьян в 1491—1492 гг., которое было подавлено лишь герцогом Альбрехтом Саксонским в битве при Хемскерке, на происшедшем одновременно восстании крестьян Кемптенского аббатства в Верхней Швабии и на фризском восстании 1497 г. под предводительством Сиарда Айльвы, также подавленном Альбрехтом Саксонским. Эти восстания отчасти слишком отдалены от арены собственно Крестьянской войны, отчасти же представляют собой борьбу до сих пор свободного крестьянства против попытки навязать ему феодализм. Мы прямо перейдем к двум большим заговорам, которые подготовили Крестьянскую войну: к заговору *«Башмака»* и заговору *«Бедного Конрада»*.

Та самая дороговизна, которая вызвала крестьянское восстание в Нидерландах, привела в 1493 г. в Эльзасе к образованию тайного союза крестьян и плебеев, в котором приняли также участие и люди, принадлежавшие к чисто бюргерской оппозиции, и к которому относилась более или менее сочувственно даже часть низшего дворянства. Ареной деятельности союза была область вокруг Шлетштадта, Зульца, Дамбаха, Росгейма, Шервейлера и т. д. Заговорщики требовали: разграбления и истребления ростовщиков, которые уже тогда, так же как и теперь, высасывали все соки у эльзасских крестьян, установления юбилейного года, с наступлением которого должны были утрачивать свою силу все долговые обязательства, отмены пошлин, акцизов и других налогов, упразднения церковного суда и ротвейльского (имперского) суда, признания права сословий утверждать налоги, запрещения попам иметь каждому более одного прихода, приносящего 50—60 гульденов дохода, отмены тайной исповеди и введения в каждой общине собственного, избираемого самой общиной, суда. План заговорщиков

был таков: когда союз достаточно окрепнет, напасть на укрепления Шлетштадта, конфисковать монастырскую и городскую казну и поднять отсюда восстание во всем Эльзасе. На союзном знамени, которое должно было быть развернуто в момент восстания, был изображен крестьянский башмак с длинными ремнями, так называемый *Bundschuh,* ставший с тех пор символом для крестьянских заговоров ближайших двадцати лет и давший им свое имя.

Собрания заговорщиков происходили обычно ночью на уединенной горе Хунгерберг. Прием в союз был связан с самыми таинственными церемониями и предупреждениями о самых суровых наказаниях за измену. Тем не менее заговор был раскрыт как раз в тот момент, когда должно было быть совершено нападение на Шлетштадт, в страстную неделю 1493 года. Власти приняли срочные меры; многие заговорщики были схвачены и подвергнуты пыткам; некоторых из них четвертовали или обезглавили, у других отрубили пальцы или руки, после чего они были изгнаны из страны. Большое число заговорщиков бежало в Швейцарию.

Однако после этого первого разгрома «Башмак» отнюдь не был уничтожен. Напротив, он продолжал тайно существовать; многочисленные, рассеянные по Швейцарии и Южной Германии беглецы превратились в его столь же многочисленных эмиссаров, которые, встречая везде одинаковый гнет и одинаковую готовность к восстанию, распространили «Башмак» по всей территории современного Бадена. Стойкость и упорство верхненемецких крестьян поистине заслуживают восхищения: в течение тридцати лет, начиная с 1493 г., они организовывали тайные заговоры, преодолевали все обусловленные их территориально-распыленным образом жизни препятствия к созданию более крупного и централизованного союза и после всех бесчисленных провалов, поражений и казней вожаков снова и снова возрождали свои заговорщические организации, пока, наконец, не наступил удобный момент для массового восстания.

В 1502 г. появились первые признаки тайного крестьянского движения в епископстве Шпейерском, которое тогда охватывало и область Брухзаля. Союз «Башмака» здесь действительно был успешно реорганизован. В нем состояло около 7000 человек; его центр находился в Унтергромбахе, между Брухзалем и Вейнгартеном, отдельные же ветви простирались вдоль Рейна — вниз до Майна, а вверх — вплоть до маркграфства Баденского. Статьи его программы содержали следующие требования: никаких чиншей, десятин, налогов и пошлин не должно больше уплачиваться князьям, дворянству и попам;

крепостная зависимость должна быть отменена; монастырские и вообще все церковные имения должны быть конфискованы и разделены среди народа; наконец, не следует признавать никаких других властителей, кроме императора.

Мы здесь впервые встречаем у крестьян требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой и неделимой германской монархии. С этих пор оба эти требования каждый раз регулярно выдвигаются более развитой частью крестьян и плебеев, пока, наконец, Томас Мюнцер не превращает *раздела* церковных имений в их *конфискацию* ради установления *общности имущества,* а требование единой германской *империи* в требование единой и неделимой германской *республики.*

Возрожденный союз «Башмака» имел, как и прежний, свое тайное место для собраний, свой обет молчания, свои церемонии при приеме новых членов и свое союзное знамя с надписью: «Ничего, кроме божьей справедливости!». План действий был сходен с планом эльзасцев; предполагалось внезапно захватить Брухзаль, большинство жителей которого принадлежало к союзу, организовать здесь союзное войско и направить его в качестве подвижного собирательного центра в окрестные княжества.

План был выдан священником, которому сообщил о нем на исповеди один из заговорщиков. Власти немедленно приняли меры против заговора. Насколько далеко распространились разветвления тайного союза, показывает тот страх, который охватил различные имперские сословия в Эльзасе, а также Швабский союз[233]. Были стянуты войска и произведены массовые аресты. Император Максимилиан, «последний рыцарь», издал кровожаднейшие карательные указы против неслыханной затеи крестьян. В отдельных местах дело дошло до образования крестьянских отрядов и вооруженного сопротивления; но разрозненные отряды крестьян не могли долго продержаться. Некоторые заговорщики были казнены, многие бежали; все же тайна была столь хорошо сохранена, что большинство заговорщиков и даже вожаков спокойно смогло остаться либо в своих родных местах, либо во владениях соседних господ.

После этого нового поражения опять наступило кажущееся длительное затишье в классовой борьбе. Но втихомолку работа продолжалась. В Швабии уже в первые годы XVI столетия возник союз *«Бедного Конрада»,* повидимому, в связи с деятельностью рассеявшихся членов «Башмака»; в Шварцвальде «Башмак» продолжал существовать в виде отдельных мелких

кружков, пока через десять лет одному энергичному крестьянскому вождю не удалось снова связать отдельные нити в один большой заговор. Оба заговора выступают наружу, один вскоре после другого, в бурные 1513—1515 годы, когда одновременно происходит ряд крупных восстаний швейцарских, венгерских и словенских крестьян.

На Верхнем Рейне «Башмак» был восстановлен бывшим солдатом *Йоссом Фрицем* из Унтергромбаха, бежавшим после раскрытия заговора 1502 г. и представлявшим собой во всех отношениях выдающуюся личность. После своего бегства он жил в разных местах между Боденским озером и Шварцвальдом и, в конце концов, поселился в Леэне около Фрейбурга брейсгауского, где даже получил место лесного сторожа. Следственные акты содержат чрезвычайно интересные подробности относительно того, как ему удалось отсюда реорганизовать союз, как искусно вовлек он в него самых разнообразных людей. Благодаря дипломатическому таланту и железной выдержке этого образцового заговорщика в союз было втянуто необычайно большое число лиц, принадлежавших к самым различным классам: рыцарей, священников, бюргеров, плебеев и крестьян; весьма вероятно, что он организовал даже несколько более или менее резко обособленных друг от друга ступеней заговора. Все пригодные элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством. Кроме более посвященных эмиссаров, которые, по-разному переодеваясь, обходили страну вдоль и поперек, для второстепенных поручений были привлечены бродяги и нищие. Йосс установил непосредственную связь с королями нищих и через них имел в своем распоряжении всю многочисленную массу бродяг. Эти короли нищих играли в его заговоре значительную роль. Они представляли собой чрезвычайно оригинальные фигуры. Один из них странствовал в сопровождении девочки с якобы искалеченными ногами и собирал в ее пользу милостыню. У него на шапке было более восьми священных эмблем («четырнадцать святых заступников», св. Оттилия, пречистая дева и т. д.); при этом у него была длинная рыжая борода и он носил массивную дубину с кинжалом и шипом. Другой попрошайничал во имя св. Валентина, торговал пряностями и цитварным семенем, носил длинный кафтан цвета железа, красный берет с триентским младенцем, шпагу на боку, несколько ножей и кинжал за поясом; некоторые выставляли напоказ искусственно растравляемые раны и носили подобные же причудливые костюмы. Их было самое меньшее десять человек; они должны были за вознаграждение в 2000 гульденов

произвести поджоги одновременно в Эльзасе, маркграфстве Баденском и Брейсгау, явиться в Розен в день храмового праздника в Цаберне, по крайней мере, с двумя тысячами своих людей и, став под команду бывшего капитана ландскнехтов Георга Шнейдера, захватить город. Среди самих членов союза была налажена от одного пункта к другому служба связи, а Йосс Фриц и его главный эмиссар Штоффель из Фрейбурга непрерывно объезжали одну местность за другой, производя ночные смотры вновь принятым членам. Следственные акты дают достаточное количество данных относительно распространения союза на Верхнем Рейке и в Шварцвальде: они приводят множество имен — вместе с приметами — его членов из самых различных местностей этой области. В большинстве случаев — это ремесленные подмастерья, затем крестьяне и трактирщики, несколько дворян, священники (так, например, священник из самого Леэна) и безработные ландскнехты. Уже этот состав показывает, что под руководством Йосса Фрица союз «Башмака» принял гораздо более широкий характер; плебейский элемент городов начинает играть в нем все большую роль. Разветвления заговора расходились по всему Эльзасу, по современному Бадену, вплоть до Вюртемберга и Майна. Время от времени на уединенных горах, на Книбисе и в других местах устраивали и более крупные собрания, на которых обсуждались дела союза. Совещания вожаков, в которых часто принимали участие члены союза, принадлежавшие к данной местности, точно так же как и делегаты от более отдаленных районов, происходили на Хартматте у Леэна; здесь же были приняты четырнадцать статей союзной программы: никакого господина, кроме императора и (по некоторым версиям) папы; упразднение ротвейльского суда и ограничение юрисдикции церковного суда делами, касающимися религии; отмена всех процентов, сумма платежей по которым за время выплаты сравнялась с капиталом; пять процентов как наивысшая дозволенная норма; свобода охоты, рыбной ловли, выпаса и рубки леса; запрещение каждому попу иметь больше одного прихода; конфискация церковных имении и монастырских сокровищ в пользу союзной военной казны; отмена всех несправедливых налогов и пошлин; вечный мир во всем христианском мире; энергичное выступление против всех противников союза; введение налога в пользу союза; захват укрепленного города (Фрейбурга), который служил бы центром союза; открытие переговоров с императором, как только будут собраны союзные отряды, и с Швейцарией — в случае отказа со стороны императора. Таковы были те пункты,

по которым было достигнуто соглашение. Они показывают что с одной стороны, требования крестьян и плебеев становились все более определенными и твердыми и что, с другой — в такой же мере возникала необходимость делать уступки более нерешительным и умеренным элементам.

Восстание должно было начаться к осени 1513 года. Недоставало лишь союзного знамени, и для того чтобы разукрасить его, Йосс Фриц отправился в Хейльбронн. Наряду с различными эмблемами и изображениями на знамени был нарисован башмак и сделана надпись: «Господи, помоги восстановлению твоей божественной справедливости!». Но во время отсутствия Йосса была предпринята преждевременная попытка осуществить внезапный захват Фрейбурга, попытка, о которой заблаговременно стало известно властям; несколько допущенных во время пропаганды неосторожностей помогли фрейбургскому совету и маркграфу Баденскому напасть на верный след, а измена двух заговорщиков завершила ряд разоблачений. Маркграф, фрейбургский совет и императорское правительство в Энзисгейме* немедленно послали своих ищеек и солдат; часть членов «Башмака» была арестована, подвергнута пыткам и казнена; но и на этот раз большинству удалось бежать, в том числе и Йоссу Фрицу. На этот раз швейцарские власти преследовали беглецов с большим ожесточением и многих даже казнили; но они так же мало, как и их соседи, сумели помешать большинству беглецов оставаться поблизости от мест своего прежнего жительства и понемногу начать даже возвращаться в свои родные места. Более всего свирепствовало эльзасское правительство в Энзисгейме; по его приказанию много народа было обезглавлено, колесовано и четвертовано. Сам Йосс Фриц находился большей частью на швейцарском берегу Рейна, но часто перебирался в Шварцвальд, где его тем не менее никак не удавалось захватить.

Что побудило швейцарские власти объединиться на этот раз с соседними правительствами для преследования членов «Башмака», объясняет крестьянское восстание, вспыхнувшее в следующем, 1514 г., в Берне, Золотурне и Люцерне и приведшее к чистке аристократических правительств и патрициата вообще. Крестьяне, кроме того, добились здесь для себя ряда преимуществ. Успех местных швейцарских восстаний объясняется попросту тем, что Швейцария была еще менее централизована, чем Германия. Со своими местными господами крестьяне и в 1525 г. повсюду быстро справлялись, но они не выдерживали

* — т. е. правительство наместника австрийских Габсбургов в Верхнем Эльзасе и Брейсгау. *Ред.*

борьбы с организованными вооруженными силами князей, а этих сил в Швейцарии как раз и не было.

Одновременно с заговором «Башмака» в Бадене и, очевидно, в непосредственной связи с ним в Вюртемберге возник второй заговор. Согласно источникам, он существовал уже с 1503 г., и так как название «Башмак» стало со времени провала унтергромбахского заговора слишком опасным, то союз здесь был назван «Бедным Конрадом». Главным центром его была долина Ремса у подножья горы Гогенштауфен. Существование союза уже давно не было тайной, по крайней мере среди народа. Бессовестные притеснения со стороны правительства герцога Ульриха и ряд голодных лет, сильнейшим образом способствуя развертыванию движений 1513 и 1514 гг., увеличили число членов союза; самый взрыв был вызван вновь введенными налогами на вино, мясо и хлеб и налогом на капитал в размере одного пфеннига с гульдена ежегодно. Предполагалось в первую очередь захватить город Шорндорф, где главари заговора устраивали сходки в доме ножовщика Каспара Прегицера. Восстание вспыхнуло весной 1514 года. К городу подступило 3000, а по другим сведениям 5000, крестьян, но герцогским чиновникам удалось посредством ласковых посулов убедить их уйти обратно; герцог Ульрих, пообещав отмену новых налогов, поспешно прискакал в город с восемьюдесятью всадниками, но там благодаря этому обещанию спокойствие уже было восстановлено. Герцог обещал созвать ландтаг и рассмотреть на нем все жалобы. Однако руководители союза хорошо понимали, что у Ульриха был лишь один умысел: удержать народ в повиновении до тех пор, пока он не наберет и не стянет достаточного количества войск, чтобы иметь возможность нарушить свое слово и собрать налоги силой. Поэтому они обратились из дома Каспара Прегицера, «канцелярии Бедного Конрада», с воззванием о созыве союзного съезда и повсюду разослали для этой цели своих эмиссаров. Успех первого восстания в долине Ремса поднял авторитет движения в глазах народа; послания и эмиссары нашли всюду благоприятную почву, и на состоявшийся 28 мая в Унтер-Тюркгейме съезд собралось большое количество делегатов со всех частей Вюртемберга. Было решено энергично продолжать агитацию и при первом удобном случае начать действия в долине Ремса, с тем чтобы отсюда распространить восстание далее. Когда бывшему солдату Бантельгансу из Деттингена и пользовавшемуся большим уважением крестьянину Зингергансу из Вюртингена удалось вовлечь в союз жителей Швабского Альба, восстание уже вспыхнуло повсеместно. Правда, Зингерганс был застигнут врасплох и

схвачен, но города Бакнанг, Винненден, Маркгрёнинген оказались в руках соединившихся с плебеями крестьян, и вся страна от Вейнсберга до Блаубёйрена и от Блаубёйрена до баденской границы была охвачена открытым восстанием. Ульрих должен был уступить. Но назначив на 25 июня созыв ландтага, он в то же время обратился к соседним князьям и вольным городам за помощью против восстания, ссылаясь на то, что оно является угрозой для всех князей, властей и знатных людей империи и «поразительно напоминает действия «Башмака»».

Между тем ландтаг, т. е. депутаты от городов и многие делегаты от крестьян, которые также требовали себе места в ландтаге, собрался уже 18 июня в Штутгарте. Прелаты еще не явились, рыцари же вовсе не были приглашены. Городская оппозиция Штутгарта и два грозных крестьянских отряда, находившихся поблизости, у Леонберга и в долине Ремса, поддерживали требования крестьян. Крестьянские делегаты были допущены; было постановлено сместить и подвергнуть наказанию трех ненавистных советников герцога — Лампартера, Тумба и Лорхера, учредить при герцоге совет из четырех рыцарей, четырех бюргеров и четырех крестьян, назначить герцогу твердо установленное содержание и конфисковать имущество монастырей и богоугодных заведений в пользу государственной казны.

Этим революционным постановлениям герцог Ульрих противопоставил государственный переворот. 21 июня он ускакал со своими рыцарями и советниками в Тюбинген, куда за ним последовали и прелаты и куда он приказал явиться также и бюргерам, что те и сделали; заседания ландтага были продолжены в Тюбингене без участия крестьян. Здесь, в условиях военного террора, бюргеры предали своих союзников, крестьян. 8 июля был заключен Тюбингенский договор, согласно которому страна должна была взять на себя уплату около миллиона герцогского долга, на власть герцога были наложены некоторые ограничения, которых он никогда потом не соблюдал, а крестьяне должны были удовлетвориться несколькими тощими общими фразами и весьма ощутимым карательным законом против мятежей и союзов. О крестьянском представительстве в ландтаге больше, разумеется, не было и речи. Сельское население громко говорило о предательстве, но герцог, снова получивший кредит, после того как сословия взяли на себя уплату его долгов, быстро собрал войско; его соседи, в особенности курфюрст Пфальцский, также прислали ему вспомогательные отряды. В результате вся страна еще в конце

июля приняла Тюбингенский договор и принесла новую присягу. Лишь в долине Ремса «Бедный Конрад» оказал сопротивление; прибывшего туда снова герцога чуть было не убили, а на Каппельберге образовался крестьянский лагерь. Но когда дело затянулось, большинство повстанцев снова рассеялось из-за недостатка съестных припасов; оставшиеся же, положившись на двусмысленный договор, заключенный ими с несколькими депутатами ландтага, также разошлись по домам. Ульрих, войско которого тем временем было подкреплено отрядами, услужливо присланными из городов, превратившихся, после того как их требования были удовлетворены, в фанатических противников крестьян, напал, вопреки договору, на долину Ремса, подвергнув разграблению города и деревни этой местности. 1600 крестьян были схвачены, из них 16 были немедленно обезглавлены, остальных приговорили большей частью к тяжелым денежным штрафам в пользу казны Ульриха. Многие долгое время оставались в тюрьмах. Против попыток восстановления крестьянского союза, против всяких крестьянских сходок были изданы суровые карательные законы, а швабское дворянство заключило специальный союз для подавления всякой попытки к восстанию. — Но главные руководители «Бедного Конрада» благополучно скрылись в Швейцарию, откуда спустя несколько лет большая часть их вернулась поодиночке на родину.

Одновременно с вюртембергским движением появились симптомы возобновления деятельности «Башмака» в Брейсгау и маркграфстве Баденском. В июне неподалеку от Бюля была сделана попытка к восстанию; но она была немедленно подавлена маркграфом Филиппом, и предводитель восстания Гугель-Бастиан был схвачен и обезглавлен во Фрейбурге.

В том же 1514 г., также весной, вспыхнула всеобщая крестьянская война в *Венгрии.* Здесь шла тогда проповедь крестового похода против турок, и по обыкновению всем крепостным и зависимым крестьянам, которые пожелали бы примкнуть к нему, была обещана свобода. Собралось около 60000 человек, которые были поставлены под начальство секлера[234] Георга Дожи, отличившегося в прежних войнах с турками и получившего за это дворянство. Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись весьма недоброжелательно к этому походу, из-за которого они могли лишиться своей собственности, своих крепостных. Они поспешили вслед за отдельными отрядами крестьян и путем насилий и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, негодование угнетенных крестьян прорвалось

наружу. Двое наиболее ревностных проповедников крестового похода, Лаврентий и Варнава, своими революционными речами еще более разожгли в войске ненависть к дворянству. Сам Дожа разделял гнев своего войска против предателей-дворян. Крестоносное войско превратилось в революционную армию, и Дожа стал во главе этого нового движения.

Он расположился со своими крестьянами лагерем на Ракошском поле у Пешта. Враждебные действия начались столкновениями с вооруженными людьми дворянской партии в окрестных деревнях и предместьях Пешта. Вскоре дело дошло до вооруженных схваток и, наконец, до сицилийской вечерни[235] для всех попавших в руки крестьянам дворян и до сожжения всех окрестных замков. Двор стал грозить, но угрозы не подействовали. Когда первый народный суд над дворянством под стенами столицы был совершен, Дожа перешел к дальнейшим операциям. Он разделил свое войско на пять колонн. Две из них были посланы в верхневенгерские горы, чтобы поднять там всеобщее восстание и истребить дворянство. Третья, под начальством одного пештского горожанина, Амбруша Салереши, осталась на Ракошском поле для наблюдения за столицей; четвертую и пятую колонны Дожа и его брат Грегор повели на Сегедин[*].

Тем временем дворянство собралось в Пеште и призвало на помощь семиградского воеводу Иоанна Заполья. После перехода Салереши с бюргерскими элементами крестьянского войска на сторону врага дворяне в союзе с будапештскими бюргерами разбили и уничтожили отряд, стоявший лагерем на Ракошском поле. Огромное количество пленных было подвергнуто жесточайшим казням, остальные же были отпущены по домам с отрезанными носами и ушами.

Дожа, потерпев неудачу под Сегедином, направился к Чанаду и взял его, разбив перед этим дворянское войско под командой Стефана Батория и епископа Чаки и отомстив за жестокости на Ракошском поле кровавой расправой над пленными, в числе которых были епископ, а также королевский казначей Телеки. В Чанаде он провозгласил республику, упразднение дворянства, всеобщее равенство и суверенитет народа и двинулся затем на Темешвар[**], куда укрылся Баторий. Но, пока он, подкрепленный новым войском под командой Антона Хоссы, осаждал в течение двух месяцев эту крепость, оба верхневенгерских отряда были разбиты дворянством в ряде сражений, и против него двинулся с семиградской армией

[*] Венгерское название: Сегед. *Ред.*
[**] Румынское название: Тимишоара. *Ред.*

Иоанн Заполья. Заполья напал на крестьян и рассеял их; сам Дожа был взят в плен, заживо зажарен на раскаленном троне и съеден своими собственными людьми, которым лишь на этом условии была дарована жизнь. Рассеявшиеся крестьяне, снова собранные Лаврентием и Хоссой, были разбиты еще раз, причем все, кто попал в руки врага, были посажены на кол или повешены. Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожженных деревень. Говорят, что в боях и во время резни было убито до 60000 человек. Дворянство постаралось, чтобы на ближайшем сейме порабощение крестьян было снова признано законом страны.

Вспыхнувшее около этого же времени крестьянское восстание в «Виндской Марке», т. е. в Каринтии, Крайне и Штирии, опиралось на заговор, близкий по характеру к заговору «Башмака»; он возник в этой разоренной вымогательствами дворян и императорских чиновников, опустошенной набегами турок и измученной голодом области еще в 1503 г. и тогда же вызвал восстание. Уже в 1513 г. словенские крестьяне этих местностей, так же как и немецкие, снова подняли знамя борьбы за «stara prawa» («старые права»), и если в этом году их опять удалось успокоить, если в 1514 г., когда они собрались еще большими массами, их удалось уговорить разойтись только после того, как император Максимилиан дал определенное обещание о восстановлении «старых прав», то с тем большим ожесточением должен был подняться на войну за возмездие вечно обманываемый народ весной 1515 года. Как и в Венгрии, повсюду разрушались замки и монастыри, крестьянские судьи судили и приговаривали к обезглавлению взятых в плен дворян. В Штирии и Каринтии императорскому военачальнику Дитрихштейну вскоре удалось задушить восстание; но в Крайне оно было подавлено лишь в результате внезапного нападения на город Райн (осенью 1516 г.) и последовавших затем бесчисленных зверств австрийских властей, вполне заслуживающих быть поставленными рядом с гнусностями венгерского дворянства.

Вполне понятно, что после целого ряда столь тяжелых поражений и массовых расправ, учиненных дворянством, крестьяне в Германии оставались в течение довольно долгого времени спокойными. И все же ни заговоры, ни местные восстания полностью не прекращались. Уже в 1516 г. большинство бежавших участников заговоров «Башмака» и «Бедного Конрада» возвратилось в Швабию и на Верхний Рейн, а в 1517 г. «Башмак» снова действовал вовсю в Шварцвальде. Сам Йосс Фриц, все еще хранивший спрятанное на груди старое знамя «Башмака» 1513 года, вновь стал разъезжать по всему Шварц-

вальду и развил энергичную деятельность. Заговор был организован заново. Как и четыре года тому назад, опять стали созываться собрания на Книбисе. Но тайна не была соблюдена; власти узнали о заговоре и приняли решительные меры. Многие были схвачены и казнены;

наиболее деятельные и интеллигентные участники заговора должны были бежать, в том числе и Йосс Фриц, захватить которого не удалось и на этот раз. Повидимому, он вскоре после этого умер в Швейцарии, так как с этого времени имя его уже нигде больше не упоминается.

IV

В то самое время, когда в Шварцвальде был подавлен четвертый заговор «Башмака», Лютер дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было вовлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи. Тезисы тюрингенского августинца[236] оказали воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха. Многообразные, взаимно перекрещивающиеся стремления рыцарей и бюргеров, крестьян и плебеев, домогавшихся суверенитета князей и низшего духовенства, тайных мистических сект и литературной — ученой и бурлеско-сатирической[237] — оппозиции нашли в этих тезисах общее на первых порах, всеобъемлющее выражение и объединились вокруг них с поразительной быстротой. Этот сложившийся за одну ночь союз всех оппозиционных элементов, как бы недолговечен он ни был, сразу обнаружил всю огромную мощь движения и тем еще больше ускорил его развитие.

Но как раз это быстрое развитие движения должно было вызвать очень скоро созревание имевшихся в нем зародышей раздора, должно было, во всяком случае, вновь вызвать разрыв между теми составными элементами возбужденной массы, которые были прямо противоположны друг другу по всему своему жизненному положению, должно было привести их в нормальное для них состояние вражды. Это размежевание пестрой оппозиционной массы, сосредоточивающейся на двух полюсах, вокруг двух центров притяжения, обнаружилось уже в первые годы Реформации; дворянство и бюргеры, не задумываясь, сгруппировались вокруг Лютера; крестьяне и плебеи, не видя еще в Лютере прямого врага, составили, как и прежде, особую революционную оппозиционную партию. Только движение приняло теперь гораздо более всеобщий и глубокий характер, чем до Лютера, и это обстоятельство должно было неизбежно привести к резко выраженному антагонизму и к непосредственному

столкновению обеих партий. Этот прямой антагонизм выступил вскоре наружу: Лютер и Мюнцер повели борьбу друг с другом в печати и с кафедры, а войска князей, рыцарей и городов, состоявшие большей частью из лютеранских или, по крайней мере, из склонявшихся к лютеранству сил, рассеивали отряды крестьян и плебеев.

Насколько сильно расходились интересы и потребности различных элементов, принявших реформацию, показала еще до Крестьянской войны попытка дворянства добиться осуществления своих требований в противовес князьям и попам.

Выше мы уже видели, какое положение занимало немецкое дворянство в начале XVI века. Оно сознавало, что ему грозит потеря независимости и подчинение светским и духовным князьям, которые становились все более могущественными. В то же время оно видело, что в той мере, в какой опускалось оно, слабела и имперская власть и империя все более распадалась на ряд суверенных княжеств. Таким образом, для дворянства его собственная гибель должна была отождествляться с гибелью немцев как нации. К этому присоединялось также и то, что дворянство, в особенности непосредственно подчиненное империи дворянство, являлось сословием, главным образом представлявшим империю и имперскую власть как в силу своей военной профессии, так и в силу своего положения по отношению к князьям. Оно было самым национальным сословием, и чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленное были князья, чем более единой была Германия, тем сильнее было и оно. Этим объясняется всеобщее недовольство рыцарства жалким политическим положением Германии, бессилием империи во внешних делах, возраставшим в той же мере, в какой императорский дом присоединял к империи путем наследования одну за другой новые провинции, недовольство рыцарства интригами иностранных держав внутри Германии и заговорами немецких князей с зарубежными силами против имперской власти. Поэтому требования дворянства должны были прежде всего свестись к требованию имперской реформы, жертвой которой должны были стать князья и высшее духовенство. Сведение воедино этих требований взял на себя *Ульрих фон Гуттен,* теоретический представитель немецкого дворянства, совместно с военным и политическим представителем дворянства *Францем фон Зиккингеном.*

Гуттен весьма определенно сформулировал выдвинутые им от имени дворянства требования имперской реформы и составил их в весьма радикальном духе. Дело шло не более и не менее, как об устранении всех князей, секуляризации всех духовных

княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе, наподобие той, которая существовала в лучшие дни блаженной памяти польской республики. Путем установления господства дворянства, этого по преимуществу военного класса, устранения князей, носителей раздробленности, уничтожения могущества попов и освобождения Германии из-под духовной власти Рима Гуттен и Зиккинген надеялись снова сделать империю единой, свободной и могущественной.

Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше и — в несколько иной форме — в течение первых столетий в завоеванных германцами странах, является одной из самых примитивных общественных форм и совершенно естественно перерастает далее в развитую феодальную иерархию, которая представляет собой уже значительно более высокую ступень. Следовательно, эта чистая дворянская демократия была в Германии XVI века уже невозможна. Она была невозможна хотя бы потому, что в Германии существовали тогда значительные и могущественные города. Однако, с другой стороны, невозможен был и тот союз между низшим дворянством и городами, который в Англии привел к превращению феодально-сословной монархии в монархию буржуазно-конституционную. В Германии старое дворянство сохранилось, в Англии же оно было истреблено в войне Роз[238], за исключением 28 семей, и его сменило новое дворянство буржуазного происхождения и с буржуазными тенденциями. В Германии продолжала существовать крепостная зависимость, и источники доходов дворянства были *феодальными;* в Англии крепостная зависимость была почти полностью упразднена, и дворяне превратились в простых буржуазных землевладельцев с *буржуазным* источником дохода — земельной рентой. Наконец, централизация, которую осуществляла абсолютная монархия, установившаяся во Франции уже со времени Людовика XI благодаря антагонизму между дворянством и городским сословием и в дальнейшем там все более укреплявшаяся, в Германии была невозможна уже потому, что условия, необходимые для национальной централизации, здесь не существовали вовсе или находились в зачаточном состоянии.

При этих обстоятельствах, чем ближе подходил Гуттен к практическому осуществлению своего идеала, тем больше должен он был делать уступок и тем неопределеннее должны были становиться очертания его имперской реформы. Дворянство само не обладало достаточными силами для выполнения этого предприятия; об этом свидетельствовала все возраставшая

слабость его по отношению к князьям. Нужны были союзники, а единственно возможными союзниками были города, крестьяне и влиятельные теоретики реформационного движения. Но города достаточно хорошо знали дворянство, чтобы не доверять ему и отказываться от всякого союза с ним. Крестьяне с полным основанием видели в высасывавшем из них последние соки и жестоко обращавшемся с ними дворянстве своего злейшего врага. Теоретики же реформации были на стороне либо бюргеров и князей, либо крестьян. Да и что положительного сулила бюргерам и крестьянам эта предлагаемая дворянством имперская реформа, главной целью которой являлось прежде всего усиление дворянства? При этих обстоятельствах Гуттену не оставалось ничего другого, как не касаться совсем или почти не затрагивать в своих пропагандистских произведениях вопроса о будущих взаимоотношениях между дворянством, городами и крестьянами, возлагать ответственность за все зло на князей, попов и зависимость от Рима и доказывать бюргерам, что в предстоящей борьбе между князьями и дворянством они в своих же собственных интересах должны по крайней мере держаться нейтрально. Об отмене крепостного состояния и повинностей, которые крестьянин нес в пользу, дворянства, у Гуттена нигде не говорится ни слова.

Отношение немецкого дворянства к крестьянам было тогда совершенно таким же, как и отношение польского дворянства к его крестьянству во время восстаний 1830 и 1846 годов. Как в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях *был невозможен.* Ни дворянство не было поставлено перед необходимостью отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз больше всего его угнетало. Как в Польше в. 1830 г., так и в Германии в 1522 г. дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полное упразднение крепостного состояния и феодальной зависимости и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не испытывало ни малейшего желания добровольно отказываться от своих привилегий, от своего особого положения, от большинства источников своих доходов.

В результате, когда дело дошло до столкновения, дворянство оказалось совершенно одиноким против князей. Можно было с самого начала предвидеть, что князья, которые в течение двух столетий отнимали у него одну позицию за другой, легко справятся с ним и на этот раз.

Перипетии самой борьбы известны. Гуттен и Зиккинген, который был уже признанным политическим и военным вождем дворянства Центральной Германии, учредили в 1522 г. в Ландау под предлогом самозащиты союз рейнских, швабских и франконских дворян, заключенный сроком на 6 лет; Зиккинген частью на собственные средства, частью совместно с соседними рыцарями собрал войско, организовал вербовку и набор подкреплений во Франконии, на Нижнем Рейне, в Нидерландах и в Вестфалии и в сентябре 1522 г. начал военные действия объявлением войны курфюрсту-архиепископу Трирскому. Однако в то время как он осаждал Трир, шедшие к нему подкрепления были отрезаны в результате поспешного вмешательства князей; ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцский двинулись на помощь трирцам, и Зиккинген должен был укрыться в свой замок Ландштуль. Несмотря на все усилия Гуттена и остальных друзей Зиккингена, участники дворянского союза, напуганные концентрированными и быстрыми действиями князей, покинули его на произвол судьбы; сам Зиккинген был смертельно ранен, сдал Ландштуль и вскоре умер. Гуттен должен был бежать в Швейцарию и умер по прошествии нескольких месяцев на острове Уфнау на Цюрихском озере.

После этого поражения и смерти обоих вождей сила дворянства как независимой от князей корпорации была сломлена. Начиная с этого момента, дворянство выступает лишь на службе у князей и под их руководством. Вспыхнувшая вслед за тем Крестьянская война в еще большей степени принудила его поставить себя прямо или косвенно под покровительство князей. В то же время она показала, что немецкое дворянство свержению князей и попов при помощи открытого союза с *освобожденным* крестьянством предпочло дальнейшую эксплуатацию крестьян под верховной властью князей.

V

С того момента, когда объявление Лютером войны католической иерархии привело в движение все оппозиционные элементы Германии, не проходило ни одного года без того, чтобы крестьяне вновь и вновь не выступали со своими требованиями. С 1518 по 1523 г. в Шварцвальде и Верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер. В апреле этого года крестьяне аббатства Мархталь отказались нести барщину и выполнять повинности; в мае от выполнения крепостных повинностей отказались санкт-блазиенские крестьяне, в июне крестьяне из Штейнгейма под Меммингеном заявили, что не желают платить ни десятину, ни другие поборы; в июле и августе произошло восстание тургауских крестьян, которые были усмирены отчасти в результате посредничества цюрихцев, отчасти свирепыми мерами Швейцарского союза, приказавшего казнить ряд участников восстания. Наконец, произошло решающее восстание в ландграфстве Штюлинген, которое можно считать непосредственным *началом Крестьянской войны.*

Штюлингенские крестьяне внезапно отказались от несения повинностей ландграфу, соединились в большие отряды и под предводительством *Ганса Мюллера из Бульгенбаха* двинулись 24 августа 1524 г. к Вальдсхуту. Здесь вместе с горожанами они основали евангелическое братство. У горожан тем более имелись основания для вступления в союз, что они в это время находились в конфликте с правителями переднеавстрийских земель[239] из-за религиозных преследований, направленных против их проповедника Бальтазара *Хубмайера,* одного из учеников и друзей Томаса Мюнцера. Был установлен также союзный налог в размере трех крейцеров еженедельно, что составляло, принимая во внимание тогдашнюю стоимость денег,

огромный взнос; разослали эмиссаров в Эльзас, на Мозель, по всему Верхнему Рейну, во Франконию, чтобы всюду вовлекать в союз крестьян. В качестве цели союза было провозглашено уничтожение феодального господства, разрушение всех замков и монастырей и устранение всех властителей, кроме императора. Союзным знаменем было *немецкое трехцветное знамя.*

Восстание быстро распространилось по всему современному Верхнему Бадену. Панический страх охватил все верхнешвабское дворянство, военные силы которого были почти целиком заняты в Италии в войне против французского короля Франциска I. Дворянам оставалось только попытаться затянуть дело посредством переговоров, а тем временем раздобыть денег и навербовать войска, чтобы, собравшись с силами, наказать затем крестьян за их дерзость «огнем и мечом, разграблением и убийствами»[240]. С этого момента началось то систематическое предательство, то постоянное вероломство и коварство, которыми отличалось поведение дворянства и князей в течение всей Крестьянской войны и которые явились их сильнейшим оружием против распыленных, с трудом поддающихся организации крестьян. Швабский союз, куда входили князья, дворянство и имперские города Юго-Западной Германии, выступил в качестве посредника, не дав, однако, крестьянам гарантий относительно каких-либо определенных уступок. Движение крестьян не прекращалось. С 30 сентября до середины октября Ганс Мюллер из Бульгенбаха прошел через Шварцвальд до Ураха и Фуртвангена, увеличил свой отряд до 3500 человек и занял с ним позицию при Эваттингене (недалеко от Штюлингена). В распоряжении дворянства было не более 1700 человек, но даже и эти силы были распылены. Оно оказалось вынужденным пойти на перемирие, которое и было действительно заключено в лагере под Эваттингеном. Крестьянам было обещано полюбовное соглашение, либо непосредственно между сторонами, либо при посредничестве третейских судей, а также расследование их жалоб земским судом в Штоккахе. Как войска дворян, так и крестьяне разошлись.

С общего согласия крестьянами были выдвинуты 16 статей, которые должны были быть представлены на утверждение штоккахского суда. Они были очень умеренными. Упразднение права охоты, барщины, обременительных податей и вообще господских привилегий, защита от произвольных арестов и пристрастных, выносящих произвольные решения судов, — большего они не требовали.

Напротив, дворянство, как только крестьяне разошлись по домам, немедленно потребовало вновь выполнения всех спор-

ных повинностей в течение всего времени, пока будет длиться судебное разбирательство. Крестьяне, разумеется, отказывались и отсылали господ к суду. Борьба разгорелась вновь; крестьяне снова начали собираться в отряды; князья и дворяне сосредоточивали свои войска. На этот раз движение распространилось значительно дальше, за границу Брейсгау и далеко вглубь Вюртемберга. Дворянские войска под начальством *Георга Трухзесса* фон Вальдбурга, этого Альбы Крестьянской войны, осуществляли наблюдение за крестьянами, наносили поражение их отдельным вспомогательным отрядам, но не осмеливались напасть на главные силы. Георг Трухзесс вел с вожаками крестьян переговоры и в отдельных случаях заключал с ними договоры.

В конце декабря началось рассмотрение дела земским судом в Штоккахе. Крестьяне протестовали против того, что в состав суда вошли одни только дворяне. В ответ на это им был зачитан указ императора[241]. Переговоры стали затягиваться; тем временем дворяне, князья и швабские союзные власти вооружались. Эрцгерцог Фердинанд, который помимо теперешних наследственных австрийских земель властвовал тогда также и над Вюртембергом, баденским Шварцвальдом и южной частью Эльзаса, приказал применить к мятежным крестьянам самые суровые меры. Было предписано ловить, пытать, убивать их без всякого милосердия, истреблять их всевозможными способами, жечь и разорять все их имущество, изгонять из страны их жен и детей. Мы видим, как соблюдали князья и дворяне перемирие и что понимали они под полюбовным посредничеством и рассмотрением жалоб. Эрцгерцог Фердинанд, которому дом Вельзеров в Аугсбурге дал взаймы деньги, вооружался с величайшей поспешностью; Швабский союз предписал произвести в три срока поставку военных контингентов и уплату денежных взносов.

Происходившие до этого времени восстания совпадают с пятимесячным пребыванием Томаса Мюнцера в Оберланде[242]. Хотя и нет никаких прямых доказательств его влияния на начало и ход движения, однако косвенно это влияние вполне установлено. Наиболее решительные революционеры среди крестьян являются большей частью его учениками и последователями его идей. Все современники приписывали ему «Двенадцать статей», как и «Статейное письмо» [Artikelbrief] оберландских крестьян, хотя несомненно, что он не был автором, во всяком случае, первого документа. Еще к моменту своего возвращения в Тюрингию он выпустил в высшей степени революционное послание к восставшим крестьянам[243].

К этому же времени относятся интриги изгнанного в 1519 г. из Вюртемберга герцога Ульриха, намеревавшегося с помощью крестьян вновь завладеть своей страной. Установлено, что со времени своего изгнания он стремился использовать революционную партию и постоянно ее поддерживал. Его имя замешано в большинстве происходивших в 1520—1524 гг. местных волнений в Шварцвальде и Вюртемберге, а теперь он прямо стал готовиться к нападению на Вюртемберг из своего замка Хоэнтвиль. Крестьяне, однако, лишь пользовались им как орудием; он никогда не имел среди них влияния и в еще меньшей степени пользовался их доверием.

Так прошла зима, и ни одна из сторон не предприняла решительных действий. Господа князья попрятались, крестьянское восстание распространялось вширь. В январе 1525 г. вся страна между Дунаем, Рейном и Лехом находилась в состоянии величайшего возбуждения, а в феврале буря разразилась.

В то время как *шварцвальд-хегауский отряд,* возглавляемый Гансом Мюллером из Бульгенбаха, вступил в тайные сношения с Ульрихом Вюртембергским и частично принял участие в его безрезультатном походе на Штутгарт (февраль — март 1525 г.), 9 февраля произошло крестьянское восстание в Риде, выше Ульма; крестьяне собрались в прикрытом болотами лагере при Бальтрингене, водрузили *красное знамя* и образовали под предводительством Ульриха Шмидта *бальтрингенский отряд.* Их было 10—12 тысяч человек.

25 февраля на Шуссене, под влиянием слухов о приближении войск, посланных против появившихся и здесь недовольных, собрался *верхнеальгауский отряд,* численностью в 7000 человек. Кемптенцы, которые всю зиму враждовали со своим архиепископом, объединились 26 февраля и примкнули к отряду. К движению присоединились на известных условиях города Мемминген и Кауфбёйрен, но уже здесь обнаружилась двусмысленность той позиции, которую заняли города в этой борьбе. 7 марта в Меммингене были приняты двенадцать меммингенских статей для всех верхнеальгауских крестьян.

Под влиянием посланцев альгауских крестьян на Боденском озере образовался *приозерный отряд,* предводительствуемый Эйтелем Гансом. Этот отряд также быстро увеличивался. Главная квартира его находилась в Берматингене.

Уже в первых числах марта крестьяне восстали также в нижнем Альгау, в окрестностях Оксенхаузена и Шелленберга, в Цейле и Вальдбурге, владениях Трухзесса. Этот *нижнеальгауский отряд,* численностью в 7000 человек, расположился лагерем у Вурцаха.

Все эти четыре отряда приняли меммингенские статьи, которые, впрочем, были значительно умереннее статей хегауских крестьян и в пунктах, касавшихся отношения вооруженных отрядов к дворянству и властям, носили печать весьма характерной нерешительности. Там, где крестьяне проявляли решительность, они проявляли ее в ходе самой воины, после того как они на опыте знакомились с образом действий своих врагов.

Одновременно с этими отрядами на Дунае образовался шестой отряд. Со всего района от Ульма до Донаувёрта, из долин Иллера, Рота и Бибера крестьяне собрались в Лейпгейм и расположились там лагерем. Из 15 местностей явились все способные носить оружие мужчины и из 117 прибыли подкрепления. Предводителем *лейпгеймского отряда* был Ульрих Шён, его проповедником — лейпгеймский пастор Якоб Bee.

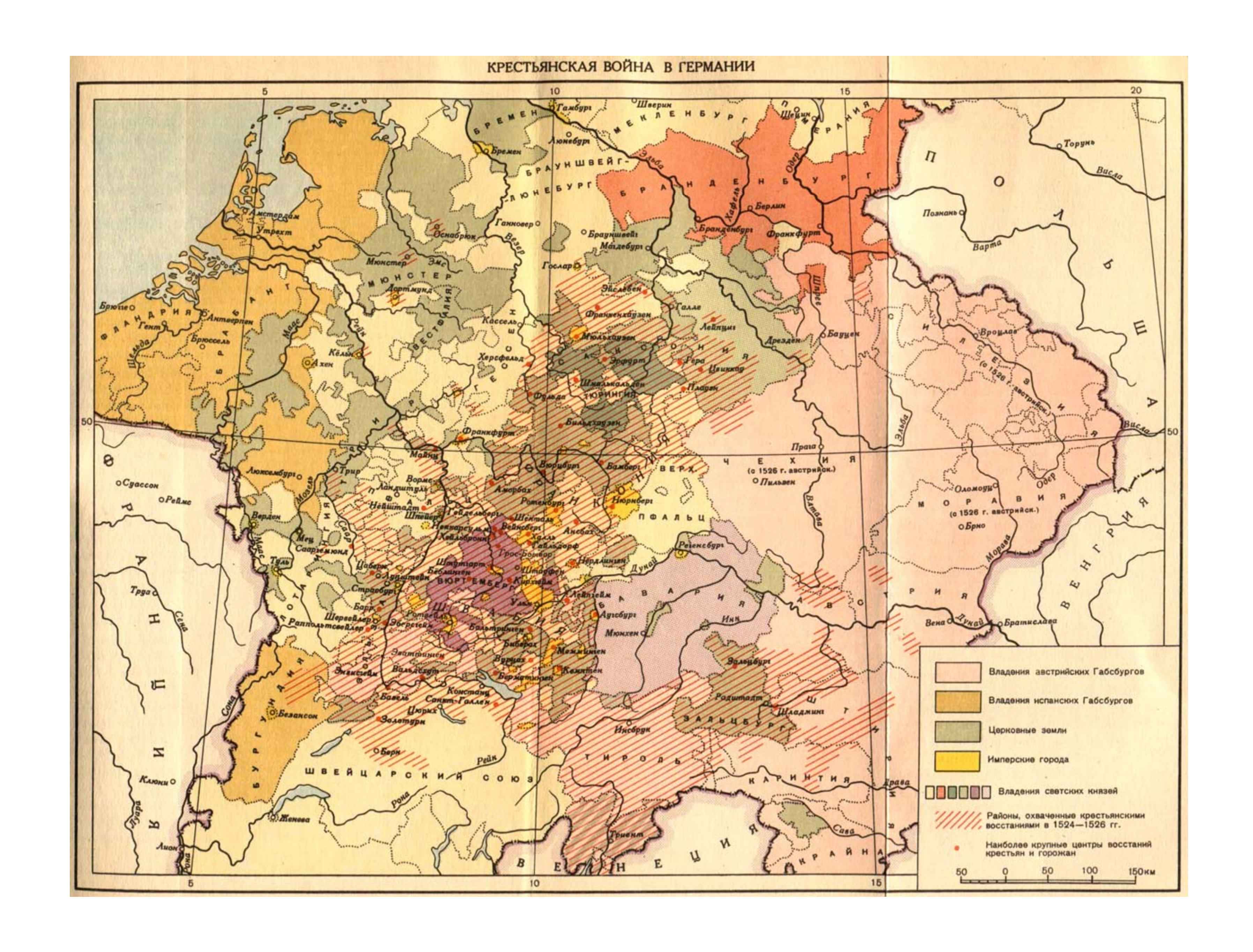
Таким образом, в начале марта под оружием находилось в шести лагерях от 30 до 40 тысяч восставших верхнешвабских крестьян. По своему характеру эти крестьянские отряды отличались большой пестротой. Революционная — мюнцеровская — партия всюду составляла меньшинство. Тем не менее она всюду являлась ядром и оплотом крестьянских лагерей. Крестьянская масса всегда готова была идти на соглашение с господами, лишь бы только ей гарантировали уступки, которые она рассчитывала вырвать посредством своего угрожающего поведения. Кроме того, когда дело затягивалось и начинали приближаться княжеские войска, крестьянам война становилась в тягость, и те из них, у кого было еще что терять, большей частью расходились по домам. При этом к отрядам присоединялась масса бродяжничавших люмпен-пролетариев, которые мешали установлению дисциплины, разлагали крестьян и часто то уходили, то снова возвращались. Уже одним этим объясняется, почему крестьянские отряды повсюду вначале ограничивались оборонительными действиями, подвергались деморализации в лагерях и, независимо от тактических недочетов и недостатка в хороших предводителях, не выдерживали никакого сравнения с княжескими войсками.

Еще в то время, когда собирались отряды, герцог Ульрих с навербованными им войсками и некоторым количеством хегауских крестьян вторгся из Хоэнтвиля в Вюртемберг. Если бы крестьяне двинулись теперь с другой стороны против войск Трухзесса фон Вальдбурга, то гибель Швабского союза была бы неизбежна. Но при чисто оборонительном образе действий крестьянских отрядов Трухзессу быстро удалось заключить с альгаускими, бальтрингенскими и приозерными крестьянами

перемирие, начать с ними переговоры и назначить срок для окончательного разрешения дела на воскресенье Judica (2 апреля)[244]. В течение этого времени он смог двинуться против герцога Ульриха, занять Штутгарт и принудить герцога уже 17 марта снова покинуть Вюртемберг. Затем он обратился против крестьян, но в его собственном войске произошел мятеж ландскнехтов, которые отказались против них выступить. Трухзессу удалось, однако, успокоить мятежников, и он двинулся к Ульму, где собирались новые подкрепления. У Кирхгейма на реке Тек он оставил наблюдательный лагерь.

Швабский союз, у которого, наконец, оказались развязаны руки и который уже собрал свои первые контингенты, сбросил теперь маску и объявил, что «он решился с оружием в руках и с божьей помощью положить конец своевольным действиям крестьян»[245].

Между тем крестьяне строго соблюдали условия перемирия. Для переговоров в воскресенье Judica они выдвинули свои требования, знаменитые *«Двенадцать статей».* Они требовали выборности и сменяемости духовных лиц общинами, отмены малой десятины, употребления большой десятины[246], за вычетом содержания священнику, на общественные нужды, отмены крепостного состояния, права охоты и рыбной ловли, отмены посмертного побора, сокращения до определенного размера непомерных податей, оброков и барщины, возврата общинам и отдельным лицам насильственно отобранных у них лесов, пастбищ и привилегий, устранения произвола в судах и управлении. Как мы видим, умеренная, соглашательская партия еще значительно преобладала среди крестьянских отрядов. Революционная партия выдвинула свою программу еще раньше в *«Статейном письме».* Это открытое обращение ко всем крестьянским общинам призывало их вступать в «христианский союз и братство» для уничтожения всех тягот, добром ли, «что, впрочем, невозможно», или силой, и грозило всем упорствующим «светским отлучением», т. е. изгнанием из общества и прекращением всякого общения с членами союза. Светскому отлучению должны были быть подвергнуты также все замки, монастыри и церкви, если только дворяне, попы и монахи не покинут их добровольно, не переселятся в обычные жилища, подобно остальным людям, и не примкнут к христианскому союзу. — Итак, в этом радикальном манифесте, который, очевидно, был составлен *до* весеннего восстания 1525 г., речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ
Владения австрийских Габсбургов
Владения испанских Габсбургов
Церковные земли
Имперские города
Владения светских князей
Районы, охваченные крестьянскими восстаниями в 1524—1526 гг.
Наиболее крупные центры восстаний крестьян и горожан
50 0 50 100 150км
ПОЛЬША
ФРАНЦИЯ
ВЕНГРИЯ
ВЕНЕЦИЯ
ЧЕХИЯ
(с 1526 г. австрийск.)
МОРАВИЯ
(с 1526 г. австрийск.)
СИЛЕЗИЯ
АВСТРИЯ
БАВАРИЯ
ТИРОЛЬ
ЗАЛЬЦБУРГ
КАРИНТИЯ
КРАЙНА
ШВЕЙЦАРСКИЙ СОЮЗ
БУРГУНДИЯ
ЛОТАРИНГИЯ
ФЛАНДРИЯ
БРАБАНТ
МЮНСТЕР
ВЕСТФАЛИЯ
БРАНДЕНБУРГ
ПОМЕРАНИЯ
МЕКЛЕНБУРГ
БРАУНШВЕЙГ-ЛЮНЕБУРГ
БРЕМЕН
САКСОНИЯ
ТЮРИНГИЯ
ГЕССЕН
ФРАНКОНИЯ
ВЕРХ. ПФАЛЬЦ
ВЮРТЕМБЕРГ
ШВАБИЯ
Гамбург
Шверин
Бремен
Люнебург
Ганновер
Брауншвейг
Магдебург
Гослар
Берлин
Бранденбург
Франкфурт
Познань
Торунь
Амстердам
Утрехт
Мюнстер
Дортмунд
Оснабрюк
Брюгге
Гент
Антверпен
Брюссель
Кельн
Ахен
Кассель
Херсфельд
Эйслебен
Франкенхаузен
Мюльхаузен
Эрфурт
Шмалькальден
Фульда
Галле
Лейпциг
Гера
Дрезден
Бауцен
Вроцлав
Прага
Пильзен
Оломоуц
Брно
Вена
Братислава
Франкфурт
Майнц
Трир
Вормс
Шпейер
Гейдельберг
Хейльбронн
Вюрцбург
Бамберг
Нюрнберг
Ротенбург
Ансбах
Регенсбург
Аугсбург
Мюнхен
Ульм
Штутгарт
Страсбург
Мец
Люксембург
Верден
Суассон
Реймс
Безансон
Базель
Цюрих
Констанц
Санкт-Галлен
Мемминген
Кемптен
Биберах
Зальцбург
Радштадт
Шладминг
Инсбрук
Триент
Берн
Золотурн
Женева
Клюни
Лион
Эльба
Одер
Висла
Варта
Шпрее
Везер
Рейн
Майн
Мозель
Маас
Шельда
Дунай
Инн
Влтава
Морава
Драва
Сава
Рона
Сона
Луара
Сена
Эмс
Сар

быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги.

Однако прежде чем крестьяне смогли предложить назначенным третейским судьям свои двенадцать статей, до них дошла весть о нарушении договора со стороны Швабского союза и о приближении войск. Немедленно были приняты меры. В Гейсбёйрене состоялась общая сходка альгауцев, бальтрингенцев и приозерных крестьян. Четыре отряда были слиты, и из них образованы четыре новых колонны; было постановлено конфисковать имения церкви, продавать ее драгоценности в пользу военной кассы и сжигать замки. Таким образом, наряду с официальными двенадцатью статьями «Статейное письмо» сделалось правилом для ведения войны, и воскресенье Judica — день, назначенный для заключения мира, — стало датой *всеобщего восстания.*

Возраставшее всюду возбуждение, непрерывные местные столкновения крестьян с дворянством, вести о разраставшемся уже в течение шести месяцев восстании в Шварцвальде и о его распространении вплоть до Дуная и Леха — все это и так в достаточной мере объясняет, почему ряд вспыхнувших одно за другим крестьянских восстаний охватил две трети Германии. Самый факт одновременности всех отдельных восстаний доказывает, что во главе движения стояли люди, заранее организовавшие его через посредство анабаптистских и других эмиссаров. В Вюртемберге, на нижнем Неккаре, в Оденвальде, в Нижней и Средней Франконии волнения вспыхнули уже во второй половине марта, но днем всеобщего выступления повсюду заранее было назначено 2 апреля, воскресенье Judica, и решающий взрыв массового восстания повсюду произошел на первой неделе апреля. Также и альгауские, хегауские и приозерные крестьяне, ударив в набат и созвав массовые сходки, призвали 1 апреля всех способных носить оружие мужчин в лагери и вместе с бальтрингенцами начали военные действия против замков и монастырей.

Во *Франконии,* где движение сосредоточивалось вокруг шести центров, восстание всюду вспыхнуло в первых числах апреля. Около этого времени у *Нёрдлингена* образовались два крестьянских лагеря; с их помощью в городе одержала верх революционная партия, вождем которой был *Антон Форнер.* Эта партия провела Форнера в бургомистры и добилась присоединения города к крестьянам. В *Ансбахе* крестьяне повсеместно восстали с 1 по 7 апреля; отсюда восстание распространилось вплоть до Баварии. В районе *Ротенбурга* крестьяне взялись за оружие уже 22 марта; в городе Ротенбурге 27 марта власть

патрициата была свергнута мелкими бюргерами и плебеями, возглавляемыми *Стефаном фон Менцингеном;* но так как здесь главным источником городских доходов были как раз крестьянские повинности, то отношение нового правительства к крестьянам было также весьма колеблющимся и двусмысленным. Во владении *вюрцбургского* соборного капитула[247] в начале апреля повсеместно произошло восстание крестьян и мелких городов, а в епископстве *Бамбергском* всеобщее восстание принудило через пять дней епископа к уступкам. Наконец, на севере, у границы Тюрингии, образовался мощный *бильдхаузенский крестьянский лагерь.*

В *Оденвальде,* где во главе революционной партии стояли *Вендель Гиплер,* дворянин и бывший канцлер графов Гогенлоэ, и *Георг Мецлер,* трактирщик в Балленберге близ Краутгейма, буря разразилась уже 26 марта. Крестьяне со всех сторон устремились к Тауберу. К ним примкнули также 2000 человек из ротенбургского лагеря. Предводительство принял на себя Георг Мецлер; 4 апреля, после того как прибыли все подкрепления, он двинулся к Шёнтальскому монастырю на Ягсте, где к нему присоединились *неккартальцы.* Последние под руководством *Йеклейна Рорбаха,* трактирщика в Бёккингене близ Хейльбронна, подняли в воскресенье Judica восстание во Флейне, Зонтгейме и других местах, в то время как Вендель Гиплер с отрядом заговорщиков внезапно захватил Эринген и вовлек в движение окрестных крестьян. В Шёнтале обе крестьянские колонны, объединившись в *Светлый отряд,* приняли двенадцать статей и организовали ряд набегов на замки и монастыри. Светлый отряд насчитывал до 8000 человек, у него были пушки и 3000 ружей. К нему присоединился и франконский рыцарь *Флориан Гейер,* сформировавший Черный отряд, отборное войско, составленное главным образом из ротенбургских и эрингенских ополченцев.

Военные действия открыл вюртембергский фогт в Неккарсульме, граф Людвиг фон Хельфенштейн. Всех попавших в его руки крестьян он приказал тотчас перебить. Светлый отряд выступил ему навстречу. Резня, учиненная графом, а также только что полученная весть о поражении лейпгеймского отряда, казни Якоба Вее и зверствах Трухзесса ожесточили крестьян. Хельфенштейн, укрывшийся в Вейнсберге, подвергся здесь нападению. Флориан Гейер взял штурмом замок, после более продолжительной битвы был взят и город; граф Людвиг и несколько рыцарей были захвачены в плен. На другой день, 17 апреля, Йеклейн Рорбах с несколькими наиболее решительными людьми из отряда судил пленных и приговорил четыр-

надцать из них во главе с Хельфенштейном к самой позорной смерти, какой они только могли быть преданы: их прогнали сквозь пики. Взятие Вейнсберга и террористическая месть Йеклейна Рорбаха Хельфенштейну оказали должное действие на дворянство. Графы Лёвенштейны примкнули к крестьянскому союзу; графы Гогенлоэ, которые присоединились к нему уже раньше, но до сих пор не оказывали ему никакой помощи, немедленно прислали требуемые оружие и порох.

Предводители стали совещаться по поводу того, не следует ли пригласить в качестве военачальника Гёца фон Берлихингена, «так как он мог бы привлечь на сторону крестьян дворянство». Предложение встретило сочувствие; но Флориан Гейер, увидевший в этом настроении крестьян и предводителей начало реакции, отделился после этого со своим Черным отрядом от Светлого отряда и, действуя на свой собственный страх и риск, прошел сначала область Неккара, а потом вюрцбургскую территорию, всюду разрушая замки и поповские гнезда.

Остальная часть отряда двинулась сначала на Хейльбронн. В этом мощном вольном имперском городе, как и почти повсюду, патрициату противостояли оппозиция бюргеров и революционная оппозиция. Последняя, действуя по тайному соглашению с крестьянами, уже 17 апреля открыла во время замешательства городские ворота Георгу Мецлеру и Йеклейну Рорбаху. Крестьянские вожаки со своими людьми овладели городом, который был принят в братство, дал 1200 гульденов деньгами и выставил небольшой отряд добровольцев. Разграблению подверглись лишь имущество духовенства и владения командоров Тевтонского ордена[248]. 22 апреля крестьяне покинули город, оставив там небольшой гарнизон. Хейльбронн должен был стать центром для различных отрядов. И действительно, последние прислали сюда своих делегатов, для того чтобы договориться о совместных действиях и общих требованиях крестьянства. Однако бюргерская оппозиция и соединившийся с нею со времени прихода крестьян патрициат снова получили преобладание в городе и стали препятствовать каким-либо решительным шагам, дожидаясь лишь приближения княжеских войск, чтобы окончательно предать крестьян.

Крестьяне двинулись к Оденвальду. 24 апреля Гёц фон Берлихинген, который всего за несколько дней до того предлагал свои услуги сначала курфюрсту Пфальцскому, потом крестьянам, затем опять курфюрсту, вынужден был вступить в евангелическое братство и принять на себя главное командование над *Лучезарно-светлым* отрядом (в противовес *Черному* отряду Флориана Гейера). Но в то же время Гёц являлся

пленником крестьян, которые с недоверием следили за каждым его шагом и поставили его в зависимость от совета вожаков, без которого он не мог ничего предпринять. Гёц и Мецлер двинулись теперь с массой крестьян через Бухен в Аморбах, где они пробыли от 30 апреля до 5 мая, подняв восстание на всей майнцской территории. Дворяне всюду были принуждены примкнуть к крестьянам, и это спасло их замки; разграблены и сожжены были лишь монастыри. Отряд явным образом все более разлагался; наиболее энергичные люди ушли вместе с Флорианом Гейером или Йеклейном Рорбахом, который после занятия Хейльбронна также отделился, очевидно, в силу того, что он, судья графа Хельфенштейна, не мог долее оставаться при отряде, искавшем соглашения с дворянством. Это настойчивое стремление к соглашению с дворянством уже само по себе являлось признаком деморализации. Вскоре после этого Вендель Гиплер выдвинул весьма разумный план реорганизации отряда: он посоветовал брать на службу ежедневно предлагавших свои услуги ландскнехтов и не обновлять, как это делалось, ежемесячно личный состав отряда, привлекая новые и отпуская старые контингенты, а оставить однажды уже призванный к оружию и до известной степени обученный состав. Но собрание общины отвергло оба предложения; крестьяне стали уже заносчивыми, на всю войну они начали смотреть как на поход за добычей, а потому конкуренция ландскнехтов им мало улыбалась и, с другой стороны, им нужна была возможность возвращаться домой, как только будут наполнены их карманы. В Аморбахе дело дошло даже до того, что хейльброннский советник Ганс Берлин заставил предводителей и советников отряда принять «Объяснение двенадцати статей», документ, в котором были сглажены последние острые пункты двенадцати статей, а крестьяне выставлялись в виде смиренных просителей. Однако на этот раз крестьянам это показалось уже чрезмерным; они шумно отвергли «Объяснение» и настояли на первоначальном тексте статей.

Между тем в епископстве Вюрцбургском в ходе событий наступил решительный поворот. Епископ, который при первой вспышке крестьянского восстания в начале апреля укрылся в укрепленный замок Фрауэнберг у Вюрцбурга и повсюду разослал письма, тщетно взывая о помощи, вынужден был, наконец, пойти на временные уступки. 2 мая был открыт ландтаг, в котором приняли участие и представители крестьян. Но, прежде чем мог быть достигнут какой-нибудь результат, были перехвачены письма, доказывавшие изменнические происки епископа. Ландтаг немедленно разошелся, и начались

военные действия между восставшими горожанами и крестьянами, с одной стороны, и людьми епископа — с другой. Сам епископ 5 мая бежал в Гейдельберг; на другой же день в Вюрцбург прибыл Флориан Гейер с Черным отрядом, а вместе с ним *франконский таубер-ский отряд,* образовавшийся из мергентгеймских, ротенбургских и ансбахских крестьян. 7 мая явился и Гёц фон Берлихинген с Лучезарно-светлым отрядом, и началась осада Фрауэн-берга.

В Лимпурге, а также в районе Эльвангена и Халля уже в конце марта и начале апреля об-разовался другой — *гайльдорфский,* или *Простой светлый отряд.* Он действовал чрезвы-чайно решительно, поднял восстание во всей области, сжег много монастырей и замков, сре-ди них и замок Гогенштауфен, заставил всех крестьян присоединиться к отряду и принудил всех дворян и даже имперских кравчих Лимпургов вступить в христианское братство. В на-чале мая отряд вторгся в Вюртемберг, но был вынужден уйти обратно. Немецкий партикуля-ризм, порожденный делением на мелкие государства, так же мало допускал в то время, как и в 1848 г., совместные действия революционеров, принадлежавших к разным государствам. Гайльдорфский отряд, чьи действия оказались ограниченными небольшой территорией, не-избежно должен был распасться, после того как восставшими было сломлено всякое сопро-тивление на этой территории. Они заключили соглашение с городом Гмюндом и, оставив лишь 500 вооруженных крестьян, разошлись.

В *Пфальце,* на обоих берегах Рейна, крестьянские отряды образовались к концу апреля. Они разрушили много замков и монастырей и 1 мая овладели Нёйштадтом на Хаардтском плато, после того как переправившиеся с другого берега брухрейнцы днем ранее принудили Шпейер к заключению договора. Маршал фон Хаберн, располагавший лишь небольшим курфюршеским войском, ничего не смог предпринять против восставших крестьян, и поэто-му курфюрст вынужден был 10 мая заключить с ними договор, гарантировав им, что будет созван ландтаг, который облегчит их тяготы.

Наконец, в *Вюртемберге* восстание еще раньше вспыхнуло в отдельных местностях. На Урахском нагорье крестьяне уже в феврале заключили союз против попов и господ, а в конце марта поднялись крестьяне Блаубёйрена, Ураха, Мюнзингена, Балингена и Розенфельда. У Гёппингена на территорию Вюртемберга вступили гайльдорфцы, у Браккенгейма вторгся Йеклейн Рорбах, у Пфуллингена — остаток разбитого лейпгеймского отряда; они подняли на восстание сельское

население. Серьезные волнения начались и в других местностях, Уже 6 апреля крестьянам должен был сдаться Пфуллинген. Правительство австрийского эрцгерцога находилось в чрезвычайно затруднительном положении. У него совсем не было денег и имелось очень мало войск. Города и замки находились в самом жалком состоянии: у них не было ни гарнизонов, ни снаряжения. Даже Асперг был почти совершенно беззащитен.

Попытка правительства стянуть городские ополчения и двинуть их против крестьян немедленно привела к его поражению. 16 апреля ботварское ополчение отказалось выступить и, вместо того чтобы идти к Штутгарту, направилось к Вунненштейну у Ботвара*, образовав там ядро быстро растущего лагеря из бюргеров и крестьян. В тот же день восстание вспыхнуло в Цабергау; Маульброннский монастырь подвергся разграблению; ряд других монастырей и замков был совершенно опустошен. Из соседнего Брухрейна к крестьянам пришли подкрепления.

Во главе отряда, собравшегося на Вунненштейне, встал *Матерн Фёйербахер,* городской советник в Ботваре, один из вождей бюргерской оппозиции, который, однако, настолько был замешан в движении, что должен был идти вместе с крестьянами. Тем не менее он все время держался весьма умеренно, препятствовал применению по отношению к замкам требований «Статейного письма» и всюду стремился играть роль посредника между крестьянами и умеренными бюргерами. Он помешал соединению вюртембержцев с Лучезарно-светлым отрядом; именно он побудил позднее гайльдорфцев уйти из Вюртемберга. Из-за своих бюргерских тенденций 19 апреля он был смещен, но уже на следующий день его снова назначили военачальником. Его считали незаменимым, и даже когда 22 апреля к вюртембержцам присоединился Йеклейн Рорбах с 200 решительных людей, последнему пришлось оставить Фёйербахера на его посту, ограничившись лишь тщательным надзором за его действиями.

18 апреля правительство попыталось вступить в переговоры с крестьянами, расположившимися на Вунненштейне. Крестьяне настаивали на том, чтобы оно приняло двенадцать статей, на что, разумеется, правительственные уполномоченные не могли пойти. Тогда отряд двинулся в поход. 20 числа он находился в Лауффене, где предложения представителей правительства были отклонены в последний раз. 22-го отряд, численностью в 6000 человек, расположился в Битиггейме, угрожая Штутгарту. Большинство членов штутгартского совета бежало, и

* То же, что Грос-Ботвар. *Ред.*

во главе управления был поставлен комитет из горожан? Горожане были расколоты на те же партии, как и повсюду: на патрициат, бюргерскую оппозицию и революционных плебеев. Последние открыли 25 апреля крестьянам ворота, и Штутгарт был немедленно занят. Здесь была окончательно установлена организация *Светлого христианского отряда,* как стали теперь называть себя вюртембергские повстанцы, и выработаны твердые правила относительно жалованья, раздела добычи, снабжения и т. д. К крестьянам примкнул небольшой отряд штутгартцев во главе с Тёйсом Гербером.

29 апреля Фёйербахер выступил со всем отрядом против вторгшихся на территорию Вюртемберга вплоть до Шорндорфа гайльдорфцев, принял всю местность в союз и на этом основании принудил гайльдорфцев вернуться обратно. Таким путем он помешал опасному усилению в своем отряде революционных элементов, во главе которых стоял Рорбах, что имело бы место в случае слияния с неукротимыми гайльдорфцами. Получив известия о приближении Трухзесса, он двинулся из Шорндорфа навстречу последнему и 1 мая расположился лагерем у Кирхгейма на реке Тек.

Мы изобразили, таким образом, возникновение и развитие восстания в той части Германии, которую мы должны рассматривать как арену действия первой группы крестьянских отрядов. Прежде чем перейти к остальным группам (в Тюрингии и Гессене, Эльзасе, Австрии и Альпах), мы должны описать поход Трухзесса, в течение которого он, действуя сначала один, потом при поддержке различных князей и городов, уничтожил эту первую группу повстанцев.

Мы покинули Трухзесса у Ульма, куда он устремился в конце марта, оставив у Кирхгейма на реке Тек наблюдательный отряд под начальством Дитриха Шпета. Корпус Трухзесса, — численность которого после включения в него сосредоточенных в Ульме союзных подкреплений составляла почти 10000 человек, из коих 7200 были пехотинцы, — являлся единственным войском, пригодным для наступательной войны против крестьян. Подкрепления стягивались в Ульм чрезвычайно медленно, отчасти вследствие трудности вербовки в охваченных восстанием местностях, отчасти из-за отсутствия денег у правительств, отчасти потому, что наличные немногочисленные войска повсюду были более чем необходимы для обороны замков и городов. Мы уже видели, какими небольшими военными силами располагали князья и города, не принадлежавшие к Швабскому союзу. Все зависело, таким образом, от успехов Георга Трухзесса и его союзной армии.

Трухзесс обратился сначала против *бальтрингенского отряда,* который начал тем временем опустошать замки и монастыри в районе Рида. Крестьяне, отступившие при приближении союзных войск, были путем обхода вытеснены из болот, перешли через Дунай и бросились в ущелья и леса Швабского Альба. Здесь, где конница и артиллерия, составлявшие главную силу союзной армии, ничего не могли против них сделать, Трухзесс прекратил их преследование. Он двинулся против лейпгеймцев, из которых 5000 человек находились у Лейпгейма, 4000 — в Миндельтале и 6000 — у Иллертиссена; они подняли восстание во всей области, разрушали замки и монастыри и готовились двинуться всеми тремя колоннами на Ульм. Здесь, повидимому, крестьяне также были уже охвачены известной деморализацией, уничтожившей боеспособность отряда, ибо Якоб Вее с самого начала пытался вступить с Трухзессом в переговоры. Однако последний, располагая достаточными военными силами, ни на какие переговоры больше не шел и, напав 4 апреля на основное ядро отряда у Лейпгейма, разбил его наголову. Якоб Вее и Ульрих Шён, а также два других крестьянских вожака были взяты в плен и обезглавлены; Лейпгейм капитулировал, и после нескольких набегов в окрестностях весь округ был покорен.

Новый мятеж ландскнехтов, вызванный жаждой грабежа и желанием получить дополнительную плату, снова задержал Трухзесса до 10 апреля. Затем он двинулся на юго-запад против *бальтрингенцев,* которые тем временем напали на его владения Вальдбург, Цейль и Вольфегг и осадили его замки. И здесь он застал силы крестьян раздробленными и разбил их 11 и 12 апреля по частям в нескольких сражениях, в результате которых бальтрингенский отряд также был совершенно рассеян. Остатки его под начальством попа Флориана отступили к месту расположения *приозерного отряда.* Против последнего и обратился теперь Трухзесс. Приозерный отряд, который за это время не только предпринял ряд набегов, но и заставил примкнуть к братству города Буххорн (Фридрихсхафен) и Вольматинген, созвал 13 апреля в монастыре Залем большой военный совет, принявший решение идти навстречу Трухзессу. Немедленно всюду стали бить в набат, и в берматингенском лагере собралось 10000 человек, к которым присоединились также разбитые бальтрингенцы. 15 апреля крестьяне выдержали удачный бой о Трухзессом, который, не желая рисковать здесь своей армией в генеральном сражении, предпочел начать переговоры, тем более что он узнал о приближении альгауского и хегауского отрядов. Поэтому 17 апреля он заключил в Вейнгартене

с приозерными и бальтрингенскими крестьянами с виду довольно выгодный для них договор, на который они, не задумываясь, согласились. Он добился даже того, что этот договор приняли также делегаты верхнеальгауских и нижнеальгауских крестьян, и затем отступил в Вюртемберг.

Хитрость Трухзесса спасла его здесь от верной гибели. Если бы он не сумел одурачить неустойчивых, ограниченных и в большинстве своем уже деморализованных крестьян и их большей частью неспособных, трусливых и продажных вожаков, то он был бы со своим небольшим войском окружен четырьмя колоннами, насчитывавшими вместе самое меньшее 25—30 тысяч человек, и безусловно уничтожен. Но ограниченность его врагов — ограниченность, неизбежная у крестьянских масс, — позволила ему ускользнуть из их рук как раз в такой момент, когда они могли бы одним ударом закончить всю войну, по крайней мере в Швабии и Франконии. Приозерные крестьяне с такой пунктуальностью соблюдали договор, посредством которого они, разумеется, оказались в конечном счете жестоко обманутыми, что впоследствии подняли оружие на своих же собственных союзников — хегауских крестьян; альгауские крестьяне, вовлеченные в предательскую сделку своими вожаками, правда, тотчас же отреклись от договора, но Трухзесс тем временем уже был вне опасности.

Хегауские крестьяне, хотя они и не подписывали Вейнгартенского договора, дали вслед за тем новое доказательство беспредельной местной ограниченности и упрямого провинциализма, которые погубили всю Крестьянскую войну. Когда Трухзесс после безрезультатных переговоров с ними направился в Вюртемберг, они последовали за ним, все время оставаясь у него во фланге; однако им не пришло в голову соединиться с вюртембергским Светлым христианским отрядом, и притом только на том основании, что вюртембержцы и неккартальцы однажды отказали им в помощи. Поэтому, когда Трухзесс отошел достаточно далеко от их родных мест, они преспокойно повернули назад и двинулись на Фрейбург.

Мы расстались с вюртембержцами, под начальством Матерна Фёйербахера, у Кирхгейма на реке Тек, откуда оставленный Трухзессом наблюдательный отряд под начальством Дитриха Шпета отступил к Ураху. После неудачной попытки взять Урах Фёйербахер повернул к Нюртингену и разослал всем соседним повстанческим отрядам письма с просьбой о подкреплениях для решающей битвы. И действительно, значительные подкрепления прибыли как из вюртембергской равнины, так и из Гёя. В частности гёйские крестьяне, примкнувшие к остаткам лейпгеймского

отряда, которые отступили к западному Вюртембергу, и поднявшие восстание по всей долине верхнего Неккара и Нагольда вплоть до Бёблингена и Леонберга, выступили двумя сильными отрядами и 5 мая соединились с Фёйербахером в Нюртингене. Трухзесс столкнулся с соединенными отрядами у Бёблингена. Их численность, их артиллерия и выбранная ими позиция привели его в замешательство; прибегнув к своему обычному методу, он немедленно начал с крестьянами переговоры и заключил с ними перемирие. Как только их бдительность была таким путем усыплена, он 12 мая внезапно напал на них *во время перемирия* и заставил принять генеральное сражение. Крестьяне долго и мужественно сопротивлялись, пока, наконец, Бёблинген не был сдан Трухзессу в результате предательства бюргеров. Левый фланг крестьян, лишившийся вследствие этого своей опоры, был смят и обойден. Это решило исход сражения. Недисциплинированные крестьяне пришли в расстройство и вскоре обратились в паническое бегство; тот, кто не был убит или взят в плен союзной конницей, бросал оружие и спешил вернуться домой. Светлый христианский отряд был совершенно рассеян, а вместе с ним было подавлено и все вюртембергское повстанческое движение. Тёйс Гербер укрылся в Эслингене, Фёйербахер бежал в Швейцарию, Йеклейна Рорбаха взяли в плен и таскали в цепях до прибытия в Неккаргартах, где по приказанию Трухзесса его привязали к столбу и, обложив дровами, живьем зажарили на медленном огне. Сам Трухзесс, пируя тут же вместе со своими рыцарями, услаждался этим рыцарским зрелищем.

Из Неккаргартаха Трухзесс, вторгнувшись в Крайхгау, поддержал операции курфюрста Пфальцского. Последний, набрав тем временем войска, по получении известий об успехах Трухзесса немедленно нарушил договор с крестьянами, напал 23 мая на Брухрейн, взял после упорного сопротивления Мальш и сжег его, разграбил ряд деревень и занял Брухзаль. В это же время Трухзесс захватил Эппинген, взяв в плен тамошнего вождя движения Антона Эйзенхута, который был по приказу курфюрста немедленно же казнен вместе с дюжиной других крестьянских вожаков. Брухрейн и Крайхгау были, таким образом, усмирены и должны были заплатить около 40000 гульденов контрибуции. Оба войска — отряд Трухзесса, сократившийся в результате предыдущих сражений до 6000 человек, и отряд курфюрста (6500 человек) — соединились и двинулись против оденвальдцев.

Весть о поражении под Бёблингеном вызвала повсюду смятение среди повстанцев. Те вольные имперские города, которые

подпали под стеснительную опеку крестьян, неожиданно почувствовали облегчение. Хейльбронн первый сделал шаг к примирению с Швабским союзом. В Хейльбронне находилась крестьянская канцелярия и заседали делегаты различных отрядов, обсуждая предложения, которые должны были быть сделаны императору и империи от имени всех восставших крестьян. Эти совещания, призванные привести к общим, имеющим значение для всей Германии результатам, еще раз показали, что ни одно из сословий, в том числе и крестьянство, не достигло достаточной зрелости, чтобы, исходя из своей собственной позиции, все немецкие порядки перестроить по-новому. Сразу же выяснилось, что для этой цели необходимо было привлечь дворянство и, в особенности, горожан. Благодаря этому руководящая роль в обсуждении этих вопросов перешла в руки *Венделя Гиплера.* Из всех вождей движения Вендель Гиплер правильнее всего понимал существующее положение вещей. Он не был ни революционером с широким кругозором, как Мюнцер, ни представителем крестьян, как Мецлер и Рорбах. Его многосторонний опыт и практическое знание положения, которое занимали отдельные сословия по отношению друг к другу; не позволяли ему сделаться выразителем интересов какого-либо одного из участвовавших в движении сословий в противовес другим. Подобно тому как Мюнцер — в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата, — возвысился до предчувствия коммунизма, точно так же и Вендель Гиплер, представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества.* Правда, защищаемые им принципы и выдвигаемые им требования не представляли собой чего-то непосредственно возможного, но они воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества, и крестьяне, как только они задались целью составить проекты законов для всей империи, неизбежно должны были стать на эту точку зрения. В результате централизация, которую требовали крестьяне, обрела здесь, в Хейльбронне, более определенные очертания, хотя в этом виде она и бесконечно отличалась от представлений о ней крестьян. Так, например, она была значительно уточнена во всем, что касалось установления единства монеты, мер и весов, отмены внутренних таможенных пошлин и т. д., словом, требований, которые гораздо более отвечали интересам городских бюргеров, чем крестьян. Так, и дворянству

были сделаны уступки, весьма приближавшиеся к современным выкупам и ведущие в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную. Короче говоря, как только крестьянские требования были сведены к проекту «имперской реформы», они неизбежно оказались подчиненными, если не текущим требованиям бюргеров, то их конечным интересам.

В то время как в Хейльбронне еще обсуждалась эта имперская реформа, автор «Объяснения двенадцати статей» Ганс Берлин уже выехал навстречу Трухзессу, чтобы от имени патрициата и бюргерства начать переговоры о сдаче города. Измена была поддержана происками реакции в самом городе; Вендель Гиплер и крестьяне должны были бежать. Гиплер отправился в Вейнсберг, где попытался собрать остатки вюртемберrepresenting вюртембержцев и тех немногих гайльдорфцев, которые находились еще в боевой готовности. Но приближение курфюрста Пфальцского и Трухзесса заставило его уйти и отсюда, и он должен был отправиться в Вюрцбург, чтобы всколыхнуть Лучезарно-светлый отряд. Тем временем союзные и курфюршеские войска покорили всю область Неккара, заставили крестьян вновь принести присягу, сожгли множество деревень, перебили и перевешали всех попавших им в руки беглых крестьян. В отмщение за казнь Хельфенштейна Вейнсберг был сожжен дотла.

Между тем соединившиеся у Вюрцбурга крестьянские отряды осадили Фрауэнберг; 15 мая, еще прежде чем была пробита брешь, они произвели храбрый, но оказавшийся безрезультатным штурм крепости. 400 лучших воинов, принадлежавших большей частью к отряду Флориана Гейера, полегли во рвах мертвыми или ранеными. Два дня спустя, 17 мая, прибыл Вендель Гиплер и созвал военный совет. Он предложил оставить под Фрауэнбергом только 4000 человек, а со всеми главными силами, численностью до 20000 человек, расположиться на глазах у Трухзесса лагерем у Краутгейма на Ягсте, куда могли быть стянуты все подкрепления. План был превосходен: лишь собрав всю массу повстанцев и опираясь на численное превосходство, можно было надеяться разбить княжеское войско, численность которого достигла теперь 13000 человек. Но деморализация и упадок духа у крестьян были уже слишком велики, чтобы можно было предпринять какие-либо решительные действия. Гёц фон Берлихинген, который вскоре открыто повел себя как предатель, также, повидимому, немало сделал для того, чтобы удержать отряд на месте; в результате план Гиплера так и не был приведен в исполнение. Вместо этого отряды, как и прежде, остались разоб-

щенными. Лучезарно-светлый отряд двинулся лишь 23 мая, после того как франконцы обещали возможно скорее последовать за ним. 26 числа весть о том, что маркграф* начал военные действия против крестьян, заставила возвратиться домой стоявший у Вюрцбурга небольшой ансбахский отряд. Оставшаяся часть осадного войска вместе с Черным отрядом Флориана Гейера заняла позиции у Хейдингсфельда, недалеко от Вюрцбурга.

Лучезарно-светлый отряд прибыл в Краутгейм 24 мая в малобоеспособном состоянии. Здесь многие крестьяне, узнав, что их деревни тем временем принесли присягу Трухзессу, разошлись под этим предлогом по домам. Отряд двинулся дальше к Неккарсульму и здесь вступил 28 мая в переговоры с Трухзессом. В то же время были разосланы гонцы к франконцам, эльзасцам и шварцвальд-хегауским крестьянам с призывом немедленно прислать подкрепления. Из Неккарсульма Гёц двинулся обратно к Эрингену. Отряд таял с каждым днем; во время этого перехода исчез и сам Гёц фон Берлихинген; он ускакал домой, вступив еще раньше через посредство своего старого товарища по оружию Дитриха Шпета в переговоры с Трухзессом относительно своего перехода к последнему. У Эрингена ложные известия о приближении врага в одно мгновение привели беспомощную и упавшую духом массу в состояние панического страха; отряд разбежался в полном беспорядке, и лишь с большим трудом Мецлеру и Венделю Гиплеру удалось удержать около 2000 человек, которых они повели снова к Краутгейму. Тем временем появилось и франконское ополчение, числом в 5000 человек. Но, продвигаясь через Лёвенштейн к Эрингену обходным путем, указанным Гёцом, очевидно, в предательских целях, оно разошлось со Светлым отрядом и направилось к Неккарсульму. Этот городок, занятый несколькими подразделениями Лучезарно-светлого отряда, был осажден Трухзессом. Франконцы подошли к нему ночью и увидели огни союзного лагеря; но у их предводителей не хватило мужества отважиться на нападение, и они отступили обратно к Краутгейму, где, наконец, и застали остатки Лучезарно-светлого отряда. Не дождавшись помощи, Неккарсульм сдался 29 мая союзным войскам. Трухзесс приказал немедленно казнить тринадцать крестьян и двинулся навстречу Светлому отряду, подвергая всю местность огню и мечу, грабежам и убийствам. Его путь в долинах Неккара, Кохера и Ягста повсюду был отмечен пепелищами и повешенными на деревьях крестьянами.

* — Казимир Бранденбургский, владевший княжествами Ансбах и Байрёйт. *Ред.*

У Краутгейма союзное войско настигло крестьян, которые, вследствие флангового движения Трухзесса, должны были отступить к Кёнигсхофену на Таубере. Здесь они, в количестве 8000 человек с 32 пушками, и заняли позицию. Трухзесс приблизился к ним под прикрытием холмов и леса и, двинув вперед обходные колонны, обрушился на них 2 июня с таким численным перевесом и такой энергией, что крестьяне, несмотря на упорнейшее, длившееся до наступления ночи сопротивление многих групп, были совершенно разбиты и рассеяны. Как *и* всегда, главную роль в разгроме войска повстанцев сыграла союзная конница, прозванная «крестьянской смертью»; бросившись на расстроенных уже артиллерийской канонадой, ружейным огнем и атаками копейщиков крестьян, она совершенно рассеяла их и затем уничтожила поодиночке. О том, какого рода войну вели Трухзесс и его конница, лучше всего свидетельствует судьба 300 кёнигсхофенских горожан, находившихся в крестьянском войске. Во время битвы все они, за исключением пятнадцати человек, были изрублены, а из уцелевших пятнадцати четверо было потом обезглавлено.

Покончив таким образом с оденвальдцами, неккартальцами и нижнефранконцами, Трухзесс посредством разбойничьих набегов, сожжения целых деревень, бесчисленных казней усмирил всю окрестную местность и затем двинулся на Вюрцбург. В пути он узнал, что второй франконский отряд, под начальством Флориана Гейера и Грегора фон Бург-Бернхейма, стоит у Зульцдорфа, и немедленно двинулся против этого отряда.

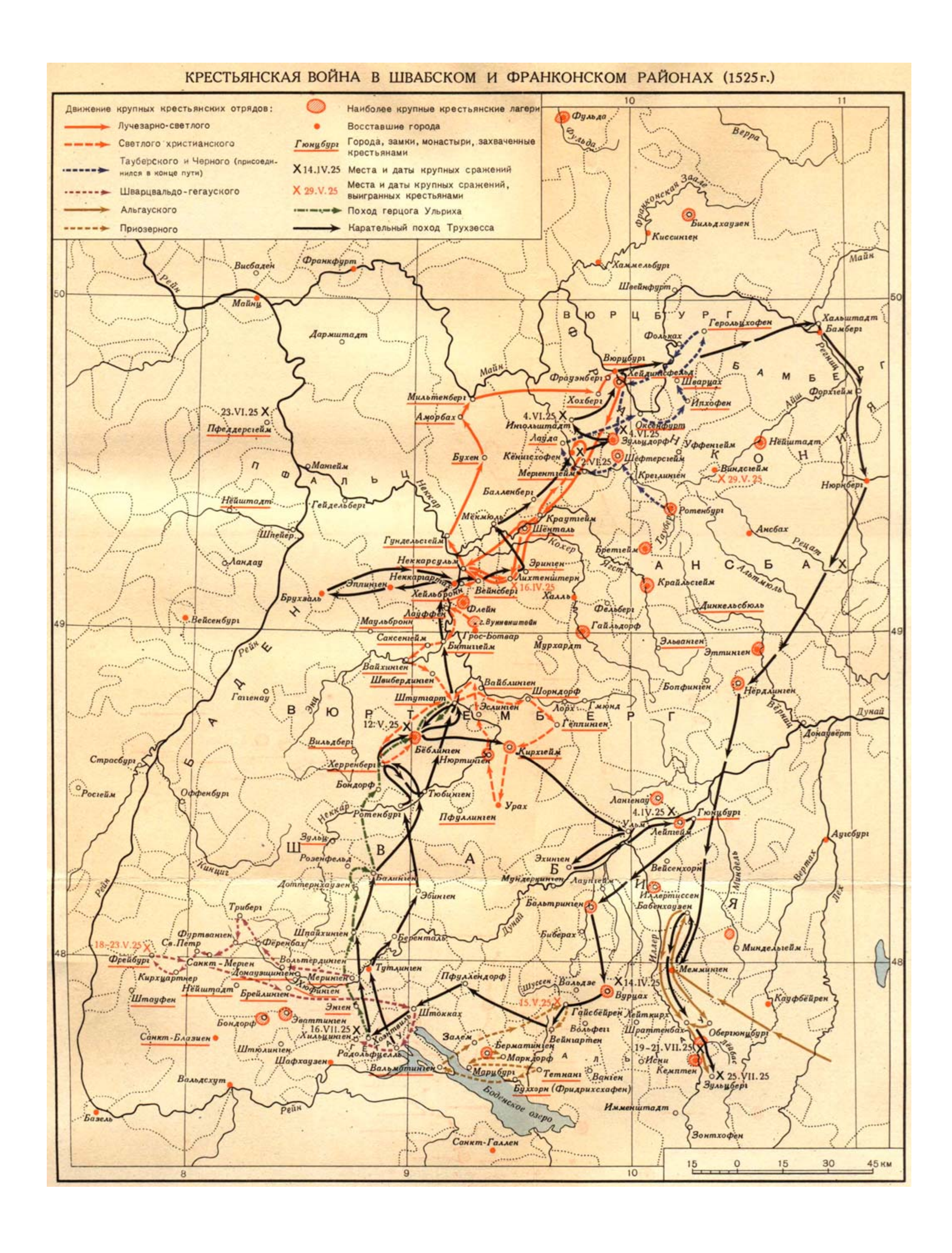
Со времени неудачного штурма Фрауэнберга Флориан Гейер был занят главным образом переговорами с князьями и городами относительно вступления их в крестьянское братство, в частности переговорами с городом Ротенбургом и с маркграфом Казимиром, правителем Ансбаха. Известие о поражении при Кёнигсхофене заставило его немедленно вернуться. С его отрядом соединился возглавляемый Грегором фон Бург-Бернхеймом ансбахский отряд, который образовался совсем недавно. Маркграфу Казимиру, действовавшему в чисто гогенцоллернском стиле, удавалось частично путем обещаний, частично путем угрозы применения военной силы сдерживать крестьянское восстание в своих владениях. Он соблюдал строгий нейтралитет по отношению ко всем чужим отрядам, пока в их рядах не было ни одного ансбахского подданного, и стремился обратить ненависть крестьян главным образом против церковных учреждений, рассчитывая в конечном счете обогатиться путем конфискации их имущества. При этом он не переставал

вооружаться и выжидал удобного случая. Едва только пришло известие о сражении при Бёблингене, как он немедленно же начал военные действия против своих мятежных крестьян, разграбил и сжег их деревни и многих из них приказал повесить и перебить. Однако крестьяне быстро собрали силы и под предводительством Грегора фон Бург-Бернхейма разбили маркграфа 29 мая при Виндсгейме. Они еще преследовали его, когда до них дошел призыв о помощи попавших в беду оденвальдцев, и они немедленно двинулись к Хейдингсфельду, а отсюда вместе с Флорианом Гейером снова к Вюрцбургу (2 июня). Не имея никаких вестей от оденвальдцев, они оставили здесь 5000 крестьян и с 4000 человек — остальные разбежались — двинулись по следам других отрядов. Уверенные в своей безопасности вследствие ложных сведений об исходе битвы при Кёнигсхофене, они были застигнуты врасплох Трухзессом при *Зульцдорфе* и разбиты им наголову. Как обычно, всадники и ландскнехты Трухзесса устроили страшную кровавую баню. Флориан Гейер собрал остатки своего Черного отряда в количестве 600 человек и пробился с ними к деревне Ингольштадт. 200 человек заняли церковь и кладбище, 400 — замок. Отряд преследовали солдаты курфюрста Пфальцского: колонна в 1200 человек заняла деревню и подожгла церковь; те, кто не погибли в пламени, были перебиты. Затем нападавшие пробили брешь в ветхой стене замка и попытались взять его приступом. Дважды отбитые крестьянами, укрывшимися за второй внутренней стеной, они разрушили пушечным огнем и эту стену и в третий раз принялись штурмовать замок, на этот раз успешно. Половина людей Флориана Гейера была изрублена, с последними двумя сотнями ему удалось спастись. Но уже на следующий день (духов день) его убежище было открыто; пфальцские солдаты окружили лес, в котором он скрывался, и перебили весь отряд. За эти два дня было взято всего-навсего 17 пленных. Флориану Гейеру с несколькими наиболее отважными смельчаками опять удалось пробиться и направиться к гайльдорфцам, которые вновь образовали отряд в 7000 человек. Но по прибытии к ним он обнаружил, что большая часть отряда под влиянием поступавших со всех сторон удручающих известий снова рассеялась. Он попытался собрать крестьян, рассеявшихся в лесу, но был 9 июня застигнут врасплох неприятельским отрядом у Халля и пал в бою.

Трухзесс, который уже после победы при Кёнигсхофене немедленно подал весть о себе осажденным во Фрауэнберге, двинулся теперь на Вюрцбург. Городской совет вступил с ним в тайный сговор, в результате чего союзное войско смогло ночью

7 июня окружить город вместе с находившимися в нем 5000 крестьянами и на следующее утро вступить в него через открытые советом ворота, даже не обнажив мечей. Благодаря этой измене вюрцбургских «благородных» горожан последний франконский крестьянский отряд был разоружен и все его предводители были взяты в плен. Трухзесс приказал тотчас же обезглавить 81 человека. В Вюрцбург один за другим съезжались различные франконские князья: прибыл сам епископ Вюрцбургский, а также епископ Бамбергский и маркграф Бранденбург-Ансбахский. Милостивые господа распределили между собой роли. Трухзесс отправился вместе с епископом Бамбергским, который тотчас же нарушил заключенный со своими крестьянами договор и отдал свою страну на растерзание неистовым ордам убийц и поджигателей, составлявших союзную армию. Маркграф Казимир занялся опустошением своих собственных владений. Тейнинген был сожжен; бесчисленное количество деревень было разграблено или предано огню; при этом в каждом городе маркграф творил кровавый суд. В Нёйштадте на реке Айш по его приказанию было обезглавлено 18, в Маркт-Бюргеле—43 мятежника. Отсюда он отправился в Ротенбург, где патрициат уже успел произвести контрреволюционный переворот и арестовать Стефана фон Менцингена. Ротенбургские мелкие бюргеры и плебеи должны были теперь жестоко расплатиться за свое столь двусмысленное поведение по отношению к крестьянам, за то, что они до последнего момента отказывали им в какой бы то ни было помощи, за то, что, побуждаемые узколобым местным эгоизмом, они добивались подавления деревенского ремесла в интересах городских цехов и только против воли отказались от тех доходов, которые город получал за счет феодальных повинностей крестьян. Маркграф приказал обезглавить из них 16 человек и в первую очередь, конечно, Менцингена. — Епископ Вюрцбургский подобным же образом прошел свою область, грабя и предавая все огню и мечу. Во время своего победоносного шествия он казнил 256 мятежников и по возвращении в Вюрцбург увенчал свои подвиги тем, что обезглавил еще 13 вюрцбургских горожан.

В Майнцском архиепископстве наместник, епископ Вильгельм Страсбургский, восстановил спокойствие, не встретив сопротивления. Он предал казни лишь четверых. На Рейнгау, где также происходили волнения, но все давно разошлись по домам, уже после этого совершил нападение Фровен фон Гуттен, двоюродный брат Ульриха; он внес окончательное «успокоение» казнью 12 зачинщиков. Во Франкфурте, который также пережил значительные революционные волнения, недовольство

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ШВАБСКОМ И ФРАНКОНСКОМ РАЙОНАХ (1525 г.)
Движение крупных крестьянских отрядов:
Лучезарно-светлого
Светлого христианского
Тауберского и Черного (присоединился в конце пути)
Шварцвальдо-гегауского
Альгауского
Приозерного
Наиболее крупные крестьянские лагери
Восставшие города
Гюнцбург Города, замки, монастыри, захваченные крестьянами
X 14.IV.25 Места и даты крупных сражений
X 29.V.25 Места и даты крупных сражений, выигранных крестьянами
Поход герцога Ульриха
Карательный поход Трухзесса
Фульда
Верра
Франконская Заале
Бильдхаузен
Киссинген
Хаммельбург
Майн
Швейнфурт
Висбаден
Франкфурт
Рейн
Майнц
Дармштадт
ВЮРЦБУРГ
Герольцхофен
Хальштадт
Бамберг
Фольках
Вюрцбург
Хейдингсфельд
Фрауэнберг
Шварцах
БАМБЕРГ
Регниц
Форхгейм
Мильтенберг
Хохберг
Ипхофен
Аморбах
Ингольштадт
Оксенфурт
Лауда
Эльсдорф
Уффенгейм
Нейштадт
Бухен
Кёнигсхофен
Шефтерсгейм
Мергентгейм
Креглинген
Виндсгейм
X 29.V.25
Нюрнберг
23.VI.25 X
Пфеддерсгейм
Мангейм
ПФАЛЬЦ
Неккар
Балленберг
Ротенбург
Гейдельберг
Нейштадт
Мекмюль
Краутгейм
Шенталь
Таубер
Шпейер
Гундельсгейм
Кохер
Ансбах
Рецат
Ландау
Неккарсульм
Эринген
Брегейм
Ягст
Неккаргартах
Лихтенштерн
АНСБАХ
Альтмюль
Эппинген
Хейльбронн
Вейнсберг
X 16.IV.25
Крайльсгейм
Брухзаль
Флейн
Халль
Лауффен
г. Вуннеништейн
Фельберг
Динкельсбюль
Вейсенбург
Маульбронн
Гайльдорф
Грос-Ботвар
Саксенгейм
Бітигейм
Мурхардт
Эльванген
Эттинген
Вайхинген
Швибердинген
Вайблинген
Нёрдлинген
Бопфинген
Гаггенау
Штутгарт
Шорндорф
Гмюнд
Вёрниц
Дунай
Эсслинген
Лорх
Донаувёрт
ВЮРТЕМБЕРГ
Геппинген
Энц
12.V.25 X
Вильдберг
Бёблинген
Кирхгейм
Страсбург
Херренберг
Нюртинген
БАДЕН
Бондорф
Тюбинген
Урах
Росгейм
Оффенбург
Ротенбург
Пфуллинген
Лангенау
4.IV.25 X
Гюнцбург
Ульм
Лейпгейм
Аугсбург
Зульц
Розенфельд
ШВАБИЯ
Кинциг
Балинген
Эхинген
Доттернхаузен
Мундеркинген
Лаупгейм
Вейсенхорн
Эбинген
Иллертиссен
Бабенхаузен
Бальтринген
Миндель
Вертах
Лех
Трибер
Шпайхинген
Фуртванген
Берентальб
Биберах
Св. Петр
Ференбах
Миндельгейм
18–23.V.25 X
Фрейбург
Санкт-Мерген
Вольтердинген
Иллер
Тутлинген
Меммінген
Кирхцартнер
Донауэшинген
Меринген
Пфуллендорф
Шуссен
Вальдзее
X 14.IV.25
Нейштадт
Брейлинген
Хюфинген
Вурцах
Кауфбёйрен
Штауфен
Энген
15.V.25 X
Штокках
Гайсбейрен
Хейткирх
Бондорф
Эваттинген
16.VII.25 X
Хильцинген
Хоэнтвиль
Залем
Бермантинген
Вейнгартен
Вольфегг
Шраттенбах
Обергюнцбург
Санкт-Блазиен
Штюлинген
Радольфцелль
Маркдорф
19–21.VII.25
Исни
Кемптен
Шафхаузен
Вальматинген
Марсбург
Тетнанг
Ванген
X 25.VII.25
Зульцберг
Вальдсхут
Бухгорн (Фридрихсхафен)
Боденское озеро
Рейн
Базель
Имменштадт
Зонтхофен
Санкт-Галлен
15 0 15 30 45 км
8
9
10
11
50
49
48

было сдержано сначала уступчивостью совета, позднее —навербованными войсками. В Рейнском Пфальце после нарушения договора курфюрстом снова собралось около 8000 крестьян, которые опять принялись жечь монастыри и замки; однако архиепископ Трирский пришел на помощь маршалу фон Хаберну, и уже 23 июня при Пфеддерсгейме крестьяне были разбиты. Ряд свирепых мер (в одном только Пфеддерсгейме было казнено 82 человека) и занятие Вейсенбурга 7 июля положили конец восстанию и здесь.

Из всех отрядов непобежденными оставались теперь только два: хегау-шварцвальдский и альгауский. С ними обоими вел интриги эрцгерцог Фердинанд. Подобно маркграфу Казимиру и другим князьям, пытавшимся использовать восстание для захвата церковных земель и княжеств, эрцгерцог стремился использовать его для усиления могущества австрийского дома. Он вступил в переговоры с предводителем альгауского отряда Вальтером Бахом и хегауского — Гансом Мюллером из Бульгенбаха с целью побудить крестьян высказаться за присоединение к Австрии; однако, хотя оба вожака и оказались продажными, они смогли добиться от своих отрядов лишь того, что альгауские крестьяне заключили с эрцгерцогом перемирие и стали соблюдать по отношению к Австрии нейтралитет.

Хегауцы во время своего отступления из Вюртемберга разрушили ряд замков и стянули к себе подкрепления из владений маркграфа Баденского. 13 мая они двинулись на Фрейбург, 18-го начали его обстрел и 23-го, после того как город капитулировал, вошли в него с развевающимися знаменами. Отсюда они выступили против Штоккаха и Радольфцелля и в течение долгого времени безуспешно вели мелкую войну с гарнизонами этих городов. Оба города, а также дворянство и другие окрестные города призвали на помощь, на основании Вейнгартенского договора, приозерных крестьян, и бывшие повстанцы из приозерного отряда в количестве 5000 человек двинулись против своих союзников. Настолько сильна была местная ограниченность этих крестьян! Так поступить отказалось лишь 600 человек, которые хотели примкнуть к хегауским крестьянам, но их перебили. Между тем хегауский отряд, побуждаемый подкупленным Гансом Мюллером из Бульгенбаха, уже снял осаду; за этим немедленно последовало бегство Ганса Мюллера, и большая часть отряда разошлась. Оставшиеся укрепились на Хильцингенском склоне, где и были 16 июля разбиты и уничтожены стянутыми тем временем войсками. При посредничестве швейцарских городов с хегаускими крестьянами был заключен договор; это не помешало,

однако, властям арестовать в Лауфенбурге Ганса Мюллера и, несмотря на его предательство, обезглавить его. В Брейсгау от крестьянского союза отпал теперь и Фрейбург (17 июля), пославший против крестьян войска; однако и здесь благодаря слабости княжеских военных сил 18 сентября был заключен договор в Оффенбурге[249], условия которого были распространены и на Зундгау. Восемь шварцвальдских объединений и клетгауские крестьяне, которые еще не были разоружены, подняли новое восстание, вызванное тиранией графа фон Зульца. В октябре повстанцы были разбиты. 13 ноября шварцвальдцы вынуждены были заключить договор[250], а 6 декабря пал Вальдсхут, последний оплот восстания на Верхнем Рейне.

После ухода Трухзесса *альгауцы* возобновили действия против замков и монастырей; энергичными репрессивными мерами они мстили за опустошения, произведенные союзными войсками. Им противостояли немногочисленные войска, которые в состоянии были предпринять только отдельные небольшие набеги, но не могли следовать за повстанцами вглубь лесов. В Меммингене, державшемся в общем нейтрально, в июне вспыхнуло движение против патрициата, которое было подавлено лишь благодаря тому, что поблизости случайно оказалось некоторое количество союзных войск, успевших во-время прийти на помощь патрициату, Проповеднику и вождю плебейского движения Шаппелеру удалось бежать в Санкт-Галлен. Крестьяне подступили к Меммингену и хотели было начать пробивать брешь, как вдруг до них дошло известие о том, что Трухзесс из Вюрцбурга выступил против них. 27 июня они двинулись двумя колоннами ему навстречу через Бабенхаузен и Обергюнцбург. Эрцгерцог Фердинанд еще раз попытался привлечь крестьян на сторону австрийского дома. Основываясь на заключенном им с крестьянами перемирии, он потребовал, чтобы Трухзесс прекратил дальнейшее наступление против них. Однако Швабский союз приказал Трухзессу напасть на крестьян, прекратив лишь грабежи и поджоги. Но Трухзесс был слишком расчетлив, чтобы отказаться от своего первого и важнейшего военного средства, даже если бы он смог обуздать своих ландскнехтов, приученных к непрерывным кровавым эксцессам на всем пути от Боденского озера до Майна. Крестьяне в количестве 23000 человек заняли позицию позади Иллера и Луибаса*. Трухзесс расположился против них с 11000 человек. Позиции и того и другого войска были очень сильны; конница не могла действовать на лежащей впереди

* Современное название: Лёйбас. *Ред.*

местности, и если ландскнехты Трухзесса превосходили крестьян своей организацией, военными припасами и дисциплиной, то альгауцы насчитывали в своих рядах много бывших солдат и опытных начальников и имели многочисленную, хорошо обслуживаемую артиллерию. 19 июля союзное войско открыло канонаду, которую обе стороны продолжали и 20-го, но без всякого результата. 21-го к Трухзессу присоединился Георг фон Фрундсберг с 3000 ландскнехтов. Он знал многих из крестьянских предводителей, служивших под его командой во время итальянских походов, и завязал с ними переговоры. Там, где бессильны были военные средства, пришла на помощь измена. Вальтер Бах и ряд других начальников, а также канониры поддались подкупу. Они подожгли все имевшиеся у крестьян запасы пороха и побудили отряд предпринять обходное движение. Едва успев выйти из своих укрепленных позиций, крестьяне попали в засаду, устроенную Трухзессом по предварительному сговору с Бахом и другими изменниками. Их способность к сопротивлению была ослаблена еще и тем, что начальники, предатели, покинули их под предлогом рекогносцировки и находились уже на пути в Швейцарию. В результате две крестьянские колонны были совершенно рассеяны, третьей, находившейся под начальством Кнопфа из Луибаса, удалось все же отступить в порядке. Она заняла позицию на Колленберге у Кемптена, где и была окружена Трухзессом. Но и здесь он не отважился на открытое нападение; он лишил ее подвоза припасов и старался ее деморализовать, приказав поджечь около двухсот деревень в окрестностях. Голод и вид их пылающих жилищ принудили, наконец, крестьян к сдаче (25 июля). Более двадцати человек было немедленно казнено. Кнопфу из Луибаса, единственному предводителю этого отряда, не изменившему своему знамени, удалось бежать в Брегенц; но здесь он был арестован и после продолжительного заточения повешен.

Этим закончилась Крестьянская война в Швабии и Франконии.

VI

Немедленно после первой вспышки движения в Швабии *Томас Мюнцер* снова поспешил в *Тюрингию* и в конце февраля или в начале марта поселился в вольном имперском .городе *Мюльхаузене,* где его партия была наиболее сильной. Он держал в своих руках нити всего движения; он знал, какая буря назревает повсеместно в Южной Германии, и решил сделать из Тюрингии центр движения для Северной Германии. Он нашел в высшей степени подготовленную почву. Сама Тюрингия, главный очаг реформационного движения, находилась в состоянии крайнего возбуждения; соседние области — Гессен, Саксония и район Гарца — были также подготовлены к всеобщему восстанию: материальная нужда угнетенных крестьян сыграла в этом не меньшую роль, чем имевшие широкое хождение революционные религиозные и политические доктрины. Именно в Мюльхаузене вся масса мелкого бюргерства примкнула к крайнему, мюнцеровскому, направлению и с нетерпением ждала момента, когда можно будет показать высокомерному патрициату силу своего численного превосходства. Чтобы вспышка не произошла до наступления благоприятного момента, самому Мюнцеру пришлось выступить с призывами к спокойствию; но его ученик Пфейфер, здешний руководитель движения, был уже настолько скомпрометирован перед властями, что не мог дольше задерживать взрыва, и Мюльхаузен совершил свою революцию уже 17 марта 1525 г., еще до начала всеобщего восстания в Южной Германии. Старый патрицианский совет был свергнут и управление передано в руки вновь избранного «Вечного совета», председателем которого стал Мюнцер[251].

Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения

мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно. Примеры тому мы видели и в самом недавнем времени; напомним лишь о том положении, в котором очутились в последнем французском временном правительстве представители пролетариата[252], хотя и в их лице была представлена еще весьма низкая ступень развития пролетариата. Тот, кто после опыта февральского правительства, — о наших благородных немецких временных правительствах и имперском регентстве[253] мы уже и не говорим, — еще способен претендовать на официальные посты, тот либо является сверх меры ограниченным человеком, либо связан с крайней революционной партией в лучшем случае одними лишь фразами.

Положение Мюнцера во главе мюльхаузенского Вечного совета было, однако, еще более рискованным, чем положение любого современного революционного правителя. Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха еще не созрели для проведения в жизнь тех идей, относительно которых у него самого возникало лишь смутное предчувствие. Представляемый им класс не только далеко не достиг еще достаточного развития и

не был еще способен подчинить себе все общество и преобразовать его, но едва лишь зарождался. Общественный переворот, рисовавшийся в его воображении, имел еще совсем мало оснований в наличных материальных условиях, и, наоборот, эти последние подготовляли общественный порядок, прямо противоположный тому, о котором он мечтал. При этом, однако, он оставался связанным своими прежними проповедями о христианском равенстве и евангельской общности имущества; он должен был, по крайней мере, сделать попытку осуществить их. Были провозглашены общность всех имуществ, одинаковая для всех обязанность трудиться и упразднение всех существующих властей. В действительности же Мюльхаузен остался республиканским имперским городом с несколько демократизированным политическим устройством, с сенатом, избираемым всеобщим голосованием и находящимся под контролем народного собрания, и с наспех импровизированной организацией натурального обеспечения бедных. Общественный переворот, казавшийся столь ужасным его протестантским буржуазным современникам, в действительности никогда не выходил за рамки слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества.

Мюнцер сам, повидимому, чувствовал глубокую пропасть, отделявшую его теории от непосредственно окружающей его действительности, пропасть, которая тем меньше могла остаться им незамеченной, чем больше искажались его гениальные воззрения в неразвитых головах массы его приверженцев. С необычайным даже для него рвением отдался он делу распространения и организации движения; он писал письма и рассылал гонцов и эмиссаров во все стороны. Его послания и проповеди дышат революционным фанатизмом, поразительным по сравнению даже с его прежними сочинениями. Совершенно исчез наивный юношеский юмор предреволюционных памфлетов Мюнцера, не осталось больше следов спокойной, размеренной речи мысли-толя, которая не была чужда ему раньше; Мюнцер теперь весь превратился в пророка революции; он неустанно разжигает ненависть к господствующим классам, пробуждает самые бурные страсти, употребляет лишь те могучие обороты речи, которые религиозный и национальный экстаз вкладывал в уста ветхозаветных пророков. Стиль, который он должен был теперь для себя выработать, ясно показывает уровень развития той аудитории, на которую он призван был воздействовать.

Пример Мюльхаузена и агитация Мюнцера быстро оказали свое действие далеко за пределами города. В *Тюрингии,* в *Эйхсфельде*, на *Гарце,* в *саксонских герцогствах,* в *Гессене* и

Фульде, в *Верхней Франконии* и в *Фогтланде* крестьяне повсеместно поднимали восстания, собирались в отряды и жгли замки и монастыри. Мюнцер был более или менее признанным вождем всего движения, а Мюльхаузен оставался его центром, между тем как в Эрфурте одержало верх чисто бюргерское движение и господствовавшая там партия все время занимала двусмысленную позицию по отношению к крестьянам.

Князья в Тюрингии сначала оказались в таком же состоянии растерянности и бессилия перед крестьянами, как во Франконии и Швабии. Лишь в последних числах апреля ландграфу Гессенскому удалось собрать войска — тому самому ландграфу Филиппу, чье благочестие так восхваляют протестантские и буржуазные историки Реформации и о чьих гнусностях по отношению к крестьянам нам сейчас предстоит сказать пару слов. В результате нескольких форсированных походов и применения решительных мер ландграф Филипп вскоре усмирил большую часть своих владений и затем, стянув новые контингента, двинулся в земли аббата Фульдского, который до этого времени был его сюзереном. Разбив 3 мая фульдский крестьянский отряд при Фрауэнберге, он привел в покорность всю область и воспользовался этим случаем для того, чтобы не только сбросить с себя вассальную зависимость от аббата, но и превратить аббатство Фульдское в гессенский лен, имея в виду, конечно, его последующую секуляризацию. Затем он занял Эйзенах и Лангензальцу и, соединившись с герцогскими саксонскими войсками, двинулся на центр восстания, Мюльхаузен. Мюнцер собрал свои боевые силы — около 8000 человек с несколькими пушками — у Франкенхаузена. Тюрингенский отряд далеко не обладал теми боевыми качествами, которые проявила часть верхнешвабских и франконских отрядов в борьбе с Трухзессом; он был плохо вооружен и плохо дисциплинирован, насчитывал очень мало бывших солдат и совершенно не имел командиров. Сам Мюнцер, повидимому, не обладал ни малейшими познаниями в военном деле. Тем не менее князья сочли целесообразным прибегнуть и здесь к той тактике, которая так часто обеспечивала победу Трухзессу, — к вероломству. Завязав 16 мая переговоры, они заключили с крестьянами перемирие, но затем неожиданно напали на них еще до окончания срока последнего.

Мюнцер расположился со своим отрядом на горе, которая еще и теперь носит название Шляхтберг[*], окружив себя вагенбургом[254]. В отряде уже заметно давал себя чувствовать упадок духа. Князья обещали амнистию, если отряд выдаст

[*] — Гора битвы. *Ред.*

Мюнцера живым. Мюнцер, созвав круг, приказал обсудить предложение князей. Один рыцарь и один священник высказались за капитуляцию. Мюнцер немедленно приказал их ввести внутрь круга и обезглавить. Этот энергичный террористический акт, с восторгом встреченный решительными революционерами, снова придал некоторую стойкость отряду; но, в конце концов, большая часть его, несомненно, разошлась бы без всякого сопротивления, если бы не обнаружилось, что княжеские ландскнехты, окружив всю гору, стали приближаться сомкнутыми колоннами, несмотря на перемирие. Отряд быстро построился в боевом порядке за повозками, но уже ядра и ружейные пули стали бить в наполовину безоружных, не привыкших к военным действиям крестьян, и ландскнехты оказались у самого вагенбурга. После непродолжительного сопротивления линия повозок была прорвана, пушки крестьян захвачены, а сами они рассеяны. Они бежали в диком беспорядке, тем вернее попадая в руки пущенных в обход колонн и конницы, которые устроили им неслыханную кровавую баню. Из восьми тысяч крестьян было убито свыше пяти тысяч; остальные бежали во Франкенхаузен и одновременно с ними туда ворвалась княжеская конница. Город был взят. Мюнцер, раненный в голову, был обнаружен в одном доме и захвачен в плен. 25 мая сдался также и Мюльхаузен; остававшийся там Пфейфер бежал, но был схвачен на территории Эйзенаха.

Мюнцер был в присутствии князей подвергнут пыткам и затем обезглавлен. На казнь он шел с тем же мужеством, с каким жил. К моменту казни ему было, самое большее, двадцать восемь лет. Обезглавлен был также и Пфейфер, а кроме того множество других. В Фульде начал свою кровавую расправу «христолюбивый» Филипп Гессенский. По приказу его и саксонских князей помимо других казненных в Эйзенахе было казнено мечом — 24, в Лангензальце — 41, после Франкенхаузенской битвы — 300, в Мюльхаузене — свыше 100, у Гёрмара — 26, у Тюнгеды — 50, у Зангерхаузена — 12, в Лейпциге — 8 мятежников, не говоря уже о всякого рода членовредительстве и других менее суровых наказаниях и о разграблении и сожжении ряда деревень и городов.

Мюльхаузен потерял вольности имперского города и был присоединен к саксонским землям, так же как аббатство Фульдское к ландграфству Гессенскому.

Князья направились теперь в район Тюрингенского леса, где франконские крестьяне из бильдхаузенского лагеря, объединившись с тюрингенскими крестьянами, сожгли много замков. У Мейнингена произошла битва; крестьяне были разбиты и от-

ступили к городу, но последний внезапно закрыл перед ними ворота и пригрозил им нападением с тыла. Приведенный в смятение этой изменой своих союзников, отряд вступил в переговоры с князьями о сдаче, но разбежался еще до конца этих переговоров. Бильдхаузенский лагерь уже давно распался; таким образом, с уничтожением этого отряда были подавлены последние остатки восстания в Саксонии, Гессене, Тюрингии и Верхней Франконии.

В *Эльзасе* восстание вспыхнуло позднее, чем на правом берегу Рейна. Лишь около середины апреля поднялись крестьяне в епископстве Страсбургском, а вскоре вслед за ними — крестьяне Верхнего Эльзаса и Зундгау. 18 апреля один нижнеэльзасский крестьянский отряд разграбил монастырь Альтдорф; у Эберсгейма и Барра, а также в Виллерской долине и долине реки Урбис образовались другие отряды. Вскоре они соединились в большой нижнеэльзасский отряд и стали занимать города и местечки и разрушать монастыри. Повсюду в войско был призван каждый третий мужчина. Двенадцать статей этого отряда были значительно более радикальными, чем статьи швабско-франконских крестьян[255].

В то время как одна из нижнеэльзасских колонн сосредоточилась в начале мая у Санкт-Ипполита и, после неудачной попытки привлечь на свою сторону этот город, подчинила своей власти благодаря соглашению с горожанами 10 мая Беркен, 13-го Раппольтсвейлер и 14-го Рейхенвер, вторая колонна двинулась под начальством Эразма Гербера на Страсбург с целью овладеть им внезапным ударом. Попытка эта не удалась; тогда колонна двинулась к Вогезам, разрушила монастырь Маурмюнстер и осадила Цаберн, сдавшийся 13 мая. Отсюда она направилась к лотарингской границе и подняла восстание в пограничных областях герцогства, заняв вместе с тем и горные проходы. При Хербицгейме на Сааре и у Нёйбурга были образованы большие лагери; у Сааргемюнда укрепилось около 4000 немецко-лотарингских крестьян. Наконец, два выдвинутых вперед отряда, кольбенский в Вогезах у Штюрцельбронна и клеебургский у Вейсенбурга, прикрывали фронт и правый фланг, в то время как опорой левого фланга служили верхнеэльзасцы.

Последние, придя в движение с 20 апреля, заставили войти в крестьянское братство 10 мая Зульц, 12-го Гебвейлер, 15-го Зенгейм и его окрестности. Правда, австрийское правительство и окрестные имперские города немедленно заключили союз против крестьян, но они были чересчур слабы и не могли оказать им серьезного сопротивления, не говоря уже о том, чтобы

напасть на них. В результате к середине мая весь Эльзас, за исключением немногих городов, оказался в руках повстанцев.

Но уже приближалось войско, которому предстояло сокрушить дерзкую отвагу эльзасских крестьян. Восстановление дворянского господства явилось здесь делом *французов.* Уже 6 мая выступил в поход герцог Антон Лотарингский с армией в 30000 человек, имевшей в своих рядах цвет французского дворянства и испанские, пьемонтские, ломбардские, греческие и албанские вспомогательные войска. Натолкнувшись 16 мая у Лупштейна на 4000 крестьян, он разбил их без всякого труда и уже 17-го числа заставил капитулировать занятый крестьянами Цаберн. Но договор о сдаче был нарушен еще во время вступления лотарингцев в город и разоружения крестьян; ландскнехты напали на беззащитных крестьян и большую часть из них перебили. Остальные нижнеэльзасские колонны рассеялись, и герцог Антон двинулся теперь на верхнеэльзасцев. Последние, отказавшись ранее прийти в Цаберн на помощь нижнеэльзасцам, подверглись теперь при Шервейлере нападению всех лотарингских сил. Они оборонялись с большой храбростью, но огромный численный перевес противника — 30000 против 7000 — и измена нескольких рыцарей, в особенности рейхенвейерского фогта, сделали бесполезной всякую храбрость. Они были разбиты наголову и рассеяны. Затем герцог с обычной жестокостью усмирил весь Эльзас. От его нашествия не пострадал только Зундгау. Австрийское правительство принудило здесь своих крестьян, под угрозой призвать в страну герцога, к заключению в начале июня Энзисгеймского договора. Однако оно само же немедленно нарушило этот договор, предав массовым казням на виселице проповедников и вожаков движения. Это вызвало новое крестьянское восстание, закончившееся тем, что на зундгауских крестьян было распространено действие Оффенбургского договора (от 18 сентября).

Нам остается теперь изложить еще ход Крестьянской войны в *альпийских землях Австрии.* Жители этих земель, точно так же как и примыкающего к ним *архиепископства Зальцбургского,* находились еще со времени движения за stara prawa* в непрерывной оппозиции к правительству и дворянству; реформационные учения также и здесь нашли себе благоприятную почву. Религиозные преследования и произвольное увеличение налогового бремени привели к тому, что восстание разразилось и в этой местности.

* См. настоящий том, стр. 390. *Ред.*

Город *Зальцбург,* поддерживаемый крестьянами и рудокопами, уже с 1522 г. враждовал с архиепископом из-за своих городских привилегий и споров по вопросам богослужения. В конце 1524 г. архиепископ с навербованными ландскнехтами напал на город, терроризировал горожан, наведя на них пушки со стен замка, и стал преследовать еретических проповедников. В то же время он ввел новые, весьма обременительные налоги, доведя этим все население до крайнего раздражения. Весной 1525 г. одновременно с восстанием в Швабии, Франконии и Тюрингии во всей стране внезапно вспыхнуло восстание крестьян и рудокопов, которые организовались в отряды под начальством *Праслера* и *Вейтмозера,* освободили город и осадили замок Зальцбург. Подобно западнонемецким крестьянам, они образовали христианский союз и изложили свои требования в виде статей, которых здесь было четырнадцать[256].

В *Штирии, Верхней Австрии, Каринтии* и *Крайне,* где новые незаконные налоги, пошлины и произвольные распоряжения наносили тяжелый ущерб самым кровным интересам народа, крестьяне также восстали весной 1525 года. Они захватили ряд замков и разбили при Гойсе престарелого главнокомандующего Дитрихштейна, усмирителя движения за stara prawa. Хотя правительству при помощи лживых посулов и удалось успокоить часть восставших, основная масса их все же не разошлась и соединилась с зальцбургскими повстанцами, так что все архиепископство Зальцбургское и большая часть Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны оказались в руках крестьян и рудокопов.

В Тироле реформационные учения также нашли себе большое число сторонников: здесь эмиссары Мюнцера развили даже еще более успешную деятельность, чем в остальных альпийских землях Австрии. Эрцгерцог Фердинанд и в этом крае преследовал проповедников новой веры и точно так же посягал на местные права населения посредством новых произвольных финансовых мероприятий. Следствием этого было, как и всюду, восстание, начавшееся весной того же 1525 года. Повстанцы, главным предводителем которых был один из последователей Мюнцера, Гейсмайер, единственный предводитель среди всех крестьянских вождей, обладавший незаурядным военным дарованием, захватили множество замков и весьма энергично расправились с попами, особенно на юге, в области Эча*. Восстали также и форарльбергские крестьяне, присоединившиеся к крестьянам Альгау.

* Итальянское название: Адидже. *Ред.*

Теснимому со всех сторон эрцгерцогу, который еще совсем недавно намеревался предать повстанцев огню и мечу и подвергнуть их разграблению и убийствам, пришлось теперь идти на уступку за уступкой. Он объявил о созыве ландтагов в своих наследственных землях, а на время до их открытия заключил с крестьянами перемирие. Тем временем он стал усиленно готовиться к военным действиям, чтобы при первой возможности заговорить со «злоумышленниками» иным языком.

Перемирие соблюдалось, разумеется, недолго. Дитрихштейн, у которого вышли все деньги, начал накладывать в герцогствах контрибуции. Его славянские и мадьярские войска позволяли себе, кроме того, самые бесстыдные жестокости по отношению к населению. Крестьяне Штирии поэтому снопа подняли восстание, напали в ночь со 2 на 3 июля на главнокомандующего Дитрихштейна в Шладминге и перебили всех, кто не говорил по-немецки. Сам Дитрихштейн был взят в плен; утром 3-го числа крестьяне устроили суд присяжных, который приговорил сорок чешских и хорватских дворян из числа взятых в плен к смерти. Они были тут же обезглавлены. Это подействовало: эрцгерцог немедленно согласился удовлетворить все требования сословий пяти герцогств (Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны).

В Тироле также были удовлетворены требования ландтага, и этим было восстановлено спокойствие в северной части страны. Однако юг не сложил оружия, настаивая на своих первоначальных требованиях в противовес решениям ландтага, в которых эти требования были смягчены. Лишь в декабре эрцгерцог смог восстановить здесь порядок силой. Он не преминул, конечно, казнить большое количество попавших в его руки зачинщиков и вожаков восстания.

Против Зальцбурга в начале августа двинулось 10000 баварцев под предводительством Георга фон Фрундсберга. Эта внушительная военная сила, а также раздоры, возникшие среди крестьян, побудили зальцбургских повстанцев заключить договор с архиепископом; заключение договора состоялось 1 сентября, и он был принят также и эрцгерцогом. Однако оба князя, успевшие тем временем в достаточной степени усилить свои войска, очень скоро нарушили этот договор, толкнув тем самым зальцбургских крестьян на новое восстание. Восставшие продержались всю зиму; весной к ним прибыл Гейсмайер, который начал блестящую кампанию против надвигающихся со всех сторон войск. В ряде великолепных сражений — в мае и июне 1526 г. — он поочередно разбил

баварцев, австрийцев, войска Швабского союза, ландскнехтов архиепископа Зальцбургского и в течение долгого времени препятствовал соединению отдельных вражеских армий. Помимо того он нашел еще время осадить Радштадт. Окруженный, наконец, со всех сторон превосходящими его по численности силами, он вынужден был отступить; ему удалось пробиться из окружения, и он провел остатки своего отряда через австрийские Альпы в Венецианскую область. Венецианская республика и Швейцария послужили этому неутомимому крестьянскому вождю опорными пунктами для новых предприятий; в течение целого года он пытался втянуть их в войну с Австрией, в войну, которая должна была дать ему возможность поднять новое крестьянское восстание. Но во время этих переговоров его настигла рука убийцы; эрцгерцог Фердинанд и архиепископ Зальцбургский не могли быть спокойными, пока был жив Гейсмайер; они наняли бандита, которому в 1527 г. удалось прервать жизнь опасного мятежника.

VII

С отступлением Гейсмайера в Венецианскую область закончился последний, заключительный акт Крестьянской войны. Крестьяне повсюду были снова подчинены власти своих господ — духовенства, дворянства и патрициата; договоры, кое-где заключенные с ними, были нарушены, существовавшие ранее тяготы были увеличены огромными контрибуциями, наложенными победителями на побежденных. Самая величественная революционная попытка немецкого народа закончилась позорным поражением, на первое время вдвое усилившим гнет. Однако же длительное ухудшение положения крестьянства объясняется не подавлением крестьянского восстания. То, что могли выколачивать из крестьян из года в год дворяне, князья и попы, выколачивалось несомненно еще и до войны; немецкий крестьянин того времени имел с современным пролетарием то общее, что его доля в продуктах своего труда ограничивалась минимумом средств существования, необходимым для поддержания жизни и продолжения его рода. Таким образом, в целом, больше здесь уже нечего было взять. Правда, немалое количество более зажиточных средних крестьян разорилось, многие зависимые крестьяне были насильственно обращены в крепостных, были конфискованы обширные пространства общинных земель, значительное число крестьян вследствие разрушения их жилищ, опустошения их полей и общего беспорядка было обречено на бродяжничество или превратилось в городских плебеев. Но война и опустошения принадлежали к повседневным явлениям той эпохи, и в общем класс крестьян находился на слишком низком жизненном уровне, чтобы повышение податей могло на длительный срок ухудшить его положение. Последовавшие затем религиозные войны и, наконец, Тридцатилетняя война с ее многократными массовыми опустошениями и истреблением населения имели для крестьян гораздо более тяжелые

последствия, чем Крестьянская война; в особенности Тридцатилетняя война уничтожила большую часть вложенных в земледелие производительных сил и этим, а также одновременным разрушением многих городов, на долгое время низвела крестьян, плебеев и разорившихся бюргеров до состояния, близкого к ирландской нищете в худшей ее форме.

Больше всего пострадало от последствий Крестьянской войны *духовенство.* Принадлежавшие ему монастыри и церковные помещения были сожжены, его драгоценности были разграблены, проданы за границу или пущены в переплавку, его запасы были съедены. Оно повсюду оказалось наименее способным к сопротивлению, и в то же время на него сильнее всего обрушилась вся тяжесть народной ненависти. Другие сословия — князья, дворяне, горожане — втайне даже радовались злоключениям ненавистных прелатов. Крестьянская война сделала популярной идею секуляризации церковных имений в пользу крестьян; светские князья и отчасти города постарались провести эту секуляризацию в *своих* интересах, и в протестантских землях владения прелатов очень скоро оказались в руках князей или городского патрициата. При этом был нанесен также ущерб и господству духовных князей: светские князья и в этом отношении сумели использовать народную ненависть. Так, мы видели, что аббат Фульдский, бывший сюзерен Филиппа Гессенского, был низведен до положения его вассала. Так, город Кемптен принудил своего князя-аббата продать за бесценок ряд важных привилегий, принадлежавших ему в городе.

Значительные потери понесло также *дворянство.* Большинство его замков было разрушено, часть влиятельнейших родов разорилась и лишь на службе у князей могла добывать себе пропитание. Бессилие дворянства перед крестьянами было доказано: повсюду оно было бито и вынуждено капитулировать; его спасли лишь войска князей. Оно все более и более теряло свое значение как сословие, непосредственно подчиненное империи, и попадало в подчинение князьям.

Города в целом также не получили от Крестьянской войны никаких выгод. Господство патрициата почти всюду снова укрепилось, а бюргерская оппозиция на долгое время была сломлена. Таким образом, старая патрицианская рутина тянулась вплоть до Французской революции, сковывая во всех отношениях торговлю и промышленность. Кроме того, князья заставили города отвечать за временные успехи, которых в ходе борьбы добились в городах бюргерская или плебейская партии. На города, уже ранее принадлежавшие к княжеским владениям, были наложены тяжелые контрибуции, они лишились

своих особых прав и сделались беззащитными рабами произвола и корыстолюбия князей (Франкенхаузен, Арнштадт, Шмалькальден, Вюрцбург и т. д.); имперские города были присоединены к княжеской территории (например, Мюльхаузен) или, по крайней мере, были поставлены под опеку соседних князей, как, например, многие франконские имперские города.

При этих условиях исход Крестьянской войны оказался выгодным одним только *князьям.* Уже в начале нашего изложения мы видели, что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии сделало невозможным всякое сплочение немцев в *нацию,* допуская лишь местную и провинциальную централизацию, и что поэтому носители этой централизации внутри раздробленности — князья — составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение существующих общественных и политических отношений. Уровень развития тогдашней Германии был настолько низок и в то же время настолько различен в разных провинциях, что рядом со светскими княжествами могли существовать и независимые церковные владения, городские республики и суверенные графы и бароны; но в то же время это развитие шло, хотя и очень медленно и вяло, в сторону *провинциальной* централизации, т. е. подчинения всех остальных имперских сословий власти князей. Поэтому в итоге Крестьянской войны в выигрыше могли остаться только князья. Так в действительности оно и случилось. Они выиграли не только относительно, в результате ослабления своих конкурентов — духовенства, дворянства и городов, — но и абсолютно, так как им досталась spolia opima (главная добыча) за счет всех остальных сословий. Церковные имения были секуляризированы в их пользу; часть дворянства, наполовину или совершенно разорившаяся, должна была постепенно подчиниться их верховной власти; контрибуции, наложенные на города и крестьянские общины, текли в их казну, которая, кроме того, получила в результате упразднения большого числа городских привилегий значительно более широкий простор для своих излюбленных финансовых махинаций.

Раздробленность Германии, усиление и закрепление которой было главным результатом Крестьянской войны, явилась в то же время и причиной ее неудачи.

Мы видели, насколько раздроблена была Германия, расчлененная не только на бесчисленные, независимые, почти совершенно чуждые друг другу провинции, но и на различные сословия и сословные группы, на которые делился народ в каж-

дой из этих провинций. Кроме князей и попов мы находим в деревне дворян и крестьян, в городах патрициев, бюргеров и плебеев; это все были сословия с совершенно чуждыми друг другу интересами, если даже их интересы взаимно не сталкивались и не были прямо противоположны. И сверх того над всем этим сложным переплетением интересов тяготели еще интересы императора и папы. Мы видели, с какими усилиями, как несовершенно и как, в зависимости от местных условий, неодинаково эти различные интересы в конце концов оформились в виде трех больших групп; как, несмотря на эту группировку, достигнутую с таким трудом, каждое сословие оказывалось в оппозиции к определяемому обстановкой направлению национального развития, проделывало свое движение на свой страх и риск, приходило вследствие этого в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными оппозиционными сословиями и в конце концов должно было потерпеть поражение. Так было и с дворянством в восстании Зиккингена, и с крестьянами в Крестьянской войне, и с бюргерами во всей их смиренной реформации. Ведь даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий и становились друг другу поперек дороги. Мы видели также, какими причинами было вызвано это распыление классовой борьбы и обусловленные им полное поражение революционного движения и половинчатый исход бюргерского.

Предшествующее изложение достаточно ясно показало каждому, как местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели; как ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление; как крестьяне, например,. действовали в каждой провинции на собственный страх и риск, постоянно отказывая в помощи соседним восставшим крестьянам, и потому поочередно истреблялись в отдельных сражениях войсками, численность которых не достигала даже десятой части всей массы восставших. Различные перемирия и договоры, заключенные отдельными-отрядами с их противниками, составляют столько же актов измены общему делу; а то обстоятельство, что объединение отдельных отрядов оказывалось возможным не в силу большего или меньшего единства их собственных действий, а исключительно тогда, когда они сталкивались с общим врагом, от которого в данный момент терпели поражение, ярко показывает степень взаимной отчужденности крестьян различных провинции.

Здесь опять-таки сама собой напрашивается аналогия с движением 1848—1850 годов. В 1848 г. интересы оппозиционных классов также пришли в столкновение друг с другом, и каждый из них действовал за себя. Буржуазия, слишком развитая, чтобы дальше терпеть феодально-бюрократический абсолютизм, не обладала еще достаточной силой, чтобы немедленно подчинить притязания других классов своим собственным. Пролетариат, еще слишком слабый, чтобы надеяться на быстрое преодоление буржуазного периода и на скорое завоевание власти им самим, успел уже при абсолютизме в достаточной мере вкусить сладость господства буржуазии и вообще достиг уже слишком высокой ступени развития, чтобы хотя на одну минуту увидеть в освобождении буржуазии свое собственное освобождение. Масса нации — мелкая буржуазия, владельцы мелких мастерских (ремесленники) и крестьяне — была покинута на произвол судьбы своей пока еще естественной союзницей, буржуазией, как уже слишком революционная, а кое-где и оставлена пролетариатом, как еще недостаточно передовая; будучи сама, в свою очередь, раздробленной, она тоже ничего не добилась и держалась оппозиционно по отношению к своим союзникам по оппозиции как справа, так и слева. Наконец, все классы, принимавшие участие в движении 1848 г., страдали не меньшей провинциальной ограниченностью, чем крестьяне в 1525 году. Сотни местных революций и последовавшее за ними такое же количество столь же беспрепятственно осуществляемых местных реакций, сохранение в неприкосновенности деления на мелкие государства и т. д. и т. д. достаточно убедительно свидетельствуют об этом. *Кто после обеих немецких революций — революции 1525 г. и революции 1848 г. — и их результатов может еще болтать о федеративной республике, тому место лишь в сумасшедшем доме.*

Но, несмотря на все аналогии, обе революции — революция XVI века и революция 1848—1850 гг. — все же весьма существенно отличаются друг от друга. Революция 1848 г. доказывает если не прогресс Германии, то, по крайней мере, прогресс Европы.

Кто извлек выгоду из революции 1525 года? — *Князья.* Кто извлек выгоду из революции 1848 года? — *Крупные* государи, Австрия и Пруссия. За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство, привязывавшее их к себе налогами, а за крупными государями 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат.

Революция 1525 г. была местным делом Германии. Англичане, французы, чехи, венгры уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы стали совершать свою. Если Германия была раздроблена, то Европа была раздроблена в гораздо большей степени. Революция 1848 г. не была местным немецким делом, а представляла из себя отдельный эпизод великих европейских событий. Ее побудительные причины, действовавшие в течение всего ее хода, не ограничены узкими пределами какой-нибудь одной страны или даже одной части света. Мало того, страны, бывшие ареной этой революции, менее всего повинны в ее возникновении. Они представляют собой в большей или меньшей степени бессознательный и безвольный сырой материал, подлежащий переработке в ходе движения, в котором теперь участвует весь мир, движения, которое при существующих общественных отношениях может, разумеется, представляться нам лишь как какая-то чуждая сила, хотя в конечном счете оно является не чем иным, как нашим собственным движением. Революция 1848—1850 гг. не может поэтому окончиться так, как окончилась революция 1525 года.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ ИЗ ЛОНДОНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ[256]

Председательствующему на очередном собрании Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит во вторник.

Нижеподписавшиеся заявляют о своем выходе из Общества.

Лондон, 17 сентября 1850 г.

Г. Бауэр, К. Пфендер,
И. Г. Эккариус, С. Зейлер,
К. Маркс, К. Шрамм, Ф. Энгельс,
Ф. Вольф, В. Либкнехт,
Хейн, Хаупт, Г. Клозе

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО АДАНУ, БАРТЕЛЕМИ И ВИДИЛЮ [257]

Гг. АДАНУ, БАРТЕЛЕМИ И ВИДИЛЮ

Милостивые государи,

Честь имеем довести до вашего сведения, что мы давно уже рассматриваем ассоциацию, о которой вы говорите, как фактически распавшуюся. Осталось сделать только одно — уничтожить основной договор*. Может быть, г-н Адан или г-н Видиль будут так любезны зайти в ближайшее воскресенье, 13 октября, в полдень к г-ну Энгельсу на Маклсфилд-стрит, Сохо, д. № 6, чтобы присутствовать при сожжении указанного документа.

Остаемся, милостивые государи,
вашими покорнейшими слугами

Энгельс, Маркс, Гарни

Лондон, 9 октября 1850 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 551—552. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ И. Г. ЭККАРИУСА «ПОРТНЯЖНОЕ ДЕЛО В ЛОНДОНЕ, ИЛИ БОРЬБА КРУПНОГО И МЕЛКОГО КАПИТАЛА» [258]

Автор этой статьи сам *рабочий* одной из лондонских портняжных мастерских. Мы спрашиваем немецких буржуа, сколько у них насчитывается писателей, которые были бы в состоянии подобным образом уловить сущность действительного движения?

Еще до того как пролетариат завоюет свою победу на баррикадах и на полях сражений, он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед.

Читатель увидит, что на место сентиментальной, морализирующей и психологической критики, которую Вейтлинг и другие литераторствующие рабочие пытаются направить против существующих порядков, здесь буржуазному обществу и его движению противостоит чисто материалистическое и более свободное понимание, которое не дает сбить себя с толку никакими капризами настроения. В то время как в Германии — главным образом, и в значительной степени также и во Франции, ремесленники пытаются противодействовать упадку своего полусредневекового ремесла и хотели бы объединиться *как ремесленники,* здесь поражение ремесла в борьбе с крупной промышленностью рассматривается и приветствуется как прогресс, и в то же время в результатах и порождениях крупной промышленности познаются и раскрываются реальные условия пролетарской революции, вызванные к жизни самой историей и ежедневно вновь создаваемые ею.

Написано в октябре 1850 г.

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ЛОЗУНГЕ ОТМЕНЫ ГОСУДАРСТВА И НЕМЕЦКИХ «ДРУЗЬЯХ АНАРХИИ» [259]

«Отмена государства имеет у коммунистов только тот смысл, что она является необходимым результатом отмены классов, вместе с которыми отпадает сама собой потребность в организованной силе одного класса для удержания в подчинении других классов. В *буржуазных* странах отмена государства означает низведение государственной власти до уровня ее в Северной Америке. Здесь классовые противоречия не получили еще полного развития; классовые столкновения затушевываются всякий раз благодаря отливу избыточного пролетарского населения на Запад; вмешательство государственной власти, сведенное к минимуму на Востоке, на Западе вовсе отсутствует. В *феодальных* странах отмена государства означает отмену феодализма и установление обыкновенного буржуазного государства. В *Германии* за лозунгом отмены государства скрывается либо трусливое бегство от непосредственно происходящей борьбы, либо шарлатанское раздувание *буржуазной* свободы вплоть до абсолютной независимости и самостоятельности *отдельного индивидуума,* либо, наконец, равнодушие буржуа ко всякой форме государства, лишь бы она не задерживала развитие буржуазных интересов. И если эта отмена государства «в высшем смысле» проповедуется в столь нелепой форме, в этом, конечно, берлинские Штирнеры и Фаухеры неповинны. La plus belle fille de France ne peut donner que ce qu'elle a[*]» («Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, стр. 58[**]).

[*] — Самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 303—304. *Ред.*

Между тем отмена государства, *анархия,* сделалась в Германии модным словечком. Отдельные немецкие ученики Прудона[260], берлинская «высшая» демократия и даже позабытые «благороднейшие умы нации» из Штутгартского парламента и имперского регентства[261] — все они, каждый на свой манер, усвоили эту по виду ультрарадикальную фразу.

Все эти фракции единодушны в стремлении сохранить существующее *буржуазное общество.* Но, отстаивая буржуазное общество, они тем самым неизбежно отстаивают господство буржуазии, а в Германии — даже завоевание* господства буржуазией; от действительных представителей буржуазии они отличаются только необычной формой, придающей им видимость «впереди идущих», «самых что ни на есть передовых» людей. При всех коллизиях в практической жизни эта видимость исчезала; перед лицом *действительной* анархии революционных кризисов**, когда массы [и государственная власть] пускали в ход друг против друга «грубую силу», эти представители анархии каждый раз делали все возможное, чтобы пресечь анархию. Содержание этой пресловутой «анархии» сводилось в конце концов к тому, что в более развитых странах выражают словом «порядок». «Друзья анархии» в Германии находятся в полном entente cordiale*** с «друзьями порядка» во Франции.

В той мере, в какой друзья анархии не зависят от французов Прудона и Жирардена, в какой их образ мыслей германского происхождения, у них у всех один общий источник: *Штирнер.* Вообще, период разложения немецкой философии дал демократической партии Германии большую часть ее общих фраз. Представления и фразы последних немецких книжников, особенно Фейербаха и Штирнера, еще до февраля проникли в довольно разбавленном виде в заурядное беллетристическое сознание и в газетную литературу, которые, в свою очередь, послужили главным источником для послемартовских демократических лидеров. Проповедь Штирнера о безгосударственности оказалась особенно пригодной для того, чтобы придать анархии, по Прудону, и отмене государства, по Жирар-

---

* Далее в рукописи перечеркнуто слово «политического». *Ред.*

** В рукописи перечеркнуты слова «когда государственная власть исчезала перед властью масс» («wo die Staatsmacht vor der Macht der Massen verschwand»). Наличие в дальнейшем незачеркнутом тексте слова «gegeneinander» — «друг против друга» — показывает, что после вновь вписанных слов «wo die Massen» — «когда массы», — повидимому, опущены слова «und die Staatsmacht» — «и государственная власть», вставленные в русском тексте в прямых скобках. *Ред.*

*** — сердечном согласии. *Ред.*

дену, свойственный немецкой философии «высший смысл». Книга Штирнера «Единственный и его собственность»[262], правда, позабыта, но его образ мыслей, в особенности его критика государства, всплывает снова у друзей анархии. Если мы уже прежде исследовали литературные источники этих господ, в той мере, в какой они французского происхождения[263], то для разбора их немецких источников мы должны еще раз погрузиться в глубины допотопной немецкой философии. Если уж приходится заниматься немецкой обыденной полемикой, то всегда приятнее иметь дело с родоначальниками того пли иного воззрения, чем с перекупщиками залежалых товаров.

Еще раз, музы, оседлайте мне Пегаса
Для полета в старый романтический край![264]

Прежде чем обратиться к самой книге Штирнера, упомянутой выше, мы должны перенестись в «старый романтический край» и в то забытое время, когда эта книга вышла в свет. В то время как прусская буржуазия, ухватившись за финансовые затруднения правительства, начинала завоевывать себе политическую власть, в это же самое время рядом с буржуазно-конституционным движением с каждым днем ширилось среди пролетариата коммунистическое движение. Буржуазные элементы общества, которым для достижения их собственных целей еще была необходима поддержка пролетариата, повсюду вынуждены были выдавать себя за сторонников какой-нибудь разновидности социализма; консервативная и феодальная партия также была вынуждена давать обещания пролетариату. Наряду с борьбой буржуа и крестьян против феодального дворянства и бюрократии — борьба пролетариев против буржуа; а между ними — ряд промежуточных социалистических групп, охватывавших все разновидности социализма: реакционный, мелкобуржуазный, буржуазный социализм; и вся эта борьба, все эти стремления подавлялись, не могли получить свое выражение из-за гнета государственной власти, цензуры, запрещения союзов и собраний. Таково было положение партий в то время, когда немецкая философия справляла свои последние убогие триумфы.

Цензура с самого начала вынуждала все сколько-нибудь нежелательные элементы избирать возможно более абстрактный способ выражения; такой способ выражения предоставила немецкая философская традиция, как раз дошедшая тогда до полного разложения гегелевской школы. Борьба против

религии еще продолжалась. Чем труднее становилось вести политическую борьбу против существующей власти в печати, тем усерднее велась она в форме религиозной и философской борьбы. Немецкая философия, в ее самом разбавленном виде, стала общим достоянием «образованных», и чем больше она становилась общим достоянием, тем разбавленной, бессвязней и пошлее становились взгляды философов, и тем больший престиж создавала им эта сумбурность и пошлость в глазах «образованной» публики.

Путаница в головах «образованных» была ужасающая и она все время увеличивалась. Это была настоящая помесь идей немецкого, французского, английского, античного, средневекового и новейшего происхождения. Путаница была тем более велика, что все идеи брались лишь из вторых, третьих и четвертых рук и поэтому циркулировали в искаженном до неузнаваемости виде. Не только мысли французских и английских либералов и социалистов, но и идеи немцев, например Гегеля, разделяли эту судьбу. Вся литература того времени, в особенности, как мы увидим, книга Штирнера, дает тому бесчисленные доказательства, и современная немецкая литература до сих пор еще сильно страдает от последствий всего этого.

Философские мнимые сражения сходили при этой неразберихе за отражение действительных битв. Каждый «новый поворот» в философии привлекал к себе общее внимание «образованных», которые в Германии состоят из бесчисленного множества праздных голов, кандидатов на судебные и преподавательские должности, неудавшихся богословов, находящихся не у дел медиков, литераторов и т. д. Для этих людей каждый такой «новый поворот» означал преодоление и окончательную ликвидацию определенной ступени исторического развития. Стоило, например, любому философу подвергнуть любой критике буржуазный либерализм, как этот последний уже считался мертвым, вычеркнутым из исторического развития и уничтоженным также и практически. То же было с республиканизмом, социализмом и т. д. Насколько эти ступени развития были действительно «уничтожены», «превзойдены», «ликвидированы», обнаружилось позже, во время революции, когда они стали играть главную роль, а об их философских разрушителях уже и вспоминать перестали.

Сумбурность формы и содержания, высокомерная пошлость и напыщенный вздор, неописуемая тривиальность и убогая диалектика, характерные для этой немецкой философии на со последней стадии, превосходят все, что когда-либо появля-

лось в этой области. Сравниться с этим может только невероятное легковерие публики, принимавшей все это за чистую монету, за самую последнюю новинку, за «нечто, еще небывалое». Немецкая нация, столь «основательная»...[*]

Написано Ф. Энгельсом в октябре 1850 г.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 6, 1927 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР

С МАЯ ПО ОКТЯБРЬ

Политические движения последних шести месяцев существенно отличаются от непосредственно предшествовавших. Революционная партия везде вытеснена со сцены, победители оспаривают друг у друга плоды победы: во Франции — это различные фракции буржуазии, в Германии — различные государи. Спор ведется с большим шумом, открытый разрыв, решение спора вооруженной силой, казалось бы, неизбежны. Между тем так же неизбежно, что оружие не будет пущено в ход, что нерешительность все вновь будет находить себе укрытие в мирных соглашениях, чтобы затем снова начать готовиться к показной войне.

Но рассмотрим сначала *реальную* основу, на которой разыгрываются эти поверхностные волнения.

1843—1845 годы были годами процветания промышленности и торговли, которое явилось необходимым следствием почти непрерывной депрессии промышленности в период 1837—1842 годов. Как всегда, процветание очень скоро породило спекуляцию. Спекуляция всегда имеет место в те периоды, когда перепроизводство находится уже в полном разгаре. Она служит перепроизводству временной отдушиной, но именно этим она ускоряет наступление кризиса и увеличивает его силу. Самый кризис разражается сперва в области спекуляции и лишь позже захватывает производство. Поэтому при поверхностном наблюдении кажется, что не перепроизводство является причиной кризиса, а безудержная спекуляция, которая сама есть лишь симптом перепроизводства. Последующее расстройство промышленности представляется не как необходимый резуль-

тат его предшествовавшего буйного развития, а лишь как простое отражение краха, происходящего в области спекуляции. Но так как мы в настоящий момент не можем дать полной истории кризиса, наступившего после 1843—1845 гг., то мы указываем только на самые значительные из этих *симптомов* перепроизводства.

Спекуляция, начавшаяся в годы процветания, 1843—1845, распространилась главным образом на железнодорожное предпринимательство, где она опиралась на действительную потребность: на торговлю хлебом, вследствие повышения цен в 1845 г. и болезни картофеля, на торговлю хлопком после плохого сбора его в 1846 г. и на ост-индскую и китайскую торговлю, где спекуляция следовала по пятам проникновения Англии на китайский рынок.

Расширение английской железнодорожной системы началось еще в 1844 г., но полного размаха достигло лишь в 1845 году. В одном этом году число зарегистрированных заявок на основание железнодорожных обществ достигло 1035. В феврале 1846 г., после того как от многих из этих зарегистрированных проектов отказались, деньги, которые должны были быть внесены правительству за оставшиеся в силе проекты, все еще составляли огромную сумму в 14 млн. ф. ст., а в 1847 г. общая сумма этих платежей уже составляла в Англии свыше 42 млн. ф. ст., из которых более 36 млн. приходились на английские, а затем $5^1/_2$ млн. — на заграничные железные дороги. Период расцвета этой спекуляции приходится на лето и осень 1845 года. Цены акций поднимались беспрерывно, а барыши спекулянтов скоро втянули все классы населения в этот водоворот. Герцоги и графы соперничали с купцами и фабрикантами из-за прибыльной чести заседать в правлениях различных железнодорожных линий. Члены палаты общин, члены суда, духовенство были широко представлены в этих правлениях. Кто имел хоть ничтожные сбережения, кто пользовался хоть малейшим кредитом, спекулировал на железнодорожных акциях. Железнодорожных газет, которых было три, стало больше двадцати. Некоторые крупные ежедневные газеты нередко зарабатывали на железнодорожных объявлениях и проспектах до 14 тыс. ф. ст. за одну неделю. Инженеров не хватало, и они получали чрезвычайно высокую плату. Типографы, литографы, переплетчики, торговцы бумагой и др., занятые изготовлением проспектов, планов, карт и т. п., мебельные фабриканты, которые поставляли мебель для выраставших, как грибы, контор многочисленных новых правлений, временных комитетов и т. д., зарабатывали огромные деньги. На

основе действительного расширения английской и континентальной железнодорожной системы и связанной с этим спекуляции постепенно образовалась в этот период целая надстройка мошенничеств, напоминающая времена Ло и Компании южных морей[265]. Сотни линий проектировались без малейших шансов на успех, причем сами авторы проектов вовсе не думали об их действительном осуществлении, и вообще речь шла лишь о растрате депозитов директорами и о мошеннических прибылях от продажи акций.

В октябре 1845 г. наступила реакция, которая вскоре превратилась в настоящую панику. Уже до февраля 1846 г. (когда депозитные суммы должны были быть внесены правительству) наиболее несостоятельные проекты потерпели крах. В апреле 1846 г. это уже отразилось на континентальных фондовых биржах. В Париже, Гамбурге, Франкфурте, Амстердаме происходила вынужденная распродажа по чрезвычайно низко упавшим ценам, что повлекло за собой банкротство ряда банкиров и маклеров. Железнодорожный кризис продолжался вплоть до осени 1848 г., причем он затянулся вследствие непрерывных банкротств также и более солидных проектов, по мере того как сказывалось общее угнетенное состояние и предъявлялись требования внесения платежей; он обострился еще из-за наступления кризиса и в других областях спекуляции — в торговле и промышленности, что постепенно понизило цены более старых и более солидных акций, пока они в октябре 1848 г. не упали до самого низкого своего уровня.

В августе 1845 г. общественное внимание было привлечено сначала картофельной болезнью, обнаружившейся не только в Англии и Ирландии, но также и на континенте; это был первый симптом того, что подгнили самые корни существующего общества. Одновременно стали поступать сообщения, которые уже не оставляли сомнения относительно плохих видов и на урожай хлебов. Вследствие этих двух обстоятельств хлебные цены значительно поднялись на всех европейских рынках. В Ирландии наступил настоящий голод, принудивший английское правительство дать ссуду в 8 млн. ф. ст. для этой страны, ровно по 1 ф. ст. на каждого ирландца. Во Франции, где бедствие усилилось еще наводнением, причинившим убыток в 4 млн. ф. ст., неурожай был необычайно велик. Не менее значителен был он в Голландии и в Бельгии. За неурожаем 1845 г. последовал еще больший в 1846 г., и повторилась картофельная болезнь, хотя и не в такой сильной степени. Это создало вполне реальную почву для спекуляции зерном; которая приняла тем более бурные формы, что хорошие урожаи 1842—1844 гг.

длительное время почти не давали ей развернуться. В 1845— 1847 гг. в Англию было ввезено хлеба больше, чем когда бы то ни было до тех пор. Хлебные цены продолжали расти до весны 1847 г., когда вследствие разноречивых сведений из разных стран о новом урожае и предпринятых различными правительствами мер (открытие гаваней для свободного ввоза хлеба и т. д.) наступил период колебаний; наконец, в мае 1847 г. цены достигли наиболее высокого уровня. В этом месяце средняя цена квартера пшеницы в Англии поднялась до $102^1/_2$ шилл., а в некоторые дни она доходила до 115 и 124 шиллингов. Но вскоре стали получаться определенно благоприятные сведения о погоде и хорошем урожае, цены упали, и в середине июля средняя цена составляла уже только 74 шиллинга. Вследствие неблагоприятной погоды в некоторых местах цены опять несколько поднялись, пока, наконец, в середине августа не было установлено, что урожай 1847 г. выше среднего. Теперь уже ничем нельзя было удержать падения цен. Подвоз в Англию превзошел все ожидания, и уже 18 сентября средняя цена пала до $49^1/_2$ шиллингов. За шестнадцать недель колебание средних цен происходило, таким образом, в пределах 53 шиллингов.

На протяжении всего этого времени не только продолжался железнодорожный кризис, но именно в тот момент, когда хлебные цены стояли наиболее высоко, в апреле и мае 1847 г., наступило полнейшее нарушение кредитной системы и полнейшая дезорганизация денежного рынка. Хлебные спекулянты, тем не менее, выдерживали падение цен до 2 августа. В этот день банк повысил минимальную учетную ставку до 5%, а на все векселя сроком больше двух месяцев — до 6%. Немедленно последовал ряд крупных банкротств на хлебной бирже, среди которых выделялось банкротство г-на Робинсона, управляющего Английским банком. В одном Лондоне обанкротилось восемь крупных хлебных фирм, пассив которых составил в сумме больше $1^1/_2$ млн. фунтов стерлингов. Провинциальные хлебные рынки были совершенно парализованы; там тоже одно банкротство следовало за другим с такой же быстротой, особенно в Ливерпуле. Такие же банкротства происходили на континенте, раньше или позже, в зависимости от расстояния от Лондона. Однако с 18 сентября, когда хлебные цены стояли на самом низком уровне, можно считать хлебный кризис в Англии законченным.

Мы переходим теперь к собственно торговому, к денежному кризису. В первые четыре месяца 1847 г. общее состояние торговли и промышленности казалось еще удовлетворительным,

за исключением, однако, железоделательной и хлопчатобумажной промышленности. Производство железа, доведенное до колоссальных размеров железнодорожной горячкой 1845 г., страдало, разумеется, в той мере, в какой сокращался сбыт для чрезмерного количества произведенного железа. В хлопчатобумажной промышленности, главной отрасли промышленности для ост-индского и китайского рынка, уже в 1845 г. имело место перепроизводство товаров, произведенных для этого рынка, и здесь очень скоро наступил известный спад. Плохой урожай хлопка в 1846 г., рост цен как на сырье, так и на готовые товары, и вызванное этим сокращение потребления усугубили угнетенное состояние этой отрасли промышленности. В первые месяцы 1847 г. во всем Ланкашире производство значительно сократилось, и рабочие хлопчатобумажной промышленности оказались уже под ударом кризиса.

15 апреля 1847 г. Английский банк повысил минимальную учетную ставку для наиболее краткосрочных векселей до 5%; он ограничил общую сумму подлежащих учету векселей, даже не считаясь с характером тех фирм, на чье имя были выписаны векселя; он, наконец, категорически заявил коммерсантам, получившим ссуды, что по истечении срока он не возобновит этих ссуд, как это обычно делалось до сих пор, а потребует возврата ссуд. Через два дня, когда был опубликован его недельный баланс, оказалось, что резервный фонд банкового департамента упал до 272 млн. фунтов стерлингов. Банк таким образом принял эти меры, чтобы задержать отлив золота из своих подвалов и снова увеличить свой наличный фонд.

Отлив золота и серебра из банка обусловливался различными причинами. Во-первых, потребление и значительно более высокие цены почти на все товары требовали большего денежного обращения, в особенности золота и серебра, для розничной торговли. Во-вторых, непрерывные выплаты на железнодорожное строительство, которые в одном апреле составляли 4314000 ф. ст., вызвали необходимость изъятия массы депозитов из банка. Часть вытребованных денег, предназначенных для заграничных дорог, уплыла непосредственно за границу. Чрезмерный, значительно превышающий потребности ввоз сахара, кофе и других колониальных товаров, размеры потребления и цены которых еще больше повысились, вследствие спекуляции, чрезмерный ввоз хлопка, вследствие спекулятивных закупок, вызванных сведениями о скудном урожае, и особенно — хлеба, вследствие повторного недорода, потребовал платежей преимущественно наличными деньгами или благородными металлами в слитках, что тоже вызвало значительный

отлив золота и серебра за границу. Впрочем, отлив благородных металлов из Англии продолжался, вопреки указанным выше банковским мерам, до конца августа.

Постановления банка и сведения о низком уровне его резервного фонда тотчас же вызвали угнетенное состояние на денежном рынке и панику, которая охватила всю торговлю Англии и по своей интенсивности могла сравниться только с паникой в 1845 году. В последние недели апреля и первые четыре дня мая почти все кредитные сделки прекратились. Однако за это время не произошло никаких экстраординарных банкротств. Торговые фирмы могли продержаться лишь путем уплаты высоких процентов и вынужденной распродажи своих запасов, государственных бумаг и т. д. по разорительным ценам. Спасение ряда даже самых солидных фирм во время этого первого акта кризиса лишь подготовило почву для их последующего краха. Тот факт, что первая, непосредственно угрожавшая опасность была преодолена, сильно содействовал укреплению доверия; начиная с 5 мая угнетенное состояние на денежном рынке стало заметно уменьшаться, и к концу мая тревога почти улеглась.

Однако несколько месяцев спустя, в начале августа, начались уже упомянутые выше банкротства в хлебной торговле, продолжавшиеся до сентября, и не успели они закончиться, как с удвоенной силой разразился кризис во всех областях торговли, в особенности в сношениях с Вест- и Ост-Индией и с островом Маврикий, причем это произошло одновременно на рынках Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Глазго. За сентябрь месяц в одном Лондоне обанкротилось 20 фирм, общий пассив которых составлял от 9 до 10 млн. фунтов стерлингов.

«Мы переживали тогда крушения коммерческих династий в Англии, не уступавшие крушениям тех политических фирм на континенте, о которых нам пришлось так много слышать в последнее время».

Так сказал Дизраэли 30 августа 1848 г. в палате общин. Банкротства фирм по торговле с Ост-Индией продолжались беспрерывно до конца года и возобновились в первые месяцы 1848 г., когда стали прибывать известия о банкротстве соответствующих фирм в Калькутте, Бомбее, Мадрасе и на острове Маврикий.

Этот неслыханный в истории торговли ряд банкротств был обусловлен всеобщей чрезмерной спекуляцией и вызванным ею чрезмерным ввозом колониальных товаров. Долгое время искусственно поддерживавшиеся на высоком уровне цены этих товаров стали падать отчасти еще перед апрельской паникой 1847 года; однако общее падение их произошло лишь

после этой паники, когда потерпела крушение вся кредитная система, и одна фирма за другой вынуждены были производить массовые ускоренные распродажи. Особенно значительное падение цен произошло с июня и июля до ноября и привело к разорению даже самых старых и солидных фирм.

В сентябре банкротства ограничивались еще *чистоторгоеыми фирмами.* 1 октября банк повысил минимальную учетную ставку на краткосрочные векселя до $5^1/_2$ % и одновременно объявил, что впредь он не будет давать ссуд ни под какие государственные бумаги. Этого давления не могли уже выдержать *ни акционерные банки, ни частные банкиры.* «Королевский банк Ливерпуля», «Ливерпульская банковская компания», «Банк Северного и Южного Уэльса», «Объединенный акционерный банк Ньюкасла» и т. д. и т. д. один за другим лопнули в течение нескольких дней. Одновременно с этим объявили себя несостоятельными многие более мелкие частные банки во всех частях Англии.

С этой общей приостановкой платежей банками, особенно характерной для октября месяца, связано значительное число банкротств биржевых маклеров, оперирующих с ценными бумагами, векселями и акциями, маклеров в области судоходства, торговли чаем и хлопчатобумажными товарами, владельцев железоделательных предприятий и торговцев железом, владельцев хлопчатопрядильных, шерстопрядильных и ситценабивных предприятий и т. д. в Ливерпуле, Манчестере, Олдеме, Галифаксе, Глазго и т. д. По словам г-на Тука[266], эти банкротства как по своему числу, так и по общей сумме капитала не имели прецедента в истории английской торговли и значительно превзошли банкротства в период кризиса 1825 года. 23—25 октября кризис достиг наивысшей точки, и все торговые сделки окончательно прекратились. Тогда депутация из Сити добилась приостановления действия банкового закона 1844 г., этого плода изобретательности покойного сэра Роберта Пиля[267]. Это сразу положило конец разделению банка на два совершенно независимых департамента с двумя отдельными фондами наличных денег. Еще два-три дня существования старого порядка и один из департаментов — банковый департамент — непременно обанкротился бы в то время, как в эмиссионном департаменте скопилось шесть миллионов золота.

Уже в октябре начало сказываться влияние кризиса на *континент.* Крупные банкротства произошли в одно и то же время в Брюсселе, Гамбурге, Бремене, Эльберфельде, Генуе, Ливорно, Куртре, С.-Петербурге, Лиссабоне и Венеции. По мере того как ослабевала сила кризиса в Англии, она увели-

чивалась на континенте и распространялась на такие пункты, которые до тех пор оставались незатронутыми. В худший период вексельный курс был благоприятен для Англии, и, таким образом, с ноября она привлекала к себе постоянно растущий подвоз золота и серебра не только из России и с континента, но и из Америки. Непосредственным результатом этого было то, что, по мере оживления денежного рынка в Англии, происходило сжатие его в остальном торговом мире и что в такой же мере там распространялся кризис. Таким образом, в ноябре число банкротств вне Англии стало расти; теперь произошли крупные банкротства в Нью-Йорке, Роттердаме, Амстердаме, Гавре, Байонне, Антверпене, Монсе, Триесте, Мадриде и Стокгольме. В декабре кризис разразился также в Марселе и Алжире, а в Германии стал свирепствовать с новой силой.

Мы теперь дошли до того момента, когда вспыхнула французская февральская революция. Если мы просмотрим список банкротств, который приводит Д. М. Эванс в своей книге «Торговый кризис 1847—1848» (Лондон 1848)[268], то мы увидим, что в Англии в результате этой революции *не обанкротилась ни одна крупная фирма.* Единственные банкротства, связанные с ней, произошли среди биржевых маклеров вследствие внезапного обесценения всех континентальных государственных бумаг. Подобные же банкротства биржевых маклеров произошли также, конечно, и в Амстердаме, Гамбурге и т. д. Английские консоли упали на 6%, тогда как после июльской революции они упали на 3%. Для биржевых маклеров Февральская республика, таким образом, была только в два раза опаснее Июльской монархии.

Паника, охватившая Париж после февральских событий и распространившаяся на весь континент одновременно с революциями, имела в своем развитии много сходного с лондонской паникой в апреле 1847 года; Кредит внезапно исчерпался, и сделки почти совершенно прекратились; в Париже, Брюсселе и Амстердаме все бросились в банки, чтобы обменять бумажные деньги на золото. В общем вне области торговли ценными бумагами произошло все же очень мало банкротств, и эти немногие случаи едва ли можно счесть необходимым результатом февральской революции. Прекращение платежей парижскими банкирами, носившее в большинстве случаев лишь временный характер, было отчасти связано с торговлей ценными бумагами, отчасти же являлось простой мерой предосторожности, ничуть не обусловленной действительной несостоятельностью; либо, наконец, осуществлялось исключительно с целью

досадить временному правительству, создать для него затруднения и вырвать у него уступки. Что касается банкротств банкиров и купцов в других частях континента, то невозможно установить, в какой мере они являлись результатом продолжавшегося и постепенно распространявшегося торгового кризиса, в какой мере фирмы, дела которых давно уже пошатнулись, воспользовались обстоятельствами, чтобы найти благополучный выход, а в какой мере эти банкротства действительно были результатом убытков, происшедших вследствие вызванной революцией паники. Во всяком случае несомненно, что торговый кризис бесконечно больше содействовал революциям 1848 г., нежели революция — торговому кризису. Между мартом и маем Англия уже получила прямую выгоду от революции, которая содействовала притоку к ней массы капиталов с континента. С этого момента кризис в Англии можно считать исчерпанным; во всех отраслях торговли наступило улучшение, и новый промышленный цикл начинается решительной тенденцией к процветанию. Как мало континентальная революция мешала подъему промышленности и торговли в Англии, показывает тот факт, что масса обработанного здесь хлопка поднялась с 475 млн. ф. ст. (1847) до 713 млн. ф. ст. (1848).

Этот новый период процветания заметно обнаружил себя в *Англии* в течение трех лет, в 1848, 1849 и 1850 годах. За восемь месяцев, от января по август, общий вывоз Англии составлял в 1848 г. 31633214 ф. ст., в 1849 г. — 39263322 ф. ст., в 1850 г. — 43851568 фунтов стерлингов. К этому значительному подъему, который проявился во всех отраслях деловой жизни, за исключением производства железа, надо прибавить еще повсеместные обильные урожаи за эти три года. Средняя цена пшеницы за 1848 — 1850 гг. упала в Англии до 36 шилл., во Франции — до 32 шилл. за квартер. Весьма характерно для этой эпохи процветания то, что три главных канала, по которым шла спекуляция, оказались для нее закрытыми. Темпы железнодорожного строительства снизились до обычного уровня остальных отраслей промышленности; торговля хлебом вследствие ряда обильных урожаев не давала почвы для спекуляции; государственные облигации вследствие революций потеряли свою устойчивость, без которой невозможны никакие крупные спекулятивные сделки с ценными бумагами. Во время периодов процветания всегда увеличивается капитал. С одной стороны, расширенное производство создает новый капитал, с другой стороны, наличный капитал, во время кризиса лежавший без движения, извлекается из состояния бездействия и выбрасывается на рынок. Этот *добавочный* капи-

тал в 1848—1850 гг., при отсутствии каналов для спекуляции, должен был устремиться непосредственно в промышленность и таким образом еще быстрее увеличить производство. Насколько в Англии это явление бросается в глаза, хотя для него никто еще не нашел объяснения, доказывает наивное заявление «Economist» от 19 октября 1850 года:

«Замечательно, что современный период процветания существенно отличается от всех предыдущих периодов. Во все предшествовавшие периоды бывало так, что какая-нибудь беспочвенная спекуляция возбуждала неосуществимые надежды. То это были иностранные копи, то большее количество железных дорог, чем можно построить в полстолетие. Даже когда подобные спекуляции имели прочную основу, они обыкновенно были рассчитаны на доход, который мог быть реализован только по истечении довольно значительного периода времени, будь то от производства металлов или от создания новых путей сообщения и рынков. Такие спекуляции не давали немедленной прибыли. Но в настоящее время наше процветание основано на производстве непосредственно полезных предметов, который вступают в сферу потребления почти немедленно после того, как попадают на рынок, дают производителю приличную прибыль и поощряют его к увеличению производства».

Самый яркий пример того, насколько увеличилось промышленное производство в 1848 и 1849 гг., дает главная отрасль промышленности — переработка хлопка. Сбор хлопка в 1849 г. в Соединенных Штатах был обильнее всех предыдущих. Он составлял $2^3/_4$ млн. кип или примерно 1200 млн. фунтов. Расширение хлопчатобумажной промышленности настолько соответствовало этому увеличению ввоза, что в конце 1849 г. запасы оказались меньше, чем бывало прежде даже после неурожайных годов. В 1849 г. было переработано в пряжу свыше 775 млн. фунтов хлопка, в то время как в 1845 г., который до сих пор был годом наивысшего процветания, был переработан только 721 млн. фунтов. Расширение хлопчатобумажной промышленности доказывается далее сильным повышением цен на хлопок (55%) вследствие сравнительно незначительного недорода 1850 года. Не меньший прогресс наблюдается во всех остальных отраслях прядильной и ткацкой промышленности, — в производстве шелковых, шерстяных, смешанных и льняных тканей. Вывоз продукции этих отраслей промышленности настолько повысился, особенно в 1850 г., что привел к сильному увеличению общего вывоза этого года (на 12 млн., в сравнении с 1848 г., и на 4 млн., в сравнении с 1849 г., за первые восемь месяцев) несмотря на то, что в 1850 г. вывоз хлопчатобумажных фабрикатов значительно сократился вследствие неурожая хлопка. Несмотря на значительное повышение цен на шерсть, которое было повидимому вызвано спекуляцией уже в 1849 г. и все же

продержалось до настоящего времени, шерстяная промышленность постоянно расширяется и ежедневно пускаются в ход новые ткацкие станки. Вывоз льняных тканей составлял в 1844 г., в год наивысшего до сих пор вывоза льняных тканей, 91 млн. ярдов стоимостью в 2800000 ф. ст., а в 1849 г. он достиг 107 млн. ярдов стоимостью свыше 3000000 фунтов стерлингов.

Другим доказательством роста английской промышленности является постоянно усиливающееся потребление главных колониальных товаров, особенно кофе, сахара и чая, несмотря на постоянный рост цен, по крайней мере, на первые два товара. Прямая зависимость роста потребления от расширения промышленности в данном случае тем очевиднее, что созданный благодаря огромному железнодорожному строительству исключительный по емкости рынок с 1845 г. давно уже сократился до обыкновенных размеров и что низкие хлебные цены последних лет не допускают роста потребления в сельскохозяйственных округах.

Огромное расширение хлопчатобумажной промышленности в 1849 г. повело в последние месяцы этого года к новой попытке направить поток товаров на ост-индский и китайский рынки. Но масса старых, еще не проданных запасов на этих рынках очень скоро парализовала эту попытку. В то же самое время, ввиду роста потребления сырья и колониальных товаров, сделана была попытка спекулировать и на этих товарах, но и от нее пришлось очень скоро отказаться в связи с внезапным усилением подвоза и напоминанием о слишком еще свежих ранах 1847 года.

Процветание промышленности усилится еще вследствие того, что недавно стали доступны голландские колонии, благодаря предстоящему открытию новых коммуникационных линий на Тихом океане, к чему мы еще вернемся, а также благодаря большой промышленной выставке 1851 года. Об этой выставке английская буржуазия с удивительнейшим хладнокровием объявила в 1849 г., когда весь континент еще бредил революцией. Устраивая выставку, она тем самым созывает всех своих вассалов, от Франции до Китая, на серьезный экзамен, на котором они должны показать, как они использовали свое время; и даже сам всемогущий царь всея Руси вынужден приказать своим подданным явиться в большом числе на это великое испытание. Этот всемирный конгресс продуктов и производителей имеет несравненно большее значение, чем абсолютистские конгрессы в Брегенце и в Варшаве, доставляющие столько хлопот нашим континентальным демократическим филистерам, или чем европейские демократические конгрессы, постоянно вновь и вновь проектируемые для спасения человечества различными

временными правительствами in partibus[269]. Эта выставка является убедительным доказательством концентрированной силы, с которой современная крупная промышленность всюду разрушает национальные барьеры и все более стирает местные особенности в производстве, общественных отношениях и характере отдельных народов. Устраивая на небольшом пространстве смотр всей накопленной массе производительных сил современной промышленности именно в такое время, когда современные буржуазные отношения подрываются уже со всех сторон, она выставляет вместе с тем на обозрение весь уже созданный и изо дня в день создаваемый в недрах поколебленного общества материал для построения нового общества. Мировая буржуазия этой выставкой воздвигает в современном Риме свой пантеон, где она с гордым самодовольством выставит своих богов, созданных ею самой. Она этим доказывает на практике, что «бессилие и недовольство гражданина», о котором из года в год твердят немецкие идеологи, есть только собственное бессилие этих господ понять современное движение и их собственное недовольство этим бессилием. Буржуазия празднует этот свой величайший праздник в такой момент, когда предстоит крушение всего ее величия, крушение, которое наиболее убедительно докажет ей, как созданные ею силы вышли из ее подчинения. Быть может на одной из будущих выставок буржуа уже будут фигурировать не как владельцы этих производительных сил, а разве только как их чичероне.

Подобно тому как в 1845 и 1846 гг. картофельная болезнь, так с начала нынешнего года плохой сбор хлопка вызвал общую тревогу у буржуазии. Эта тревога еще значительно усилилась с тех пор, как стало известно, что урожай хлопка в 1851 г. ни в коем случае не будет обильнее урожая 1850 года. Плохой сбор хлопка, который в предыдущие периоды не имел бы значения, при теперешнем расширении хлопчатобумажной промышленности имеет огромное значение и уже стал существенно тормозить ее деятельность. Буржуазия, которая только что оправилась от удручающего открытия, что одной из основ всего ее общественного порядка, картофелю, угрожает опасность, теперь видит такую же опасность и для второй своей основы, для хлопка. Если уже незначительное уменьшение урожая хлопка в одном году и ожидание такого же уменьшения в следующем могли вызвать серьезную тревогу в самый разгар процветания, то несколько следующих один за другим годов действительного неурожая хлопка неизбежно отбросят на время цивилизованное общество в состояние варварства. Золотой и железный века давно уже прошли: XIX столетию с его наукой, с его мировым

рынком и колоссальными производительными силами суждено было создать *хлопчатобумажный век.* Английская буржуазия вместе с тем чувствовала сильнее, чем когда-либо, какую власть имеют над нею Соединенные Штаты благодаря их до сих пор еще не подорванной монополии производства хлопка. И она тотчас же приложила усилия, чтобы уничтожить эту монополию. Не только в Ост-Индии, но и в Натале и в северных частях Австралии, и вообще во всех частях света, где климат и условия делают возможной культуру хлопка, она должна всеми способами поощряться. В то же самое время английская негрофильская буржуазия делает открытие, что «процветание Манчестера зависит от того, как будут обращаться с рабами в Техасе, Алабаме и Луизиане, и что это столь же странный, сколь и тревожный факт» («Economist», 21 сентября 1850 г.), что самая важная отрасль английской промышленности покоится на существовании рабства в южных штатах американского союза, что восстание негров в этих местностях может разрушить всю современную систему производства, это, разумеется, весьма печальный факт для тех, кто не так давно отпустил 20 млн. ф. ст. на освобождение негров в своих собственных колониях[270]. Но этот факт вместе с тем приводит к,единственно возможному реальному решению вопроса о рабстве, вопроса, который недавно опять послужил темой длинных и бурных дебатов в американском конгрессе. Американское производство хлопка основано на рабстве. Как только промышленность разовьется до такой степени, что для нее станет нестерпимой хлопковая монополия Соединенных Штатов, в других странах с успехом развернется массовое производство хлопка, причем оно теперь почти всюду может быть обеспечено только *трудом свободных рабочих.* Но раз свободный труд в других странах станет доставлять промышленности достаточное количество хлопка и притом по более дешевой цене, чем труд рабов в Соединенных Штатах, то вместе с американской хлопковой монополией будет подорвано и американское рабство, и рабы будут освобождены, потому что в качестве рабов они станут бесполезны. Точно так же будет уничтожен и наемный труд в Европе, раз он не только перестанет быть необходимой формой для производства, но даже превратится в его оковы.

Если начавшийся в 1848 г. новый цикл промышленного развития будет протекать так же, как и цикл 1843—1847 гг., то кризис должен наступить в 1852 году. Как симптом того, что вытекающая из перепроизводства безудержная спекуляция, предшествующая каждому кризису, уже не заставит себя долго ждать, мы приводим здесь тот факт, что учетная ставка

Английского банка в течение двух лет не поднимается выше 2%. Но если Английский банк в годы процветания придерживается низкой процентной, ставки, то остальные торговцы деньгами вынуждены ее еще больше понижать, подобно тому как в годы кризиса, когда Английский банк значительно повышает процентную ставку, они повышают ее еще больше. Добавочный капитал, который, как мы видели выше, в годы процветания регулярно выбрасывается на рынок ссудного капитала, согласно законам конкуренции, уже сам. по себе значительно понижает уровень процентной ставки, но в еще гораздо большей степени ее снижает рост кредита, который сильно расширяется вследствие всеобщего процветания и тем самым уменьшает спрос на капитал. Правительство в такие периоды получает возможность понизить ставку процента по своим консолидированным долгам, а землевладелец — возобновить свои ипотеки на более благоприятных условиях. Таким образом, доход капиталистов, выступающих на рынке ссудного капитала, уменьшается на одну треть или даже больше, в то время как доход всех других категорий увеличивается. Чем дольше продолжается это состояние, тем интенсивнее приходится им искать более выгодного приложения своих капиталов. Перепроизводство вызывает к жизни многочисленные новые проекты, и успеха некоторых из них достаточно для того, чтобы множество капиталов устремилось в этом направлении, до тех пор пока спекуляция не приобретет постепенно всеобщий характер. Но спекуляция, как мы видели, в данный момент может пойти только по двум главным каналам: культура хлопка и новые связи мирового рынка, созданные развитием Калифорнии и Австралии. Мы видим, что поле деятельности для спекуляции на этот раз будет гораздо обширнее, чем в какой бы то ни было из прежних периодов процветания.

Бросим еще взгляд на положение английских сельскохозяйственных округов. Здесь общее угнетенное состояние вследствие отмены хлебных пошлин и совпавших с этим обильных урожаев стало хроническим, хотя оно до известной степени облегчается благодаря значительному увеличению потребления, вызванного периодом процветания. К этому надо прибавить, что при низких хлебных ценах сельскохозяйственные рабочие во всяком случае всегда находятся в относительно более благоприятном положении, хотя в Англии это имеет место в меньшей степени, чем в тех странах, где преобладает парцелляция земельной собственности. При этих условиях в сельскохозяйственных округах продолжает вестись агитация протекционистов за восстановление хлебных пошлин, хотя в более глухой и скрытой форме, чем раньше. Очевидно, что она и дальше не будет

иметь никакого значения, пока продолжается процветание промышленности и сравнительно сносное положение сельскохозяйственных рабочих. Но лишь только наступит кризис и распространит свое действие на сельскохозяйственные округа, как угнетенное состояние сельского хозяйства вызовет в деревне необыкновенное возбуждение. На этот раз впервые промышленный и торговый кризис совпадет с сельскохозяйственным, и во всех вопросах, по которым борются друг с другом город и деревня, фабриканты и землевладельцы, обе партии будут поддержаны двумя большими армиями: фабриканты — массой промышленных рабочих, землевладельцы — массой сельскохозяйственных рабочих.

Мы переходим теперь к *Соединенным Штатам Северной Америки.* Кризис 1836 г., который здесь был первым кризисом и здесь больше всего свирепствовал, продолжался почти без перерыва до 1842 г., и результатом его был полный переворот в американской кредитной системе. На этой более солидной основе торговля Соединенных Штатов оправилась: сперва, разумеется, очень медленно, пока начиная с 1844—1845 гг. процветание и здесь не стало существенно сказываться. И дороговизна и революции в Европе были для Америки только источником прибыли. С 1845 по 1847 г. она получила большую прибыль благодаря огромному вывозу хлеба и установившимся в 1846 г. высоким ценам на хлопок. Кризис 1847 г. ее лишь слабо затронул. В 1849 г. она собрала хлопка больше, чем когда-либо до тех пор, а в 1850 г. заработала около 20 млн. долларов вследствие неурожая хлопка, совпавшего с новым подъемом европейской хлопчатобумажной промышленности. Революции 1848 г. повлекли за собой вывоз в Соединенные Штаты большого количества европейского капитала, который отчасти был привезен прибывшими эмигрантами, отчасти же в Европе был вложен в американские государственные бумаги. Это увеличение спроса на американские ценные бумаги настолько подняло их| цены, что с недавнего времени в Нью-Йорке они стали предметом бурной спекуляции. Мы остаемся, таким образом, несмотря на все возражения реакционной буржуазной прессы, при том мнении, что единственной государственной формой, которой наши европейские капиталисты оказывают доверие, является *буржуазная республика.* Вообще есть только одна форма выражения буржуазного доверия к какой бы то ни было государственной форме: *ее котировка на бирже.*

Процветание Соединенных Штатов увеличилось, однако, еще больше вследствие других причин. Населенная территория, — *рынок* североамериканского союза, — с поразительной

быстротой расширялась по двум направлениям. Увеличение населения, как благодаря естественному приросту, так благодаря и постоянному росту иммиграции, повело к заселению целых штатов и областей. Висконсин и Айова в течение нескольких лет оказались сравнительно густо заселены, и все штаты в верховьях Миссисипи получили значительный прирост иммигрантов. Разработка рудников на озере Верхнем и рост производства зерна во всем озерном районе содействовали новому подъему торговли и судоходства по этой крупной системе внутренних вод. Этот подъем еще больше усилится благодаря акту последней сессии конгресса, по которому предоставляются большие льготы в торговле с Канадой и Новой Шотландией. В то время как северозападные штаты приобрели, таким образом, совершенно новое значение, Орегон был в несколько лет колонизирован, Техас и Новая Мексика аннексированы, Калифорния завоевана. Открытие калифорнийских золотых приисков довело до апогея американское процветание. Мы уже указывали в № 2 этого журнала[*],— раньше, чем это было сделано в каком-либо другом из европейских периодических изданий, — на особое значение этого открытия и на вытекающие из него необходимые последствия для всей мировой торговли. Значение это заключается не в увеличении количества золота вследствие открытия новых приисков, хотя и это увеличение средств обмена, конечно, не может не иметь благоприятного влияния на торговлю в целом. Оно заключается в том толчке, который минеральные богатства Калифорнии дали капиталам на всем мировом рынке, в оживлении, охватившем все западное побережье Америки и восточное побережье Азии, в новом рынке сбыта, возникшем в Калифорнии и во всех странах, где сказалось влияние Калифорнии. Калифорнийский рынок сам по себе уже является довольно значительным: год тому назад там было 100000 жителей, теперь уже по меньшей мере — 300000, которые почти ничем иным не занимаются, кроме как добычей золота; это золото они обменивают на все потребные им предметы, которые им доставляются с других рынков. Но калифорнийский рынок незначителен по сравнению с постоянно расширяющимся объемом всех рынков на Тихом океане, по сравнению с поразительным ростом торговли в Чили и Перу, в Западной Мексике, на Сандвичевых островах и по сравнению с внезапно возникшими сношениями Азии и Австралии с Калифорнией. Благодаря Калифорнии создалась необходимость в совершенно новых мировых путях, которые в скором времени по своему значению превзойдут все остальные. Главный

[*] См. настоящий том, стр. 232—233. *Ред.*

торговый путь к Тихому океану — океану, который, в сущности, лишь теперь открыт и становится самым важным океаном в мире, — отныне проходит через Панамский перешеек. Открытие сообщений через этот перешеек путем прокладки шоссе, постройки железных дорог и каналов стало теперь настоятельнейшей потребностью для мировой торговли, и работы эти местами уже производятся. Железная дорога из Чагреса в Панаму уже строится. Американская компания производит измерения в бассейне реки Сан-Хуан в Никарагуа, чтобы соединить оба океана сперва посредством трансконтинентальной дороги и затем посредством канала. Другие пути — через Дариенский перешеек, дорога через Атрато в Новой Гранаде, через перешеек Теуантепек — обсуждаются в американских и английских газетах. При неожиданно обнаружившемся теперь незнакомстве всего цивилизованного мира с условиями местности Центральной Америки трудно с определенностью сказать, какой путь наиболее удобен для прорытия большого канала. Судя по немногим известным данным, путь по реке Атрато и путь через Панаму представляют наибольшие преимущества. В связи с устройством путей сообщения через перешеек столь же настоятельной оказалась надобность в быстром расширении океанского пароходства. Уже установлено пароходное сообщение между Саутгемптоном и Чагресом, Нью-Йорком и Чагресом, Вальпараисо, Лимой, Панамой, Акапулько и Сан-Франциско; но этих немногих линий с их незначительным числом пароходов далеко не достаточно. Расширение пароходных сообщений между Европой и Чагресом с каждым днем становится все более необходимым, а рост сношений между Азией, Австралией и Америкой требует новых пароходных линий огромных масштабов от Панамы и Сан-Франциско до Кантона, Сингапура, Сиднея, Новой Зеландии и важнейшей станции Тихого океана, Сандвичевых островов. Австралия и Новая Зеландия, развившиеся больше всех остальных районов Тихого океана как вследствие быстрой колонизации, так и благодаря влиянию Калифорнии, уже не соглашаются быть отделенными от цивилизованного мира 4—6 месяцами, которые требуются для рейса парусных судов. Общая численность населения австралийских колоний (кроме Новой Зеландии) возросла с 170676 (1839 г.) до 333764 в 1848 г., следовательно, увеличилась за девять лет на $95^1/_2$ процентов. Англия сама не может оставить эти колонии без пароходного сообщения; правительство в настоящее время ведет переговоры насчет установления линии, рейсы которой были бы согласованы с рейсами ост-индской почтовой линии, и независимо от того, удастся ли это правительству, или нет, потребность

в пароходном сообщении с Америкой и в особенности с Калифорнией, куда в прошлом году направилось 3500 эмигрантов из Австралии, скоро сама позаботится о своем удовлетворении. Можно поистине сказать, что земля начала становиться круглой лишь с того момента, когда обнаружилась необходимость в таком всемирном океанском пароходстве.

Это предстоящее расширение пароходных сообщений примет еще более широкие размеры вследствие упомянутого уже открытия доступа к голландским колониям и вследствие увеличения числа винтовых пароходов, на которых, как это все больше обнаруживается, можно быстрее, сравнительно дешевле и выгоднее перевозить эмигрантов, чем на парусных кораблях. Кроме винтовых пароходов, уже совершающих рейсы из Глазго и Ливерпуля в Нью-Йорк, по этой линии пойдут новые корабли и будет открыта новая линия между Роттердамом и Нью-Йорком. Насколько в настоящее время капитал вообще стремится найти приложение в океанском пароходстве, показывает постоянное увеличение числа конкурирующих пароходов, курсирующих между Ливерпулем и Нью-Йорком, открытие совершенно новых линий из Англии в Капскую колонию и из Нью-Йорка в Гавр, а также целый ряд аналогичных проектов, о которых только и говорят теперь в Нью-Йорке.

В этом устремлении капитала в трансокеанское пароходство и в строительство канала через американский перешеек уже заложена основа для чрезмерной спекуляции в этой области. Центром такой спекуляции по необходимости является Нью-Йорк, который получает наибольшее количество калифорнийского золота и уже захватил в свои руки главную часть торговли с Калифорнией, да и вообще играет для Америки ту же роль, какую Лондон играет для Европы. Нью-Йорк уже представляет собой центр всего трансатлантического пароходства; все пароходы Тихого океана также принадлежат нью-йоркским компаниям, и почти все новые проекты в этом деле возникают в Нью-Йорке. Спекуляция вокруг трансокеанских пароходных линий в Нью-Йорке уже началась. Компания Никарагуа, основанная в Нью-Йорке, также кладет начало спекуляции вокруг прорытия каналов через Панамский перешеек. Очень скоро здесь разовьется чрезмерная спекуляция, и, если даже английский капитал массами устремится в подобные предприятия, если даже лондонская биржа будет переполнена всякими проектами аналогичного характера, тем не менее Нью-Йорк на этот раз останется центром всей этой спекуляции и первым, как и в 1836 г., испытает крах. Многочисленные проекты лопнут, но, подобно тому как в 1845 г. из безудержной спекуляции вышла

английская сеть железных дорог, так на этот раз из безудержной спекуляции выйдет, хотя бы *в общих своих контурах,* всемирное пароходство. Пусть многие общества обанкротятся, но пароходы, которые удвоят движение по Атлантическому океану, откроют для сообщения Тихий океан, свяжут Австралию, Новую Зеландию, Сингапур, Китай с Америкой и сократят продолжительность кругосветного путешествия до четырех месяцев, — эти пароходы останутся.

Процветание Англии и Америки вскоре оказало обратное влияние на европейский материк. Уже летом 1849 г. в *Германии,* в особенности в Рейнской провинции, фабрики работали неплохо, а с конца 1849 г. началось общее деловое оживление. Это возобновившееся процветание, которое наши немецкие бюргеры наивно приписывают восстановлению порядка и спокойствия, на самом деле основано исключительно на возобновлении процветания в Англии и увеличении спроса на продукты промышленности на американских и тропических рынках. В 1850 г. в промышленности и торговле происходит еще больший подъем; совершенно так же, как и в Англии, внезапно обнаружился излишек капитала и началось необычайное оживление на денежном рынке; отчеты о франкфуртской и лейпцигской осенних ярмарках в высшей степени утешительны для заинтересованных буржуа. Шлезвиг-гольштейнские и кургессенские события[271], борьба вокруг вопроса о создании Германского союза и угрожающие ноты Австрии и Пруссии ни на минуту не могли задержать развитие этих признаков процветания, как иронически замечает «Economist», преисполненный чисто лондонского сознания своего превосходства.

Такие же симптомы стали обнаруживаться во *Франции* с 1849 г., а в особенности с начала 1850 года. Парижская промышленность полностью загружена работой, хлопчатобумажные фабрики в Руане и Мюльхаузене также работают довольно хорошо, хотя, так же как и в Англии, тут помехой явились высокие цены на сырье. При этом развитию процветания во Франции особенно содействовали широкая таможенная реформа в Испании и понижение пошлин на различные предметы роскоши в Мексике. Вывоз французских товаров на оба эти рынка сильно увеличился. Рост капиталов повел во Франции к целому ряду спекулятивных предприятий, поводом для которых послужила эксплуатация в крупном масштабе калифорнийских золотых приисков. Возникла масса обществ, которые своими мелкими акциями и подкрашенными социализмом проспектами апеллируют непосредственно к кошельку мелких буржуа и рабочих, но в общем сводятся к тому чистейшему надувательству, которое

свойственно только французам и китайцам. Одно из этих обществ пользуется даже прямым покровительством правительства. Ввозные пошлины составили во Франции за первые девять месяцев 1848 г. 63 миллиона франков, за девять месяцев 1849 г. — 95 миллионов франков, а за девять месяцев 1850 г. — 93 миллиона франков. Впрочем, в сентябре 1850 г. они опять выросли больше чем на один миллион по сравнению с тем же месяцем 1849 года. Вывоз также повысился в 1849 г. и еще больше в 1850 году.

Самым убедительным доказательством вновь наступившего процветания служит возобновление Французским банком, по закону 6 августа 1850 г., платежей наличными. 15 марта 1848 г. банк получил право приостановить платежи наличными. Количество находившихся в обращении банкнот, включая и провинциальные банки, составляло тогда 373 миллиона франков (14920000 фунтов стерлингов). 2 ноября 1849 г. в обращении находилось 482 миллиона франков, или 19280000 ф. ст., что означало увеличение на 4360000 ф. ст., а 2 сентября 1850 г. — 496 миллионов франков, или 19840000 ф. ст., т. е. увеличение приблизительно на 5 миллионов фунтов стерлингов. При этом обесценения банкнот не наблюдалось; наоборот, увеличение обращения банкнот сопровождалось все растущим накоплением золота и серебра в подвалах банка, так что летом 1850 г. металлический запас достиг приблизительно 14 миллионов ф. ст., неслыханной во Франции суммы. То обстоятельство, что банк таким образом оказался в состоянии увеличить обращение своих билетов и вместе с тем свой активный капитал на 123 миллиона франков, или 5 миллионов фунтов стерлингов, блестяще доказывает, как правильно было наше утверждение в одном из предыдущих номеров журнала[*], что финансовая аристократия не только не была сломлена в результате революции, но, наоборот, еще окрепла. Еще очевиднее становится этот результат из следующего обзора французского законодательства о банках за последние годы. 10 июня 1847 г. банк получил право выпускать билеты в 200 франков. До тех пор банкноты минимального достоинства были в 500 франков. Декретом от 15 марта 1848 г. билеты Французского банка были объявлены законным средством платежа, и банк был освобожден от обязательства обменивать их на звонкую монету. Его право на выпуск билетов было ограничено 350 миллионами франков. Одновременно с этим он получил право выпустить билеты достоинством в 100 франков.

[*] См. настоящий том, стр. 77—81. *Ред.*

Декретом от 27 апреля предписывалось слияние департаментских банков с Французским банком; другим декретом, от 2 мая 1848 г., ему разрешалось увеличить выпуск билетов до 442 миллионов франков. Декретом от 22 декабря 1849 г. максимум выпуска банкнот был доведен до 525 миллионов франков. Наконец, закон 6 августа 1850 г. опять установил право обмена банкнот на деньги. Эти факты — непрерывное увеличение обращения банкнот, концентрация всего французского кредита в руках банка и накопление всего французского золота и серебра в его подвалах — привели г-на Прудона к заключению, что банк теперь должен сбросить свою старую змеиную шкуру и превратиться в прудоновский народный банк. На самом же деле Прудону не нужно было даже быть знакомым с историей банковой рестрикции в Англии с 1797 по 1819 г., ему надо было только бросить взгляд по ту сторону канала, чтобы увидеть, что этот неслыханный для него в истории буржуазного общества факт был не чем иным, как весьма нормальным буржуазным явлением, которое только во Франции наступило теперь впервые. Мы видим, что мнимо-революционные теоретики, которые вслед за временным правительством задавали тон в Париже, были так же невежественны в вопросе о характере и результатах принятых мероприятий, как и сами господа из временного правительства.

Несмотря на процветание промышленности и торговли, наступившее теперь во Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, страдает от сильной депрессии. Хорошие урожаи последних лет понизили хлебные цены во Франции еще более, чем в Англии, и положение крестьян, задолжавших, истощенных ростовщиками и обремененных налогами, далеко не может считаться блестящим. Но, как достаточно ясно показала история последних трех лет, этот класс населения решительно неспособен к революционной инициативе.

Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходимого буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую бы то ни было другую страну. Но этот вывоз в Англию, в свою очередь, зависит от положения Англии, в особенности на заокеанских рынках. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно больше, чем весь континент, так что размеры континентального экспорта в эти страны всегда зависят от заокеанского вы-

воза Англии. Если поэтому кризисы порождают революции прежде всего на континенте, то причина их все же всегда находится в Англии. В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, .чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований.

При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы* и *буржуазные формы производства,* вступают между собой *в противоречие.* Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна.* Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего.*

Перейдем теперь к политическим событиям за последние шесть месяцев.

В Англии время процветания промышленности каждый раз является временем преуспевания вигов, которые находят свое достойное воплощение в самом маленьком человеке королевства, лорде Джоне Расселе. Министерство вносит в парламент проекты мелких второстепенных реформ, зная заведомо, что они провалятся в палате лордов или же что оно в конце сессии само возьмет их обратно под предлогом недостатка времени. А недостаток времени обычно. объясняется предшествовавшим избытком скучной и пустой болтовни, которую спикер обычно по возможности позже прекращает замечанием, что этот вопрос не подлежит обсуждению палаты. Борьба между фритредерами и протекционистами в такое время вырождается в чистейшее краснобайство. Масса фритредеров слишком занята фактическим использованием свободы торговли и не имеет ни времени,

ни охоты более разумно добиваться ее политических результатов; протекционисты же ограничиваются смешными иеремиадами и угрозами, направленными против подъема промышленности в городах. Партии только приличия ради продолжают вести борьбу, чтобы постоянно напоминать о себе друг другу. Перед последней сессией промышленные буржуа подняли страшный шум в пользу финансовой реформы; в самом парламенте они ограничились лишь теоретическим резонерством. Накануне сессии г-н Кобден в связи с русским займом повторил свое объявление войны царю и с большим сарказмом говорил о великом петербургском паупере; шестью месяцами позже он уже опустился до участия в скандальном фарсе конгресса мира[272], единственным результатом которого было то, что индеец из племени оджибуэйев, к великому негодованию находившегося на трибуне г-на Гайнау, вручил г-ну Яупу трубку мира и что янки Элихью Бёррит, этот апостол трезвости, отправился в Шлезвиг-Гольштейн и Копенгаген, чтобы уверить соответствующие правительства в своих добрых намерениях. Как будто вся война из-за Шлезвиг-Гольштейна могла когда-либо принять серьезный оборот, пока в этом деле принимает участие г-н фон Гагерн, а Венедей — нет!

Действительным крупным политическим вопросом закрывшейся сессии были *дебаты по поводу Греции*[273]. Вся абсолютистская реакция континента вошла в коалицию с английскими тори, чтобы опрокинуть Пальмерстона. Луи-Наполеон даже отозвал из Лондона французского посла как для того, чтобы доставить удовольствие царю Николаю, так и для того, чтобы польстить французскому национальному тщеславию. Все Национальное собрание бешено аплодировало этому смелому разрыву с традиционным союзом с Англией. Эта история дала повод Пальмерстону выступить в палате общин в роли борца за гражданские свободы во всей Европе. Он получил большинство в 46 голосов, и результатом этой столь же бессильной, сколь и бессмысленной коалиции явилось то, что билль об иностранцах не был возобновлен.

Если Пальмерстон в своей демонстрации против Греции и в своей парламентской речи против европейской реакции высказался в буржуазно-либеральном духе, то английский народ воспользовался присутствием в Лондоне г-на *Гайнау,* чтобы блестяще продемонстрировать *свою* внешнюю политику[274].

Если народ преследовал на улицах Лондона военного представителя Австрии, то Пруссию в лице ее дипломатического представителя постигло соответствующее ее положению злоключение. Всем памятно, как болтливый писака Брум, самая коми-

ческая фигура в Англии, при общем смехе дам, удалил с галереи палаты лордов писаку *Бунзена* за бестактное и нахальное поведение. Г-н Бунзен спокойно отнесся к этому унижению, как и подобает представляемой им великой державе. Он вообще не уедет из Англии, что бы с ним ни случилось. Всеми своими частными интересами он привязан к Англии. Он будет и впредь использовать свой дипломатический пост, наживая капитал на рассуждениях об англиканской религии и подыскивая своим сыновьям местечки в лоне англиканской церкви, а своим дочерям — женихов из числа английских джентри любого ранга.

Смерть сэра Роберта *Пиля* сильно содействовала ускорению разложения старых партий. Партия, составлявшая с 1845 г. его главную опору, так называемая партия пилитов, после его смерти совершенно распалась. Самого Пиля почти все партии посмертно превозносили сверх меры как величайшего государственного мужа Англии. Он во всяком случае имел то преимущество пред «государственными мужами» континента, что не был простым карьеристом. В остальном государственный ум этого выходца из буржуазии, ставшего вождем земельной аристократии, заключался в понимании того, что в наши дни существует только лишь одна настоящая аристократия, а именно буржуазия. И в этом смысле он пользовался своей руководящей ролью среди земельной аристократии, чтобы постоянно вынуждать ее к уступкам в пользу буржуазии. Так было с эмансипацией католиков[275] и с реформой полиции[276], благодаря чему он усилил политическую власть буржуазии; законами о банках 1818[277] и 1844 гг., которые усилили финансовую аристократию; тарифной реформой 1842 г.[278] и законами о свободе торговли 1846 г.[279], которыми земельная аристократия была прямо принесена в жертву промышленной буржуазии. Второй столп аристократии, «железный герцог»*, герой Ватерлоо, неизменно, как разочарованный Дон-Кихот, поддерживал хлопчатобумажного рыцаря Пиля. С 1845 г. партия тори относилась к Пилю как к предателю. Власть Пиля над палатой общин объяснялась необыкновенной *доходчивостью его красноречия.* Стоит прочитать самые знаменитые его речи, чтобы увидеть, что они состоят из нагромождения общих мест, между которыми умело сгруппировано большое количество статистических данных. Почти все города Англии хотят ставить памятники тому, кто отменил хлебные пошлины. Одна чартистская газета, намекая на организованную Пилем

* — Веллингтон. *Ред.*

в 1829 г. полицию, спрашивала: к чему нам все эти памятники Пилю? Каждый полицейский в Англии и в Ирландии есть живой памятник Пилю[280].

Последним событием, вызвавшим сенсацию в Англии, было назначение папой г-на *Уайзмена вестминстерским архиепископом с титулом кардинала* и разделение Англии на тринадцать католических епископств. Этот крайне неожиданный для англиканской церкви шаг наместника Христа является новым доказательством той иллюзии, которой предается вся реакция на континенте, что вместе с недавно одержанными ею на службе у буржуазии победами теперь должно само собой последовать также восстановление всего феодально-абсолютистского общественного порядка со всеми его религиозными атрибутами. Единственной опорой католицизма в Англии являются две крайние группы общества: аристократия и люмпен-пролетариат. Люмпен-пролетариат — чернь, состоящая из ирландцев или потомков ирландцев, которые по происхождению своему — католики. Аристократия же предавалась фешенебельному увлечению пьюзиизмом[281], пока, наконец, не начал становиться модой и самый переход в лоно католической церкви. В такое время, когда английская аристократия в своей борьбе против прогрессивной буржуазии вынуждена была все больше обнаруживать свой феодальный характер, разумеется, неизбежно было, что и религиозные идеологи аристократии, ортодоксальные богословы высокой церкви, в борьбе с богословами буржуазной диссентерской религии[282], все больше должны были признавать выводы, вытекающие из их полукатолических догматов и обрядов, и даже что переход отдельных реакционных приверженцев англиканской церкви к первоначальной единоспасающей церкви должен был совершаться все чаще. Эти незначительные явления вызвали в головах английского католического духовенства самые радужные надежды на скорое обращение всей Англии в католицизм. Новая папская булла[283], которая уже снова рассматривает Англию как римскую провинцию и которая должна была еще больше усилить тенденцию к переходу в католицизм, возымела, однако, обратное действие. Пьюзииты, неожиданно столкнувшись лицом к лицу с серьезными последствиями своей игры в средневековье, отступили с негодованием, и пьюзиитский лондонский епископ тотчас же выпустил заявление, в котором он отказывается от всех своих заблуждений и объявляет непримиримую войну папской власти. — Для буржуазии вся эта комедия представляет лишь тот интерес, что она дает ей повод к новым нападкам на высокую церковь и на ее университеты. Следственная комиссия, которая должна дать отчет о положе-

нии университетов, вызовет горячие дебаты на следующей сессии. Масса народа, конечно, мало интересуется кардиналом Уайзменом. Газетам же он, наоборот, при теперешней скудости новостей, дает желанный материал для длинных статей и гневных диатриб против Пия IX. «Times» требовал даже, чтобы правительство в наказание за его посягательства вызвало восстание в Папской области и напустило на папу г-на Мадзини и итальянских эмигрантов. «Globe», орган Пальмерстона, проводит чрезвычайно остроумную параллель между папской буллой и последним манифестом Мадзини. Папа, говорит он, требует духовного главенства над Англией и назначает епископов in partibus infidelium[284]. Здесь в Лондоне заседает итальянское правительство in partibus infidelium, во главе которого стоит анти-папа[285], г-н Мадзини. Главенство, которого г-н Мадзини не только требует в папских владениях, но которым он действительно пользуется, точно так же носит в настоящий момент чисто духовный характер. Папские буллы имеют чисто религиозное содержание, манифесты Мадзини тоже, они проповедуют религию, апеллируют к вере, их девиз — Dio ed il popolo, бог и народ. Мы спрашиваем, есть ли какая-нибудь разница между претензиями обоих, кроме того, что г-н Мадзини является, по крайней мере, представителем религии большинства народа, к которому он обращается, — потому что в Италии почти нет иной религии, кроме религии Dio ed il popolo, — в то время как папа таким представителем не является? Мадзини, впрочем, воспользовался этим случаем, чтобы пойти еще дальше. А именно, он, совместно с остальными членами итальянского Национального комитета, выпустил теперь из Лондона тот заем в 10 млн. фр., который был одобрен в свое время римским Учредительным собранием[286], в акциях достоинством в 100 фр., и именно для приобретения оружия и военного снаряжения. Нельзя отрицать, что этот заем имеет больше шансов, чем неудавшийся добровольный заем австрийского правительства в Ломбардии[287].

Действительно серьезный удар, который Англия в последнее время нанесла Риму и Австрии, это ее торговый договор с Сардинией. Этот договор подрывает австрийский проект итальянского таможенного союза, обеспечивает для английской торговли и для английской буржуазной политики значительные позиции в Северной Италии.

Существовавшая до сих пор организация чартистской партии также распадается. Мелкие буржуа, находящиеся еще в партии, связаны с рабочей аристократией и составляют чисто демократическую фракцию, программа которой ограничивается Народной хартией и еще кое-какими мелкобуржуазными

реформами. Масса рабочих, живущих в действительно пролетарских условиях, принадлежит к революционной фракции чартистов. Во главе первой стоит Фергюс *О'Коннор,* во главе второй — Джулиан *Гарни* и Эрнест *Джонс.* Старый О'Коннор, ирландский сквайр, претендующий на звание потомка древних королей Манстера, несмотря на свое происхождение и политическое направление, является истинным представителем старой Англии. По всей своей природе он консервативен и питает весьма определенную ненависть как к промышленному прогрессу, так и к революции. Все его идеалы насквозь проникнуты патриархально-мелкобуржуазным духом. Он соединяет в себе невыразимую массу противоречий, находящих свое разрешение и гармонию в некотором плоском common sense* и дающих ему возможность из года в год писать свои еженедельные длиннейшие письма в «Northern Star», причем обыкновенно каждое новое письмо находится в явном противоречии с предыдущим. Именно поэтому О'Коннор считает себя самым последовательным человеком во всех трех королевствах, человеком, который в течение двадцати лет предсказывал все события. Его широкие плечи, зычный голос, замечательное искусство в боксе, благодаря которому, как рассказывают, он однажды отстоял ноттингемский рынок от толпы более чем в двадцать тысяч человек, — все это характерно для представителя старой Англии. — Ясно, что такой человек, как О'Коннор, должен быть большим препятствием в революционном движении. Но такие люди именно и полезны тем, что вместе с ними и в борьбе с ними изживается масса давно укоренившихся предрассудков и что движение, преодолев, в конце концов, этих людей, раз навсегда избавляется и от предрассудков, представителями которых они являлись. 0'Коннор погибнет в ходе движения, но он поэтому будет иметь такую же возможность претендовать на звание «мученика правого дела», как гг. Ламартин и Марраст.

Главным спорным пунктом между обеими фракциями чартистов является земельный вопрос. О'Коннор и его партия хотят использовать хартию для того, чтобы посадить часть рабочих на мелкие участки земли и, в конце концов, сделать парцелляцию земельной собственности всеобщим явлением в Англии. Известно, как провалилась его попытка осуществить эту парцелляцию в небольших масштабах при помощи акционерного общества. Тенденция каждой буржуазной революции — раздробить крупную земельную собственность, несмотря на то, что эта тенденция постоянно дополняется безусловной тенден-

* — здравом смысле. *Ред.*

цией мелкой собственности к концентрации, к гибели при столкновении с крупным сельскохозяйственным производством, могла некоторое время порождать у английских рабочих представление о предложенной О'Коннором парцелляции, как о чем-то революционном. Этому требованию парцелляции земельной собственности революционная фракция чартистов противопоставляет требование конфискации всей земельной собственности и требует, чтобы она не была разделена, а оставалась бы национальной собственностью.

Несмотря на этот раскол и на провозглашение крайних требований, чартисты, сохранившие воспоминание о тех обстоятельствах, при которых прошла отмена хлебных законов, все еще сознают, что при ближайшем кризисе им опять придется идти вместе с промышленными буржуа, сторонниками финансовых реформ, чтобы помочь им разбить их врагов, добившись от них за это известных уступок. Такова будет, во всяком случае, позиция чартистов в предстоящем кризисе. Настоящее революционное движение может начаться в Англии лишь тогда, когда будет проведена хартия, подобно тому как во Франции июньская битва стала возможна лишь после того, как была завоевана республика.

Обратимся теперь к *Франции.*

Заставив произвести новые выборы 28 апреля, народ сам свел к нулю победу, которую он одержал в союзе с мелкой буржуазией на выборах 10 марта. Видаль был избран не только в Париже, но и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта — реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как шутку в угоду гризеткам. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой июньскую *победу.* Этим комическим кандидатом был спартанский отец семейства Леклер, героические доспехи которого пресса, однако, сорвала по кусочкам и который потерпел на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой

революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии полностью убедили в том, что последние решили при всех обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы *избирательным законом,* который отменял всеобщее избирательное право.

Правительство было настолько осторожно, что не взяло этот законопроект на свою собственную ответственность. Оно сделало мнимую уступку большинству, предоставив разработку этого проекта главарям большинства, семнадцати бургграфам[288]. Таким образом, не правительство предложило Национальному собранию, а большинство Собрания предложило самому себе отмену всеобщего избирательного права.

8 мая проект был внесен в палату. Вся социально-демократическая печать в один голос стала убеждать народ держать себя с достоинством» соблюдать calme majestueux[*], оставаться пассивным и доверять своим представителям. Каждая статья в этих газетах была признанием, что революция прежде всего уничтожит так называемую революционную печать и что, стало быть, дело идет теперь о ее самосохранении. Мнимо-революционная печать выдала свою тайну. Она подписала свой собственный смертный приговор.

21 мая Гора поставила вопрос на предварительное обсуждение и потребовала отклонения всего законопроекта на том основании, что он нарушает конституцию. Партия порядка, ответила на это, что конституция будет нарушена, когда это потребуется, теперь же это .излишне, так как конституция может быть истолкована любым образом и лишь большинство компетентно решать, какое толкование правильно. Разнузданные, дикие нападки Тьера и Монталамбера Гора встретила с благовоспитанной и просвещенной гуманностью. Она ссылалась на почву права; партия порядка указала ей на почву, на которой вырастает право, на буржуазную собственность. Гора взмолилась: неужели действительно хотят во что бы то ни стало вызвать революцию? Партия порядка ответила: она не застигнет нас врасплох.

22 мая было покончено с предварительным обсуждением вопроса большинством в 462 голоса против 227. Те самые люди,

[*] — величественное спокойствие. *Ред.*

которые так торжественно и так основательно доказывали, что Национальное собрание и каждый депутат в отдельности лишаются своих полномочий, лишь только они лишают прав народ, давший им эти полномочия, продолжали спокойно сидеть на своих местах и, вместо того, чтобы действовать самим, неожиданно предоставили действовать стране, а именно путем петиций; они не пошевелились и тогда, когда 31 мая самый закон прошел блестящим образом. Они пытались отомстить за себя протестом, в котором они запротоколировали свою непричастность к изнасилованию конституции, но и этот протест они не заявили открыто, а тайком сунули в карман председателю.

Стопятидесятитысячная армия в Париже, бесконечное откладывание окончательного решения, призывы печати к спокойствию, малодушие Горы и новоизбранных депутатов, величественное спокойствие, мелкой буржуазии, а главным образом процветание торговли и промышленности препятствовали всякой революционной попытке со стороны пролетариата.

Всеобщее избирательное право выполнило свою миссию. Большинство народа прошло ту образовательную школу, роль которой оно только и может играть в революционную эпоху. Оно должно было быть устранено либо революцией, либо реакцией.

Еще больше энергии проявила Гора при последовавшем вскоре инциденте. Военный министр Опуль назвал с трибуны Собрания февральскую революцию злополучной катастрофой. Ораторам Горы, проявившей, как всегда, сильным шумом свое нравственное негодование, председатель Дюпен не предоставил слова. Жирарден предложил Горе тотчас же в полном составе выйти из залы. Результат: Гора осталась на месте, а Жирарден, как недостойный, был выброшен из ее лона.

Избирательный закон нуждался еще в одном дополнении, в новом *законе о печати.* Последний не заставил себя долго ждать. Законопроект правительства, оказавшийся ещё более суровым в результате многочисленных поправок, внесенных партией порядка, увеличивал залоги, предусматривал особый штемпельный сбор с романов, печатающихся в газетах (ответ на избрание Эжена Сю), облагал налогом все выходящие в еженедельных и ежемесячных выпусках произведения до известного количества листов и, наконец, устанавливал, что каждая газетная статья должна быть снабжена подписью автора. Постановления о залогах убили так называемую революционную печать; народ смотрел на ее гибель как на возмездие за отмену всеобщего избирательного права. Но тенденция и

действие нового закона не ограничивались только этой частью печати. Пока пресса была анонимной, она являлась органом широкого и безымянного общественного мнения; она была третьей властью в государстве. Подписывание каждой статьи превращало газету в простой сборник литературных произведений более или менее известных лиц. Каждая статья опустилась до уровня газетного объявления. До этого момента газеты имели хождение в качестве бумажных денег общественного мнения, теперь они превратились в более или менее сомнительные соло-векселя, доброкачественность и ходкость которых зависели не только от кредита векселедателя, но также от кредита индоссанта. Печать партии порядка подстрекала не только к отмене всеобщего избирательного права, но и к самым крайним мерам против «дурной» печати. Однако даже «хорошая» печать со своей зловещей анонимностью была не по вкусу партии порядка, в особенности отдельным ее представителям из провинции. Она желала иметь дело только с оплачиваемыми литераторами, хотела знать их имена, местожительство и приметы. Напрасно «хорошая» печать плакалась на черную неблагодарность, которой ей платят за ее услуги. Закон прошел, и требование подписей ударило прежде всего по ней самой. Имена республиканских публицистов были достаточно известны, но почтенные фирмы «Journal des Debats», «Assemblee Nationale», «Constitutionnel» и т. д. и т. д. с их широко рекламируемой государственной мудростью оказались в глупейшем положении, когда вся эта таинственная компания вдруг предстала в виде продажных набивших себе руку penny-a-liners*, которые за чистоган защищали на своем веку все что угодно, вроде Гранье де Кассаньяка, или в виде старых тряпок, называвших сами себя государственными людьми, вроде Капфига, или в виде кокетничающих щелкоперов вроде г-на Лемуана из «Debats».

При обсуждении закона о печати Гора успела уже дойти до такой степени морального падения, что должна была ограничиться только тем, что аплодировала блестящим тирадам старой луи-филипповской знаменитости, г-на Виктора Гюго.

С принятием избирательного закона и закона о печати революционная и демократическая партия сошла с официальной сцены. Немного спустя после конца сессии, перед разъездом по домам, обе фракции Горы — социалистические демократы и демократические социалисты — выпустили два манифеста, два testimonia paupertatis**, в которых они доказывали, что если сила

* — строчкогонов. *Ред.*
** — свидетельства о бедности. *Ред.*

и успех никогда не были на их стороне, зато они-то всегда стояли на стороне вечного права и всех прочих вечных истин.

Обратимся теперь к партии порядка. Журнал «Neue Rheinische Zeitung» писал в № 3, стр. 16: «Против реставраторских вожделений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает юридическое основание своей фактической власти — республику; против реставраторских вожделений Бонапарта партия порядка защищает юридическое основание своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto[*] своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вожделениям своих соперников общее господство буржуазии, форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, — *республику...* Тьер и не подозревал, какая правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики»»[**].

Эта комедия républicains malgré eux[***], комедия противодействия status quo[****] и неизменное укрепление его; постоянные стычки Бонапарта с Национальным собранием; постоянно возобновлявшаяся для партии порядка опасность распасться на свои составные части и постоянное новое сплочение ее фракций; попытки каждой из них превратить всякую победу над общим врагом в поражение своих временных союзников; взаимная зависть, подвохи и травля, безустанно обнажаемые шпаги, а в результате всегда — baiser-Lamourette[289], — вся эта неказистая комедия ошибок никогда еще не развивалась столь классически, как в течение последних шести месяцев.

Партия порядка рассматривала избирательный закон вместе с тем как победу над Бонапартом. Передав Комиссии семнадцати редактирование своего законопроекта и ответственность за него, правительство Бонапарта разве не отреклось тем самым от власти? Разве главная опора Бонапарта против Собрания заключалась не в том, что он был избранником шести миллионов?— Бонапарт со своей стороны смотрел на избирательный закон как на уступку Собранию, уступку, с помощью которой он купил гармонию между законодательной и исполнительной властью. В награду за это низкий авантюрист потребовал

[*] — в душе. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 77. *Ред.*
[***] — республиканцев поневоле. (Намек на комедию Мольера «Лекарь поневоле».) *Ред.*
[****] — существующему порядку. *Ред.*

увеличения своего цивильного листа на три миллиона. Могло ли Национальное собрание вступить в конфликт с исполнительной властью в момент, когда оно объявляло вне закона громадное большинство французского народа? Оно вознегодовало; казалось, оно решилось на самые крайние меры; его комиссия отклонила предложение; бонапартистская печать, в свою очередь, приняла грозную позу, указывая на ограбленный, лишенный своего избирательного права народ. Состоялось множество шумных попыток соглашения; в конце концов Собрание уступило на деле, но одновременно отомстило в принципе. Вместо постоянного принципиального увеличения цивильного листа на три миллиона в год оно вотировало Бонапарту лишь единовременное вспомоществование в размере 2160000 франков. Не удовлетворившись этим, оно и эту уступку сделало лишь тогда, когда за нее высказался Шангарнье, генерал партии порядка и непрошенный покровитель Бонапарта. Таким образом, эти 2 миллиона были вотированы собственно не Бонапарту, а Шангарнье.

Эта брошенная de mauvaise grace* подачка была принята Бонапартом совершенно в духе дарителя. Бонапартистская печать возобновила свои нападки на Национальное собрание, а когда при обсуждении закона о печати была внесена поправка насчет указания имен авторов, направленная прежде всего против второстепенных газет, представительниц частных интересов Бонапарта, главный бонапартистский орган «Pouvoir» с несдерживаемой яростью напал на Национальное собрание. Министрам пришлось перед лицом Собрания отречься от этой газеты; ответственный редактор «Pouvoir» был вызван к ответу перед Национальным собранием и приговорен к высшему денежному штрафу в 5000 франков. На следующий день «Pouvoir» напечатал еще более дерзкую статью против Собрания, а правительство в отместку возбудило судебное преследование против нескольких легитимистских газет за нарушение конституции.

Наконец, был поставлен вопрос об отсрочке заседаний палаты. Бонапарту нужна была эта отсрочка, чтобы орудовать без всякой помехи со стороны Собрания. Партии порядка она была нужна отчасти для ее фракционных интриг, отчасти из-за личных интересов отдельных депутатов. Обоим она нужна была для укрепления и расширения побед реакции в провинции. Собрание поэтому отложило свои заседания с 11 августа до 11 ноября. Но так как Бонапарт вовсе не скрывал, что стремится лишь к тому, чтобы избавиться от тягостного надзора Нацио-

* — неохотно. *Ред.*

нального собрания, то Собрание самому своему вотуму доверия придало характер недоверия к президенту. Ни один бонапартист не вошел в постоянную комиссию из двадцати восьми человек, которая осталась стоять на страже добродетели республики во время каникул[290]. Вместо бонапартистов было выбрано даже несколько республиканцев из «Siecle» и «National», чтобы доказать президенту приверженность большинства к конституционной республике.

Незадолго перед отсрочкой заседаний палаты, и в особенности сейчас же после этой отсрочки, казалось, что обе большие фракции партии порядка, орлеанисты и легитимисты, готовы помириться, а именно, на почве слияния обеих королевских фамилий, под знаменами которых они боролись. Газеты были переполнены проектами примирения, которые обсуждались у постели больного Луи-Филиппа в Сент-Леонардсе; но смерть Луи-Филиппа внезапно упростила положение. Луи-Филипп был узурпатором, Генрих V был им ограблен, а граф Парижский, за бездетностью Генриха V, оказался его законным наследником. Теперь исчез всякий предлог для возражений против слияния интересов обеих династий. Но как раз теперь обе фракции буржуазии поняли, наконец, что их разделяет не сентиментальная привязанность к той или другой королевской фамилии, а, напротив, что их различные классовые интересы разъединяли обе династии. Легитимисты, отправившиеся на поклон к Генриху V в Висбаден, так же как их конкуренты — в Сент-Леонардс, получили там известие о смерти Луи-Филиппа. Они тотчас же образовали министерство in partibus infidelium[291], в которое вошли главным образом члены вышеупомянутой комиссии стражей добродетели республики и которое по случаю возникшего в партии конфликта не замедлило выступить с самым откровенным прокламированием права божьей милостью. Орлеанисты ликовали по поводу компрометирующего скандала, вызванного в печати этим манифестом[292], и нисколько не скрывали своей открытой вражды к легитимистам.

Во время перерыва заседаний Национального собрания открыли свои заседания представительные собрания департаментов. Большинство их высказалось за ограниченный большими или меньшими оговорками пересмотр конституции, т. е. высказалось за монархическую реставрацию, не давая ей более точного определения, за *«решение вопроса»,* сознавая вместе с тем себя слишком некомпетентным и слишком трусливым, чтобы найти это решение. Бонапартистская фракция поспешила истолковать это желание пересмотра в смысле продления президентских полномочий Бонапарта.

Господствующий класс никак не мог допустить законного конституционного решения вопроса — отставки Бонапарта в мае 1852 г., одновременного избрания нового президента всеми избирателями страны и пересмотра конституции особой, избранной для этого палатой в течение первых месяцев нового президентства. День новых президентских выборов был бы днем встречи всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. В результате неизбежно произошло бы насильственное столкновение между различными фракциями. Если бы даже партии порядка удалось объединиться на каком-либо нейтральном кандидате, стоящем вне династических фамилий, то против него выступил бы Бонапарт. В своей борьбе против народа партия порядка принуждена постоянно увеличивать силу исполнительной власти. Всякое усиление исполнительной власти усиливает ее носителя — Бонапарта. Поэтому всякий шаг, который предпринимает партия порядка для усиления своего общего могущества, усиливает боевые средства Бонапарта с его династическими претензиями, увеличивает его шансы в критический момент силой помешать конституционному решению. Тогда Бонапарт в своей борьбе с партией порядка не остановится перед нарушением одной из основ конституции, точно так же как партия порядка в своей борьбе с народом не остановилась перед нарушением другой основы конституции, отменив всеобщее избирательное право. По всей вероятности, он апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему избирательному праву. Одним словом, конституционная развязка ставит на карту весь политический status quo, а за колебанием status quo буржуа мерещится хаос, анархия, гражданская война. Ему мерещится, что с первым воскресеньем мая 1852 г. будут поставлены на карту все его сделки по купле и продаже, его векселя, брачные контракты, нотариальные акты, ипотеки, земельная рента, квартирная плата, прибыль, все его контракты и источники доходов, — а такому риску он не может себя подвергнуть. За колебанием политического status quo таится опасность краха всего буржуазного общества. Единственная возможная для буржуазии развязка — это отсрочка развязки. Она может спасти конституционную республику только путем нарушения конституции, путем продления власти президента. Это и есть последнее слово печати партии порядка после всех продолжительных и глубокомысленных прений о «решениях вопроса», которым она предалась по окончании сессии генеральных советов. Таким образом, могущественная партия порядка, к стыду своему, видит себя вынужденной серьезно считаться со

смешной, пошлой и ненавистной ей личностью псевдо-Бонапарта.

Эта грязная личность, в свою очередь, ошибалась насчет истинных причин того, почему ей все более и более выпадала роль необходимого человека. В то время как его партия была достаточно проницательна, чтобы приписывать растущее значение Бонапарта создавшейся обстановке, сам он верил, что обязан этим только магическому влиянию своего имени и своему неустанному пародированию Наполеона. Его предприимчивость росла с каждым днем. На паломничества в Висбаден и Сент-Леонардс он ответил своими поездками по Франции. Бонапартисты так мало возлагали надежд на магическое действие его персоны, что посылали за ним повсюду целые поезда и битком набитые дилижансы клакеров, членов Общества 10 декабря, этой организации парижского люмпен-пролетариата. Они вкладывали в уста своей марионетки слова, которые, смотря по приему, оказанному президенту в том или другом городе, означали бы — в качестве девиза политики президента — или республиканское смирение, или выдержку и настойчивость. Несмотря на все маневры, эти поездки меньше всего походили на триумфальные шествия.

В уверенности, что ему удалось таким путем воодушевить народ, Бонапарт принялся за агитацию среди армии. Он устроил на равнине Сатори, у Версаля, большие смотры войскам, на которых старался подкупить солдат чесночной колбасой, шампанским и сигарами. Если настоящий Наполеон умел ободрять истомленных солдат среди тягот своих завоевательных походов внезапными проявлениями патриархальной фамильярности, то псевдо-Наполеон воображал, что войска выражали ему благодарность, когда кричали «Vive Napoléon, vive le saucisson!»*, т. е. «Да здравствует колбаса, да здравствует скоморох!»**

Эти смотры привели к тому, что обнаружился долго скрывавшийся разлад между Бонапартом и военным министром Опулем, с одной стороны, и Шангарнье — с другой. В лице Шангарнье партия порядка нашла своего действительно нейтрального человека, у которого не могло быть и речи о собственных династических притязаниях. Она предназначала его в преемники Бонапарту. К тому же, благодаря своему поведению 29 января и 13 июня 1849 г. Шангарнье стал великим полководцем партии порядка, новым Александром, разрубившим, по мнению

* — «Да здравствует Наполеон, да здравствует колбаса!» *Ред.*
** Игра слов; «Wurst»—«колбаса», «Hanswurst»—«скоморох». *Ред.*

робкого буржуа, своим грубым вмешательством гордиев узел революции. Будучи по существу не менее жалким, чем Бонапарт, он таким весьма дешевым способом сделался силой и был выдвинут Национальным собранием для надзора за президентом. Он сам кокетничал — например, в дебатах об окладе президента — ролью покровителя Бонапарта и все высокомернее держал себя с ним и с министрами. Когда по случаю нового избирательного закона ожидали восстания, он запретил своим офицерам принимать какие бы то ни было приказания от военного министра или от президента. Печать, со своей стороны, способствовала возвеличению личности Шангарнье. За полным отсутствием сколько-нибудь выдающихся личностей партии порядка пришлось наделить одного человека силой, которой не было у всего ее класса, и таким путем раздуть его в какого-то великана; Так возник миф о Шангарнье — *«оплоте общества».* Наглое шарлатанство, таинственное важничанье, с которыми Шангарнье удостаивал носить на своих плечах весь мир, образуют в высшей степени смешной контраст с событиями на саторийском смотру и после него. Эти события неопровержимо доказали, что достаточно одного росчерка пера Бонапарта, этой бесконечно малой величины, чтобы низвести фантастическое порождение буржуазного страха, великана Шангарнье, к масштабам заурядной посредственности и превратить его, героя, спасающего общество, в отставного генерала на пенсии.

Бонапарт уже однажды отомстил Шангарнье, спровоцировав своего военного министра на дисциплинарные столкновения с неудобным покровителем. Последний смотр в Сатори довел, наконец, старую вражду до открытой вспышки. Конституционное негодование Шангарнье не знало больше никаких границ, когда кавалерийские полки продефилировали перед Бонапартом с антиконституционными криками «Vive l'Empereur!»[*] Во избежание неприятных прений по поводу этих возгласов на предстоящей сессии палаты Бонапарт удалил военного министра Опуля, назначив его губернатором Алжира. На его место он поставил вполне надежного старого генерала времен Империи, который своей грубостью нисколько не уступал Шангарнье. Но, чтобы отставка Опуля не показалась уступкой Шангарнье, Бонапарт одновременно перевел генерала Неймейера, правую руку великого спасителя общества, из Парижа в Нант. Неймейер был виновником того, что на последнем смотру пехота продефилировала мимо преемника Наполеона в ледяном молчании. Шангарнье, лично затронутый переводом

[*] — «Да здравствует император!» *Ред.*

Неймейера, стал протестовать и грозить. Тщетно! После двухдневных переговоров декрет о переводе Неймейера появился в «Moniteur», и герою .порядка не оставалось ничего другого, как подчиниться дисциплине или подать в отставку.

Борьба Бонапарта с Шангарнье является продолжением его борьбы с партией порядка. Новая сессия Национального собрания поэтому открывается 11 ноября при зловещих предзнаменованиях. Но это будет буря в стакане воды. В общем повторится старая игра. Большинство партии порядка, несмотря на вопли блюстителей принципов различных ее фракций, вынуждено будет продлить полномочия президента. В свою очередь, Бонапарт, смирившись уже из-за одного недостатка денег, примет, несмотря на все свои прежние протесты, это продление власти как простое полномочие из рук Национального собрания. Таким образом, решение вопроса откладывается, status quo сохраняется; каждая из фракций партии порядка компрометирует и ослабляет, делает невозможной другую; усиливаются и в конце концов исчерпывают себя репрессии против общего врага, против массы нации, пока, наконец, сами экономические отношения снова не достигнут такой ступени развития, когда от нового взрыва взлетят на воздух все эти ссорящиеся партии с их конституционной республикой.

К утешению буржуа нужно, впрочем, прибавить, что потасовка между Бонапартом и партией порядка повлекла за собой разорение на бирже множества мелких капиталистов и переход их капиталов в карманы крупных биржевых волков.

В *Германии* политические события последнего полугодия сводятся к комедии, в которой Пруссия надувает либералов, а Австрия — Пруссию.

В 1849 г. казалось, что речь идет о гегемонии Пруссии в Германии; в 1850 г. речь шла о разделении власти между Австрией и Пруссией; в 1851 г. речь пойдет уже лишь о том, в какой форме Пруссия подчинится Австрии и вернется — в роли кающегося грешника — в лоно полностью восстановленного *Союзного сейма.* Малая Германия[293], которую прусский король надеялся приобрести в вознаграждение за свое злосчастное императорское шествие по Берлину 21 марта 1848 г.[294], превратилась в малую Пруссию. Пруссия должна была смиренно снести любые унижения и выбыла из числа великих держав. Даже скромная мечта об унии потерпела крушение в результате обычной недальновидной хитрости ее политики. Она мошеннически приписывала унии либеральный характер и одурачила таким образом мудрецов Готской партии[295] конституционными фантасмагориями, которых она никогда не принимала

всерьез; и все же Пруссия сама благодаря всему своему промышленному развитию, своему постоянному дефициту, своему государственному долгу стала настолько буржуазной, что, как она ни изворачивалась и ни сопротивлялась, все более и более впадала в конституционализм. Если готские мудрецы, наконец, обнаружили, как позорно Пруссия обошлась с их благоразумием и достоинством, если даже какой-нибудь Гагерн или Брюггеман с нравственным негодованием отвернулись, в конце концов, от правительства, которое так нагло играло единством и свободой отечества, то не большие радости принесли Пруссии и те птенцы, которых она собирала под свое крылышко, — мелкие государи. Эти князьки только в момент крайнего угнетения и беззащитности доверились когтям жаждущего медиатизации[296] прусского орла. За приведение своих подданных к прежнему послушанию при помощи прусской интервенции, угроз и демонстраций им пришлось дорого заплатить — кабальными военными договорами, разорительными постоями и близкой перспективой медиатизации путем введения союзной конституции. Но Пруссия сама позаботилась о том, чтобы они избегли этой новой напасти. Пруссия везде снова восстановила господство реакции, а по мере того как продвигалась реакция, мелкие государи отпадали от Пруссии, чтобы броситься в объятия *Австрии.* Коль скоро они опять могли властвовать по домартовскому способу, то абсолютистская Австрия была им ближе, чем Пруссия, которая в такой же мере не могла быть абсолютистской, как не хотела быть либеральной. К тому же австрийская политика направлена была не на медиатизацию мелких государств, а, наоборот, на их сохранение в качестве неотъемлемых частей возрождаемого к жизни Союзного сейма. Таким образом, Пруссии пришлось смириться с тем, что от нее отпала Саксония, которую за несколько месяцев до этого спасли прусские войска, что отпали Ганновер, Кургессен, а теперь и Баден последовал за остальными, несмотря на наличие в стране прусских гарнизонов. Поддерживая реакцию в Гамбурге, Мекленбурге, Дессау и других местах, Пруссия трудилась не в свою пользу, а в пользу Австрии, это она теперь ясно видит из событий в обоих Гессенах[297]. Итак, неудавшийся германский император убедился, по крайней мере, в том, что он живет в эпоху измен и что если теперь ему приходится мириться с утратой своей «правой руки, союза», то рука эта давно уже была парализована. Таким образом, Австрия теперь уже распространила свою гегемонию на всю Южную Германию, да и в Северной Германии важнейшие государства являются противниками Пруссии.

Австрия, наконец, зашла так далеко, что, опираясь на Россию, смогла открыто выступить против Пруссии. Она так поступила в двух вопросах: в шлезвиг-гольштейнском и в кургессенском.

В *Шлезвиг-Гольштейне* «меч Германии»[*] заключил истинно-прусский сепаратный мир и предал своих союзников в руки врага, располагающего превосходящими силами. Англия, Россия и Франция решили положить конец независимости герцогств и выразили это намерение в протоколе, к которому присоединилась Австрия. В то время как Австрия и состоящие с ней в коалиции немецкие правительства, в соответствии с Лондонским протоколом, высказались в восстановленном Союзном сейме за вмешательство Германского союза в Гольштейне в пользу Дании, Пруссия пыталась продолжать свою двуличную политику, побуждая борющиеся стороны подчиниться еще не существующему и не поддающемуся определению «союзному третейскому суду», отвергнутому большинством правительств и притом наиболее значительными из них; всеми своими маневрами Пруссия не добилась ничего, кроме того, что была заподозрена великими державами в революционных интригах и получила целый ряд угрожающих нот, которые скоро отобьют у нее охоту к «самостоятельной» внешней политике. Шлезвиг-гольштейнцам скоро будет предоставлена возможность вернуться под отеческую опеку своего государя, и народ, который позволяет, чтобы им управляли гг. Безелер и Ревентлов, несмотря на то, что вся армия на его стороне, доказывает, что он нуждается еще для своего воспитания в датской плетке.

Движение в *Кургессене*[298] дает нам неподражаемый пример того, к чему может привести «восстание» в немецком мелком государстве. Добродетельное сопротивление бюргеров обманщику Хассенпфлугу осуществило все, что можно было требовать от подобного зрелища: палата была единодушна, население было единодушно, чиновники и армия были на стороне бюргеров; все противодействующие элементы были удалены, призыв: государи, вон из страны! — осуществился сам собою, обманщик Хассенпфлуг исчез со всем своим министерством; все шло как по заказу, — все партии строго держались в законных рамках, каких-либо эксцессов удалось избежать, и оппозиция, не ударив пальцем о палец, одержала самую блестящую из побед, известных в летописях конституционного сопротивления. И теперь, когда вся власть была в руках бюргеров, когда их сословный комитет нигде не наталкивался ни на малейшее сопротивление, именно теперь-то они и должны были себя показать. Теперь

[*] Имеется в виду прусский король Фридрих-Вильгельм IV. *Ред.*

они увидели, что вместо кургессенских войск на границе стоят иностранные войска, готовые вступить в страну и в двадцать четыре часа положить конец всему великолепию бюргерского правления. Только теперь начались растерянность и позор. Если прежде они не могли пойти назад, то теперь они не могли двигаться вперед. Кургессенский отказ от уплаты налогов убедительнее, чем какое бы то ни было из предшествовавших событий, доказывает, насколько все коллизии в пределах мелких государств приводят к чистейшему фарсу, единственным результатом которого, в конце концов, является интервенция и устранение конфликта путем устранения как государя, так и конституции. Он показывает, как смешны все те достославные бои, в которых мелкие бюргеры мелких государств с патриотической непреклонностью защищают от неизбежного крушения любое из мелких мартовских завоеваний.

В Кургессене, союзном государстве, которое надо было вырвать из прусских объятий, Австрия прямо выступила против своей соперницы. Австрия как раз и подзадорила курфюрста напасть на конституцию, а затем тотчас же поставила его под защиту своего Союзного сейма. Чтобы придать силу этой защите, чтобы в этом кургессенском деле сломить сопротивление Пруссии господству Австрии и угрозами заставить Пруссию опять вступить в Союзный сейм, австрийские и южногерманские войска расположились теперь во Франконии и Богемии*. Пруссия также вооружается. Газеты пестрят сообщениями о маршах и контрмаршах армейских корпусов. Весь этот шум не приведет ни к чему, так же как и распри французской партии порядка с Бонапартом. Ни прусский король, ни австрийский император не суверенны, суверенен лишь русский царь. Мятежная Пруссия, в конце концов, подчинится его приказу и, не пролив ни одной капли крови, борющиеся стороны мирно усядутся в Союзном сейме, причем от этого ни в какой мере не уменьшится ни их взаимная мелочная зависть, ни раздоры со своими подданными, ни их недовольство русским верховным владычеством.

Мы переходим теперь к стране в самом абстрактном значении этого слова, к общеевропейскому народу, к народу *эмиграции.* Мы не будем говорить об отдельных секциях эмиграции — немецкой, французской, венгерской и т. д.; их haute politique** ограничивается чистейшей chronique scandaleuse***. Но общеевропейский народ in partibus infidelium за последнее время получил временное правительство в лице *Европейского централь-*

* — Чехии. *Ред.*
** — высокая политика. *Ред.*
*** — скандальной хроникой. *Ред.*

ного комитета, состоящего из Джузеппе *Мадзини, Ледрю-Роллена,* Альберта *Дараша* (поляка) и Арнольда *Руге,* который в оправдание своего присутствия скромно подписывается: член франкфуртского Национального собрания. Хотя трудно было бы указать, какой демократический собор призвал этих четырех евангелистов к вступлению в их должность, нельзя, однако, отрицать, что их манифест содержит в себе символ веры огромной массы эмигрантов и в соответствующей форме суммирует духовные завоевания, которыми эта масса обязана последним революциям.

Манифест начинается блестящим перечислением сил демократии.

«Чего недостает демократии для победы?.. Организации... У нас есть секты, но нет церкви, есть незрелые и противоречивые философские системы, но нет религии, нет коллективной веры, собирающей верующих под общим лозунгом и приводящей в гармонию их труды... День, когда мы все объединимся и двинемся вместе под предводительством лучших из нас.., будет кануном боя. В этот день мы пересчитаем свои ряды, мы будем знать, кто мы такие, мы осознаем свою силу».

Почему же революция до сих пор не победила? Потому, что у революционной власти организация была более слабой, чем у правительств. Таков первый декрет временного правительства эмиграции.

Этому злу теперь-де надо помочь организацией *армии верующих* и *основанием религии.*

«Но для этого надо преодолеть два больших препятствия, устранить два серьезных заблуждения: преувеличение прав индивидуальности, черствую исключительность теории... Мы не должны говорить «я», мы должны научиться говорить «мы»... Те, кто подчиняется своему личному раздражению и отказывается от небольшой жертвы, требуемой дисциплиной и организацией, отрицают, в результате привычек прошлого, ту общую веру, которую сами проповедуют... Исключительность в теории есть отрицание нашего основного догмата. Тот, кто говорит: я нашел политическую истину, и кто ставит условием признания братского сотрудничества принятие ею системы, — тот отрицает народ, единственного прогрессивного толкователя мирового закона, для того лишь, чтобы утвердить свое собственное «я». Тот, кто утверждает, что изолированным трудом своего ума, какой бы мощью он ни обладал, он в настоящее время может дать окончательное решение проблем, волнующих массы, тот осуждает самого себя на ошибки вследствие неполноты своих знаний, отказываясь от одного из вечных источников истины, от коллективной интуиции вовлеченного в действие народа. Окончательное решение есть секрет победы... Наши системы в большинстве случаев не могут быть ничем иным, как анатомированием трупов, обнаружением недуга, анализом причин смерти, бессильным воспринять жизнь или осмыслить ее. Жизнь, это — народ в движении, это — массы, возвышаемые до необычайной силы взаимным соприкосновением, пророческим предчувствием великих дел, которые должны быть выполнены стихийным и внезапным как электрическая искра объединением на улицах; это — действие, доводящее до высшей степени напряжения все силы надежды, самопожертвования, любви и энтузиазма,

ныне спящие, и выявляющее человека в единстве его натуры, в полноте его творческих. способностей. Рукопожатие рабочего в один из таких исторических моментов, которые кладут начало новой эпохе, больше чем холодный и бессердечный труд ума или премудрость великого мертвеца последних двух тысячелетий» — старого общества — «скажет нам об организации будущего»[299].

Вся эта напыщенная чепуха сводится таким образом, в конце концов, к самому посредственному филистерскому взгляду, будто революция потерпела крушение благодаря честолюбивому соперничеству отдельных вождей и столкновению мнений различных враждующих между собой учителей народа.

Борьба различных классов и фракций классов между собой, отдельные фазы развития которой именно и составляют революцию, представляются нашим евангелистам лишь печальным результатом существования противоречивых систем, между тем как на самом деле, наоборот, существование различных систем является результатом существования классовой борьбы. Уже из этого одного вытекает, что авторы манифеста отрицают существование классовой борьбы. Под предлогом борьбы против доктринеров они устраняют всякое определенное содержание, всякий определенный партийный взгляд, отрицают за отдельными классами право выражать свои интересы и формулировать свои требования в противовес другим классам. Они предлагают им забыть о противоположности интересов и помириться под знаменем весьма плоской и столь же откровенной неопределенности, которая за видимостью примирения интересов всех партий скрывает господство интересов одной лишь партии — буржуазной. Учитывая опыт, приобретенный этими господами во Франции, Германии и Италии в течение последних двух лет, нельзя даже утверждать, что то лицемерие, с которым здесь буржуазные интересы облечены в ламартиновские фразы о братстве, является бессознательным. Впрочем, насколько основательно знакомство этих господ с «системами», видно уже из того, что они воображают, будто каждая из этих систем является лишь частицей совокупной премудрости их манифеста, односторонне взявшей за основу какую-либо одну из собранных в нем фраз о свободе, равенстве и т. д. Их представления об общественных организациях переданы поразительным образом: сборище на улице, бунт, рукопожатие — и все готово. Революция для них вообще заключается лишь в ниспровержении существующего правительства; если эта цель достигнута, то окончательная «победа» одержана. Движение, развитие, борьба тогда прекращаются, и под эгидой Европейского центрального комитета, который будет тогда господствовать, начинается золотой век европейской республики и непрерывного благо-

душного ротозейства. Так же как они ненавидят развитие и борьбу, так эти господа ненавидят мышление, бессердечное мышление, — как будто какой-нибудь мыслитель, не исключая Гегеля и Рикардо, когда-нибудь мог дойти до того бессердечия, с каким они поливают публику этими разжиженными помоями! Народ не должен заботиться о завтрашнем дне и может выбросить из головы всякие мысли; когда настанет великий решающий день, народ от одного прикосновения будет наэлектризован, и загадка будущего чудесным образом раскроется ему. Этот призыв к отказу от мышления есть прямая попытка обмануть именно самые угнетенные классы народа.

«Разве мы тем самым говорим» (спрашивает один член Европейского центрального комитета у другого), «что мы должны выступать без знамени, разве мы говорим, что хотим на своем знамени написать простое отрицание? Нас не могут заподозрить в чем-либо подобном. Являясь представителями народа, давно принимающими участие в его боях, мы далеки от того, чтобы вести его к пустоте».

Чтобы доказать, наоборот, *полноту* своих мыслей, эти господа преподносят нам поистине достойный Лепорелло[300] список вечных истин и достижений всего предшествовавшего времени в качестве современной общей почвы для «демократии». Этот список резюмируется в следующем назидательном «отче наш»:

«Мы верим в прогрессивное развитие человеческих способностей и сил в направлении предначертанного нам нравственного закона. Мы верим в ассоциацию, как единственно правильное средство достигнуть этой цели. Мы верим, что толкование нравственного закона и норм прогресса не может быть доверено ни отдельной касте, ни индивидууму, а лишь народу, просвещенному национальным воспитанием, руководимому отмеченными печатью добродетели и духа лучшими его представителями. Мы верим в святость обоих, как индивидуальности, так и общества, которые не должны ни исключать друг друга, ни бороться между собой, а гармонически сочетаться ради всеобщего взаимного совершенствования. Мы верим в свободу, без которой исчезает всякая человеческая ответственность, в равенство, без которого свобода только обман, в братство, без которого свобода и равенство являются средствами без цели, в ассоциацию, без которой братство было бы неосуществимой программой, в *семью, общину,* в *государство* и *отечество,* являющиеся прогрессивными сферами, в каждой из которых человек должен последовательно вырастать до сознания и осуществления свободы, равенства, братства и ассоциации. Мы верим в святость труда, в *собственность,* создаваемую им, как его признак и его плод, в обязанность общества доставлять материал для физического труда посредством кредита, а для труда умственного и морального посредством воспитания... *Говоря коротко, мы верим в такой социальный порядок, вершиной которого являются бог и его закон, а основой — народ...»*

Итак, Прогресс — Ассоциация — Нравственный закон — Свобода — Равенство — Братство; Ассоциация — Семья, Община, Государство — Святость собственности — Кредит — Воспитание — Бог и Народ — Dio e popolo. Эти фразы фигури-

руют во всех манифестах революций 1848 г., от французской до валашской, и именно поэтому они фигурируют здесь как общие основы *новой революции.* Ни одна из этих революций не обошлась без провозглашения святости собственности, которая здесь канонизирована как результат труда. В какой мере всякая буржуазная собственность является «плодом и признаком труда», Адам Смит знал уже гораздо лучше, чем знают наши революционные инициаторы спустя восемьдесят лет после него. Что касается уступки социализму, согласно которой общество должно посредством кредита обеспечить каждого материалом для его труда, то каждый фабрикант обыкновенно оказывает своим рабочим кредит на такое количество материала, которое они могут переработать в течение недели, и кредитная система в настоящее время распространилась настолько, насколько это совместимо с неприкосновенностью собственности, да и самый кредит, в конце концов, есть лишь форма буржуазной собственности.

Суть этого евангелия сводится к такому состоянию общества, при котором бог составляет вершину, а народ, или, как говорится дальше, *человечество* — основание. Это значит, что эти люди верят в существующее общество, в котором, как известно, бог составляет вершину, а чернь — основание. Если лозунг Мадзини: бог и народ, Dio e popolo, может иметь какой-то смысл в Италии, где бога противопоставляют папе, а народ — монархам, то выставлять этот плагиат Иоганнеса Ронге, самого поверхностного из подонков немецкого лжепросвещения, в качестве лозунга, долженствующего разрешить загадку века, — это уже слишком! Как легко, впрочем, в этой школе привыкают к небольшим жертвам, которых требуют организация и дисциплина, как легко отказываются от черствой исключительности теорий, доказывает наш Арнольд Винкельрид Руге, который к великой радости Лео на этот раз сумел оценить различие между божеством и человечеством[301].

Манифест заканчивается словами:

«Речь идет о конституции европейской демократии, о создании бюджета, казначейства народов. Речь идет об организации армии инициаторов».

Руге, чтобы стать первым инициатором этого народного бюджета, обратился к демократическим филистерам Амстердама и разъяснил им их особое призвание к тому, чтобы платить. Голландия в опасности!

Лондон, 1 ноября 1850 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОТИВ А. РУГЕ

Газета «Bremer Tages-Chronik» от 17 января текущего года в корреспонденции из Лондона от 13 января помещает целый ворох бездарно состряпанных нелепостей, лживых и плохо понятых слухов, тяжеловесных инсинуаций и высокомерных нотаций по адресу «Neue Rheinische Zeitung» и нижеподписавшихся.

«Выдающиеся и решительные люди»[302] калибра этого лондонского корреспондента всегда отвечают на критику, которая им не по зубам, по-обезьяньи: они забрасывают противника своими собственными испражнениями. Chacun selon ses facultes*.

Хитроумные измышления о «Neue Rheinische Zeitung» мы оставляем их «решительному и выдающемуся» автору. Что же касается его благожелательных инсинуаций по поводу нашего выхода из Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит**, то мы заявляем:

Ни до, ни после своего выхода из Общества Энгельс и Маркс никогда не имели никакого отношения к заведованию его кассой. Они участвовали в заведовании эмигрантской кассой и вышли из правления этой кассы лишь после того, как их предыдущая деятельность в ней была обследована и признана правильной. Утверждение, будто они вышли из Общества для того, чтобы избавиться от уплаты ежемесячного девятипенсового взноса, является выдумкой человека, цена которому — стертый медный грош! С этой целью, видите ли, один из них переехал в Манчестер, а другой задумал переселиться за море! Какие

* — Каждый по своим способностям. *Ред.*

** — Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне. *Ред.*

только замечательные перлы не таятся в глубине преисполненных моральным негодованием душ!

Нашим партийным товарищам в Германии известны *действительные мотивы* нашего выхода из упомянутого Общества и нашего разрыва с его руководителями. Мотивы эти одобряются и разделяются ими, но не подлежат оглашению[303]. При существующем положении вещей в Германии даже ловкий полицейский провокатор не заставил бы насадавать дальнейшие объяснения, а тем более — по-медвежьи неуклюжий провокатор из «Bremer Tages-Chronik».

В заключение отметим только, что человек, удобряющий из Лондона столбцы «Bremer Tages-Chronik» своим собственным навозом, не кто иной, как тот померанский мыслитель, к которому постоянно возвращалась как к предмету, достойному кисти художника, «Neue Rheinische Zeitung» и которого мы в другом месте охарактеризовали на основании его сочинений как «сточный желоб, в который стекаются все словесные нечистоты и все противоречия немецкой демократии»[304]. Одним словом, бременский приятель — это не кто иной, как наш *«Арнольд Винкельрид Руге»,* пятая спица в колеснице европейской центральной демократии. Теперь понятны проклятия по адресу «Neue Rheinische Zeitung».

Лондон, 27 января 1851 г.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1930 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере Вашей газеты я обнаружил письмо г-на Луи Блана по поводу «Банкета равных», который состоялся в Лондоне 24 февраля[305], и по поводу известного тоста, текст которого был прислан на этот банкет г-ном Бланки, находящимся в заключении в Бель-Иль-ан-Мер. Позвольте мне сделать несколько замечаний относительно этого письма.

На банкете имя Бланки было начертано крупными буквами на стене среди имен других героев и мучеников демократии. На этом же собрании был провозглашен тост в честь «жертв клеветы»—Марата, Робеспьера... и Бланки! Все тексты тостов и речей, произнесенных по этому случаю, должны были быть представлены комитету «организаторов этого прекрасного и внушительного торжества» не позднее 15 февраля. Г-н Блан был членом этого комитета, поэтому он должен был заранее одобрить этот тост в честь г-на Бланки. Как же может теперь г-н Блан снова сделать г-на Бланки «жертвой клеветы», называя его

> «одним из тех несчастных существ, которые в исступлении пытаются наносить оскорбления авторитетам и которые погубили бы самое лучшее дело, если бы была возможность его погубить?»

Г-н Блан утверждает, что текст тоста не был прислан узниками Бель-Иля, а является исключительно делом г-на Бланки. Конечно, г-н Бланки, надо полагать, является автором тостов и документов, появляющихся за его подписью. Однако текст тоста, о котором идет речь, как это хорошо известно во Франции, был одобрен и опубликован Обществом друзей равенства; в это общество входят те узники Бель-Иля, которые

держат сторону г-на Бланки, ибо у последнего среди узников есть друзья, так *же* как у г-на Барбоса, покровителя г-на Луи Блана.

Что касается «внушительного и прекрасного торжества» и «единения более чем тысячи лиц, принадлежащих к различным нациям», то не следует забывать, что эта трогательная сцена, поскольку дело идет о г-не Блане, была не чем иным, как *«братской»* демонстрацией против г-на Ледрю-Роллена, не чем иным, как местью — сам г-н Блан публично заявил об этом — за то, что его, Блана, не включили в «Центральный комитет европейской демократии», в который входят гг. Ледрю-Роллен, Мадзини и другие.

Что же касается «авторитета» г-на Луи Блана, то для него было бы более благоразумным впредь не касаться этого деликатного предмета, пока его «авторитет» не оправится от страшных ударов, нанесенных ему несколько времени тому назад г-ном Пру доном.

Г-ну Блану хотелось бы, повидимому, защитить себя от нападений г-на Бланки, старательно рекламируя свое положение эмигранта и изгнанника. Но разве сыновья Луи-Филиппа тоже не изгнанники? И разве сам г-н Блан ослабил ярость своих атак против того же г-на Прудона, который был не изгнанником, комфортабельно проживающим на Пиккадилли № 87 — в убежище, весьма мало подходящем для того, чтобы писать в нем овидиевы «Скорби», — а был узником в руках закона?

Г-н Блан, повидимому, ставит в упрек г-ну Бланки, что тот опубликовал свой тост в «контрреволюционной прессе». Г-ну Блану хорошо известно, что с мая 1850 г. «революционной» прессы во Франции больше не существует. Но позвольте, г-н Луи Блан, Вы же просите редактора «Times» принять «выражение Ваших лучших чувств», а с каких это пор «Times» является в Ваших глазах демократической, социалистической и революционной газетой?

Однако, чтобы дать публике возможность судить об этом необычайном документе, который возбуждает такое негодование г-на Блана и который до сих пор еще является предметом всеобщего интереса французской прессы, я предлагаю Вашему вниманию его полный перевод и надеюсь, что он представит интерес для английской публики[306].

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой.

Написано Ф. Энгельсом 5 марта 1851 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1934 г. на русском языке

Подпись: Veritas

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ПРОТИВ ФРАНЦИИ В 1852 г. [307]

Я исхожу из того, что любая победоносная революция в Париже в 1852 г. безусловно вызовет немедленную войну Священного союза против Франции.

Война эта будет совсем иной, чем война 1792—1794 гг., и события той эпохи отнюдь не могут служить основанием для проведения параллели.

I

Чудеса, совершенные Конвентом в деле военного разгрома коалиции, при более близком рассмотрении заметно бледнеют;

становится понятным и даже во многих случаях представляется оправданным презрение Наполеона к четырнадцати армиям Конвента. Наполеон имел обыкновение говорить, что главную роль сыграли промахи самой коалиции — и это безусловно верно. Даже на острове Св. Елены он продолжал считать Карно посредственным умом.

В августе 1792 г. во Францию вторглись 90000 пруссаков и австрийцев. Прусский король[*] намеревался идти прямо на Париж, герцог Брауншвейгский и австрийские генералы не соглашались. Единство командования отсутствовало; то медлили, то быстро двигались вперед, планы все время менялись. Пройдя через теснины Аргоннской возвышенности, Дюмурье преградил неприятелю дорогу при Вальми и Сен-Менеуле. Союзники могли обойти его и оставить его спокойно стоять на

[*] — Фридрих-Вильгельм II. *Ред.*

месте, после чего он вынужден был бы двигаться за ними следом по направлению к Парижу и при сколько-нибудь правильном образе действий не был бы опасен даже с тылу. Но они также могли бы не подвергать себя риску и разбить его, что было не трудно, так как в их распоряжении войск было больше и притом, как признают сами французы, лучших по качеству. Вместо этого они ограничились смехотворной канонадой у Вальми, где во время боя, даже в момент самой атаки колоннами, союзные генералы несколько раз переходили от более решительной тактики к более робкой и наоборот. Обе атаки носили жалкий характер по количеству войск, по силе, по энергии, в чем вина ложилась отнюдь не на солдат, а на колебания командования. Это были скорее демонстрации, чем атаки. Решительный натиск по всей линии несомненно опрокинул бы французских волонтеров и деморализованные линейные полки. После боя союзники снова остались в нерешительности стоять на месте, пока среди солдат не начались заболевания.

В военных действиях при Жемапе[308] Дюмурье одержал победу благодаря тому, что он тут впервые полуинстинктивно противопоставил австрийской системе кордонов и бесконечно длинных фронтов (от Остенде до Мааса) концентрацию крупных масс. Но уже следующей весной он сам впал в ту же ошибку — в результате своей фантастической идеи завоевания Голландии, — в то время как австрийцы наступали концентрированно. Результатом этого было сражение при Неервиндене[309] и потеря Бельгии. При Неервиндене и особенно в более мелких стычках этой кампании выяснилось, что французские волонтеры, эти столь превозносимые герои, когда они не находились непрерывно на глазах у Дюмурье, дрались отнюдь не лучше, чем южногерманское «народное ополчение» 1849 года.

Затем еще изменил Дюмурье, восстала Вандея, армия была расчленена, утратила свой боевой дух, и если бы 130000 австрийцев и англичан двинулись решительно на Париж, революция была бы раздавлена и Париж — завоеван, точно так же как это могло бы произойти и годом раньше, если бы не наделали таких глупостей. Вместо этого почтенные господа обложили крепости и устремили все свои силы на то, чтобы педантично, с огромной тратой стратегических усилий выигрывать по мелочам одно за другим незначительные преимущества, на что они ухлопали полных шесть месяцев.

То, что осталось во французской армии после измены Лафайета, насчитывало приблизительно 120000 человек, а волонтеров 1792 г. было около 60000 человек. В марте 1793 г. был произведен набор в 300000 человек. В августе, к моменту объ-

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«Возможности и перспективы войны Священного союза
против Франции в 1852 г.»

явления всеобщего набора [levee en masse], французская армия должна была, таким образом, насчитывать по меньшей мере 300000—350000 человек. Всеобщий набор добавил к этому около 700000 человек. Если принять во внимание всякого рода отсев, французы в начале 1794 г. выставили против коалиции примерно 750000 человек, т. е. значительно больше, чем сама коалиция выставила против Франции.

С апреля по октябрь 1793 г. французов повсюду били, но удары эти не имели решающих результатов вследствие системы затяжек, практиковавшейся коалицией. Начиная с октября, кампания велась с переменным успехом, на зиму она была прервана, а весной 1794 г. войска, призванные по всеобщему набору, вышли на боевую линию и полностью вступили в действие; в результате — победы на всех направлениях в мае, пока, наконец, в июне победа при Флёрюсе[310] не решила судьбу революции.

Конвент, — а до него министерство 10 августа[311], — имели, таким образом, достаточно времени для военных приготовлений. С 10 августа 1792 г. по март 1793 г. ничего, однако, не было сделано; волонтеров едва можно принимать в расчет. В марте 1793 г. был произведен набор 300000 человек; с этого момента и до марта следующего года Конвент имел в своем распоряжении вполне достаточно времени и полную свободу для военных приготовлений — целый год, а из него 10 месяцев после падения жирондистов, когда ничто не ограничивало свободу действий революционной партии. В стране с 25 миллионами жителей, располагающей нормальным контингентом боеспособного населения, т. е. 1 миллионом солдат, для создания действующей армии в 750000 (3% населения) против внешнего врага, при всей новизне этого дела для тогдашнего времени, не требовалось никакого колдовства, если можно было располагать годичным сроком.

Все внутренние восстания, за исключением Вандеи, я считаю в военном отношении не имеющими абсолютно никакого значения. За исключением лионского и тулонского, они были ликвидированы без единого выстрела в течение шести недель. Лион был взят солдатами всеобщего набора, а Тулон — ловким нападением и решительным штурмом Наполеона, а также благодаря ошибкам оборонявшихся.

В числе 750000 человек, выступивших в 1794 г. против коалиции, было по меньшей мере 100000 старых солдат времен монархии и 150000 других солдат, частью из волонтеров, частью из набранных при первом 300-тысячном наборе, успевших уже провести в непрерывных сражениях одни — 18, а другие — 12 месяцев и, следовательно, уже привыкших к войне. Кроме того, из 500000 новобранцев половина, по крайней мере,

уже успела принять участие в сражениях в сентябре, октябре и ноябре 1793 г., а самые молодые должны были уже находиться под ружьем не меньше трех месяцев, прежде чем они были направлены в бой. В своем труде об испанском походе Наполеон исчисляет время, требуемое для обучения — ecole de bataillon* — в 3—4 недели. Если не считать младшего и среднего офицерского состава, который в то время был в общем и целом гораздо лучше у союзников, французская армия 1794 г., благодаря времени, имевшемуся в ее распоряжении для организации, и благодаря свойственной союзникам системе безрезультатных боев, — системе, которая деморализует испытанную, приспособленную преимущественно для наступления армию, но дисциплинирует и закаляет армию противника, если она молодая и придерживается обороны, — эта французская армия 1794 г. представляла собой вовсе не шумную, неотесанную толпу добровольцев, воодушевленных идеей «умереть за республику», но a very fair army**, несомненно равную неприятельской. Французские генералы 1794 г. несомненно стояли значительно выше неприятельских, хотя и они наделали немало ошибок; но гильотина обеспечивала единство командования и согласованность операций, если не считать немногих исключений, когда представители Конвента делали глупости по собственной инициативе. Le noble Saint-Just en fit plusieurs***.

Несколько замечаний о тактике действий большими массами.

1) Неоформленная идея о ней впервые возникла в результате удачного маневра при Жемапе, который был произведен скорее по инстинкту, чем по сознательному военному расчету. Ее появление было обусловлено плохим состоянием французской армии, которая нуждалась в численном превосходстве, чтобы хоть сколько-нибудь почувствовать уверенность в собственных военных силах; масса должна была заменить отсутствующую дисциплину. Участие Карно во введении этой тактики отнюдь не ясно.

2) Эта тактика массовых действий оставалась совершенно неразработанной, — например, в 1794 г. при Туркуэне[312] и Флёрюсе она не была применена (французы, в том числе и сам Карно, наделали грубейших ошибок),— до тех пор пока, наконец, Наполеон в 1796 г. своим шестидневным пьемонтским походом и фактическим уничтожением en detail**** превосходящих сил противника не раскрыл людям смысл тех действий, которые они до этого совершали, не отдавая себе в них ясного отчета.

---

* — батальонная школа. *Ред.*

** — вполне приличную армию. *Ред.*

*** — Благородный Сен-Жюст сделал несколько таких ошибок. *Ред.*

**** — по частям. *Ред.*

3) Что касается самого Карно, то этот парень вызывает во мне все бо́льшие сомнения; я, понятно, не могу составить себе окончательного суждения, не располагая его депешами к генералам. Но, судя по имеющимся материалам, главная его заслуга, повидимому, заключалась лишь в беспредельном невежестве и беспредельной неспособности его предшественников Паша и Бушота, а также в полном незнакомстве всего остального состава Комитета общественного спасения с военным делом. Dans le royaume des aveugles, le borgne est roi*. Карно, старый офицер инженерных войск, бывший сам представителем Конвента при Северной армии, знал, в каких материалах нуждается крепость, армия и, в частности, чего не хватает французам. Кроме того, он, естественно, имел известное представление и о том, каким образом можно мобилизовать военные ресурсы такой страны, как Франция; а так как при революционном всеобщем наборе, когда и без того многое делается попусту, несколько более или менее непроизводительная трата ресурсов не имеет значения, лишь бы только достигалась при этом главная цель — быстрая мобилизация этих ресурсов, то нет надобности объявлять Карно выдающимся гением, чтобы объяснить достигнутые им результаты. Особенно заставляет меня сомневаться в том, что Карно pour sa part** действительно изобрел, как ему приписывают, методы ведения войны большими массами, именно то, что его самые широкие планы на 1793—1794 гг. были построены как раз на противоположном методе ведения войны: он *дробил* французские армии, вместо того чтобы их концентрировать, и проводил операции на флангах противника таким образом, что заставлял его *самого концентрировать свои силы.* Не вполне соответствует репутации гения и дальнейшая карьера Карно — неприступная добродетель во время Консульства и т. д., хваленая защита им Антверпена (оборона крепости является, в общем, именно тем поручением, при выполнении которого посредственный, методичный, но наделенный известной выдержкой офицер может отличиться; к тому же осада Антверпена в 1814 г. не продолжалась и трех месяцев); наконец, его попытка навязать Наполеону методы 1793 года в 1815 г., когда ему противостояла централизованная армия коалиции в 1200000 солдат, действовавшая по совсем другой военной системе; и вообще его филистерские замашки — все это не говорит в пользу гениальности Карно. А затем, где это видано, чтобы честный человек умудрился как он удержаться несмотря на термидор, фрюктидор, брюмер[313] и т. д.

* — В царстве слепых и кривой — царь. *Ред.*
** — со своей стороны, что касается его лично. *Ред.*

Summa summarum*. Конвент был спасен только и исключительно благодаря тому, что силы коалиции *не были централизованы,* вследствие чего в его распоряжении оказался целый год для военных приготовлений. Он был спасен так же, как спасся старый Фриц** в Семилетнюю войну; так же спасся и Веллингтон в 1809 г. в Испании, хотя французы и по количеству, и по качеству своих войск по крайней мере втрое превосходили всех своих противников, вместе взятых, и только тем парализовали свою колоссальную силу, что маршалы, в отсутствие Наполеона, всячески подставляли друг другу ножку.

II

В настоящее время коалиция давно освободилась от глупых промахов, допущенных в 1793 году; она великолепно централизовала свои силы, что, впрочем, было сделано уже в 1813 году. Русская кампания 1812 г. поставила Россию в центре войны всего Священного союза на континенте. Русские войска составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные. Они оставались основной массой вплоть до вступления в Париж. Александр был фактически главнокомандующим всех армий (вернее, русский генеральный штаб, стоявший за спиной Александра). Но с 1848 г. Священный союз покоится на еще более прочном основании. Развертывание контрреволюции в 1849—1851 гг. поставило континент, за исключением Франции, в такое же отношение к России, в каком находились Рейнский союз и Италия к Наполеону. Это — чистейшая вассальная зависимость. Николай — id est*** Паскевич — неизбежный диктатор Священного союза en cas de guerre****, точно так же, как Нессельроде уже является им en temps de paix*****.

Далее, что касается современного военного искусства, то оно было полностью разработано Наполеоном. До наступления известных обстоятельств, о которых речь пойдет ниже, полководцам не остается ничего иного, как следовать примеру Наполеона в той мере, в какой это позволяют условия. Но современное военное искусство распространено по всему миру. В Пруссии его вдалбливают — по крайней мере, в той его части, которую можно вдолбить, — каждому младшему лейтенанту еще до сдачи им экзамена на портупей-юнкера. Что же касается

* — Общий итог. *Ред.*
** — Фридрих II. *Ред.*
*** — то есть. *Ред.*
**** — в случае войны. *Ред.*
***** — в мирное время. *Ред.*

австрийцев, то венгерская кампания дала им возможность распознать, а затем отстранить своих плохих, специфически австрийских генералов — всяких Виндишгрецов, Вельденов, Гёцов и других старых баб. Другое дело, — так как мы пишем уже не во время «Neue Rheinische Zeitung», то можем отказаться от всяких иллюзий,—обе кампании Радецкого в Италии; первую он провел великолепно, а вторую прямо-таки мастерски. Чьей помощью он при этом пользовался, не имеет значения; достаточно того, что у старика хватило bon sens* усвоить чужие гениальные идеи. Оборонительную позицию 1848 г. между четырьмя крепостями — Пескьерой, Мантуей, Леньяго и Вероной — с прекрасным прикрытием всех четырех сторон четырехугольника и оборону Радецким этой позиции среди восставшей страны вплоть до того момента, когда он получил помощь, следовало бы признать образцом военного искусства, если бы его задача не была очень облегчена отвратительным руководством со стороны итальянских генералов, их постоянными колебаниями, отсутствием среди них единства, интригами Карла-Альберта и поддержкой реакционных аристократов и попов внутри неприятельского лагеря. Не следует также забывать и того, что он находился в самой плодородной стране мира и поэтому был свободен от всяких забот о снабжении своей армии продовольствием.

Кампания 1849 г. является *совершенно беспримерной для австрийцев.* Пьемонтцы, вместо того чтобы концентрированными силами преградить дорогу на Турин у Новары и Мортары (линия в три мили длины), что было бы лучше всего, или наступать с этой линии двумя или тремя колоннами на Милан, заняли позицию от Сесто до Пиаченцы — линию в 20 миль длиной, следовательно, при 70000 бойцов, только по 3500 человек на немецкую милю, причем один фланг отстоял от другого на 3—4 добрых дневных перехода. Это было жалкое концентрическое наступление против Милана, причем повсюду их силы были недостаточны. Радецкий, видя, что итальянцы применяют старую австрийскую систему 1792 г., повел свои операции против них в точности так, как это сделал бы Наполеон. Пьемонтский фронт был разрезан на две части рекой По, что составляло грубейшую ошибку. Радецкий прорывает фронт у самого По, отрезает таким образом две южные дивизии от трех северных, вбивая между ними клин в 60000 человек; затем быстро бросает все свои силы на три северные дивизии (сосредоточившие едва 35000 человек), отбрасывает их в Альпы и отрезает друг от друга и от Турина оба

* — здравого смысла. *Ред.*

корпуса пьемонтской армии. Этот маневр, который закончил кампанию в три дня и был почти буквально скопирован с маневра Наполеона в 1809 г. у Абенсберга и Экмюля[314], — гениальнейшего из всех наполеоновских маневров, — во всяком случае доказывает, что австрийцы уже отнюдь не придерживаются своего старого обычая парадировать «медленным шагом вперед»[315]. В этом маневре решающее значение имела как раз быстрота движения. Предательство аристократов и Раморино облегчило дело, особенно тем, что доставило точные сведения о расположении и планах итальянцев. Такое же значение имело гнусное поведение при Новаре Савойской бригады, которая не сражалась, а занималась грабежом. Но с военной точки зрения нелепое расположение пьемонтцев и маневр Радецкого сами по себе вполне достаточны, чтобы объяснить у спех. Оба эти факта должны были при любых обстоятельствах привести к этому результату.

Наконец, русские, по самой природе своей армии, вынуждены придерживаться военной системы, весьма близкой к современной. Их армия в главной своей части состоит из больших масс полуварварской и поэтому тяжелой на подъем пехоты и многочисленной, полуварварской, легкой иррегулярной кавалерии (казаков). В решающих сражениях, в крупных боях русские никогда не действовали иначе, как крупными массами. Суворов понимал необходимость этого уже при штурмах Измаила и Очакова. Отсутствие подвижности у этой армии отчасти возмещается иррегулярной кавалерией, которая маневрирует вокруг нее во все стороны и маскирует таким образом все ее движения. Но как раз эта массовость и неповоротливость русской армии и делают ее весьма пригодной для того, чтобы образовать собой ядро и главную опору, становой хребет коалиционной армии, операции которой всегда являются несколько замедленными по сравнению с действиями армии национальной. Эту роль русские великолепно выполнили в 1813 и 1814 гг., и трудно назвать за эти годы диспозицию сражения, в которой не бросалась бы в глаза густота русских колонн, значительно превосходивших своей глубиной и плотностью все другие войска.

Со времени 1812 г. французов едва ли можно еще рассматривать как преимущественных носителей наполеоновских традиций. Эти традиции перешли в большей или меньшей степени ко всем крупным европейским армиям. В каждой из них эти традиции произвели целую революцию главным образом уже в последние годы Империи. В каждой из них наполеоновская система применяется в стратегии и тактике в той мере, в какой она совместима с характером данной армии. Нивелирующее влияние буржуазной эпохи проявилось и здесь; старые нацио-

нальные особенности находятся в процессе исчезновения также и в армиях: таким образом французская, австрийская и прусская армии, а в значительной степени даже и английская, представляют собой машины, более или менее одинаково приспособленные для наполеоновских маневров. Этим отнюдь не исключаются весьма различные их качества в прочих отношениях, например в рукопашном бою и т. п. Но из всех европейских армий (крупных) только русская армия, полуварварская, способна к самостоятельной тактике и стратегии, потому что лишь она одна еще не созрела для вполне развитой современной системы ведения войны.

Что касается французов, то в результате малой войны, которую они вели в Алжире, они даже прервали нить наполеоновской традиции большой войны. Еще надо доказать, компенсируется ли отрицательное влияние этой разбойнической войны на дисциплину преимуществами, связанными с приобретением навыков к войне, приучает ли она людей к походной жизни или, наоборот, изматывает их силы, переутомляя их, и, наконец, не лишает ли она и генералов того coup d'oeil*, который нужен для большой войны? Во всяком случае французская кавалерия, несомненно, в той или иной мере портится в Алжире. Она отучается от удара сомкнутым строем, который составлял ее силу, и приучается к системе действий врассыпную, в которой ее всегда будут превосходить казаки, венгры и поляки. Из генералов Удино оскандалился у стен Рима, и только Кавеньяк отличился в июньских боях; но все это отнюдь еще не grandes epreuves**.

Таким образом в целом шансы, в смысле превосходства в стратегии и тактике, по меньшей мере такие же на стороне коалиции, как и на стороне революции.

III

Но не создаст ли новая революция, которая приведет к господству совершенно новый класс, подобно первой революции, новые боевые средства и новую систему ведения войны, по сравнению с которой нынешняя, наполеоновская, окажется такой же устаревшей и бессильной, какой оказалась система времен Семилетней войны перед системой времен первой революции?

Современная система ведения войны является необходимым продуктом французской революции. Ее предпосылкой является

* — глазомера. *Ред.*
** — большие испытания. *Ред.*

социальная и политическая эмансипация *буржуазии и парцельного крестьянства.* Буржуазия дает деньги, парцельные крестьяне ставят солдат; эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий; связанный же с этой ступенью общественного развития уровень богатства и культуры точно так же является необходимым условием для обеспечения современных армий необходимым количеством оружия, боевых припасов, продовольствия и т. д., для создания нужных кадров образованных офицеров и для умственного развития самих солдат.

Я беру современную военную систему, полностью разработанную Наполеоном. Ее двумя осями являются: массовые масштабы применения средств наступления — живая сила, кони и орудия — и подвижность этих наступательных средств. Подвижность является необходимым следствием массовости. Современные армии не могут, подобно небольшому войску периода Семилетней войны, в продолжение месяцев маршировать взад и вперед на территории в каких-нибудь 20 миль. Они не в состоянии возить за собой все необходимое количество продовольствия в походных магазинах. Они вынуждены нападать на занимаемую ими местность, подобно туче саранчи, производя фуражировку во всех направлениях в пределах досягаемости своей кавалерии, и вынуждены уходить, когда все съедено. Магазинные запасы удовлетворяют своему назначению, если содержат не больше, чем может потребоваться в непредвиденных случаях. Они все время опустошаются и снова пополняются, они должны следовать за быстрыми передвижениями армии и поэтому лишь в редких случаях могут иметь достаточно запасов для покрытия потребностей армии хотя бы в течение одного месяца. Поэтому современная военная система не может применяться в течение длительного срока в бедной, полуварварской, слабо населенной стране. Вследствие этого французы потерпели крушение, медленное в Испании и быстрое в России. Но, в свою очередь, и испанцы были разорены французским нашествием: их страна была в сильнейшей степени истощена. Россия же не может применять своей собственной тяжеловесной системы ведения войны большими массами в течение долгого времени, — даже в Польше. На ее же собственной территории, пока она лишена железных дорог, эта система и вовсе неприменима. Оборонительная кампания России на Днепре или на Двине разорила бы страну.

С этой подвижностью армии также связан известный уровень развития солдата, который во многих случаях должен уметь

сам себе помочь. Сюда относится более значительное развитие патрульной, фуражировочной и аванпостной службы и т. д.; большая активность, требуемая от каждого солдата; частое повторение случаев, когда солдату приходится действовать в одиночку и основываться на своем собственном разумении; наконец, большое значение, которое приобрели стрелковые бои, результаты которых зависят от умственного развития, coup d'oeil и энергии каждого отдельного солдата, — все это предполагает со стороны унтер-офицеров и солдат более высокий культурный уровень, чем был в армии старого Фрица. Варварская или полуварварская нация не обладает, однако, таким культурным уровнем в массах, чтобы можно было, с одной стороны, дисциплинировать и механически обучить 500000—600000 человек, без всякого отбора призванных под ружье, и, с другой стороны, развить или сохранить у них этот самый coup d'oeil для малой войны. У варваров есть от природы этот разбойничий coup d'oeil. Пример — казаки; зато они в такой же мере непригодны для несения регулярной военной службы, в какой русские пехотинцы-крепостные, наоборот, непригодны для настоящего стрелкового боя.

Этот всеобщий средний культурный уровень, предполагаемый современной военной системой у каждого солдата, имеется лишь в самых передовых странах: в Англии, где солдат, хотя бы он был по происхождению самым неотесанным крестьянином, проходит цивилизующую школу городов; во Франции, где армия составляется из эмансипированных парцельных крестьян и тертой городской черни (remplacants*); в Северной Германии, в которой феодализм также либо совершенно уничтожен, либо принял более или менее буржуазные формы и в которой значительная часть контингента армии поставляется городами; и наконец, судя по последним войнам, такой уровень имеется, повидимому, хотя бы в известной части австрийской армии — в той, которая рекрутируется в наименее феодальных областях. Всюду, за исключением Англии, основой армии является парцельное хозяйство, и армия является тем более приспособленной для современной военной системы, чем в большей степени парцельный крестьянин по своему положению приближается к свободному собственнику.

Однако не только подвижность отдельного солдата, но и подвижность самих масс армии предполагает уровень цивилизации, соответствующий буржуазной эпохе. Неповоротливость

* — заместители, которых нанимали представители имущих классов, желавшие освободиться от воинской повинности. *Ред.*

дореволюционных армий является точным отражением феодального строя; громадное количество обозных повозок с офицерским имуществом уже само по себе затрудняло всякое движение. Армии двигались вперед так же медленно, как и вся жизнь. Нарождавшаяся бюрократия абсолютных монархий внесла в дело заведывания материальной частью некоторый порядок, но в то же время ее связи с haute finance* привели к хищениям en gros**. Если бюрократия чем-нибудь и была полезна для армий, то вред, который она им приносила, прививая им дух схематизма и педантизма, был вдвое больше. Сошлемся на высочайшее свидетельство самого старого Фрица. Россия еще и по сей час страдает от всех этих недостатков. Русская армия, повсюду обираемая и надуваемая, форменно голодает, и солдаты во время похода мрут, как мухи. Лишь буржуазное государство удовлетворительно снабжает продовольствием свои войска и может поэтому рассчитывать на достаточную подвижность своей армии.

Таким образом, подвижность является во всех отношениях качеством, свойственным именно буржуазным армиям. Однако она является не только необходимым дополнением массового характера армий, но даже часто может заменить последний (например, пьемонтская кампания Наполеона в 1796 г.).

Но массовый характер, в свою очередь, так же является специфической особенностью современной цивилизованной армии, как и ее подвижность.

При всех разнообразных методах комплектования армии — рекрутском наборе, прусском ландвере, швейцарской милиции, всеобщем наборе,—как показывает опыт последних 60 лет, ни в одной народной войне, при режиме буржуазии и свободного парцельного крестьянства, не было призвано под знамена более 7% населения, следовательно, в военных действиях могло участвовать примерно 5%. Во Франции осенью 1793 г., принимая численность населения в 25 миллионов, по этому расчету должно было быть всего 1750000 солдат, в том числе 1250000 действительных бойцов. Последние находились тогда на границах, под Тулоном и в Вандее, — считая здесь обе борющиеся стороны, — так что 1250000 вполне были налицо. В Пруссии, насчитывающей сейчас 16000000 жителей, 7% и 5% составили бы соответственно 1120000 и 800000 человек. Между тем вся совокупность прусских военных сил, считая и линейные войска, и ландвер, составляет едва 600000 человек. Этот пример показывает, как много даже 5% составляют для нации.

* — крупными финансистами. *Ред.*
** — в большом масштабе. *Ред.*

Eh bien*. Если Франция и Пруссия могут сравнительно легко призвать к оружию 5% населения, а в случае необходимости даже 7%, то Австрия, при крайнем напряжении, может выставить лишь 5%, а Россия едва 3%. Для Австрии, принимая ее население в 35000000, 5% составили бы 1750000 человек. В 1849 г. Австрия, при напряжении всех своих сил, ввела в действие около 550000 человек. Венгры, силы которых в нотах Кошута были преувеличены вдвое, имели, вероятно, 350000 человек. Примем во внимание еще 50000 ломбардцев, которые либо уклонились от набора, либо воевали в рядах пьемонтской армии, и мы получим в сумме 950000 человек, т. е. неполных $2^{2}/_{3}$% всего населения. При этом еще хорватские пограничные области, находившиеся в особых условиях, поставили по меньшей мере 15% *своего* населения. Россия, по самому скромному подсчету, имеет 72 миллиона жителей и должна была бы, при норме в 5%, выставить армию в 3600000 человек. Между тем ей никогда не удавалось собрать более 1500000, считая регулярные и иррегулярные войска; из этого числа на своей собственной территории она могла располагать действующей армией максимум в 1000000 человек. Иными словами, вся совокупность ее военных сил ни разу не превысила $2^{1}/_{12}$%, а действующая армия — $1^{7}/_{18}$, или 1,39%. Это объясняется весьма просто: редким населением на огромных пространствах, недостатком средств сообщения и ничтожными размерами национального производства.

Массовость средств нападения, — так же как и подвижность, — является необходимым результатом более высокой ступени цивилизации; в частности, современное соотношение численности вооруженных сил и населения несовместимо ни с одной из стадий общественного развития, предшествующих эмансипации буржуазии.

Итак, современный способ ведения войны предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства, он является *военным выражением* этой эмансипации.

Эмансипация пролетариата, в свою очередь, будет иметь свое особое выражение в военном деле и создаст свой особый, новый военный метод. Cela est clair**. Можно уже сейчас до известной степени предвидеть, в чем будут заключаться материальные основы этой новой системы ведения войны.

Но в такой же точно мере, как простое завоевание политической власти современным неопределившимся и отчасти плетущимся в хвосте других классов французским и германским

* — Так вот. *Ред.*
** — Это ясно. *Ред.*

пролетариатом само по себе было бы еще весьма далеко от действительной эмансипации рабочего класса, которая заключается в уничтожении всех классовых противоречий, точно так же и способ ведения войны, который первоначально должна будет применить ожидаемая революция, будет весьма далек от того способа, который будет применять действительно освободившийся пролетариат,

Действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление [vollstandige Konzentrierung] всех средств производства во Франции и. в Германии предполагают, во-первых, участие Англии в этом процессе, а во-вторых, по крайней мере удвоение средств производства, имеющихся сейчас в Германии и Франции. Новый способ ведения войны как раз и предполагает наличие этого.

Выдающиеся нововведения Наполеона в военной науке не могут быть преодолены посредством чуда; новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой военная наука, созданная революцией и Наполеоном, явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией. И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, — так и в военном деле речь пойдет не об уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, о поднятии того и другого на более высокую ступень.

Предпосылкой наполеоновского способа ведения войны явились выросшие производительные силы; предпосылкой каждого нового усовершенствования в системе ведения войны также будут новые производительные силы. Железные дороги и электрический телеграф уже сейчас дадут талантливому генералу или военному министру повод для совершенно новых комбинаций в европейской войне. Постепенный рост производительных сил, а вместе с ним и населения, в свою очередь, открывает возможность собирать более значительные воинские массы. Если во Франции население вместо 25 миллионов составляет 36 миллионов, то 5% этого числа составит уже не 1250000, а 1800000 человек. В обоих отношениях могущество цивилизованных стран по сравнению с варварскими относительно возросло. Только первые располагают разветвленной сетью железных дорог, и население их растет вдвое более быстрым темпом, чем, скажем, в России. — Все эти соображения доказывают, кстати сказать, что подчинение Западной Европы России становится с каждым днем все менее возможным и что на *длительный срок* такое подчинение просто невозможно.

Сила нового способа ведения войны, возникающего с уничтожением классов, не может, однако, сводиться к тому, что подлежащие мобилизации 5% с ростом населения будут составлять все более значительную массу. Она должна состоять в том, что станет возможно призвать к оружию уже не 5 или 7%, а 12—16% всего населения, т. е. от половины до двух третей взрослого мужского населения, — примерно, всех здоровых мужчин от 18 до 30 или даже до 40 лет. Но если Россия не сможет поднять своих военных сил с 2—3% до 5% без полной революции во всей своей внутренней социальной и политической организации и в особенности в своем производстве, то, в свою очередь, и Германия с Францией не смогут увеличить находящегося в их распоряжении контингента с 5% до 12% без того, чтобы революционизировать свое производство, которое должно быть более чем удвоено. Лишь тогда, когда средняя производительность труда каждого даст вдвое больше, чем теперь, благодаря применению машин и т. п., можно будет высвободить из производства вдвое больше рабочей силы, да и то лишь на короткое время; ведь ни одна страна никогда не могла долго держать под ружьем 5% своего населения.

Если соответствующие условия будут налицо, если национальное производство будет в достаточной мере поднято и централизовано, если — что безусловно необходимо — будут уничтожены классы (прусский вольноопределяющийся сроком на один год[316], если только он не унтер-офицер или офицер ландвера, в силу своего аристократического общественного положения, никогда не сможет быть хорошим солдатом рядом с крестьянином и мастеровым), то пределы возможного набора будут определяться исключительно численностью населения, способного носить оружие; т. е., в случае крайней нужды, можно будет в самое короткое время вооружить 15—20% населения и иметь в действующей армии 12—15%. Но наличие таких колоссальных масс предполагает, в свою очередь, и значительно большую подвижность, чем та, которой обладают современные армии. Без разветвленной сети железных дорог такие массы не смогут ни сосредоточиваться, ни снабжаться продовольствием и боевыми припасами, ни передвигаться с места на место. Без электрического телеграфа совершенно невозможно будет управлять ими. А так как при таких массах стратег и тактик (командующий на поле сражения) но могут быть соединены в одном лице, то здесь начнется разделение труда. Стратегические операции — координация действий различных войсковых соединений — должны будут направляться из одного центрального пункта при помощи телеграфных линий; руководство тактическими операциями будут

осуществлять отдельные генералы. Ясно, что при таких условиях война сможет и должна будет приходить к развязке в еще более короткий срок, чем это имело место у Наполеона. Это потребуется вследствие огромных издержек и станет неизбежным потому, что всякий удар, наносимый такими массами, по необходимости будет иметь решающее значение.

По своей массе и стратегической подвижности эти армии будут обладать, следовательно, неслыханно страшной силой. Тактическая подвижность (при несении патрульной службы, в стрелковых цепях, на поле сражения) у таких солдат также будет стоять на гораздо более высокой ступени. По силе, ловкости, интеллигентности они превзойдут всех тех солдат, которых может дать современное общество. Однако, все это сможет быть осуществлено, к сожалению, лишь через много лет; к тому времени подобные массовые войны уже вообще не смогут иметь места, вследствие отсутствия равного противника. В первый же период пролетарской революции для всего этого будут отсутствовать основные предпосылки; тем паче в 1852 году.

Процент населения, приходящийся сейчас во Франции на долю пролетариата, едва ли удвоился по сравнению с 1789 годом. Пролетариат был тогда — по крайней мере между 1792 и 1794 годом — не менее распропагандирован и in tension*, чем это будет иметь место в ближайшее время. Уже тогда было ясно, что во время революционных войн, сопровождаемых жестокими внутренними потрясениями, *масса пролетариата должна быть использована внутри страны.* То же самое будет иметь место и теперь и, вероятно, даже в большей степени, чем когда-либо, так как шансы для немедленного возникновения гражданских войн, по мере продвижения коалиции, возрастают. Поэтому пролетариат сможет направить лишь незначительный контингент в действующую армию. Главным источником для пополнения последней останутся городские низы и крестьяне. Иными словами, революция вынуждена будет вести войну теми средствами и теми методами, какими она вообще ведется в наше время.

Лишь доктринер может задаваться вопросом, нельзя ли при этих средствах, т. е. при действующей армии в 4—5% населения, изыскать новые комбинации и изобрести новые сокрушающие методы использования этих сил. Как производительность ткацкого станка не может быть увеличена вчетверо без замены его движущей силы — силы руки — силой пара, без изобретения нового орудия производства, имеющего лишь весьма мало

* — в напряженном состоянии. *Ред.*

общего со старым ручным станком, так и в военном искусстве нельзя старыми средствами достигнуть новых результатов/Только создание новых, более мощных средств делает возможным достижение новых, более грандиозных результатов. Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных средств, либо первый находит правильный способ применения новых средств, изобретенных до него. В промежутке времени между Тюренном и старым Фрицем произошла революция в пехотном деле, вытеснение пики штыком и фитильного запала кремневым замком; историческая заслуга старого Фрица в военной науке заключалась в том, что он, в общем оставаясь в пределах тогдашнего способа ведения войны, преобразовал и усовершенствовал старую тактику, применительно к новым видам оружия. Точно так же историческая заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых стало возможно лишь благодаря революции, и эту стратегию и тактику довел до такой степени совершенства, что современные генералы, в общем и целом, не только не в состоянии превзойти его, но в своих самых блестящих и удачных операциях лишь пытаются подражать ему.

Summa summarum. Революция будет воевать современными военными средствами и при помощи современного военного искусства против современных же военных средств и современного военного искусства. Шансы на наличие военных талантов будут у коалиции по меньшей мере так же велики, как и у Франции: ce seront alors les gros bataillons qui l'emporteront*.

IV

Посмотрим теперь, какие батальоны смогут быть включены в действующую армию и как они смогут быть применены.

1) *Россия.* Русская армия мирного времени состоит номинально из 1100000 солдат, фактически же примерно — из 750000. Начиная с 1848 г. русское правительство неуклонно стремилось к тому, чтобы довести фактическую численность военного времени до 1500000 человек. Николай и Паскевич, по мере возможности, всюду лично контролировали положение. Следовательно, можно считать, что Россия в настоящее время довела свою армию по меньшей мере до полного мирного

* — преимущества тогда будут на стороне больших батальонов. *Ред.*

состава в 1100000 человек; из этого числа следует, исключить самое большее:

для Кавказа	100000 чел.
» собственно России	150000 »
» польских губерний	150000 »
больных, отрядов особого назначения и т. п.	150000 »
Всего	550000 чел.

Остаются *550000* человек, которые могут быть употреблены для военных действий вне страны. Это немногим больше, чем то, что Россия фактически послала за границу в 1813 году.

2) *Пруссия.* Великолепная армия военного времени, в случае призыва под знамена ландвера первой и второй очереди, сверхочередных и вообще всего, что можно призвать, состояла бы, по меньшей мере, из 650000 человек. Но в данный момент правительство смогло бы мобилизовать максимум 550000 человек. Будем считать только 500000 человек. Из этого числа придется выделить для гарнизонов и т. п. лишь немногим больше численности ландвера второй очереди (150000 человек); ведь постепенные призывы сверхочередных и контингента будущего года, — о чем позаботится Николай, — а также непрерывное прохождение русских войск обеспечат достаточные резервы на случай любой попытки поднять восстание внутри страны. Кроме того, прусские войска будут иметь меньший процент больных, так как они будут сосредоточиваться в собственной стране и им придется совершить меньший переход, чем русским, чтобы дойти до Рейна. Однако, так же, как и относительно русских, я сбрасываю половину и считаю свободной лишь другую половину, т. е. *250000 человек.*

3) *Австрия.* Стоят под ружьем и находятся в отпуску, но могут вернуться в армию так же быстро, как ландвер в Пруссии, по меньшей мере 600000 человек. Здесь я также сбрасываю половину, так как, по крайней мере, для двух третей монархии двигающиеся вслед за австрийцами русские войска впредь до образования новых резервов будут служить резервами внутри страны и будут парализовать очаги восстания. Для действий против неприятеля остаются свободными *300000 человек.*

4) *Германский союз.* Так как эти господа живут у самого Рейна и вся коалиционная армия будет проходить через их земли, то они почти совсем не нуждаются в гарнизонах против местного населения; тем более, что после первых же успехов коалиции в борьбе с Францией резервные армии расположатся поперек

всей Германии, с севера на юг. Поэтому Германский союз выставит, по крайней мере, *120000 человек.*

5) Войска итальянских правительств, датчан, бельгийцев, голландцев, шведов и пр. я принимаю пока в расчет в количестве *80000 человек.*

Итак, вся совокупность коалиционных войск составляет по приведенному расчету 1300000 человек, либо уже стоящих сейчас под ружьем, либо могущих быть призванными немедленно. Все эти данные намеренно преуменьшены. Скидка на одних больных так велика, что уже только из выздоровевших и т. п. можно было бы через два месяца после начала операций составить вторую армию в 350000 человек вблизи французской границы. Но численность этой второй армии неизбежно окажется еще значительно больше, так как в настоящее время ни одно правительство не бывает настолько неразумным, чтобы начать войну, не производя одновременно с отправкой действующей армии возможно более широкие новые наборы, которые посылаются вслед за первой армией.

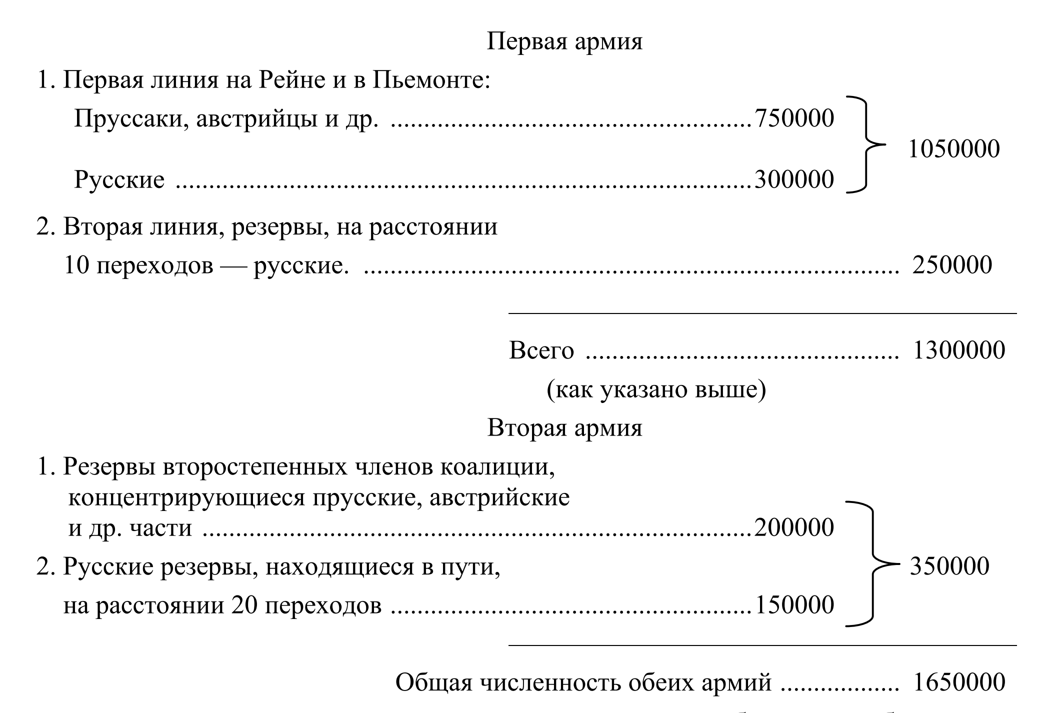
Войска первой армии (1300000 человек) могут быть полностью сосредоточены в течение, примерно, двух месяцев, если действовать по следующему плану. Пруссаки и австрийцы могут вполне мобилизовать вышеупомянутые контингента за два месяца, в этом не может быть сомнения после ноябрьской мобилизации прошлого года; что же касается русских войск, то тремя конечными пунктами сосредоточения будут в первую очередь Берлин, Бреславль* и Краков или Вена (см. ниже). От Петербурга до Берлина приблизительно 45 дневных переходов, от Берлина до Рейна — 16, всего 61 переход, считая по 5 германских миль** в день. От Москвы до Бреславля 48 переходов, от Бреславля до Майнца — 20, всего 68 переходов. От Киева до Вены — 40, от Вены до Базеля — 22, всего 62 перехода. Если присчитать к этому дневки, без которых русские войска, а особенно при вышеуказанных интенсивных переходах, ни в коем случае не смогут обойтись, то ясно, что и войска, расположенные в Москве, Петербурге и Киеве, вполне смогут уже быть на Рейне через *три* месяца; даже исходя из предположения, что войска передвигаются исключительно пешком, не пользуясь железными дорогами и подводами. Однако эти средства перо-движения могут быть пущены в ход в Германии почти повсюду, в России и Польше во всяком случае местами; использование этих средств сократило бы переброску войск, в общем, безусловно

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*

** Германская или географическая миля равна 7 *км* 420 *м. Ред.*

на 15—20 дней. Но главные массы русских войск уже сейчас сконцентрированы в польских губерниях, а так как политическая обстановка делает вероятным возникновение кризиса, туда будет направлено еще большее количество вооруженных сил. Таким образом, исходными пунктами движения русских будут не Петербург, Москва и Киев, а Рига, Вильно, Минск, Дубно и Каменец, благодаря чему расстояние сократится приблизительно на 60 миль, т. е. на 12 дневных переходов и четыре дневки. При этом значительная часть пехоты,—особенно расположенная в более отдаленных местах расквартирования,—сможет в течение каждого третьего дня (дня отдыха) быть перевезена по крайней мере на 5 миль; таким образом, для этой части армии и дни отдыха могут быть причислены к дням марша. Материальная часть артиллерии, боевые припасы и продовольствие смогут при этих условиях свободно следовать по железной дороге. Артиллерийские запряжки и прислуга смогут передвигаться походным порядком или ехать и, таким образом, прибыть на место во всяком случае скорее, чем прежним способом.

Из всего сказанного для меня следует вывод, что ничто не воспрепятствует сосредоточению коалиционной армии на Рейне, через два месяца после взрыва революции, в следующем порядке:

Первая армия

1. Первая линия на Рейне и в Пьемонте:
Пруссаки, австрийцы и др. .... 750000 } 1050000
Русские .... 300000 }
2. Вторая линия, резервы, на расстоянии 10 переходов — русские. 250000

Всего 1300000
(как указано выше)

Вторая армия

1. Резервы второстепенных членов коалиции, концентрирующиеся прусские, австрийские и др. части .... 200000 } 350000
2. Русские резервы, находящиеся в пути, на расстоянии 20 переходов .... 150000 }

Общая численность обеих армий 1650000

В сущности говоря, при современных условиях потребуется не больше пяти-шести недель, чтобы перебросить к Рейну 300000 русских, и за то же время пруссаки, австрийцы и второстепенные союзники смогут придвинуть к Рейну вышеуказанные контингенты; но, принимая в расчет непредвиденные препятствия, которые возникают при всякой коалиции, я беру

полных два месяца. Расположение союзных войск в момент высадки Наполеона после Эльбы, в смысле их переброски во Францию, было едва ли столь же благоприятно, как нынешнее; тем не менее, русские были уже на Рейне, когда Наполеон сражался с англичанами и пруссаками при Ватерлоо.

Спрашивается, какие же ресурсы может противопоставить коалиции *Франция?*

1) Линейные войска составляют приблизительно 450000 человек, из них 50000 в Алжире, без которых там не обойтись; из остальных 400000 человек следует сбросить больных, необходимый минимум для гарнизона крепостей, небольшие отряды в ненадежных пунктах внутри страны; в лучшем случае можно располагать 250000 человек.

2) Излюбленное средство нынешних «красных» — снова призвать под ружье отслуживших срок солдат — может быть с успехом применено в качестве принудительной меры самое большее по отношению к шести возрастам, т. е. от 27 до 32 лет. Каждый возраст должен по набору давать 80000 человек. Потери от алжирской войны и тамошнего климата, обычная смертность за 12 лет, отсев лиц, ставших неспособными к военной службе, эмигрантов, наконец, тех, кому тем или иным способом удастся уклониться от возвращения в строй в такой момент, когда административный аппарат и без того приходит в расстройство, — все это сократит общее количество вернувшихся в армию бывших рекрутов этих шести возрастов с 480000 до 300000 в лучшем случае. Из этого числа, в свою очередь, следует вычесть 150000 человек на пополнение крепостных гарнизонов, которое будет производиться преимущественно за счет этого класса, как состоящего из более пожилых и, в большинстве случаев, женатых людей. Остающиеся, таким образом, 150000 человек при сколько-нибудь умелых мероприятиях легко могут быть мобилизованы в два месяца.

3) Народное ополчение, добровольцы, волонтеры, levee en masse и как бы еще ни называлось это второстепенное пушечное мясо. Из этой группы, за исключением примерно 10000 gardes mobiles*, которые еще должны быть собраны, все владеют оружием не лучше любого немецкого гражданского ополченца. Правда, французы обучаются этому ремеслу быстрее, но два месяца все же очень короткий срок. Если Наполеону удавалось заставить своих рекрутов пройти батальонную школу в четыре недели, то это было возможно лишь благодаря отличнейшим кадрам; между тем первым следствием ближайшей

* — мобильной гвардии. *Ред.*

революции будет дезорганизация самих линейных кадров. К тому же наши французские революционеры, как известно, весьма привержены к традициям, они, несомненно, прежде всего начнут кричать: Levee en masse! Deux millions d'hommes aux frontieres![*] Два миллиона солдат — это было бы прекрасно, если бы снова можно было ожидать со стороны коалиции таких промахов, какие были совершены ею anno[**] 1792—1793, и если бы было достаточно времени, чтобы постепенно обучить 2000000 человек. Но об этом не может быть и речи. Наоборот, следует ожидать, что в течение двух месяцев на границе окажется 1000000 неприятельских солдат, готовых к боевым действиям, и задача будет заключаться в том, чтобы выступить против этого миллиона с шансами на успех.

Если французы снова будут слепо копировать традиции 1793 г., то они предпримут эксперимент с 2000000, а это значит, что они размахнутся настолько широко, что реальный результат, при краткости срока, будет равен нулю. Обучение и формирование 1500000 человек в восемь недель при отсутствии кадров на практике сведется к бессмысленному расходованию всех ресурсов и к тому, что армия не будет усилена хотя бы даже одним пригодным батальоном.

Другое дело, если у них будет порядочный военный министр, сколько-нибудь знакомый с революционными войнами и методами быстрого формирования армии, и если на его пути не будут стоять глупые препятствия, проистекающие от невежества и стремления к популярности. Такой человек будет держаться в пределах возможного и сможет сделать многое. Тогда придется исходить примерно из следующего плана.

Вооруженные силы состоят, прежде всего, из двух составных частей: 1) пролетарской гвардии в городах, крестьянской гвардии в сельских местностях — в той мере, в какой последние благонадежны, — для несения внутренней службы и 2) регулярной армии — против вторжения.

Крепости обслуживаются пролетарской и крестьянской гвардией. Из армии для этого выделяются лишь самые необходимые подразделения. Для защиты Парижа, Страсбурга, Лиона, Меца, Лилля, Валансьенна — важнейших крепостей, являющихся в то же время крупными городами, понадобится помимо их собственной гвардии и небольших крестьянских отрядов из окрестностей лишь немного линейных войск. Свободный от внутренней службы контингент пролетарской гвардии, поскольку он состоит из незанятых рабочих, должен быть сосредоточен

[*] — Всеобщий набор! Два миллиона солдат на границу! *Ред.*
[**] — в году. *Ред.*

в учебном лагере и обучаться под руководством не годных к полевой службе старых офицеров и унтер-офицеров для пополнения убыли в рядах действующей армии. Этот лагерь может быть устроен вблизи Орлеана — он тогда одновременно будет служить угрозой против легитимистских округов.

Количество линейных войск, находящихся на французской территории, должно быть утроено, т. е. доведено с 400000 до 1100000 человек. Достигнуть этого можно следующим образом. Каждый батальон превращается в полк, происходящее при этом неизбежное повышение по службе офицеров и унтер-офицеров внушит им не меньшее уважение к революции, чем гильотина и военный суд. Неизбежное расширение кадров должно при этом происходить по возможности постепенно. Необходимо будет привлечь на свою сторону возможно большее количество офицеров. Последнее весьма важно при невозможности создать как по волшебству новых офицеров в двухмесячный срок. Кроме того, у среднего и низшего командного состава французской армии имеется еще достаточно национального чувства для того, чтобы эта категория офицеров под влиянием некоторого продвижения по службе, энергичного руководства со стороны военного ведомства и при известных шансах на военный успех могла оказаться вполне пригодной на первое время; особенно если будет проведено несколько примерных наказаний бунтовщиков и дезертиров. Из воспитанников военных училищ и служащих Ponts et chaussées* получаются прекрасные офицеры артиллерийских и инженерных войск; а после нескольких сражений начнут обнаруживаться столь часто встречающиеся у французов военные таланты среди нижних чинов, уже пригодные для командования ротой после первого боя. Что же касается солдат, то необходимое количество составится

из линейных войск 400000
» вновь призванных запасных 300000

Остается добрать и обучить 500000, итого 1200000 человек, а если считать 100000 больных, — 1100000 человек. Из этого числа может быть использовано для боевых действий:

из линейных 250000
» запасных 150000
» новобранцев 400000

800000

* — Управления по строительству шоссейных дорог и мостов. *Ред.*

Будущее покажет, что можно предпринять с такой армией. Обучить в течение двух месяцев в качестве пополнения для линейной армии 400000—500000 новобранцев, которые будут влиты в одни полки и батальоны с солдатами регулярной армии и с возвращенными в строй бывшими солдатами, не такое уж трудное дело, если взяться за него немедля, le lendemain de la révolution*. Все эти подкрепления пойдут на усиление пехоты и артиллерии: за 2 месяца можно обучить пехотинца и даже канонира, способного к элементарному обслуживанию орудия, но отнюдь не кавалериста. Поэтому численное увеличение кавалерии будет весьма невелико.

Весь этот план мобилизации обязательно предполагает наличие хорошего военного министра, такого, который умеет правильно оценить политическую обстановку, обладает знаниями в области стратегии, тактики и в деталях использования отдельных родов оружия, а также достаточной степенью энергии, быстроты и decisiveness**; необходимо также, чтобы ослы, которые будут состоять в правительстве вместе с ним, предоставили ему полную свободу действий. Но где же возьмет «красная» партия во Франции такого человека? Все шансы говорят, напротив, за то, что мы увидим обычную картину: какой-нибудь невежда, который, в качестве bon démocrate***, сам себя считает и признается другими подходящим для любого поста, попытается разыграть Карно, декретирует всеобщий набор, разрушит решительно все; весьма скоро его предприимчивость исчерпается, тогда он предоставит все дело рутине второстепенных чиновников старого режима и неприятельские армии будут подпущены к стенам Парижа. Для того же, чтобы в наше время справиться с европейской коалицией, недостаточно быть Пашем, Бушотом и даже Карно, а надо быть равным Наполеону, либо же иметь исключительно глупых врагов перед собой или исключительно много удачи.

Не надо забывать, что при всех сделанных выше подсчетах военных сил коалиции все время принимались во внимание минимальные числа для общего количества войск и, наоборот, максимальные для всяких скидок; таким образом, при сколько-нибудь удовлетворительном руководстве численный состав войск, находящихся в распоряжении неприятеля, окажется большим, а время, необходимое для его сосредоточения, меньшим, чем здесь указано. Для Франции же мои предположения построены по обратному принципу: я принял максимальный срок,

* — на следующий день после революции. *Ред.*
** — решительности. *Ред.*
*** — хорошего демократа. *Ред.*

находящийся в распоряжении французов, максимальную цифру для контингента, который они смогут сформировать, и сделал минимальные скидки; таким образом, общее количество войск в распоряжении революции подсчитано мной в самых больших цифрах, какие только возможны. Иными словами, все эти исчисления дают картину *самого благоприятного случая* для революции, если не считать непредвиденных обстоятельств и возможности грубых промахов со стороны коалиции.

К тому же в вышеизложенных предположениях я исходил из того, что революция и вторжение неприятеля не вызовут немедленной вспышки гражданской войны внутри страны. В настоящее время, т. е. через 60 лет после последней гражданской войны во Франции, невозможно сказать с уверенностью, окажется ли легитимистский фанатизм способным на нечто большее, чем на эфемерное восстание. Ясно все же, что по мере продвижения коалиции вперед будут возрастать шансы восстаний, подобных лионскому и тулонскому в 1793 г. и др., будут возрастать шансы на временный союз всех политически побежденных классов и партий. Но допустим и в этом отношении наиболее благоприятную комбинацию для революции, при которой революционная — пролетарская и крестьянская — гвардия окажется в состоянии успешно провести разоружение восставших департаментов и классов.

О благоприятствующих революции шансах, которые появились бы благодаря возможным восстаниям в Германии, Италии и т. д., мы скажем ниже.

V

Теперь перейдем к самим боевым действиям.

Если на карте поставить одну ножку циркуля на Париж и провести окружность радиусом, равным расстоянию от Парижа до Страсбурга, то она пересечет на юге французскую границу между Греноблем и Шамбери у Пон-де-Бовуазена, пойдет вдоль границы к северу через Женеву, Юрский хребет, Базель, Страсбург и Хагенау, затем будет следовать по течению Рейна до его устья, отдаляясь от него в отдельных местах, но не более как на два дневных перехода. Если бы Рейн был границей Франции, то на всем протяжении этой границы, начиная от того пункта, где она уже не прикрывается Альпами, и до самого Северного моря, Париж был бы примерно на одинаковом расстоянии от любой ее точки. Военная система Франции, имеющая центром Париж, вполне соответствовала бы тогда географическим условиям. При этом предположении получалась бы простая дуга от

Шамбери до Роттердама, на которой все точки единственной открытой границы Франции, притом ближайшей к ее столице, были бы расположены от Парижа на одинаковом расстоянии, составляющем примерно 70 немецких миль, или 14 переходов. В то же время эта граница была бы защищена широкой рекой. В этом заключается реальная военная основа того утверждения, что Рейн является естественной границей Франции.

Но та же своеобразная конфигурация течения Рейна также делает его исходной точкой для всех концентрических операций, направленных против Парижа, ибо для того, чтобы несколько различных армий могли одновременно достигнуть Парижа и одновременно угрожать ему с разных сторон, они должны выступить одновременно из равно отстоящих от Парижа пунктов. Несмотря на то, что концентрические операции представляют опасность, если пункты концентрации лежат в сфере воздействия неприятельских армий, а тем более, совпадают с операционной базой последнего, операции всякой коалиционной контрреволюционной армии против Франции по необходимости должны иметь концентрический характер. Причины следующие: 1) взятие Парижа означает завоевание всей Франции; 2) ни один пункт границы, лежащий в сфере операций французских армий, не может быть оставлен открытым, ибо, в противном случае, французы могли бы вызвать восстание на территории коалиции, послав свои отряды в тыл неприятельской армии; 3) для снабжения тех людских масс, которые всякая коалиция вынуждена бросить против Франции, требуются многочисленные операционные линии.

Граница, защищать которую придется обеим армиям, простирается от Шамбери до Роттердама. Испанскую границу можно пока не принимать во внимание. Итальянская граница от Вара до Изера прикрыта Альпами и, кроме того, идет в направлении, удаляющемся от Парижа, составляя касательную к вышеупомянутой дуге. Эту границу следует принять во внимание только в том случае: 1) если укрепленные перевалы Савойских Альп, особенно Монсени, будут в руках французов; 2) если будет намерение произвести диверсию на побережье, для чего должны иметься особые основания; 3) если французские армии, обеспечив безопасность границы во всех других направлениях, захотят перейти здесь в наступление по примеру Наполеона в 1796 году. Во всех других возможных случаях этот участок границы находится далеко в стороне.

Итак, активные операции как для коалиции, так и для Франции ограничиваются линией, идущей от Шамбери или реки Изера до Северного моря, и той территорией, которая распо-

ложена между этой линией и Парижем. Как раз эта часть Франции представляет собой местность, как бы специально созданную для обороны, и расположение гор и рек здесь отличается самым благоприятным с военной точки зрения характером.

От Роны до Мозеля граница прикрыта длинной, лишь с трудом и в немногих пунктах проходимой цепью гор — Юрой; к ней примыкают Вогезы, продолжение которых составляют Хохвальд и Идарвальд; обе горные цепи тянутся параллельно границе, а Вогезы, кроме того, прикрыты Рейном. Между Мозелем и Маасом дорогу на Париж преграждают Арденны, по ту сторону Мааса — Аргонны. Открытой остается лишь область от Самбры до моря, но тут положение всякой продвигающейся армии с каждым шагом вперед становится все опаснее, так как она рискует, при сколько-нибудь умелых операциях со стороны сильной французской армии, быть отрезанной от Бельгии и сброшенной в море. К тому же вся линия от Роны до Северного моря усеяна крепостями, из которых некоторые, как, например, Страсбург, господствуют над целыми провинциями.

От того места, где сходятся Юра и Вогезы, тянется в юго-западном направлении, вплоть до Оверни, цепь гор, образующая водораздел между Северным морем и океаном, с одной стороны, и Средиземным морем — с другой. От нее на юг течет Сона, а на север, параллельно друг другу, Мозель, Маас, Марна, Сена и Йонна. Вдоль каждой из этих рек, отделяя ее долину от долины соседней реки, а также между Йонной и Луарой, тянутся, образуя разветвления, длинные горные хребты, прорезанные лишь немногими дорогами. Вся эта горная страна, правда, в большей своей части проходима для всех родов войск, но весьма неплодородна, и большая армия не может здесь задерживаться в течение долгого времени.

Преодолев эту горную местность, а также столь же неплодородные возвышенности Шампани, лежащие между бассейном Мааса и бассейном Сены, неприятельская армия вступает в бассейн реки Сены. Здесь-то и сказываются в полной мере необычайные военные преимущества местоположения Парижа.

Бассейн Сены, от ее верховьев вплоть до устья Уазы, образуется из целого ряда почти параллельно расположенных рек с дугообразным течением, направленным к северо-западу, — Йонны, Сены, Марны, Уазы и Эна; каждая из этих рек имеет притоки, текущие в том же направлении. Все эти дугообразные долины соединяются на небольшом друг от друга расстоянии, а в центре этих соединительных точек лежит Париж. Главные пути к Парижу от всех сухопутных границ между Средиземным

морем и Шельдой идут вдоль этих речных долин и вместе с ними концентрически соединяются под Парижем. Армия, защищающая Париж, может поэтому всегда сосредоточиваться в более короткое время и перебрасываться от одного угрожаемого пункта к другому легче, чем нападающая армия, так как из двух концентрических кругов — внутренний имеет меньшую периферию. Блестящее использование этого преимущества, неустанное передвижение по периферии внутреннего круга позволило Наполеону во время его замечательной кампании 1814 г. в течение двух месяцев связывать в бассейне Сены при помощи горсти солдат все военные силы коалиции.

Написано Ф. Энгельсом в апреле 1851 г.

Впервые опубликовано в журналв «Die Neue Zeit» №№ 9 и 10, 4 и 11 декабря 1914 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ПРИНЯТАЯ 4 НОЯБРЯ 1848 г. [317]

Конституции предпослано введение риторического характера; внимания в нем заслуживают следующие места:

1. Франция объявляет себя республикой. 2. Французская республика является *демократической,* единой и неделимой. 3. Ее принципами являются свобода, равенство, братство, а ее основу составляют семья, труд, собственность и общественный порядок. 5. Она уважает независимость других наций и намерена заставить уважать и свою независимость. Она не будет предпринимать никаких агрессивных войн и никогда не употребит своей силы против свободы какого бы то ни было народа *(Рим!*[318]*).*

До июньского восстания Национальное собрание выработало конституцию, в которой среди многих других положений, признававших права и обязанности человека, имелись следующие статьи:

Статья 6. Право на образование является правом всех граждан на полное развитие своих физических, духовных и интеллектуальных способностей посредством *бесплатного* образования, осуществляемого за счет государства.

Статья 7. Право на труд является правом каждого члена общества жить своим трудом. Поэтому общество обязано обеспечить работой всех трудоспособных лиц, если они не могут получить ее иным путем.

Статья 9. Право на вспомоществование является правом сирот, немощных и стариков на поддержку со стороны государства.

Когда в результате победы в июне 1848 г. буржуазия осмелела, она выкинула эти три статьи из

КОНСТИТУЦИИ,

которая сейчас выглядит следующим образом:

«ГЛАВА I

Верховная власть принадлежит всей совокупности французских граждан. Она неотъемлема и непреходяща. Никакой индивид, никакая часть народа не имеет права присваивать себе осуществление этой власти».

«ГЛАВА II. ПРАВА, ГАРАНТИРУЕМЫЕ КОНСТИТУЦИЕЙ

Статья 2. Никто не может быть арестован или заключен в тюрьму» иначе как по предписанию закона».

«Статья 3. Жилище каждого гражданина, проживающего на территории Франции, неприкосновенно и проникать в него не разрешается иначе, как с соблюдением форм, предписанных законом».

Заметьте, что здесь, как и всюду, французская конституция гарантирует свободу, но всегда с оговоркой об *исключениях, которые уже предписаны законом* или которые могут *еще быть предписаны!* При этом все исключения, предусмотренные императором Наполеоном, Реставрацией и Луи-Филиппом, не только были сохранены, но после июньской революции неизмеримо приумножены. Так, например, закон от 9 августа 1849 г. относительно осадного положения, которое может быть объявлено Национальным собранием, а во время перерыва его заседаний — президентом, предоставляет военным властям право передачи всех политических преступников военно-полевому суду. Далее, этот закон дает военным властям право проникать в любой дом и совершать там обыски и днем и ночью, конфисковывать все виды оружия и удалять всех лиц, не имеющих местожительства в пунктах, объявленных на осадном положении.

Что касается *иностранцев,* то единственное «право», которым они пользуются на французской земле, состоит в том, что они могут подвергнуться аресту и высылке из страны каждый раз, когда полицейским властям это заблагорассудится.

Что касается *французов,* то достаточно *одному чиновнику* дать предписание и любой французский гражданин может быть арестован.

«Статья 4. Никто не может быть судим иначе, как теми судьями. которые для этого предназначены. Создание чрезвычайных трибуналов не допускается ни под каким названием и ни под каким предлогом».

Мы уже знаем, что при «осадном положении» военные трибуналы вытесняют все другие суды. Кроме того, Национальное собрание создало в 1848 г. «чрезвычайный трибунал», под названием «Верховного суда», для части политических преступников, а после июньского восстания оно выслало в колонии 15000 повстанцев совершенно без всякого суда!

«*Статья 5.* Смертная казнь за политические преступления отменяется».

Но политических преступников отправляют в зараженные лихорадкой местности, где они подвергаются казни, только несколько более медленной и гораздо более мучительной.

«*Статья 8.* Граждане имеют право объединяться в союзы, организовывать мирные и невооруженные собрания, подавать петиции и высказывать свое мнение в печати и любым другим способом. Пользование этими правами не знает иных ограничений, кроме обеспечения равных прав других граждан и соблюдения общественной безопасности».

Что ограничения, мотивируемые «общественной безопасностью», делают совершенно невозможным пользование указанными правами, ясно видно из следующих фактов:

1. *Свобода печати.* — Законами от 11 августа 1848 г. и 27 июля 1849 г. не только было восстановлено требование залога для газет, но и восстановлены и сделаны более суровыми все ограничения, введенные императором Наполеоном и после него.

Закон от 23 июля 1850 г. *увеличил* сумму денежного залога и расширил действие закона, касающегося всех еженедельных газет, журналов, других периодических изданий и т. д.[319] Кроме того, этот закон требует, чтобы каждая статья была подписана автором, и снова вводит *штемпельный сбор* с газет. Не ограничиваясь этим, закон облагает штемпельным сбором романы, печатаемые в газетах, чисто литературные печатные произведения; за невыполнение всего сказанного закон угрожает взысканием огромных штрафов. После издания вышеупомянутого закона революционная печать совсем исчезла. Она долго боролась против этих преследований: каждую неделю какая-нибудь газета или брошюра становилась предметом судебного преследования, штрафовалась, подвергалась запрету. Буржуазия, заседая в суде присяжных, уничтожала рабочую печать.

Своего кульминационного пункта эта система достигла в законе от 30 июля 1850 г., восстановившем цензуру на драматические произведения. Так свобода мнения была изгнана из своего последнего литературного убежища.

2. *Право ассоциации и публичных собраний.* — Декретом от 28 июля —2 августа 1848 г. клубы подвергаются многочисленным полицейским ограничениям, почти аннулирующим всякую свободу. Так, например, они не имеют права принимать резолюции, носящие законодательный характер и т. д. Этим же декретом все неполитические организации и *частные* собрания поставлены целиком под опеку полиции и зависят от ее капризов.

Законом от 19—22 июня 1849 г, правительству на один год предоставлено право закрывать все клубы и запрещать собрания, которые не встретят его одобрения. Законом от 6— 12 июня 1850 г. это право предоставлено правительству еще на один год и практически распространено на те собрания и митинги, связанные с выборами в палату, которые могут быть неугодны правительству. В результате, начиная с июля 1848 г., все клубы и собрания, за исключением роялистских и бонапартистских cercles*, фактически прекратили свою деятельность.

Законом от 29 ноября 1849 г. все рабочие, объединяющиеся, чтобы добиться повышения заработной платы, подвергаются тюремному заключению сроком до трех месяцев и денежному штрафу до 3000 франков. Этим же законом рабочие, по отбытии наказания, остаются на 5 лет *под надзором* полиции (что означает нищету, разорение и преследования).

Вот как выглядит право ассоциаций и публичных собраний.

«Статья 9. Право на свободу преподавания. Свободой преподавания можно пользоваться на условиях, предусмотренных законом, и под наблюдением государства».

Тут повторяется старый фокус. «Свобода преподавания», но «на условиях, предусмотренных законом», а эти условия именно таковы, что совершенно уничтожают эту свободу.

Законом от 15 марта 1850 г. вся система преподавания поставлена под контроль духовенства.

Во главе этого ведомства стоит высший совет народного просвещения под председательством четырех французских архиепископов. Этот закон подчиняет воле recteurs, т. е. попечителей, всех провинциальных школьных учителей, хотя они и избираются общинными или приходскими советами. Преподаватели поставлены в условия, сходные с военной субординацией и дисциплиной, и подчинены попечителям, мэрам

* — клубов. *Ред.*

городов и священникам; таким образом, свобода преподавания, в соответствии с вышеприведенным законом, сводится к тому что никто не имеет права преподавать без разрешения гражданских и церковных властей.

«Статья 11. Право собственности неприкосновенно».

«Статья 14. Национальный долг гарантирован».

«Статья 15. Налог взимается только для общественных нужд. Каждый гражданин облагается соразмерно его имуществу и возможностям».

ГЛАВА III. О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЯХ

Глава устанавливает, что:

«1. Вся государственная власть проистекает от народа и не может стать наследственной».

«2. Разделение властей является основным условием свободного правительства».

Здесь мы встречаемся со старым конституционным кретинизмом. Условием «свободного правительства» является не *разделение* властей, а их *единство.* Государственный аппарат не может быть слишком простым. Ловкость жуликов всегда в том и заключается, чтобы усложнить этот аппарат и сделать его загадочным.

ГЛАВА IV. О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Законодательная власть осуществляется одной палатой, состоящей из 750 депутатов, включая депутатов Алжира и колоний. Собрание, созываемое с целью пересмотра конституции, должно состоять из 900 депутатов. Система выборов базируется на численности населения. Далее следуют четыре статьи, которые мы считаем необходимым привести полностью:

«Статья 24. Избирательное право — прямое и всеобщее, подача голосов — тайная».

«Статья 25. Все французы, которые достигли 21 года и не лишены политических и гражданских прав, являются избирателями без какого-либо ограничения избирательным цензом».

«Статья 26. Все избиратели, достигшие 25 лет, могут — без ограничения цензом оседлости — быть избраны депутатами».

«Статья 27. Избирательный закон определяет основания, на которых можно лишить французского гражданина права избирать и быть избранным».

Вышеприведенные статьи сформулированы в точности в том же духе, как и все остальные статьи конституции. «Все французы являются избирателями, которые пользуются своими политическими правами», но «избирательный закон» должен

установить, какие французы *не* должны пользоваться своими политическими правами!

Избирательный закон от 15 марта 1849 г. включает в эту категорию всех преступников, кроме политических. А избирательный закон от 31 мая 1850 г. причисляет к этой категории не только политических преступников, не только всех, кто признан виновным в оскорблении издавна установленного общественного мнения и законов о печати, но он фактически устанавливает ценз оседлости, при котором две трети французов не допускаются к голосованию!

Вот что означает во Франции «избирательное право — прямое и всеобщее».

«Статья 28. Лица, получающие жалованье за свою государственную службу, не могут быть одновременно представителями народа. Депутаты не могут занимать никаких платных должностей, зависящих от исполнительной власти в точение всего времени своей законодательной деятельности».

Эти два положения ограничены последующими постановлениями и фактически почти аннулированы.

«Статья 30. Выборы производятся по департаментам, в главном населенном пункте избирательного округа, посредством голосования списком».

«Статья 31. Национальное собрание избирается сроком на три года, по истечении которых должны быть проведены новые выборы».

«Статья 32. Национальное собрание заседает непрерывно, но оно имеет право прерывать свои заседания, назначая в этих случаях в качестве своего представителя комиссию в составе 25 депутатов и членов бюро Собрания. Этой комиссии предоставлено право созыва Собрания в экстренных случаях».

Статьи 33—38. Депутаты могут быть переизбраны. Они не должны быть связаны какими-либо заранее данными инструкциями, они неприкосновенны и не подлежат ни преследованию, ни привлечению к ответственности за мнения, которые могут быть высказаны ими в Национальном собрании, они получают жалованье, от которого им *не разрешается* отказываться.

Что касается «неприкосновенности депутата» и его «свободы выражения своих мнений», то после 13 июня большинство Национального собрания приняло новый регламент, предоставляющий президенту Национального собрания право выносить *порицание* депутату, штрафовать его, лишать его жалованья и временно *исключать его* из заседаний, — тем самым окончательно уничтожив «свободу мнения». В 1850 г. Национальное собрание приняло закон, согласно которому депутат может быть арестован за долги даже во время сессии и лишается мандата народного представителя, если в течение известного времени не уплатит долгов.

THE CONSTITUTIONS OF EUROPE,

COMPILED FROM ORIGINAL SOURCES; WITH THE ASSIShANCE OF LEADING CONTINENTAL DEMOCRATS.

No. I. THE CONSTITUTION OF THE FRENCH REPUBLIC ADOPTED NOVEMBER, 4, 1848.

A rhetorical preamble introduces the Constitution, in which the following passages deserve notice:

1, France declares itself a republic. 2. The French republic is *democratic*, one and indivisible. 3. Its principles are Liberty, Equality, Fraternity, and its foundations are Family, Labour, Property, and Public Order. 5. It respects the independence of other nations, and will make its own respected also. It will undertake no aggressive war, and will never employ its force against the liberty of any people. [*Rome!*]

Before the Insurrection of June, the National Assembly had drawn up a constitution, which contained among many other recognitions of the rights and duties of man, the following articles.

Art. 6. The right to education is the right possessed by all citizens to the means for the full development of their physical, moral, and intellectual faculties, by a *gratuitous* education at the hands of the state.

Art. 7. The right of labour is the right of every member of society to live by labour. Therefore it is the duty of society to supply with work all able bodied persons who cannot otherwise obtain it.

Art. 9. *The Right to support* is the right of the orphan, the infirm and the aged to be maintained by the state.

After the victories of June 1848 had given courage to the middle-class, they erased these three articles from

THE CONSTITUTION,

which now stands as follows:—

"CAP. I. Sovereign power rests in the entirety of French citizens. It is inalienable and eternal. No individual, no fraction of the people has the right to its exercise."

"CAP. II. RIGHTS GUARANTEED BY THE CONSTITUTION:—No one can be arrested or imprisoned, except as prescribed by the laws.

"§ 3. The residence of every one on French territory is inviolable—and it is not allowed to enter it otherwise than in the forms prescribed by law."

Observe here and throughout that the French constitution guarantees liberty, but always with the proviso *of exceptions made by law*, or which may STILL BE MADE! and all the exceptions made by the Emperor Napoleon, by the restoration, and by Louis Philippe, have not only been retained, but, after the June-Revolution, immeasurably multiplied. Thus, for instance, the law of the 9th August 1849, relative to the State of Siege, which the Assembly, and during its prorogation, the President can enact, and which gives to the military authorities the right of bringing all political offenders before a court-martial. It further grants them the power to enter and search any house by day or night, to seize all arms, and to remove all persons not having a domicile in the place declared under a state of siege.

As to *strangers*, the only "right" they enjoy on French soil, is to be arrested and driven out of it, as often as the police authorities think proper.

As to *Frenchmen*, any French citizen can be arrested, if a *single functionary* issues his mandate to that effect!

"§ 4. No one can be judged by others than his natural judges. Exceptional tribunals can be formed under no denomination or pretext."

We have already seen that, under "the state of siege," a military tribunal supersedes all others. Besides this, the Assembly established an "exceptional tribunal," called the "High Court," in 1848 for a portion of the political offenders; and, after the insurrection in June, transported 15,000 insurgents without any trial at all!

"§ 5. Capital punishment for political offences is annulled."

But they transport to fever-stricken settlements, where they are executed, only a little more slowly, and far more painfully.

"§ 8. Citizens have a right to associate, to meet peacefully and unarmed, to petition, and express their opinions through the press and elsewhere. The enjoyment of these rights has no other limit, than the equal rights of others, and the public safety."

That the limitation made by the "public safety," takes away the enjoyment of the right altogether, is clearly shewn by the following facts:—

1. *The liberty of the Press.*—By the laws of August 11, 1848, and of July 27, 1849, not only securities for newspapers were redemanded, but all the restrictions made by the Emperor Napoleon, and since, were renewed and made more stringent.

The law of July 23, 1850, *raises* the security-

Первая страница статьи К. Маркса «Конституция Французской республики», опубликованной в «Notes to the People»

Итак, ни свободы обсуждения, ни неприкосновенности депутатов во Франции не существует, существует лишь неприкосновенность кредиторов.

Статьи 39—42. Заседания Собрания должны быть открытыми. Тем не менее, по требованию определенного числа депутатов, Собрание может объявить себя закрытым комитетом. Чтобы решение Собрания приобрело законную силу, оно должно получить на один голос больше половины всех депутатов Собрания. За исключением экстренных случаев не может быть принят закон, который не подвергался трем чтениям с интервалом в пять дней между каждым чтением.

Эта процедура, заимствованная из английской «конституции», не соблюдается во Франции ни при одном важном случае. даже тогда, когда можно было бы считать это наиболее необходимым. Так, например, избирательный закон от 31 мая был принят после первого чтения.

ГЛАВА V. ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Статьи 43—44. Исполнительная власть вверяется президенту. Президент должен быть урожденным французом, не моложе тридцати лет, никогда не терявшим своего французского гражданства.

Первый президент французской республики, Л.-Н. Бонапарт, не только утратил свое французское гражданство, не только был в свое время английским специальным констеблем, но был даже натурализованным швейцарцем.

Статьи 45—70. Президент республики избирается сроком на четыре года и может быть вновь избран не раньше чем через четыре года после истечения срока его полномочий. То же самое ограничение распространяется и на его родственников до шестого колена включительно. Выборы должны состояться во второе воскресенье мая. Даже если президент был избран в какое-либо другое время, срок его полномочий истекает во второе воскресенье мая на четвертый год его избрания. Президент избирается тайным голосованием при *абсолютном* большинстве голосов. Если ни один из кандидатов не собрал половины поданных голосов, или по меньшей мере двух миллионов, то президента избирает Национальное собрание из числа пяти кандидатов, за которых было подано наибольшее количество голосов.

Президент должен присягнуть на верность конституции, он может через своих министров вносить предложения на рассмотрение Национального собрания, может отдавать распо-

ряжения по армии, но не командовать ею лично; он не имеет права ни уступать какой-либо части французской территории, ни распускать или прерывать заседания Собрания, ни приостанавливать действие конституции. Он ведет переговоры и ратифицирует все договоры, которые, однако, приобретают обязательную силу лишь по утверждении их Собранием. Он не имеет права предпринимать войну без согласия Собрания, он имеет право помилования, но не имеет права объявлять амнистию. Осужденные Верховным судом могут быть помилованы только Национальным собранием. Президент может задержать обнародование закона и потребовать, чтобы Собрание повторно его обсудило, но в этом случае обсуждение является окончательным. Президент назначает послов и министров и может отстранять от должности на три месяца мэров, членов департаментских советов, чинов национальной гвардии и прочих должностных лиц, избранных гражданами. Все декреты президента должны быть скреплены подписью министров, за исключением декретов об отставке самих министров. Президент, министры и государственные чиновники несут, каждый по своему ведомству, ответственность за все действия правительства. Каждое действие президента, могущее оказать давление на Собрание и тормозящее или срывающее должное осуществление его функций, рассматривается как акт государственной измены. В этом случае президент немедленно лишается своей власти, неповиновение распоряжениям президента становится обязанностью каждого гражданина, предоставленные президенту полномочия немедленно переходят к Национальному собранию, а члены Верховного суда должны, не теряя времени, собраться и созвать присяжных в соответствующем месте, чтобы судить президента и его сообщников.

Президент пользуется официальной резиденцией и получает годовой оклад жалованья в сумме 600000 франков, или 24000 фунтов стерлингов (в настоящее время он получает 2160000 франков, или 86400 фунтов стерлингов). Министры ex officio* заседают в Национальном собрании и могут выступать столько раз, сколько они считают нужным. Национальное собрание избирает вице-президента республики из числа трех кандидатов, которых президент намечает в течение месяца после своего избрания. Вице-президент приносит такую же присягу, как и президент, он не должен состоять в родстве с президентом, он выполняет функции президента, когда по-

* — по должности. *Ред.*

следний лишен возможности это делать, и председательствует в заседаниях Государственного совета. Если место президента, вследствие его смерти или каких-либо других причин, становится вакантным, новые выборы президента должны состояться в течение месяца.

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Статьи 71—75. Государственный совет является исключительно совещательным органом для обсуждения тех предложений, которые должны представляться кабинетом министров, и тех, которые могут быть направлены Национальным собранием.

ГЛАВА VII. ВНУТРЕННЯЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Эта глава касается чиновников*, высших должностных лиц, общинных и провинциальных советов. Единственная статья, которая отличается последовательностью и которая используется в максимально возможных размерах, гласит:

«*Статья 80.* Генеральные советы, кантональные советы и общинные советы могут быть распущены президентом с согласия Государственного совета».

ГЛАВА VIII. О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Эта глава, собственно говоря, лишь воспроизводит законы императора Наполеона. Однако следующие дополнения заслуживают внимания:

«*Статья 81.* Судопроизводство осуществляется безвозмездно, именем французского народа».

Это настолько не соответствует действительности, что никто даже не обезглавливается безвозмездно!

Статьи 91—100 касаются Верховного суда: ему предоставлено исключительное право судить президента, пред ним предстают министры и все политические преступники, которых Национальное собрание сочтет уместным предать его суду.

Этот «Верховный суд» состоит из пяти судей, которых Кассационный суд (высший трибунал во Франции) выбирает из своей среды, и из 36 присяжных, отобранных из состава генеральных советов департаментов, и является сугубо аристократическим органом. Единственными, кого до сих пор судил этот трибунал, являются обвиняемые по делу 15 мая 1848 г. (перед

* В «Notes to the People» опечатка: «clergy» —«духовенства»; повидимому, следует читать «clerks»—«чиновников». *Ред.*

нами встают имена Барбеса, Бланки и других) и депутаты, замешанные в событиях 13 июня 1849 года.

Законом от 7 августа 1848 г. из списков присяжных заседателей исключаются все лица, не умеющие читать и писать, т. е. две трети взрослого населения!

ГЛАВА IX. О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Все старое военное законодательство остается целиком без изменений. Преступления солдат не подсудны гражданским судам. Следующая статья характеризует дух этой конституции,

«*Статья 102.* Каждый француз обязан нести военную службу и служить в национальной гвардии, за исключением случаев, предусмотренных законом».

Каждый гражданин, располагающий деньгами, может освободиться от обязанности нести военную службу.

Рабочий класс целиком исключается из рядов национальной гвардии на основании обсуждаемого в данное время закона, второе чтение которого уже закончено! Более того, президент имеет право распустить на один год национальных гвардейцев в любой местности, и фактически на одной половине территории Франции национальная гвардия уже распущена!

ГЛАВА X. ОСОБЫЕ ЗАКОНЫ

Статья 110. «Национальное собрание вверяет конституцию бдительности и патриотизму всего народа» и вверяет «бдительный» и «патриотический» народ снисходительности и милосердию Верховного суда! — *13 июня!*

ГЛАВА XI. О ПЕРЕСМОТРЕ КОНСТИТУЦИИ

«*Статья 111.* Если Национальное собрание при закрытии своей сессии выскажется в пользу полного или частичного изменения конституции, то пересмотр осуществляется следующим образом:

Высказанное Собранием пожелание может стать законом лишь после троекратного обсуждения с месячным интервалом после каждого обсуждения, причем для принятия решения требуется три четверти голосов, а количество голосующих должно быть не менее 500. Национальное собрание, созываемое для пересмотра конституции, избирается только на три месяца и. за исключением чрезвычайно важных случаев, оно не должно заниматься никакими другими вопросами».

Такова «Конституция Французской республики» и таков способ ее применения. Читатель сразу заметит, что этот документ с начала до конца представляет собой набор красивых слов, скрывающих весьма вероломные замыслы. Сами формулировки конституции таковы, что они делают нарушение ее *невозможным,* так как каждая статья, неся в себе свою противоположность, полностью себя аннулирует. Например: «голосование прямое и всеобщее» — *«за исключением* тех случаев, которые будут предусмотрены *законом».*

Поэтому нельзя говорить о том, что закон от 31 мая 1850 г. (лишающий избирательных прав две трети населения) вообще нарушает конституцию.

В конституции постоянно повторяется положение, что регулирование и ограничение прав и свобод народа (например, право ассоциации, избирательное право, свобода печати, свобода преподавания и т. д.) будет установлено последующими *органическими законами,* — а эти «органические законы» «устанавливают» обещанную свободу тем, что уничтожают ее. Этот ловкий прием, заимствованный австрийской и прусской буржуазией у своих французских прототипов, заключается в том, чтобы предоставлять полную свободу, провозглашать прекраснейшие принципы и оставлять вопросы, связанные с их применением, *детали,* на разрешение в последующих законах; то же имелось и во французской конституции 1830 г. и в конституциях, принятых до нее.

Народ! Имей свое мнение о *деталях*[320], а не только о принципах, прежде чем ты придешь к власти. Борьба в английском конвенте велась именно по этому вопросу!

Единственные безоговорочные и определенные статьи во всей конституции — это статьи о выборах президента (статья 45) и о пересмотре конституции (статья 111). Это единственные статьи, нарушение которых *возможно,* потому что только они не содержат в себе никаких противоречий.

Эти статьи были направлены Учредительным собранием 1848 г. непосредственно против Бонапарта, который интригами добивался президентского поста, что пугало депутатов.

Постоянно встречающиеся противоречия этой конституции лжи достаточно ясно показывают, что буржуазия может быть демократичной на *словах,* но не хочет быть демократичной на *деле,* что она признает правильность принципа, но никогда не осуществляет его на практике, и что настоящую «конституцию» Франции надо искать не в документе, который мы изложили, а в принятых на его основе *органических законах,* краткий обзор которых мы дали читателю. В этой конституции содержа-

лись *принципы, — детали* были отложены на будущее, а в этих деталях снова восстанавливалась бесстыдная тирания!

До какого разгула дошел деспотизм во Франции, показывают следующие ограничения, принятые в отношении рабочих.

Каждый рабочий получает от полиции книжку, на первой странице которой значатся его фамилия, возраст, место рождения, профессия или занятие и его особые приметы. Он обязан вносить в эту книжку фамилию хозяина, у которого работает, и причины, по которым от него уходит. Но это еще не все: книжка вручается хозяину, который, со своей стороны, передает ее в полицейский участок вместе со своей характеристикой данного рабочего. Когда рабочий оставляет место, он должен получить в полиции свою книжку, без предъявления которой он не может поступить на другое место. Таким образом, существование рабочего целиком зависит от полиции. Но это опять-таки еще не все: эта книжка служит и паспортом. Если полиция считает рабочего опасным, она делает в книжке отметку «bon pour retourner chez lui»*, и рабочий должен отправляться обратно на место своего рождения. Эти ужасающие ограничения не нуждаются в комментариях! Пусть читатель в полной мере представит себе их действие и проследит все их результаты. Ни крепостные в эпоху феодализма, ни индийские парии не могут идти в сравнение с французскими рабочими. И неудивительно, что французские рабочие с нетерпением ждут часа восстания. Неудивительно, что их негодование принимает бурный характер. Рабочие проявили благодушие в 1830 году; они проявили благодушие в 1848 году; но с тех пор их свобода была распродана по частям, их кровь была пролита потоками, каждая французская тюрьма была переполнена пожизненными узниками, 15000 человек скопом были сосланы в колонии, а теперь рабочих угнетает страшный деспотизм, который мы здесь описали. Неудивительно, что буржуазия боится народа и что она напрягает свои последние силы, чтобы хоть сколько-нибудь оттянуть час расплаты. Но в ее собственных рядах нет единства. В ее среде слишком много соперничающих претендентов и на первом месте стоят

ЗАМЫСЛЫ НАПОЛЕОНА.

Вопрос заключается сейчас в том, будут ли продлены полномочия президента и будет ли конституция подвергнута пересмотру. Наполеон не может быть вторично избран без открытого нарушения конституции, ибо, во-первых, он может быть избран

* — «подлежит возвращению на родину». *Ред.*

вновь лишь спустя четыре года после окончания срока своих полномочий и, во-вторых, конституция может быть пересмотрена только при большинстве в три четверти депутатов. Но таким большинством сторонники пересмотра конституции не располагают, следовательно, вторичное избрание президента в рамках конституции невозможно.

Перед Наполеоном поэтому стоит единственная альтернатива: либо бросить вызов конституции, прибегнуть к оружию и решить вопрос борьбой, либо законным образом сложить с себя полномочия в предусмотренный срок. В последнем случае президентом станет Кавеньяк, и *буржуазная республика* получит свое завершение. В первом же случае перспектива окажется более сложной.

Вот почему замыслы Наполеона в настоящее время направлены на то, чтобы использовать недовольство народа. Буржуазия враждебна Наполеону — народ это знает, и это является связующим элементом между ними. Однако Наполеон наравне с буржуазией является предметом той ненависти, которую народ питает к угнетателям; если он сможет сбросить со своих плеч этот груз и переложить его целиком на плечи буржуазии, то одно большое препятствие будет устранено.

Именно это он и старается осуществить, как видно из его недавнего выступления в Дижоне, где он заявил:

«Все плохие законы были проведены Национальным собранием, и все предложенные мной хорошие законы оно или отклоняло или портило своими поправками. Оно противодействовало всем моим попыткам улучшить ваше положение и создавало препятствия моим мероприятиям там, где никаких препятствий не было».

Таким образом, он старается отвести от себя удар, направив его против Национального собрания. Между тем армия скорее стоит за него, чем за Национальное собрание, а бедственное положение народа настолько велико, что почти любое изменение будет воспринято большинством как изменение к лучшему, поскольку сознательные элементы составляют только меньшинство.

Итак, если буржуазия, видя решимость Наполеона, отважится на борьбу под предводительством Кавеньяка, народ, конечно, выступит против нее, и Бонапарт окажется на стороне народа. Соединившись, они могут оказаться сильней, чем Национальное собрание. Но тогда наступит критический момент; Национальное собрание, видя возможную победу народа, предпочтет из двух зол меньшее. Демократической и социальной республике оно предпочтет империю или диктатуру Наполеона и

поэтому пойдет на соглашение с президентом. Последний, страшась господства демократии не меньше, чем само Собрание, примет его помощь. Армия или, во всяком случае, часть ее, возбужденная опасностью и «славой», которую сулит борьба, еще крепче привяжется к Наполеону; борьба примет другой вид, это будет борьба армии и буржуазии против народа. Исход будет зависеть от мужества, сознательности и сплоченности народа. Замысел Наполеона состоит в том, чтобы сначала использовать народ против буржуазии, затем — буржуазию против народа и наконец — армию против них обоих.

Будущее чревато большими событиями, а современное положение Франции является одним из интереснейших объектов исследования, предлагаемых историей.

Написано К. Марксом в первой половине июня 1851 г.

Напечатано в журнале «Notes to the People» № 7, 14 июня 1851 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Па русском языке публикуется впервые

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОЗЗВАНИЕ О ПОМОЩИ НЕМЕЦКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭМИГРАНТАМ

Теперь, когда в Германии в дикой суматохе военной расправы снова воцарились «порядок и спокойствие»; когда на дымящихся развалинах городов под смертоносный рев пушек восстановлена «неприкосновенность собственности и личности»; когда военные суды едва успевают отправлять в могилу с простреленной головой одного «мятежника» за другим; когда тюрьмы уже не в состоянии вместить всех «государственных изменников» и единственным существующим еще правом является право военно-полевых судов, — тысячи и тысячи немцев скитаются без крова на чужбине.

С каждым днем растет их масса, а вместе с нею и бедствия этих лишившихся родины людей; гонимые с места на место, они утром не знают, где им удастся найти ночлег вечером, а вечером не знают, где достанут себе кусок хлеба завтра утром.

Бесчисленное множество эмигрантов заполняет города Швейцарии, Франции и Англии. Со всех концов Германии стекаются несчастные. Кто сражался на венских баррикадах против черно-желтой лиги и дрался с сережанами Елачича, кто бежал из Пруссии от военщины Врангеля и Бранденбурга, кто в Дрездене с ружьем в руках защищал имперскую конституцию, кто воевал в Бадене в рядах республиканской армии против объединившихся в крестовый поход государей, — независимо от того, либерал он или демократ, республиканец или социалист, — все они, сторонники самых различных политических учений и интересов, объединены теперь общей судьбой; изгнанием и нищетой.

Половина нации в лохмотьях с протянутой рукой просит милостыню у чужого порога.

И в Лондоне наши соотечественники-эмигранты ищут приюта на холодной мостовой блестящей мировой столицы. Каждый корабль, пересекающий канал, привозит из-за моря новые толпы людей, лишившихся родины; на всех улицах Лондона раздаются жалобы изгнанников на нашем родном языке.

Эта нужда глубоко взволновала многих немецких друзей свободы, проживающих в Лондоне. 18 сентября текущего года состоялось общее собрание Просветительного общества немецких рабочих и прибывших немецких эмигрантов для организации Комитета помощи нуждающимся демократам. Избраны следующие лица: *Карл Маркс,* бывший редактор «Neue Rheinische Zeitung»; *Карл Блинд,* бывший посланник баденско-пфальцского правительства в Париже; *Антон Фюстер,* бывший член австрийского рейхстага в Вене; *Генрих Бауэр,* сапожный мастер в Лондоне, и *Карл Пфендер,* живописец в этом городе.

Этот Комитет будет ежемесячно представлять публичный отчет общему собранию, а также — в сокращенном виде — на страницах немецких газет. Во избежание всяких кривотолков принято решение, что *ни один член Комитета, впредь не должен получать какого-либо пособия из комитетской кассы.* Если кто-нибудь из членов Комитета вынужден будет когда-либо обратиться за помощью, то он с того же момента перестанет являться членом Комитета.

Мы просим вас, друзья и братья, сделать все, что в ваших силах. Если вы хотите, чтобы повергнутая в прах и закованная в цепи свобода снова воспрянула, если вы сочувствуете страданиям ваших лучших передовых борцов, то вы откликнетесь на наш призыв без особых увещаний с нашей стороны.

Все пожертвования просим присылать по следующему адресу; Генриху *Бауэру,* сапожному мастеру, 64, Дин-стрит, Сохо-сквер, Лондон. На конверте делать надпись: «Для эмигрантского комитета».

Лондон, 20 сентября 1819 г.

Комитет помощи немецким
политическим эмигрантам:
Антон Фюстер, Карл Маркс,
Карл Блинд, Генрих Бауэр, Карл
Пфендер

Напечатано в «Neue Deutsche Zeitung»
№ 228, 26 сентября 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОТЧЕТ КОМИТЕТА ПОМОЩИ НЕМЕЦКИМ ЭМИГРАНТАМ В ЛОНДОНЕ

18 ноября с. г. состоялось общее собрание Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне совместно с большинством проживающих в Лондоне политических эмигрантов, на котором был заслушан финансовый отчет Комитета помощи, избранного на одном из предыдущих собраний.

Всего с 22 сентября сего года поступило:

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
1) От Просветительного общества рабочих в Лондоне	2	8	$4^1/_2$
2) От немецкого Общества читателей в Лондоне	2	15	—
3) От редакции «Northern Star» в Лондоне	—	5	—
4) От гр-на Эддеуса в Лондоне	—	1	—
5) Собрано гр-ном Зифертом в Лондоне	—	9	6
6) От гр-на Гёрингера в Лондоне	1	5	9
7) Собрано гр-ном Г. Бауэром в Лондоне	7	1	9
8) От немецких рабочих в Париже через гр-на Хейдеккера	—	12	1
9) Из Хаддерсфилда через гр-на Креппа	3	—	—
10) Из Штеттина* в Пруссии	18	14	—
Итого	36	12	$5^1/_2$

* Польское название: Щецин. *Ред.*

Выдано эмигрантам с 22 сентября по 18 ноября с. г.:

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
1) Клейнеру	3	17	2
2) Чинскому	3	17	4
3) Фрёлиху	2	2	1
4) Хензеру	3	7	6
5) Эгенеру	1	19	—
6) В. Тёпферу	1	11	17
7) И. Тёпферу	1	4	4
8) Эмигрантам Блею, Бергману, Озоба, Вессели, Браулицкому и Клейну вместе	2	8	10
9) Эмигранту купцу Шоппу с семьей под простой вексель	4	—	—
10) На расходы по печатанию и подписные листы	1	15	$2^1/_2$
Итого	26	3	$^1/_2$
Сумма прихода	36	12	$5^1/_2$
Сумма расхода	26	3	$^1/_2$
Кассовая наличность	10	9	5

Далее были получены предметы одежды, которые были распределены среди эмигрантов.

Вышеприведенный финансовый отчет был единогласно принят собранием. На все расходы имеются расписки, а жертвователям из Хаддерсфилда и Штеттина, которые не были представлены на этом собрании, будет предложено назначить доверенных лиц для ознакомления с расписками.

Так как из-за отъезда двух членов Комитета, А. Фюстера и К. Блинда, Комитет оказался не в полном составе и так как имеют место попытки организовать в противовес нашему Комитету другой комитет, независимый от Просветительного общества рабочих и от эмигрантов социал-демократического направления, то Комитет вернул Обществу свой мандат.

В связи с этим Общество приняло следующее решение:

1) Просветительное общество немецких рабочих, одобрив деятельность существовавшего до сих пор Комитета, избирает из своей среды новый Комитет в составе пяти членов, под названием «Социал-демократический комитет помощи немецким эмигрантам». Этому Комитету передается кассовая наличность прежнего Комитета.

2) Комитет оказывает помощь преимущественно членам социал-демократической партии. Однако, в той мере, в какой это позволят его средства, он не будет отказывать в помощи и эмигрантам других направлений.

3) Комитет каждый месяц представляет финансовый отчет Просветительному обществу рабочих, после чего Комитет переизбирается. Отчет будет публиковаться в «Deutsche Londoner Zeitung», «Northern Star», во франкфуртской «Neue Deutsche Zeitung», в кёльнской «Westdeutsche Zeitung», в гамбургской «Norddeutsche Freie Presse», в берлинской «Demokratische Zeitung», в «Schweizerische National-Zeitung», а в Нью-Йорке в «Schnellpost» и в «Staatszeitung».

4) Лица, сделавшие взносы, имеют право лично присутствовать при ежемесячных финансовых отчетах или же, если они не находятся в Лондоне, назначать своих доверенных лиц, и проверять бухгалтерские книги, расписки и кассовую наличность.

5) Просветительное общество рабочих избирает в члены Комитета: Карла Маркса, Августа Виллиха, Фридриха Энгельса, Генриха Бауэра, Карла Пфендера.

Публикуя для всеобщего сведения вышеприведенный отчет вместе с постановлениями Просветительного общества рабочих, Комитет просит направлять взносы Генриху Бауэру, 64, Дин-стрит, Сохо-сквер, Лондон.

Лондон, 3 декабря 1849 г.

Члены Комитета:

Карл Маркс, Август Виллих,

Фридрих Энгельс, Генрих Бауэр,

Карл Пфендер

Напечатано в «Westdeutsche Zeitung» № 173, 12 декабря 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИЗЫВ К ПОДПИСКЕ НА АКЦИИ

*«Neue **Rheinische Zeitung.** Politisch-okonomische Revue»*

*под редакцией **Карла Маркса***

«Neue Rheinische Zeitung» выходила, как известно, с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. под руководством Карла Маркса в качестве ежедневного органа в Кёльне, на Рейне. Она так удачно представляла самое решительное направление в демократии Германии, что, несмотря ни на какие приостановки издания и осадное положение, несмотря на процессы против печати и преследования, несмотря на величайшие трудности, на враждебные действия, направленные против нее, и на препятствия всякого рода, она после всего лишь одиннадцати месяцев существования уже насчитывала 5600 абонентов. После того как редакторы были дважды оправданы судом присяжных, прусскому правительству оставалось только прибегнуть к акту грубого насилия, чтобы покончить с газетой, вызывавшей у него такой страх. Когда происходившие в мае прошлого года в Рейнской Пруссии местные восстания были подавлены, воцарившееся на время господство военщины было использовано для того, чтобы насильственно изгнать из Пруссии редакторов газеты и таким образом сделать невозможным дальнейшее издание «Neue Rheinische Zeitung».

После того, как редакторы «Neue Rheinische Zeitung» приняли участие в революционных движениях последнего лета, кто в Южной Германии, кто в Париже, они в большинстве своем опять собрались в Лондоне и решили там продолжать издание газеты. Вначале она сможет выходить только раз в месяц в виде обозрения, размером приблизительно в пять печатных листов. Однако предприятие это лишь тогда вполне достигнет своей цели — оказывать постоянное и глубокое влияние на общественное мнение, — а также и в финансовом отношении будет иметь хорошие перспективы, если редакция окажется

в состоянии выпускать следующие один за другим через более короткие промежутки времени отдельные номера. Она намерена поэтому, как только средства это позволят, издавать «Neue Rheinische Zeitung» выпусками в пять печатных листов, выходящими раз в две недели, или, если это будет возможно, в виде большой еженедельной газеты, наподобие американских и английских еженедельников, а, как только обстоятельства позволят возвратиться в Германию, тотчас же снова превратить еженедельную газету в ежедневную.

Предварительный подсчет показывает, что при выходе «Revue» только раз в две недели и при тираже в 3000 экземпляров издание может дать ежегодный доход в 1900 талеров.

Чтобы поставить предприятие на ноги и сделать возможным выход «Revue» раз в две недели или раз в неделю, необходимо создать капитал в 500 фунтов стерлингов, для чего и открывается подписка на акции на следующих условиях:

1. Каждая акция составляет 50 франков и оплачивается сейчас же по получении предварительной квитанции, которая после обменивается на оригинальную акцию.

2. Каждый акционер отвечает только в размере принадлежащей ему акции.

3. Акционеры имеют право назначить своих представителей в Лондоне для проверки всего делопроизводства.

4. Четыре раза в год созывается общее собрание, которое заслушивает отчет о ходе всего предприятия и о его финансовом положении и принимает решения по поводу дальнейших мероприятий по контролю над ведением дела. Отдельным акционерам будет рассылаться отчет о состоянии дела, размноженный литографским способом.

5. Прибыль, которую будет приносить предприятие, до тех пор будет причисляться к капиталу, пока не станет возможно выпускать «Neue Rheinische Zeitung» еженедельно. После того, как эта задача будет осуществлена, прибыль будет делиться на три равные части, одна треть пойдет в резервный фонд, другая, как дивиденд, в пользу акционеров, а третья — в пользу редакции.

Лондон, 1 января 1850 г.

К. Шрамм

Ответственный издатель

«Neue Rheinische Zeitung»

Написано при участии К. Маркса и Ф. Энгельса

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1930 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ОТЧЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА В ЛОНДОНЕ

1. Расход

					Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Ноябрь 1849 г.	16 пособ.	по	7 шилл.		5	12	—
Декабрь »	29 »	»	7 »		10	3	—
	3 »	»	4 »		—	12	—
	1 »	»	6 »		—	6	—
	1 »	»	3 »		—	3	—
	2 »	»	5 »		—	10	—
	1 »	»	5 »	6 п.	—	5	6
	1 »	»	8 »		—	8	—
	1 »	»	12 »		—	12	—
	4 »	»	10 »		2	—	—
Январь 1850 г.	20 »	»	7 »		7	—	—
	1 »	»	2 »	6 п.	—	2	6
	3 »	»	4 »		—	12	—
Февраль 1—23.	18 »	»	7 »		6	6	—
	2 »	»	5 »		—	10	—
	1 »	»	2 »		—	2	—
	5 »	»	10 »		2	10	—
	1 »	»	3 »		—	3	—
	1 »	»	13 »		—	13	—
	2 »	»	1 »	3 п.	—	2	6
	1 »	»	1 »		—	1	—
	114 пособий.		Итого......		38	13	6
Почтовые расходы, гербовые сборы, издержки на инкассирование и конторские принадлежности					1 ф.ст.	5 шилл.	1 пенс
			Итого		39	18	7

В расход входит на 26 ф. ст. ссуд, выданных различным получившим к тому времени работу эмигрантам на приобретение инструментов, одежды и т. д.; получившие эти ссуды обещали возвратить их в дальнейшем.

2. Приход

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Ноябрь 19. Наличность в кассе	10	9	5
Декабрь 1. От Просветительного общества рабочих	—	3	6
» *10*. Полученные через кёльнскую «Westdeutsche Zeitung» 30 талеров в возмещение издержек	4	1	—
» *15*. От немецких рабочих в Париже	2	5	10
» *17*. Через г-на проф. Тюрка в Ростоке	16	12	6
Февраль 11. От Комитета помощи в Цинциннати	20	18	—
» *20*. От рабочих Шверина	3	—	—
Итого	57	10	3
Расход, как указано выше	39	18	7
Остаток в кассе	17	11	8

Вышеприведенный финансовый отчет представлен и одобрен 4 марта на заседании здешнего Просветительного общества немецких рабочих. Лица, внесшие деньги, или их уполномоченные могут ознакомиться с расписками и бухгалтерскими книгами у кассира.

Уже после составления данного отчета из Кёльна и Нью-Йорка были получены два перевода, которые войдут в следующий отчет. Между тем, вследствие непрекращающихся высылок из Швейцарии и из Франции число здешних эмигрантов, нуждающихся в помощи, чрезвычайно возросло. Почти ежедневно прибывают сюда новые эмигранты и большей частью в таком состоянии, что требуется не только выдавать им обычное скудное пособие, но и безотлагательно расходовать средства на обеспечение их необходимой одеждой. При таких обстоятельствах на нижеподписавшийся Комитет ложится тем большее бремя, что попытки других лиц и организаций собрать средства для поддержки здешних эмигрантов, повидимому, не увенчались успехом, в результате чего все прибывающие сюда

эмигранты обращаются главным образом к нам. Благодаря стараниям здешних немецких рабочих и самих эмигрантов удалось для некоторых из них приискать занятия. Но очень многие специальности, которые открыты для эмигрантов в других местах, недоступны для них здесь по разным причинам и в особенности из-за свирепствующей в перенаселенном Лондоне конкуренции. К тому же приток новых эмигрантов настолько велик, что список нуждающихся в поддержке возрастает с каждой неделей.

Хотя при расходовании имеющихся в распоряжении Комитета средств соблюдалась строжайшая бережливость, хотя регулярное пособие сведено к самым минимальным размерам, допускаемым здешними высокими ценами на предметы первой необходимости, все же фонды Комитета тают при этих условиях очень быстро. Мы опасаемся даже, что скоро окажемся не в состоянии оградить здешних безработных эмигрантов от бездомного существования и крайней нищеты.

Мы поэтому снова обращаемся за денежными средствами к партии в самой Германии. Мы напоминаем партии, что если число нуждающихся эмигрантов в Швейцарии и Франции уменьшается, то оно тем более возрастает в Лондоне; мы надеемся, что людям, которые боролись с оружием в руках за свободу и честь немецкого народа, не придется просить милостыню на улицах Лондона.

Все пожертвования просим посылать по адресу: г-ну Генриху Бауэру, 64, Дин-стрит, Сохо-сквер, Лондон.

Лондон, начало марта 1850 г.

Социал-демократический
эмигрантский комитет:
Карл Маркс, Фр. Энгельс, Г. Бауэр,
А. Виллих, Карл Пфендер

Напечатано в «Westdeutsche Zeitung» № 68, 21 марта 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется «первые

ВСЕМИРНОЕ ОБЩЕСТВО КОММУНИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ [321]

СТАТЬЯ 1

Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода.

СТАТЬЯ 2

Для содействия осуществлению этой цели общество завязывает узы солидарности между всеми фракциями коммунистической революционной партии, уничтожая — согласно принципу республиканского братства — национальные разделения.

СТАТЬЯ 3

Учредительный комитет общества конституируется в Центральный комитет; всюду, где это потребуется для дела, он учредит комитеты, которые будут поддерживать связь с Центральным комитетом.

СТАТЬЯ 4

Число членов общества не ограничено, но ни один член не может быть принят иначе как единогласно. Выборы ни в коем случае не должны состояться путем тайной подачи голосов.

СТАТЬЯ 5

Все члены общества клятвенно обязуются в точности сохранять формулировку статьи первой настоящего устава. Изменение, могущее иметь последствием ослабление намерений, выраженных в статье первой, освобождает членов общества от их обязательств.

СТАТЬЯ 6

Все постановления общества принимаются большинством двух третей голосов.

Ж. Видиль, Август Виллих,
Дж. Джулиан Гарни, Адан,
К. Маркс, Ф. Энгельс

Составлено в середине апреля 1850 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1926 г. на русском языке

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ОТЧЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА В ЛОНДОНЕ

Приход

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
25 февраля. Остаток в кассе	17	11	8
От Союза социальной реформы в Нью-Йорке	30	18	5
13 марта. От Кёльнского эмигрантского комитета	36	—	—
От А. Ф., члена Просветительного общества рабочих	—	5	—
18 марта. Через г-на Вихмана в Гамбурге	6	—	—
16 апреля. Через г-на Ремпеля в Билефельде	3	—	—
Через г-на Энгельса из Э. Б.*	1	—	—
20 апреля. От ряда английских рабочих	—	7	—
	95	2	1

Расход

							Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Март.	53	пособ.	по	7	шилл.		18	11	—
»	7	»	»	10	»		3	10	—
»	1	»	»	9	»	6 п.	—	9	6
»	1	»	»	2	»	$8^1/_2$ п.	—	2	$8^1/_2$
»	6	»	»	5	»		1	10	—
»	2	»	»	1	»		—	2	—
»	2	»	»	4	»		—	8	—
»	1	»	»	2	»		—	2	—
Ссуды							2	3	—
Почтовые и мелкие расходы							—	8	8
							27	6	$10^1/_2$

* — повидимому, Эльберфельд-Бармен. *Ред.*

							Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Апрель.	56	пособ.	по	6	шилл.		16	16	—
»	18	»	»	5	»		4	10	—
»	2	»	»	2	»	6 п.	—	5	—
»	14	»	»	1	»	6 »	1	1	—
»	52	»	»	7	»		18	4	—
»	1	»	»	8	»		—	8	—
»	54	»	»	3	»		8	2	—
»	49	»	»	3	»	6 п.	8	11	6
»	1	»	»	6	»	4 »	—	6	4
	Мелкие расходы						—	6	5
							58	10	3
							85	17	$1^1/_2$
	Остаток						9	4	$11^1/_2$

Комитет, учрежденный 18 сентября 1849 г., с момента своего основания оказывал помощь приблизительно ста эмигрантам в течение более или менее продолжительного времени, и общая сумма прошедших через его руки денег составляет 161 ф. ст. 7 шилл. $8^1/_2$ пенса. Кроме того, здешнее Просветительное общество рабочих удовлетворило срочные нужды отдельных эмигрантов посредством сборов. Другим эмигрантам оно подыскало работу и предоставило в распоряжение всех эмигрантов свое помещение и газеты.

Бухгалтерские книги и расписки, относящиеся к вышеприведенному финансовому отчету, представленному Просветительному обществу немецких рабочих и одобренному им, находятся у кассира Комитета, где лица, внесшие деньги, или их уполномоченные смогут с ними ознакомиться.

Недавно гг. Струве, Бобцин, Бауэр (из Штольпе) и др. сочли нужным использовать свои имена, чтобы привлечь из Германии значительные денежные суммы для эмигрантов. Для этого они сгруппировали вокруг себя некоторое количество эмигрантов и вчера на собрании организовали свой собственный комитет. Само собой разумеется, что этот новый проект организации параллельного комитета не больше помешает нашей деятельности, чем прежние неудавшиеся проекты.

Как показывает финансовый отчет, касса Комитета истощена настолько, что средств едва хватит для удовлетворения нужд в течение одной недели. Притом каждый день от эмигрантов

поступают новые заявления о помощи. Поэтому мы еще раз призываем немецкую социал-демократическую партию не оставлять эмигрантов в тяжелом положении и по возможности скорее прислать свои взносы кассиру К. Пфендеру, 21, Кинг-стрит, Сохо-сквер, Лондон.

Лондон, 23 апреля 1850 г.

Социал-демократический эмигрантский комитет:

К. Маркс — председатель,

Август Виллих, К. Пфендер,

Фр. Энгельс, Генрих Бауэр

Напечатано в газете «Norddeutsche Freie Presse» № 349, 10 мая 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НЕМЕЦКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ЛОНДОНЕ

За последнее время денежные пожертвования в пользу здешних немецких эмигрантов поступали так скудно, что эти эмигранты испытывают тяжелую нужду. Некоторые *из них* до сих пор не смогли найти работы по своей специальности и *уже почти целую неделю ночуют на улицах и в парках и буквально голодают.* Различные лица и организации отказываются присылать деньги под предлогом разногласий между комитетами и якобы партийно-пристрастного распределения пожертвований среди эмигрантов. Этому способствовали гг. Струве, Бобцин и др., заявив, что нижеподписавшийся Комитет поддерживает только «коммунистов».

Мы здесь еще раз заявляем, что помощь была оказана нами без какого-либо различия *каждому,* кто смог доказать, что он является немецким эмигрантом и действительно нуждается в помощи. Это видно из наших бухгалтерских книг и расписок, которые мы в любую минуту готовы представить на просмотр жертвователям или их уполномоченным. Один из нижеподписавшихся, Виллих, обратился на пленарном заседании комитета, возглавляемого гг. Струве, Бобцином и др., к эмигрантам, получившим пособие от Комитета, с вопросом, кого из них спрашивали, «коммунист» ли он. *Ни один не заявил этого.*

Мы заявляем, что вышеприведенное утверждение гг. Струве, Бобцина и др. есть *ложь* и *клевета.* Тем самым и предлог, под

которым различные лица и организации отказывались поддерживать лондонских эмигрантов, отпадает.

Лондон, 14 июня 1850 г.

Социал-демократический
эмигрантский комитет:

К. Маркс, К. Пфендер, А. Виллих,
Ф. Энгельс, Г, Бауэр

Письма и пожертвования посылать по адресу К. Пфендера: 21, Кинг-стрит, Сохо-сквер, Лондон.

Напечатано с «Westdeutsche Zeitung»
№ 149, 25 июня 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОТЧЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА В ЛОНДОНЕ ЗА МАЙ, ИЮНЬ И ИЮЛЬ 1850 г.

Приход

		Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Апрель 24.	Кассовая наличность по последнему отчету	9	4	$11^1/_2$
Май.	Из Ханау через гр-на Шертнера 13 ф. ст. за вычетом подоходного налога в размере 7 ш. 9 п.	12	12	3
	От одного англичанина	—	2	—
	Из Франкфурта н/М. 20 ф. ст. и 5 ф. ст.	25	—	—
		46	19	$2^1/_2$
Июнь.	Из Трира	2	2	6
	» Парижа (от немецких рабочих)	1	18	6
	Через гр-на Пецлера	—	5	—
		4	6	—
Июль.	Из Франкфурта н/М.	30	—	—
	» Кёльна	—	11	4
	» Висбадена (от Раб. союза)	4	10	—
	» Гамбурга («Norddeutsche Freie Presse»)	11	11	10

		Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Июль.	От Просветительного общества рабочих в Лондоне	7	9	6
	Из Франкфурта н/М.	20	—	—
	» Нёйштадта (Хардт)	4	—	—
	» Гамбурга (экспедиция газеты «Freischutz»)	20	10	10
	» Ла-Шо-де-Фон	5	—	—
	» Гамбурга (от Раб. Союза в Санкт-Георге)	—	17	6
		104	11	—

Расход

С 24 апреля	128 пособ. по 3 ш. 6 п.	22	8	—
по 30 мая.	27 » » 3 »	4	1	—
	26 » » 2 »	2	12	—
	31 » » 1 »	1	11	—
	25 » » 5 »	6	5	—
	Случайные пособия	1	5	—
	Сапожная работа для эмигрантов	—	14	—
	Мелкие расходы	—	6	11
		39	2	11
Июнь.	58 пособ. по 2 ш.	5	16	—
	59 » » 1 »	2	19	—
	25 » » 1 » 6 п.	1	17	6
	Случайные пособия	—	10	—
	Мелкие расходы	—	11	6
		11	14	—
Июль.	28 пособ. по 2 ш.	2	16	—
	24 » » 1 »	1	4	—
	93 » » — 6 п.	2	6	6
	Случайные пособия	1	6	—

Расходы по эмигрантскому общежитию и столовой

7 ф. ст. 9 ш. 6 п. 5 » — — 5 » 10 » — 5 » 10 » — 6 » — — 6 » — —	35	9	6

		Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Июль.	На обзаведение рабочим инвентарем	6	—	—
	Ссуды эмигрантам	7	12	6
	Ссуда эмигранту с семьей	1	—	—
	Мелкие расходы	—	19	$3^1/_2$
		58	13	$9^1/_2$
	Итого	109	10	$8^1/_2$
	Общая сумма прихода	155	16	$2^1/_2$
	» » расхода	109	10	$8^1/_2$
	Кассовая наличность	46	5	6

Вышеприведенный финансовый отчет был представлен и утвержден на заседании Просветительного общества рабочих 30 июля сего года. Лица, внесшие деньги, и их уполномоченные могут ознакомиться с бухгалтерскими книгами и расписками.

Так как в течение июня месяца взносы поступали очень скудно, а нужда эмигрантов часто бывала невыносима, то было решено устроить для эмигрантов общежитие и столовую. Здешнее Просветительное общество рабочих, а также часть эмигрантов, которые уже подыскали себе работу, дали возможность, благодаря своим взносам, приступить к осуществлению этого плана. На деньги, поступившие позднее, удалось оборудовать дом необходимыми принадлежностями и мебелью. В настоящее время общежитием пользуются 18 эмигрантов, столовой — около 40. В первую очередь были привлечены безработные сапожники из числа эмигрантов для починки необходимой их товарищам обуви. Затем Комитет ассигновал деньги и предпринял необходимые шаги, чтобы организовать в упомянутом помещении производственную мастерскую для эмигрантов и дать им возможность частично самим покрывать расходы на свое содержание.

Если эта первая попытка оправдает себя, то дело будет организовано в более крупном масштабе, о чем будет своевременно доведено до сведения публики. Комитет ожидает, что это двойное мероприятие по оказанию помощи эмигрантам и по их трудовому устройству найдет поддержку в виде многочисленных взносов из Германии, пока эмигранты не могут еще сами обеспечить свое существование.

Лондон, 30 июля 1850 г.

Социал-демократический
эмигрантский комитет:

Карл Маркс, Фридр. Энгельс, Авг. Виллих,
Карл Пфендер, Генр. Бауэр

Напечатано в «Norddeuische Freie Presse»
№ 425, 7 августа 1850 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА КОММУНИСТОВ

15 СЕНТЯБРЯ 1850 г.

1. Перенести местопребывание Центрального комитета из Лондона в Кёльн, поручив кёльнскому округу создать новый Центральный комитет.

2. Объявить Устав Союза коммунистов недействительным и поручить новому Центральному комитету составление нового Устава.

3. На место прежнего лондонского округа создать два независимых друг от друга округа, каждый из которых будет сноситься только с общим для всех Центральным комитетом.

Составлено при участии Маркса и Энгельса 15 сентября 1850 г.

Напечатано в «Dresdener Journal und Anzeiger» № 180, 1 июня 1851 г. в тексте «Обращения Центрального комитета в Кёльне» от 1 декабря 1850 г.

Печатается по тексту «Обращения»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется епервые

ОТЧЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА В ЛОНДОНЕ С 1 АВГУСТА ПО 10 СЕНТЯБРЯ

Приход

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Август. Кассовая наличность	46	5	6
Собрано мисс Берг	12	—	—
От Рабочего союза в Санкт-Георге, Гамбург	2	10	—
От него же	1	10	—
Из Нёйштадта (Хардт)	8	—	—
От г-на К. Флори через редакцию «Deutsche Londoner Zeitung»	—	8	—
Сентябрь. От Общества немецких рабочих в Париже	2	—	—
Собрано г-ном Джоном Бергом	17	10	—
Итого	90	3	6

Расход

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Август. Расходы по эмигрантскому общежитию и столовой	28	9	3
Расходы по щеточной мастерской	7	10	—
За кожу и т. д.	—	13	6
56 пособ. по 6 п.	1	8	—
23 » » 1 ш.	1	3	—
6 » » 2 » 6 п.	—	15	—
Разные пособия	—	5	6
4 пособия по 10 ш.	2	—	—
Ссуды эмигрантам	8	4	—
4 эмигрантам на переезд в Америку	5	—	—

	Ф. ст.	Шилл.	Пенсы
Август. Путевые расходы на переезд в Шлезвиг-Гольштейн	7	3	—
Мелкие расходы, почтовые расходы, инкассирование и т. д.	—	11	3
Сентябрь. Расходы по общежитию и столовой	14	4	8
39 пособ. по 6 п.	—	19	6
2 » » 1 ш.	—	2	—
1 » » 10 » 1 » » 5 »	—	15	—
Распределено по указанию сделавшего взнос г-на Берга	8	15	—
Ссуды эмигрантам	1	18	—
Мелкие расходы	—	6	10
Итого	90	3	6

Так как все четыре нижеподписавшиеся члена существовавшего до сих пор Социал-демократического комитета при представлении данного отчета заявили о своем выходе из этого комитета, то Общество на Грейт-Уиндмилл-стрит назначило для проверки бухгалтерских книг и расписок комиссию; последняя представила свой доклад 15 текущего месяца и сообщила, что нашла все в полном порядке.

Нижеподписавшиеся сочли необходимым оставить все бухгалтерские книги и расписки, относящиеся к их работе в Комитете, у К. Пфендера, бывшего до сих пор кассиром Комитета, — 21, Кинг-стрит, Сохо-сквер, — так как они вышли не только из состава Комитета, но и из членов Общества, и эти документы могут быть им необходимы в случае каких-либо претензий со стороны публики.

Поэтому лиц, пославших деньги, просят назначить своих уполномоченных в Лондоне для просмотра бухгалтерских книг и расписок, находящихся у упомянутого кассира.

Лондон, 18 сентября 1850 г.

Карл Маркс, Г. Бауэр, К. Пфендер,
Фр. Энгельс

Напечатано в «Deutsche Londoner Zeitung» № 287, 27 сентября 1850 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО ОКРУГА СОЮЗА КОММУНИСТОВ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СОЮЗА В КЁЛЬНЕ

Исключить из Союза коммунистов всех членов Зондербунда[322], в первую очередь нижеперечисленных семерых— Шаппера, Виллиха, Шертнера, Лемана, Дица (Освальда), Геберта и Френкеля, — и довести это решение до сведения всех округов и общин Союза, а также до сведения Зондербунда в Лондоне и его руководителей.

1. Члены Зондербунда сообщили, и притом в извращенном виде, о расколе в Союзе коммунистов в Лондоне руководителям тайных обществ, стоящих вне Союза, эмигрантам различных национальностей.

2. Они находятся в состоянии открытого мятежа против законного Центрального комитета в Кёльне, действуют вопреки его решениям; направленный ими эмиссар* разъезжает по Германии для создания Зондербунда.

3. Они нарушили и продолжают нарушать по отношению к органам лондонского округа Союза все обязательства, возлагаемые на членов тайных обществ.

4. Они нарушают со времени раскола Союза все законы тайных обществ, и их дальнейшее пребывание в рядах Союза только содействовало бы их деятельности по разложению Союза.

Составлено при участии Маркса и Энгельса 11 ноября 1850 г.

Напечатано в «Dresdener Journal und Anzeiger» № 180, 1 июня 1851 г. в тексте «Обращения Центрального комитета в Кёльне» от 1 декабря 1850 г.

Печатается по тексту «Обращения»

Перевод с немецкого

Па русском языке публикуется впервые

* — Гауде. *Ред.*

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА

(ТЕКСТ С ПОМЕТКАМИ К. МАРКСА) [323]

1. *Цель* Коммунистического союза заключается в том, чтобы всеми средствами пропаганды и политической борьбы добиться разрушения старого общества, — ***свержения буржуазии***[*], — духовного, политического и экономического освобождения пролетариата, коммунистической революции. На различных ступенях развития, через которые должна пройти борьба пролетариата, Союз всегда является представителем интересов движения в целом, так же как он всегда стремится объединить вокруг себя и организовать все революционные силы пролетариата; это — организация тайная и не подлежащая роспуску до тех пор, пока пролетарская революция не достигнет своей конечной цели.

2. *Членом* Союза может стать только тот, кто удовлетворяет следующим условиям:

а) свобода от всякой религии, отказ в повседневной жизни от участия в каком бы то ни было церковном союзе и от всех обрядов, кроме тех, соблюдение которых предписывается гражданскими законами;

б) понимание условий, хода развития и конечной цели пролетарского движения;

в) отказ от участия в каких-либо объединениях и от поддержки каких-либо частных требований, враждебных цели Союза или могущих препятствовать ее осуществлению;

г) способность и рвение в пропаганде, непоколебимая верность убеждениям, революционная энергия;

[*] Слова, напечатанные полужирным курсивом, вписаны рукой Маркса. *Ред.*

д) сохранение в строжайшей тайне всех дел Союза.

3. Решение о *приеме* в Союз должно быть принято общиной единогласно. Прием осуществляется, как правило, председателем на собрании общины. Принимаемые в Союз торжественно обещают безоговорочно подчиняться его решениям.

4. Тот, кто нарушает условия членства, исключается. Решение об исключении отдельных членов принимается большинством голосов общины. Центральное руководство может исключать целые общины, если об этом поступит заявление от главной общины какого-нибудь округа. Об исключенных членах доводится до сведения всего Союза; за ними, а также за всеми подозрительными личностями, устанавливается наблюдение со стороны Союза.

5. Построение Союза таково: общины, округа, Центральный комитет и конгресс.

6. Общины состоят минимум из трех членов, проживающих в одной местности. Каждая из общин выбирает себе председателя, который руководит собраниями, и его заместителя, который ведает кастой.

7. Общины одной страны или провинции подчиняются главной общине, *округу,* который назначается Центральным комитетом. Общины непосредственно связаны только со своим округом, округа — с Центральным комитетом.

8. Общины собираются регулярно, не реже одного раза в две недели; они должны письменно сноситься со своими округами не реже одного раза в месяц, главные общины округов — не реже одного раза в два месяца с Центральным комитетом; Центральный комитет представляет каждые три месяца отчет о положении Союза.

9. Председатели общин и округов и их заместители избираются на один год и могут в любое время быть смещены своими избирателями; члены Центрального комитета могут быть смещены только конгрессом.

10. Каждый член Союза должен платить ежемесячный взнос, минимум которого устанавливается конгрессом. Половина этих взносов передается округам, половина — Центральному комитету; они предназначаются для покрытия организационных расходов, для распространения пропагандистской литературы и для посылки эмиссаров. Округа несут расходы по переписке со своими общинами. Взносы посылаются каждые три месяца округам, которые отправляют половину всего сбора Центральному комитету и одновременно представляют отчет о расходе и приходе своим общинам. Центральный комитет представляет отчет о полученных деньгах конгрессу.

Чрезвычайные расходы покрываются за счет чрезвычайных взносов.

11. *Центральный комитет* является исполнительным органом всего Союза. В его состав входят не менее трех членов, он избирается и пополняется округом той местности, которую конгресс определил как местопребывание Центрального комитета; Центральный комитет должен отчитываться только перед конгрессом.

12. *Конгресс* является законодательным органом всего Союза. Он состоит из делегатов окружных собраний, каждое из которых избирает *одного* депутата от каждых пяти общин.

13. *Окружное собрание* является представительством округа, которое регулярно собирается каждые три месяца в окружном центре, под руководством комитета главной общины для обсуждения дел окружной организации. Каждая община посылает туда своего делегата. Окружное собрание для избрания делегатов на конгресс Союза созывается неизменно в середине июля каждого года.

Ст. 5. Община
Ст. 6. Округ
Ст. 7. Центральный комитет
Ст. 8. Конгресс
Ст. 9. Прием в Союз
Ст. 10. Исключение из Союза (Денежные дела)*

14. Через две недели после закрытия окружных избирательных собраний собирается конгресс, как правило, в месте пребывания Центрального комитета, если последний не назначил другого места.

15. Конгресс принимает от Центрального комитета, который присутствует на конгрессе, но не имеет решающего голоса, отчетный доклад о всей его деятельности и о положении Союза; он разъясняет принципы той политики, которой должен следовать Союз; решает вопрос об изменениях в уставе и назначает место, в котором должен находиться в течение предстоящего года Центральный комитет.

16. Центральный комитет может в неотложных случаях созвать чрезвычайный конгресс, который при этих обстоятельствах должен состоять из делегатов, избранных в округах на последний конгресс.

17. Споры между отдельными членами одной и той же общины окончательно решает община; одного и того же округа — главная община округа; различных округов — Центральный

* Слова, напечатанные полужирным курсивом, вписаны рукой Маркса внизу второй страницы рукописи. *Ред.*

комитет; жалобы личного характера на членов Центрального комитета передаются конгрессу. Споры между общинами одного и того же округа решает главная община округа; споры общин о их округами или споры между различными округами — Центральный комитет; причем, в первом случае разрешается апелляция к окружному собранию, во втором — к конгрессу. Конгресс разрешает также все конфликты Центрального комитета с нижестоящими комитетами Союза.

Составлено 1 декабря 1850 г.

Впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1948 г.

Печатается по рукописи, переписанной рукой Ф. Энгельса

Перевод с немецкого

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ПЕРЕВОДУ ТОСТА О. БЛАНКИ [324]

(С ТЕКСТОМ ТОСТА)

Несколько жалких обманщиков народа, так называемый Центральный комитет европейских социальных демократов, в действительности же комитет европейского центрального сброда, под руководством гг. Виллиха, Шаппера и т. д., праздновали в Лондоне годовщину февральской революции. *Луи Блан* — представитель сентиментального фразерствующего социализма, *интригуя* против другого предателя народа, *Ледрю-Роллена,* присоединился к этой клике второсортных претендентов. Они зачитали на своем банкете различные адреса, которые якобы были посланы им. Из Германии, несмотря на все усилия, им не удалось выклянчить никакого послания.: Благоприятный симптом развития немецкого пролетариата!

Они написали также *Бланки,* благородному мученику революционного коммунизма, с просьбой прислать адрес. Он ответил им следующим тостом:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НАРОДУ

Какой подводный камень угрожает будущей революции? Тот же, о который разбилась вчерашняя революция: плачевная популярность буржуа, переодетых в трибунов.

Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремьё, Мари, Ламартин, Гарнье-Пажес, Дюпон де л'Эр, Флокон, Альбер, Араго, Марраст!

Мрачный список! Зловещие имена, начертанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы.

Временное правительство убило Революцию. На его голову падает ответственность за все несчастия и за кровь стольких тысяч жертв.

Умерщвляя демократию, реакция только занималась своим ремеслом. Преступление совершили те изменники, которых доверчивый народ согласился считать своими руководителями и которые предали народ реакции.

Презренное правительство! Не слушая криков и просьб народа, оно назначает налог в 45 сантимов, который возмущает охваченных отчаянием крестьян.

Оно сохраняет монархические главные штабы, монархических судей, монархические законы. Измена!

Оно преследует рабочих Парижа 16 апреля; оно сажает в тюрьму рабочих Лиможа; 27-го оно расстреливает руанских рабочих; оно спускает

с цепи всех их палачей, оно обманывает и травит всех искренних республиканцев. Измена! Измена!

На него, на него одного ложится ужасная вина ва все бедствия, уничтожившие революцию 1848 года.

О, бывают большие преступники, но худшие из них это те люди, в которых обманутый их ораторскими фразами народ увидел свой меч и свой щит; те, которых он с энтузиазмом провозгласил властителями своего будущего.

Горе нам, если в день грядущего торжества народа забывчивость и снисходительность масс допустят к власти хоть одного из этих людей, изменивших своему мандату! Во второй раз с революцией было бы покончено!

Пусть рабочие всегда помнят список этих проклятых имен; и если хотя бы одно, да, хотя бы одно когда-нибудь окажется в революционном правительстве, пусть все они в один голос крикнут: «Измена!»

Речи, клятвы, программы снова были бы только плутовством и обманом; те же жонглеры вернулись бы для того, чтобы проделывать те же фокусы; это было бы первое звено в новой цепи деяний еще более бешеной реакции! Проклятие и месть им, если они посмеют когда-либо вновь появиться! Будет стыдно за глупую толпу и жалко ее, если она еще раз попадется в их сети!

Мало того, что февральские фокусники навсегда изгнаны из городской ратуши, необходимо предохранить себя от новых изменников.

Изменниками будут те правительства, которые, поднявшись на плечах пролетариата, не проведут немедленно же:

1) общее разоружение буржуазных гвардий;

2) вооружение всех рабочих и их военную организацию.

Конечно, необходимо будет провести и еще много других мероприятий, но они естественно будут вытекать из этого первого акта, являющегося предварительной гарантией, единственным залогом безопасности народа.

Ни одно ружье не должно остаться в руках буржуазии; иначе нет спасения.

Сторонники разных учений, оспаривающие теперь друг у друга симпатии масс, сумеют когда-нибудь осуществить свои обещания провести реформы и добиться благосостояния народа, но при условии, если они не бросят добычу ради ее тени.

Они добьются лишь печальной неудачи, если народ, в своем крайнем увлечении теориями, не будет радеть об единственном практическом, надежном элементе — о силе!

Оружие и организация — вот главное орудие прогресса, решительное средство покончить с нищетой.

У кого меч, у того и хлеб! Перед оружием падают ниц, безоружную толпу разгоняют. Франция, ощетинившаяся штыками рабочих, — вот пришествие социализма.

Для вооруженных пролетариев не будет ничего невозможного, исчезнут все препятствия, всякое сопротивление.

Но пролетарии, которые дают себя забавлять смешными прогулками по улицам, посадкой деревьев свободы, звонкими фразами адвокатов, получат сначала святую водицу, потом оскорбления, наконец — картечь, и нищету всегда.

Пусть же народ сделает выбор!

Тюрьма Бель-Иль-ан-Мер 10 февраля 1851 г.

Напечатано отдельной брошюрой в Берне весной 1851 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

«Предисловие» на русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] После прекращения выхода издававшейся Марксом и Энгельсом в Кёльне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»), этого, по словам В. И. Ленина, непревзойденного органа революционного пролетариата, Маркс не отказался от мысли возобновить в том или ином виде издание собственного органа. О своем намерении он писал Энгельсу в Швейцарию, приглашая его приехать в Лондон, чтобы совместно с ним начать это издание. Предпринятые Марксом шаги для сбора средств и подыскания издателя увенчались успехом, и в середине декабря 1849 г. между Конрадом Шраммом, выступавшим в качестве ответственного издателя, и гамбургской книготорговой фирмой Шуберт и К° было заключено соглашение об издании журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). Задачами журнала являлось подведение итогов революции 1848—1849 гг. на основе историко-материалистического анализа пережитого периода, выяснение характера новой исторической обстановки, дальнейшая разработка тактики революционной пролетарской партии. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии) писалась Марксом и Энгельсом, которые также привлекли к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Кроме того, в № 1 была напечатана заметка К. Блинда «Австрийская и прусская партия в Бадене», а в № 4 стихи французского демократа Луи Менара.

На обложке, в качестве места издания, наряду с Лондоном, где находились Маркс и Энгельс, и Гамбургом, где печатался журнал, был указан также и Нью-Йорк, так как в связи с эмиграцией большого числа участников германской революции 1848—1849 гг. в Америку, Маркс и Энгельс рассчитывали найти там почву для распространения журнала. Исходя из возможности нового революционного подъема, они предполагали в скором времени перейти к изданию еженедельной, а затем и ежедневной газеты (см. настоящий том, стр. 546—547). Однако этот план осуществить не удалось. Всего вышло 6 номеров журнала; последний, сдвоенный номер (5—6) вышел в свет в конце ноября 1850 года. Все дальнейшие попытки продолжить

издание не удались вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств.

Текст «Извещения» Маркс 19 декабря 1849 г. послал И. Вейдемейеру во Франкфурт-на-Майне с просьбой поместить его в «Neue Deutsche Zeitung» («Новой немецкой газете»); «Извещение» было напечатано в №№ 14, 23, 31 от 16, 26 января и 5 февраля 1850 года. «Извещение» было также напечатано в издававшейся Германом Беккером в Кёльне «Westdeutsche Zeitung» («Западногерманской газете») № 6, 8 января 1850 года; в «Berner Zeitung» («Бернской газете») № 361, 27 декабря 1849 года; в «Dusseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфской газете») № 9, 10 января 1850 г. и «Schweizerische National-Zeitung» («Швейцарской национальной газете») № 8, 10 января 1850 года. — *1.*

[2] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в редакцию входил также Дж. Гарни. С 1843 по 1850 г. в газете печатались статьи и заметки Ф. Энгельса. — *3*.

[3] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году.—*3.*

[4] Имеется в виду памфлет мелкобуржуазного публициста К. Гейнцена «Уроки революции», опубликованный в «Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкой лондонской газете») №№ 241 и 242, 9 и 16 ноября 1849 года. Демагогические радикальные фразы, содержащиеся в этом памфлете, подводили под удар всю революционную немецкую эмиграцию в Англии; так, автор письма, помещенного в «Times» от 23 ноября 1849 г. за подписью «Анти-социалист», ссылаясь на высказывания К. Гейнцена, призывал английского министра внутренних дел «в 24 часа выслать из Англии лиц, проповедующих эти дьявольские доктрины».

«Deutsche Londoner Zeitung» — еженедельная газета немецких эмигрантов в Лондоне, выходила с апреля 1845 по февраль 1851 г., пользуясь материальной поддержкой отрешенного от престола герцога Карла Брауншвейгского. Редактором был мелкобуржуазный демократ Луи Бамбергер. В 1849—1850 гг. газета главным образом публиковала статьи К. Гейнцена, Г. Струве и других мелкобуржуазных демократов; наряду с этим на ее страницах были перепечатаны «Манифест Коммунистической партии» (в марте 1848 г.), первая глава «Классовой борьбы во Франции» К. Маркса (в апреле 1850 г.), часть «Третьего международного обзора» К. Маркса и Ф. Энгельса (в феврале 1851 г.) и ряд заявлений, подписанных Марксом и Энгельсом.—*3.*

[5] Работа К. Маркса *«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»* представляет собой серию статей под общим заглавием «С 1848 по 1849», написанных специально для журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». В этой работе дано материалистическое объяснение целого периода французской истории и разработаны важнейшие положения революционной тактики пролетариата. Первоначальный план работы включал 4 статьи: «Июньское поражение 1848 г.», «13 июня 1849 г.», «Последствия 13 июня на континенте» и «Современное положение в Англии». Однако в №№ 1, 2 и 3 журнала были напечатаны 3 статьи: «Июньское поражение

1848 г.», «13 июня 1849 г.» и «Последствия 13 июня 1849 г.». Вопросы о влиянии июньских событий 1849 г. на континенте и о положении в Англии получили освещение в других материалах журнала, в частности в международных обзорах, написанных совместно Марксом и Энгельсом. В 1895 г. «Классовая борьба во Франции» была выпущена в Берлине отдельным изданием с введением Ф. Энгельса. В это издание Энгельс дополнительно ввел четвертую главу, в которую вошли посвященные французским событиям разделы «Третьего международного обзора» (см. настоящий том, стр. 464—467 и 473—483). Эту главу Энгельс назвал «Отмена всеобщего избирательного права в 1850 г.»; он писал Р. Фишеру 13 февраля 1895 г., что такая четвертая глава «послужит существенным завершением работы в целом, без чего брошюра носила бы фрагментарный характер». Тогда же были изменены заголовки первых трех глав: I. «От февраля до июня 1848 г.», II. «От июня 1848 г. до 13 июня 1849 г.», III. «От 13 июня 1849 г. до 10 марта 1850 г.». В настоящем издании заголовки трех первых глав даются по тексту журнала, четвертая глава дается в соответствии с изданием 1895 года. — *5.*

[6] Восстание в Париже 5—6 июня 1832 г. было подготовлено левым крылом республиканской партии, тайными революционными обществами, в том числе Обществом друзей народа; поводом к восстанию послужили похороны генерала Ламарка, находившегося в оппозиции к правительству Луи-Филиппа. Принимавшие участие в восстании рабочие соорудили ряд баррикад и защищались с большим мужеством и стойкостью.

Восстание рабочих в Лионе в апреле 1834 г., проведенное под руководством тайного республиканского Общества прав человека и гражданина, относится к числу первых массовых выступлений французского пролетариата. Восстание, поддержанное республиканцами в ряде других городов, особенно в Париже, было жестоко подавлено.

Восстание 12 мая 1839 г. в Париже, в котором главную роль также играли революционные рабочие, было подготовлено тайным республиканско-социалистическим Обществом времен года, под руководством О. Бланки и А. Барбеса; оно было разгромлено войсками и национальной гвардией. — *8.*

[7] *Робер Макер* — тип ловкого дельца-пройдохи, созданный знаменитым французским актером Фредериком Леметром и увековеченный в карикатурах Оноре Домье. Образ Робера Макера являлся сатирой на господство финансовой аристократии в период Июльской монархии. — *10.*

[8] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Реакционные поползновения Зондербунда встретили противодействие со стороны буржуазных радикалов и либералов, получивших в середине 40-х годов перевес в большинстве кантонов и в швейцарском сейме. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда дослужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зон-

дербунда была разбита войсками федерального правительства. В период войны Зондербунда реакционные западно-европейские державы, входившие ранее в Священный союз, — Австрия и Пруссия, — сделали попытку вмешаться в швейцарские дела в пользу Зондербунда. Гизо фактически стал на позицию поддержки этих держав, взяв под защиту Зондербунд. — *12.*

[9] В Бюзансе (департамент Эндр) весной 1847 г. по инициативе голодающих рабочих, жителей окрестных деревень, было совершено нападение на продовольственные склады, принадлежавшие спекулянтам; это привело к кровавому столкновению населения с войсками. События в Бюзансе вызвали жестокие правительственные репрессии: четыре непосредственных участника событий были казнены 16 апреля 1847 г., многие другие приговорены к каторге. — *12.*

[10] *«Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных, буржуазных, республиканцев. Наиболее видными представителями этого направления в составе временного правительства были Марраст, Бастид и Гарнье-Пажес. — *13.*

[11] *«La Gazette de France»* («Газета Франции») — ежедневная газета, выходила в Париже с 1631 г., в 40-х годах XIX в. орган легитимистов, сторонников реставрации династии Бурбонов. — *15.*

[12] В первые дни существования временного правительства встал вопрос о выборе государственного знамени Французской республики. Революционные рабочие Парижа требовали объявить государственным знаменем красное знамя, которое было поднято в рабочих предместьях Парижа во время июньского восстания 1832 года. Представители буржуазии настаивали на трехцветном (сине-бело-красном) знамени, которое было знаменем Франции в период буржуазной революции конца XVIII в. и империи Наполеона I. Это знамя еще до революции 1848 г. было эмблемой буржуазных республиканцев, группировавшихся вокруг газеты «National». Представители рабочих были вынуждены согласиться на то, чтобы государственным знаменем Французской республики объявили трехцветное знамя. Однако к древку знамени прикреплялась красная розетка. — *17.*

[13] *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник») — французская ежедневная газета, официальный правительственный орган, под данным названием выходила в Париже с 1789 до 1869 года. На страницах «Moniteur universel» в обязательном порядке печатались правительственные акты, парламентские отчеты и другие официальные материалы; в 1848 г. в газете печатались и отчеты о заседаниях Люксембургской комиссии. — *18.*

[14] *Jacques le bonhomme,* или Jacques Bonhomme (Жак-простак) — презрительное прозвище, которым дворяне называли крестьян во Франции. — *22.*

[15] Речь идет о сумме, ассигнованной в 1825 г. французской королевской властью в качестве компенсации аристократам, имущество которых

было конфисковано во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — *22.*

[16] *Лаццарони* — кличка деклассированных, люмпен-пролетарских элементов Италии; лаццарони неоднократно использовались реакционно-монархическими кругами в борьбе против либерального и демократического движения. — *23.*

[17] По английскому «закону о бедных», принятому в 1834 г., допускалась только одна форма помощи бедным — помещение их в работные дома, где рабочие были заняты непроизводительной, однообразной и изнурительной работой; эти работные дома были прозваны народом «бастилиями для бедных». — *24.*

[18] Речь идет о выборах в главный штаб национальной гвардии, назначенных на 18 марта, и в Учредительное национальное собраиие, назначенных на 9 апреля. Парижские рабочие, группировавшиеся вокруг Бланки, Дезами и др., настаивали на отсрочке выборов, ссылаясь на необходимость провести среди населения соответствующую разъяснительную работу. — *25.*

[19] Революционное выступление народных масс 15 мая 1848 г., в котором главную роль играли парижские рабочие во главе с Бланки и др., проходило под лозунгом дальнейшего углубления революции и поддержки революционного движения в Италии, Германии и Польше. Ворвавшиеся в зал заседаний Учредительного собрания демонстранты потребовали выполнения обещания о предоставлении рабочим хлеба и работы и о создании министерства труда; они сделали попытку разогнать Учредительное собрание и создать новое временное правительство. Народное выступление 15 мая было подавлено, его вожди — Бланки, Барбес, Альбер, Распайль — арестованы. — *28.*

[20] См. настоящее издание, том 5, стр. 138—140. — *30.*

[21] *«La Reforme»* («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — *33.*

[22] Имеется в виду передовая в «Journal des Debats» от 28 августа 1848 года.

«Journal des Debats» — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. — *35.*

[23] По библейской легенде Саул, первый царь еврейского царства, в борьбе с филистимлянами поразил тысячи своих врагов, а его оруженосец Давид, которому Саул покровительствовал, — десятки тысяч. После смерти Саула Давид стал царем еврейского царства. — *42.*

[24] *Лилия* — геральдический знак монархии Бурбонов, *фиалки* — эмблема бонапартистов. — *43.*

[25] Маркс ссылается на сообщение из Парижа от 18 декабря, подписанное корреспондентским знаком Фердинанда Вольфа, в «Neue Rheinische Zeitung» № 174, 21 декабря 1848 года. Указанные слова возможно принадлежат самому Марксу, который подвергал весь материал газеты тщательной редакции. — *43.*

[26] *Уши Мидаса* — ослиные уши, которыми по древнему преданию Аполлон наградил фригийского царя Мидаса. —*45.*

[27] Именем Сулука, президента республики Гаити, объявившего себя 26 августа 1849 г. императором и прославившегося своей жестокостью и тщеславием, анти-бонапартистская печать называла президента Луи Бонапарта.

Туссен-Лувертюр — вождь революционного движения негров на острове Гаити, направленного против господства испанцев и англичан в период французской буржуазной революции конца XVIII века. — *46.*

[28] Речь идет об английском генерале Дж. Монке, использовавшем подчиненные ему правительственные войска для реставрации династии Стюартов в 1660 году. — *52.*

[29] В Бурже 7 марта — 3 апреля 1849 г. слушался процесс участников событий 15 мая 1848 г. (см. примечание 19). Бланки был приговорен к 10 годам одиночного заключения, Дефлотт, Собрие, Распайль, Альбер и другие — к различным срокам тюремного заключения и ссылки в колонии. — *60.*

[30] Генерал Бреа, командовавший частью войск при подавлении июньского восстания парижского пролетариата, был убит инсургентами у заставы Фонтенбло 25 июня 1848 года. В связи с этим были казнены двое участников восстания. — *60.*

[31] В первом и во всех последующих изданиях «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» ошибочно стояло 29 мая. В действительности Законодательное собрание открылось 28 мая 1849 года.—*62.*

[32] Статья V относится к вводной части конституции; статьи основного текста конституции пронумерованы арабскими цифрами. —*65.*

[33] Собрание деятелей партии Горы состоялось вечером 12 июня 1849 г. в помещении редакции ежедневной газеты фурьеристов «La Democratie. Pacifique» («Мирная демократия»), выходившей в Париже в 1843—1851 гг. под редакцией В. Консидерана. Участники собрания отказались прибегнуть к силе оружия и решили ограничиться мирной демонстрацией. — *68.*

[34] В манифесте, опубликованном в газете «Le Peuple» («Народ») № 206, 13 июня 1849 г. «Демократическая ассоциация друзей конституции» призывала парижских граждан выйти на мирную демонстрацию. чтобы протестовать против «дерзких притязании» исполнительной власти. — *68.*

[35] Прокламация Горы была напечатана в «Reforme» и в «Democratie Pacifique», а также в газете Прудона «Peuple», 13 июня 1849 годи. — *68.*

[36] Маркс имеет в виду комиссию из трех кардиналов, которая, пользуясь поддержкой французской армии, после подавления Римской республики восстановила в Риме реакционный режим. Кардиналы носили красную одежду. — *72.*

[37] *«Le Siècle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год; в 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ. — *73.*

[38] *«La Presse»* («Пресса») — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в 1848—1849 гг. — орган буржуазных республиканцев; позже газета стала бонапартистской. — *73.*

[39] Имеется в виду граф Шамбор (называвший себя Генрихом V), претендент на французский престол из старшей ветви династии Бурбонов. Одной из постоянных резиденций Шамбора в Западной Германии наряду с г. Висбаденом был г. Эмс. — *73.*

[40] В окрестностях Лондона, в Клэрмонте, жил бежавший из Франции после февральской революции 1848 г. Луи-Филипп. — *74.*

[41] *«Motu proprio»* («с собственного соизволения») — начальные слова особого вида папских посланий, принимавшихся без согласования с кардиналами и касавшихся обычно внутриполитических и административных дел Папской области. В данном случае речь идет об обращении папы Пия IX от 12 сентября 1849 года. — *75.*

[42] Из стихотворения немецкого поэта Г. Гервега «С гор» («Aus den Bergen»). См. H. Herwegh. «Gedichte eines Lebendigen» («Стихи живого человека»). — *75.*

[43] Этот вывод о возможности победы пролетарской революции лишь одновременно в передовых капиталистических странах и, следовательно, о невозможности победы революции в одной стране, получивший наиболее законченную формулировку в работе Энгельса «Принципы коммунизма» (1847), был верен для периода домонополистического капитализма. В новых исторических условиях, в период монополистического капитализма, В. И. Ленин, исходя из открытого им закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, пришел к новому выводу — о возможности победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и о невозможности одновременной победы революции во всех странах или в большинстве стран. Формулировка этого нового вывода была впервые дана в статье В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915). — *80.*

[44] Итог не сходится: должно быть 578178000, а не 538000000; повидимому в цифровые данные вкралась опечатка. Это, однако, не влияет на общий вывод: и в том и в другом случае на душу населения приходится менее 25 фр. чистого дохода. — *85.*

[45] В департаменте Гар в связи со смертью депутата де Бона состоялись дополнительные выборы. Большинством в 20 тыс. голосов из 36 тыс. избран был кандидат сторонников Горы Фавон. — *86.*

[46] Чтобы оказать давление на избирателей при дополнительных выборах в Законодательное собрание, которые должны были состояться 10 марта 1850 г., правительство разделило территорию Франции на пять крупных военных округов, в результате чего Париж и примыкающие департаменты оказались в окружении остальных четырех округов, во главе которых были поставлены самые отъявленные реакционеры. Подчеркивая сходство между неограниченной властью этих реакционных генералов и деспотической властью турецких пашей, республиканская пресса прозвала эти округа пашалыками. — *87.*

[47] Имеется в виду послание президента Луи Бонапарта Законодательному собранию от 31 октября 1849 г., в котором он сообщал, что дал отставку министерству Барро и образовал новое министерство. — *87.*

[48] В послании от 10 ноября 1849 г. вновь назначенный парижский префект полиции Карлье призывал создать «социальную лигу против социализма» для защиты «религии, труда, семьи, собственности, благонамеренности». Послание было опубликовано в «Moniteur universel» 11 ноября 1849 года. — *87.*

[49] *«Le Napoleon»* («Наполеон») — еженедельная бонапартистская газета, орган Луи Бонапарта; выходила в Париже с 6 января по 19 мая 1850 года. —*88.*

[50] *Деревья свободы* были посажены на улицах Парижа после победы февральской революции 1848 года. Посадка деревьев свободы — обычно дубов или тополей — стала традицией во Франции еще в период буржуазной революции конца XVIII в. и была в свое время закреплена постановлением Конвента. — *92.*

[51] *Июльская колонна,* воздвигнутая в Париже в 1840 г. в ознаменование дня падения Бастилии 14 июля 1789 г., украшалась венками иммортелей со времени февральской революции 1848 года. — *92.*

[52] F. Vidal. «De la repartition des richesses». Paris, 1846. — *93.*

[53] *Коблени* — город в Западной Германии, центр контрреволюционной эмиграции во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — *95.*

[54] Такая точка зрения была высказана Прудоном в полемике против буржуазного экономиста Ф. Бастиа, печатавшейся на страницах газеты «Voix du Peuple» («Голос народа») в ноябре 1849—феврале 1850 года. Эта полемика была воспроизведена в отдельном издании, выпущенном в Париже в 1850 г. под заглавием: «Gratuite du credit. Discussion entre m. Fr. Bastiat et m. Proudhon» («Даровой кредит. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном»). — *99.*

[55] В 1797 г. английское правительство издало специальный акт о банковой рестрикции (ограничении), устанавливавший принудительный курс банкнот и отменявший обмен банкнот на золото. Обмен банкнот на золото был возобновлен лишь в 1819 году. — *99.*

[56] Речь идет о парижском коммерсанте Александре Леклере, награжденном орденом Почетного легиона за то, что в качестве националь-

ного гвардейца участвовал вместе со своими сыновьями в подавлении июньского восстания 1848 года. — *101.*

[57] Имеется в виду комиссия из 17 орлеанистов и легитимистов — депутатов Законодательного собрания, назначенная распоряжением министра внутренних дел от 1 мая 1850 г. для составления проекта нового избирательного закона. Членов ее прозвали бургграфами, намекая на неоправданные притязания на власть и реакционные устремления этих монархических деятелей; прозвище заимствовано из одноименной исторической драмы В. Гюго. — *101.*

[58] *«L'Assemblее nationale»* («Национальное собрание») — ежедневная французская газета монархическо-легитимистского направления, выходила в Париже с 1848 по 1857 год. В 1848—1851 гг. отражала взгляды сторонников слияния обеих династических партий — легитимистов и орлеанистов. — *103.*

[59] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *103.*

[60] Имеются в виду два документа: «Отчет Горы народу», опубликованный в газете «Peuple de 1850» («Народ 1850 года») № 6, 11 августа 1850 г., и воззвание «К народу», опубликованное в той же газете № 7, 14 августа 1850 года. — *104.*

[61] *Baiser Lamourette* (поцелуй Ламурета) — намек на известный эпизод времен французской буржуазной революции конца XVIII века. 7 июля 1792 г. депутат Законодательного собрания Ламурет предложил закончить все партийные распри братским поцелуем. Под влиянием этого предложения представители враждебных партий бросились друг к другу в объятия, но, как и следовало ожидать, на другой же день этот лицемерный «братский поцелуй» был забыт. — *104.*

[62] *«Le Pouvoir»* («Власть») — бонапартистский орган, выходил в Париже в 1849 г. под редакцией Гранье де Кассаньяка. — *105.*

[63] Согласно статье 32-й конституции Французской республики предусматривалось создание на время перерыва в заседаниях Законодательного собрания постоянной комиссии, состоявшей из 25 выборных членов и из бюро Собрания. В 1850 г. эта комиссия состояла фактически из 39 человек: 11 членов бюро, 3 квесторов и 25 избранных членов. — *106.*

[64] *In partibus infidelium* (буквально! «в стране неверных») — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран. Это выражение часто встречается у Маркса и Энгельса применительно к различным эмигрантским правительствам, формировавшимся за границей без всякого учета реальной обстановки в стране.

В данном контексте речь идет о намеченном, на случай прихода к власти легитимистского претендента графа Шамбора, кабинете министров в составе де Левиса, Сен-Приста, Берье, Пасторе и Д'Эскара.—*106*.

[65] Имеется в виду так называемый «висбаденский манифест» — циркуляр, составленный 30 августа 1850 г. в Висбадене секретарем легитимистской фракции в Законодательном собрании Де Бартелеми, по поручению графа Шамбора. В этом циркуляре определялась политика легитимистов в случае их прихода к власти; граф Шамбор заявлял, что «официально и *категорически* отвергает какое-либо обращение к народу, как подразумевающее отказ от великого национального принципа наследственной монархии». Это заявление вызвало полемику в печати в связи с протестом ряда монархистов во главе с депутатом Ларошжакленом. — *107.*

[66] *«Германская кампания за имперскую конституцию»* представляет собой очерки по истории баденско-пфальцского восстания 1849 г., над которыми Энгельс начал работать вскоре после того, как прибыл в Швейцарию вместе с последними бойцами потерпевшей поражение повстанческой армии. По совету Маркса, который писал ему об этом в первой половине августа 1849 г. еще из Парижа, Энгельс придал своей работе характер памфлета, направленного против мелкобуржуазных демократов. Первоначально он намеревался издать работу в виде отдельной брошюры и при содействии членов Союза коммунистов Ж. Шабелица и И. Вейдемейера подыскивал для нее издателя. Однако предпринятые Марксом шаги по изданию собственного журнала побудили Энгельса отказаться от своего первоначального намерения. В Швейцарии Энгельс, по-видимому, уделял главное внимание сбору материалов; в октябре ему пришлось прервать работу в связи с переездом в Англию, где уже находился Маркс. В Лондоне работа над очерками возобновилась, и первые две главы — «Рейнская Пруссия» и «Карлсруэ»—вошли в первый номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». Работа в целом была закончена в феврале 1850 года. Произведение Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» при жизни автора не переиздавалось. На немецком языке оно было впервые перепечатано Ф. Мерингом в 1902 г. в сборнике «Aus dem literarischen Nachlass von К. Marx, F. Engels und F. Lassalle» («Из литературного наследства К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля»), том III. — *111.*

[67] Припев из песни, широко распространенной в Южной Германии в период революции 1848—1849 годов. — *113*.

[68] *«Окруженный морем Шлезвиг-Гольштейн»* — песня борцов за освобождение Шлезвиг-Гольштейна из-под датского господства. — *113.*

[69] Имперская конституция была принята Франкфуртским собранием 28 марта 1849 года. Она отражала сложившийся к тому времени в Собрании компромисс между демократической партией и буржуазно-либеральным центром и отличалась противоречивым характером. Устанавливая демократические свободы, она в то же время вручала исполнительную власть имперскому правительству, возглавляемому императором. Феодальные повинности и платежи, связанные с землей, не отменялись, а подлежали выкупу. Эта конституция означала шаг к объединению Германий; однако основной ее

недостаток заключался в том, подчеркивал Энгельс, что она была всего лишь клочком бумаги, не имея за собой никакой силы для проведения в жизнь своих положений. Правительства почти всех крупных германских государств (Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер и др.) отказались признать конституцию; единственными ее защитниками оказались народные массы, начавшие вооруженную борьбу в Рейнской провинции, Дрездене, Бадене и Пфальце под руководством мелкобуржуазных демократов. — *113.*

[70] *«Мартовские союзы»* в различных городах Германии являлись филиалами «Центрального мартовского союза», организованного во Франкфурте-на-Майне в конце ноября 1848 г. членами левой франкфуртского Национального собрания. Руководители «мартовских союзов» — мелкобуржуазные демократы Фрёбель, Симон, Руге, Фогт — подменяли революционное действие фразой, проявляли трусливую половинчатость и нерешительность, неспособность вести борьбу с контрреволюцией. В ряде своих работ Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике деятельность «мартовских союзов» и их мелкобуржуазных руководителей. — *113.*

[71] *Клятва на Грютли* — одна из легенд, сложившихся вокруг основания Швейцарского союза. Согласно преданию, представители трех кантонов сошлись в 1307 г. на лугу Грютли (или Рютли) и поклялись быть верными союзу в совместной борьбе против австрийского владычества. — *114.*

[72] *Крайняя левая Франкфуртского собрания* (Руге, Шлёффель, Циц, Трюцшлер и др.) представляла преимущественно мелкую буржуазию, но пользовалась поддержкой и со стороны части немецких рабочих. Эта фракция, декларировавшая свою приверженность к республике и революционным методам борьбы, в то же время постоянно проявляла трусость и нерешительность в проведении революционных мероприятий и в мобилизации масс против наступающей контрреволюции. Мелкобуржуазно-федералистские взгляды лидеров этой фракции мешали ей занять четкую позицию в вопросе национального единства Германии. В апреле — мае 1849 г., после того как консервативные и значительное число либеральных депутатов покинули Собрание, мелкобуржуазные демократы (левая и крайне-левая) получили в нем большинство. 39 мая 1849 г. в связи с угрозой разгона Собрание перенесло свое местопребывание в Штутгарт, главный город Вюртемберга, правительство которого придерживалось выжидательного нейтралитета. В этом городе Собрание продолжало проводить ту же политику удержания народа от открытой революционной борьбы. Ввиду отказа прусского короля от императорской короны и измены имперского регента, австрийского эрцгерцога Иоганна, Собрание 6 июня 1849 г. избрало из числа своих членов *имперское регентство* из 5 человек (Ф. Раво, К. Фогт, Г. Симон, Ф. Шюлер и А. Бехер). Попытки регентства обеспечить победу революции с помощью парламентских средств потерпели полную неудачу; 18 июня Национальное собрание было разогнано войсками Вюртемберга. — *114.*

[73] Обещанная статья о походе Мерославского в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» опубликована не была. — *116.*

[74] Вооруженное восстание в Дрездене происходило 3—8 мая 1849 года. Поводом к восстанию послужили отказ саксонского короля признать

имперскую конституцию и назначение им крайнего реакционера Чинского на пост премьер-министра. Буржуазия и мелкая буржуазия почти не участвовали в борьбе, главную роль в баррикадных боях сыграли рабочие. Руководили восстанием С. Чирнер, М. Бакунин и др. В ответ на призыв дрезденских баррикадных борцов о помощи лейпцигские мелкобуржуазные демократы ограничились словесными декларациями. Городской совет и гражданское ополчение Лейпцига не только отказались прийти на помощь дрезденским повстанцам, но и жестоко подавили вспыхнувшее в Лейпциге восстание рабочих и ремесленников, пытавшихся помешать отправке в Дрезден частей лейпцигского гарнизона. — *117.*

[75] *Code Napoleon* (Кодекс Наполеона) — гражданский кодекс, опубликованный Наполеоном в 1804 г., был распространен на завоеванные французами области Западной и Юго-Западной Германии и продолжал действовать в Рейнской провинции после ее присоединения к Пруссии. Энгельс назвал его «классическим сводом законов буржуазного общества». — *118.*

[76] *Ландвер* — часть вооруженных сил, охватывающая военнообязанных старших возрастов, отслуживших свой срок в постоянной армии и резерве. По прусским законам призыв ландвера возможен был только в случае войны. — *121.*

[77] *Франкфуртское имперское министерство* было создано по решению франкфуртского Национального собрания от 28 июня 1848 г. в качестве временного центрального правительства. Это правительство, фактически не обладавшее ни бюджетом, ни армией, не представляло никакой реальной силы; вскоре оно превратилось в пособника контрреволюции. — *122.*

[78] *Штурм цейхгауза в Прюме* 17—18 мая 1849 г. был предпринят демократами при поддержке рабочих Трира и близлежащих населенных пунктов. Целью участников штурма было захватить оружие и поднять восстание в защиту имперской конституции. Хотя цейхгауз и был на время занят повстанцами, движение вскоре было подавлено подоспевшими правительственными войсками. — *127.*

[79] *Трехцветный флаг* — здесь черно-красно-золотой флаг, символ движения за национальное объединение Германии. Во время революции 1848—1849 гг. этот трехцветный флаг был объявлен немецким национальным флагом. — *127.*

[80] Из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» в Париж после закрытия газеты уехали К, Маркс, Ф. Вольф, Э. Дронке. В Париже в это время партия Горы и революционные клубы подготавливали массовое выступление против партии порядка, находившейся у власти. — *135.*

[81] 12 мая 1849 г. в Оффенбурге (Баден) состоялся съезд делегатов Народных союзов Бадена; руководители съезда ограничились требованием смены министерства и созыва Учредительного собрания. Лишь после того, как баденские войска перешли на сторону народа, на массовом собрании 13 мая 1849 г. были выдвинуты более революционные требования и создан Баденский комитет, который взял в свои руки всю полноту власти. — *137.*

[82] *Сенат* — один из органов управления вольного города Франкфурта; был наделен как законодательными, так и административными функциями. — *138.*

[83] *«Клуб решительного прогресса»,* основанный 5 июня 1849 г. в Карлсруэ, объединял более радикальное крыло мелкобуржуазных демократов-республиканцев (Струве, Чирнер, Гейнцен и др.), недовольных капитулянтской политикой правительства Брентано и усилением в нем правых элементов. Клуб предложил Брентано распространить революцию за пределы Бадена и Пфальца и пополнить состав правительства радикальными элементами. Получив отрицательный ответ, члены клуба 6 июня попытались воздействовать на правительство угрозой вооруженной демонстрации. Однако правительство заставило их капитулировать, воспользовавшись поддержкой гражданского ополчения и других вооруженных частей. «Клуб решительного прогресса» был закрыт. — *141.*

[84] *«Шесть бичей человечества»,* против которых Г. Струве считал необходимым вести борьбу, были; королевская власть, родовое дворянство, чиновничество, постоянная армия, духовенство, господство финансовых магнатов. (Ср. письмо Г. Струве, помещенное в «Deutsche Londoner Zeitung» 26 октября 1849 года.) — *142.*

[85] Имеется в виду брошюра: G. Struve. «Die Grundrechte des deutschen Volkes». Birsfelden bei Basel, 1848 (Г. Струве. «Основные права немецкого народа». Бирсфельден возле Базеля, 1848). — *143.*

[86] В помещении палаты сословных представителей в Карлсруэ происходили заседания правительства Брентано. — *144.*

[87] *Атта Тролль* — персонаж одноименной поэмы Гейне, являющейся сатирой на некоторых немецких мелкобуржуазных демократов. Прообразом Атта Тролля, приверженца теории всеобщего равенства, послужил, как указывают Маркс и Энгельс в работе «Великие мужи эмиграции», Арнольд Руге.

В 1848—1849 гг. А. Руге издавал в Берлине газету мелкобуржуазно-демократического направления «Die Reform» («Реформа»)-— *148.*

[88] *«Karlsruher Zeitung»* («Газета Карлсруэ») — ежедневная немецкая газета, официальный орган правительства Бадена, в частности и правительства Брентано в 1849 году. — *149.*

[89] *Центральный комитет демократов Германии* был избран на втором демократическом конгрессе, который происходил в Берлине с 26 по 30 октября 1848 года. Мандат от имени Центрального комитета был вручен Марксу в конце мая 1849 г. членом Комитета Д'Эстером. — *151.*

[90] Речь идет о партии мелкобуржуазных демократов и социалистов, группировавшихся вокруг газеты «Reforme». Во главе этой партии стояли Ледрю-Роллен и Луи Блан. Представители этой партии выступали с требованием проведения демократических и социальных реформ. Под влиянием социальных демократов находилась известная часть французских рабочих. — *151.*

[91] *«Fliegende Blatter»* («Летучие листки») — еженедельный немецкий сатирический журнал, основан в Мюнхене в 1845 году. — *152.*

[92] Речь идет о газете *«Bote fur Stadt und Land»* («Вестник для города и деревни»), являвшейся официальным органом пфальцского революционного временного правительства. Единственная статья Энгельса, напечатанная в № 110 этой газеты от 3 июня 1849 г., озаглавлена «Революционное восстание в Пфальце и Бадене» (см. настоящее издание, том 6). — *157.*

[93] *Фрухтхалле* — крытое помещение для торговли фруктами и овощами в Кайзерслаутерне, в котором размещались канцелярии центрального управления революционного временного правительства Пфальца.—*158.*

[94] *Шеволежеры* (chevaux-legers — буквально: легкая конница) — название полков легкой кавалерии, вооруженных саблями, пистолетами и карабинами, существовавших в некоторых западно-европейских государствах. — *158.*

[95] *«Frankfurter Journal»* («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная газета, выходила с 1616 г., в середине XIX в. была либерального направления. — *158.*

[96] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в 1848—1849 гг. отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии; вела постоянную ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *158.*

[97] Выражение взято из немецкого перевода «Илиады» Гомера, сделанного И. Г. Фоссом в 1819 г. (песнь II, стих 408 и др.). — *161.*

[98] 14 июня 1848 г., после безуспешных попыток добиться от правительства Кампгаузена — Ганземана выдачи оружия народу, рабочие и ремесленники Берлина штурмом захватили цейхгауз. Однако выступление берлинских рабочих было стихийным и неорганизованным. Подоспевшим воинским подкреплениям совместно с отрядами буржуазного гражданского ополчения быстро удалось оттеснить и разоружить народ. — *161.*

[99] Энгельс здесь иронизирует, сравнивая Бленкера с известным полководцем конца XVII и начала XVIII в. Евгением Савойским. — *164.*

[100] *Пистоль* — персонаж ряда произведений Шекспира («Веселые виндзорские кумушки», «Король Генрих IV», «Жизнь короля Генриха V»); бездельник, бахвал и лгун.

Фальстаф — персонаж произведений Шекспира («Веселые виндзорские кумушки», «Король Генрих IV»); хвастун, трус. — *172.*

[101] Выражение взято из тронной речи Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага в Пруссии 11 апреля 1847 года.—*175.*

[102] См. примечание 83. — *181.*

[103] Речь идет о книге: «Rapports du General Mieroslawski sur la campagne de Bade». Berne, 1849 («Отчеты генерала Мерославского о баденской кампании». Берн, 1849). — *185.*

[104] G. Struve. «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden». Bern, 1849. — *188.*

[105] Выступая 17 сентября 1848 г. во Франкфурте-на-Майне на многолюдном народном собрании протеста против бездеятельности Франкфуртского парламента, против его предательской политики в шлезвиг-гольштейнском, вопросе, Ф. Циц возражал против посылки парламенту каких-либо адресов и заявил, что теперь пришло время «для решительных действий». — *192.*

[106] *Просветительное общество немецких рабочих* в Лондоне было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза коммунистов. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их соратников вышли из Общества в связи с тем, что к борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-аиантюристским меньшинством (Виллих, Шаппер) Общество стало на сторону меньшинства (см. настоящий том, стр. 438). С конца 50-х годов Маркс и Энгельс снова принимали участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами. — *193*.

[107] *Кельнский Рабочий союз* был основан членами Союза коммунистов в Кёльне 13 апреля 1848 года. На первых порах руководящая роль в нем, принадлежала А. Готшальку, который, находясь под влиянием «истинного социализма», занимал сектантские позиции; он игнорировал задачи буржуазно-демократической революции, проводил тактику бойкота косвенных выборов в общегерманское и прусское национальные собрания, выступал против поддержки демократических кандидатов и демагогически требовал немедленного учреждения «рабочей республики». Борьба Маркса, Энгельса и их сторонников против сектантской тактики Готшалька привела к укреплению Союза и изменению его политической линии. К августу 1848 г. он уже насчитывал 7 тыс. членов. После ареста Готшалька председателем Союза 6 июля был избран Молль, который занимал эту должность до сентября 1848 г., когда он вынужден был эмигрировать под угрозой ареста. В октябре 1848 г. председателем Союза был избран Маркс, а с февраля 1849 г. — Шаппер. Была проведена реорганизация Союза; новый устав, принятый 25 февраля, провозглашал главной задачей Союза повышение классовой и политической сознательности рабочих. После победы контрреволюции в Германии в 1849 г. кельнский Рабочий союз, утратив свой политический характер, превратился в обычное рабочее просветительное общество. — *193.*

[108] 25 сентября 1848 г. кёльнские власти при поддержке буржуазии арестовали ряд деятелей рабочего движения в Кёльне, рассчитывая спровоцировать волнения, чтобы расправиться с пролетарским движением. Однако кёльнские рабочие, руководимые Марксом и Энгельсом, не дали себя спровоцировать на преждевременное восстание. 26 сентября в Кёльне было объявлено осадное положение и временно приостановлен выход «Neue Rheinische Zeitung» и других демократических газет.

Энгельс и ряд других сотрудников были вынуждены эмигрировать за границу. — *198.*

[109] Во время отступления баденско-пфальцской армии в одном из отрядов 23 июня 1849 г. вспыхнул бунт. Солдаты во главе со своим командиром Томе сделали попытку арестовать Мерославского и Зигеля и выдать их прусской армии. — *194.*

[110] Ср. об этом книгу: Job. Phil. Becker und Chr. Essellen. «Geschichte der suddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849». Genf, 1849, S. 430—433 (Иог. Фил. Беккер и Хр. Эсселен. «История южногерманской майской революции 1849 года». Женева, 1849, стр. 430—433). — *201.*

[111] Во Фрейбурге заседало баденское учредительное собрание, переехавшее сюда из Карлсруэ в конце июня 1849 года. — *201.*

[112] Включенные в настоящий том рецензии были помещены во втором и четвертом номерах «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» без подписи. В 1892 г. Энгельс в биографическом очерке о Марксе писал: «... Кроме того, им был написан (совместно с Энгельсом) ряд рецензий и политических обзоров». В 1886 г., еще при жизни Энгельса, редакция журнала «Die Neue Zeit» («Новое время»), пользовавшаяся его постоянными советами и указаниями, перепечатала рецензию на брошюры А. Шеню и Л. Делаода за совместной подписью Маркса и Энгельса. Относительно некоторых рецензий, как например на книги Э. Жирардена и Гизо, можно с наибольшей вероятностью предположить, что они написаны Марксом, тогда как рецензия на книгу Т. Карлейля вероятно написана Энгельсом. Однако ввиду невозможности установить это с полной достоверностью все рецензии помещены в настоящем томе как совместные работы Маркса и Энгельса. — *208.*

[113] *«Korrespondent von und fur Deutschland»* («Немецкий корреспондент») — буржуазно-либеральная газета, выходила в Нюрнберге с 1806 года. — *208.*

[114] Книга Даумера «Религия нового века» делилась на две части: первая часть, «предварительная», составляла первый том; вторая часть, «основная», — второй и третий тома. Маркс, повидимому, имел в руках только первый и второй тома. — *208.*

[115] *Верный Эккарт* — герой немецких средневековых сказаний, образ преданного человека, надежного стража. — *208.*

[116] Из стихотворения Шиллера «Песнь о колоколе». — *209.*

[117] Имеются в виду книги Даумера: «Der Feuer- und Molochdienst der alten Hebraer». Braunschweig, 1842 («Поклонение древних евреев огню и Молоху». Брауншвейг, 1842) и «Die Geheimnisse des christlichen Alterthums». Hamburg, 1847 («Таинства христианской древности». Гамбург, 1847), содержавших ряд ненаучных и бездоказательных гипотез. — *210.*

[118] *Суры нового корана* — иронический намек на книгу Даумера «Mahomed und sein Werk». Hamburg, 1848 («Магомет и его произведение». Гамбург, 1848); суры — арабское название глав корана. — *210.*

[119] Имеется в виду работа А. Книгге: «Ueber den Umgang mit Menschen». Hannover, 1804 («Об обхождении с людьми». Ганновер, 1804), в которой он устанавливает правила поведения человека в его взаимоотношениях с другими людьми. Книга изобилует поверхностными рассуждениями и прописными истинами. — *211.*

[120] В указанном месте книги Даумера цитируется ода Клопштока «Вездесущему» («Dem Allgegenwartigen»), — *212.*

[121] *Пророчества Нострадамуса,* известного в XVI в. французского астролога и лекаря короля Карла IX, были облечены в стихотворную форму и отличались крайней туманностью и загадочностью.

Ясновидение шотландцев — способность распознавать будущее и явления, недоступные восприятию обыкновенного человека, которая суеверно приписывалась жителям горных районов Шотландии.

Животный магнетизм — учение австрийского врача XVIII в. Месмера о возможности воздействия на поведение человека путем гипнотического внушения. — *212.*

[122] Ссылка на произведение Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», в котором имеются сцены, показывающие тягостную зависимость людей науки и искусства от титулованных особ. —*213.*

[123] В *соборе св. Павла* во Франкфурте-на-Майне происходили в 1848— 1849 гг. заседания франкфуртского Национального собрания.—*214.*

[124] Из речи Л. Симона на заседании франкфуртского Национального собрания 11 апреля 1849 года. — *214.*

[125] 28 марта 1849 г. франкфуртское Национальное собрание направило в Берлин депутацию, чтобы предложить прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV императорскую корону. Депутаты вернулись во Франкфурт ни с чем, так как Фридрих-Вильгельм IV отказался принять императорскую корону из рук Собрания без санкции немецких государей. — *214.*

[126] В рецензируемой брошюре Симон писал, что депутаты Франкфуртского собрания решительно осудили выступление вюртембергского короля против имперской конституции и солидаризировались с вооруженной борьбой в Пфальце и Бадене в защиту этой конституции. В частности, Симон ссылался на резолюцию, принятую охвостьем Собрания 8 июня 1849 г., после переезда его в Штутгарт. Между тем, резолюция, которая ставила Баден под защиту и покровительство империи, т. е. франкфуртского Национального собрания, носила чисто декларативный характер. Опасаясь широкого народного движения, Собрание не оказало никакой конкретной помощи повстанцам; более того, оно отказалось призвать на свою защиту инсуррекционные войска Бадена и Пфальца, как это предлагали сделать Маркс и Энгельс во время своих переговоров с вождями Франкфуртской левой в мае 1849 года. — *216.*

[127] Имеется в виду учреждение Английского банка в 1694 году. Его учредители предоставили основной капитал правительству в виде ссуды; этим было положено начало государственному долгу. — *219.*

[128] Речь идет о народных восстаниях против испанского господства, имевших место в Лиссабоне в 1640 г., в Неаполе в 1647—1648 гг. и в Мессине в 1674—1676 годах. — *221.*

[129] Международные обзоры во втором, четвертом ив сдвоенном пятом — шестом номерах «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» озаглавлены просто Revue (Обзор) и напечатаны без подписи. Многочисленные высказывания, содержащиеся в произведениях и письмах Маркса и Энгельса, свидетельствуют о том, что обзоры были написаны ими совместно.

Заглавие к данной работе, так же как и ко второму и третьему международным обзорам (см. настоящий том, стр. 308 и 446), дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *224.*

[130] Речь идет о соглашении между контрреволюционной крупной буржуазией и реакционной прусской королевской властью, имевшем место с самого начала революции 1848 г. на почве совместной борьбы против демократических требований народа. Однако по мере укрепления позиций контрреволюции Фридрих-Вильгельм IV стал тяготиться своим союзником и все более обуздывать крупную буржуазию в се конституционных притязаниях. Последняя продолжала цепляться за союз с королевской властью и в то же время разыгрывала в прусской палате видимость «оппозиции». Разогнав 5 декабря 1848 г. прусское Учредительное собрание, Фридрих-Вильгельм IV в тот же день «даровал» конституцию, в основу которой был положен проект, обсуждавшийся прусским Учредительным собранием в течение 1848 г. и подвергшийся редакционным изменениям в интересах феодальной партии. За королем признавалось право отменять любое решение палат и «в случае неотложной необходимости» не только издавать законы независимо от палат, по и пересматривать отдельные статьи самой конституции. Однако в этой конституции сохранялись еще некоторые демократические завоевания, в частности всеобщее избирательное право. Это обеспечило на выборах во вторую, нижнюю, палату в январе 1849 г. избрание буржуазно-либеральных элементов, которые своей критикой доставили королю немало неприятных минут. Фридрих-Вильгельм IV в апреле 1849 г. распустил палату и 30 мая 1849 г. издал новый избирательный закон, устанавливавший трехклассную систему выборов, основанную на высоком имущественном цензе и неравном представительстве различных слоев населения. Таким путем королю удалось, добиться избрания раболепного большинства в палату депутатов, которая, собравшись 7 августа 1849 г., приняла предложенную правительством конституцию. — *224.*

[131] Послание Фридриха-Вильгельма IV от 7 января 1850 г., в котором содержатся его поправки к проекту конституции Пруссии от 5 декабря 1848 г., опубликовано в «Neue Preusische Zeitung» («Новой прусской газете») № 9, 11 января 1850 года. — *224.*

[132] Согласно принятой палатами и одобренной Фридрихом-Вильгельмом IV 31 января 1850 г. конституции, в Пруссии сохранялась верхняя палата (палата господ, или пэров), преимущественно составляемая из представителей феодальной знати, и нижняя палата, избираемая на основе трехклассной избирательной системы. Конституция предоставляла правительству право создавать особые суды для рассмотрения дел о государствен ной измене и покушении на внутреннюю и внешнюю безопасность государства. Сохраняя закон о ландштурме, т. е. о все

общей воинской повинности, конституция предоставляла в распоряжение реакционного прусского правительства все боеспособное население Пруссии. Согласно статье 40 конституции сохранялись фидеикомиссы — феодальная форма наследования земельных владений, при которой владение неотчуждаемо и закрепляется за старшим в роде. — *224.*

[133] *Соединенный ландтаг* — объединенное собрание сословных провинциальных ландтагов, созванное Фридрихом-Вильгельмом IV в апреле 1847 г. в Берлине, чтобы избавиться от финансовых затруднений путем получения гарантии на иностранный заем. Соединенный ландтаг открылся 11 апреля 1847 года. Ввиду отказа короля удовлетворить самые скромные политические требования буржуазного большинства ландтага последний отказался гарантировать заем. Король в ответ на это в июне того же года распустил ландтаг; это усилило оппозиционные настроения в стране и способствовало ускорению революции в Германии. — *225.*

[134] Речь идет о судебных процессах против депутатов левой прусского Национального собрания, Б. Вальдека в Берлине и К. Грюна в Трире, привлеченных в 1849 г. к судебной ответственности за свою политическую деятельность; на судебных процессах ярко обнаружились грязные приемы прусского правительства, которое в борьбе со своими противниками не пренебрегало фальшивками; с другой стороны, представители «демократии» — Вальдек и Грюн — держали себя на суде постыдным образом, трусливо отрекались от революции, всячески свидетельствуя свою лойяльность по отношению к прусскому правительству. Несмотря на это присутствовавшая на суде буржуазная и мелкобуржуазная публика устроила овацию Вальдеку и Грюну. — *225.*

[135] Из стихотворения Арндта «Отечество немца». — *225.*

[136] Речь идет о попытке Фридриха-Вильгельма IV в союзе с государями Ганновера и Саксонии и присоединившимися к ним 17 другими германскими государями объединить Германию, за исключением Австрии, под гегемонией Пруссии, и таким образом осуществить план создания «Малой Германии». Этот план получил поддержку со стороны правых либералов, представителей контрреволюционной крупной буржуазии, вышедших из франкфуртского Национального собрания и образовавших в июне 1849 г. так называемую Готскую партию. Последняя приняла активное участие в выборах в германский парламент, который собрался 20 марта 1850 г. в Эрфурте для принятия пересмотренного в духе контрреволюции нового проекта общегерманской конституции. Последующие события оправдали прогноз Маркса и Энгельса о недолговечности Эрфуртского парламента. Под давлением австрийской монархии и русского царизма ряд немецких государств, поддерживавших ранее Пруссию, перешел на сторону Австрии, а прусское правительство, боявшееся ослушаться Николая I, распустило 29 апреля 1850 г. Эрфуртский парламент. — *225.*

[137] *Война мышей и лягушек* (Батрахомиомахия) — древнегреческая комическая поэма неизвестного автора, пародия на эпос Гомера. — *225.*

[138] *Interim* — временное соглашение. Здесь имеется в виду договор, заключенный в сентябре 1849 г. между Пруссией и Австрией о совместном руководстве делами Германии до окончательного решения вопроса о германской конституции. В соответствии с этим соглашением, укреплявшим силы реакции в Германии, была учреждена австро-прусская союзная комиссия, которая фактически являлась своего рода возрождением Союзного сейма; это соглашение находилось в противоречии с объединительными планами Пруссии. — *226.*

[139] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально преобразовано в прусский государственный банк. — *226.*

[140] *Граничары* — жители южных областей Австрийской империи (Словении, Хорватии, Славонии и Баната, составлявших в XVI—XIX вв. область Военной границы), которые обязаны были нести военную пограничную службу за пользование землей. — *226.*

[141] Выражение, употребленное Александром I в беседе с французским послом Коленкуром в 1808 году. — *227.*

[142] Речь идет о разрыве дипломатических отношений между Россией и Турцией (12 ноября — 31 декабря 1849 г.) в результате отказа турецкого правительства выдать по требованию австрийского и русского императоров венгерских и польских политических эмигрантов. — *227.*

[143] *Сен-Жан-д'Акр* — крепость в Сирии, в 1832 г. была взята египетскими войсками во время войны Египта с Турцией в 1831—1833 годах.

Сан-Хуан-де-Улуа — крепость в Веракрус (Мексика), последняя крепость, остававшаяся в руках испанцев во время войны Мексики за независимость; взята в 1825 году. — *227.*

[144] Под названием «капитуляций» здесь имеются в виду договоры швейцарских кантонов с европейскими государствами о поставке солдат в качестве наемников. Такие договоры заключались с середины XV до середины XIX века; во время ряда буржуазных революций XVIII—XIX вв. швейцарские наемники служили орудием монархической контрреволюции.

Под «старыми кантонами» подразумеваются горные кантоны Швейцарии, составившие в XIII—XIV вв. первоначальное ядро Швейцарского союза. — *228.*

[145] См. примечание 45. — *230.*

[146] Речь идет о принятом английским парламентом в июне 1846 г. билле об отмене хлебных законов. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Принятие билля 1846 г. означало победу промышленной буржуазии, боровшейся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли. — *231.*

[147] Статья Ф. Энгельса «Вопрос о десятичасовом рабочем дне», написанная специально для английского читателя, является одним из свидетельств тесного контакта, установленного Марксом и Энгельсом с революционным крылом чартистской партии и с его лидерами — Дж. Гарни и Э. Джонсом. Ежемесячный журнал «The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature» («Демократическое обозрение английской и иностранной политики, истории и литературы») издавался Дж. Гарни в Лондоне с июня 1849 по сентябрь 1850 года. Помимо данной статьи Энгельса в нем был напечатан сокращенный перевод первой главы «Классовой борьбы во Франции» К. Маркса. С 1 июля 1850 г. Гарни издавал также еженедельник «The Red Republican» («Красный республиканец»), в котором был напечатан первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии». Издание прекратилось в ноябре 1850 года. С декабря Гарни начал издавать новый еженедельник, выходивший до лета 1851 г., «Friend of the People» («Друг народа»), для которого Энгельс обещал серию статей с критикой мелкобуржуазной демократии. Вскоре, однако, двусмысленная позиция, занятая Гарни в связи с расколом Союза коммунистов, его дружеские связи с представителями мелкобуржуазной эмиграции побудили Маркса и Энгельса порвать с ним. Маркс и Энгельс продолжали поддерживать связь с Э. Джонсом, привлекли к участию в основанном им в мае 1851 г. еженедельнике «Notes to the People» («Заметки для народа») некоторых из своих ближайших сторонников, помогая им в их литературной работе (Г. Эккариус, К. Шрамм, В. Пипер). Оказывая поддержку чартистской печати, Маркс и Энгельс стремились закрепить традиции революционного чартизма 40-х годов, внести революционную теорию в массовое движение английских рабочих. — *238.*

[148] *Манчестерская школа* — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, представлявшую собой левое крыло либеральной партии в Англии. — *238.*

[149] В своих более поздних работах Маркс и Энгельс дали более развернутую характеристику закона о десятичасовом рабочем дне (см. К. Маркс «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих» и «Капитал» т. 1). — *240.*

[150] Речь идет о Народной хартии, выдвинутой чартистами в 1838 г. и содержавшей требования всеобщего избирательного права и ряда условий, обеспечивающих действенность этого права для рабочих: ежегодные выборы в парламент, вознаграждение депутатов, тайная подача голосов, равные избирательные округа и отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента. — *241.*

[151] Суд казначейства в феврале 1850 г. вынес оправдательный приговор фабрикантам, обвинявшимся в нарушении билля о десятичасовом рабочем дне. Это решение, фактически означавшее отмену билля, вызвало сопротивление со стороны рабочих, в связи с чем 5 августа 1850 г. парламент издал новый акт, установивший рабочий день для

женщин и подростков в $10^1/_2$ часов и определивший начало и конец рабочего дня.

Суд казначейства (Court of Exchequer) — один из старейших судов Англии, первоначально был облечен главным образом финансовыми функциями, в XIX в. выполнял обязанности одного из высших судебных учреждений Англии. — *241.*

[152] Речь идет о ряде законов, изданных в 30—40-х годах XIX в. под давлением промышленной буржуазии и направленных против торговли должностями, а также против наделения синекурами представителей аристократических семей. — *250.*

[153] Закон о бедных обсуждался в английском парламенте в 1833 г. и был принят им в 1834 году. О содержании закона см. примечание 17. — *250.*

[154] *Навигационные акты* (Navigation laws), принятые в 1651 г. и в последующие годы, запрещали перевозить английские товары на иностранных судах; эти акты были отменены в 1849 году. — *251.*

[155] *Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов,* написанное Марксом и Энгельсом в конце марта 1850 г., тайно распространялось среди членов Союза коммунистов как в эмиграции, так и в самой Германии. В 1851 г. этот документ, захваченный прусской полицией у некоторых арестованных членов Союза коммунистов, был напечатан в немецких буржуазных газетах «Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»), «Dresdener Journal und Anzeiger» («Дрезденская газета и вестник»), а затем перепечатан в книге «Die Kommunisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts» («Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия»); эта книга была составлена двумя полицейскими чиновниками, Вермутом и Штибером, которых Энгельс охарактеризовал как «двух подлейших полицейских негодяев». В настоящем томе работа печатается по тексту, просмотренному Энгельсом и опубликованному им в 1885 г. в виде приложения к немецкому изданию работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». — *257.*

[156] Высказанные здесь взгляды по аграрному вопросу тесно связаны с общей оценкой Марксом и Энгельсом в 40—50-х годах перспектив развития революции. Основоположники марксизма считали тогда, как указывает Ленин, что капитализм уже дряхл, а социализм уже близок. Исходя из этого, Маркс и Энгельс выступают в «Обращении» против передачи конфискованной у помещиков земли в руки крестьян, за превращение ее в государственную собственность с передачей в распоряжение рабочих колоний ассоциированного сельского пролетариата.

Опираясь на опыт Великой Октябрьской социалистической революции в России, а также на опыт революционного движения в других странах, Ленин развил марксистские взгляды на аграрный вопрос. Признавая целесообразность преимущественного сохранения крупных сельскохозяйственных предприятий после пролетарской революции в передовых капиталистических странах, он писал: «Было бы однако величайшей ошибкой преувеличить или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи части земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда

и среднему крестьянству» (В. И. Ленин. Сочинения, том 31, стр. 136).— *265.*

[157] Th. Carlyle. «The French revolution: a history». Vol. 1—3, London, 1837 (Т. Карлейль. «История французской революции». Тт. 1—3, Лондон, 1837).

Th. Carlyle. «Oliver Cromwell's letters and speeches». Vol. 1—2, London, 1845 (Т. Карлейль. «Письма и речи Оливера Кромвеля». Тт. 1—2, Лондон, 1845).

Th. Carlyle. «Chartism». London, 1840 (Т. Карлейль. «Чартизм». Лондон, 1840).

Th. Carlyle. «Past and Present». London, 1843. Критика этой книги дана Ф. Энгельсом в статье «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 572— 597). — *268.*

[158] Th. Carlyle. «Heroes, heroworship and the heroic in history». London, 1846 (Т. Карлейль. «Герои, культ героев и героическое в истории». Лондон, 1846). — *269.*

[159] *Пексниф* — персонаж из произведения Чарлза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», ханжа и лицемер. — *269.*

[160] *Франкмасоны* — религиозно-философское направление, возникшее в Англии в конце XVII — начале XVIII вв. и получившее затем распространение в ряде стран в форме тайных лож (ячеек) «вольных каменщиков», которые обставляли свою деятельность мистическими ритуалами и тайными обрядами. Франкмасоны пропагандировали идеи буржуазной морали. В своих философских воззрениях они больше всего придерживались деизма, так называемой «религии разума». Для франкмасонов была характерна вера в вечный, неизменный закон природы, определяющий и общественное развитие. Мудрость великих людей, согласно их взглядам, заключается в познании этого закона и в нравственном самоусовершенствовании. Устав масонских лож, как правило, был проникнут мистическим культом личности, рядовые члены обществ являлись лишь орудиями их руководителей, безгласными исполнителями их воли.

Иллюминаты — одно из направлений в франкмасонстве — действовали главным образом в Баварии во второй половине XVIII века. — *274.*

[161] *«Волшебная флейта»* — опера Моцарта на текст Э. Шиканедера. В этой опере в наивно-сказочной форме проводится мысль, что, кто правильно познал скрытые в природе силы и стойко следовал ее законам, вознаграждается, а злодеи получают по заслугам. — *274.*

[162] *Laissez faire, laissez aller* (предоставьте свободу действий) — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений. — *276.*

[163] *In partibus infidelium* — см. примечание 64. — *277.*

[164] Главное действующее лицо романа Ф. Купера «Шпион» Гарвей Бирч выполнял шпионские поручения из идейных, патриотических побуждений. — *281.*

165 «*Le Charivari»* («Шаривари») — французская сатирическая газета буржуазно-республиканского направления; издавалась в Париже с 1832 года; при Июльской монархии выступала с едкими нападками на правительство; в 1848 г. перешла в лагерь контрреволюции. — *281.*

166 Тайное *Общество новых времен года* — возникло вскоре после разгрома, в 1839 г., Общества времен года, являясь как бы его продолжением. Основное ядро Общества составляли рабочие; в него входили также студенты. По своим воззрениям члены Общества тяготели к революционному бабувизму и находились под сильным влиянием утопическо-коммунистических идей Дезами. — *281.*

167 См. примечание 6. — *284.*

168 Речь идет об авантюристской попытке небольшой группы заговорщиков, членов тайных революционных обществ, использовать для террористических актов зажигательные бомбы, изготовленные собственными силами. В этой авантюре с самого начала были замешаны агенты полиции, которые систематически осведомляли префектуру о действиях заговорщиков. Это дало возможность полиции арестовать всех участников заговора. Последовавший в 1847 г. судебный процесс над заговорщиками показал, насколько агентура полиции сумела глубоко пустить корни в тайных обществах. — *284.*

169 Известный роман А. Р. Лесажа «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны». — *285.*

170 Имеются в виду следующие произведения Ш. Фурье: «Theorie des quatre mouvements et des destinees generales» («Теория четырех движений и всеобщих судеб»); «La fausse industrie morcelee, repugnante, mensongere et l'antidote, l'industrie naturelle, combinee, attrayante, veridique» («Ложная хозяйственная деятельность, бессвязная, отталкивающая, фальшивая, и противоядие к ней, естественная хозяйственная деятельность, комбинированная, притягательная, истинная»); «Theorie de l'unite universelle» («Теория всемирного единства»); в первом издании эта работа была озаглавлена «Traite de l'association domestique agricole» («Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации»). Из посмертных произведений Фурье вопросам торговли частично посвящена незаконченная работа «Des trois unites externes» («О трех внешних единствах»), опубликованная в 1845 г. в журнале «La Phalange» («Фаланга»). Значительные отрывки из этой работы были переведены Энгельсом на немецкий язык и напечатаны в «Deutsches Burgerbuch» («Книга для немецких граждан») в 1846 году (см. Ф. Энгельс «Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле»», настоящее издание, том 2, стр. 580—586). — *291.*

171 О событиях 15 мая 1848 г. см. примечание 19. — *292.*

172 10 марта 1850 г. во Франции состоялись дополнительные выборы депутатов в Законодательное собрание взамен исключенных членов партии Горы. Выборы закончились победой демократическо-социалистического лагеря. — *294.*

173 *Droit d'enregistrement* (право регистрации) — налог, взимающийся за регистрацию и оформление различных документов: контрактов о купле

и продаже, дарственных актов, судебных решений и др. Такая регистрация документов, подтверждая их подлинность, являлась в то же время источником для пополнения казны. — *297.*

[174] *Октруа* — городские пошлины на ввозимые в город предметы широкого потребления. — *297.*

[175] Это положение было выдвинуто Марксом и Энгельсом в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, том 5, стр. 1—3). — *306.*

[176] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»), выходит в Лондоне с 1841 года. — *308.*

[177] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция правительства. — *310.*

[178] *Союз избирателей* (Union électorale) — под таким названием выступил на дополнительных выборах во французское Законодательное собрание в марте 1850 г. блок всех монархических партий и группировок, объединивший орлеанистов, легитимистов, бонапартистов, католиков и других.

«La Patrie» («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 г., в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка, являясь органом их избирательного блока; в дальнейшем бонапартистская газета. — *312.*

[179] На парижской бирже сделки совершались от 1 часа до 3 часов дня.—*313.*

[180] Имеется в виду кафе Тортони на Итальянском бульваре; в этом кафе и вблизи него совершались биржевые сделки в те часы, когда биржа была закрыта. В отличие от официальной биржи кафе Тортони и прилегающий к нему район называли «малой биржей». — *314.*

[181] Весной 1848 г. в Майнце произошли кровавые столкновения между гражданским ополчением и прусскими солдатами. Эти события вызвали широкий отклик в Германии и стали предметом обсуждения во Франкфуртском парламенте; парламент ограничился тем, что выделил комиссию, представившую свой доклад к тому времени, когда майнцское гражданское ополчение было уже разоружено прусскими солдатами. — *316.*

[182] Речь идет о решении, принятом на общем собрании лондонского Просветительного общества немецких рабочих совместно с немецкими политическими эмигрантами в Лондоне 18 ноября 1849 года. Это решение приведено в отчете Комитета помощи немецким эмигрантам в Лондоне от 3 декабря 1849 года (см. настоящий том, стр. 543—545). — *319.*

[183] Г. Струве и Т. Фотергилль, объявив себя представителями немецких политических эмигрантов в Лондоне, обратились к Гибсу, временно замещавшему лондонского лорд-мэра, с просьбой об обеспечении работой 100 немецких эмигрантов, оказавшихся без всяких средств существования в Лондоне; Гибс ответил отказом, сославшись на то,

что в подобном же положении находится много английских рабочих. Заметка об этом была помещена в «Times» 24 мая 1850 года. — *321.*

[184] Речь идет о тайной организации, созданной немецкими эмигрантами в Швейцарии и именовавшей себя «Революционной централизацией». Во главе ее Центрального комитета, находившегося в Цюрихе, стоял один из руководителей восстания в Дрездене в мае 1849 г., Чирнер; видную роль в организации играли Фриз, Грейнер, Зигель, Техов, Шурц, И. Ф. Беккер, активные участники баденско-пфальцского восстания 1849 года. Из членов Союза коммунистов в организацию входили Д'Эстер, Брун и др., а также Вильгельм Вольф, действовавший по поручению Союза коммунистов. В июле — августе 1850 г. руководители «Революционной централизации» вступили в переговоры с представителями Центрального комитета Союза коммунистов об объединении обеих организаций. Маркс и Энгельс от имени Центрального комитета отклонили эти предложения, так как они противоречили принципам Союза коммунистов, отстаивавшего самостоятельную организацию пролетарской партии. «Революционная централизация» распалась к концу 1850 г. в связи с массовой высылкой немецких политических эмигрантов из Швейцарии. — *323.*

[185] Узнав из подробного письма В. Вольфа от 9 мая 1850 г. о деятельности «Революционной централизации» и об интригах агента этой организации, Бруна, в Германии, Маркс и Энгельс направили Э. Дронке в Швейцарию в качестве эмиссара Союза коммунистов. В письме Центральному комитету от 3 июля 1850 г. и в письмах к Энгельсу от 3 и 18 июля 1850 г. Дронке дал подробный отчет о своей успешной деятельности в Германии и Швейцарии. — *324.*

[186] Переехав в октябре 1849 г. в Англию, Струве вместе с Гейнценом, Рудольфом Шраммом, Руге, Бауэром (из Штольпе) и некоторыми другими мелкобуржуазными демократами, стремясь воспрепятствовать самостоятельной организации пролетариата, завели интриги против руководимого Марксом и Энгельсом Социал-демократического эмигрантского комитета. Они провели в январе, феврале и апреле 1850 г. ряд собраний немецких эмигрантов и создали свой особый Демократический союз. В апреле они распространили среди немецких эмигрантов в Лондоне, а также направили в Германию «Циркуляр ко всем друзьям немецких эмигрантов», в котором сообщали о создании единой организации немецких эмигрантов-демократов под руководством «Центрального бюро всей немецкой эмиграции». — *324.*

[187] *Центральный комитет европейской демократии* был создан в июне 1850 г. в Лондоне по инициативе Мадзини, который предпринял первые шаги в этом направлении еще в Швейцарии в конце 1849 года. Попытка объединить буржуазных и мелкобуржуазных эмигрантов в одной международной организации нашла полную поддержку у Струве и Руге. По рекомендации Струве, Руге вошел в состав Комитета в качестве представителя немецкой демократической партии. Крайне противоречивая как по своему составу, так и по идейным позициям, организация просуществовала недолго; из-за обострившихся отношений между итальянскими и французскими эмигрантами-демократами Центральный комитет европейской демократии уже к марту 1852 г. фактически распался. Его учредительный манифест от 3 мюля 1850 г. Маркс подверг уничтожающей критике в «Третьем международном обзоре» (см. настоящий, том, стр. 487—490). — *324.*

[188] Речь идет о восстаниях за имперскую конституцию, развернувшихся весной и летом 1849 г. в Юго-Западной Германии. — *325.*

[189] В начале 1846 г. Маркс и Энгельс, находясь в Брюсселе, создали там Коммунистический корреспондентский комитет, который сплотил передовых немецких и бельгийских социалистов. После того как в результате успешной деятельности Маркса и Энгельса Союз справедливых был реорганизован в Союз коммунистов, в Брюсселе в августе 1847 г. была создана на базе Коммунистического корреспондентского комитета община Союза коммунистов. Наиболее революционные элементы среди бельгийских социалистов, как Жиго и Тедеско, приняли активное участие в деятельности брюссельской общины Союза коммунистов. После февральской революции 1848 г. во Франции бельгийское правительство обрушило свои репрессии на немецких революционных эмигрантов — Маркса, В. Вольфа и других членов Союза коммунистов, которые вынуждены были покинуть Бельгию. В августе 1848 г. Тедеско и другие бельгийские члены общины были привлечены к суду в связи с так называемым процессом Рискон-Ту, сфабрикованным реакционным правительством бельгийского короля Леопольда для расправы с демократами. Тедеско и ряд других бельгийских демократов были приговорены к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением.— *325.*

[190] *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Общество сыграло видную роль в основании брюссельской Демократической ассоциации. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *325.*

[191] *Рабочее братство* — объединение немецких рабочих и ремесленников, основанное членом Союза коммунистов С. Борном в 1848 г. в Берлине. Являясь представителем реформистской линии в рабочем движении, Борн ограничил деятельность Братства организацией экономических стачек и попытками осуществить мероприятия узко цехового характера в интересах ремесленников (кредитование мелких производителей, организация товариществ). Программные документы Братства представляли собой мешанину из обрывков неправильно истолкованных идей «Манифеста Коммунистической партии» и мелкобуржуазных доктрин Луи Блана и Прудона. Однако местные отделения Братства, нередко руководимые членами Союза коммунистов, под непосредственным воздействием революционных событий 1848—1849 гг. приняли активное участие в революционной борьбе. Маркс и Энгельс, поставив весной 1849 г. практически вопрос о подготовке к созданию пролетарской партии, независимой от мелкобуржуазной демократии, предполагали использовать для этой цели организацию Рабочего братства. В 1850 г. правительство запретило Братство, однако, некоторые его отделения продолжали еще существовать в течение ряда лет. — *326.*

[192] См. примечание 106. — *328.*

[193] *«The Sun»* («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год. — *329.*

[194] *Закон об иностранцах 1848 года* был принят английским парламентом в связи с революционными событиями на континенте и чартистской демонстрацией 10 апреля 1848 года. По этому закону иностранец в любой момент мог быть выслан из Англии по распоряжению правительства. Срок действия закона устанавливался на один год. — *329.*

[195] *«The Spectator»* («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходил в Лондоне с 1828 года. — *331.*

[196] *«Neue Preusische Zeitung»* («Новая прусская газета») — крайне реакционная немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuzzeitung» («Крестовой газеты»), так как в ее заголовке был изображен крест. — *334.*

[197] Речь идет о Марксе. В заметке, напечатанной 25 мая 1850 г. в «Neue Preusische Zeitung», сообщалось, что он якобы объезжал Германию и посетил Берлин в связи с подготовкой покушения на прусского короля. — *334.*

[198] Маркс намекает на баронский титул Бунзена. — *335.*

[199] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды их правления — правительственная газета; с 1866 г. —- орган консерваторов. — *336.*

[200] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К, Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее.— *337.*

[201] *«Neue Deutsche Zeitung»* («Новая немецкая газета») — демократическая газета, выходила во Франкфурте-на-Майне в 1848—1850 годах. Ее редактором был О. Люнинг — один из представителей «истинного социализма» в середине 40-х годов, в период революции 1848-—1849 гг.— мелкобуржуазный демократ. Люнинг поместил в своей газете рецензию на вышедшие четыре номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», уделив особое внимание работам К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию». — *339.*

[202] «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Нищету философии» К. Маркса см. настоящее издание, том 4; цитируемые места см. стр. 447 и 184—185. — *339.*

[203] *«Weser-Zeitung* («Везерская газета») — немецкая буржуазно-либеральная газета, основана в Бремене в 1844 году. — *341.*

[204] Работа Энгельса *«Крестьянская война в Германии»* была написана в Лондоне летом 1850 г. и напечатана в сдвоенном 5—6 номере «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». Главным источником для изложения фактической стороны событий служила для Энгельса книга немецкого историка демократа В. Циммермана «История Крестьянской войны в Германии» (W. Zimmermann «Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges», Th. 1—3, Stuttgart, 1841—1843).

Работа «Крестьянская война в Германии» была переиздана в 1870 г. отдельной брошюрой с авторским предисловием, раскрывающим роль крестьянства как союзника пролетариата. В связи с большим успехом, которым пользовалась книга у немецких рабочих читателей, она была в 1875 г. вновь переиздана, а предисловие дополнено Энгельсом. В 80-х годах Энгельс собирался заново переработать «Крестьянскую войну в Германии», включив в нее большой дополнительный материал по истории Германии. «Мою «Крестьянскую войну»,—писал он к Зорге 31 июня 1884 г.,—я переработаю совершенно заново. Крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории». Работа над изданием II и III томов «Капитала» и другие неотложные дела помешали Энгельсу осуществить этот замысел. Сохранилась лишь незаконченная рукопись предполагаемого дополнения к «Крестьянской войне в Германии» и ряд черновых заметок. — *343.*

[205] *Ганза* — торговый и политический союз средневековых немецких городов, расположенных на побережье Северного и Балтийского морей и на прилегающих к ним реках; имел своей целью установление монополии торговли в Северной Европе. Время расцвета Ганзы приходилось на вторую половину XIV века. — *346.*

[206] *Чинш* — один из видов феодальной подати, взимавшийся с держателей мелких земельных наделов.

Посмертный побор (Sterbefall, Todfall) — взыскивался с наследства в силу феодального права сеньора на земельный надел и имущество умершего крестьянина (во Франции — «право мертвой руки»); в Германии феодалы, как правило, отбирали у наследников лучшую голову скота.

Охранные деньги (Schutzgelder) — побор, взимавшийся феодалами в качестве платы за «покровительство» и судебную «защиту», которые сеньор якобы оказывал своим подданным. — *350.*

[207] *«Всеобщий пфенниг»* (gemeiner Pfennig) — налог, представлявший собой комбинацию подушной подати и налога с имущества. Основная тяжесть налога падала на крестьянство. — *352.*

[208] *Аннатами* назывались единовременные сборы в пользу римской курии с лиц, назначавшихся папой на церковные должности (бенефиции). В большинстве случаев они были равны годовому доходу от

жалуемых бенефициев, владельцы которых возвращали себе сторицей уплачиваемую при замещении церковных должностей сумму за счет поборов и вымогательств у населения. — *352.*

[209] Энгельс имеет в виду немецких буржуазных либералов, составлявших во время революции 1848—1849 гг. большинство франкфуртского Национального собрания и национальных собраний в отдельных немецких государствах. В первые месяцы революции в ряде государств (например, в Пруссии) либералы возглавляли «конституционные правительства», но потом были заменены представителями бюрократии и дворянства. Конституционалисты стремились сохранить королевскую власть как оплот против дальнейшего развития и углубления революции, ограничив эту власть либерально-буржуазной конституцией. Их соглашательская тактика и предательские сделки с реакционными партиями явились одной из главных причин поражения германской революции 1848—1849 годов. — *354.*

[210] Имеется в виду уголовное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina), принятое рейхстагом в Регенсбурге в 1532 году; это уложение отличалось крайней жестокостью наказаний. — *357.*

[211] *Вальденсы* — религиозная секта, возникшая в конце XII в. среди плебейских низов южнофранцузских городов. По преданию основателем ее был лионский купец Пьер Вальд, раздавший все свое имущество беднякам. Вальденсы проповедовали отказ от собственности, осуждали накопление богатств католической церковью и призывали вернуться к обычаям раннего христианства. Ересь вальденсов особенно распространилась среди сельского населения горных районов юго-западной Швейцарии и Савойи, где она носила характер защиты пережитков первобытно-общинного строя и патриархальных отношений. — *361.*

[212] *Альбигойцы*— религиозная секта, широко распространенная в XII— XIII вв. в городах Южной Франции и Северной Италии. Главным очагом ее был южнофранцузский город Альби. Альбигойцы, выступавшие против пышных католических обрядов и церковной иерархии, выражали в религиозной форме протест торгово-ремесленного населения городов против феодализма. К ним присоединилась часть южнофранцузского дворянства, стремившегося секуляризировать церковные земли. Папа Иннокентий III организовал в 1209 г. крестовый поход против альбигойцев. В результате двадцатилетней войны и свирепых репрессий их движение было подавлено. — *361.*

[213] Один из вождей крестьянского восстания 1251 г. во Франции (так называемого восстания «пастушков»), проповедник по имени Яков. Согласно свидетельству хроник, он был выходцем из Венгрии.—*361.*

[214] *Каликстинцы* — одно из двух течений в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (первая половина XV в.), направленном против немецкого дворянства, Германской империи и католической церкви. Каликстинцы (или чашники, требовавшие причащения не только хлебом, но и вином из чаши), опиравшиеся на бюргерство и часть чешского дворянства, ограничивали свои требования созданием национальной чешской церкви и секуляризацией церковных имений. — *362.*

[215] *Табориты* (от города Табор — центра движения) — второе течение в гуситском движении, составлявшее — в противоположность каликстинцам — его революционное, демократическое крыло. Табориты отражали в своих требованиях стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всего феодального строя. Изменническое выступление каликстинцев против таборитов было использовано лагерем феодальной реакции для подавления гуситского движения. — *363.*

[216] *Флагелланты* (или «бичующиеся») — религиозно-аскетическая секта, получившая распространение в Европе в XIII—XV веках. Флагелланты проповедовали, что путем самоистязания можно добиться искупления грехов.

Лолларды (буквально: «бормочущие молитвы») — религиозная секта в Англии и в других странах Европы (возникла в XIV в.), резко враждебная католической церкви, восприняла учение английского реформатора Уиклифа, сделав из него более радикальные выводы и выступив в религиозно-мистической форме против феодальных привилегий. Многие лолларды, среди которых преобладали выходцы из народных масс и представители низшего духовенства, приняли участие в восстании Уота Тайлера в 1381 году. С конца XIV в. лолларды подверглись жестоким гонениям. — *363.*

[217] *Хилиазм* (от греческого слова «хилиас» — тысяча) — религиозно-мистическое учение о втором пришествии Христа и установлении «тысячелетнего царства» справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. Хилиастические верования возникли в период разложения рабовладельческого строя на почве невыносимого гнета и страданий трудящихся, искавших выхода в фантастических мечтаниях об избавлении. Эти верования получили широкое распространение во времена раннего христианства и впоследствии постоянно возрождались в учениях различных средневековых сект. — *363.*

[218] Цитату из Лютера Энгельс дает по Циммерману (см. Zimmermann, Th. 1, Stuttgart, 1841, S. 364—365). — *365.*

[219] M. Luther. «An den Christlichen Adel deutscher Nation: von des Christlichen standes besserung». Vuittemberg, [1520]. Энгельс цитирует по Циммерману. — *366.*

[220] *Аугсбургское вероисповедание* — изложение основ лютеранства, представленное в 1530 г. императору Карлу V на имперском сейме в Аугсбурге, явилось результатом приспособления бюргерских идеалов «дешевой церкви» (упразднение пышных обрядов, упрощение церковной иерархии и т. д.) к интересам князей. Главой церкви объявлялся вместо папы владетельный князь. Аугсбургское вероисповедание было отвергнуто императором. Война с ним князей, принявших лютеранскую реформацию, окончилась в 1555 г. Аугсбургским религиозным миром, утвердившим право каждого князя определять по своему усмотрению религию своих подданных. — *366.*

[221] Это выражение представляет собой название выпущенного Лютером в мае 1525 г., в самый разгар Крестьянской войны, памфлета «Wyder die mordische unnd reubischenn Rottenn der Paurenn». Следующие далее цитаты даны по книге Циммермана. — *367.*

[222] Эту дату приводит Циммерман в первом издании своей работы. По уточненным впоследствии данным Томас Мюнцер родился около 1490 года. — *368.*

[223] *Анабаптистами,* или перекрещенцами, члены этой секты назывались из-за выдвигавшегося ими требования вторичного крещения в сознательном возрасте. — *369.*

[224] «Die Furstenpredigt. Auslegung des andern Unterschieds Danielis des Propheten, gepredigt auf dem Schlos zu Allstedt vor den tatigen, teuren Herzogen und Vorstehern zu Sachsen durch Thomas Muntzer, Diener des Worts Gottes». Allstedt, 1524 («Проповедь к князьям. Истолкование другого отличия пророка Даниила, произнесенное в Альштедтском замке перед деятельными, возлюбленными герцогами и правителями Саксонии Томасом Мюнцером, служителем слова божия». Альштедт, 1524). Энгельс цитирует по Циммерману. — *370.*

[225] Энгельс имеет в виду взгляды немецкого философа-идеалиста Штрауса и других младогегельянцев, которые в своих ранних произведениях выступали в вопросах религии как пантеисты. — *370.*

[226] Имеется в виду памфлет Мюнцера, вышедший в Мюльхаузене в 1524 г. под названием: «Ausgebruckte Entblossung des falschen Glaubens der ungetreuen Welt durchs Zeugnis des Evangelions Lucae, vorgetragen der elenden erbarmlichen Christenheit zur Erinnerung ihres Irrsals» («Открытое опровержение ложной веры неправедного мира на основании свидетельства Евангелия от Луки, изложенное бедному и несчастному христианству в качестве напоминания об его заблуждении»). Цитируется по Циммерману. — *373.*

[227] См. Zimmermann, Th. 2, Stuttgart, 1842, S. 75. — *373.*

[228] M. Luther. «Eyn brieff an die Fursten zu Sachsen von dem auffrurischen geyst». Wittemberg, 1524. — *374.*

[229] По уточненным впоследствии данным Мюнцер направился сначала в имперский город Мюльхаузен, откуда он был изгнан в сентябре 1524 г. за участие в волнениях городских низов. Из Мюльхаузена Мюнцер прибыл в Нюрнберг. — *374.*

[230] Печатный ответ Мюнцера Лютеру в 1524 г. носил название: «Hoch verursachte Schutzrede und Antwort wider das geistlose, sanftlebende Fleisch zu Wittenberg, welches mit verkehrter Weise durch den Diebstahl der heiligen Schrift die erbarmliche Christenheit also ganz jammerlicn besudelt hat» («Хорошо обоснованная защитительная речь и ответ безбожной, в холе живущей плоти виттенбергской, которая посредством извращений и жульнических искажений священного писания постыднейшим образом осквернила несчастное христианство»). — *375.*

[231] *Индепенденты* — религиозно-политическое течение, возникшее в Англии во второй половине XVI в. и явившееся формой оппозиции абсолютизму и государственной англиканской церкви со стороны средней торговой и промышленной буржуазии и «нового» обуржуазившегося дворянства. В период английской буржуазной революции XVII в. индепенденты сплотились в особую политическую партию, завоевавшую в конце 1648 г. власть. — *378.*

[232] Энгельс воспроизводит слова Ганса Дударя по Циммерману. — *379*.

[233] *Швабский союз* князей, дворян и патрицианской верхушки имперских городов Юго-Западной Германии был основан в 1488 году Главной целью его была борьба против крестьянского и плебейского движения. Руководившие этим реакционным объединением южно- и западно-немецкие князья стремились также использовать его для укрепления своей олигархической власти. Союз имел собственные административно-судебные органы и войска. В 1534 г. в результате внутренних раздоров он распался. — *382.*

[234] *Секлеры* — венгры, населяющие горные районы восточной части Трансильвании. — *388.*

[235] Имеется в виду народное восстание на острове Сицилия против господства французской Анжуйской династии, завоевавшей Южную Италию и Сицилию в 1267 году. Вечером 31 марта 1282 г. в Палермо восставшее население истребило несколько тысяч французских рыцарей и солдат. — *389.*

[236] Энгельс имеет в виду 95 тезисов, прибитых 31 октября 1517 г. Лютером (начавшим свою духовную карьеру простым монахом августинского монастыря в Тюрингии) к дверям одной из церквей в Виттенберге. Тезисы содержали резкий протест против продажи индульгенций и злоупотреблений католического духовенства, а также первые наброски религиозного учения Лютера в духе бюргерских идеалов. — *392.*

[237] *Бурлеска* — один из жанров пародийно-сатирической литературы, распространенной среди писателей эпохи Возрождения и идеологов гуманизма; использовался ими для высмеивания высокопарного стиля придворной поэзии и чопорных нравов верхушки феодального общества. — *392.*

[238] *Война Роз* (1455—1485) — война между представителями двух боровшихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Вокруг Йорков группировались часть крупных феодалов более развитого в экономическом отношении юга, рыцарство и горожане; Ланкастеров поддерживала феодальная аристократия северных графств. Война привела почти к полному истреблению старинных феодальных родов и завершилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм.—*394.*

[239] *Переднеавстрийскими землями* назывались рассеянные в районе Верхнем Швабии и Шварцвальда владения австрийских Габсбургов и их прямых вассалов. — *397.*

[240] Из ультиматума, предъявленного Трухзессом, командующим карательной армией Швабского союза, восставшим крестьянам Хегау 15 февраля 1525 г., когда дворянство уже собрало контрреволюционные силы. Цитируется по Циммерману. — *398.*

[241] Согласно указу императора Максимилиана о земских судах, членами их могли быть только представители «благородных» сословий. — *399.*

[242] *Оберланд*— буквально: Верхняя область. В данном случае имеется в виду Верхний Баден, т. е. примыкающая к Швейцарии южная гористая часть Бадена. В XVI в. только часть этой области принадлежала маркграфу Баденскому, остальная часть относилась к австрийской земле Брейсгау или находилась во владении более мелких церковных и светских феодалов. — *399.*

[243] Имеется в виду напечатанный в Нюрнберге в начале 1525 г. анонимный памфлет «An die Versammlung gemeiner Pawerschaft, so in Hochtentscher Nation und viel anderer Ort, mit emporung und iffruhr entstanden, ob ihr emporung billicher oder unbillicher gestalt geschehn, und was sie der Oberkeit schuldig oder nicht schuldig seind, gegrundet aus der heil gottlichen Geschrift, von Oberlendischen Mitbrudern guter mahnung ausgangen und beschriben» («К собранию всего возмутившегося и поднявшего восстание крестьянства верхненемецкой нации и многих других мест по поводу того, справедливо или нет его возмущение и что должно и чего не должно оно делать по отношению к властям. Основано на священном писании божьем, составлено и изложено с полного одобрения оберландских собратьев»). В. Циммерман считал автором этого памфлета Т. Мюнцера. — *399.*

[244] Воскресенье Judica (от judex — судья, буквально «судное воскресенье») — пятое воскресенье великого поста. — *402.*

[245] Это решение было принято на совещании союзных властей в Ульме в марте 1525 г. в момент, когда представители Швабского союза еще вели переговоры с восставшими. Оно зафиксировано в документе из Ульмского архива, цитируемом Циммерманом (см. Zimmermann, Th. 2, Stuttgart, 1842, S. 111—112). — *402.*

[246] *Большая и малая десятина* — две разновидности налога в пользу католической церкви. Размер и характер этого налога были различны в разных местностях Германии, в большинстве случаев он значительно превышал десятую долю продукта крестьянского производства. Как правило, малая десятина взималась с незерновых культур, в то время как большая десятина — с урожая зерновых культур. — *402.*

[247] *Вюрцбургский соборный капитул* — духовная коллегия, управлявшая Вюрцбургской епархией, глава которой епископ Вюрцбургский одновременно носил титул герцога Франконского. — *404.*

[248] *Тевтонский орден* — немецкий рыцарский духовный орден, основанный в 1190 г. во время крестовых походов. Орден захватил в Германии и в других странах многочисленные владения, управлявшиеся орденскими сановниками — командорами (или комтурами). В XIII в. под владычество ордена перешла завоеванная путем покорения и истребления местного литовского населения Восточная Пруссия, которая стала оплотом агрессии ордена против Польши, Литвы и русских княжеств. В 1237 г. он объединился с другим немецким орденом — Ливонским, также обосновавшимся в Прибалтике. После поражения на Чудском озере в 1242 г. (Ледовое побоище) и в битве при Грюнвальде в 1410 г. орден пришел в упадок и в дальнейшем сохранил лишь небольшую часть своих владений. — *405.*

[249] *Оффенбургский договор,* заключенный повстанцами Брейсгау с австрийским правительством 18 сентября 1525 г., предусматривал восстано-

вление прежних крестьянских повинностей и введение строгих правил против крестьянских союзов и «еретиков». Со своей стороны, правительство обязалось амнистировать рядовых участников движения и ограничиться сравнительно небольшими штрафами. На вожаков восстания амнистия, однако, не была распространена. Тем не менее даже этот неблагоприятный для крестьян договор был вскоре вероломно нарушен австрийскими властями и местными феодалами, подвергшими массовым кровавым репрессиям участников восстания, как только они сложили оружие. — *420.*

[250] Согласно условиям договора, заключенного 13 ноября 1525 г. с австрийским правительством, шварцвальдские крестьяне должны были снова присягнуть Габсбургам, возобновить выполнение прежних повинностей и не препятствовать кровавой расправе победителей с центром движения, городом Вальдсхутом. Защитники последнего, однако, держались еще в течение нескольких недель, и город был сдан только в результате измены бюргерской верхушки. — *420.*

[251] Позднейшими исследователями установлено, что Мюнцер не занимал официальных постов в мюльхаузенском «Вечном совете». Присутствуя, однако, на его заседаниях и направляя его деятельность, он фактически возглавлял новое революционное правительство. — *422.*

[252] Энгельс имеет в виду мелкобуржуазного социалиста Луи Блана и рабочего Альбера (Александра Мартена), которые вошли в качестве представителей пролетариата в буржуазное временное правительство Французской республики, созданное в феврале 1848 года (см. об этом настоящий том, стр. 13—31). — *423.*

[253] *Имперское регентство* — см. примечание 72. — *423.*

[254] *Вагенбург* — оборонное укрепление, сооружаемое из повозок; широко применялся в древности и в средние века. — *425.*

[255] Статьи эльзасских крестьян не только более резко формулировали антифеодальные требования, изложенные в «Двенадцати статьях» швабско-франконского крестьянства (отмена крепостного права, возвращение узурпированных дворянством общинных земель и т. д.), но во многом шли дальше этой программы. Они были направлены также и против ростовщиков (пункт об отмене ростовщического процента и др.), требовали упразднения не только малой, но и большой десятины, провозглашали право местного населения смещать должностных лиц, вызывавших недовольство народа, и заменять их новыми. — *427.*

[256] Настоящий документ относится к одному из важных моментов в истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, к расколу Союза коммунистов в сентябре 1850 года. К августу 1850 г. основоположники марксизма пришли к выводу, что экономический кризис 1847 г. себя исчерпал и что, следовательно, при начавшемся всеобщем экономическом процветании новой революции в ближайший период ожидать нельзя. Отсюда Маркс и Энгельс делали вывод, что в новых условиях главное внимание должно быть обращено на пропаганду идей научного коммунизма, на идейное и организационное укрепление независимой от мелкобуржуазной демократии пролетарской партии.

Против этого трезвого анализа и опиравшейся на научные выводы тактики выступили члены Центрального комитета Союза коммунистов Виллих и Шаппер. Виллих, Шаппер и их сторонники подменяли материалистический анализ объективной действительности «революционной» фразой и пытались вызвать новые восстания в Германии, прибегая к авантюристской тактике и к союзу с мелкобуржуазными демократами. Возникшие на этой почве разногласия в Центральном комитете Союза резко обнаружились на его заседаниях уже в августе и первой половине сентября и приняли наиболее острый характер на заседании 15 сентября 1850 г., на котором произошел раскол Союза. Мотивируя причины расхождений с Виллихом и Шаппером, Маркс на заседании сказал:

«На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю.* Между тем как мы говорим рабочим: «Вам, может быть, придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений, не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству», вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в святыню, вы проделываете это со словом *пролетариат.* Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции...». (См. работу К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, том 8).

На этом же заседании было решено перенести местопребывание Центрального комитета Союза в Кёльн, поручив кёльнскому окружному комитету образовать новый Центральный комитет Союза. За это предложение голосовали шесть членов Центрального комитета — Маркс, Энгельс, К. Шрамм, Г. Бауэр, Эккариус и Пфендер; против него голосовали остальные четыре члена Комитета — Виллих, Шаппер, Леман и Френкель. Последние, оказавшись в меньшинстве, покинули заседание и апеллировали к членам Союза лондонского округа, у которых нашли поддержку. На стороне раскольнической фракции Виллиха и Шаппера оказалось и большинство членов Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, что побудило Маркса, Энгельса и их сторонников выйти из состава этого общества. — *438.*

257 В середине апреля 1850 г. Маркс и Энгельс от имени Союза коммунистов заключили соглашение с проживавшими в Лондоне французскими эмигрантами-бланкистами и с представителями революционного крыла чартистов о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров». Был подписан основной договор (написанный рукой А. Виллиха), состоящий из 6 статей (см. настоящий том, стр. 551—552). После раскола Центрального комитета Союза коммунистов французские бланкисты-эмигранты стали на сторону сектантско-авантюристского меньшинства, возглавляемого Виллихом и Шаппером, и вместе с ними пошли на тесный союз с мелкобуржуазной демократической эмиграцией. В этих условиях Маркс и Энгельс сочли целесообраз-

ным, в начале октября 1850 г., разорвать договор с бланкистами, на что и указывает публикуемый документ. — *439.*

[258] «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала», работа Г. Эккариуса, напечатанная в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», была написана под непосредственным руководством Маркса, который ее проредактировал. Анализ текста свидетельствует о том, что отдельные ее положения сформулированы самим Марксом. — *440.*

[259] Данная статья предназначалась Ф. Энгельсом для № 5 «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» и осталась незаконченной. Поводом для ее написания послужили буржуазно-индивидуалистские, анархистские выступления в печати некоторых берлинских младогегельянцев Э. Мейена, Ю. Фаухера, Л. Буля М. Штирнера, входивших в 1842 г. в кружок «Свободных», а с начала 50-х годов группировавшихся вокруг газеты «Abend-Post» («Вечерняя почта»). В области экономических воззрений эта группа литераторов стояла на позициях буржуазного фритредерства. Для их политических взглядов характерно пренебрежительное отношение ко всеобщему избирательному праву и народному представительству, крайний индивидуализм и восхваление анархии, как осуществления «высшей демократии» и «свободной человеческой ассоциации». Антидемократическая и антиреволюционная направленность этой группы сказалась и в том, что в апреле 1850 г. в названии ее органа был опущен подзаголовок «Демократическая газета»; при этом «Abend-Post» заявила, что добивается анархии, при которой человек якобы «не является ни рабом другого человека, ни рабом массы». «Abend-Post» стала систематически выступать против «людей закона из рядов демократии», против социализма и коммунизма, равно как и против «террора революции». Эти анархистские и полу анархистские идеи получили заметное распространение среди части немецкой мелкобуржуазной эмиграции.

Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *441.*

[260] Энгельс, повидимому, имеет в виду К. Грюна и А. Руге, которые являлись переводчиками отдельных произведений Прудона на немецкий язык и пропагандировали их в печати. — *442.*

[261] Речь идет о депутатах Штутгартского парламента Л. Симоне и К. Фогте (К. Фогт был также одним из пяти имперских регентов). К. Фогт и Л. Симон выступили в 1850 г. в журнале «Deutsche Monats-schrift» («Немецкий ежемесячник») (Штутгарт) со статьями, в которых превозносили анархию и проповедовали отмену всякой государственности. — *442.*

[262] Max Stirner. «Der Einzige und sein Eigenthrm». Leipzig, Verlag von Oeeo Wigand, 1845. Эта книга была подвергнута уничтожающей критике Марксом и Энгельсом в работе «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, том 3). — *443.*

[263] Имеется в виду рецензия на книгу Э. де Жирардена «Социализм и налог» (см. настоящий том, стр. 295—307). — *443.*

[264] Из поэмы Виланда «Оберон». — *443.*

[265] Компания Южных морей была создана около 1712 г, под предлогом торговли с Южной Америкой и островами Тихого океана; подлинной ее целью была спекуляция государственными бумагами. Компания получила от правительства ряд привилегий и монопольных прав, в частности право выпуска бумажных денег, и развернула гигантскую спекулятивную деятельность, которая завершилась в 1720 г. банкротством компании. — *448.*

[266] См. Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I—II, London, 1838 (Т. Тук. «История цен в связи с состоянием денежного обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I—II, Лондон, 1838). Из этой книги Маркс сделал многочисленные выписки, широко использованные им в данном международном обзоре. — *452.*

[267] *Банковый закон 1844 г.* предусматривал разделение Английского банка на два совершенно независимых департамента с отдельными наличными фондами — банковский, занимающийся выполнением чисто банковых операций, и эмиссионный — ведающий выпуском банковых билетов. Эти билеты должны были иметь солидное обеспечение в виде специального денежного фонда, который всегда должен был быть в наличности. — *452.*

[268] D. M. Evans. «The commercial crisis 1847—1848». London, 1848. Из этой книги Маркс сделал многочисленные выписки, которые использованы в данной работе. — *453.*

[269] В Брегенце 11 октября 1850 г. состоялась встреча государей Австрии, Баварии и Вюртемберга, которые заключили между собой конвенцию, направленную против притязаний Пруссии на гегемонию в Германском союзе. В Варшаве 28 октября 1850 г. состоялась встреча русского императора Николая I с австрийским императором Францем-Иосифом и главой прусского правительства, герцогом Бранденбургским; последний вынужден был пойти на уступки. Оба эти конгресса обнаружили усиление роли Австрии и ослабление позиций Пруссии.

Временные правительства in partibus — см. примечание 64. — 457.

[270] В 1833 г. английским парламентом был принят закон о запрещении рабства в колониях. Для компенсации плантаторов-рабовладельцев была выделена сумма в 20 млн. фунтов стерлингов. — *458.*

[271] Речь идет о национально-освободительной войне Шлезвига и Гольштейна против Дании, начатой в марте 1848 г. и продолжавшейся с перерывами до конца июня 1850 года. Под влиянием февральской революции во Франции и мартовской революции в Германии население Шлезвига и Гольштейна, добивавшееся присоединения к Германии, подняло восстание против датского господства и создало временное правительство во главе с герцогом Аугустенбургским, Безелером и Ревентловым. Это правительство обратилось к германскому Союзному сейму и к Пруссии за помощью. Учитывая, что общественное мнение Германии на стороне Шлезвига и Гольштейна, прусские правительственные круги начали показную войну против Дании, в ходе которой на каждом шагу предавали революционную шлезвиг-гольштейнскую армию. В августе 1848 г. Пруссия заключила с Данией

в Мальмё предательское перемирие сроком на 7 месяцев; по условиям перемирия фактически были ликвидированы все демократические завоевания населения Шлезвига и Гольштейна. Так как противоречия между воюющими сторонами не были разрешены, то по истечении 7 месяцев, в марте 1849 г., война возобновилась. Военные действия, проходившие с переменным успехом, закончились новым предательством Пруссии, заключившей 2 июня 1850 г. мир с Данией вопреки национальным интересам Германии. Население Шлезвига и Гольштейна, недовольное капитулянтским соглашением, решило продолжить войну собственными силами. Однако в битве при Иштедте (24—25 июля 1850 г.) шлезвиг-гольштейнская армия была разбита датскими войсками и прекратила сопротивление.

События в Кургессене — см. дальше, стр. 485 и примечание 298.— *464.*

272 Речь идет о международном конгрессе, созванном буржуазными пацифистами во Франкфурте-на-Майне в августе 1850 года. Видную роль на конгрессе играли американский буржуазный филантроп Элихью Бёррит, лидер английских фритредеров Кобден, немецкий либерал, бывший глава либерального правительства в Гессене Яуп; в конгрессе участвовали представители религиозной секты квакеров. Произнесенные на конгрессе речи носили ханжеский и лицемерный характер. — *468.*

273 Дебаты по поводу Греции в английском парламенте в 1850 г. возникли в связи с тем, что английское правительство предъявило резкий ультиматум греческому правительству и послало английский флот для блокады Пирея. Поводом для этого послужило разграбление в Афинах дома португальского купца Пасифико, находившегося под английским покровительством. Россия и Франция протестовали против действий Англии, и французское правительство отозвало своего посла из Лондона. Во время этих дебатов лорд Пальмерстон произнес в палате общин речь, в которой демагогически обличал политику европейских реакционных государств, выступив в роли защитника гражданских прав и либеральных свобод. — *468.*

274 Во время пребывания в Лондоне в 1850 г. австрийского фельдмаршала Гайнау, с крайней жестокостью подавившего революционное движение в Венгрии и Италии, рабочие пивоваренного завода Барклей, Перкинс и К° избили его. Это выступление встретило горячее одобрение со стороны английских народных масс. — *468.*

275 *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов таким образом ирландское национальное движение. — *469.*

276 Будучи министром внутренних дел, Р. Пиль положил начало современной буржуазной системе организации полиции в Англии. В 1829 г. он провел закон о подчинении столичной полиции непосредственно

министру внутренних дел и о создании в Лондоне специального корпуса полицейских. В остальной Англии полиция еще некоторое время оставалась в подчинении местных властей, но министру внутренних дел предоставлялось право общего руководства и контроля за действиями местной полиции. Эта мера вела к усилению полицейской власти буржуазного государства. — *469.*

[277] В 1818 г. в английский парламент был внесен законопроект, утвержденный в 1819 г., по которому Английский банк должен был с 1823 г. восстановить обмен банковых билетов на золото. Фактически обмен билетов на золото был полностью восстановлен уже к 1821 году (см. также примечание 55). — *469.*

[278] По тарифной реформе 1842 г. были понижены ввозные пошлины на хлеб и целый ряд других импортируемых товаров. Чтобы возместить потери казны, был введен подоходный налог. — *469.*

[279] См. примечание 146. — *469.*

[280] Из статьи «Памятник Пилю», напечатанной в чартистском органе «Red Republican» № 9 от 17 августа 1850 г., выходившем под редакцией левого чартиста Дж. Гарни. — *470.*

[281] *Пьюзиизм* — течение внутри англиканской церкви в 30—60-х годах XIX века. Названо по имени одного из его основателей — богослова Оксфордского университета Пьюзи, призывавшего к восстановлению в англиканской церкви католической обрядности и некоторых догматов католицизма. Пьюзиизм явился религиозным отражением борьбы английской аристократии, стремившейся сохранить свое влияние в стране, против промышленной буржуазии, принадлежавшей в своей массе к различным протестантским сектам. — *470.*

[282] *Высокая церковь* — направление в англиканской церкви, имевшее приверженцев преимущественно среди аристократии; сохраняло старинные пышные обряды, подчеркивая преемственную связь с католицизмом. В противовес высокой церкви, второе направление англиканской церкви — *низкая церковь* — было распространено главным образом среди буржуазии и низшего духовенства. Сторонники низкой церкви делали в богослужении упор на проповедь буржуазно-христианской морали.

Диссентеры — представители религиозных сект и течений, отступающих в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви. — *470.*

[283] Речь идет о папской булле, изданной 30 сентября 1850 года. — *470.*

[284] См. примечание 64. — *471.*

[285] В период раскола католической церкви (XIV—XV вв.) неоднократно избирались одновременно два папы, каждый из которых объявлял другого узурпатором, «анти-папой». — *471.*

[286] Учредительное собрание Римской республики было избрано 21 января 1849 года; оно состояло в большинстве своем из буржуазных демократов — сторонников Мадзини. Собрание лишило папу светской власти и провело ряд прогрессивных социальных мероприятий. После паде-

ния Римской республики в июле 1849 г. значительное число депутатов эмигрировало в Англию, где образовало из своей среды временный Итальянский национальный комитет; в него вошли Мадзини и его сторонники. Комитет был уполномочен избравшими его производить займы в интересах национального дела и заниматься всеми вопросами, касающимися итальянских граждан. — *471.*

[287] Весной 1850 г. австрийское правительство выпустило в Ломбардо-Венецианской области так называемый добровольный заем в 120 млн. лир. Но заем не имел никакого успеха среди населения и был проведен в принудительном порядке. — *471.*

[288] См. примечание 57. — *474.*

[289] См. примечание 61. — *477.*

[290] См. примечание 63. — *479.*

[291] См. примечание 64. — *479.*

[292] См. примечание 65. — *479.*

[293] *Малая Германия* — план объединения Германии в единое государство под главенством Пруссии без Австрии. Одной из попыток осуществить этот план было создание в 1849 г. союза (унии) семнадцати немецких государей под главенством прусского короля. В 1850 г. уния распалась. — *483.*

[294] После победы восстания 18 марта 1848 г. в Берлине прусский король Фридрих-Вильгельм IV совершил поездку верхом по улицам прусской столицы с черно-красно-золотой повязкой на рукаве, желая показать народу, что он является сторонником единой Германии. В выпущенном им в тот же день воззвании «К моему народу и немецкой нации» он торжественно обещал взять дело воссоединения Германии в свои руки. — *483.*

[295] *Готская партия* была образована в июне 1849 г. представителями контрреволюционной крупной буржуазии, правыми либералами, ушедшими из Франкфуртского парламента после отказа прусского короля Фридриха-Вильгельма IV принять из рук Национального собрания императорскую корону и решения левого большинства Собрания о создании имперского регентства. Эта партия, боясь победы революции, ставила своей целью объединение всей Германии за исключением Австрии под главенством гогенцоллернской Пруссии. Лидерами этой партии были Дальман, Симсон, Бассерман, Г. Гагерн, К. Брюггеман и другие. — *483.*

[296] *Медиатизация* — подчинение ранее непосредственно зависимых от имперской власти германских князей более крупным германским го-сударям; в данном случае имеется в виду попытка Пруссии подчинить германских государей своей гегемонии. — *484.*

[297] Великое герцогство Гессен-Дармштадт и курфюршество Гессен-Кассель (Кургессен), давшее в 1849 г. согласие войти в объединение германских государств под гегемонией Пруссии (Прусская уния), в 1850 г.

под давлением Австрии и России вышли из унии и перешли на сторону Австрии. — *484.*

[298] В Кургессене в сентябре 1850 г. разразился конституционный конфликт между курфюрстом и его реакционным министром Хассенпфлугом, с одной стороны, и палатой представителей —с другой. Хассенпфлуг распустил палату и ввел в стране военное положение, что в свою очередь вызвало протесты со стороны всего населения. Будучи не в силах подавить движение, курфюрст и Хассенпфлуг обратились за помощью к восстановленному Союзному сейму и Австрии, несмотря на то, что Кургессен входил в объединение германских государств, возглавляемое Пруссией. В этой связи между Австрией и Пруссией разгорелся конфликт, который привел к военным действиям между двумя государствами. — *486.*

[299] Манифест Центрального комитета европейской демократии «К народам! Организация демократии» был первоначально опубликован в печатном органе этого объединения «Proscrit» («Изгнанник») в августе 1850 года. — *488.*

[300] Лепорелло — персонаж из оперы Моцарта «Дон-Жуан», слуга Дон-Жуана. — *489.*

[301] Здесь намек на полемику, развернувшуюся в конце 30-х годов между реакционным и клерикальным историком, публицистом Г. Лео и буржуазным радикалом, младогегельянцем А. Руге. Являясь ярым противником гегелевской философии, Лео в своей брошюре «Die Hegelingen» («Гегелинги», вышла в Галле в 1838 г.) обвинял А. Руге и всех младогегельянцев в атеизме и, в частности, в том, что они не умеют видеть различие между божеством и человечеством. — *490.*

[302] Это выражение содержится в корреспонденции А. Руге, напечатанной в газете «Bremer Tages-Chronik» («Бременская ежедневная хроника») от 17 января 1851 года. Эта газета, издававшаяся мелкобуржуазным демократом Дюлоном в 1849—1850 гг. под названием «Tages-Chronik», была в январе 1851 г. переименована в «Bremer Tages-Chronik». — *491.*

[303] О причинах выхода Маркса и Энгельса из лондонского Просветительного общества немецких рабочих см. примечания 106 и 256. — *492.*

[304] Аналогичная характеристика Руге содержится в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, том 8). — *492.*

[305] *«Банкет равных»* — международный митинг, состоявшийся в Лондоне 24 февраля 1851 г. по случаю годовщины февральской революции. Банкет был организован частью французской мелкобуржуазной эмиграции под руководством Луи Блана и главарей бланкистского эмигрантского общества — Бартелеми, Адана и др., совместно с фракцией Виллиха и Шаппера. С целью получения информации Маркс и Энгельс направили на банкет своих сторонников — К. Шрамма и В. Пипера, которые были изгнаны из зала и избиты сторонниками Виллиха и Шаппера. Тост, который О. Бланки, находившийся в заключении,

заблаговременно прислал в Лондон и в котором он разоблачал Луи Блана и других членов временного правительства, был намеренно скрыт от участников банкета его организаторами. —*493.*

[306] Текст тоста О. Бланки, скрытый организаторами «банкета равных» от его участников, был опубликован в ряде французских газет. Маркс и Энгельс перевели этот тост на немецкий и английский языки, снабдив его кратким предисловием; немецкий перевод был напечатан в количестве 30000 экземпляров и распространялся в Германии и Англии (см. настоящий том, стр. 569—570). — *494.*

[307] Над этой рукописью Энгельс работал в апреле 1851 г., не предназначая ее для печати; она является тем «подробным изложением с военной точки зрения» перспектив войны Священного Союза против революционной Франции, которое Энгельс обещал прислать Марксу в своем письме к нему от 3 апреля 1851 года. Рукопись была впервые опубликована уже после смерти Энгельса, в 1914 г., в теоретическом органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое время»). При этом она была неправильно датирована и снабжена заголовком — «Возможности и предпосылки войны Священного Союза против Франции в 1852 году»,—не полностью соответствующим ее содержанию. Под этим же заголовком она вошла в VIII том первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса; в настоящем издании редакционный заголовок приведен в соответствие с содержанием рукописи. — *495.*

[308] В сражении при Жемапе (Бельгия) 6 ноября 1792 г. французская армия под командованием Дюмурье одержала крупную победу над австрийскими войсками. — *496.*

[309] В сражении при Неервиндене (Бельгия) с войсками австрийского фельдмаршала герцога Кобургского 18 марта 1793 г. французская армия под командованием Дюмурье потерпела поражение. — *496.*

[310] В сражении при Флёрюсе (Бельгия) 26 июня 1794 г. французские войска разбили войска герцога Кобургского. Эта победа дала возможность французской революционной армии вступить в пределы Бельгии и занять ее. — *499.*

[311] Речь идет о министерстве жирондистов, сформированном после народного восстания 10 августа 1792 года. — *499.*

[312] В сражении при Туркуэне (Франция) 18 мая 1794 г. французские войска под командованием генерала Моро нанесли поражение войскам герцога Кобургского. — *500.*

[313] *9 термидора* (27—28 июля 1794 г.) — контрреволюционный государственный переворот, приведший к падению правительства якобинцев и к установлению господства крупной буржуазии. В подготовке этого переворота деятельное участие принимал Карно.

18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) — государственный переворот, совершенный буржуазным правительством, Директорией, при поддержке Наполеона Бонапарта с целью предупреждения монархистского государственного переворота. Карно, скомпрометированный своей близостью к роялистским заговорщикам, бежал из Франции.

18 брюмера (9 ноября 1799 г.) — государственный переворот Наполеона Бонапарта, в результате которого была установлена его военная диктатура. Карно одобрил государственный переворот, хотя подчас и проявлял робкую оппозицию по отношению к Наполеону. — *501.*

[314] Сражения у Абенсберга и Экмюля — этапы пятидневного сражения в районе Регенсбурга (Бавария) в апреле 1809 г. между армией Наполеона и австрийскими войсками во время австро-французской войны 1809 года. Регенсбургское сражение окончилось поражением и отходом австрийской армии. — *504.*

[315] Из песни времен освободительной войны немецкого народа 1813—1815 годов. — *504.*

[316] Согласно прусским законам, молодые люди с соответствующим образованием, располагающие достаточными средствами для приобретения себе обмундирования, оружия и для обеспечения себе пропитания, могли быть зачислены вольноопределяющимися на военную службу сроком на один год. По истечении этого срока они могли претендовать на должность офицеров резерва или ландвера. — *511.*

[317] Статья «Конституция Французской республики», помещенная в органе революционного крыла чартистской партии «Notes to the People» № 7 за 1851 г., должна была открыть серию статей, посвященных конституциям европейских государств. В качестве авторов редактор журнала Э. Джонс намеревался привлечь видных деятелей европейского рабочего и демократического движения. Принадлежность данной статьи Марксу подтверждается письмами Джонса к Марксу от 23, 25 и 30 мая 1851 г., а также сопоставлением данной статьи с работой «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Из задуманной серии в «Notes to the People» появилась еще только одна статья, «Прусская конституция», не принадлежащая перу Маркса. — *525.*

[318] Маркс имеет в виду интервенцию, предпринятую французским правительством против Римской республики в 1849 году. Подробнее см. настоящий том, стр. 54—57. — *525.*

[319] По закону о печати, принятому во Франции еще в 1819 г., размеры залога при регистрации печатного органа колебались в зависимости от его периодичности и места издания: наиболее высокие ставки были установлены для изданий, выходивших чаще чем три раза в неделю и печатавшихся в Париже, а также в прилегающих трех департаментах. Закон 23 июля 1850 г. распространил эти высокие ставки и на издания, выходившие в Лионе и во всем лежащем вокруг этого города департаменте Роны. — *527.*

[320] Под *деталями* английские чартисты подразумевали в своей агитации пункты 2—6 Народной хартии, включавшие следующие требования: ежегодные выборы в парламент, вознаграждение депутатов, тайная подача голосов, равные избирательные округа и отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента. Эти требования революционные чартисты считали необходимой гарантией осуществления всеобщего избирательного права, сформулированного в нервом пункте Хартии. — *535.*

[321] См. примечание 257. — *551.*

[322] *Зондербундом* (Особым Союзом) Маркс и Энгельс называли сектантски авантюристскую фракцию Виллиха и Шаппера, отколовшуюся от союза коммунистов после 15 сентября 1850 г. и обособившуюся в самостоятельную организацию со своим собственным Центральным комитетом. Своей деятельностью Зондербунд способствовал раскрытию прусской полицией нелегальных общин Союза коммунистов Германии и дал ей повод сфабриковать судебный процесс против видных деятелей Союза коммунистов в Кёльне в 1852 году.— *564.*

[323] Устав коммунистического союза был составлен по указанию Маркса и Энгельса Центральным комитетом Союза в Кёльне после раскола Союза коммунистов в сентябре 1850 года. 10 декабря 1850 г. этот устав наряду с другими документами Центрального комитета, был прислан лондонскому округу Союза и утвержден на его заседании 5 января 1851 г. при участии Маркса.

Текст устава (без пометок Маркса), захваченный прусской полицией вместе с другими документами при аресте членов Союза коммунистов, был напечатан в книге «Die Kommunisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts», составленной Вермутом и Штибером. — *565.*

[324] См. примечания 305 и 306. — *569.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф.ЭНГЕЛЬСА

(август 1849—июль 1851)

1849

Около 26 августа	Маркс, высланный из Парижа, приезжает в Лондон, где остается жить до конца своих дней.
Конец августа — начало сентября	Маркс и некоторые члены бывшего лондонского Центрального комитета воссоздают Центральный комитет Союза коммунистов.
Конец августа — сентябрь	Энгельс в Лозанне (Швейцария) работает над очерками «Германская кампания за имперскую конституцию»; в Женеве Энгельс встречается с В. Либкнехтом, который вскоре вступает в Союз коммунистов.
Начало сентября	Маркс вступает в лондонское Просветительное общество немецких рабочих, руководимое местными общинами Союза коммунистов.
Сентябрь — декабрь	Маркс усиленно занимается подготовкой печатного органа, который был бы продолжением «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»). В поисках денег, издателя и сотрудников он обращается за содействием к друзьям и знакомым и пишет по этому поводу в Кёльн, Дюссельдорф, Франкфурт, Гамбург, Париж и другие города.
15 сентября	Энгельс в Берне встречается с В. Вольфом.
Около 17 Сентября	Жена Маркса с детьми приезжает из Парижа в Лондон; семья Маркса временно поселяется в меблированных комнатах на Лестер-сквере, откуда вскоре переезжает на окраину Лондона, в квартиру на Андерсон-стрит 4, Челси.
18 сентября	Общее собрание лондонского Просветительного общества немецких рабочих совместно с немецкими

политическими эмигрантами избирает Маркса в Комитет помощи немецким эмигрантам в Лондоне.

20 сентября — Маркс, в числе других членов Комитета, подписывает первое воззвание о сборе денег для оказания помощи немецким эмигрантам в Лондоне; воззвание печатается в ряде немецких газет.

Начало Октября — Энгельс по совету Маркса покидает Швейцарию и направляется в Англию для совместной работы с Марксом. В связи с отказом французского правительства предоставить ему право проезда через Францию, он решает ехать через Италию.

5 октября — Энгельс прибывает в Геную, откуда 6 октября отплывает в Англию.

В письме к лидеру левых чартистов Дж. Гарни Энгельс сообщает, что к середине ноября прибудет в Лондон, и просит известить об этом Маркса.

Около середины октября — Маркс встречается с членом Союза коммунистов А. Виллихом, приехавшим из Швейцарии с рекомендацией от Энгельса; по предложению Маркса Виллих вводится в состав Центрального комитета Союза коммунистов.

Ноябрь 1849— сентябрь 1850 — Маркс выступает в Просветительном обществе немецких рабочих с лекциями, в которых излагает основы политической экономии и важнейшие положения «Манифеста Коммунистической партии». Одновременно он читает ряд обстоятельных лекций по этим же вопросам у себя на квартире для активных деятелей Союза коммунистов. Некоторые из этих лекций Маркс предполагает опубликовать в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»; это намерение Маркса не было осуществлено.

Около 10 ноября — После пятинедельного плавания Энгельс прибывает в Лондон. Энгельс входит в состав Центрального комитета Союза коммунистов; он включается в подготовительную работу по изданию нового печатного органа. Вскоре после приезда в Лондон Энгельс вступает в члены Просветительного общества немецких рабочих.

18 ноября — Ввиду попытки мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в Лондоне (Струве, Гейнцен и др.) подчинить своему влиянию пролетарские элементы лондонской эмиграции путем создания собственной организации помощи эмигрантам, Маркс и другие руководители Союза коммунистов добиваются на общем собрании Просветительного общества немецких рабочих реорганизации Комитета помощи немецким эмигрантам в Социал-демократический комитет помощи немецким эмигрантам (Социал-демократический эмигрантский комитет).

Собрание утверждает новый состав Комитета, в который входят Маркс и Энгельс.

28 ноября Энгельс пишет в чартистскую газету «The Northern Star» («Северная звезда») заметку «Немецкие социал-демократы и «Times»», направленную против демагогических выступлений К. Гейнцена, компрометирующих немецкую революционную партию. Заметка появляется в газете 1 декабря.

2 декабря Маркс и Энгельс подписывают составленный при их участии официальный отчет Социал-демократического комитета помощи немецким эмигрантам.

15 декабря Маркс и Энгельс пишут «Извещение» о предстоящем выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новой Рейнской газеты. Политико-экономического обозрения»). «Извещение» печатается в немецких и швейцарских газетах в конце декабря 1849 — начале 1850 года.

Около 25 декабря Маркс и Энгельс принимают участие в рождественском празднике Просветительного общества немецких рабочих.

31 декабря Маркс, Энгельс и другие члены Центрального комитета Союза коммунистов принимают участие в новогоднем вечере, организованном обществом «Братские демократы», на котором присутствуют также представители революционной эмиграции ряда стран, в том числе представители французских эмигрантов-бланкистов.

1850

Январь — февраль Центральный комитет Союза коммунистов, возглавляемый Марксом и Энгельсом, приступает к реорганизации Союза коммунистов.

1 января Маркс и Энгельс принимают участие в составлении «Призыва к подписке на акции «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»».

Отстаивая самостоятельную организацию рабочей партии, Маркс и Энгельс отказываются принять участие в объединительном собрании, назначенном на 3 января вождями лондонской мелкобуржуазной демократической эмиграции — Г. Струве, Р. Шраммом, Л. Бамбергером и др. Свой отказ Маркс и Энгельс мотивируют тем, что список приглашенных составлен произвольно и в него не включен ни один из тех рабочих, которые в течение ряда лет стояли во главе революционной немецкой эмиграции в Лондоне.

2 января — Маркс получает от Р. Шрамма вторичное приглашение на собрание 3 января и оставляет его без ответа.

Начало января — Маркс пишет в Кёльн члену Союза коммунистов Рёзеру, предлагая ему создать общину Союза в Кёльне и, по возможности, в других городах Рейнской провинции; он указывает, что фактическое уничтожение свободы слова и печати делает необходимым восстановление нелегального Союза, так как в ближайшее время коммунистическая пропаганда может вестись только тайно.

Начало января — начало февраля — Маркс усиленно работает над подготовкой первого номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» и пишет под заглавием «Июньское поражение 1848 г.» первую статью из серии «С 1848 по 1849». Эта серия статей была переиздана Энгельсом в 1895 г. под заглавием «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

10 января — По предложению Маркса Центральный комитет Союза коммунистов принимает решение отправить К. Шрамма в США в качестве эмиссара Союза, снабдив его также мандатами от чартистов и французских эмигрантов-бланкистов в Лондоне, для пропаганды журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», для сбора средств на его издание, а также на другие пропагандистские цели Союза. Маркс обращается к своим партийным друзьям в Германии с просьбой материально обеспечить поездку К. Шрамма. Поездка К. Шрамма не состоялась из-за отсутствия необходимых средств.

Конец января — В связи с болезнью Маркса и трудностями, возникшими у него при подготовке материалов для журнала, задерживается сдача в набор первого номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».

31 января — Маркс и Энгельс пишут для журнала основную часть «Первого международного обзора».

Начало февраля — На запрос Рёзера, по каким материалам кёльнской общине Союза коммунистов вести пропаганду, Маркс отвечает, что следует вести пропаганду на основе «Манифеста Коммунистической партии», так как Устав Союза 1847 г. уже устарел, а Устав, выработанный лондонским Центральным комитетом в 1848 г., также не находит здесь одобрения; новый устав будет разработан на предстоящем конгрессе Союза коммунистов.

Около 2 февраля — Маркс и Энгельс отправляют в Гамбург издателю для набора материалы первого номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»; печатание номера идет медленно из-за трудностей набора и вслед-

ствие задержки со стороны самого издателя Шуберта, опасавшегося преследований.

Середина февраля Энгельс пишет статью «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» для чартистского журнала «The Democratic Review» («Демократическое обозрение»); статья появляется в свет 2 марта.

25 февраля Энгельс выступает с речью на банкете, организованном французскими эмигрантами-бланкистами в Лондоне в честь годовщины французской республики 1848 года. Свою речь Энгельс закончил тостом в честь инсургентов июньского восстания 1848 г. в Париже.

Конец февраля Маркс и Энгельс пишут дополнение к «Первому международному обзору».

Энгельс заканчивает работу над последними главами «Германской кампании за имперскую конституцию».

Март Энгельс пишет статью «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» для «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».

4 марта Составленный при участии Маркса и Энгельса второй отчет Социал-демократического эмигрантского комитета в Лондоне утверждается на собрании Просветительного общества немецких рабочих. Отчет, в котором содержится призыв «к партии в самой Германии» усилить сбор денежных средств для помощи революционной эмиграции, публикуется в «Westdeutsche Zeitung» («Западногерманской газете») 21 марта, а также в других газетах.

6 марта В Гамбурге вышел первый номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». В номер вошли: статья К. Маркса «Июньское поражение 1848 г.» и первые две главы работы Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию».

Около 7 марта Маркс заканчивает вторую статью из серии «С 1848 по 1849», озаглавленную «13 июня 1849 г.».

Около 7— конец марта Маркс пишет третью статью из серии «С 1848 по 1849» под названием «Последствия 13 июня 1849 г.». В этой статье Маркс формулирует идею о необходимости союза пролетариата с крестьянством и показывает, что сущностью революционного коммунизма является: провозглашение непрерывной революции и признание классовой диктатуры пролетариата, как необходимой переходной ступени к уничтожению классовых различий.

Середина марта— 18 апреля Маркс и Энгельс пишут «Второй международный обзор», посвященный в основном экономическому положению Англии.

Конец марта

В Гамбурге вышел второй номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», в котором напечатаны: вторая статья К. Маркса из серии «С 1848 по 1849», озаглавленная «13 июня 1849 г.», и третья глава работы Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», а также написанные К. Марксом и Ф. Энгельсом совместно ряд рецензий и «Первый международный обзор».

Маркс и Энгельс пишут первое «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», в котором подводят итоги германской революции 1848—1849 гг., подвергают резкой критике немецких мелкобуржуазных демократов, призывают к укреплению Союза, к созданию самостоятельной пролетарской партии и намечают тактику борьбы пролетариата в предстоящей революции. В «Обращении» содержатся основный положения учения Маркса и Энгельса о непрерывной революции.

Конец марта — начало апреля

Чтобы осуществить реорганизацию Союза коммунистов на местах, руководимый Марксом и Энгельсом Центральный комитет Союза направляет Г. Бауэра в Германию в качестве эмиссара и посылает с ним текст «Обращения».

Апрель

Маркс и Энгельс вместе с Виллихом поддерживают, в качестве делегатов Центрального комитета Союза. коммунистов, постоянный контакт с французскими эмигрантами-бланкистами и с революционными чартистами; они принимают участие в создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров», объединившего представителей этих трех организаций.

Маркс пишет статью «Луи-Наполеон и Фульд». Вследствие неуплаты за квартиру накладывается арест на домашние вещи Маркса; вся семья вынуждена временно переселиться в гостиницу, откуда вскоре переезжает на квартиру в доме № 64, Дин-стрит.

5 апреля

Маркс и Энгельс принимают участие в международном митинге, организованном обществом «Братские демократы» по поводу годовщины со дня рождения Робеспьера; в своей речи Энгельс призывает отдать должное революционным традициям англичан, подчеркивает, что еще во времена английской революции возникла такая партия, как левеллеры, и заканчивает тостом в честь английских рабочих. Выступая, так же как и Энгельс, от имени немецких коммунистов, К. Шрамм отстаивает в своей речи идею Маркса о необходимости диктатуры рабочих для полного уничтожения классов и общественных условий, порождающих их; он заканчивает свою речь тостом в честь Огюста Бланки как передового представителя французского пролетариата.

9 апреля — май

Маркс и Энгельс пишут ряд писем к И. Вейдемейеру и Т. Шустеру с просьбой организовать в Германии сбор средств в пользу немецких эмигрантов.

Около середины апреля	Возглавляемый Марксом и Энгельсом Центральный комитет Союза коммунистов направляет в качестве своего эмиссара в Швейцарию Дронке, поручив ему совместно с находившимся *и* Цюрихе В. Вольфом восстановить и укрепить общины Союза коммунистов и вести борьбу против интриг тайной организации «Революционная централизация», руководимой мелкобуржуазными демократами. Дронке поручается также посетить Баден и установить связь с местными общинами Союза коммунистов.
Середина апреля	Маркс и Энгельс пишут статью «Готфрид Кинкель», в которой разоблачают перед пролетарской партией малодушное поведение на суде этого типичного представителя немецкой мелкобуржуазной демократии.
Около 17 апреля	В Гамбурге вышел третий номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», в котором напечатана третья статья К. Маркса из серии «С 1848 по 1849», озаглавленная «Последствия 13 июня 1849 г.», и заключительная глава работы Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию».
20 апреля	Маркс и Энгельс пишут от имени Социал-демократического эмигрантского комитета заявление, в котором опровергают клевету, распространяемую главарями мелкобуржуазной эмиграции. Заявление публикуется в «Neue Deutsche Zeitung» («Новой немецкой газете») 28 апреля и в других газетах.
23 апреля	Маркс и Энгельс, в числе других членов Комитета, подписывают официальный отчет Социал-демократического эмигрантского комитета, в котором разоблачаются направленные против пролетарской партии интриги мелкобуржуазных демократов Струве, Бобцина, Бауэра (из Штольпе) и др. Отчет заканчивается призывом к немецкой социал-демократической партии не оставлять эмигрантов в тяжелом материальном положении. Отчет публикуется в «Norddeutsche Freie Presse» («Северогерманской свободной прессе») 10 мая и в других газетах.
Приблизительно май	Маркс и Энгельс по поручению Центрального комитета Союза коммунистов устанавливают связь с левым крылом венгерской эмиграции.
Около 1 мая	Энгельс пишет В. Вольфу письмо, в котором передает ему поручение Центрального комитета Союза коммунистов следить за деятельностью «Революционной централизации» и систематически информировать о ней Центральный комитет.
6 мая	Маркс и Энгельс предостерегают Пардигона, одного из руководителей французского бланкистского эмигрантского общества в Лондоне, против сближения

с находившимся под руководством Струве мелкобуржуазным обществом эмигрантов и предупреждают, что в противном случае Союз коммунистов прекратит с бланкистским обществом дружеские отношения.

Около середины мая

Маркс во время загородной прогулки, организованной Просветительным обществом немецких рабочих, знакомится с приехавшим в Лондон после высылки из Швейцарии В. Либкнехтом.

Около 19 мая

Выходит четвертый номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». В журнале помещены написанные совместно К. Марксом и Ф. Энгельсом рецензии, «Второй международный обзор» и статья «Готфрид Кинкель», а также статьи Маркса «Луи-Наполеон и Фульд» и Энгельса «Английский билль о десятичасовом рабочем дне».

Начало июня

Маркс и Энгельс пишут второе «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», в котором содержится подробная информация о состоянии организации в Бельгии, Германии, Швейцарии, Франции и Англии, а также даются тактические и организационные указания низовым звеньям Союза.

14 июня

Маркс и Энгельс, в числе других членов Социал-демократического эмигрантского комитета, подписывают заявление, в котором опровергаются клеветнические обвинения, выдвинутые против Комитета главарями мелкобуржуазной эмиграции. Заявление публикуется и «Westdeutsche Zeitung» 25 июня, а также в других газетах.

Середина июня

Маркс и Энгельс направляют в английские газеты — «Sun» («Солнце»), «Spectator» («Зритель»), «Globe» («Земной шар»), «Northern Star» открытые письма, в которых протестуют против организованной по настоянию прусского правительства полицейской слежки за политическими эмигрантами в Лондоне и против попыток реакционных английских кругов добиться возобновления в Англии действия закона об иностранцах.

25 июня

Маркс пишет заявление редактору франкфуртской «Neue Deutsche Zeitung» О. Люнингу по поводу его рецензии на «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonoinische Revue», в которой неправильно истолковано положение Маркса о диктатуре рабочего класса.

Энгельс по поводу той же рецензии О. Люнинга пишет заявление в «Neue Deutsche Zeitung», в котором защищает свою оценку «Neue Rheinische Zeitung» как единственного органа, последовательно отстаивавшего революционную позицию пролетариата в германской революции 1848—1849 годов.

Заявления К. Маркса и Ф. Энгельса публикуются в «Neue Deutsche Zeitung» 4 июля.

Приблизительно Маркс приступает к основательному изучению эконо-*июль* мической истории последних десяти лет, пользуясь : специальной литературой по истории цен, банковской системы и экономических кризисов в Англии и на европейском континенте, а также комплектами лондонского журнала «Economist» («Экономист»).

Июль Руководимый Марксом и Энгельсом Социал-демократический эмигрантский комитет организует для эмигрантов общежитие, столовую и производственную мастерскую для нуждающихся в работе.

После 3 июля Маркс и Энгельс получают от Дронке для Центрального комитета Союза коммунистов подробный отчет о его деятельности по укреплению Союза в Швейцарии и об его переговорах с руководителями «Революционной централизации». Отстаивая самостоятельность : пролетарской партии, Маркс предлагает Центральному комитету отклонить сделанное «Революционной централизацией» предложение об объединении.

30 июля Маркс и Энгельс, в числе других членов Социал-демократического эмигрантского комитета в Лондоне, подписывают отчет о деятельности Комитета за май, июнь и июль 1850 года. Отчет публикуется в «Norddeutsche Freie Presse» 7 августа.

Конец июля В Центральном комитете Союза коммунистов обнаруживаются крупные разногласия между Марксом, Энгельсом и большинством членов Центрального комитета — с одной стороны, и Виллихом — с другой, в связи с требованием последнего пойти на организационное сближение с мелкобуржуазными эмигрантскими организациями в Лондоне.

Маркс и Энгельс приходят к выводу, что экономический кризис 1847 г. себя исчерпал, что при начавшемся всеобщем процветании и бурном развитии производительных сил буржуазного общества о действительной революции не может быть и речи. Эта новая оценка положения, нашедшая свое освещение в «Третьем международном обзоре», определяет новую тактическую линию Маркса и Энгельса, заключающуюся в постепенной кропотливой подготовке пролетарской партии к будущим революционным боям; Маркс и Энгельс начинают отстаивать эту тактику в Центральном комитете Союза коммунистов.

Около 27—28 На заседании Социал-демократического эмигрант-*августа* ского комитета возникает острый конфликт между Виллихом и возглавляемым Марксом большинством Комитета. Виллих заявляет о своем выходе из Комитета.

На собрании Просветительного общества немецких рабочих, состоявшемся на следующий день, Маркс и

Энгельс выступают с резкой критикой Виллиха, заявившего на собрании о своем выходе из Социал-демократического эмигрантского комитета.

Конец лета — Энгельс заканчивает работу «Крестьянская война в Германии», в которой стремится в обстановке начавшейся реакции оживить в сознании немецкого народа революционные традиции.

10 сентября — Энгельс присутствует на митинге «Братских демократов», созванном для выражения солидарности с рабочими пивоваренного завода Барклей, Перкинс и К°, которые избили австрийского фельдмаршала Гайнау, палача венгерского народа. Энгельс в своей речи благодарит английских рабочих за то, что они должным образом проучили его соотечественника — Гайнау.

10—15 сентября — Маркс и Энгельс, вместе с Г. Бауэром и Пфендером, заявляют о своем выходе из Социал-демократического эмигрантского комитета. Комиссия, выделенная Просветительным обществом немецких рабочих для проверки деятельности Комитета, находит денежную документацию в полном порядке.

15 сентября — На заседании Центрального комитета Союза коммунистов Маркс подвергает резкой критике Виллиха и Шаппера за неправильную оценку политической обстановки и связанную с этим авантюристскую тактику: он указывает, что они подменяют материалистический анализ действительных отношений «революционной» фразой. На заседании происходит раскол. Большинство Комитета поддерживает линию Маркса и Энгельса. Вопреки Виллиху и Шапперу принимается решение перенести местопребывание Центрального комитета в Кёльн; кёльнскому округу поручается сформировать новый Центральный комитет.

Около 17 сентября — Маркс получает от кёльнских коммунистов письмо от 14 сентября, в котором его просят переиздать «Манифест Коммунистической партии», переработав его с учетом происшедших событий, и закончить книгу по политической экономии, издание которой будет иметь большое значение для пропаганды.

17 сентября — Маркс и Энгельс вместе со своими сторонниками выходят из Просветительного общества немецких рабочих, так как большинство его членов встало на сторону Виллиха и Шаппера.

18 сентября — Маркс и Энгельс подписывают вместе с Г. Бауэром и К. Пфендером последний отчет Социал-демократического эмигрантского комитета (с 1 августа по 10 сентября 1850 г.). Отчет публикуется в «Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкой лондонской газете») 27 сентября.

24 сентября Маркс посылает через эмиссара Центрального комитета Хаупта письмо в Кёльн Рёзеру о происшедшем в Союзе коммунистов расколе.

Около 28 сентября Маркс получаст от Рёзера письмо от 25 сентября, в котором сообщается о предварительном согласии кёльнского окружного комитета Союза коммунистов взять на себя обязанности Центрального комитета в связи с расколом в Лондоне и содержится просьба прислать все необходимые документы и адреса.

Конец сентября— начало октября Маркс и Энгельс в письмах к своим партийным друзьям — В. Вольфу, И. Вейдемейеру, Э. Дронке и др. — сообщают о происшедшем в Союзе коммунистов расколе.

Маркс возобновляет работу над задуманной им еще весной 1844 г. критикой буржуазной политической экономии; он систематически посещает библиотеку Британского музея, где изучает экономическую литературу: произведения Дж. Ст. Милля, Дж. Фуллартона, Р. Торенса, Т. Тука и других экономистов.

Октябрь Энгельс работает над статьей, предназначенной для «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»; статья направлена против анархистских выступлений части бывших младогегельянцев, группировавшихся вокруг газеты «Abend-Post» («Вечерняя почта»). Рукопись остается незавершенной.

9 октября В ответ на предложение французских эмигрантов-бланкистов — Адана, Видиля и Бартелеми, — ставших на сторону Виллиха и Шаппера, встретиться для обсуждения вопроса о дальнейшем существовании «Всемирного общества коммунистов-революционеров» Маркс и Энгельс заявляют о своем отказе, ссылаясь на то, что это общество фактически прекратило свое существование.

Приблизительно Октябрь Маркс помогает Эккариусу в написании и редактитровании статьи для «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomsche Revue» под названием «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала» и пишет к ней редакционное примечание.

1 ноября Маркс к Энгельс заканчивают «Третий международный обзор. С мая по октябрь», в котором дают анализ экономического развития и политических событий за этот период в Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки и Германии, отмечают изменения в перспективах революционного движения и подвергают критике авантюристские планы лидеров европейской мелкобуржуазной демократии.

9 ноября В чартистском органе «Red Republican» («Красный республиканец») начинает печататься первый англий-

ский перевод «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

11 ноября — Возглавляемый Марксом и Энгельсом лондонский округ Союза коммунистов предлагает Центральному комитету Союза в Кёльне исключить из Союза руководящих деятелей созданной в Лондоне раскольнической организации, в частности Виллиха, Шаппера, Шертнера, Дица, Лемана, Геберта и Френкеля, и известить об этом весь Союз.

Середина ноября — Энгельс переезжает в Манчестер и снова приступает к работе в фирме «Эрмен и Энгельс», что было вызвано главным образом желанием оказать материальную поддержку Марксу и предоставить ему возможность продолжить разработку экономической теории. С этого времени между Марксом и Энгельсом устанавливается почти ежедневная переписка.

29 ноября — В Гамбурге выходит последний, сдвоенный (5—6) номер «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», в котором напечатаны «Третий международный обзор. С мая по октябрь», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом, работа Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» и перепечатана третья глава «Манифеста Коммунистической партии».

Конец ноября — Энгельс в Манчестере приступает к систематическому изучению военного дела.

Конец ноября 1850 — февраль 1851 — Маркс ведет переговоры с членами Союза коммунистов в Кёльне и в Гамбурге, а также с издателями о продолжении издания «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» в виде трехмесячника.

Декабрь — Маркс ведет переписку с Г. Беккером в Кёльне по поводу издания собрания своих сочинений.
Семья Маркса переезжает на Дин-стрит 28, Сохо.

После 3 декабря — Маркс получает от члена Союза коммунистов Хаупта отчет о положении дел Союза в Гамбурге.

18 декабря — Маркс получает от Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне обращение этого Комитета к Союзу от 1 декабря 1850 г. и проект нового устава Союза.

30 декабря — Маркс с женой и Энгельс, ненадолго приехавший в Лондон, принимают участке в новогоднем вечере, устроенном обществом «Братские демократы». В своем выступлении Энгельс подробно останавливается на причинах поражения революции на континенте.

Конец декабря — Энгельс приступает к изучению русского языка.

1851

Январь — декабрь

Маркс продолжает усиленно заниматься политической экономией; систематически посещает библиотеку Британского музея; ведет переговоры с издателями об опубликовании своей работы, посвященной критике буржуазной политической экономии и разработке экономической теории пролетариата.

5 января

Маркс принимает участие в заседании лондонского округа Союза коммунистов, на котором утверждается новый устав, предложенный кёльнским Центральным комитетом Союза.

Энгельс присутствует на собрании манчестерских чартистов, на котором Э. Джонс, специально приехавший из Лондона, отстаивает платформу левых чартистов.

Около 8 января

Энгельс сообщает Марксу о своем намерении вести пропаганду идей «Манифеста Коммунистической партии» среди наиболее революционно настроенных чартистов в Манчестере.

27 января

Маркс и Энгельс пишут заявление по поводу появившейся 17 января в «Bremer Tages-Chronik» («Бременской ежедневной хронике») статьи А. Руге, содержащей злобные выпады против «Neue Rheinische Zeitung» и в частности против Маркса и Энгельса. Это заявление, посланное в редакцию бременской «Weser-Zeitung» («Везерской газеты»), осталось ненапечатанным.

Конец января — начало февраля

Энгельс пишет для чартистского органа «Friend of the People» («Друг народа»), редактируемого Гарни, серию статей, направленных против ряда буржуазных и мелкобуржуазных демократов — Мадзини, Ледрю-Роллена, Руге и др., возглавлявших Центральный комитет европейской демократии.

12 февраля

Энгельс сообщает Марксу о своем участии в основании повой местной организации левых чартистов в Манчестере.

Середина

Маркс и Энгельс выражают неодобрение по поводу *февраля* участия Гарни в международном митинге, организованном 11 февраля вождями мелкобуржуазной эмиграции (Луи Блан и др.) совместно с Виллихом и Шаппером и французскими эмигрантами-бланкистами, которые вели клеветническую кампанию против Маркса, Энгельса и их сторонников. В связи с этим Энгельс берет обратно статьи, написанные им для журнала Гарни «Friend of the People».

21 февраля

Маркс рекомендует революционному чартисту Э. Джонсу воздержаться от участия в международном митинге, «банкете равных», организованном Луи Бланом и французскими эмигрантами-бланкистами, совместно с фрак-

цией Виллиха и Шаппера, по случаю годовщины февральской революции 1848 года.

24 февраля Маркс направляет К. Шрамма и В. Пипера, с целью получения информации, на международный «банкет равных». Сторонники Виллиха и Шаппера изгоняют Шрамма и Пипера из зала и избивают их.

26 февраля Энгельс, в согласии с Марксом, направляет Гарни письмо, в котором резко осуждает его за участие в «банкете равных» и за сближение с Виллихом и Шаппером.

28 февраля Маркс сообщает членам Союза коммунистов в Кёльне подробности о «банкете равных» 24 февраля и просит широко информировать об этом немецких рабочих.

Около 3—4 марта Энгельс приезжает на несколько дней к Марксу, чтобы совместно предпринять некоторые действия по разоблачению мелкобуржуазных демократов Ландольфа, Луи Блана и др., а также Шаппера, Виллиха и их сторонников в связи с их поведением на банкете 24 февраля. Маркс и Энгельс переводят на английский и немецкий язык текст тоста, присланного на «банкет равных» Огюстом Бланки и скрытого организаторами от присутствующих. Немецкий перевод тоста, снабженный предисловием, составленным К. Марксом и Ф. Энгельсом, был напечатан в количестве 30 тысяч экземпляров и распространен в Германии и Англии.

5 марта Энгельс обращается с открытым письмом к редактору газеты «Times», в котором разоблачает организаторов «банкета равных»; он прилагает к письму английский перевод тоста Бланки. Письмо в «Times» опубликовано не было.

Апрель Энгельс работает над рукописью, известной под названием «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.». В этой рукописи Энгельс впервые в военной литературе дает материалистическое объяснение развитию военного искусства.

Апрель—начало мая Маркс ведет переписку с Г. Беккером об издании немецкого перевода своего произведения «Нищета философии». Издание не состоялось.

Апрель — май Маркс изучает литературу по вопросу о применении электричества для повышения плодородия почвы.

Около 2 апреля В письме к Даниэльсу Маркс подвергает критике философские воззрения Фейербаха, от влияния которого, по его мнению, Даниэльс еще не вполне освободился.

Конец апреля В Кёльне выходит первый выпуск «Собрания Сочинений Карла Маркса», изданного Г. Беккером. Выпуск

содержит статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и часть первой статьи «Дебаты шестого рейнского ландтага», написанные в 1842 году. Из-за ареста Г. Беккера издание прекратилось после выхода первого выпуска.

Около 24—28 мая Маркс получает из Германии ряд сообщений об арестах членов Союза коммунистов П. Нотъюнга, Г. Беккера, П. Рёзера и о предъявлении им обвинения в государственной измене и сообщает об этом Энгельсу. Чтобы поддерживать связь с Кёльном, Маркс устанавливает переписку с адвокатом Бермбахом, членом Союза коммунистов.

Конец мая В ответ на просьбу Даниэльса Маркс выражает готовность написать предисловие к его сочинению по антропологии и высказывает следующую мысль: «Коммунисты должны показать, что только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологические истины могут быть осуществлены на практике».

Первая половина июня Чтобы поддержать Э. Джонса в издании журнала «Notes to the People» («Заметки для народа»), Маркс пишет статью «Конституция Французской республики». Статья публикуется в «Notes to the People» 14 июня. Маркс и Энгельс, порвав к этому времени с Гарни, продолжают в дальнейшем сотрудничать в чартистских органах, редактируемых Джонсом, помогая последнему в написании некоторых статей и в общем редактировании этих органов.

31 июля В письме к Энгельсу Маркс высказывает намерение вместе с В. Вольфом составлять корреспонденции для немецко-американской прессы. В ответном письме Энгельс поддерживает этот проект, рассматривая его как возможность «продолжить в литографированном виде «Neue Rheinische Zeiturg»».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Э

Я

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *Е. П. Канделем*
при участии *Н. Д. Сутыриной*
и *Л. Р. Миськевич*

Редактор *И. А. Бах*

*

Сдано в набор 4 /IV 1956 г. Подписано к печати 21 XI 1956 г. Формат 60Х92$^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. *43$^{1}/_{4}$*+4 *вклейки — $^{5}/_{8}$ п. л. Условн. пвч. л. 43,87. Уч.-изд. л. 41,9. Заказ № 990.*

Тираж 200 000 экз. *Цена 10 руб.*

*

Государственное издательство политической литературы.

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

*

Министерство культуры СССР.

Главное управление полиграфической промышленности.

2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.